Александр Кибовский, Олег Леонов

300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ МОРСКОЙ ПЕХОТЕ

300 Years of the Russian Marine Infantry

Том I (1705–1855)

Александр Кибовский, Олег Леонов

300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ МОРСКОЙ ПЕХОТЕ
Том I (1705–1855)

300 Years of the Russian Marine Infantry
Volume I (1705–1855)

Фонд «Русские Витязи»

Москва
2008

Издание книги осуществлено в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» в части издательской деятельности патриотической тематики

Кибовский А.В.
Леонов О.Г.

300 лет российской морской пехоте. Том I (1705–1855)

М., 2008. – 384 с.

300 Years of the Russian Marine Infantry. Volume I (1705–1855)

Moscow, 2008. – 384 pages

27 ноября 2005 г. исполнилось 300 лет морской пехоте России. Этот род войск, основанный Петром Великим, за три века участвовал во всех войнах, которые вела Российская империя и СССР. На абордажах, десантах и полях сражений морские пехотинцы сталкивались с турками и шведами, французами и поляками, англичанами и немцами, китайцами и японцами. Они поднимали свои флаги и знамена над Берлином и Веной, над Парижем и Римом, над Будапештом и Варшавой, над Пекином и Бейрутом. Боевая карта морской пехоты простирается от фьордов Норвегии до африканских джунглей.

В соответствии с Планом основных мероприятий подготовки и проведения трехсотлетия морской пехоты, утвержденным Главнокомандующим ВМФ, на основе архивных документов и редких печатных источников коллектив авторов составил историческое описание развития и боевой службы морской пехоты. В первом томе юбилейного издания хронологически прослеживаются события от зарождения морской пехоты при Петре I и Азовского похода до эпохи Николая I и героической обороны Севастополя включительно. Отдельная глава посвящена частям-преемникам морских полков, история которых доведена до I мировой и Гражданской войн.

Большинство опубликованных в книге данных вводится в научный оборот впервые. Книга содержит более 400 иллюстраций – картины и рисунки лучших художников-баталистов, цветные репродукции, выполненные методом компьютерной графики, старинные фотографии, изображения предметов из музейных и частных коллекций, многие из которых также публикуются впервые. Книга снабжена научно-справочным аппаратом, в том числе именным указателем более чем на 1500 фамилий.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся военной историей, боевыми традициями русской армии и флота, а также всем, кто неравнодушен к ратному прошлому Отечества.

ISBN 978-5-903389-09-4 (т. 1)
ISBN 978-5-903389-08-7

ISBN 5-90338909-0
9 785903 389094

Данная книга не может воспроизводиться полностью или частично без письменного разрешения издателя и авторов.

All rights reserved. This book may not be reproduced in part or in whole without prior written permission of the publisher and the authors.

© Фонд «Русские Витязи», 2007 г.
© Кибовский А.В., Леонов О.Г. (текст и подбор иллюстраций), 2007 г.

СТАРЕЙШАЯ НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ ФИРМА

МОНЕТЫ и МЕДАЛИ

МОНЕТЫ, МЕДАЛИ, ОРДЕНА,
ЗНАКИ, БОНЫ, ЖЕТОНЫ,
УНИФОРМА, ОЦЕНКА, ЭКСПЕРТИЗА

Специализированная литература
Проведение аукционов

Москва, Страстной б-р, 4/3 стр. 3, оф. 45
Тел.: (495) 956 3629, 792 6900, 629 4124, 694 5469
Факс (495) 650 4596.

www.numismat.ru

Боевые друзья!
Уважаемые морские пехотинцы!

В истории нашего Военно-Морского Флота немало знаменательных дат. Но среди них есть такие, которые навсегда останутся в памяти потомков. Три столетия назад основатель морских сил России царь Петр I учредил на Балтике полк морских солдат, положивший начало отечественной морской пехоте. Пройдя боевое крещение в сражениях Северной войны, «солдаты моря» доблестно участвовали затем во всех войнах, которые приходилось вести нашему государству.

За трехвековую историю морские пехотинцы совершили тысячи подвигов в разных морях и странах. Победы при Гангуте и Чесме, штурмы Измаила и Корфу, обороны Севастополя и Порт-Артура золотыми буквами вписаны в ратную летопись нашей страны. В годы Великой Отечественной войны морские дивизии, бригады, полки и батальоны прославились своей стойкостью. Многие части за доблесть стали гвардейскими и получили почетные наименования. Бойцы морской пехоты проявили массовую отвагу, за которую враг прозвал их «черными дьяволами» и «черной смертью». 122 человека заслужили высшую степень воинского отличия – звание Героя Советского Союза.

Сегодня морские пехотинцы совершенствует свою военную подготовку, учатся мастерскому владению оружием и техникой, совместно с другими видами Вооруженных Сил выполняют боевые задачи на юге России. За проявленный героизм 23 морских пехотинца удостоены звания Героя Российской Федерации, более шести тысяч награждены орденами и медалями.

Подготовленный в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» юбилейный альбом показывает, что девиз морских пехотинцев «где мы – там победа» на протяжении столетий остается неизменно точным. Уверен, что и в новом тысячелетии эта традиция будет достойно продолжена молодым поколением «черных беретов».

Желаю всем морским пехотинцам крепкого здоровья, счастья, дальнейших успехов в благородном и святом деле защиты нашей Родины.

Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
адмирал флота
Владимир Васильевич Масорин

Дорогие друзья!

Вы держите в руках книгу, посвященную знаменательному событию – трехвековому юбилею российской морской пехоты. Этот прославленный род войск по праву гордится своими замечательными традициями и особым статусом. Сегодня морские пехотинцы не только надежно охраняют рубежи России, но и способны защитить интересы нашей страны в самых дальних уголках планеты.

«Черные береты» славятся великолепной физической подготовкой, мастерским владением оружием, готовностью выполнить самые ответственные задачи. Их напряженная боевая служба требует концентрации воли и большой выдержки. Поэтому право называть себя морским пехотинцем можно заслужить только тяжелым ежедневным трудом, с честью пройдя все испытания, в совершенстве постигнув военную науку.

За плечами российской морской пехоты более 300 трудных и героических лет, неразрывно связанных с историей Отечества. На суше и на море боевые традиции «корабельных солдат» заложили поколения воинов, поднимавших свои флаги и знамена над Берлином и Веной, над Парижем и Римом, над Будапештом и Варшавой, над Пекином и Бейрутом. Ратная карта морской пехоты простирается от фьордов Норвегии до африканских джунглей, от Кавказских гор до Камчатки.

О многих подвигах офицеров и матросов рассказывается в этом альбоме. С его страниц на нас смотрят люди, раз и навсегда выбравшие профессию «Родину защищать!», создавшие славу российской морской пехоты и Военно-Морского Флота. Убежден, что эта книга будет интересна всем, кому дорога история Отечества, кто гордится делами и свершениями его славных сынов.

Заместитель Министра
культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Андрей Евгеньевич Бусыгин

ЕРМАКОВ Юрий Васильевич, родился 23 сентября 1955 г. на хуторе Волошино Родионово-Несветаевского района Ростовской области. В 1973 г. поступил и в 1977 г. окончил Челябинское высшее танковое командное училище. В 1977–1990 гг. служил в 61-й отдельной Киркенесской Краснознаменной бригаде морской пехоты на Северном флоте. Прошел все должности: командир танкового взвода, командир танковой роты, начальник штаба и командир отдельного танкового батальона, начальник штаба 61-й ОБРМП. С 4 мая 1979 г. по 5 марта 1980 г. находился на боевой службе в Западной Африке – выполнял интернациональные задачи в Гвинее, Бенине, Анголе. В 1989 г. окончил Военную академию бронетанковых войск. С 1990 г. в аппарате Главного штаба ВМФ на должностях старшего офицера, начальника группы, начальника отдела подготовки морской пехоты. В 1997 г. окончил Высшие академические курсы Военной академии Генерального штаба. В 1997–2005 гг. начальник морской пехоты ВМФ. С января по июнь 1995 г. и с сентября 1999 г. по ноябрь 2004 г. неоднократно выполнял боевые задачи с частями морской пехоты по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике. Награжден орденом «За военные заслуги», именным холодным оружием, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени, а также 14 другими медалями. Неоднократно возглавлял официальные военные делегации при посещении штабов, учебных центров и соединений морской пехоты Великобритании, Греции, Германии, Дании. В настоящее время полковник в запасе.

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках издание, представляющее иллюстрированную летопись отечественной Морской пехоты. Это первый том из серии книг о нашем прошлом, о доблести и славе, о победах и горечи утрат. В нее вложен большой труд многих людей, которым дорога судьба Военно-Морского Флота России – его история, современность и будущее. Подготовка этого капитального труда велась несколько лет, и прежде, чем Вы перелистаете его страницы, необходимо рассказать о том, как он создавался.

За свою без малого 30-летнюю службу в Морской пехоте я всегда старался собирать материалы по истории этого прославленного рода войск. Но если о морских бригадах, полках и батальонах Великой Отечественной войны можно было прочитать документы, публикации, воспоминания ветеранов, то о периоде до 1917 года удавалось найти лишь отрывочные сведения. Казалось бы, у всех на слуху штурм Корфу, героические обороны Севастополя и Порт-Артура. Но о морской пехоте как таковой – истории ее частей и соединений, боевой подготовке и символике – доступная информация практически отсутствовала.

Между тем, первый опыт описания истории Морской пехоты появился на страницах журнала «Морской сборник» еще в 1898 году. Через 5 лет, к юбилею создания морских полков, замечательные работы опубликовали офицеры Н.А.Сытинский, К.А.Корвин-Пиотровский, Н.А.Юганов. К сожалению, эти издания давно превратились в раритеты, доступные лишь узкому кругу специалистов. В советское время тема императорской армии и флота по известным причинам оказалась подзабыта. Лишь доблестное участие Морской пехоты в Великой Отечественной войне снова возродило интерес к ее прошлому. В 1950-х гг. над этой темой активно работали И.В.Носов, Х.Х.Камалов, И.П.Сорокин, издавшие в 1957 году «Краткий исторический очерк морской пехоты отечественного флота». Основой для этой книги послужила кандидатская диссертация полковника И.В.Носова, бывшего преподавателя первого училища Морской пехоты ВМФ СССР. Символично, что в это же время в эмиграции бывший офицер Гвардейского экипажа Г.Н.Таубе, сражавшийся в морском батальоне еще на фронтах I мировой войны, подготовил и опубликовал в Нью-Йорке в 1959–1960 гг. свой «Краткий исторический очерк морской пехоты в русском флоте». Так, несмотря на политический раскол, по обе стороны океана морские пехотинцы старой и новой России пытались восстановить связь времен и традиций. Следующие полвека появлялись замечательные работы и интересные исследования по отдельным темам и периодам Е.П.Абрамова, В.И.Жуматия, Х.Х.Камалова, Н.А.Кузнецова, О.Г.Леонова, П.П.Петрова, И.С.Скуратова, В.М.Шигина, М.Ю.Шаповаленко и др. Но общего труда, хорошо иллюстрированного и доступного широкому кругу читателей, к сожалению, не появилось.

Став в уже далеком теперь 1997 году начальником морской пехоты ВМФ, мне пришлось обратить внимание на этот очевидный пробел. Ведь незнание исторических традиций закономерно приводит к печальным результатам. Поскольку в 2000 году Морская пехота готовилась отметить 295-летний юбилей, то остро встал вопрос о подготовке универсального очерка. Такая работа диктовала уже не любительский, а серьезный профессиональный подход. Требовался свой опытный специалист. И здесь морская пехота, вполне традиционно, снова превзошла всех.

В том же 2000 году шел усиленный набор призывников в Морскую пехоту в связи с развертыванием в г. Каспийске 77-й ОБРМП. По должности я отслеживал контингент, направляемый в столь специфический регион. Каково же было мое удивление, когда в числе матросов-срочников оказался... кандидат исторических наук – случай небывалый не только во флоте, но и во всех Вооруженных Силах! Решив вопрос о прикомандировании матроса А.В.Кибовского к Управлению Береговых войск Главного штаба ВМФ, я помимо прочих обязанностей военной службы возложил на него задачу экстренной подготовки нужных материалов. К этой работе мне удалось также привлечь известного специалиста О.Г.Леонова. В результате в самые сжатые сроки были выпущены исторический очерк, составивший отдельный номер журнала «Морской пехотинец», юбилейный буклет и плакат, которые хорошо известны на флотах.

Конечно, эти издания, и по сей день радующие глаз в воинских частях, являлись лишь предварительным абрисом той большой работы, которую еще предстояло сделать. 24 июня 2001 г. Главнокомандующий ВМФ поставил задачу подготовить в рамках празднования 300-летнего юбилея Морской пехоты солидный исторический труд. С самого начала авторский коллектив решил, что эту работу следует делать без конъюнктурной спешки, на высоком научном, художественном и полиграфическом уровне. Столь масштабная задача потребовала нескольких лет кропотливой работы: архивных исследований, проверки и уточнения фактов, подбора иллюстраций не только в музеях, но и в частных коллекциях, обработки редких изданий, в том числе в ранее закрытых фондах русской эмиграции. В реализации проекта приняло участие множество людей из разных стран. Следует с благодарностью отметить, что все, к кому мы обращались, с готовностью помогали создавать юбилейный альбом.

Большинство сведений, помещенных на страницах этого издания, публикуется впервые. Конечно, даже в рамках столь масштабного труда невозможно описать все подвиги Морской пехоты и увековечить всех ее героев. Поэтому перед каждым разделом помещен краткий перечень книг и статей, в которых при желании можно более подробно прочитать об интересующей теме. К сожалению, возле многих разделов стоят только архивные шифры, – это значит, что детальное изучение документов еще ждет своих исследователей. Надеюсь, наша первая книга побудит читателей к продолжению поисков и новым открытиям.

История российской Морской пехоты является отражением различных эпох, пережитых нашим государством. Она не только позволяет гордиться славой предков, но и заставляет извлечь правильные уроки. И совершенно верно, что издание этого первого тома осуществляется не только с участием военных, но и при содействии Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Ведь история Морской пехоты это как раз тот случай, когда, по выражению А.С.Пушкина, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно».

полковник в запасе
Юрий Васильевич Ермаков

КИБОВСКИЙ Александр Владимирович, родился 15 ноября 1973 г. в Москве. В 1990 г. поступил и в 1995 г. окончил с отличием Российский государственный гуманитарный университет. В 1996–1997 гг. работал в музее-панораме «Бородинская битва». С 1997 г. главный специалист, а с 1998 г. заместитель начальника отдела Министерства культуры Российской Федерации. В 2000 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 2000–2001 гг. проходил срочную военную службу в ВМФ России, сержант морской пехоты. После демобилизации работал в Комитете по культуре г. Москвы. В 2001–2004 гг. заместитель Руководителя Департамента – начальник отдела Министерства культуры Российской Федерации. Награжден знаком «За достижения в культуре». С 2004 г. работает в Аппарате Правительства Российской Федерации. В настоящее время – заместитель директора Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства Российской Федерации.

Автор многочисленных публикаций по истории униформы российской императорской армии, а также по идентификации портретов русских офицеров XVIII–XIX вв. на основе сведений о форменной одежде и наградах. С 1993 г. заместитель главного редактора Российского военно-исторического журнала «Цейхгауз». С 2004 г. преподаватель истории военного костюма в Школе-студии МХАТ. Консультант по военному и гражданскому форменному костюму в кино.

ЛЕОНОВ Олег Геннадьевич, родился 17 августа 1963 г. в Москве. В 1981 г. поступил и в 1986 г. окончил Московский авиационно-технологический институт имени К.Э. Циолковского по специальности инженер-технолог. В 1986–1992 гг. работал на предприятиях оборонного комплекса, обеспечивавших внедрение лазерных технологий в производство изделий мобильных комплексов космической связи. С 1992 по 1998 г. занимался проблемами автоматической идентификации продукции и распространением в России международной системы штрихового кодирования стандарта EAN. С 1998 г. работает в сфере рекламы в СМИ.

Автор многочисленных публикаций по истории униформы российской императорской армии XVIII–XIX вв. Соавтор серии «Русская регулярная пехота» издательства «АСТ». Консультант кафедры сценического костюма Школы-студии МХАТ по учебной программе «История военного костюма». С 2004 г. редактор Российского военно-исторического журнала «Цейхгауз». Член правления Международного Военного Фестиваля «Кремлёвская зоря». Консультант телевизионных, художественных и документальных фильмов по военной истории.

От авторов

Приступая к работе над этой книгой, нам пришлось решать принципиальный вопрос – что, собственно, считать историей морской пехоты, и всякая ли десантная операция является частью ее прошлого. В конце концов, после обсуждения с коллегами было решено, что составлять альбом надо избирательно. На протяжении XVIII и начала XIX вв. к морской пехоте, как к роду войск, следует относить лишь части флота, специально предназначенные для абордажной, десантной и береговой службы, – морские полки и батальоны, а также Гвардейский экипаж, больше воевавший на суше, чем на море. После 1813 года, с возложением абордажной и десантной службы на флотские экипажи, главное внимание обращалось на участие моряков в береговых операциях. В то же время не достаточно оправданным нам показалось, что после перевода четырех морских полков и Каспийского морского батальона в сухопутное ведомство о них, а также об их преемниках принято забывать. Между тем эти части под именем морских доблестно сражались в Польше и на Кавказе, а позднее они официально сохраняли до 1917 года историческую преемственность с морской пехотой.

Все даты в тексте даются по принятому в России до 1 февраля 1918 г. юлианскому календарю, разница которого с современным (григорианским) летоисчислением составляла в XVIII в. – 11 дней, в XIX в. – 12 дней, в XX в. – 13 дней.

Книга является результатом нашего большого совместного труда и изучения огромного массива материалов. В конце тома помещен список источников и литературы, в который включены лишь те архивные дела и издания, на которые имеются ссылки по тексту. Даже в этом списке, являющемся лишь вершиной айсберга, приведено более 100 архивных шифров и 150 печатных наименований. И это только по I тому! Естественно, при таком объеме работы нам приходилось разделять свои усилия. С учетом вышесказанного О.Г. Леонов является автором Глав I, II, III, V и униформологических разделов Глав VI, VII; а А.В. Кибовский – автором Глав IV, VI, VII и VIII.

Авторы будут признательны за Ваши отзывы, предложения, примечания и дополнения, которые можно направлять по адресам ***ogleonov@rambler.ru*** *и* ***kibovsky@mail.ru*** *для их учета при публикации тома II.*

Авторы считают своим приятным долгом выразить глубокую благодарность друзьям, коллегам и всем тем, кто помогал созданию этой книги.

Огромный вклад в нашу работу внесли специалисты по истории Военно-Морского Флота Е. П. Абрамов, А. О. Александров, А. М. Буяков, В. В. Верзунов, С. Ю. Гордеев, В. Г. Данченко, А. Н. Денисов, А. Ю. Емелин, Н. Н. Крицкий, Н. А. Кузнецов, П. В. Лихачев, А. Н. Лукирский, Д. К. Николаев, А. Б. Панкрашкин, А. А. Петров, Б. В. Соломонов.

В столь многоплановом труде большую помощь оказали исследователи ратного прошлого России А. М. Валькович, А. И. Дерябин, М. В. Коломиец, И. П. Лыков, В. Ф. Мезенев, М. В. Нечитайлов, В. А. Передерий, С. А. Попов, С. В. Прищепа, А. С. Рогатнев, О. В. Соколовская, А. Б. Степанов, П. Н. Стрелянов (Калабухов), В. Л. Юшко. Особенно хочется отметить постоянное активное участие К. В. Цыпленкова, осуществившего научное редактирование альбома и составившего к нему именной указатель более, чем на 1500 фамилий.

Создание книги было бы невозможно без содействия государственных архивов и библиотек. Авторы искренне благодарят Российский государственный военно-исторический архив и лично И. О. Гаркушу, Т. Ю. Бурмистрову, В. И. Егорова, М. С. Нешкина, О. В. Чистякова, В. М. Шабанова; Государственный архив Российской Федерации и лично С. В. Мироненко и А. А. Литвина; Российский государственный архив древних актов и лично М. Р. Рыженкова и А. В. Малова; Российскую государственную библиотеку и лично В. В. Федорова, Н. И. Хахалеву, Т. И. Белоусову, Н. А. Леонову, И. С. Никифорову, Е. В. Степанову; Российскую национальную библиотеку и лично В. Н. Зайцева и А. И. Сапожникова; Российскую государственную библиотеку по искусству и лично А. А. Калганову и Е. Г. Хапланову.

Подготовить насыщенный иллюстрациями альбом позволила отзывчивая помощь государственных музеев. Прежде всего, хочется поблагодарить главную сокровищницу реликвий флота – Центральный военно-морской музей и лично А. В. Смирнова, Н. В. Шишкову, С. Ю. Курносова. Огромный вклад в нашу работу внесли Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи и лично В. М. Крылов и С. В. Успенская; Музей-панорама «Бородинская битва» и лично И. А. Николаева, С. В. Львов, Н. Ю. Шведова; Государственный исторический музей и лично А. И. Шкурко, В. А. Дуров, Т. В. Чистоногова; Государственный мемориальный музей А. В. Суворова и лично А. И. Кузьмин, Л. В. Елескина, А. М. Белов; Центральный музей Вооруженных Сил и лично А. К. Никонов; Центральный музей Черноморского флота и лично В. В. Клюев; Музей формы одежды русской, советской и иностранных армий и лично В. Н. Камалов, Е. В. Ильина, Н. А. Слепокурова, Г. И. Безкровная; Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени и лично И. А. Егорова.

Это издание украшают не только картины художников прошлых веков, но и замечательные иллюстрации, выполненные лучшими современными баталистами А. В. Каращуком, В. Н. Куликовым, Р. Паласиосом-Фернандесом, А. Ю. Аверьяновым, Н. В. Зубковым, О. К. Пархаевым, А. А. Тронем. Их произведения дополняет авторская компьютерная графика В. А. Передерия, С. А. Попова, Е. Ю. Краюшкина. К сожалению, великолепные рисунки для нашей книги стали последней работой выдающегося художника и униформолога Сергея Альбертовича Летина, благодарную память о котором навсегда сохранят его друзья и коллеги.

Особое место в альбоме занимают изображения подлинных орденов, медалей и нагрудных знаков. За возможность опубликовать эти раритеты авторы выражают глубокую признательность М. С. Селиванову, С. Б. Патрикееву, фирме «Монеты и медали» (г. Москва) и лично И. А. Лаврука, Д. Н. Максимову, К. М. Секретеву, а также С. Н. Купрюшкину и всем участникам интернет-сайта «Награды Императорской России 1702–1917» (medalirus.narod.ru).

Авторы искренне благодарят друзей и коллег, предоставивших для книги материалы из своих личных коллекций: А. Н. Агапова, М. Ю. Блинова, И. Божкова, М. П. Васильева, С. Л. Васильеву, А. В. Воронова, Ж. Горохова, К. В. Журомского, И. Г. Калистратова, И. А. Кобец, В. А. Коковина, В. В. Лаврова, А. С. Лагунцова, И. В. Маркина, А. И. Пересадько, Г. Ф. Петрова, Г. Л. Плоткина, П. Тамма, Л. А. Титова, П. В. Хорошилова, А. Е. Шереметьева.

С чувством особенной теплоты хочется отметить помощь А. Ю. Королева-Перелешина, Г. Н. Кузминской, И. П. Лыкова, Д. В. Носикова, Л. М. Порцеля, Ю. М. Унковского, предоставивших из семейных собраний материалы о своих героических предках.

Длительный процесс написания книги сопровождался всесторонней поддержкой и дружеским вниманием со стороны Ю. И. Авельцова, В. П. Акулова, Д. И. Горшкова, В. Н. Ивко, О. Т. Кацаран, Ю. Н. Колесникова, А. В. Коротыча, О. И. Малиновской, М. В. Ожерельева, В. В. Петракова, Ю. В. Плотниковой, А. В. Позднякова, А. В. Саковича, В. М. Степановой (Куликовой), Д. Г. Федосова.

Большую помощь в работе оказал Интернет, позволивший установить по всей стране и за рубежом не только рабочие, но и дружеские контакты. Авторы выражают глубокую признательность всем модераторам и участникам специализированных сайтов «Морская пехота» (www.morpeh.com), «КОРТИК. Флот. История. Люди» (www.kortic.spb.ru), «Награды Императорской России 1702–1917» (medalirus.narod.ru), «Форум фалеристов» (www.falera.ru), «SAMMLER.ru», сайта П. В. Лихачева (li-k.narod.ru), «Русско-японская война на море 1904–1905 гг.» (www.rjw.narod.ru), «Русско-японская война на море 1904–1905 гг.» (www.sistematima.narod.ru), «Русская армия в Первой мировой войне» (www.grwar.ru), «Военная литература» (militera.lib.ru).

Особенную благодарность хочется сказать замечательным профессионалам В. И. Изъюрову и Л. А. Навдаевой, терпеливо сложившим собранный нами огромный материал в изящный макет и сверставшим красивый альбом. И, конечно, нельзя не отдать должного нашему издателю Ю. М. Желтоногину, обеспечившему реализацию этого масштабного проекта.

Выражая еще раз искреннюю признательность участникам долгой работы над книгой, хочется поприветствовать всех девизом морской пехоты: *«Где мы – там победа!»*.

Содержание

Введение 12

Глава I. Морская пехота Петра Великого. 1705–1725 гг. 15
Рождение морской пехоты 17
Обмундирование морских солдат. 1705–1725 гг. 29

Глава II. От Петра I до Екатерины II. 1725–1762 гг. 31
Морская пехота при преемниках Петра Великого. 1725–1730 гг. 32
Морская пехота в царствование
императрицы Анны Иоанновны. 1730–1741 гг. 33
Знамена морской пехоты. 1733–1744 гг. 37
Морская пехота в царствование
императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. 38
Обмундирование морских солдат. 1725–1761 гг. 42
Обмундирование офицеров морской пехоты. 1725–1761 гг. 45

Глава III. Золотой век Екатерины. 1762–1796 гг. 47
Реформа морской пехоты в 1764 году 48
Архипелагская экспедиция российского флота
под командованием графа А.Г.Орлова. 1769–1774 гг. 49
Действия Донской флотилии в 1771–1774 гг. 55
Морская пехота Балтийского флота
в межвоенный период. 1774–1787 гг. 57
Морская пехота Балтийского флота
в русско-шведской войне и в послевоенный период. 1788–1796 гг. 59
Обмундирование, вооружение и знамена
корабельной морской пехоты. 1762–1796 гг. 66
Морская пехота Черноморского флота в 1785–1796 гг. 68
Обмундирование, вооружение и знамена
морской пехоты гребных флотилий. 1764–1796 гг. 79
1-й флотский гренадерский батальон
великого князя Павла Петровича. 1784–1796 гг. 82

**Глава IV. Части российской морской пехоты
из греков и балканских славян. 1775–1859 гг.** 87
Лучший корсар России 97

Глава V. Времена Павла I. 1796–1801 гг. 109
Реформа морской пехоты в 1796–1798 гг. 110
Средиземноморский поход российского флота
под командованием Ф.Ф.Ушакова. 1798–1800 гг. 112
Голландская экспедиция 1799 года 120
Обмундирование морских батальонов. 1796–1801 гг. 125

Содержание

Глава VI. Эпоха Александра I. 1801–1825 гг. 133
Реформа морской пехоты в 1801–1805 гг. 134
Ганноверская экспедиция 1805 года 138
Морская пехота в войне с Францией
на Адриатическом море. 1806–1807 гг. 139
Архипелагская экспедиция российского флота
под командованием Д.Н.Сенявина. 1807 г. 144
Войны с Англией и Швецией. 1807–1812 гг. 148
Война с Турцией на Черном море. 1807–1812 гг. 152
Обмундирование, вооружение и знамена
морской пехоты. 1801–1814 гг. 158
Реформа флота и морской пехоты в 1810–1811 гг. 170
Участие Гвардейского экипажа в Отечественной войне 1812 года
и заграничных походах 1813–1814 гг. 177
Боевой поход 75-го корабельного экипажа. 1812–1814 гг. 195
Участие 1-го и 2-го морских полков
в Отечественной войне и заграничном походе 1813 года 203
Каспийский морской батальон
в Талышинской экспедиции 1812 года 214
Реформа морской пехоты в 1813 году и ее последствия 220

Глава VII. Морские полки и их преемники
в сухопутной армии. 1814–1917 гг. 225
Морские полки после реформы 1813 года 226
Служба на Кавказе Каспийского морского батальона
и его участие в русско-персидской войне 1826–1828 гг. 228
Переформирование Каспийского морского батальона
и служба частей-преемников 237
Морские полки в Польской войне 1831 года 252
Реформа морских полков 1833 года
и служба полков-преемников в 1833–1917 гг. 264

Глава VIII. Николаевское царствование. 1825–1855 гг. 295
Строевая и береговая служба экипажей
и команд Балтийского флота 296
Десантные операции Черноморского флота
во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 302
Гвардейский экипаж в Польской войне 1831 года 314
Босфорская экспедиция 1833 года 318
Морские десанты на черноморском побережье Кавказа
против горцев в 1804–1840-х гг. 321
Героическая оборона Севастополя в 1854–1855 гг. 330
Героическая оборона Петропавловска 18–24 августа 1854 г. 357

Источники и литература 376
Именной указатель 378

Введение

Во все времена на флоте ценились опытные воины, в совершенстве владеющие искусством ближнего боя. Уже 3,5 тысячи лет назад на стенах древней египетской гробницы в Эль-Кабе была высечена надпись в честь командира морской пехоты Яхмоса, который за отвагу в рукопашных схватках 7 раз награждался «Золотом храбрости» и получил от фараона 19 рабов. В ранние эпохи такие бойцы составляли часть судовой команды, умело действуя как мечом, так и веслом. Но по мере совершенствования кораблей отряды воинов приобрели самостоятельное значение. Управление судном целиком перешло к гребцам и матросам, в то время как пехотинцы несли боевую службу и являлись основной ударной силой при абордажах и сражениях с врагом. Сцепившись крюками, корабли превращались в арену жестокой рукопашной схватки, в которой побеждал более храбрый и умелый экипаж.

Эта система без особых изменений просуществовала до XVI века, когда гребные и парусно-гребные суда уступили первенство крупным кораблям с палубной артиллерией. Теперь судьбу морского сражения решал огонь бортовых орудий. В связи с этим отряды пехоты стали все реже использоваться для абордажей и все чаще для десантных операций и охранной службы на берегу. Поскольку беспорядочный набор матросов требовал поддержания на борту жесткой дисциплины, солдатские команды начинают выполнять полицейские функции, что дополнительно требовало обособить их от моряков. Новые условия привели к специализации солдат европейских флотов и созданию из них особых частей и соединений – в 1622 году учреждаются части морской пехоты во Франции, в 1664 году в Англии, в 1665 году в Голландии.

В России создание морской пехоты объективно задерживалось из-за отсутствия военного флота и портов. В июне 1634 г. на польское предложение о строительстве судов для Балтийского и Черного моря русские послы ответили, что *«государевых воинских кораблей на море Ливонском и на море Великом прежде не бывало и вперед быть негде, да и не для чего»*. Тем не менее, в 1656 году царь Алексей Михайлович попытался отвоевать у Швеции выход к Балтике. Для захвата берегов Финского залива он направил отряд воеводы П.И. Потемкина (около 1000 чел.) с заданием *«итти на свейский рубеж, на Варяжское море»*. В помощь ему послали 570 донских казаков, которых патриарх Никон благословил идти морем на Стокгольм. Взяв в июне 1656 г. Канцы (Ниеншанц), Потемкин с частью отряда на судах вышел из устья Невы в море и у острова Котлин 22 июля 1656 г. *«имел бой с немецкими людьми и взял полукорабель»* (галеру) с пушками, знаменами и экипажем[1].

Несмотря на отдельные успехи, эта война так и не позволила России закрепиться на Балтике. В результате первый опыт создания корабельной морской пехоты царь Алексей Михайлович предпринял на Каспийском море. В мае 1667 г. глава Посольского приказа ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин заключил с армянскими купцами договор о провозе в Европу шелка и персидских товаров не через Турцию, а через Астрахань по

[1] *Кротков А.С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. С. 274.

Царь Алексей Михайлович.

Tsar Aleksey Mikhaylovich.

Портрет кисти неизвестного художника. Конец 1670-х – начало 1680-х гг. (ГИМ)

Стольник Петр Иванович Потемкин.

Stolnik (in Russia a nobleman one rank lower as compared to Boyarin) Peter Ivanovich Potemkin.

Портрет кисти Г. Неллера. 1682 г. (ГЭ)

Летом 1656 года отряд воеводы П.И. Потемкина (1617–1700) был послан царем Алексеем Михайловичем против шведов для захвата берегов Финского залива. Потемкин вышел на судах из Невы в море и 22 июля 1656 г. взял на абордаж у острова Котлин вражескую галеру.

Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин.

Closest Boyarin (noble rank in Russia) Aphanasiy Lavrentyevich Ordin-Nachokin.

Портрет кисти неизвестного художника. 1660-е гг. (ГИМ)

В 1667–1669 гг по инициативе и под контролем главы Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокина (1605–1681) был построен первый русский военный корабль «Орел».

Волге. Для реализации этого плана в селе Дединове Коломенского уезда голландские и русские мастера построили к сентябрю 1668 г. корабль, яхту, два шлюпа и бот. По приглашению участвовавшего в работе голландца Ивана ван Сведена из Амстердама в Москву приехал корабельный капитан Давид Бутлер с 14 товарищами. В связи с предстоящим походом Бутлер подал в Посольский приказ *«кораблено строю письмо»* из 34 статей, регламентировавших обязанности капитана, а также подчиненной ему команды. Эти статьи, переведенные с голландского на русский язык, стали первым российским документом, в котором упоминались морские солдаты и возглавлявший их специальный офицер – *«корабельной порутчик»*. В соответствии с 14-й статьей они во время боя должны были участвовать в абордаже: *«Буде же капитан пригодно увидит неприятельский корабль взять, тогда корабельной порутчик с своими солдаты, немедля, должен на неприятельский корабль скочить и всяко радеть, чтоб тот корабль под свою мочь привести»*[2].

[2] *Висковатов А.В.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1864. С. 160-161.

Первый русский военный корабль «Орел» в 1669 г.

The first Russian war ship Orel, 1669.

Акварель художника князя В.М. Голицына. 1940 г. (ЦВММ)

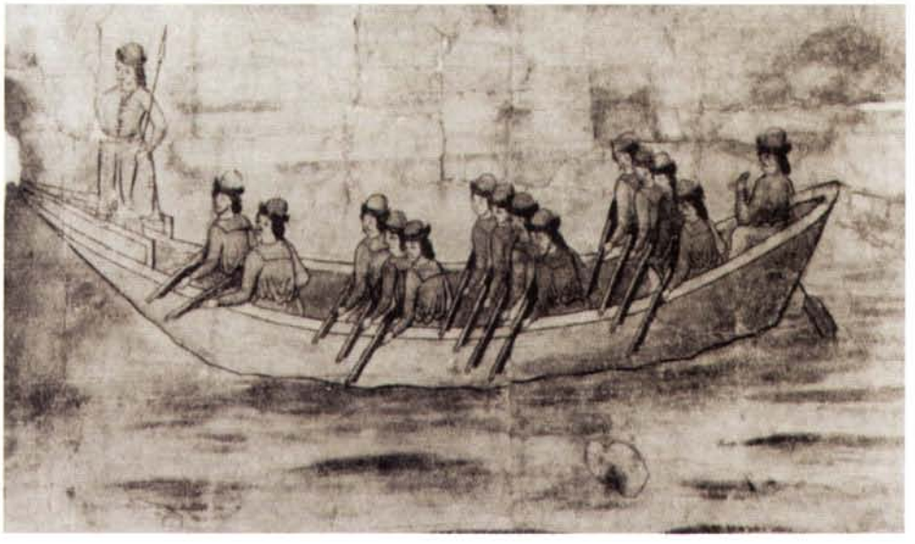
Начальные люди московских стрелецких приказов на струге.

Lower people (lowest ranks) of Moscow Strelets regiments (special military units in Russia) on board a strug (Russian wooden boat).

Фрагменты «Чертежа изображения в лицах отпуска стрельцов в судах водяным путем на Разина». 1670 г. (ОР РНБ)

В начале мая 1669 г. корабль, получивший от государя название «Орел», двинулся из Дединова в Нижний Новгород. Здесь на его борту разместились 35 нижегородских стрельцов с начальным человеком Иваном Домажировым. В августе 1669 г. «Орел» прибыл по Волге в Астрахань. Но участвовать в дальних морских походах и абордажах ему так и не довелось. В июне 1670 г. Астрахань захватили войска Степана Разина, которые едва не сожгли «Орел». Голландские моряки бежали в Дербент, но по дороге попали к кумыкам в рабство[3]. После подавления разинского восстания «Орел» несколько лет стоял без дела в протоке Кутум и пришел в полную негодность. Так завершилась первая попытка создания корабельного флота и морской пехоты России.

[3] *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 154–222, 353–374.



Стрельцы в большой лодке.

Streltsi (members of Strelets regiments) on board a big boat.

Начальный человек и стрелец. 1660-е гг.

A lower man and a strelets. 1660-s.

Рисунок художника Р.Паласиоса-Фернандеса

Глава I.

Морская пехота Петра Великого 1705–1725 гг.

Командир Морского регимента адмирал Франц Яковлевич Лефорт.

Moscow Regiment Commander Admiral Franz Yakovlevich Lefort.

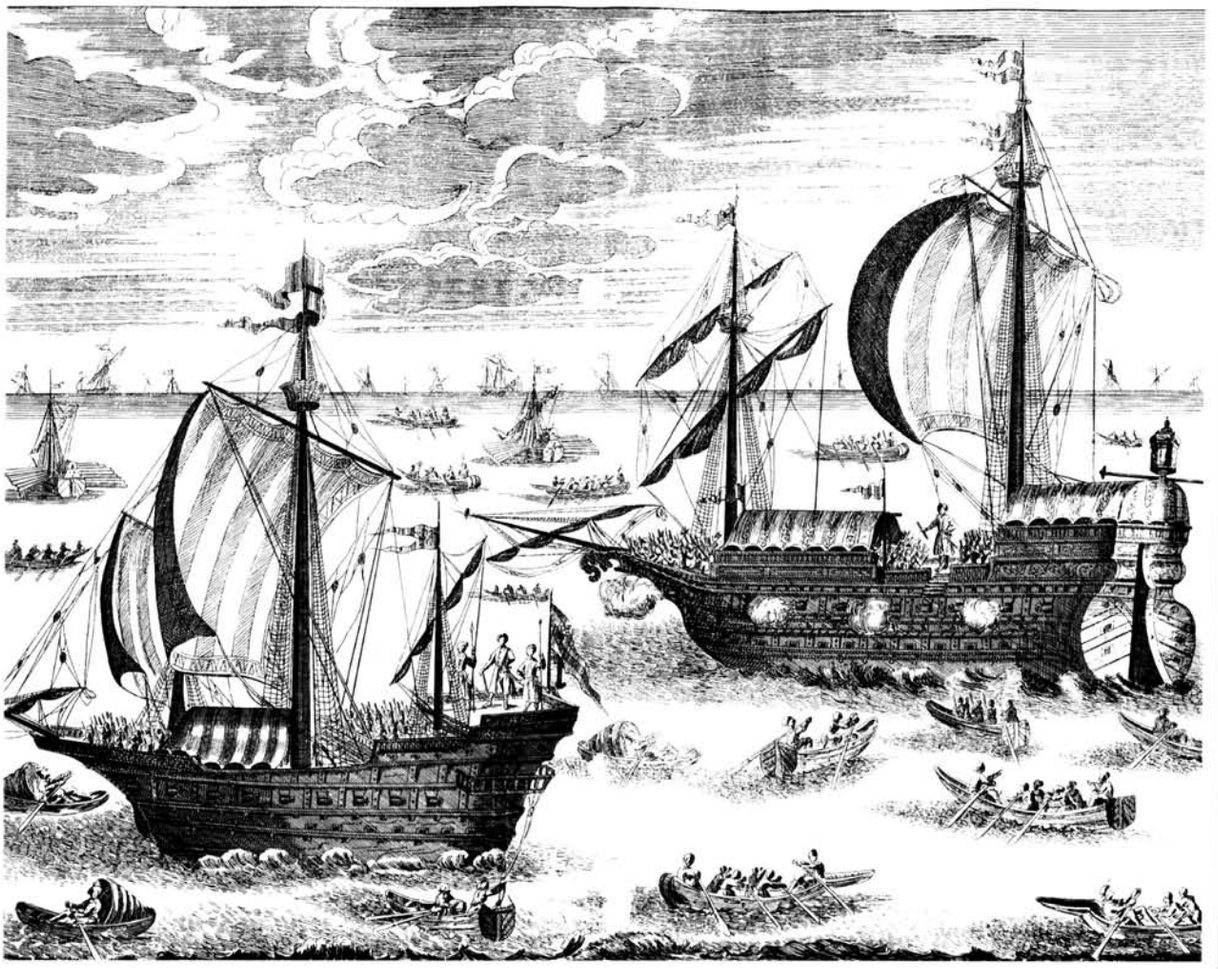
Рисунок и реконструкция художника С.А.Летина. 1996 г.

На втором плане рядом с гербом Лефорта изображены гайдук «Великого посольства» и солдат 1-го Выборного (Лефортовского) полка. На заднем плане видны укрепления Азова.

Рождение морской пехоты

Основателем регулярных военно-морских сил России, в том числе и отечественной морской пехоты, по праву считается Петр I. К созданию боевого флота юного царя сподвигла неудача русских войск в 1695 году в первом Азовском походе. Несмотря на долгую осаду и два кровопролитных штурма, им не удалось взять Азов, поскольку турки морем привозили в крепость подкрепления и запасы. Требовалась полная блокада города, и государь решил создать флотилию парусных и гребных судов. В селе Преображенском под Москвой началось строительство галиаса «Апостол Петр», 4 брандеров и 23 галер. Для их обслуживания из офицеров и солдат 1-го Выборного (Лефортовского) полка и 3-го Выборного полка (разделенного впоследствии на Лейб-Гвардии Преображенский и Семеновский полки) в Москве был образован Морской регимент (полк) численностью 4119 человек. Регимент подразделялся на 28 рот – по роте на каждый брандер или галеру. В среднем одна рота насчитывала около 150 человек, вооруженных мушкетами, и, кроме того, ей придавалось около 20 матросов. Организатором и командиром полка с титулом «адмирал» стал ближайший сподвижник государя генерал Франц Лефорт. 18 февраля 1696 г. состоялся смотр Морского регимента, после чего 23 февраля царь отправился в Воронеж. Вслед за ним 10 марта выступили из Москвы роты полка вместе с разобранными галерами.

В Воронеже всю зиму 1695/1696 гг. шло большое строительство, и к весне на реке стояли 1300 стругов, 300 морских лодок и 100 плотов. 2 апреля 1696 г. состоялся спуск на воду привезенных из Москвы галер. Первой спустили галеру «Принципиум», на которой разместилась 3-я рота Морского регимента из 172 преображенских бомбардиров, урядников и солдат. Этой ротой в походе командовал сам государь под именем капитана Петра Алексеева. 16 апреля в Воронеж приехал Франц Лефорт, получивший звание *«адмирала Морского каравана плавного пути»*. Ему вручили Гербовое знамя, изготовленное в Москве иноком Корионом и доставленное по распоряжению боярина Т. Н. Стрешнева в Воронеж наставником Петра в морских науках Францем Тиммерманом.



Гребной флот царя Петра во время Второго Азовского похода. 1696 г.

Tsar Peter's Rowing Fleet (special fleet in Russia, 17th century) during the 2nd Azov Campaign, 1696.

Гравюра из «Дневника путешествия в Московию» Г.И.Корба.

На гравюре изображены галеры с солдатами Морского регимента.

Знамя Морского регимента. 1696 г.

Banner of the Moscow Regiment, 1696.

Хромолитография. 1900 г.

Знамя изготовил в Москве инок Корион. По распоряжению боярина Т.Н. Стрешнева наставник царя Франц Тиммерман доставил знамя в Воронеж, где в апреле 1696 г. его вручили командиру Морского регимента адмиралу Ф.Я. Лефорту. После завершения Второго Азовского похода и роспуска Морского регимента знамя было сдано в Оружейную палату. В настоящее время его полотнище хранится в ГИКМЗ «Московский Кремль».

23–26 апреля 1696 г. русская армия под командованием боярина А.С. Шеина двинулась на стругах и плотах к Азову. За ней 3 мая выступил авангард Морского регимента на 8 галерах под командованием царя, удостоенного от Лефорта звания командора. Утром 27 мая 1696 г. после похода по рекам Воронежу и Дону 22 галеры с пушечной пальбой вышли в Азовское море. Войска Шеина обложили крепость и начали правильную осаду. 14 июня к Азову подошел турецкий флот – 6 кораблей и 17 галер с четырехтысячным десантом. Грозный вид русской флотилии озадачил пашу Турночи. Лишь 24 июня он решился атаковать, но увидев, как русские выбирают якоря для встречного боя, ушел в море. Лишившись поддержки, турки 19 июля сдали крепость.

12 августа 1696 г. Морской регимент выступил из Азова домой. В честь Азовской победы в Москве при въезде из Замоскворечья на Каменный мост были построены триумфальные ворота, через которые 30 сентября состоялся торжественный вход русских войск в столицу. Морской регимент шел со своим знаменем поротно в 6 рядов. Впереди полка в золотых санях ехал Лефорт, а во главе 3-й роты шел Петр I в мундире морского капитана с белым пером на шляпе и с протазаном в руке. В Кремле Морской регимент промаршировал мимо государева двора, после чего его роты разошлись по слободам своих коренных полков. В награду солдатам и урядникам царь пожаловал по золоченой копейке и к прежним окладам прибавил по 8 рублей. Гербовое знамя было сдано в Оружейную палату, где хранится и по сей день[1].

После выхода к Черному морю внимание Петра I обратилось на Балтику. Осенью 1700 г. Россия начала войну против Шведского королевства, имевшего сильный корабельный и галерный флот. Хотя серьезного урона русские войска причинить ему пока не могли, они активно действовали на озерах и в устьях рек, совершая смелые абордажные нападения на небольшие транспорты и суда. 31 мая 1702 г. в узком проливе, соединяющем Псковское и Чудское озера, солдаты полка Толбухина, посаженные на карбасы, атаковали 5 судов командора Лешерна, прорвались в Чудское озеро и взяли на абордаж 4-пушечную яхту «Флундран». 15 июня 1702 г. на Ладожском озере 400 солдат полка Островского на соймах и карбасах атаковали шведскую флотилию вице-адмирала Нумерса и потопили бригантины «Джона» и «Аборес». 19 июля на Чудском озере генерал-майор Гулиц атаковал на лодках 4 шведских судна командора Лешерна и взял на абордаж 12-пушечную яхту «Виват». 27 августа 30 лодок полковника Тыртова напали близ Кексгольма на шведскую флотилию вице-адмирала Нумерса, который, потеряв 5 судов (2 сожжены, 2 захвачены в плен, 1 потоплено) и около 300 человек, оставил Ладожское озеро и ушел в Выборг. К сожалению, в этом бою храбрый полковник Тыртов был убит картечью.

[1] Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. СПб., 1773; *Бобровский П.О.* История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900; Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича Лефорта. М., 1800; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. III. М., 1884. С. 49–50.

Чины 3-го Выборного солдатского полка во время Второго Азовского похода. 1696 г.: солдат-преображенец в нагруднике-аламе; командир 3-й роты Морского регимента капитан бомбардиров Петр Алексеев (Петр I); прапорщик (знаменосец) в белом кафтане.

Рисунок и реконструкция художника С.А.Летина, 1996 г.

Ranks of the 3rd Viborniy Soldiers Regiment (special military units in Russia) during the 2nd Azov Campaign, 1696: Soldier-preobrazhenets (a member of the Preobrazhensky Regiment) in a breastplate-alan (armour in Russia, 17th century); the 3rd Company of the Nevy Regiment Commander, Bombardier Captain Peter Alekseev (Peter the First); Warrant-officer (standard-bearer) in a white caftan (long Russian overcoat).

Осада турецкой крепости Азов в 1696 году русскими войсками.

Siege of Turkish fortress Azov by Russian troops in 1696.

Гравюра, исполненная в 1699 г. А.Шхонебеком в Москве под личным наблюдением Петра I. (ГИМ)

Этим первым успехам царь придавал большое значение и лично принял участие в одном из абордажей. 5 мая 1703 г. в устье Невы пришли шведский 10-пушечный галиот «Гедан» и 8-пушечная шнява «Астрильд». Царь решил атаковать их двумя отрядами, один из которых возглавил сам, а другой поручил А.Д. Меншикову, *«понеже иных на море знающих никого не было»*. 7 мая 1703 г. солдаты Преображенского и Семеновского полков на 30 лодках атаковали врага. Несмотря на артиллерийский огонь, гвардейцы, стреляя из ружей и бросая гранаты, сблизились с противником и после упорного боя взяли корабли на абордаж. Из 77 шведских офицеров, солдат и матросов 58 погибли, 19 попали в плен. За этот бой Петр I и А.Д. Меншиков получили ордена Св. Андрея Первозванного. Храбрых гвардейцев наградили золотыми медалями с надписью *«Небываемое бывает»*.

Через год, 7 мая 1704 г. на Чудском озере генерал-майор фон Верден на карбасах атаковал 15 судов командора Лешерна. В абордажном бою шведская флотилия была разгромлена, 13 шкут захвачены, 1 сожжена, в плен взяты 96 пушек и 138 человек. По случаю столь крупной победы царь приказал отслужить благодарственный молебен, салютовать из пушек с крепостных стен и кораблей, а в полках дать *«из мелкого оружия залп»*.

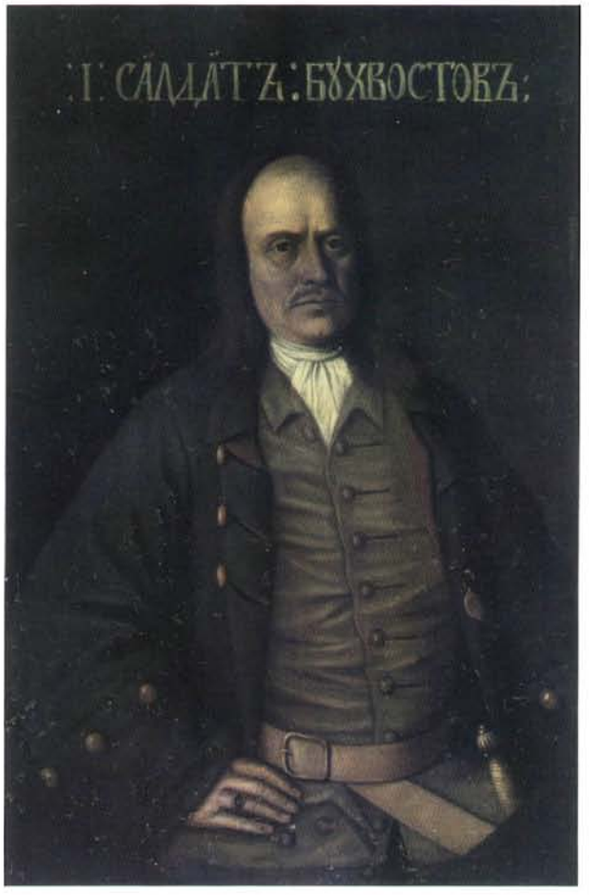
Пока военные действия шли на озерах и вблизи побережья, небольшому русскому флоту хватало обычных солдат, посаженных на гребные баркасы. Но с созданием на Балтике полноценной российской эскадры требовалось серьезно подготовиться к морским походам. В конце сентября – начале октября 1704 г. Петр I составил «Предложение о начинающемся флоте на Ост-зее» (то есть на Балтийском море), в котором говорилось: *«Надлежит учинить полки морских солдат (числом по флоту смотря) и разделить оных по капитанам вечно, к которым надлежит капралов и сержантов взять из старых солдат ради лучшего обучения строя и порядков»*[2]. В соответствии с этим «Предложением...» началась работа по набору морских солдат, а также определению их структуры и численности. В ноябре 1704 г. командовавший на Балтике вице-адмирал К.И. Крюйс предложил посадить на каждый корабль по 300 солдат, а на галеру – по 120 с 1 каподискалой (начальником абордажа).

Но вместо разрозненных команд Петр I решил создать единый морской полк. Не исключено, что эту мысль подсказал царю прежний опыт

[2] Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893. С. 164.

Азовского похода. Впрочем, полковая организация вообще была характерна для петровской армии, так как представляла удобство в военном и хозяйственном отношении. Видимо, последнее обстоятельство оказалось решающим при выборе государя, поскольку с точки зрения морской службы полковая организация являлась не вполне оптимальной, что позднее признал и сам Петр I. Формирование нового полка царь поручил генерал-адмиралу Ф.А. Головину, который 16 ноября 1705 г. дал соответствующее распоряжение вице-адмиралу К.И. Крюйсу: *«Мне надлежит по указу Его Величества один морской полк иметь, и тако тебя прошу изволь сие сочинить, дабы состоял в 1200 солдатах, и что к тому принадлежит, како в ружье и в прочем, изволь ко мне отписать и прочих потребно не оставить; и сколько всех числом есть или великая сочинилась убавка, то потщимся рекрутов сыскать»*. **16 (27) ноября 1705 г.** считается точкой отсчета истории регулярной морской пехоты России.

Крюйс не замедлил с ответом. Уже 30 ноября он сообщил Головину: *«А что Великий Государь повелел морских солдат переменить, чтоб полк был в 1200 человек, и тако надобно учинить <…> и тако всегда могут моряне или корабельные солдаты в добром и в сухопутстве служить и в иных землях более почитают»*[3]. Новый полк создавался из 8 фузелерных и 2 гренадерских рот, одна из которых составляла личный караул Петра I во время его пребывания на кораблях Балтийского флота. Однако для укомплектования



Первый российский солдат Сергей Леонтьевич Бухвостов.

Портрет кисти неизвестного художника. 1720-е гг. (ГРМ)

В 1683 г. стряпчий конюх С.Л. Бухвостов (1642–1728) был первым зачислен в потешные войска юного Петра I, при котором находился в разных военных походах. В 1696 г., являясь капралом Преображенских бомбардиров, служил в 3-й роте Морского регимента и участвовал в осаде Азова. 7 мая 1703 г. был на абордаже двух шведских судов в устье Невы.

Абордаж русскими гвардейцами шведских галиота «Гедан» и шнявы «Астрильд» в устье Невы 7 мая 1703 г.

Russian guardsmen boarding Swedish galliot Gedan and Swedish snow Astrild at mouth of the river of Neva. May 7, 1703.

Копия Л.Д. Блинова 1890 г. с картины художника А.П. Боголюбова 1865 г. (ЦВММ)

[3] Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 10.

The first Russian soldier Sergey Leontyevich Buhvostov.

Адмирал Корнелий Иванович Крюйс.

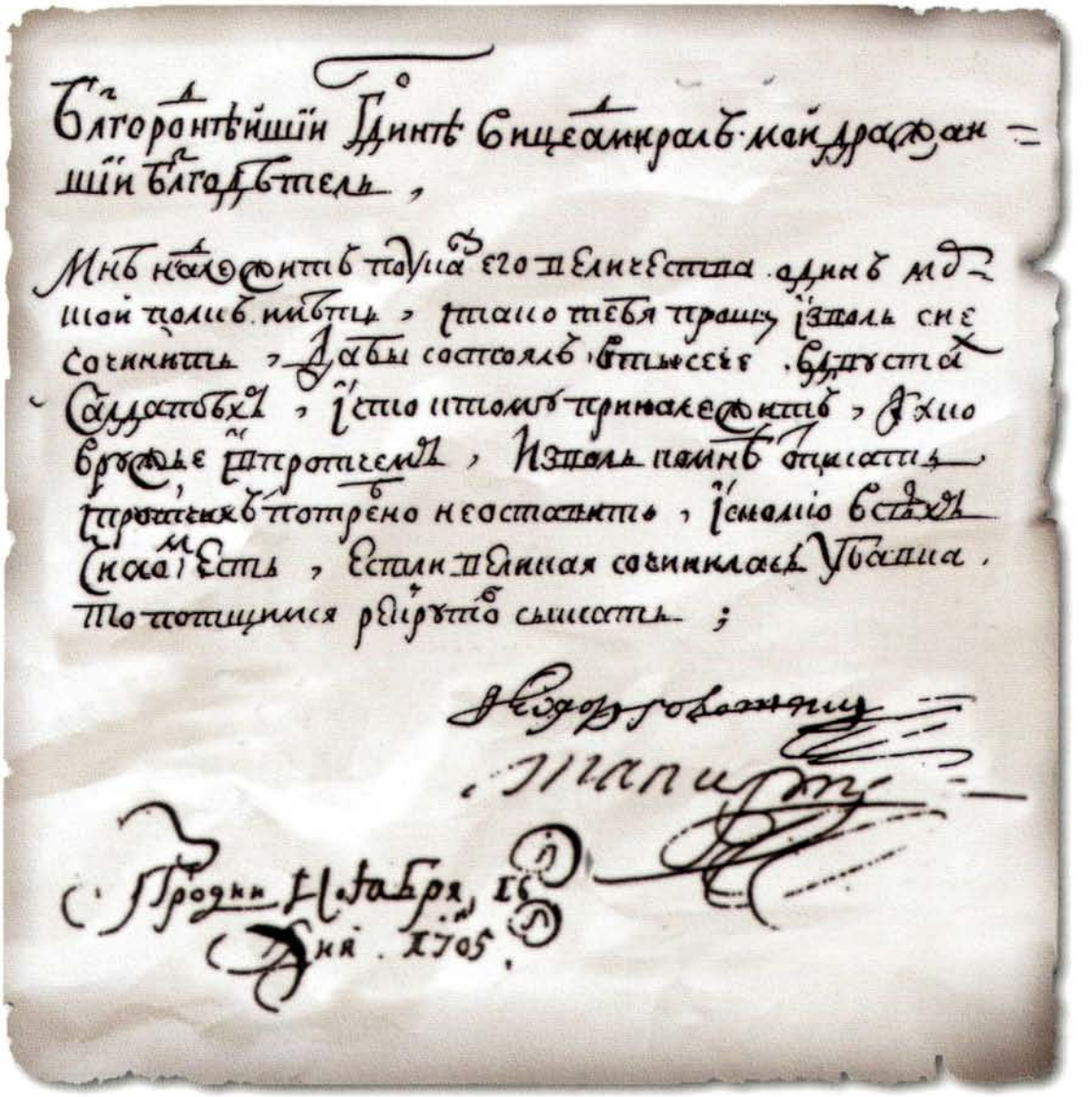
Admiral Cornelis Cruys.

Копия П.П.Брукса с портрета кисти неизвестного художника начала XVIII в. 1870-е гг. (ЦВММ)

Генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин.

Admiral General Fedor Alekseevich Golovin.

Портрет кисти неизвестного художника начала XVIII в. (ГИМ)



Благороднѣйшій Гдинѣ вице-адмиралъ мой дражан-
шій благодѣтель,

Мнѣ надлежитъ по указу его величества одинъ мо-
ской полкъ имѣть, и тако тебя прошу изволь сие
сочинить, дабы состоялъ въ тысяче вдвуста
салдатовъ, и что ктому принадлежитъ, яко
вружье и протчемъ, изволь комнѣ описать
и протчихъ потребно неоставить, и сколко всѣхъ
числомъ есть, естли великая сочинилась убавка,
то потщимся рекрутовъ сыскать;

Федор Головинъ

Тапиръ

Гродни Ноября 16
дня 1705

Фрагмент письма генерал-адмирала Ф. А. Головина 16 ноября 1705 г. к вице-адмиралу К. И. Крюйсу о формировании по указу Петра I морского полка.

A fragment of Admiral General F. A. Golovin's letter to Vice-Admiral K. I. Kruys about forming of a navy regiment by the order of Peter the First. November 16, 1705.

(РГА ВМФ. Ф. 233. Оп.1. Д. 246. Л. 275–276 об.)

полка Крюйсу не хватало уже имевшихся морских солдат, *«которых еще многих в недостатке будет»*. Действительно, изучив представленную Крюйсом роспись флота, Головин 1 декабря 1705 г. удивленно писал ему: *«Зело ужасает меня включенная роспись о умерших и больных солдатах, и от чего такой упадок учинился не можем рассудить»*. *«Ужасающий упадок»* происходил от крайне тяжелых условий морской службы, к которой большинство солдат не были готовы. Служивший в русском флоте английский капитан Д. Ден в 1724 году писал: *«...обычай набирать солдат из пехотных полков и ими пополнять ряды матросов – мало достигает цели, так как люди эти, привыкшие к сухопутной службе, будучи принуждены (в то время как они уже и по возрасту и в следствие разных иных причин, – потеряли надлежащую ловкость) исполнять службу совершенно другого рода, падают духом до такой степени, что когда, при бурной погоде, получают приказание подняться на ванты, прямо падают и готовы скорее подчиниться строжайшему вашему гневу, нежели тронуться на такое по их взгляду опасное предприятие»*[4].

Морской полк формировался в Петербурге также без учета подготовки личного состава к корабельной службе. Его солдат набирали даже не из рекрутов, а из ямщиков. Уже в феврале 1706 г. Крюйс докладывал царю, что в полку налицо имеется 5 сержантов, 72 капрала, 16 писарей и 1509 солдат. Но их снабжение наладили плохо. Хотя довольствие полка должны были пополам обеспечивать сухопутное и морское ведомства, на практике это приводило к их постоянным препирательствам и задержкам. В этой ситуации численность рот неумолимо сокращали болезни. Кроме того, морские солдаты подвергались специфическим дисциплинарным взысканиям. К примеру, за оставление караульного поста солдат удостаивался *«троекратного проволочения под корабль и бития у мачты от всех корабельных людей»*[5]. В результате в 1707 году в ротах оставалось уже только 1216 человек. Меж тем, 28 октября 1707 г. Петр I велел иметь в полку для службы на кораблях 1200 солдат, на галерах 200 и рекрутов для обучения 150 – всего 1550 нижних чинов. Недостающих людей набрали из пехотных полков, но «забыли» поставить на довольствие. Слухи об их бедственном положении дошли даже до государя. 23 марта 1709 г. Петр с гневом писал боярину Т. Н. Стрешневу: *«На морской полк, который набран из ямщиков (и ныне в Питербурхе) жалованье положено изо всех приказов половинные оклады. И ныне слышали мы, что судьи те денги в приказах у себя задерживают и переводят друг на друга. Чего для определите с опщего совету, чтоб те денги без задержания были отпущены, а ежели какая в том учинитца задержка, и те денги мимо приказов доправлены будут с деревень ваших на всех вас»*[6]. После столь грозного письма вопрос с деньгами быстро решили. Но проволочки с прочим снабжением остались. 10 февраля 1710 г. Крюйс вынужден был снова обратиться к Петру, теперь уже из-за обмундирования: *«Которое платье прислано на раздачу солдатам, всего на 1200 человек, и то им еще не роздано, и на раздачу всем не достанет для того, что ныне солдат 1500 человек»*. Срочно пришлось изыскивать дополнительные зеленые кафтаны и зимнюю одежду.

Назначение на большую галерную эскадру всего 200 солдат Морского полка не удовлетворило галерного шаутбенахта И. Ф. Боциса. К этому времени на его галерах служили сухопутные войска, активно осваивавшие навыки десантных

Фузелер Морского полка. 1706–1708 гг.

Fusilier (soldier armed with a fusil) of the Nevy Regiment. 1706–1708.

Компьютерная графика В.А. Передерия по рисунку художника Н.В. Зубкова. 1995 г.

(Рисунок предоставлен военно-историческим журналом «Цейхгауз»)

[4] *Ден Д.* История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897. С. 83.

[5] Инструкции и Артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. М., 1710. § 24.

[6] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М., 1950. С. 130.

Генерал-аншеф
Григорий Петрович Чернышев.

General-Enchef
Gregory Petrovich Chernishev.

Портрет кисти неизвестного художника 2-й четверти XVIII в. (ГТГ)

В 1716 г. Г.П. Чернышев, будучи обер-штер-кригс-комиссаром при Адмиралтействе, разработал новый штат Адмиралтейского батальона.

операций. Так, 10 мая 1708 г. галерная эскадра Боциса (9 скампавей и 7 бригантин) успешно высадила 500 солдат под огнем вражеских батарей около города Борго. Десант сжег 16 шведских судов и склады продовольствия, вызвав панику на побережье. Однако, несмотря на успехи, Боцис не имел полной власти над вверенными ему войсками. В связи с этим в 1710 году он предложил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину сформировать *«единый галерный полк»* из 10 *«компаний»* (рот), одна из которых обслуживала бы галерную артиллерию, другая исполняла должность матросов, половине остальных рот *«требно быть для приступу; а другая половина для обережения каторжников и невольников»*. В целях скорейшей реализации этого плана Боцис предлагал сформировать новый полк из 1200 солдат трех пехотных полков Шневенца, Микешина и Смита, которые *«имеют малое искусство галерное, понеже два года служат беспрестанно на галерах»*.

Однако Апраксин не поддержал предложение Боциса. Тогда шаутбенахт на свои средства завел «собственную» гренадерскую роту, в которой в марте 1711 г. числилось 125 чинов, *«в Выборге больных – 25, в Петербурге – 8. Всего 158 человек»*[7]. Эта рота составляла личный караул Боциса на его галере и в местах пребывания.

В 1712 году произошли серьезные изменения в организации Балтийского флота. Его разделили на три эскадры, для каждой из которых полагалось иметь свой батальон морских солдат.

Перспектива Невского проспекта от Аничкова моста.

View of Nevsky prospect from Anichkov Bridge.

Картина неизвестного художника. 1760-е гг. (ГТГ)

Но гораздо больше царь нуждался в опытных матросах, которых требовалось несколько тысяч. В этой ситуации Петр I решил пополнить корабельный личный состав за счет Морского полка, уже имевшего опыт флотской службы, заменив его солдатами пехотных полков, выводимых из Азова. После неудачного Прутского похода Петр I вынужден был заключить с Турцией невыгодный мирный договор, по которому Россия возвратила туркам крепость Азов, лишилась Азовской флотилии, а также срыла пограничные укрепления Таганрог, Каменный Затон и Новобогородицкий городок. Располагавшиеся там войска переводились на север для продолжения войны со Швецией. 9 февраля 1712 г. царь направил из Петербурга письмо генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, находившемуся на южных рубежах: *«Прежде сего, в бытность вашу здесь говорено, дабы Морского полку, также и Шневенцова баталиону (которые здесь) людей употребить в матросы для того, что те люди на кораблях уже обвыкли. Того для на их места сюда изволте прислать от себя, выбрав ис тех полков, которые присланы к вам были из Москвы и из других мест, три баталиона солдат, которые лутче, и отправте их сюды з добрым командиром, дабы дорогою не растерял»*[8]. 27 февраля Ф.М. Апраксин направил соответствующее указание обер-коменданту С.А. Колычову, который выбрал в Острогожске из московских полков фон Дельдина и Огарева три батальона по 5 рот в каждом. Командовали батальонами подполковник Вяземский, подполковник Коробовский и майор Хвостов. 18 марта 1712 г. батальоны выступили в Москву, куда благополучно прибыли 1 мая. В июне 1712 г. батальоны пришли в Петербург, где к ним присоединился один батальон Казанского пехотного полка майора Кемкова. В Петербурге батальоны переименовали в батальоны Вице-адмирала (660 чел.), Адмирала (660 чел.) и Контр-адмирала (652 чел.), после чего отправили на соответствующие эскадры. Шефом последнего батальона стал сам Петр I, имевший чин контр-адмирала, в связи с чем этот батальон иногда еще назывался *«Его Царского Величества собственной»*[9]. Кроме этих батальонов, в 1712 году также был сформирован трехротный батальон для Галерной эскадры (296 чел.). Батальон Вяземского, пришедший в Петербург под руководством майора Михаила Аничкова, поселили в слободе за рекой Фонтанкой, через которую в 1715 году морские солдаты построили деревянный мост, прозванный в честь их командира Аничковым. Этот знаменитый мост сохранил свое историческое название до наших дней.

В ходе преобразований 1712 года планировалось также создание Адмиралтейского батальона для охраны верфей, складов, лесов и зданий Адмиралтейства, несения караулов при морских учреждениях, сопровождения припасов, конвоя флотских арестантов и команд. Но большую часть солдат предназначенного для Адмиралтейства пехотного батальона Савенкова перевели

[7] *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного Архива). СПб., 1893. С. 356.

[8] Письма и бумаги Петра Великого. Т.12. Вып.1. М.1975, С. 68.

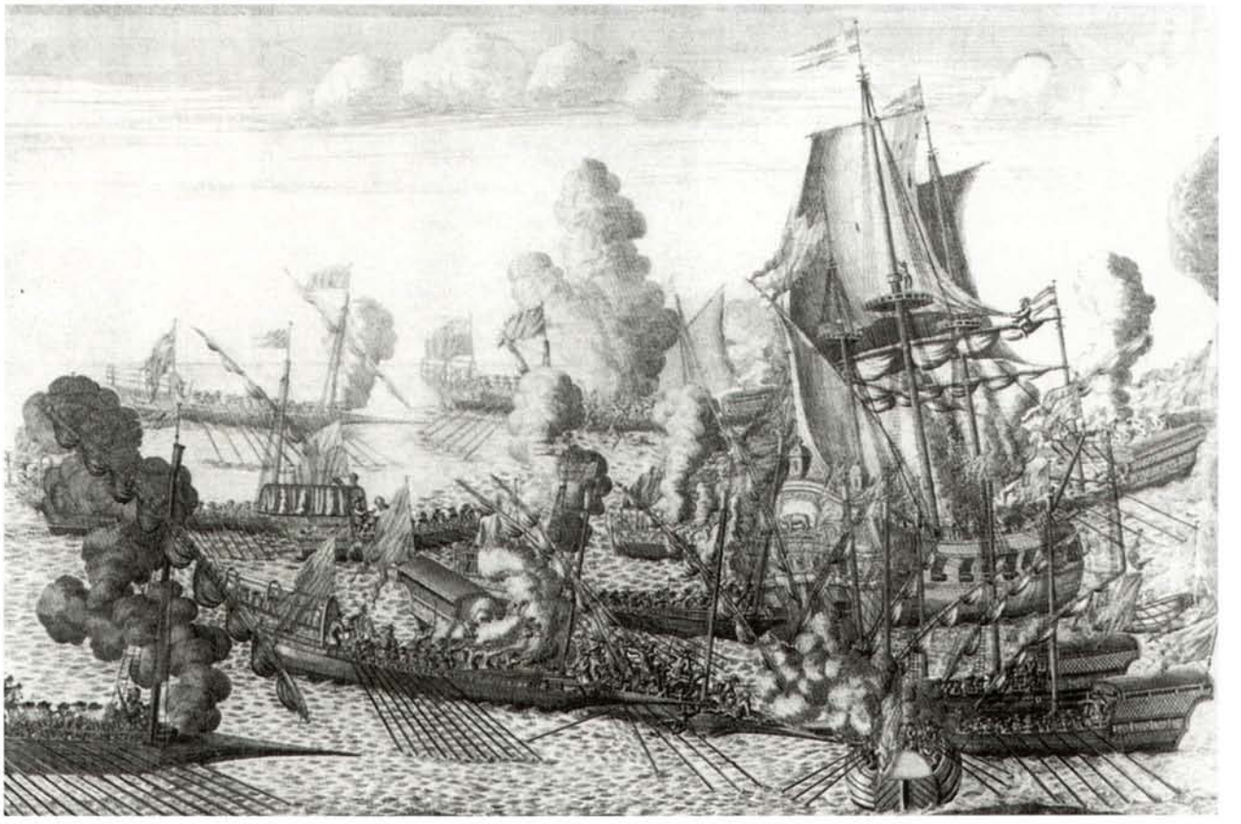
[9] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 534. Д. 15 Л. 298–298об.

Сражение у мыса Гангут 27 июля 1714 г.

The Battle of Cape Hangö. July 27, 1714.

Раскрашенная гравюра М.Бакуа по оригиналу П.-Д.Мартена младшего. 1722 г. (ЦВММ)

Между первой и второй линиями русских галер изображена скампавея Петра I, на которой во время сражения находилась большая часть Галерного батальона.



Абордаж русскими галерами шведского прама «Элефант» у мыса Гангут 27 июля 1714 г.

Russian galleys boarding Swedish pram Elephant near Cape Hangö. July 27, 1714.

Гравюра А.Ф.Зубова. 1714 г.

в матросы. В результате, в августе 1712 г. вместо полноценного батальона к Адмиралтейству из него определили лишь 200 человек, оставшихся *«за разбором от матросов»*. Этой импровизированной команды оказалось явно недостаточно для возраставших хозяйственных забот Адмиралтейства. Настоятельно требовался специальный батальон. В связи с этим 1 сентября 1714 г. генерал-адмирал Ф.М.Апраксин утвердил особый штат Адмиралтейского батальона из 5 рот. В нем полагались: 1 полковник, 1 майор, 1 квартирмейстер, 1 адъютант, батальонные поп, писарь, профос и каптенармус, 5 капитанов, 5 поручиков, 5 подпоручиков, 5 прапорщиков, 10 сержантов, 5 каптенармусов, 5 подпрапорщиков, 5 ротных писарей, 20 капралов, 6 гобоистов, 9 барабанщиков и 575 солдат. Для пополнения батальона до штатной численности из двух московских гарнизонных полков Вельяминова-Зернова и Игнатьева, находившихся на особом от других гарнизонных частей положении (в каждом из этих полков состояло по гренадерской роте), в Петербург выслали партии унтер-офицеров, солдат и писарей[10]. Каждая из 5 рот имела одно цветное знамя. Кроме того, при батальоне сохранялось полковое знамя одного из острогожских полков из белой камки с двуглавым орлом на полотнище. Скоро развитие Балтийского флота потребовало увеличить численность адмиралтейских солдат. В 1716 году обер-штер-кригс-комиссар при Адмиралтействе генерал-майор Г.П. Чернышев разработал новый штат Адмиралтейского батальона, который, сохранив пятиротную организацию, увеличился до 845 офицеров и нижних чинов (см. стр. 28).

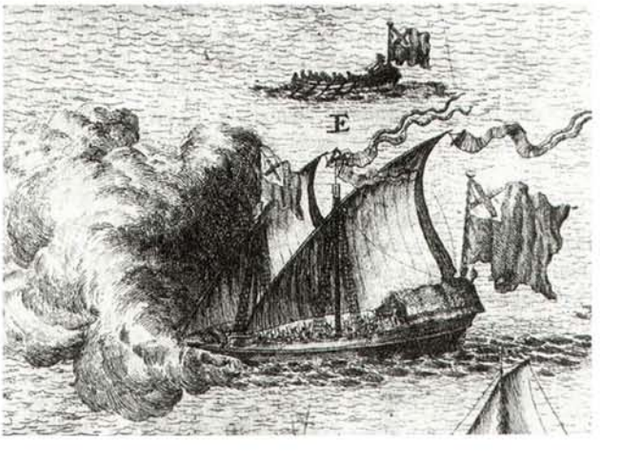
Морские солдаты участвовали во многих сражениях и операциях Северной войны 1700–1721 гг.

[10] РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 16. Д. 100. Л. 740–741.

Серебряная медаль за победу при Гангуте 27 июля 1714 г.

Silver medal for the victory in the Battle of Cape Hangö. July 27, 1714.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)



Скампавея контр-адмирала Петра Михайлова.

Skampaveya (small galley) of Rear Admiral Peter Mihaylov.

(Фрагмент гравюры А.Ф.Зубова. 1714 г.)
На этой скампавее во время Гангутского сражения находилась большая часть солдат и офицеров Галерного батальона. Рядом видна шлюпка Петра I.

Гангутское сражение 27 июля 1714 г.

The Battle of Hangö. July 27, 1714.

Картина художника А.П.Боголюбова. 1875–1877 гг. (ЦВММ)

При этом на кораблях Балтийского флота они служили вместе с солдатами сухопутных частей. Например, летом 1714 г. на борту трех корабельных эскадр находилось 1157 чинов морских батальонов и в то же время 1323 человека Лейб-Гвардии Преображенского, Семеновского и 2-го Гренадерского полков. На флагмане Петра I «Святая Екатерина» служили 128 гвардейцев и 266 чинов батальона Контр-адмирала. На галерной же эскадре армейские команды и вовсе имели доминирующее значение, поскольку солдат небольшого Галерного батальона едва хватало для скампавей высших начальников. При совместной службе неизбежно возникали *«некоторые противности между морских и сухопутных офицеров»*. В связи с этим 29 мая 1714 г. Петр I издал специальный указ, в котором впервые четко определил их взаимоотношения на борту:

«1. Понеже каждый корабль отдан в команду одному офицеру морскому, и для того повинны его как во управлении морском, так и во время баталии слушать сухопутные как офицеры, так и солдаты, кто б какого ранга ни был, понеже на нем то дело положено и на нем спросят.

2. Поручикам и прочим чинам морским <…> солдат не бить, разве во время бою, которые в своем деле, где они поставлены, не будут исправлять, тогда оных поручикам и подпоручикам тростью или шпагой бить вольно»[11].

Особое значение для российского флота имела морская кампания 1714 года. Готовясь к походу, царь с самого начала рассчитывал на активный ближний бой. Капитан Д.Ден вспоминал, что *«перед самым отплытием флота царь приказал к каждому судну прикрепить на шарнирах к планширу абордажный помост, упирающийся вдоль реек у входа на бак; во время же действия, в случае абордажа, эти помосты весьма удобно отодвигались и перебрасывались на планшир неприятельских судов для перехода по ним людей»*. Надежды Петра полностью оправдались 27 июля 1714 г. при Гангуте. В этом знаменитом сражении участвовал батальон Галерной эскадры: 1 майор, 3 поручика, 3 подпоручика, 1 батальонный квартирмейстер, 1 подпрапорщик, 4 сержанта, 4 капрала, 1 каптенармус, 1 барабанщик, 1 фельдшер и 91 рядовой – всего 111 человек. Основная часть батальона находилась на скампавее Петра I, которая стояла между первой и второй линиями русских галер. Сам государь при этом расположился рядом в шлюпке. Небольшой отряд морских солдат был также на галере капитан-командора М.Х.Змаевича, командовавшего в сражении моряками правого фланга. Кроме того, группы морских солдат находились на других русских галерах, взявших штурмом 2 шведских шхербота, 6 галер и флагман–18-пушечный прам «Элефант». В сражении погиб фельдшер Галерного батальона. Участников абордажа наградили медалями: солдат серебряными, офицеров – золотыми. Однако солдаты и офицеры, находившиеся на скампавее Петра I, медалей не получили, поскольку в самом абордаже они не участвовали. Некоторых же морских солдат, распределенных по галерам первой линии, при награждении забыли. Сохранилась челобитная солдата Га-

[11] Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. V. СПб., 1830. С. 107–108.

Российский император Петр Великий.

Russian Emperor Peter the Great.

Гравюра П. Субейрана с оригинала Л. Каравакка. 1743 г. (Частное собрание)

лерного батальона О. Мещерякова, который писал: *«В прошлом 1714 году <…> был на галере, как брали фрегат* [со] *своею братьею, с морскими салдаты, в равенстве. И ныне даютца его, великого государя, оным салдатом портреты* [то есть медали – Авт.]. *А мне <…> оного великого государя жалованья не выдают против своей братьи. А я в том шлюсь на сухопутных афицеров, кои были на галере»*[12]. Аналогичную просьбу подали еще 3 морских солдата, участвовавших в абордаже на 38-весельной полугалере «Сом».

Офицеры морских батальонов корабельных эскадр удостоились золотых медалей за другое славное сражение – битву 24 мая 1719 г. у острова Эзель. В этот день эскадра капитана 2 ранга Н. А. Сенявина атаковала и вынудила сдаться шведские корабль, фрегат и бригантину капитан-командора Врангеля. Судьбу сражения решили умелое маневрирование и меткий артиллерийский огонь. Первый бой парусных кораблей русского флота в открытом море закончился полной победой. В сражении 3 солдата погибли, 3 получили ранения. Офицеров эскадры наградили медалями с надписью *«Прилежание и верность превосходит силно»* (см. стр. 30).

В апреле 1720 г. был издан «Устав морской», окончательно определивший положение морских солдат в составе флота. В зависимости от класса корабля численность солдатских команд на борту колебалась от 206 до 56 человек, не считая офицеров. Общее командование морскими солдатами осуществлял майор, которому подчинялись секунд-майор и капитан. Солдаты несли всю строевую службу на кораблях и в портах, а во время войны участвовали в прибрежных десантах и абордажах. Седьмая глава устава «О майоре» определяла обязанности старших офицеров морской пехоты. Согласно ей, при каждом командую-

[12] *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 151–152.

Штаты частей морской пехоты к концу правления императора Петра Великого
(РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 584. Д. 1. Л. 142об.–148)

Чины	Подполковников	Майоров	Капитанов	Поручиков	Подпоручиков	Квартирмейстеров	Адъютантов	Прапорщиков	Подпрапорщиков	Сержантов	Каптенармусов	Капралов	Солдат	Полковых барабанщиков	Барабанщиков	Флейтщиков	Гобоистов	Полковой писарь	Писарей	Лекарь	Цирюльников	Полковых профосов	Профосов	Слесарей	Кузнецов	Плотников	Фурлейтов	Обозных	**Всего:**
Штат солдатской корабельной команды, согласно «Устава морского» 1720 года	–	2	2	21*	40	–	–	–	2	74*	36	141	4176	1	65	–	–	–	27	–	–	–	–	–	–	–	27	–	**4614**
Штат Адмиралтейского батальона по определению генерал-майора Г. П. Чернышева 1716 года	1	1	5	5	5	1	1	4	4	5	5	30	720	–	10	–	9**	1	5	1	5	1	5	5	5	5	5	1	**845**
Штат Галерного 3-ротного батальона по определению Адмиралтейской коллегии 1721 года	–	–	1	3	3	–	–	–	–	3	3	12	228	–	6	3	–	–	6	–	–	–	3	–	–	–	3	–	**274**

* *«В том числе 6 человек по адмиралтейскому регламенту по 64 артикулу из гвардии, а остальные по определениям коллегии с выключением оного числа из корабельных солдат».*

** *«Из них 1 иностранец».*

щем флотским соединением находился старший офицер, возглавлявший все команды морских солдат данной эскадры: «*Майору быть при Генерале-адмирале, секунд-майору при Адмирале от авангардии, капитану при Адмирале при арьергардии*». Устав, разработанный под руководством Петра I, оказался столь удачным, что им пользовались с небольшим перерывом более ста лет.

В соответствии с новым уставом Балтийский флот подвергся реорганизации. К 1721 году структура его «солдатского войска» выглядела следующим образом. Прежняя батальонная система была упразднена. На кораблях располагалась солдатская команда общим числом в зависимости от количества и класса кораблей. Например, в 1720 году корабельному флоту требовалось 4614 солдат и офицеров. На Галерной эскадре служил трехротный Галерный батальон, численность которого составляла 274 человека (включая офицеров). На прежних основаниях (по штату 1716 года) оставался Адмиралтейский батальон, охраняя здания, верфи, имущество и выполняя разные командировки. Впрочем, морское начальство довольно свободно обращалось со штатными положениями, меняя число солдат по своему усмотрению. В таком виде морская пехота существовала до конца царствования Петра I.

28 января 1725 г. Петр Великий умер. Завершилась эпоха преобразования Московского царства в Российскую империю. Реформы Петра на много лет определили развитие всех частей государства, прежде всего армии и флота. Основанная Петром I регулярная морская пехота с честью прошла боевое крещение в сражениях Северной войны. За 20 лет ее численность увеличилась с 1200 человек в 1705 году до более чем 5000 в 1725-м. Все это время служба морских солдат оставалась очень трудной, их снабжение велось не лучшим образом. Однако личное внимание императора к флоту помогало исправлять многочисленные недостатки. К сожалению, в следующие пять лет после смерти Петра Великого, при его ближайших преемниках, положение морской пехоты совершенно изменилось и серьезно ухудшилось.

Обмундирование морских солдат. 1705–1725 гг.

В ходе Северной войны морские солдаты и их офицеры стали носить мундир европейского фасона. Отсутствие в России массового производства качественных шерстяных тканей вынуждало прибегать к заграничным поставкам и, как следствие, к разнообразной расцветке вещей. Не исключено, что за годы правления Петра I цвет обмундирования морских солдат неоднократно

Фузелер морского батальона. 1719 г.

Обмундирование морского солдата представляет удобное сочетание пехотных и матросских вещей. Поверх серого бострога надет васильковый строевой кафтан. Для свободного движения на корабле вместо кюлот солдаты носили широкие матросские штаны, а вместо чересплечной патронной сумы – небольшой поясной подсумок гренадерского образца. В лопасть портупеи могла вставляться шпага, хотя часто морские солдаты не носили даже ее, ограничиваясь только штыком.

A fusilier, member of a nevy battalion, 1719.

Рисунок художника С.А.Летина. 2005 г.

Генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин.

Admiral General Count Fedor Matveevich Apraksin.

Портрет кисти неизвестного художника середины XIX в. (ГЭ)

С 1700 г. Ф.М. Апраксин (1661–1728) возглавлял Адмиралтейский приказ, затем Военную Морского флота канцелярию и являлся главным сподвижником морских начинаний Петра I. С образованием Адмиралтейской коллегии 15 декабря 1717 г. был назначен ее президентом.

менялся. Перечень основных его предметов можно найти в донесении вице-адмирала К.И. Крюйса к царю 10 февраля 1706 г. : *«И зело надобно, чтоб было у всякого солдата по зеленому кафтану, також по серому ямурлуку*[13] *для зимнего времени от снегу и стужи, а серые бостроги и штаны годны им солдатам на кораблях носить у работы, а ямурлуки на караул им же солдатам надобно. Да надобно ж, чтоб сержантам и капралам бы различное особое платье»*[14]. Из-за плохо налаженного снабжения в период Северной войны зеленый кафтан в комплекте с красным камзолом был редкостью. Обычно морские солдаты заменяли камзол серым суконным или канифасным бострогом (короткой морской курткой). Головным убором служила треугольная шляпа из черной валяной шерсти. Но гренадеры Морского полка носили особые шапки, которые по приказу Ф.М. Апраксина *«построили»* зимой 1710 г. в Москве в количестве 250 штук. По европейской моде начала XVIII в. эти шапки могли выглядеть как суконные колпаки, иногда обшитые по краю околыша медвежьим мехом. Присутствовала ли на них морская символика, и в какой форме – на сегодняшний день неизвестно.

Таким образом, первые 15 лет внешний вид морских солдат мало отличался от военнослужащих полевой русской армии. Однако в 1718 году, вероятно из соображений удобства несения службы на кораблях, у солдат морских батальонов отменили патронные сумы на плечевых портупеях и ввели небольшие поясные лядунки по образцу гренадер. Тогда же планировалось снабдить батальоны укороченными фузеями гренадерского образца. Скорее всего, морские солдаты не вооружались шпагами или палашами по примеру полевой пехоты, и из холодного оружия у них имелся только фузейный штык. Личные вещи солдаты хранили в кожаных сумках, которые на галерах складывали под лавки.

К концу Северной войны, наряду с разработкой мундирных регламентов для сухопутных войск, были предприняты меры по унификации морского обмундирования. В 1719 году морская пехота впервые получила мундиры особенного цвета – из василькового сукна. По новому положению солдатам и унтер-офицерам полагалось иметь два комплекта формы. Строевой мундир состоял из черной шерстяной шляпы (на 1 год), василькового суконного кафтана (выдавался на 5 лет). Вместо суконных камзола и штанов использовался матросский мундир – бострог и сермяжные штаны (на 1 год). На 2 года одному солдату полагались 3 пары кожаных тупоносых башмаков. Ежегодно каждого солдата и унтер-офицера следовало снабжать двумя парами суконных чулок красного или василькового цвета.

Васильковые кафтаны морские солдаты надевали редко, только во время караулов и *«прочей оказии»*, а повседневно носили матросский мундир. Но даже при таком сбережении вещи приходили в негодность быстрее, чем им следовала замена по сроку. В результате 13 июля 1723 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин писал Адмиралтейской коллегии, что *«во флоте Его Императорского Величества обретающиеся на кораблях морские солдаты так безмундированы находятся, что и на карауль употребить невозможно, что Его Императорскому Величеству не без противности и нам не без презрения и стыда есть»*.

До конца правления Петра I полноценный мундирный регламент для морских солдат так и не утвердили.

[13] Ямурлук – плащ от дождя, от турецкого слова «ямур» – дождь.

[14] Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 403.

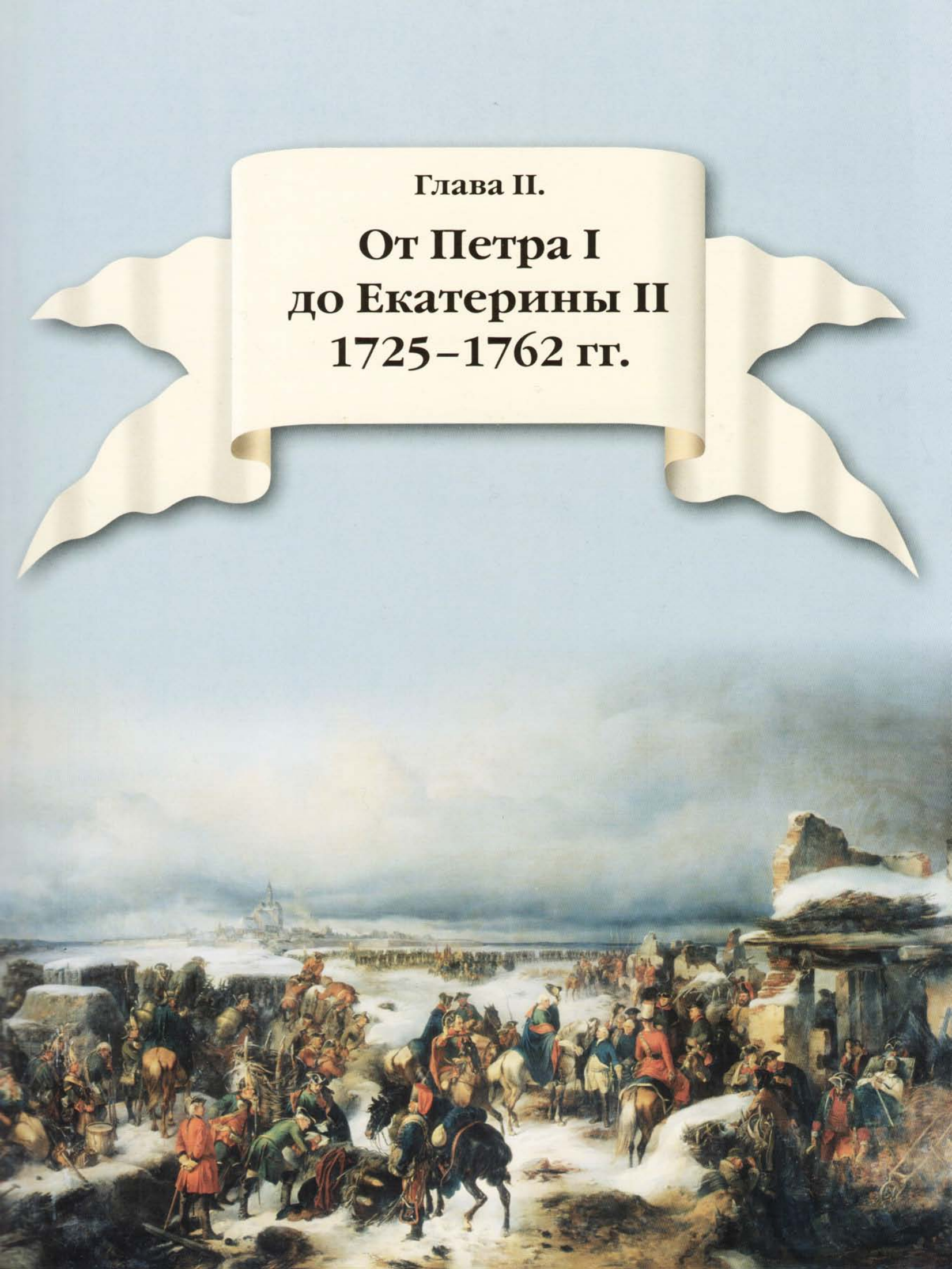
Золотая офицерская медаль за взятие трех шведских судов у острова Эзель 24 мая 1719 г.

Gold officers medal for the capture of three Swedish ships at Esel Island on May 24, 1719.

(Из коллекции М.С. Селиванова)

Глава II.

От Петра I до Екатерины II 1725–1762 гг.



Морская пехота при преемниках Петра Великого в 1725–1730 гг.

Библиография и источники:

Материалы для истории русского флота. Ч. V–X. СПб., 1875–1883.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова. СПб., 1868.

П.А. Румянцев. Сборник документов. Т. I. М., 1953.

Висковатов А.В. Военные действия российского гребного флота под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830.

После смерти Петра Великого его любимое детище – военный флот быстро пришел в упадок. Преемники царя-реформатора не проявляли интереса к морскому делу. Супруга Петра I императрица Екатерина государственными делами занималась мало и все отдала на усмотрение светлейшего князя А.Д. Меншикова. Последний больше старался об укреплении своего могущества, чем о продолжении петровских начинаний. Недолгое царствование Екатерины I (1725–1727 гг.) ознаменовалось придворными интригами, во время которых флот, лишенный высочайшего внимания, жил лишь старыми традициями. Очень скоро его боевая и хозяйственная части оказались в полном расстройстве. В 1727 году один из основателей Балтийского флота вице-адмирал К.И. Крюйс с горечью докладывал Сенату, что в Кронштадте *«морским и адмиралтейским служителям на Котлине острове без хлеба пробыть невозможно, а ныне хлеба на раздачу там нет, <...> голодные матросы и солдаты подобно отчаянному зверью»*[1]. Выучка флота стремительно падала. Последнее серьезное обучение морских солдат стрельбе проводилось в феврале 1725 г. при подготовке траурных церемоний по случаю смерти Петра Великого.

Вступивший на престол 7 мая 1727 г. внук Петра I – Петр II оказался просто не готов к серьезным делам. 11-летний император с головой окунулся в веселье и бурные забавы. Попойки, танцы, охота и грядущая женитьба занимали все помыслы юного правителя. Решение государственных вопросов было целиком отдано на усмотрение Верховного Тайного Совета, который в апреле 1728 г. постановил: *«...корабли и фрегаты держать в таком состоянии, чтоб если случиться нужда немедленно могли к походу вооружены быть; провиант же и другие припасы, необходимые для похода, обождать заготовлять. Для обыкновенного крейсерства и практического обучения команд изготовлять 5 кораблей меньших рангов, но в море без указа не выводить»*. Флот *«из экономии»* оказался прикованным к берегу. Корабли в плавание выходили очень редко, а поход за пределы Балтийского моря считался чуть ли не подвигом. По-прежнему отсутствовало нормальное снабжение. Адмиралтейская коллегия постоянно отмечала, что матросы и солдаты *«ходят наги и босы»*, а их дисциплина ниже всякой критики. Возглавлявший коллегию адмирал П.И. Сиверс тщетно требовал, *«чтоб морские служители по улицам и кабакам пьяные не ходили и не валялись и бесчинств не чинили»*. Положение оставалось угнетающим.

Несмотря на общую деградацию флота, верховная власть охотно занималась другими, более приятными делами. Все большее распространение получало внешнее щегольство и роскошь. При остром недостатке средств Адмиралтейская коллегия 5 марта 1728 г. решила создать дорогостоящую Гренадерскую роту, в которую выбрать унтер-офицеров и рядовых *«из солдат корабельного флота рослых и хороших людей»*. Новой ротой командовал лейтенант. В нее входили 2 сержанта, 2 каптенармуса, 6 капралов, 2 барабанщика, 1 флейтист и 144 гренадера. Кроме того, небольшие команды гренадер (капральства) полагалось иметь в Ревеле, Кронштадте, на Галерной эскадре и в Адмиралтейском батальоне. Положение гренадер было привилегированным. На работы, кроме караулов, они не назначались, а в походе на корабли не расписывались. Гренадеры составляли личные конвои флагманов флота в зависимости от чина: при генерал-адмирале находились 30 гренадер, при адмирале – 20, вице-адмирале – 15, шаутбенахте – 10, капитан-командоре – 6. Обмундирование роты отличалось великолепием и богатой отделкой. 18 июня 1730 г. в дополнение к этим гренадерам, которых предписывалось *«кроме караулов никуда не посылать»*, было принято решение *«вместо их выбрать та-*

Сдача гарнизона крепости Кольберг 6 декабря 1761 г.

Surrender of the Kohlberg Fortress. December 6, 1761.

Картина художника А.Е. Коцебу. 1852 г. (ВИМАИВиВС)

В центре картины изображен граф П.А. Румянцев, принимающий от прусского коменданта капитуляцию, в которой российский генерал «все горделивые неприятельские претензии уничтожил».

[1] Исторический обзор развития и деятельности морского министерства за сто лет его существования. 1802–1902. Сост. С.Ф. Огородников. СПб., 1902. С. 12.

Императрица Екатерина I.

Миниатюра работы художника А.Г. Овсова. 1726 г. (ГЭ)

Empress Catherine the First.

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Миниатюра работы художника Г.С. Мусикийского. Около 1710 г. (ГЭ)

Svetleyshiy (highest prince rank in Russia until 1917) Prince Alexander Danilovich Menshikov.

Император Петр II.

Миниатюра работы художника А.Г. Овсова. 1720-е гг. (ГЭ)

Emperor Peter the Second.

кое же число из солдат с кораблей и, выбрав, выдать им прежней гренадерской амуниции» – то есть сформировать еще одну гренадерскую роту, но для постоянной строевой службы на кораблях.

Помимо учреждения морских гренадер, Адмиралтейская коллегия 26 октября 1728 г. утвердила новый штат трех солдатских рот Галерной эскадры. В сентябре 1727 г. они насчитывали 6 офицеров, 23 унтер-офицера, 292 рядовых и были почти укомплектованы. Теперь, с увеличением галерного флота, возросло и число морских солдат. Отныне предписывалось содержать в трех ротах 1 майора (старшего над всеми ротами), 10 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 432 солдата, 6 барабанщиков, 4 писаря, 3 профоса и 3 слесаря – всего 489 человек. Это увеличение стало одним из немногих позитивных сдвигов для морской пехоты во второй половине 1720-х гг.

Морская пехота в царствование императрицы Анны Иоанновны. 1730–1741 гг.

В разгар подготовки к свадьбе и коронации 18 января 1730 г. юный Петр II скоропостижно скончался. Его смерть оказалась полной неожиданностью для вельмож. После недолгого замешательства Верховный Тайный Совет пригласил на царствование племянницу Петра I – Анну Иоанновну, короновавшуюся 28 апреля 1730 г.

С восшествием на престол новой императрицы начались попытки возродить флот, серьезно деградировавший за 5 лет после смерти Петра Великого. При Адмиралтейской коллегии была создана Воинская морская комиссия, работу которой возглавил видный государственный деятель граф А.И.Остерман. Среди прочего комиссия озаботилась судьбой морских солдат, которых насчитывалось на кораблях 4235, в трех галерных ротах 489, в Адмиралтейском батальоне 663, при Казанском адмиралтействе 159, в портах 200 – всего 5746 офицеров и нижних чинов. Самое удручающее положение сложилось в корабельном флоте, где солдаты *«состояли ни полками, ни ротами, но такими компаниями, сколько на котором корабле по великости иметь положено, и от того, когда бы случилось собрать и совокупить из них полк или несколько баталионов, то по надлежащему воинскому порядку иных не достанет, а другие излишние»*. Кроме того, *«и главных штабов, которые бы при оных могли надлежащую воинскую экономию соблюдать и содержать, над оными было не учреждено»*. Комиссия решила, что подобная структура не удобна для руководства морскими солдатами *«и так порядочно содержать их невозможно»*.

Свои выводы и предложения комиссия сообщила Сенату, который их одобрил и направил на рассмотрение императрице. 7 июня 1733 г. Анна Иоанновна утвердила новую организацию солдатской команды Балтийского флота. Поскольку в декабре 1732 г. вместо прежних трех эскадр на Балтике было решено оставить только две, все корабельные, адмиралтейские и галерные солдаты сводились в 1-й (Барша) и 2-й (Баракова) морские полки по 12 фузелерных рот в каждом. Роты распределялись по трем батальонам. Общее количество солдат и офицеров полка составляло 2505 человек. В их числе находились 200 гренадеров, которые равномерно распределялись по всем 12 ротам, но при парадах и походах собирались вместе, образуя гренадерскую роту.

Общее командование ротами и батальонами полка осуществлял полковник, причем предписывалось *«особо полковников не держать, дабы излишнего коштy не происходило»*. Для экономии средств полковник назначался из морских капитанов, *«которые в том искусство имеют»*. Фактически это означало совмещение полковником сухопутных и морских обязанностей, что делало его должность на практике номинальной. Так, командир 1-го морского полка Яков Савич Барш постоянно находился в плаваниях на кораблях Балтий-

Императрица Анна Иоанновна.

Empress Anna Ioannovna.

Потрет кисти Л.Каравакка. 1730 г. (ГТГ)

ского флота, затем, в 1739–1741 гг., руководил Днепровской флотилией и физически не мог контролировать свой полк. В подобных обстоятельствах реальное командование полком осуществлял подполковник, назначавшийся в помощь командиру из сухопутных войск. При нем состоял унтер-штаб из 7 человек. Во главе каждого из трех батальонов полка находился майор из морских лейтенантов *«в воинских экзерциициях и управлениях искусных»*. Помимо прочих обязанностей, подполковнику и майорам дополнительно вверялось командование одной ротой. Остальные 8 рот полка возглавляли капитаны *«из сухопутных офицеров искусных»*. Младшими офицерами в роту назначались лейтенант из морских мичманов и сухопутный прапорщик. Таким образом, офицерский состав морского полка имел смешанный характер.

В соответствии со своими обязанностями морские полки общей численностью 5010 человек выделяли 3913 человек для службы на кораблях Балтийского флота, 578 человек к Адмиралтейству и 477 в порты. Специальных солдат на галерах не предусматривалось, поскольку в случае войны их предполагалось набирать из армейских полков. Для огневой поддержки во время десантов каждому морскому полку полагалось иметь артиллерию: две 3-фунтовые пушки на лафетах и четыре стальных мортирки *«равно против того, как определено при полевых полках, дабы во время десанту оные полки имели быть в состоянии, как полевые полки»*[2]. Однако своих канониров полк не имел, а к пушкам и мортиркам предписывалось их *«употреблять из флотского комплекта»*, то есть из морской артиллерии.

Таким образом, «солдатское войско» Балтийского флота получило стройную организацию. Вместе с тем комиссия предложила перевести всех служивших в Ревеле морских солдат в Кронштадт, *«где имеются казенные питейные дома, отчего будет множиться денежный сбор»*. К весне 1733 г. расквартирование полков было завершено, и солдаты приступили к службе, обучению, а также работам по строительству кронштадтского канала. 1 апреля 1734 г. 1-й морской полк провел показательные учения в присутствии императрицы и заслужил похвалу. В том же году новым полкам пришлось пройти боевое крещение на кораблях российской эскадры.

1 февраля 1733 г. умер польский король Август II. Началась борьба за престол, в которой европейские державы пытались помочь своим ставленникам. Россия покровительствовала сыну умершего короля – саксонскому курфюрсту Фридриху-Августу II. Между тем при поддержке

[2] РГВИА. Ф. 5. Оп. 1/72. Кн. 29. Л. 666.

Штат двух морских полков при флоте, адмиралтействе и портах, высочайше утвержденный 7 июня 1733 г.

			В роте	В полку	В двух полках
Полкового штаба	*«И сим штабам содержать сверх настоящего своего управления и роты»*	Полковников *«из морских капитанов, которые в том искусство имеют, а особо полковников не держать, дабы излишнего кошту не происходило»*	–	1	2
		Подполковников *«из сухопутных»*	–	1	2
		Майоров, *«из которых по два старших и по одному младшему из морских лейтенантов, в воинских экзерциициях и управлениях искусных»*	–	3	6
Унтер-штаба	Адъютантов		–	2	4
	Квартирмейстеров *«Им же управлять и комиссарскую должность»*		–	1	2
	Аудиторов *«Им же управлять должность и полкового писаря»*		–	1	2
	Лекарей		–	1	2
	Полковых барабанщиков		–	1	2
	Полковых профосов		–	1	2
Ротного штаба	Капитанов *«из сухопутных офицеров искусных за выключением тех рот, которые имеют содержать штабы»*		1	8	16
	Лейтенантов *«из морских мичманов, в воинских экзерциициях и управлениях искусных»*		1	12	24
	Прапорщиков *«из сухопутных»*		1	12	24
	Сержантов		3	36	72
	Каптенармусов		1	12	24
	Гефрейт-капралов		1	12	24
	Фурьеров		1	12	24
	Писарей		1	12	24
	Капралов		4	48	96
	Солдат, *«из которых иметь две роты гренадерских, которых содержать в прочих ротах по пропорции, а не особливо»*		190	2280	4560
	Цирюльников		1	12	24
	Барабанщиков		3	36	72
	Флейтщиков		–	1	2
	Всего:		**208**	**2505**	**5010**

Генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси.

Field-Marshal General Peter Lacy.

Гравюра И.И.Хайда по портрету кисти А.Винда. Середина XVIII в. (ГЭ)

Генерал-фельдмаршал Бурхард Христофор Миних.

Field-Marshal General Burhard Christoph Münnich.

Гравюра И.И.Хайда по портрету кисти А.Винда. Середина XVIII в. (ГЭ)

Франции власть захватил Станислав Лещинский – давний союзник Карла XII и враг Петра I. Тогда Анна Иоанновна двинула в Польшу русские войска под командованием генерал-аншефа П.П.Ласси. Взяв Варшаву и Краков, Ласси загнал войска Лещинского в морскую крепость Данциг. Осаду крепости с марта 1734 г. возглавил фельдмаршал Б.Х. Миних. Франция в свою очередь прислала к Данцигу военную эскадру, которая 24 мая заняла рейд и в устье Вислы у форта Вейхсельмюнде высадила по одному батальону из трех пехотных полков Блеэзуа, Перигор и Ля Марш[1].

1 июня на помощь Миниху подошла балтийская эскадра адмирала Т. Гордона, на кораблях которой находилось 1700 морских солдат. Правда, 900 из них составляли неопытные рекруты. Миних сразу же стал просить выделить солдат для штурма Данцига. Но совет флагманов ответил ему: *«Солдат с флоту никак дать не можем, для того, что более указанного комплекта морских служителей на кораблях не имеем, к тому ж из оных имеются не малое число из рекрут и морскому делу еще не обученных; к тому ж на каждом корабле имеются больные»*. После переговоров Гордон согласился высадить рекрутов, но никак не хотел отпустить ветеранов, объясняя, что *«старые солдаты у нас обучены добрыми матросами»*. В конце концов, Миних от такой помощи отказался.

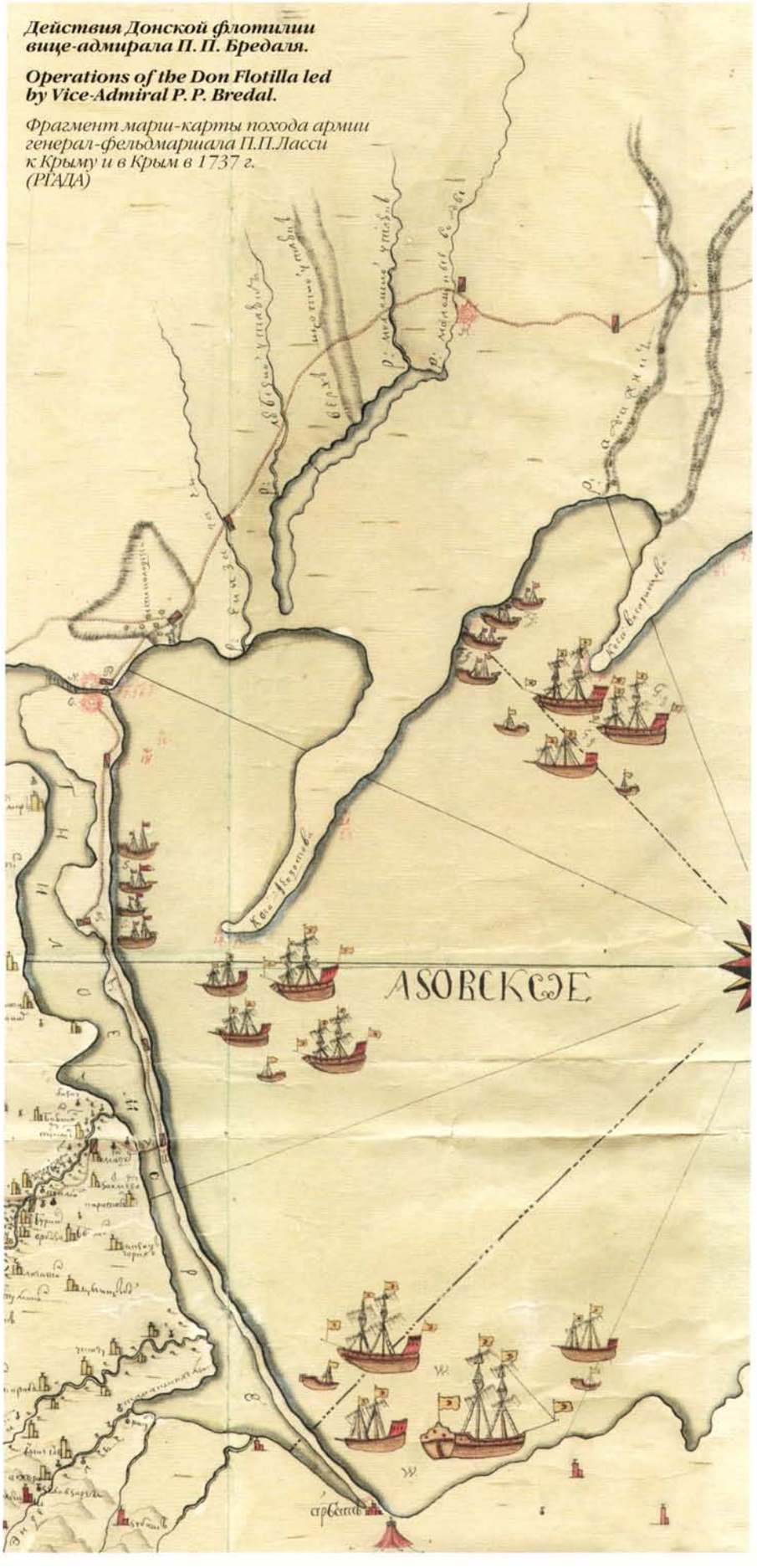
Между тем французская эскадра оставила свой десант и удалилась. Корабли Гордона вошли на Данцигский рейд и 4 июня начали обстреливать лагерь французской пехоты на полуострове Плате. После непродолжительной обороны французы 11 июня капитулировали. 2100 человек сдались в плен. Согласно условиям сдачи, их посадили на корабли и под конвоем морских солдат отправили через Кронштадт в Швецию. Так закончилось первое столкновение русских и французских войск. После неудачи французов Данциг 19 июня 1734 г. тоже капитулировал. Польский престол занял ставленник России Фридрих-Август II, короновавшийся под именем Августа III.

Одновременно с событиями в Европе все сильнее обострялись русско-турецкие отношения. Завершив кампанию в Польше, Россия начала готовиться к новой войне против Турции. В 1734 году из людей двух морских полков составили сводный батальон, который отправился в Тавров на корабли строящейся Донской флотилии. Совершив поход, батальон (12 офицеров, 36 унтер-офицеров и капралов, 577 солдат) в 1735 году был расписан по лодкам, прамам и галерам. Для усиления батальона планировалось послать еще 323 солдата, но в связи с общей нехваткой людей в морских полках их задержали до следующего года.

Весной 1736 г. Донская армия генерал-фельдмаршала П.П. Ласси двинулась к Азову и осадила крепость. В этой ситуации кроме солдат, необходимых по прежним расчетам для укомплектования сводного батальона, Адмиралтейская коллегия 16 марта 1736 г. признала нужным послать в Тавров еще 350 морских пехотинцев с офицерами и унтер-офицерами. Но, судя по документам, это пополнение на юг так и не отправилось.

20 июня 1736 г. после упорного штурма Азов сдался. Корабли Донской флотилии вице-адмирала П.П.Бредаля получили свободный выход в море. В 1737 году они поддерживали беспримерный поход армии Ласси в Крым по Арабатской стрелке, перевозя и высаживая пехотные полки. В следующем 1738 г. флотилия опять вышла в море, имея на лодках в составе батальона 1 штаб-офи-

[1] В 1734 г. кардинал Флёри (Fleury) направил в Данциг обсервационный корпус, состоящий из одной эскадры, усиленной тремя французскими пехотными полками – Перигор (Règiment d'Infanterie du Pèrigord), Блэзуа (Règiment d'Infanterie de Blaisois) и Ля Марш (Règiment d'Infanterie de La Marche). Общая численность этого корпуса 23 мая 1734 г., по французским данным, была равна 2400 чел. Сведения предоставлены Д.И. Горшковым.



Действия Донской флотилии вице-адмирала П. П. Бредаля.

Operations of the Don Flotilla led by Vice-Admiral P. P. Bredal.

Фрагмент мари-карты похода армии генерал-фельдмаршала П.П.Ласси к Крыму и в Крым в 1737 г. (РГАДА)

цера, 13 обер-офицеров и 443 морских солдата. Турки, наученные предыдущей кампанией, хорошо подготовились к встрече. 6 июня 1738 г. турецкий флот блокировал флотилию Бредаля у Федотовой косы (около 70 км от современного города Мелитополя). Тогда 8–9 июня солдаты вырыли через косу ров шириной 8,5 метров. Под огнем противника они перетащили 119 лодок на другую сторону и, засыпав ров, отгородились от неприятеля. Этим дерзким маневром Бредалю удалось избежать поражения, но лишь на время. Через неделю турецкий флот обошел косу и снова блокировал флотилию. Тогда Бредаль приготовился к долгой обороне. Лодки вытащили на отмель, на берегу построили батареи и целый месяц вели перестрелку с турецкими кораблями. В конце концов, не имея возможности прорваться, 15 июля 1738 г. команды сожгли все лодки, пушки утопили в море и сухим путем двинулись в Азов. Совершив длительный марш по маловодной степи, морские солдаты 8 августа 1738 г. пришли на Дон. До 1741 года они составляли гарнизон Азовской крепости, после чего вернулись в Петербург[4].

Небольшой отряд морских солдат находился и при Главной армии генерал-фельдмаршала Б.Х.Миниха, в помощь которой создали Днепровскую флотилию. 37 нижних чинов морских полков охраняли ее верфи в Брянске.

Военнослужащие морских полков использовались не только для боевых действий. Например, в знаменитой 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга участвовали 3 прапорщика, 1 фурьер, 2 капрала, 40 морских солдат и гренадеров. За время экспедиции (1733–1742 гг.), проходившей в сложнейших условиях, 4 гренадера и 3 солдата умерли от истощения.

Но особенно массовыми были дальние посылки солдат на охрану портов, верфей и военного имущества. В результате численность морских полков стремительно сокращалась. При штате в 5010 человек к марту 1739 г. полки реально насчитывали лишь 3954 человека, из которых 2082 находились в командировках, а из 1872 оставшихся 517 составляли необученные рекруты[5].

В результате с началом русско-шведской войны (1741–1743 гг.) флот оказался не готов выйти в море. Адмиралтейская коллегия принимала экстренные меры, чтоб хотя бы к 1742 году укомплектовать эскадры. Но даже после возвращения сводного батальона из Азова в обоих морских полках насчитывалось только 4365 человек. Причем вместо положенных на кораблях Балтийского флота и при Адмиралтействе 4491 человека в Петербурге и Кронштадте их находилось лишь 2378. Остальные морские солдаты были рассеяны по всей империи: один батальон служил в Архангельске, небольшие отряды располагались в Ревеле, Астрахани, Казани, Брянске, Таврове, на Камчатке, на разных казенных заводах.

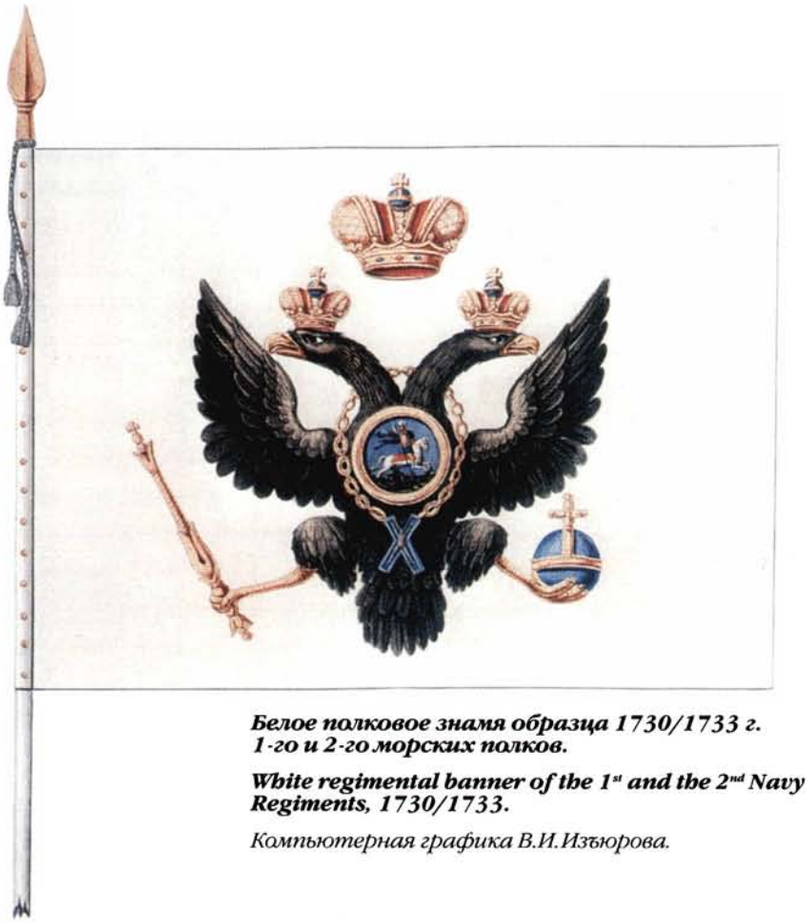
При столь остром некомплекте Адмиралтейская коллегия нанесла морским полкам еще один сокрушительный удар. 479 опытных солдат *«старых и в морской службе бывалых»* перевели в матросы. Флот практически лишился своей морской пехоты, поскольку в полках остались солдаты *«за новостию из рекрут и за необыкновением к службе морской, некоторые ж за старостию и за болезнями»*. Не удивительно, что с началом кампании 1742 года *«оставлена их большая часть на берегу, и многие из них были в госпитале»*.

Спохватившись, на корабли начали сажать солдат Дербентского, Сальянского и Дагестанского пехотных полков. Теперь Адмиралтейская коллегия признавала, что морские *«солдатские полки требуют довольного укомплектования, и ежели б <...> 3 армейских полков командировано не было, то б вооружить и на море вывести флот не кем»*. Лишь с помощью полевой пехоты российским эскадрам удалось провести удачные кампании против шведов в 1742 и 1743 гг. Так, 20 мая 1743 г. в Аландских шхерах у острова Корпо отряд из 9 русских гребных судов капитана 1 ранга И.И. Кайсарова заставил отступить в два раза большую по численности шведскую галерную эскадру.

Знамена морской пехоты 1733–1744 гг.

Царствованием Анны Иоанновны связано пожалование морской пехоте первых знамен. В их символике отразилось сочетание морских и сухопутных традиций. Уже к весне 1734 г. 1-й и 2-й морские полки имели комплекты камчатых (шелковых) знамен с чехлами: два полковых знамени белого цвета и 22 ротных – красного. В «Санкт-Петербургских ведомостях» того времени упоминается, что 1-й морской полк *«имеет одно знамя белое, а прочие все красные. На белом знамени находится государственный герб с синим крестом Святого Апостола Андрея, а на красных имя Ее Императорского Величества под Императорскою короною и крест Святого Апостола Андрея, имеющий на концах якорные лапы, при чем они по углам горящими бомбами украшены»*[6].

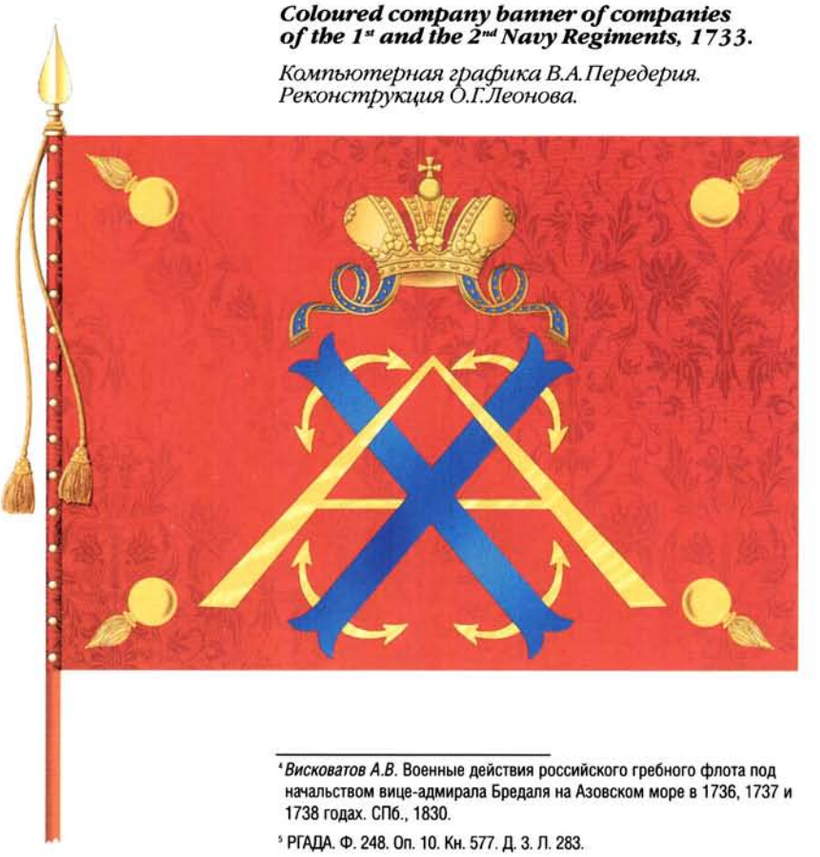
Рисунок белых полковых знамен, очевидно, соответствовал образцу полковых знамен армейской пехоты 1730 года. Ротные же красные знамена, судя по всему, были близки образцу полотнища знамени сформированного незадолго перед этим в сентябре 1730 г. Лейб-Гвардии Измайловского полка. Такие знамена просуществовали в морских полках до их расформирования в 1744 году.



Белое полковое знамя образца 1730/1733 г. 1-го и 2-го морских полков.

White regimental banner of the 1st and the 2nd Navy Regiments, 1730/1733.

Компьютерная графика В.И. Изъюрова.



Цветное ротное знамя образца 1733 г. для рот 1-го и 2-го морских полков.

Coloured company banner of companies of the 1st and the 2nd Navy Regiments, 1733.

Компьютерная графика В.А. Передерия. Реконструкция О.Г. Леонова.

[4] *Висковатов А.В.* Военные действия российского гребного флота под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 577. Д. 3. Л. 283.

[6] Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 1 апреля. С. 3.

Морская пехота в царствование императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг.

Императрица Елизавета Петровна.

Empress Elizabeth Petrovna.

Портрет кисти К.Ванлоо. 1760 г. (ГМЗ «Петергоф»)

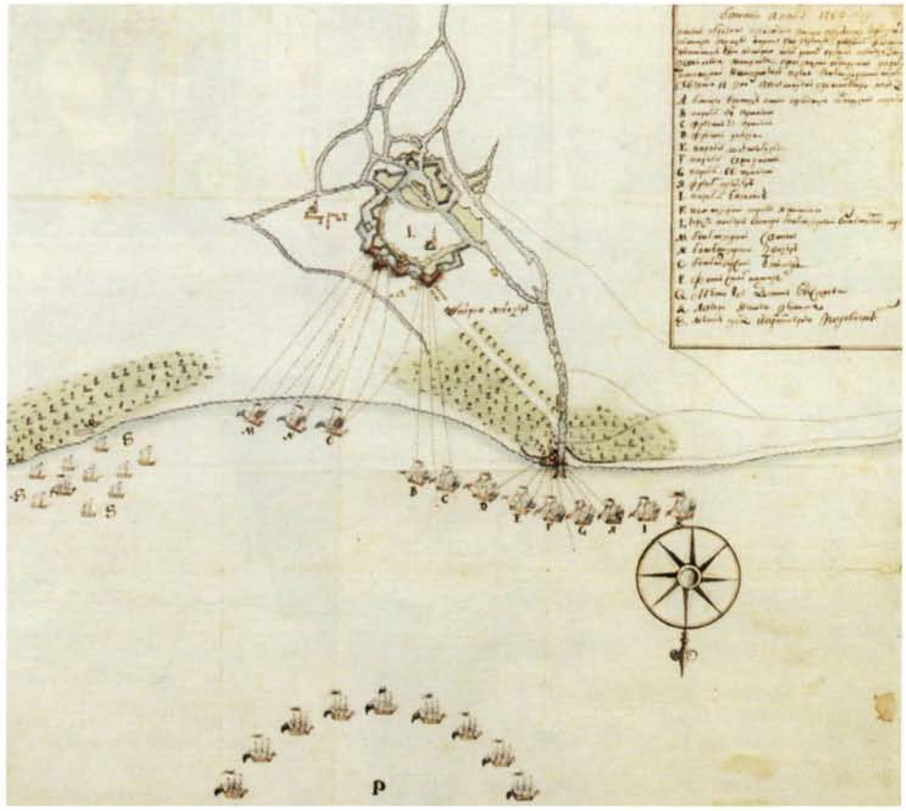
25 ноября 1741 г. на престол взошла дочь Петра I – императрица Елизавета Петровна, которая обратила внимание на бедственное состояние морских полков. Для их пополнения 5 февраля 1743 г. она назначила солдат Бакинского, Дербентского, Дагестанского и Сальянского пехотных полков *«по способности их к морской службе, для того, что оные в Персидском корпусе, а потом в Турецкую войну в Азовской экспедиции служили и по нескольку кампаний на тамошних морях бывали, почему уже к оной морской службе частию приобыкли»*. Однако, несмотря на это пополнение, дни морских полков были уже сочтены.

Идеологической основой правления императрицы Елизаветы стала преемственность деяний Петра I. Поэтому, приступая к реформам, она именным указом 2 апреля 1743 г. объявила свое намерение *«флот содержать во всем на основании, учиненном Ее Императорского Величества от Государя родителя блаженной и вечной славы достойной памяти Государя Императора Петра Великого»*[7]. В соответствии с этим Адмиралтейская коллегия 10 марта 1744 г. представила новое флотское расписание, по которому морские полки упразднили и возродили *«петровску»* систему, существовавшую до 1733 года. Морская пехота снова стала состоять из Адмиралтейского батальона, трехротного Галерного батальона и корабельной солдатской команды общей штатной численностью 5735 человек. Нельзя сказать, чтобы эта реформа являлась серьезно продуманной. Политические устремления оказались сильнее разумных доводов, изложенных в докладе Воинской морской комиссии 1733 года. Решениями 1744 года в развитии морской пехоты был сделан скорее шаг назад, нежели вперед. Тем не менее, эта система просуществовала 20 лет.

К сожалению, петровская суть в преобразовании морских солдат оказалась только внешней. Вместе с прежней структурой солдатская команда и батальоны не получили от императрицы должной заботы. К постоянной нехватке нижних чинов добавился еще острый некомплект офицеров. С 1743 года чинопроизводство на флоте было приостановлено. В результате к 1748 году в солдатской команде не хватало более половины офицеров. Тогда Адмиралтейская коллегия решила до утверждения императрицей самостоятельно назначить 50 лучших унтер-офицеров на должности прапорщиков. Этот необходимый шаг вместо поощрения вызвал осуждение верховной власти. В 1750 году Сенат отменил решение коллегии и велел наказать виновных в самочинном производстве. Не удивительно, что дальнейшее комплектование «солдатской команды» офицерами испытывало большие трудности. Впрочем, это была общая проблема морской службы. Как отмечалось в одном из докладов, *«кроме бедных дворян, по большей части поневоле записанных, и детей во флоте служащих офицеров, нет никого, кто бы в оную вступить отважился»*.

В таком состоянии Балтийский флот встретил Семилетнюю войну 1756–1763 гг. Несмотря на все проблемы, русские корабли совершали боевые походы к берегам Швеции, Дании, Померании. Но для морских солдат главными стали действия под крепостью Кольберг, прикрывавшей с северо-востока подступы к внутренним областям Прусского королевства. Долгое время российским войскам не удавалось взять этот важный пункт. 15 августа 1760 г. к крепости подошла эскадра адмирала З.Д.Мишукова и 17 августа высадила десант – 700 морских солдат при 5 пушках и 2 единорогах под общим командованием капитана А.Секерина. Десант закрепился на берегу, и 19 августа Мишуков велел свезти с кораблей всех морских солдат. Операция развивалась успешно. Построив лагерь, десант 28 августа атаковал прибрежную прусскую батарею в устье реки Перзанте и штурмом взял ее. Но 7 сентября небольшой отряд противника внезапно контратаковал батарею, застал русские войска врасплох и захватил ее сходу. Распространился слух, что к пруссакам подошли большие подкрепления. В войсках началась

[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 592. Д. 2. Л. 20–20об.



Фрагмент плана действий эскадры адмирала З. Д. Мишукова под Кольбергом в августе – сентябре 1760 г.

(РГА ВМФ)

На плане изображена прусская батарея в устье реки Перзанте, захваченная десантом 28 августа 1760 г.

Fragment of the combat action plan of Admiral Z. D. Misbukov's Navy Force in the vicinity of Kohlberg, August – September 1760.

паника: *«солдаты, пришед единожды в робость и замешание, ружья свои кидали и на корабли бросались»*. Хотя к вечеру батарею отбили, Мишуков решил срочно эвакуировать десант. В неоправданной спешке оставшееся на берегу имущество, палатки и провиант сожгли, а пороховой погреб взорвали. Уже 9 сентября эскадра отплыла в Кронштадт. После этого сухопутная армия вынуждена была также отойти на зимние квартиры.

Действия Мишукова вызвали осуждение в Петербурге, где его признавали главным виновником того, что *«предприятие наше на Кольберг желанного успеха не имело, но обратилось паче к некоторому предосуждению победоносного нашего оружия»*. Также отмечалось, что *«солдаты и матросы достойны были б жесточайшего наказания»*. Императрица велела *«объявить, что они действительно смертной казни достойны, но что из милосердия нашего ныне только прощаются с тем, чтоб при другом случае лучше то заслужить старались»*. Государыня простила и Мишукова, полагая, что *«адмирал Мишуков справедливое наше неудовольствие уже довольно чувствует»*. Но в следующем году командование эскадрой поручили уже вице-адмиралу А. И. Полянскому. В конце концов, по решению Военной коллегии от 18 декабря 1763 г. за провал операции под Кольбергом был наложен штраф на командовавшего арьергардом флота вице-адмирала С. И. Мордвинова, обер-цейхместера И. Демидова и капитана 2 ранга А. Е. Шельтинга.

В августе 1761 г. осаду Кольберга возглавил генерал-поручик граф П. А. Румянцев. Как и в предыдущую кампанию, российская эскадра подошла к крепости и 22 августа свезла на берег десант из 2012 морских солдат и матросов с офицерами при 19 пушках и 51 мортирке. Солдаты высаживались у деревни Инкенаген в полном боевом снаряжении. Из матросов половина имела ружья со штыками и соответствующей амуницией, вторая же часть была вооружена пиками и пистолетами. Каждому солдату и матросу отпускалось 50 патронов. Кроме того, десант снабжался лопатами и топорами *«для случающихся на берегу работ»*. Общее командование морским отрядом осуществлял

Подполковник Морского кадетского корпуса Софрон Борисович Шубин.

Lieutenant Colonel of the Sea Cadet Corps Sofron Borisovich Shubin.

Портрет кисти Г. Сердюкова. 1774 г. (ГРМ)

В 1760 г. С. Б. Шубин в чине капитан-лейтенанта участвовал в Кольбергском десанте.

Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский.

Field-Marshal General Count Peter Alexandrovich Rumiantsev-Zadunaysky.

Портрет кисти неизвестного художника 1770-е гг. (ГИМ)

Выдающийся русский военачальник. В 1761 г. в чине генерал-поручика успешно руководил осадой Кольберга.

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Admiral Gregory Andreevich Spiridov.

Портрет кисти неизвестного художника 1770-е гг. (ГИМ)

В августе – сентябре 1761 г. в чине капитана 1 ранга возглавлял морской десант под Кольбергом. 6 сентября лично руководил атакой прусской береговой батареи и отличился при ее взятии штурмом.

капитан 1 ранга Г.А.Спиридов, считаясь *«за полковника»*. Подполковником значился капитан 2 ранга М.Б.Лебедяников. Высадившись у деревни Инкенгаген, десант поступил в подкрепление отряда бригадира А.И.Неведомского (Углицкий пехотный полк, батальоны Миллера и Игельстрома) на правом фланге русской позиции. Г.А.Спиридов приложил немало усилий, чтобы организовать солдатскую команду на берегу. По традиции была составлена гренадерская рота под командованием лейтенанта П.И.Пущина, а также по примеру войск Румянцева выбрана сотня матросов и солдат в стрелки. Вместе с сухопутными частями стрелки и гренадеры ежедневно вели бой в большом Боденхагенском лесу, выгнав из него пруссаков. Остальные десантники активно использовались для выгрузки провианта и строительства укреплений. Матросы построили и обнесли палисадом двойной редут на 32 орудия («штерн-шанц»).

6 сентября русский правый фланг предпринял атаку на приморскую батарею врага. Спиридов находился вместе с Неведомским и руководил своими войсками. 600 морских солдат (в том числе гренадерская рота Пущина), 300 матросов и 30 канониров с мортирками вместе с пехотой взяли укрепление штурмом, захватив 7 пушек, 3 прусских офицеров и 190 нижних чинов. После удачного штурма Неведомский заболел, и его сменил бригадир С.Д.Дурново. Чтобы закрепить успех, между захваченной батареей и следующим вражеским укреплением матросы и солдаты построили новую русскую батарею.

Между тем погода начала стремительно портится, и 15 сентября вице-адмирал А.И.Полянский стал сажать десант обратно на корабли. 19 сентября Румянцев велел Дурново отпустить всех морских солдат и матросов с артиллерией. Большая часть десанта вместе с Г.А.Спиридовым погрузилась на суда эскадры, отправившейся 27 сентября в Россию. По просьбе Румянцева у Кольберга остались 618 морских солдат с офицерами под прикрытием кораблей «Варахаил», «Нептунус» и фрегата «Святой Михаил». Последние десантники сели на корабли 7 октября 1761 г. и 28-го числа того же месяца прибыли в Кронштадт.

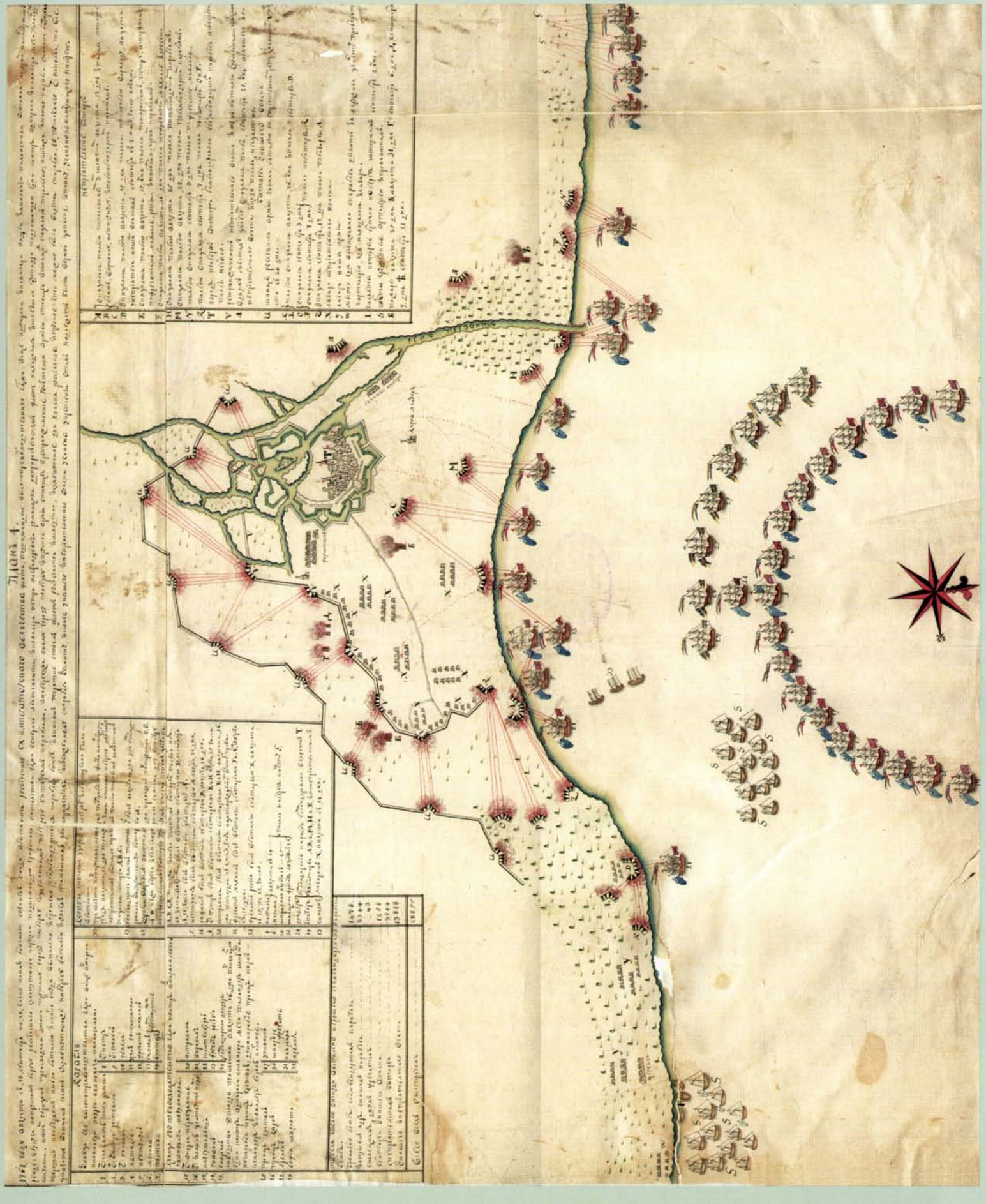
За месяц боев морские солдаты внесли существенный вклад в осаду Кольберга. Операции десанта серьезно помогли правому русскому крылу, а взаимодействие морских и сухопутных частей заслужило высокую оценку. За отличные действия морских команд под Кольбергом граф Румянцев выдал капитану Спиридову особый аттестат. В итоге совместных усилий 5 декабря 1761 г. крепость капитулировала. Русским достались 2929 пленных солдат и офицеров, 45 знамен, 3 штандарта, 146 крепостных орудий и много имущества. Дорога в Пруссию была открыта. Но известие об этой победе пришло в Петербург слишком поздно. 25 декабря 1761 г. императрица Елизавета Петровна скончалась.

Вступивший на престол внук Петра I – Петр III – почитал не своего великого предка, а прусского короля Фридриха II. Новый император тут же прекратил военные действия в Пруссии. Снова была создана комиссия *«для приведения в лучшее состояние флотов»*. Император желал, *«чтобы сделать и во всегдашней исправности содержать такой флот, который бы надежно превосходил флоты прочих на Балтийском море владычествующих держав»*. Но и в этот раз благим начинаниям не суждено было сбыться. В результате дворцового переворота 28 июня 1762 г. Петр III оказался низложен, и на престол вступила его жена – императрица Екатерина. В истории России и флота начиналась новая эпоха – *«золотой век Екатерины»*.

➥ ***План атаки крепости Кольберг эскадрой вице-адмирала А.И.Полянского. 1761 г.***

Plan of assaulting the Kolberg fortress by Vice-Adm. A.I.Polyansky's squadron. 1761.

(РГАДА)



Обмундирование морских солдат. 1725–1761 гг.

Особая символика морской пехоты начала складываться еще при Петре I. Но впервые специальные эмблемы для нее установили в марте 1728 г. в связи с формированием парадной Гренадерской роты. Обмундирование офицеров этой роты должно было отличаться особой роскошью. Материалы для него закупались за границей в Любеке и Данциге. Кафтаны унтер-офицеров и рядовых шили из лучшего василькового сукна. Обшлага кафтанов, а также камзолы и штаны делали из сукна красного. Вместо шляп морским гренадерам полагались высокие конические шапки – синие суконные (у офицеров бархатные) колпаки остроконечной формы с красными отворотами. Шапки обшивались у офицеров и унтер-офицеров золотым позументом, а у рядовых желтой гарусной шерстяной тесьмой. Кисточки на макушке шапок у офицеров были золотые, у унтер-офицеров желтые шелковые, у рядовых гарусные[8]. Отвороты шапок украшались медными бляхами. Первоначально планировалось всей роте иметь бляхи посеребренные – налобник с воинской арматурой и вызолоченными короной и двуглавым орлом, а задник с вызолоченными двумя якорями и гранатой (*«связав два якоря накрест и наверх их гранату с пламенным знаком»*). Но Адмиралтейская коллегия урезала аппетит проектировщиков. Первоначальные образцы сохранили только для офицеров и сержантов. Капралам разрешили золотить лишь императорский герб на налобнике, а заднюю бляху только серебрить. Для рядовых передняя и задняя бляхи полагались только серебреные.

Всем чинам роты полагались гренадные сумы и патронные лядунки, крышки которых покрывались медными чеканными бляхами *«с арматурою воинскою и со знаком флота»*. Под *«знаком флота»* в те годы подразумевался адмиралтейский герб – четыре скрещенных якоря. Бляхи серебрились и золотились также в зависимости от чина. Офицерская кожаная амуниция (поясная портупея и плечевая перевязь) выкладывалась красным бархатом и золотым позументом[9].

21 декабря 1728 г. Адмиралтейская коллегия в очередной раз уточнила сроки носки и количество предметов, входивших в комплект обмундирования морского солдата. Новое положение отличалось от прежних правил и норм снабжения, принятых при Петре I. У унтер-офицеров появились епанчи из василькового сукна на красной байковой подкладке сроком носки на 1 год. В отличие от солдат унтер-офицерам отныне каждый год полагалось выдавать по паре сапог, сократив при этом ежегодное количество башмаков до одной пары. Солдаты получали одну пару сапог в 2 года (см. табл. на стр. 43).

Приступив к реформированию флота, Воинская морская комиссия в 1732 году решила, что васильковые кафтаны для морских солдат не удобны, поскольку *«ежели когда случится быть с кораблей на земле и стоять в строю в одной линии, то от полевых будут отменно, яко другой армии; того ради Комиссия рассуждает впредь иметь и делать на них колером равной мундир, как и на армейские полевые полки определено»*. 3 июля 1732 г. Анна Иоанновна утвердила это предложение, и морские солдаты получили вместо васильковых зеленые суконные кафтаны с красными обшлагами и подкладкой из красной каразеи. Несколько позднее, 31 декабря 1733 г., особо указали *«на воротники лежачие прибавить сукна от излишества в камзолах»*. Камзол и короткие, чуть ниже колена, штаны остались по-прежнему из красного сукна. Поля солдатских шляп полагалось теперь обшивать по верхней кромке белой шерстяной тесьмой, а на левом поле, над мундирной пуговицей, крепить белый бант, сделанный из той же тесьмы. Правда, поначалу в морские полки отдали со складов излишки шляп старого образца *«со шнуром, с кистями и с пуговицой»*. У шляп старого образца поля обшива-

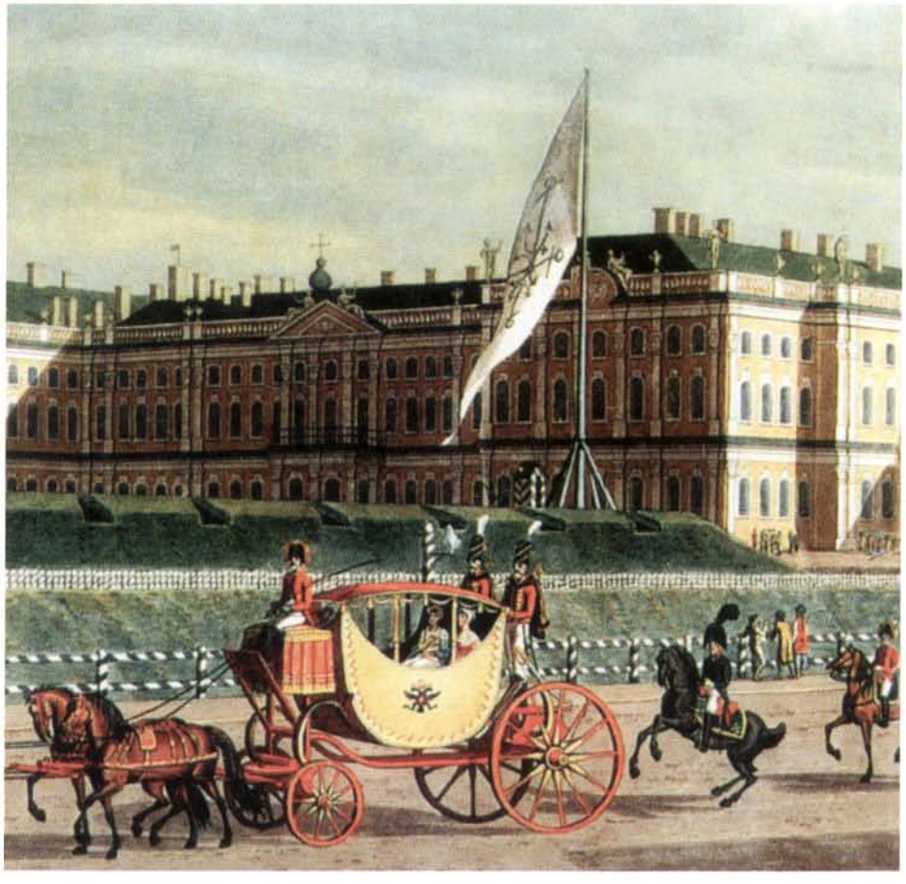
[8] С 1731 г. Адмиралтейская коллегия, видимо для экономии, решила все-таки гренадерские шапки *«обшивать шерстяным шнуром белым и наверху нашивать шерстяную белую кисть»*, а также сделать на шапки вощаные чехлы.

[9] Материалы для истории русского флота. Ч. V. СПб., 1875. С. 601.

Флаг с адмиралтейским гербом на укреплениях Санкт-Петербургского Адмиралтейства.

A banner with the Admiralty emblem on the St-Petersburg Admiralty fortifications.

Фрагмент картины художника Б.Патерсена. 1801 г. (ГЭ)



лись белым шерстяным галуном, но не пришивался на левом поле из такого же галуна бант, утвержденный в 1731 году, как *«Российский полевой знак»*. В последующем через 1,5 года, по истечению положенного срока носки, эти шляпы уже заменили регламентными *«против полевых»*. Верх гренадерских шапок также вместо василькового был установлен зеленого цвета. Медная арматура не изменилась, на налобниках сохранился государственный герб под короной, а на затыльной части два скрещенных якоря под одноогневой гренадой. Всем солдатам и унтер-офицерам на 4 года теперь следовало выдавать по красному суконному плащу-епанче на каразейном подбое, а также по две пары красных чулок, одной паре сапог и паре башмаков. Но уже 25 июля вместо красных епанчей было предложено *«унтер-офицерам и солдатам: епанчи для лучшего способа делать васильковые»*. Адмиралтейская коллегия одобрила это предложение, и васильковые епанчи сохранялись до конца царствования Елизаветы Петровны.

Унтер-офицеры и сержанты нашивали на воротнике и обшлагах кафтана в качестве отличия своего звания золотой позумент, причем на обшлагах он нашивался рядами: *«сержантам, каптенармусам и гефрейт-капралам в два ряда, фурьерам и капралам в один, писарям иметь разрезные малые обшлаги и окладывать в один ряд таким же позументом»*. Кроме того, вместо тесьмы им полагалось края шляпы также обшивать позументом. Барабанщики и флейтщики имели мундир солдатский, но с пришитыми на плечах зелеными суконными полукружиями, обшитыми по краям тесьмой полкового цвета. Такой же тесьмой обшивались барабанные перевязи. Весной 1736 г. Адмиралтейская коллегия указала мундиры музыкантов и барабанщиков расшивать по образцу полевой пехоты, в свою очередь заимствованному из Пруссии, с 20 цветными петлями и 28 кистями по борту, обшлагам и карманным клапанам. В царствование Елизаветы Петровны подобный вариант расшивки мундира отменили, вернувшись к прежнему образцу. С 1755 года кафтаны музыкантов и барабанщиков стали расшивать цветным шерстяным галуном по всем швам и петлям (по 50 аршин галуна – на музыканта и по 20 аршин – на барабанщиков и флейтщиков).

Гренадер морских полков в строевом мундире. 1733–1744 гг.

A grenadier of a navy regiment in drill uniform, 1733–1744.

Рисунок художника С.А.Летина. 2005 г.

По регламенту, принятому в 1732/1733 гг, на кафтанах морских солдат появился отложной воротник из красного сукна. Количество кафтанных пуговиц возросло с 17 до 24 штук. Галстуки вместо фланелевых и нестрядных стали делать из холста. С 1733 г. в морских полках солдаты поверх чулок стали носить белые полотняные штиблеты. Основное отличие морских гренадер в царствование Анны Иоанновны от гренадер полевых полков состояло в адмиралтейской символике на крышках сум и подсумков. На задниках шапок под одноогневой латунной гранатой помещалось изображение двух скрещенных якорей.

Латунная кружка, сделанная из бляхи гренадерской лядунки морских полков.

Brass mug made of a navy regiment grenadier's cartouche.

(ГИМ)

Мундирный регламент морских солдат 1728 года

На 1 год	На 2 года	На 3 года
Бострог тиковый. 2 пары рубах с портами (1 пара рубах белых и 1 пара нестрядинных). 2 галстука нестрядинных. 2 пары башмаков. 2 пары чулок.	Кафтан матросский со штанами, без подкладки. 1 пара сапог. Шляпа вязаная *«на английский манер, глубокая, чтоб половину ушей закрывать»*.	Кафтан строевой и штаны из английского сукна. Кафтан канифасныйс подкладкой сермяжного сукна.
		Шляпа солдатская (на 4 года). Камзол из английского сукна (на 6 лет).

[10] Санкт Петербургские ведомости. 1739. 23 марта. С. 6–7.

[11] РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 14. Л. 55.

Корабельным солдатам сохранили матросские мундиры, *«понеже они на море и матросскую службу отправлять имеют, в которой в солдатском мундире действовать невозможно и может чиниться строевому мундиру не без вреда»*: канифасные матросские кафтан и штаны и матросскую вязаную шляпу. Но у солдат Адмиралтейского батальона матросский комплект был отменен, *«понеже они из баталиона на корабли никогда не командируются, а бывают всегда в посылках, на караулах тако ж и в работах»*. Для строительных и земляных работ на суше флотским и адмиралтейским солдатам временно выдавались из Адмиралтейства парусиновые *«работные»* кафтаны с обтяжными пуговицами по образцу гарнизонной пехоты.

Таким образом, после переформирования корабельных, адмиралтейских и галерных солдат в 1-й и 2-й морские полки, они вследствие регламента 1732 года внешне почти не отличались от обычных армейских полков. Лишь изображение скрещенных якорей на задниках шапок и амуниции гренадер оставалось специфической символикой морской пехоты в течение царствований императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

До объединения в полки вооружение морских солдат отличалось большим разнообразием. Фузеи были различных систем и калибров как отечественного, так и зарубежного производства. Штыки использовались разной длины как трехгранные, так и плоские – *«кривые багинеты»*. После 1725 года морские солдаты стали снабжаться шпагами и палашами с медными или железными эфесами, носившимися на лосиных поясных портупеях. Отличительным оружием унтер-офицеров были алебарды с железным навершием в виде топорика. Офицеры кроме шпаги носили короткие полупики или протазаны произвольного образца. Гренадерские офицеры вместо них вооружались облегченными ружьями со штыком.

Если с переодеванием и снаряжением морской пехоты вопрос в основном считался решенным, то на перевооружение солдат потребовался более длительный срок. В августе 1734 г. на Сестрорецкий оружейный завод (приписанный к Адмиралтейской коллегии) прислали для испытания два офицерских и два солдатских ружья французской работы. Уже в октябре того же года по итогам испытаний был составлен положительный отчет, в котором отмечалось, что по сравнению с русскими солдатскими ружьями французские образцы удобнее в прикладе, дальнобойнее и требуют меньшего порохового заряда. В связи с этим Адмиралтейская коллегия велела скопировать французское ружье, *«токмо замок с собачкою плоский, как у русских ружей»*. Но, скорее всего, этот образец ружья не пошел в производство для вооружения морских полков. Заказы на оружие и амуницию морской пехоты шли через артиллерийскую экспедицию Военной коллегии, которая лишь в 1739 году приступила к их выполнению. Адмиралтейская коллегия требовала ружья с медным прибором, но из-за дороговизны пришлось заказать 4688 фузей с железным прибором и трехгранными штыками, а также *«шпаг с медными эфесами четыре тысячи девятьсот сорок шесть; алебард сержантских шестьдесят шесть; каптенармуских двадцать две; копей пикинерских четыреста тридцать два; рогаточных с подтоками девять тысяч; пистолет с железною оправою сто семь пар»*[10]. По примеру полевой пехоты часть солдат в каждом морском полку планировалось вооружить длинными (до 5,5 м) пиками и пистолетами для надежной защиты от кавалерии на берегу. С последней целью полковой обоз также пополнился комплектом рогаток.

Вступление в 1741 году на российский престол императрицы Елизаветы Петровны отразилось на флоте возвращением регламентов Петра Великого. В том числе была предпринята попытка возвращения морским солдатам петровских васильковых кафтанов. Но из-за уже накопленных больших запасов зеленого мундирного сукна Адмиралтейская коллегия решила оставить в силе регламент 1732 года. К концу царствования Елизаветы Петровны мундирное довольствие морских солдат заметно сократилось. Согласно докладу Адмиралтейской коллегии от 2 августа 1762 г. к этому времени в комплекте строевого платья морских солдат оставался только мундир зеленого сукна и черная треугольная шляпа, *«а вместо камзолов бостроги тиковые полосатые, штаны канифасные с подкладкою хрящевой»*. Из-за недостатка средств сукно покупалось разных цветов и не лучшего качества. В результате *«солдатские мундиры состоят в немалой пестроте и солдат весьма не приличен, а паче когда бывает в парадах, на кораблях, в иностранных портах»*. Разительное исключение представляли гобоисты Адмиралтейского батальона, для которых по императорскому указу от 5 февраля 1760 г. сшили *«парадные мундиры против армейских полков гобоистов»*, обложенные по борту и по полям шляпы золотым галуном. Второй повседневный мундир музыкантов расшивался гарусной тесьмой с рисунком, как на галуне парадного мундира[11].

Матросские вязаные шляпы из гардероба Петра Великого.

Knitted caps of Peter the Great's wardrobe.

(ГЭ)

Обмундирование офицеров морской пехоты. 1725–1761 гг.

На протяжении всего правления Петра I достижению единообразия во внешнем виде офицеров флота и морской пехоты не придавалось большого значения. В результате они шили мундиры *«разные по своему желанию, и потому невозможно было без знаний персоны, от какой он есть службы»*[12]. Чаще всего офицеры носили кафтаны из василькового сукна с красными обшлагами, а также красные суконные камзолы, обложенные серебряным позументом. Лишь 14 января 1726 г. Адмиралтейская коллегия решила закрепить традицию и велела *«обретающимся в корабельном флоте и галерных трех ротах от солдат офицерам сделать каждому от себя строевой мундир, а именно: кафтан и штаны василькового сукна с красными обшлагами, камзолы красного сукна и обложить по борту серебряным позументом»*.

2 апреля 1730 г. офицерам Адмиралтейского батальона присвоили особые нагрудные знаки, отличавшие их от офицеров армейской пехоты. Знаки планировалось изготавливать из серебра по трем категориям: для штаб-офицеров; для капитанов и поручиков; для подпоручиков и прапорщиков. О символике этих знаков пока точных сведений обнаружить не удалось, поскольку в документах записано лишь, что нужно *«о том учинить чертеж»*. Скорее всего, в основе рисунка знака был адмиралтейский герб – четыре скрещенных якоря.

В 1733 году офицеры морских полков вслед за нижними чинами получили мундиры армейского образца. Указом от 12 ноября 1733 г. Адмиралтейская коллегия предписала: *«1) штаб- и обер-офицерам тех полков мундир иметь во всем равно так, как и в полевых от инфантерии полках на штаб- и обер-офицерах; 2) шляпы штаб- и обер-офицеров с золотым же позументом и с бархатом и с ленты; штиблеты всем белые с пуговицами; волосы в косах носить; шпаги штаб- и обер-офицерские с портупеями и с темляками иметь против армейских; 3) штаб- и обер-офицерам иметь эспантоны*[13]*, каковые имеются в армейских полках <…> делать их на сестрорецких заводах, а доколе <…> раздать из наличных, и иметь им протазаны*[14] *без кистей <…> 4) шарфы и знаки им сделать на счет их <…> шарфы против имеющихся в Ингерманландском полку, а знаки против имеющихся опробованных в коллегии»*. С этого времени офицеры морских полков стали отличаться от своих армейских коллег только символикой нагрудных знаков. Они полу-

[12] Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886. С. 43–44.

[13] Эспантон – древковое оружие офицеров с плоским лезвием и поперечной перекладиной.

[14] Протазан – древковое оружие с фигурным лезвием.

Поручик морских солдатских команд. 1762 г.

First Lieutenant of navy soldiers commands, 1762.

Рисунок художника С.А.Летина. 2005 г.

В период Семилетней войны в униформе русских офицеров появились элементы, соответствовавшие прусской моде, – черные галстуки вместо белых и высокие сапоги-ботфорты вместо башмаков и штиблет. По традиции, заложенной еще во времена Миниховских походов, солдатские обер-офицеры по примеру гренадерских офицеров продолжали использовать ружья вместо эспантонов, введенных в морских полках взамен протазанов в 1733 году.

1 2 3

Нагрудные знаки офицеров морской пехоты образца 1731/1734 гг.

Badges of marine corps officers of the 1731/1734 type.

Знаки этого образца офицеры носили в 1734–1762 гг.:
1. *Знак для штаб-офицеров (полковников, подполковников, премьер- и секунд-майоров);*
2. *Знак для капитанов;*
3. *Знак для поручиков и прапорщиков.*

Рисунок художника Р.Паласиоса-Фернандеса. 2005 г.

чили одинаковые с армейскими офицерами знаки образца 1731 года, но в картуше, под императорской короной, помещался адмиралтейский герб – четыре скрещенных якоря. В соответствии с указом Адмиралтейской коллегии от 9 апреля 1734 г. на серебряных офицерских знаках капитанов следовало золотить корону и герб, а у поручиков и прапорщиков – только корону.

11 июня 1735 г. Адмиралтейская коллегия попыталась регламентировать ношение элементов мундира: *«как штапным* [то есть штаб-офицерам – Авт.], *так и другим офицерам, когда будут в строю, иметь штиблеты кожаные черные, а в знатный парад без штиблетов, в чулках красных, башмаки тупоносые; шпаги иметь всем, какие равных с ними рангов при сухопутной армии определены; а когда кто из флагманов учреждены будут при полках яко полковник, и тогда во время парадов и им такой же мундир иметь какой полковникам определен»*. В том же году борта кафтанов и камзолов офицеров морских полков по примеру офицеров корабельного флота стали богато обшивать золотым позументом, что особо отметили «Санкт-Петербургские ведомости» 18 августа 1735 г.: *«На офицеров новоучрежденных морских полков надлежит несколько 1000 аршин золотого позументу подрядом заготовить»*.

С 1737 года все снаряжение гренадерских офицеров морских полков копировалось по образцам Ингерманландского пехотного полка (бывший шефский полк светлейшего князя А.Д. Меншикова), имевшего со времен Петра I привилегированное положение. Кроме нагрудных знаков, у офицеров гренадерских рот морская символика сохранялась на гренадерских шапках (см. выше). В отличие от офицеров фузелерных рот они носили через плечо патронные сумы, а также поясные лядунки, крышки которых были украшены позолоченными бляхами. Об их внешнем виде можно судить по редчайшему экспонату из собрания Государственного исторического музея – латунной кружке, сделанной из бляхи гренадерской лядунки. На ней по центру выбит государственный герб, а по углам помещены адмиралтейские гербы – четыре скрещенных якоря.

Вплоть до конца Семилетней войны офицеры морской пехоты ничем не отличались от своих армейских собратьев. В 1745 году Адмиралтейская коллегия даже специально подтвердила, *«что обретающиеся во флоте при солдатской команде штаб- и обер-офицерам мундир иметь во всем против того, как в армейских полках имеют»*. Только штаб-офицерские шляпы украсили *«пристойным плюмажем»*.

Капитан генерал-майорского ранга Михаил Леонтьевич Мельников.

Портрет кисти неизвестного художника. 1790-е гг. (Музей-усадьба «Кусково»).

В 1761 г. мичман М.Л.Мельников находился в Кольбергской экспедиции. В 1769–1774 гг. он участвовал в Архипелагской экспедиции, был в сражениях при Чесме, Наполи-ди-Романо, при десанте в Митилинской бухте на острове Лесбос.

Captain of Major-General grade Mikhail Leontyevich Melnikov.

Глава III.

Золотой век Екатерины 1762–1796 гг.

Реформа морской пехоты в 1764 году

Ревельское морское сражение 2 мая 1790 г.

The Revel Sea Battle, May 2, 1790.

Фрагмент картины художника А.П.Боголюбова. 1880-егг. (ЦВММ)

На данном фрагменте показан момент, когда к сдавшемуся шведскому кораблю «Принц Карл» спешит на катере с морскими солдатами сын главнокомандующего российской эскадрой капитан 2 ранга П.В.Чичагов – будущий адмирал и Министр военных морских сил. За эту победу П.В.Чичагов был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

С началом нового царствования опять, уже в который раз, была создана *«Морская российских флотов и адмиралтейского правления комиссия для приведения оной знатной части к обороне государства в настоящий добрый порядок»*. Комиссия разработала новые штаты Балтийского флота, утвержденные императрицей 22 марта 1764 г. Отныне предписывалось *«для лучшего порядка в содержании и обучении военных экзерциций все солдатские команды, корабельные и галерные, сообща вместе с Адмиралтейским батальоном разделить на 4 батальона, в каждом батальоне по 7 рот мушкетерских, да по одной гренадерской»*. 1-й и 4-й морские батальоны располагались в Петербурге, 2-й в Кронштадте и 3-й в Ревеле. 1-й и 3-й батальоны организационно входили в состав 1-й морской дивизии, а 2-й и 4-й в состав 2-й дивизии. Их численность регулировалась тремя штатными расписаниями. В мирное время в каждой роте полагалось по 136 рядовых, что с необходимым числом офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и нестроевых составляло во всех батальонах 4852 человека. В военное время по усиленному штату роты увеличивались до 171 рядового, а также дополнительно формировались еще 2 гренадерские и 2 мушкетерские роты, распределявшиеся по одной в каждый батальон. Всего, таким образом, получалось 6860 человек. По третьему, максимально боевому расписанию следовало еще доформировать 6 мушкетерских рот и вместо 4 усиленных девятиротных батальонов создать 6 батальонов по 1 гренадерской и 6 мушкетерских рот в каждом. При этом численность морской пехоты возрастала до 8010 человек. Команды морских солдат предназначались отныне только для службы на кораблях. Галерный же флот предполагалось в случае войны укомплектовывать солдатами из полков армейской пехоты.

Командовать морскими батальонами назначались премьер- или секунд-майоры, которых

Императрица Екатерина II.

Empress Catherine II.

Портрет кисти Д.Г.Левицкого 1783 г. (ГРМ)

Граф А.Г.Орлов-Чесменский.

Count A.G.Orlov-Chesmensky.

Портрет кисти неизвестного художника 2-й половины XVIII в. (ГИМ)

следовало *«по выслужении порядочно при команде в том чине 5 лет отсылать в Военную коллегию для определения в армейские полки по старшинству, понеже при морской солдатской команде полковников и подполковников не полагается»*. Поскольку численность каждого батальона приближалась к размеру сухопутного полка, *«которая команда не по пропорции чина командующего баталионом майора»*, то было решено дополнительно *«над ними определять главными командирами или шефами из морских капитанов 1-го ранга»*. Шефом 1-го батальона назначили капитана 1 ранга И.Я.Барша, 2-го – И.А.Корсакова, 3-го – Ф.А.Клокачева и 4-го – В.Ф.Лупандина. Все они, помимо шефской должности, командовали крупными линейными кораблями.

Архипелагская экспедиция российского флота под командованием графа А.Г.Орлова 1769–1774 гг.

Боевое крещение новые морские батальоны получили во время русско-турецкой войны 1769–1774 гг. *«Ее Императорское Величество, желая, по возможности, усилить военные действия против турок для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант,* – записал в своем журнале капитан-командор С.К.Грейг, – *Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвесть диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападений. <...> Зная, что греки, столько веков уже угнетаемые турками, жаждут освобождения из-под несносного для них ига, государыня императрица решилась доставить им средства освободиться от своих притеснителей. Такое предприятие обещало наиболее успеха в Морее, где греческое население было несравненно многочисленнее турецкого».*

Общее руководство экспедицией императрица возложила на графа А.Г.Орлова, который под фамилией Островов выехал *«на лечение»* в Италию. В ходе тайных переговоров он заручился поддержкой морейских греков, и 18 июля 1769 г. из Кронштадта вышла первая русская эскадра под командованием адмирала Г.А.Спиридова – 7 кораблей, 1 фрегат, 4 транспорта, 1 бомбардирское и 2 мелких судна. На ее борту находились 1006 морских солдат и офицеров, выбранных из всех четырех батальонов. Кроме того, эскадру усилили около 300 человек Кексгольмского пехотного полка и 32 кирасира из Лейб-кирасирского полка, выполнявшие роль почетного эскорта главнокомандующего. С самого начала экспедиция проходила в трудных условиях. Первые потери батальоны понесли не в сражениях с врагом, а от плохого содержания на кораблях. За 7 месяцев похода вокруг Европы 400 матросов, солдат и артиллеристов умерли и еще 700 заболели.

18 февраля 1770 г. эскадра Спиридова подошла к Морее и заняла порт Витулло. Греки восторженно встретили русские войска. Из местных добровольцев были сформированы два Спартанских легиона. Один легион под командованием секунд-майора князя П.П.Долгорукова и 7 морских солдат двинулся вдоль западного берега и занял города Андрузу и Аркадию. Спартанский легион секунд-майора Г.М.Баркова, в котором также находились несколько морских солдат и унтер-офицеров, направился в восточную часть полуострова и занял Пассаву и Бердони. 28 февраля при городе Мизитре (Спарте) он атаковал

Библиография и источники:

Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886; Ч. XII. СПб., 1888.

История русской армии и флота. Т. VIII. М., 1912.

Собственноручный журнал капитан-командора С.К.Грейга в Чесменский поход. // Морской сборник. 1849. № 10–12.

Соколов А. Архипелагские кампании (1769–1774 гг.). // Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства. Ч. VII. СПб., 1849.

Долгоруков Ю.В. Записки. // Отечественные записки. 1840. № 12.

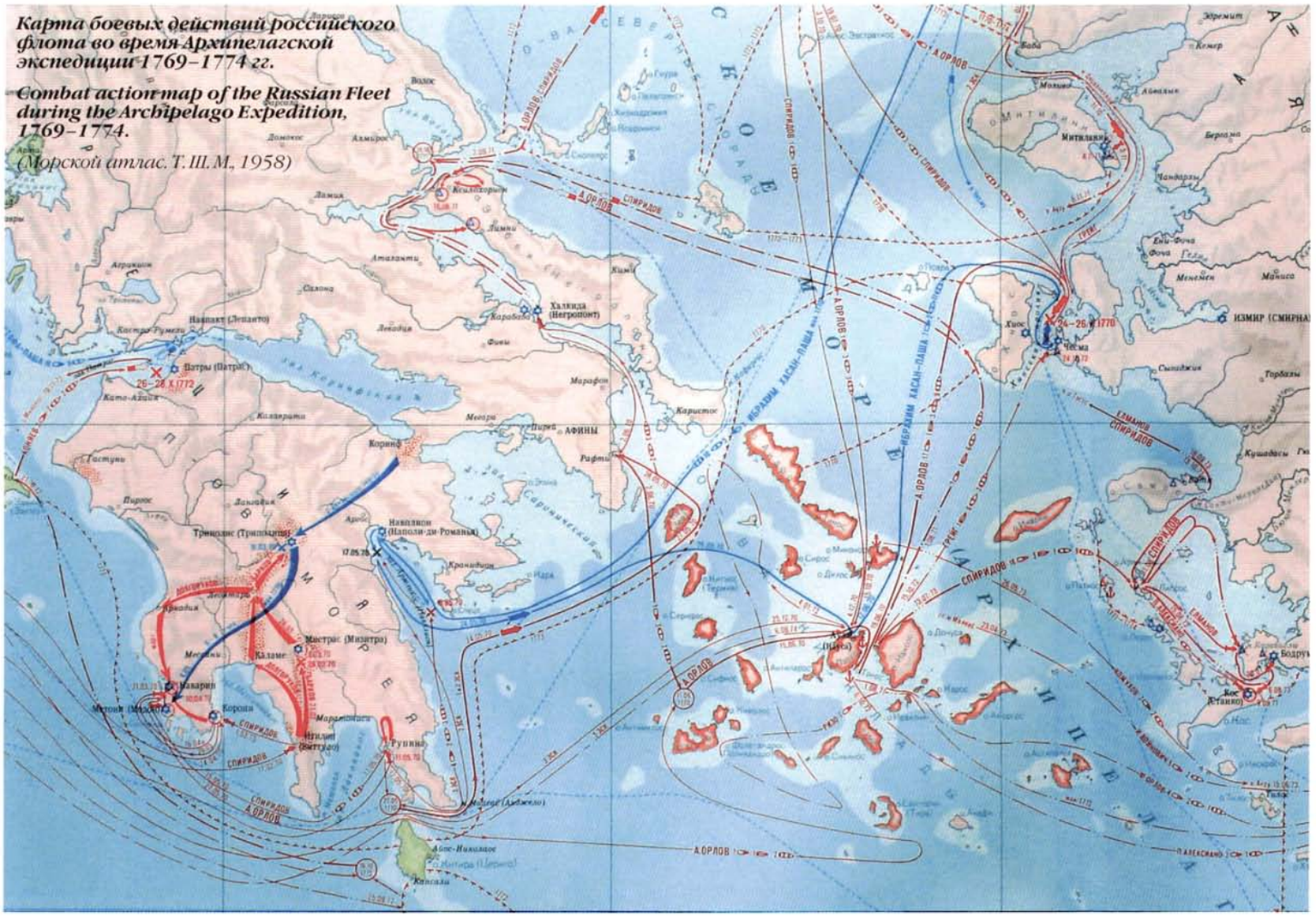
Штаты морских батальонов Балтийского флота 1764 года

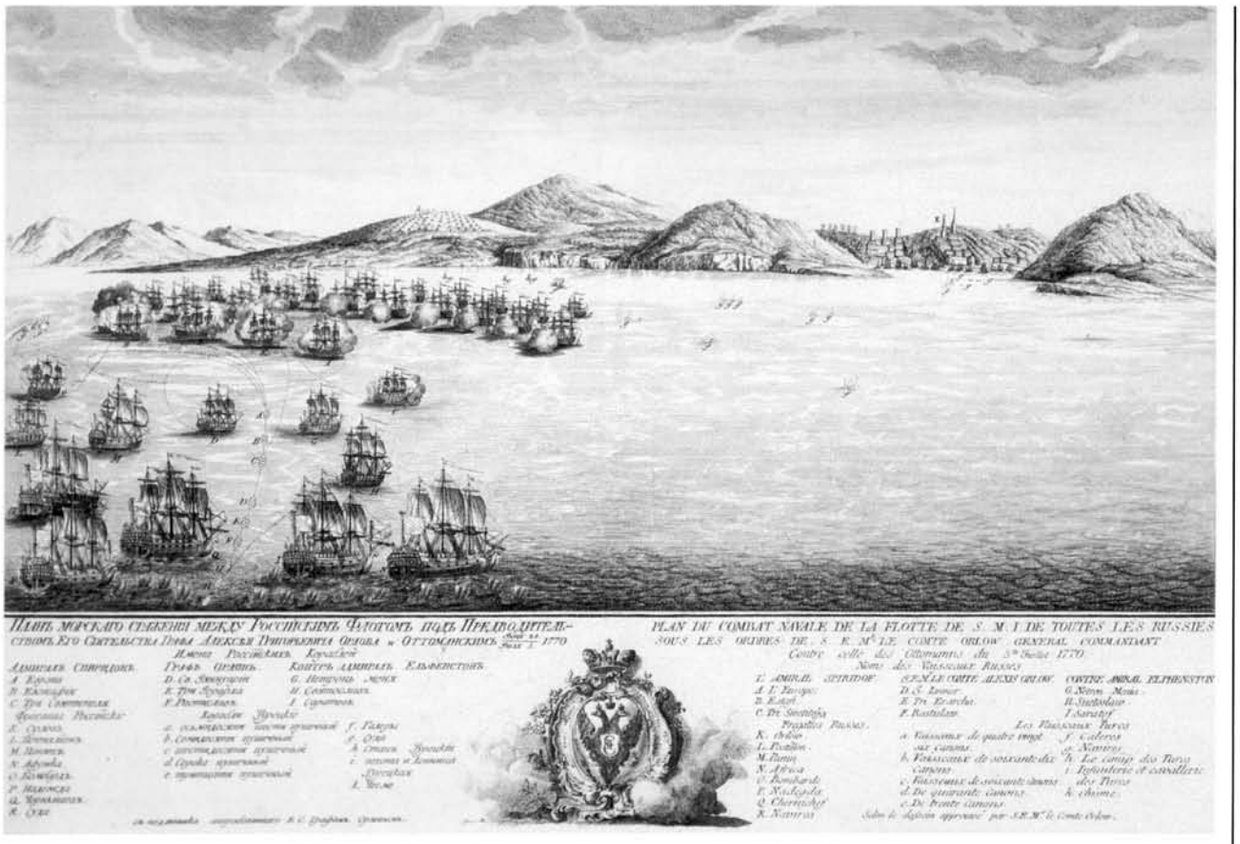
Чины (во всех батальонах)	Штат мирного времени (на 21 корабль и 4 фрегата)	Штат усиленный (на 32 корабля и 8 фрегатов)	Штат военного времени (на 40 кораблей и 8 фрегатов)
	4 батальона, в каждом:	4 батальона, в каждом:	6 батальонов, в каждом:
	1 гренадерская и 7 мушкетерских рот	1 (2) гренадерская и 8 (7) мушкетерских рот	1 гренадерская и 6 мушкетерских рот
Премьер-майоров	2	2	3
Секунд-майоров	2	2	3
Капитанов	28	32	36
Поручиков	32	36	42
Подпоручиков	36	40	48
Адъютантов	4	4	6
Прапорщиков	28	32	36
Сержантов	64	108	126
Каптенармусов	32	36	42
Подпрапорщиков	32	36	42
Капралов	128	216	252
Писарей батальонных	4	4	6
Писарей ротных	32	36	42
Гренадер	544	1026	1026
Солдат	3808	5130	6156
Батальонных барабанщиков	4	4	6
Флейтщиков	4	4	6
Профосов	4	4	6
Ротных барабанщиков	64	108	126
Всего:	**4852**	**6860**	**8010**

Карта боевых действий российского флота во время Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.

Combat action map of the Russian Fleet during the Archipelago Expedition, 1769–1774.

(Морской атлас. Т. III. М., 1958)


Средиземное море
Эгейское море
Ионическое море
Адриатическое море
Архипелаг
Пелопоннес
Греция
Турция
Италия
Сицилия
Крит
Мальта
Эгина
АФИНЫ
Коринф
Патры (Патрас)
Наварин
Корона
Модон
Триполис (Триполица)
Наполи (Наполи-ди-Романья)
Мистрас (Мизитра)
Халкида (Негропонт)
Митилини
Чесма
ИЗМИР (СМИРНА)
Родос
Кандия
Кипр
Александрия
Дарданеллы
Босфор
Эрмиполь
Кемер
Бодрум
Кос (Станко)
Смирна
Лесбос
Хиос
Самос
Лемнос
Имброс
Тенедос
Лампаки
Ларисса
Волос
Ламия
Салоники
Халкидика
Кассандра
Агрикион
Кастро-Румели
Наупакт (Лепанто)
Като-Ахайя
Аркадия
Лаконика
Мессения
Аргос
Навплион
Кранидион
Аттика
Беотия
Фивы
Фтиотида
Фессалия
Эпир
Ионические острова
Кефалония
Закинф
Итака
Санта-Мавра
Корфу
Отранто
Бриндизи
Таранто
Мессина
Палермо
Сиракузы
Трапани
Мальта
Гозо
Тунис
Бизерта
Сфакс
Триполи
Александрия
Каир
Дамиетта
Родос
Кандия
Кипр
Ларнака
Лимассол
Пафос
Акко
Яффа
Газа
Бейрут
Триполи
Тартус
Латакия
Антиохия
Александретта
Мерсина
Тарсус
Адана
Искендерун
Кастелоризо
Лимни
Скирос
Хиос
Митилини



План сражения в Хиосском проливе 24 июня 1770 г.

The Battle of Hios Straight. June 24, 1770.

Гравюра, одобренная графом А.Г.Орловым-Чесменским. 1770 г. (ГИМ)

Список офицеров и ведомость о нижних чинах морских батальонов, участвовавших в сражениях с турецким флотом 24 и 26 июня 1770 г.

Название судна	Список офицеров		№ батальона	Количество нижних чинов
Корабль «Святослав»	Капитан	Нижегородов	4	197 чел.
	Подпоручик	Яков Гололобов	4	
	Прапорщик	Иван Бешенцев	1	
Корабль «Святой Евстафий Плакида» (погиб 24 июня 1770 г.)	Секунд-майор	Иван Чебышев	1	98 чел.
	Капитан	Сергей Бабенков	2	
	Капитан	Иван Готовцев	4	
	Подпоручик	Карл Баллей	1	
	Подпоручик	Яков Невский	4	
	Прапорщик	Иван Абатуров*	3	
Корабль «Не тронь меня»	Секунд-майор	Яков Ханин	1	96 чел.
	Поручик	Борис Маринин	1	
	Поручик	Григорий Батюшков	1	
	Подпоручик	Алексей Каретников	1	
Корабль «Ростислав»	Поручик	Петр Дорохов	3	91 чел.
	Подпоручик	Федор Жиберов	1	
Корабль «Саратов»	Капитан	Михаил Мирович	1	83 чел.
	Подпоручик	Данила Герценберг	3	
	Подпоручик	Матвей Горгалов	2	
	Прапорщик	Николай Барш	1	
Корабль «Трех Иерархов»	Подпоручик	Иван Кузьмин	1	49 чел.
Корабль «Святой Иануарий»	Подпоручик	Гаврило Трофимов		25 чел.
Корабль «Европа»	Поручик	Григорий Головцын	1	21 чел.
Корабль «Трех Святителей»				20 чел.
Фрегат «Надежда»	Поручик	Лаврентий Тенюков		27 чел.
Фрегат «Африка»	Поручик	Матвей Рыбаков	4	47 чел.
Фрегат «Святой Николай»				9 чел.
Транспорт «Граф Панин»	Капитан	Иван Куломзин	1	28 чел.
Транспорт «Граф Орлов»				16 чел.
Пакетбот «Почтальон»				13 чел.
Всего:	**25 чел.**			**820 чел.**

* Единственный из офицеров морских батальонов уцелел при взрыве корабля «Святой Евстафий Плакида».

Адмирал Александр Иванович Круз.

Admiral Alexander Ivanovich Kruz.

Портрет кисти неизвестного художника. Около 1796 г. (ГИМ)

24 июня 1770 г. А.И. Круз в чине капитана 1 ранга командовал кораблем «Святой Евстафий Плакида», взял на абордаж турецкий корабль «Реал-Мустафа», и чудом уцелел во время взрыва. В 1790 г. в чине вице-адмирала командовал 23 и 24 мая русской эскадрой в Красногорских сражениях, а также участвовал 22 июня в победоносной Выборгской битве. За отличие произведен в адмиралы и награжден орденом Св. Георгия 2-го класса.

щую крепость Модон. С этой целью на берегу сформировали отряд из 500 морских солдат при 4 пушках и 2 единорогах, к которому присоединился Спартанский легион князя П.П.Долгорукова и местные патриоты. Всего набралось около 800 греков и 100 албанцев. Общее командование экспедицией поручили генерал-майору князю Ю.В. Долгорукову. Подступив к Модону 19 апреля, Долгоруков увидел, что внезапного нападения не получится, и решил взять город осадой. Но 4 мая к крепости подошел турецкий корпус морейского паши, атаковавший русские войска с тыла. Одновременно гарнизон Модона сделал сильную вылазку. Греки не выдержали удара и разбежались. В результате 500 морских солдат остались один на один против 8 тысяч турок. В этой ситуации Долгоруков приказал пробиваться обратно к Наварину. При отступлении был убит капитан 2-го морского батальона Василий Шиманов, погибли 150 солдат, 250 оказались ранены. В бою отличился подпрапорщик 3-го батальона Полянский. До войны он служил офицером при интендантских сладах. Но в 1769 году за недосмотр его разжаловали и определили в морские солдаты. Под Модоном Полянский исполнял обязанности знаменщика. Во время турецкой атаки знаменная группа оказалась в опасности, причем соседний знаменщик был убит. Тогда Полянский сорвал оба полотнища с древков и спрятал их на груди. Продолжая сражаться, он был ранен пулей в ногу. Не в силах идти дальше, храбрый подпрапорщик передал одно знамя генералу Долгорукову, а второе секунд-майору 1-го морского батальона Ивану Чебышеву. За этот подвиг Полянскому, оставшемуся в живых, вернули прежний офицерский чин.

Отбив атаку на Модон, турки блокировали русские войска в Наварине. Заняв господствующие высоты, они перекрыли водопровод, а также не давали грекам привозить продовольствие. Положение десанта становилось все труднее. Но тут к

Корабль «Святой Евстафий Плакида» в сражении 24 июня 1770 г. в Хиосском проливе.

Battle ship St. Evstafy in the Battle of Hios Straight. June 24, 1770.

Акварель художника А.А. Троня. 2001 г. (ЦВММ)

Гибель корабля «Святой Евстафий Плакида» в сражении в Хиосском проливе 24 июня 1770 г.

The destruction of battle ship St. Evstafy in the Battle of Hios Straight. June 24, 1770.

Фрагмент плана сражения. 1770 г. (РГА ВМФ)

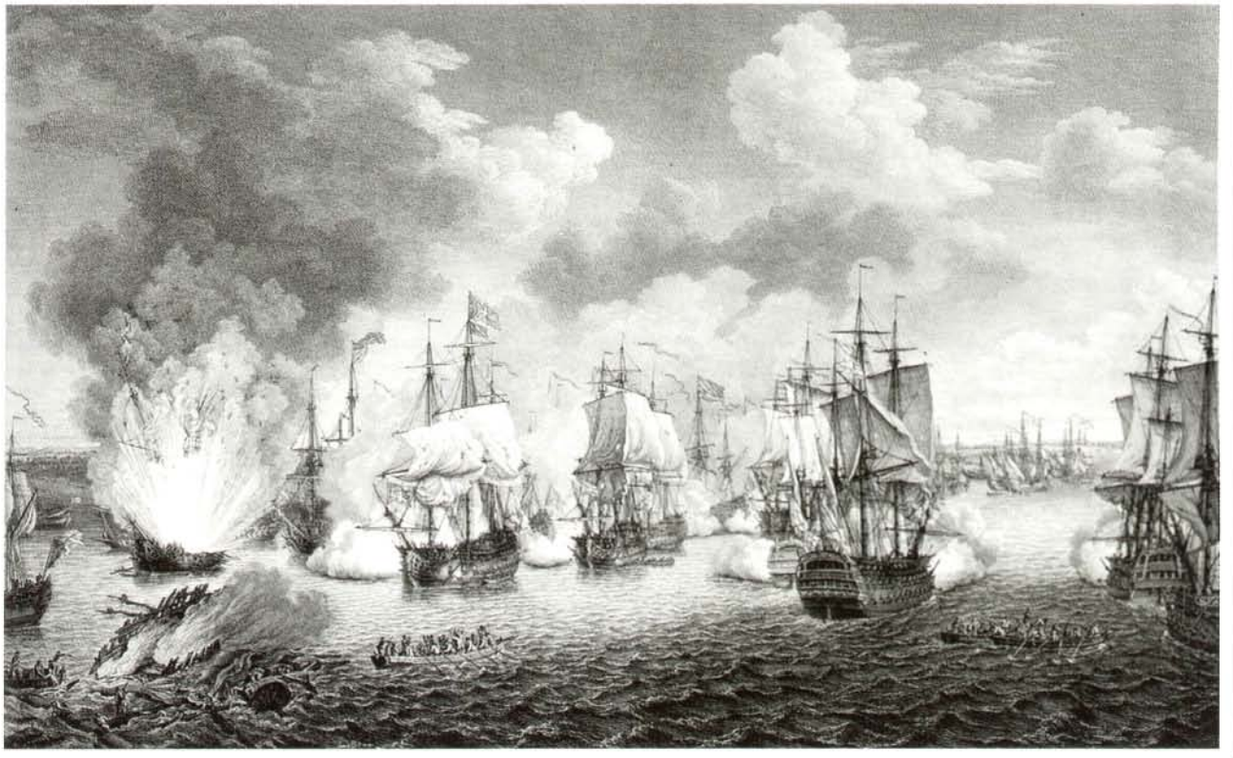
Russian medals «To Orthodoxy Upholder» for Greek volunteers, 1769.

Российские медали «Поборнику православия» для греческих добровольцев. 1769 г.

Медали подняты в 1900 г. с места гибели корабля «Святой Евстафий Плакида» группой российских водолазов. (ГЭ)

Морее подошла вторая русская эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона (3 корабля, 2 фрегата, 4 транспорта), на борту которой находились 444 солдата и офицера морских батальонов, а также около 500 человек из разных пехотных полков. 11 мая 1770 г. Эльфинстон высадил войска в местечке Рапилу и отправился искать турецкий флот. Узнав о прибытии новых сил, граф Орлов послал в Рапилу адмирала Спиридова с отрядом из 4 кораблей и 1 фрегата. Приняв 19 мая войска на борт, Спиридов 21 числа соединился с Эльфинстоном, и вместе они 24 мая атаковали и прогнали турецкий флот возле острова Специя.

Между тем положение русских войск в Наварине сделалось критическим. По решению графа Орлова десант 23 мая взорвал пушки и укрепления Наварина, после чего эвакуировался на корабли. Выйдя в море, отряд Орлова 11 июня соединился возле острова Специя с эскадрами Спиридова и Эльфинстона. 19 июня объединенные русские силы двинулись к острову Хиос, где стоял на якоре



«Вид императорского Российского флота, под командованием графа Алексея Орлова побеждающего турецкий флот и вынуждающего его отступить в Чесменскую бухту».

«View of Russian Emperor Fleet under the command of Count Aleksey Orlov defeating Turkish fleet and forcing it to retreat to the Chesmen Bay».

Гравюра У. Уоттса 1777 г. с оригинала художника Р. Пэтона 1771–1772 гг. (ГИМ)

турецкий флот. На рассвете 24 июня русские корабли вошли в Хиосский пролив и, построив линию баталии, начали атаку. Около 11 часов 45 минут авангард под командованием Спиридова сошелся на пистолетный выстрел с линией турецких кораблей и открыл огонь из бортовых орудий. К 12.30 сражение сделалось всеобщим. Вторым в линии русского авангарда шел 66-пушечный корабль «Святой Евстафий Плакида». Его командир капитан 1 ранга А.И. Круз вызвал перед атакой на палубу музыкантов и велел им играть. Лихо, с музыкой вступив в бой, «Евстафий» после ожесточенной канонады утратил из-за повреждений парусов и такелажа маневренность. Поскольку сражение велось на самой близкой дистанции, он навалился на своего противника – 84-пушечный корабль «Реал-Мустафа». Корабли сцепились на абордаж и били друг друга в упор из пушек и ружей. Вскоре турецкий корабль загорелся под шканцами. Его команда прекратила оборону и в панике стала бросаться за борт. Круз отправил к графу Орлову поздравление с победой, а сам вместе с солдатами и матросами вскочил на палубу «Реал-Мустафы». Но тут, увидев идущий снизу дым, он понял, что крюйт-камера турецкого корабля вот-вот взорвется. Русские моряки и солдаты быстро перебежали обратно на «Евстафий», пытаясь расцепиться. В этот момент горящая мачта «Реал-Мустафы» рухнула на «Евстафий». Искры попали в пороховой погреб, и корабль взлетел на воздух. Вместе с его командой погибли 59 нижних чинов и 5 офицеров морских батальонов, в том числе секунд-майор Чебышев, участвовавший в спасении знамени у Модона. Через 15 минут взорвался и «Реал-Мустафа». Поскольку ветер гнал пламя в сторону турецких кораблей, то они начали рубить канаты и уходить в Чесменскую бухту.

В ночь с 25 на 26 июня русская эскадра вновь атаковала турецкий флот и с помощью брандеров и артиллерийского огня сожгла его совершенно. Уничтожив 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и множество мелких судов, русский флот потерял всего 11 человек убитыми. Под конец сражения граф Орлов приказал подполковнику Обухову высадиться с морскими солдатами на берег и захватить береговую батарею. Под прикрытием корабельной артиллерии десант проник на северный мыс Чесменской бухты, где взял 22 медных пушки и переправил их на корабль «Не тронь меня». Все матросы и солдаты, участвовавшие в славной победе, были награждены серебряными медалями на голубой Андреевской ленте.

Разгром турецкого флота обеспечил полное господство русских кораблей в Архипелаге. Эскадра Эльфинстона блокировала Дарданеллы, в то время как десант с кораблей графа Орлова (500 солдат и около 800 греческих добровольцев) осаждал в июле – сентябре 1770 г. крепость Пелари на острове Лемнос. В декабре 1770 г. в Архипелаг пришла третья русская эскадра контр-адмирала И.Н. Арфа (3 корабля и 13 транспортов), имевшая на борту 2690 человек десанта, в том числе около 300 солдат и офицеров морских батальонов. В августе – сентябре 1771 г. русские отряды крейсировали в Архипелаге, высаживая десанты, сжигавшие прибрежные запасы и склады. Особенно удачной стала операция против турецкого адмиралтейства в Митилинской бухте на острове Лесбос. Здесь 2 ноября под прикрытием корабельной артиллерии был высажен десант генерал-майора Ю.В. Долгорукова, который оттеснил турецкие войска к крепости, захватил склады, сжег на верфи 2 корабля и галеру, а также захватил в гавани до 20 мелких судов.

В кампании 1772 года силы графа Орлова пополнились четвертой эскадрой капитана 1 ранга М.Т. Коняева. В июне – октябре 1772 г. русские корабли по-прежнему перехватывали турецкие торговые суда и блокировали порты. Большое распространение получила высадка десантов против береговых турецких крепостей под прикрытием корабельной артиллерии. Так были захвачены крепости Бейрут, Кастель-Россо, Чесма. Несмотря на отчаянное сопротивление, туркам редко удавалось отбить нападение. Пожалуй, самым заметным их успехом после Модона и блокады Наварина стала оборона крепости Станчио в 1773 году.

6 августа 1773 г. эскадра контр-адмирала А.В.Елманова высадила на остров Кос десант из 432 русских солдат и офицеров с 1 орудием при поддержке 919 албанцев и 101 словенца. В этом отряде находились две слабые роты морских ба-

Серебряная медаль в память Чесменской морской победы.

Silver medal in honor of the Chesmen victory.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)

Такой медалью на голубой ленте ордена Св. Андрея Первозванного были награждены солдаты морских батальонов, участвовавшие в Чесменском сражении.

Серебряная медаль в честь заключения 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

Silver medal in honor of signing the Kiuchuk-Kaynardzhiyskiy Peace Treaty on July 10, 1774.

(Из частной коллекции)

Такой медалью награждали солдат морских батальонов, участвовавших в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Это была первая медаль, которую носили на ленте нового военного ордена Св. Георгия.

Флотский мушкетон образца 1772 года.
A fleet blunderbuss vintage 1772.
Тула, 1773 г. (ЦВММ)

тальонов – 7 офицеров и 89 гренадер. По страшной жаре десант двинулся к крепости Станчио. 7 августа турки, собрав силы, яростно перешли в контратаку. Албанцы и словенцы разбежались, и русским пришлось отходить к берегу. Отступление прикрывала гренадерская рота капитана Ивана Бачманова из 4-го батальона. Лишь благодаря ее самоотверженности, десанту удалось благополучно эвакуироваться. К счастью, потери морских рот оказались невелики: 4 убитых, 2 раненых и 3 умерших от жары.

Центральным событием кампании 1773 года стали операции возле сирийского побережья и двухмесячная осада крепости Бейрут. С 23 июля по 29 сентября 1773 г. крупный десант (около 1000 чел.) при поддержке флота вел боевые действия на берегу. Особенно отличился подпоручик 4-го батальона Андрей Аненков, который командовал двумя пушками. При осаде он и прапорщик Савенков были ранены, причем Савенков от полученных ран скончался. После сдачи Бейрута победителям достались 2 полугалеры, 41 орудие, обширные военные запасы. Город также выплатил русскому флоту контрибуцию в размере 300 тысяч пиастров. Морские солдаты оставались в Бейруте до января 1774 г.

Начало морской кампании 1774 года попрежнему сопровождалось успешными небольшими десантами. Однако после заключения 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора русские корабли стали отправляться домой. Но на обратном пути и даже после возвращения их подстерегала опасность. Так, туманной ночью с 9 на 10 октября 1774 г. в Финском заливе разбился фрегат «Минерва», на котором погибли капитан Королли и 26 нижних чинов 3-го морского батальона. Основные русские силы перезимовали в Архипелаге и в мае – октябре 1775 г. благополучно возвратились в Кронштадт и Ревель. В честь заключения мира с Турцией каждый морской солдат получил серебряную медаль с долгожданной и заслуженной надписью – *«Победителю»*. Это была первая медаль, которая выдавалась на ленте нового военного ордена Св. Георгия.

В соответствии с «Морским уставом» Петра Великого на каждом корабле находился запас абордажного оружия: мушкетоны, пистолеты, топоры (интрепели), палаши, пики и ручные гранаты. В ближнем бою на палубе и в деках мушкетон, стрелявший крупной картечью, был очень эффективным оружием. По табели 1734 г. на линейных кораблях полагалось от 36 до 50 мушкетонов, на фрегатах – 30, на гребных шнявах – 12. В 1772 г. Адмиралтейская коллегия заказала Тульскому заводу 1511 мушкетонов нового образца, которые были сделаны к июлю 1773 г. и поступили на флот.

Действия Донской флотилии в 1771–1774 гг.

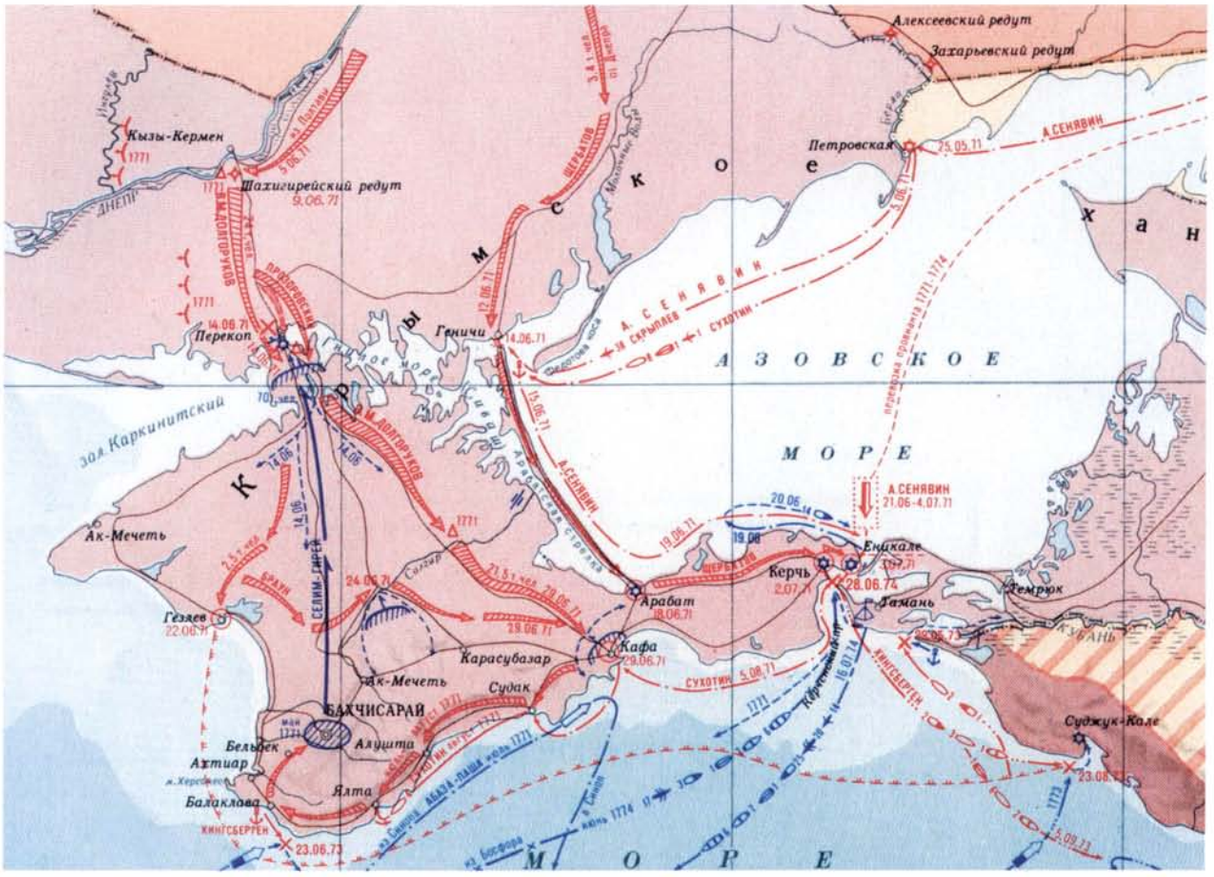
В связи с началом русско-турецкой войны в ноябре 1768 г. на старых донских верфях возобновилось строительство судов для боевых действий на Азовском море. К лету 1769 г. под руководством вице-адмирала А.Н. Сенявина были построены 5 прамов и 60 лодок. Для их укомплектования в Тавров послали из морских батальонов 1 гренадерскую и 5 мушкетерских рот в составе 23 обер-офицеров, 10 сержантов, 6 каптенармусов, 6 подпрапорщиков, 24 капралов, 136 гренадер, 578 мушкетеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика, 5 ротных писарей. Кроме того, для строящихся 12 малых фрегатов Сенявин затребовал еще 2 мушкетерские роты. 29 июля 1769 г. императрица разрешила увеличить солдатскую команду Донской флотилии. Но поскольку Адмиралтейская коллегия испытывала недостаток солдат для готовящейся к отправке в Морею эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона, все эти 8 рот велено было содержать сверх мирного комплекта на средства, специально отпущенные по усиленному штату. В результате батальоны Балтийского флота пополнили рекрутами, а Донская флотилия фактически получила собственную солдатскую команду, близкую по численности морскому батальону. С 1 января 1773 г. солдатские роты Донской флотилии окончательно отделили от балтийской морской пехоты.

18 мая 1771 г. Донская флотилия вышла из Таганрога для содействия русским войскам, готовившим наступление в Крым. 14 июня она навела 100-метровый понтонный мост через Генический пролив, по которому корпус генерал-майора князя Ф.Ф. Щербатова перешел на Арабатскую косу и двинулся к Керченскому полуострову. Параллельно Донская флотилия перевозила отряды войск морем, высаживая десанты на побережье. 18 июня корпус Щербатова вышел на материк и штурмом взял Арабат. К 29 июня были заняты крепости Керчь и Еникале. При этом особенно отличился премьер-майор морских батальонов Свен Ваксель, который *«27 июня 1771 года оказал храбрость и мужество по откомандировании его на судах на крымский берег близ Еникале, отбив неприятеля с*

Библиография и источники:

Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб., 1877.

Головачев В. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.



Карта боевых действий Донской (Азовской) флотилии в 1771–1774 гг.

Combat action map of the Don (Azov) Navy, 1771–1774.

(Морской атлас. Т. III. М., 1958)

берега пушечною стрельбою с судов, потом отправился к берегу с десантом на мелких судах и, на оной вышедши первым, перевел вверенный десант и имел дело с преимуществом против неприятеля». За храбрость Вакселя наградили орденом Св. Георгия 4-го класса. В Керчи и Еникале были созданы базы Донской (Азовской) флотилии.

Адмирал Алексей Наумович Сенявин.

Admiral Aleksey Naumovich Senyavin.

Портрет кисти Ф.С.Рокотова. 1770-е гг. (ЦВММ)

В 1769–1774 гг. в чине вице-адмирала руководил строительством и боевыми действиями Донской (Азовской) флотилии.

Следующая морская кампания 1773 года отличалась большой активностью. 8 июня отряд Азовской флотилии атаковал в Кизилташской бухте 20 турецких транспортов и сжег 2 из них. В этом деле участвовали поручики морских батальонов Рогульский и Лавров с 65 нижними чинами. 23 июня отряд капитана 2 ранга Я.-Г.Кинсбергена выдержал около Балаклавы шестичасовой бой с тремя турецкими кораблями и, нанеся им урон, заставил врага отступить. В этом сражении участвовал поручик Фролов и 60 солдат. 23 августа Кинсберген атаковал близ Суджук-Кале турецкую эскадру и обратил в бегство 18 вражеских судов. На борту флотилии в этот день находились от морских батальонов поручик Свербеев, подпоручики Матушкин и Мерлин, прапорщик Поддубский и 128 нижних чинов.

По заключенному 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийскому мирному договору Турция уступила России Азов, Таганрог, Керчь, Еникале, Кинбурн, побережье между Днепром и Южным Бугом. Крым и Кубань объявлялись независимыми от Османской империи. Русские торговые корабли получили право беспрепятственного прохода через Босфор и Дарданеллы. Кроме того, султан должен был выплатить 4,5 млн. рублей контрибуции. Теперь Россия могла приступить к строительству полноценного Черноморского флота, основой для которого стала Азовская флотилия.

Морская пехота Балтийского флота в межвоенный период. 1774–1787 гг.

Отправка солдатских команд в Архипелаг, а также на Азовское море привела к острому некомплекту в батальонах. В связи с этим с 1 января 1773 г. был введен в действие усиленный штат, по которому число морских рот увеличилось до 36, что вместе с выделением дополнительных средств на 8 рот Донской флотилии позволило исправить ситуацию. Лишь 8 марта 1776 г. Екатерина II согласилась перевести флот на мирное положение. Но при этом Адмиралтейской коллегии ставилась трудная задача. Новый мирный комплект Балтийского флота определялся в 32 корабля и фактически соответствовал прежнему усиленному штату. Тем не менее, императрица требовала сократить число морских служителей, *«избавиться от побора напрасных рекрут и сберечь на содержание оных надобную казну»*. В конце концов, Адмиралтейская коллегия предложила оригинальную систему, утвержденную императрицей 2 ноября 1777 г.

В соответствии с новым штатом Балтийского флота вместо прежних 4 морских батальонов предписывалось содержать 8 батальонов из од-

Библиография и источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Граф Марк Константинович Ивелич.

Count Mark Konstantinovich Ivelich.

Миниатюра работы неизвестного художника. 1802–1803 гг. (ГРМ)

Уроженец Далмации граф М.К.Ивелич во время Архипелагской экспедиции поступил добровольцем на российский флот. В 1780-х гг. командовал 1-м морским батальоном. Впоследствии стал генерал-лейтенантом и сенатором.

Штаты солдатской команды Балтийского флота. 1777–1796 гг.

Чины (во всех батальонах)	Штат 8 морских батальонов				Штат двух Адмиралтейских батальонов 1777 года
	Штат 1777 года		Штат 1782/1784 года		
	Штат мирного времени	Штат военного времени	Штат мирного времени	Штат военного времени	
	В каждом батальоне:				
	1 гренадерская и 4 мушкетерские роты	1 гренадерская и 5 мушкетерских рот	1 гренадерская и 6 мушкетерских рот		1 гренадерская и 3 мушкетерские роты
Премьер-майоров	4	4	4	4	1
Секунд-майоров	4	4	4	4	1
Капитанов	32	40	48	48	6
Поручиков	40	48	56	56	8
Подпоручиков	40	48	56	56	8
Адъютантов	8	8	8	8	2
Аудитор	–	–	–	–	1
Лекарь	–	–	–	–	1
Подлекарей	–	–	–	–	2
Сержантов	120	144	168	176	24
Каптенармусов	40	48	56	56	8
Фурьеров	40	48	56	56	8
Капралов	160	192	280	306	32
Писарей батальонных	8	8	8	8	2
Писарей ротных	40	48	56	56	8
Гренадер	1000	1000	1040	1280	250
Солдат	4000	5000	6240	7200	750
Барабанщиков	80	96	120	120	16
Флейтщиков	40	48	8	8	8
Всего:	**5656**	**6784**	**8208**	**9442**	**1136**

ной гренадерской и четырех мушкетерских рот по 125 рядовых в каждой. В мирное время все эти батальоны насчитывали 5656 человек. Кроме того, поскольку множество строевых солдат отвлекалось *«на содержание обыкновенных при Адмиралтействе караулов и многих разных командировок за лесами, провиантом, покупками материалов, а почасту и привоза медных денег»*, было решено сформировать два Адмиралтейских батальона по 1 гренадерской и 3 мушкетерские роты в каждом, общей численностью 1136 человек. По идее Адмиралтейской коллегии, от этих батальонов *«служба Вашего Императорского Величества и ту пользу иметь будет, что во оные Адмиралтейские баталионы помещены быть могут и из таких флотских баталионов офицеры, а особливо солдаты, которые там уже оной, за старостию лет или другими какими причинами, продолжать более не могут»*. Теперь неспособных к корабельной службе ветеранов следовало списывать в Адмиралтейские батальоны, а на их место брать в морские батальоны молодых рекрутов. Штат Балтийского флота военного времени остался без изменений – 40 кораблей. Для их укомплектования каждый морской батальон (кроме Адмиралтейских) дополнялся еще одной мушкетерской ротой, и численность морской пехоты в военное время возрастала до 6784 человек.

Матрос военного флота. 1764–1796 гг.

A military sailor, 1764–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г.Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска ...». СПб., 1793.

Однако при такой реформе численность морской пехоты почти не сократилась. Вместо положенных в прежних 4 усиленных батальонах 6860 человек теперь на те же 32 корабля в 8 «мирных» и 2 Адмиралтейских батальонах получалось 6792 солдата и офицера. В этой ситуации Адмиралтейская коллегия изобрела еще один сокращенный штат, в соответствии с которым в мирное время личный состав Балтийского флота уменьшался почти на треть. В качестве резонов указывалось, что новая война *«совсем внезапно едва ли быть может»*, а, кроме того, потенциальный противник (в первую очередь подразумевалась Швеция) не сможет напасть с моря, *«не приготовясь к тому заранее»*. Следовательно, всегда будет время подготовиться, и *«не воображает себе Адмиралтейская коллегия, чтоб от такового неполного комплекта матросов флоты не могли по повелению Вашего Императорского Величества быть также скоро вооружены, ежели б крайняя нужда того потребовала»*. В случае же *«крайней нужды»* предполагалось отправить на корабли всех матросов галерного флота, последний укомплектовать переведенными в матросы солдатами морских батальонов, *«а баталионы армейскими солдатами в комплект привести»*.

В соответствии с этой ограниченной доктриной в мирное время морские батальоны должны были состоять не из пяти, а из четырех рот (1 гренадерской и 3 мушкетерских), что составляло 4528 человек, а вместе с Адмиралтейскими батальонами – 5664 солдата и офицера. Таким образом, по сравнению со штатом 1764 года получалась экономия в 1196 человек. В течение 1777–1778 гг. из 1-го морского батальона были образованы новые 1-й и 2-й батальоны, из 3-го – 3-й и 4-й, из 2-го – 5-й и 6-й , из 4-го – 7-й и 8-й. Для службы 1–4-й батальоны поступали на корабли 1-й флотской дивизии, а 5–8-й – 2-й флотской дивизии.

В 1782 году Екатерина II решила увеличить Балтийский флот на восемь 100-пушечных кораблей. При этом был сделан новый штат морской команде, а также его сокращенный вариант. Относительно морских солдат 28 июня 1782 г. императрица распорядилась, чтобы вице-президенты Сухопутной и Морской военных коллегий разработали и представили *«новое положение, на каком основании содержать морские баталионы, откуда комплектовать оные или чем заменить их»*. До принятия этого положения Адмиралтейская коллегия 9 ноября 1783 г. просила *«в сих баталионах людей содержать ныне имеющееся число, то есть по числу 32 корабельного комплекта»*. В конце концов, численность морских батальонов (кроме Адмиралтейских) решили увеличить до 7 рот по 130 рядовых в каждой. Командирами батальонов были назначены: 1-го – майор граф Марк Ивелич, 2-го – майор Андрей Ворыпаев, 3-го – майор Михаил Мирович, 4-го – майор Иван Бочманов, 5-го – майор Федор

Адмирал Самуил Карлович Грейг.

Admiral Samuel Karlovich Greig.

Портрет кисти Д.Г.Левицкого. Около 1788 г. (ГРМ)

В 1764 г. С.К.Грейг перешел из английского флота на российскую службу капитаном 1 ранга. Участвовал во всех сражениях Архипелагской экспедиции. За отличие при Чесме награжден орденом Св.Георгия 2-го класса. В 1788 г. назначен главнокомандующим Балтийским флотом и 6 июля командовал российской эскадрой в сражении при Гогланде

Адмирал Василий Яковлевич Чичагов.

Admiral Vasily Yakovlevich Chichagov.

Портрет кисти неизвестного художника. 1790-е гг. (ЦВММ)

Петлин, 6-го – майор Карл фон Эсен, 7-го – майор Антон Кнутсен, 8-го – майор Григорий Нелидов. В результате общая штатная численность морской пехоты возросла до 9344 человек. В военное время каждая мушкетерская рота дополнялась до 150 солдат, гренадерская – до 160, а общая численность батальонов составляла 10578 офицеров и нижних чинов. Вместе с тем, в мирное время по сокращенной программе решено было не иметь пятую часть морских солдат, что уменьшило реальную штатную численность морских батальонов до 7888 человек. Очень скоро эта экономия привела к печальным результатам во время новой русско-шведской войны.

Морская пехота Балтийского флота в русско-шведской войне и в послевоенный период 1788–1796 гг.

В связи с началом в августе 1787 г. русско-турецкой войны Екатерина II по примеру предыдущей экспедиции графа А.Г.Орлова решила отправить в Архипелаг корабли Балтийского флота. Общее руководство ими должен был осуществлять знаменитый сподвижник Орлова адмирал С.К.Грейг. Как и раньше, важная роль отводилась морским батальонам, воодушевленно встретившим известие о походе. Офицер С.А.Тучков вспоминал: *«С каким восторгом солдаты, помня еще подвиги графа Орлова, восклицали: "Пойдем в Средиземное море!"»*. 5 июня 1788 г. из Кронштадта вышла первая эскадра вице-адмирала В.П. фон Дезина. Но тут 16 июня против России неожиданно выступила Швеция. Отправку кораблей в Архипелаг пришлось отменить. *«Солдаты вместо прежних восклицаний говорили между собою: "Проклятый швед не дал сходить в Средиземное море"»*. Балтийский флот вынужден был изменить свое назначение. В то время как почти все кадровые моряки оказались на кораблях фон Дезина в Копенгагене, Грейгу пришлось срочно доукомплектовывать в Кронштадте новую эскадру. Вот тут-то и дала себя знать пресловутая экономия. *«При вооружении флота оказался страшный недостаток в матросах,* – вспоминал позднее адмирал П.В.Чичагов. – *Их требовалось на все суда более 20-ти тысяч, а имелось в то время менее 10-ти, из которых большая часть состояла из рекрут, писарей, добровольцев и всякого сброда»*. Матросов пришлось набирать даже из арестантов петербургских и кронштадтских тюрем. Тем не менее, 29 июня Грейг вышел в море и, встретив 6 июля 1788 г. у острова Гогланд шведский флот под командованием герцога Зюдерманландского, атаковал его. После кровопролитного боя, во время которого Грейг заставил сдаться 74-пушечный корабль «Принц Густав», шведы отступили. Но с русской стороны 74-пушечный корабль «Владислав», получив 34 пробоины и потеряв управление, был снесен в середину шведского флота, который не замедлил окружить его и расстрелять. К концу сражения треть команды, в том числе 37 морских солдат, погибла. Многие матросы,

Библиография и источники:

Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890; Ч. XIV. СПб., 1893.

Головачев В. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 гг. СПб., 1871.

Тучков С.А. Записки. СПб., 1908.

Чичагов П.В. Записки. М., 2002.

Шишков А.С. Военные действия Российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах. СПб., 1826.

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289, 290.

Принц Карл Генрих Никола Оттон Нассау-Зиген.

Prince Karl Henrih Nikola Otton Nassau-Siegen.

Гравюра 1790 г. (РГБИ)

В 1788 г. принц Нассау-Зиген по ходатайству князя Г.А. Потемкина был принят контр-адмиралом на русскую службу и командовал Лиманской гребной флотилией под Очаковым. В 1789 г. в чине вице-адмирала возглавил гребной флот на Балтике. С трудом одержал победу 13 августа 1789 г. при Роченсальме, но через год, 28 июня 1790 г., там же понес сокрушительное поражение от шведов.

солдаты и офицеры, среди которых поручик морских батальонов Вестерник и подпоручик Капомер, получили ранения. Ночью шведы взяли совершенно разбитый корабль в плен.

После Гогландского сражения шведские корабли отступили в Свеаборг, где были блокированы эскадрой С.К. Грейга. К всеобщему сожалению, храбрый адмирал умер 15 октября от горячки. В связи с этим печальным событием и усиливающейся непогодой российская эскадра 23–24 октября сняла осаду Свеаборга и ушла в Ревель. Здесь 27 ноября 1788 г. преемником Грейга назначили адмирала В.Я. Чичагова. Эскадра фон Дезина, усиленная до 10 кораблей и 4 фрегатов, зимовала в Копенгагене. К весне 1789 г. на ее борту находились 1260 военнослужащих морских батальонов, в том числе 21 офицер.

Неудачные действия корабельного флота шведы компенсировали активностью своей галерной эскадры. Противопоставить ей с русской стороны оказалось нечего. Довоенные расчеты Адмиралтейской коллегии не оправдались, и в своем новом докладе на имя императрицы она вынуждена была признать: *«Шведы долговременным обучением приобрели познания действовать в шхерах с превосходством. <...> Наши флагманы, капитаны и офицеры уверяли <...>, что никто из них в мирное время в шхерах ни для обучения, ни для любопытства не ходил, и во время экзерциций в мирное время стараются всеми мерами от шхер удалиться <...> Самые храбрые и знающие между ними видят, что обыкновенная их практика, на открытом море и на больших судах производимая, в шхерах недостаточна»*[1].

Помимо опытных офицеров катастрофически не хватало матросов и солдат. 19 июля 1788 г. Екатерина II жаловалась князю Г.А. Потемкину: *«...на галеры выбрать не из кого, разве с неба кто ко времени упадет»*. 8 морских батальонов едва хватило на корабельные эскадры Грейга и фон Дезина. На гребную же эскадру капитана 1 ранга П.Б. Слизова послали 500 солдат Адмиралтейских батальонов, а также гатчинский Сводный гренадерский батальон. Но и после этого, по мнению участника войны П.В. Чичагова, *«шхерной флотилии у нас не существовало, потому что нельзя было считать нескольких лодок капитана Слизова за флотилию. Ничтожность сил Слизова была такова, что при виде многочисленного неприятеля ему пришлось быстро удалиться»*. Действительно, встретив 17 июля 1788 г. шведский галерный флот у Фридрихсгама, отряд Слизова отступил к Выборгу, где фактически и закончил морскую кампанию (см. стр. 83).

В этой тревожной ситуации 29 августа 1788 г. Екатерина II приняла решение *«к имеющимся флотским батальонам прибавить еще четыре таковые же батальона по военному комплекту»*. 20 сентября три *«прибавочных»* батальона определили в галерный флот, а четвертый на гребные суда создававшейся в Кронштадте Резервной эскадры. В новые батальоны поступили служившие на галерах солдаты Адмиралтейских батальонов, а также команды от полков, расположенных в Финляндии: *«Для удобнейшего составления четырех полевых морских солдатских батальонов велено отрядить из пехотных полков Софийского, Кексгольмского да из восьми в Финляндской армии находящихся из каждого по 1 обер-офицеру из охотников комплектных или сверхкомплектных, по 2 сержанта, по 4 унтер-офицера, по 8 капралов и по 20 человек рядовых людей, всего 350 человек исправных и уже несколько в армии служащих»*. Оставшийся некомплект был дополнен рекрутами. По примеру армейской пехоты морские батальоны снабдили полевой артиллерией – *«на каждый по две трехфунтовых пушки или осьмифунтовых единорогов»*.

31 марта 1789 г. общее руководство военно-морскими силами на Балтике поручили адмиралу В.Я. Чичагову. Главным событием кампании для корабельного флота стало упорное, но в целом безрезультатное Эландское сражение 15 июля 1789 г. Причем основные потери эскадра Чичагова понесла не от вражеского огня, а от разрыва своих старых чугунных морских пушек. На корабле «Дерись» разорвало сразу три пушки, от чего многие матросы и комендоры были убиты и ранены, палуба разломана, а на борту начался пожар. Спасаясь от огня, подпоручик 8-го морского батальона Андрей Радзивилович бросился в воду и утонул. Всего на эскадре погибли 2 солдата морских батальонов, ранения получили 27, а также поручик 8-го батальона Василий Титов, кото-

[1] РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

Первое Роченсальмское сражение 13 августа 1789 г.

The First Battle of Rochensalm. August 13, 1789.

Картина художника Юхана Титриха Шульца. 1792 г. (Национальный музей Швеции, Стокгольм)

рый на корабле «Мстислав» *«от удару электрического упал на палубу, и расшибло грудь»*. Шведский флот отступил и скрылся в Карлскроне.

После Эландской битвы активные действия на море вел галерный флот, для которого за зиму 1788/1789 гг. построили множество новых судов. Возглавил гребную флотилию принц К. Г. Нассау-Зиген, который, пользуясь доверием императрицы, значительно усилил свою пехоту. Ввиду явной слабости трех прибавочных морских батальонов, на гребной флот послали Навагинский, Кексгольмский, Тенгинский и Елецкий пехотные полки, а также Сводный отряд из вторых батальонов Лейб-Гвардии Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. 8 июня Нассау-Зиген во главе 72 судов вышел из Кронштадта в море, пообещав императрице разделаться с шведской шхерной флотилией. Однако многие современники скептически отнеслись к столь щедрым авансам. Секретарь Екатерины II граф А. А. Безбородко писал 9 июля 1789 г. своему другу С. Р. Воронцову: *«Галеры наши теперь дошли до Фридрихсгама. Целый год их вооружали и то неисправно. Ни знания, ни доброй воли ни у кого не было, и Бог знает, как все с рук сойдет. Посадили на них более 10000 войска, кроме морских и артиллеристов. Одних пушек 600, кроме фалконетов. Но жаль, что немного шебек и других сильных судов. Командир их, принц Нассау, при неисправности вооружения больше еще затевает и всего требует»*.

Обнаружив шведский гребной флот на Роченсальмском рейде, Нассау-Зиген решил его атаковать с двух сторон: через южный вход он послал в атаку Резервную эскадру генерал-майора И. П. Балле, пообещав ударить на шведов с тыла через северные мелководные проливы между островками Макари (так называемые «Королевские ворота»). На рассвете 13 августа 1789 г. 20 судов Балле вошли на рейд и завязали сражение со шведской флотилией, насчитывавшей 62 судна. Шведы всеми силами обрушились на Балле и, имея 783 орудия против 404 русских, два часа жестоко расстреливали его эскадру. Наконец, флот Нассау двинулся в атаку с севера. Но, подойдя к «Королевским воротам», передовой отряд графа Ю. П. Литты обнаружил, что шведы поутру завалили проходы между островками потопленными транспортами. В результате, не имея возможности ворваться на рейд, эскадра Нассау-Зигена не могла помочь Балле, силы которого таяли с каждой минутой. Видя уничтожение Резервной эскадры, принц совершенно потерял голову. Однако граф Ю. П. Литта и капитан 1 ранга П. Б. Слизов возглавили солдат и матросов, которые бросились в воду и стали расчищать фарватеры. Несколько часов они работали под огнем шведских орудий. Между тем, Резервная эскадра была практически разгромлена, многие солдаты, матросы и офицеры погибли, два пакетбота затонули, бомбардирский корабль «Перун» и пакетбот «Поспешный» в разбитом виде попали в плен. День клонился к вечеру, и Балле приказал отсту-

Серебряная медаль «За храбрость на водах Финских».

Silver medal «For Bravery in the Finnish Waters».

(Из коллекции М. С. Селиванова)

Такой медалью на георгиевской ленте награждили солдат морских батальонов за победу в первом Роченсальмском сражении 13 августа 1789 г.

пать. Шведы начали преследование, желая окончательно добить русских. Но тут, наконец, через расчищенные проливы на рейд ворвалась эскадра Нассау-Зигена. Ситуация резко изменилась. В ночной темноте русские галеры с громким «Ура!» обрушились на потрепанную шведскую флотилию и полностью разгромили ее. Захваченные шведами суда были возвращены, кроме того, потоплены 3 канонерские лодки, взяты в плен 7 судов, 45 офицеров, 1300 солдат и матросов. Еще 30 транспортов и судов шведы сами сожгли при отступлении. Эта неожиданная победа была объявлена равной Чесменской и спасла Нассау-Зигена от позора. Всех морских солдат и гренадер наградили серебряными медалями на георгиевской ленте с надписью: *«За храбрость на водах финских»*.

Разгром при Роченсальме оголил приморский фланг сухопутной шведской армии. Остатки шхерной флотилии укрылись в устье реки Кюмень. В связи с этим 21–22 августа 1789 г. была проведена совместная операция, во время которой корпус генерала В.И.Левашова энергично вел наступление тремя колоннами с фронта, а отряды флотилии Нассау-Зигена наносили фланговый удар. Двухтысячный десант с боем высадился между Гейнлаксом и Куписом и оттеснил шведских егерей. В то же время 12 канонерских лодок под командованием Балле вошли в устье Кюмени и захватили 15 судов, а также высаженным десантом взяли на берегу 29 орудий. В результате шведские войска оставили укрепленную позицию и отступили за Кюмень. Десант преследовал их 30 верст и после встречи с левофланговой русской колонной генерал-поручика Ф.М.Нумсена вернулся на корабли. Правда, эту успешную операцию несколько омрачил тот факт, что, покинув суда, десант провел 5 дней на берегу без провианта, питаясь только грибами.

Итак, морская кампания 1789 года завершилась успешно. К ее финалу на кораблях Чичагова находились 34 офицера и 1559 нижних чинов из всех 8 морских батальонов. Кроме того, 3 прибавочных и Сводный гренадерский батальоны служили в гребном флоте, и еще 1 прибавочный батальон на Резервной эскадре. Тем не менее, морской пехоты катастрофически не хватало. Для укомплектования построенных зимой в Кронштадте новых судов пришлось забрать весь местный гарнизон, так что командир порта П.И.Пущин даже жаловался в Адмиралтейскую коллегию: *«Известно вам, что без людей никакая крепость, ни с какими укреплениями противостоять не может; флот наш отправится в море, и мы останемся токмо при одних часовых: гарнизонных нет, только что содержать кара-*

Ревельское морское сражение 2 мая 1790 г.

The Revel Sea Battle. May 2, 1790.

Картина художника А.П.Боголюбова. 1860-е гг. (ЦВММ)

На картине показан момент, когда к сдавшемуся шведскому кораблю «Принц Карл» спешит на катере с морскими солдатами сын главнокомандующего российской эскадрой капитан 2 ранга П.В.Чичагов – будущий адмирал и Министр военных морских сил. За эту победу П.В.Чичагов был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

улы». Прибывший к Финляндской армии в конце апреля 1790 г. новый главнокомандующий граф И. П. Салтыков также выражал недовольство посылкой на галерный флот сухопутных войск. Это фактически оголило его приморский фланг, и шведы скоро начали теснить русскую армию с позиции, о чем Салтыков 31 мая жаловался секретарю императрицы графу А. А. Безбородко: *«Неприятель на земле утверждается, в чем ему никак с земли помешать не можем, а надобно все сие с воды делать <...> Судите сами, Чичагов и Нассау ни за что не отвечают, <...> не заботясь ни о каком земном неприятеле, потому что он им вреда сделать никакого не может, и только им и предмету, что пытаться: если удача – вся честь и слава, ежели уж нет – то, собравши все вместе, отошел в порт и аминь <...> Но я имею двух неприятелей: морского и сухопутного – не достает только воздушного. Но и то бы ничего не значило, ежели войска были. А при том недостатке один должен изворачиваться – неприятельские затеи сам уничтожать, столицу обеспечить и коммуникацию к оной, а также Выборг, землю и флотилию гребную».* Но эти жалобы почти не помогали. После разгрома шведской шхерной флотилии при Роченсальме стало ясно, что судьба кампании 1790 года и всей войны будет решаться на море.

Командир 8-го морского батальона подполковник граф Семен Ивелич.

Commander of the 8th Navy Battalion Lieutenant Colonel Count Semen Ivelich.

Портрет кисти неизвестного художника. Около 1795 г. (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник)

Во время Красногорских сражений 23 и 24 мая 1790 г. премьер-майор граф С. К. Ивелич возглавлял всех морских солдат на российской эскадре и за отличие был произведен в подполковники.

Первыми боевые действия начали шведы. 2 мая 1790 г. флот герцога Зюдерманландского атаковал эскадру адмирала В. Я. Чичагова при Ревеле, но был отбит с большим уроном. Севший на мель корабль «Раксен Стендер» шведы сожгли, а 64-пушечный корабль «Принц Карл», потеряв грот- и фор-стеньги, сдался. На нем сложили оружие 8 офицеров, 4 кадета, 443 рядовых, в числе которых около 100 кирасир, предназначенных для десанта, а также 11 раненых. В этом сражении на русских кораблях участвовали 2115 солдат и офицеров морских батальонов, из которых 4 солдата были убиты и 5 ранены.

13 мая 1790 г. из Кронштадта для усиления Ревельской эскадры В. Я. Чичагова вышла эскадра вице-адмирала А. И. Круза. Встретив 23 мая недалеко от Красной Горки шведский флот, Круз весь день вел с ним упорный бой, который продолжился и 24 мая. К вечеру, узнав о приближении с тыла Ревельской эскадры Чичагова, шведский флот отступил и укрылся в Выборгском заливе. В двухдневном Красногорском сражении участвовали 2438 морских солдат и офицеров под общим руководством командира 8-го батальона графа С. К. Ивелича, который за храбрость был произведен в подполковники. В сражении также отличились премьер-майор Жерве, капитан Гревенец и поручик Пыпин.

Соединившись под командованием В. Я. Чичагова, Ревельская и Кронштадтская эскадры блокировали шведский флот в Выборгском заливе. К июню 1790 г. на российских кораблях насчитывалось 3974 военнослужащих 8 морских батальонов. Кроме того, к блокаде была привлечена греб-

Обер-офицер морских батальонов. 1776–1796 гг.

An ober-officer of a navy battalion, 1776–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска ...». СПб., 1793.

Генерал-майор Федор Евстафьевич Книпер.

Major General Fedor Evstafyevich Kniper.

Портрет кисти Дж.Доу. 1822–1825 гг.
(Военная галерея Зимнего Дворца)

Лифляндский дворянин Ф.Е.Книпер (1767–1850) был зачислен 10.II.1788 г. подпоручиком во 2-й Адмиралтейский батальон, откуда с началом русско-шведской войны поступил в 4-й прибавочный морской батальон и был послан на гребную флотилию. За отличие в сражении 13.VIII.1789 г. при Роченсальме произведен в поручики. 21.VIII.1789 г. при штурме десантом шведских батарей в устье реки Кюмень контужен в голову. 7.XII.1789 г. переведен в 1-й прибавочный морской батальон. При отражении шведского десанта 7.VI.1790 г. на острове Урансари ранен пулей в локоть левой руки и за отличие произведен в капитаны. С переформированием прибавочных батальонов поступил 1.I.1791 г. в 1-й морской полк Балтийского гребного флота. 2.V.1793 г. перешел в армейские егеря. В 1804–1810 гг. командовал 14-м егерским полком, с которым участвовал в десантных операциях в Неаполе, Бокко-ди-Каттаро, Рагузе, Далмации. Ранен в правую ногу. Принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. 7.X.1812 г. при штурме Полоцка ранен пулей в шею. За отличие произведен 15.IX.1813 г. в генерал-майоры. В 1821–1832 гг. комендант Витебска. Вышел в отставку 14.I.1834 г.

ная эскадра вице-адмирала Т.Г.Козлянинова. На ее борту находились три прибавочных морских батальона, почти целиком состоявшие из рекрут.

Для блокирования входа в Транзундский пролив осаждающие построили на острове Урансари батарею из 16 крепостных пушек. Она сильно мешала шведскому флоту, в связи с чем три батальона королевской гвардии высадились ночью с 6 на 7 июня на остров, где неожиданно встретились с морскими прибавочными батальонами. Участник событий С.А.Тучков позднее вспоминал: *«Полковник, командовавший морскими батальонами, составленными почти из рекрут, выпросил у адмирала* [Козлянинова] *позволение выйти с оными на помянутый остров и расположиться лагерем для обучения новых его солдат стрельбе из ружей <...> В одну ночь услышали мы на острове жестокую ружейную пальбу плутонгами и залпами и вскоре уведомлены были, что большой отряд неприятельской пехоты, пройдя на мелких лодках неизвестными нам проливами, сделал высадку на сей остров. Он намеревался, – атаковав сзади, – овладеть батареею, на сем острове находившеюся, которая не имела никакого прикрытия. И, без сомнения, сие ему бы удалось, если бы не встретился оный с высаженными для обучения стрельбе морскими батальонами. Как только о сем мы узнали, отправился на помощь помянутым батальонам генерал-майор Буксгевден с тремя батальонами гренадер сухопутной армии».* Первый удар шведов пришелся на левый фланг русского лагеря по морским гренадерам, которые мужественно встретили врага и завязали сражение. Подоспевший генерал-майор Ф.Ф.Буксгевден с гренадерами Кексгольмского и Навагинского полков ударил на шведов в штыки справа и опрокинул их. Королевская гвардия и пехота были сброшены в море, потеряв 254 человека убитыми, 1 офицера, 3 унтер-офицеров и 42 рядовых пленными, а также 4 знамени. С русской стороны были ранены 1-го морского прибавочного батальона секунд-майор Бистром и поручик Книпер, 2-го батальона поручик Нейман и подпоручик Мельников, а также 7 унтер-офицеров и 59 рядовых *«большей частью из морских баталионов, выдержавших первое стремление неприятеля»*. В списке отличившихся офицеров генерал Буксгевден рекомендовал 1-го морского прибавочного батальона секунд-майора Бистрома и капитана Ремлинга, 2-го батальона подпоручика Мельникова, 3-го батальона капитана Малеванова и поручика Фенета.

В конце концов, после месяца блокады в Выборгском заливе шведский флот 22 июня 1790 г. решился пойти на прорыв. Но встреченный эскадрами Чичагова, он понес колоссальные потери. 23 судна были потоплены, 20 сожжены, 21 захвачено в плен; около 2000 шведов погибли и еще до 5000 попали в плен, в том числе контр-адмирал Лилиенфельд и 200 офицеров. Сам король Густав III едва успел скрыться. По другим данным *«потеря шведов состояла из семи линейных кораблей, двух фрегатов и множества мелких судов. Взято в плен шведов было, по некоторым известиям 5000, по другим 7000. Между пленными находился контр-адмирал Лейонанкер и около 100 офицеров. Лейб-гвардия короля почти вся*

Серебряная медаль в честь заключения Верельского мирного договора со Швецией 3 августа 1790 г.

Silver medal in honor of signing the Verel Peace Treaty with Sweden on August 3, 1790.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г.Москва)

Такие медали на ленте ордена Св.Владимира получили солдаты морских батальонов, участвовавшие в русско-шведской войне 1788–1790 гг.

попала в плен. Герцог Карл был ранен в плечо»[2]. В ходе сражения на фрегате «Гавриил» отличился поручик морских батальонов Трофимов, который, к сожалению, был убит. В списке отличившихся также отмечен начальник солдатской команды фрегата «Елена» капитан Лошаков.

Славную победу отпраздновали в Петербурге. Война приближалась к концу. Но тут неожиданно для всех произошла настоящая катастрофа. Воодушевленный выборгским триумфом Чичагова, принц Нассау-Зиген решил также стяжать лавры победителя и добить шведскую шхерную эскадру, стоявшую, как и год назад, на Роченсальмском рейде. Несмотря на плохую погоду, принц во что бы то ни стало хотел атаковать врага 28 июня – в день восшествия на престол Екатерины II. Он намеревался преподнести императрице подарок и захватить короля Густава III, укрывшегося после выборгского разгрома на галерной эскадре. Однако вышло все совсем наоборот. Первая линия русских судов, едва удерживаясь на крупной зыби, рано открыла огонь и быстро расстреляла свои заряды. Под огнем противника, стоявшего на хорошей позиции, она смешалась и начала отходить, внося беспорядок в наступающую вторую линию. Тут еще начался шторм. В результате, по свидетельству графа А. А. Безбородко, *«все пришло в такую конфузию, что друг друга давили, места не давали, не допускали стрелять, инако как с своим вредом, бились при случившейся погоде о каменные острова, становились на песчаные банки, словом сами себя разбивали»*. Шведы же, укрывшись от непогоды за островками Макари, вели артиллерийский огонь, окончательно добивая русскую флотилию. Разгром оказался страшным. Погибли 52 судна, в том числе 5 фрегатов, 5 шебек, 16 галер. Около двух тысяч матросов и солдат добрались до островков Макари и, набрав из разбитых судов сухари и патроны, еще несколько дней пытались обороняться. Но когда шведские канонерки стали обстреливать островки из 30- и 24-фунтовых пушек, последние защитники вынуждены были сдаться. Потери убитыми, ранеными, пленными и утонувшими составили около 7000 человек. *«Да и всего прискорбнее,* – писал граф А. А. Безбородко, – *что тут потеряны лучшие войска, которые прошлого года дрались на галерном флоте»*. Из морских прибавочных батальонов уцелели лишь солдаты и офицеры, находившиеся в отряде судов вице-адмирала Т. Г. Козлянинова, не поспевшем к общей атаке.

Победа во втором Роченсальмском сражении восстановила положение Швеции, и 3 августа 1790 г. был подписан Верельский мирный договор, положивший конец войне. С окончанием боевых действий Адмиралтейская коллегия, *«удостоверившися из опытов прошедшей войны в пользе и необходимости гребного флота»*, решила поновому устроить 4 прибавочных морских батальона, сформированных в 1788 году, *«оставляя их при гребном флоте для разных необходимых по оному употреблений»*. 16 декабря 1790 г. из этих батальонов были созданы 1-й и 2-й морские полки. Каждый полк с 1792 года включал два батальона по 1 гренадерской и 4 мушкетерские роты в каждом, а также артиллерийскую команду из 34 человек (включая сержанта и капрала) для обслуживания 4 трехфунтовых полковых пушек. После завершения шведской войны пехота Балтийского гребного флота большую часть времени проводила на берегу и для облегчения управления, снабжения и улучшения тактической подготовки ее решили перевести в ведение Военной коллегии. 24 мая 1792 г. по высочайшему указу 1-й и 2-й морские полки передали из Адмиралтейской коллегии в сухопутное ведомство.

Таким образом, к концу царствования Екатерины II морская пехота Балтийского флота насчитывала 8 батальонов для корабельных эскадр, 2 морских полка гребного флота и 2 Адмиралтейских батальона. Общее штатное число их офицеров и нижних чинов превышало 12 тысяч человек.

Мушкетер морских батальонов. 1776–1796 гг.

A musketeer of a navy battalion, 1776–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска...». СПб., 1793.

[2] *Брикнер А. Г.* Война России с Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869. С. 256.

Обмундирование, вооружение и знамена корабельной морской пехоты. 1762–1796 гг.

Библиография и источники:

РГВИА. Ф. 12. Оп. 2 Д. 579; Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 78;Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 551. Ч. 2.

Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

После восшествия на престол Екатерина II сохранила общее соответствие униформы солдатской команды Балтийского флота обмундированию армейских пехотных полков. 1 сентября 1762 г. *«Ея Императорское Величество государыня соизволила указать морским солдатам цветной мундир иметь против полевых»*. В переходный период 1762–1764 гг., пока разрабатывались новые штаты и регламенты, они носили прежние мундиры, установленные еще при Анне Иоанновне (см. Главу II). В феврале 1763 г. Адмиралтейская коллегия распорядилась унтер-офицерам, капралам, писарям, гобоистам, трубачам и барабанщикам *«для отличности от солдат в мундиры вместо холста класть в фалды крашенину и на всякую фалду нашивать по три пуговицы»*.

2 марта 1764 г. Екатерина II утвердила доклад «О мундире служащим во флоте и при Адмиралтействе». В соответствии с ним морские солдаты и офицеры получили мундиры, полностью совпадавшие с утвержденной ранее формой для мушкетерских и гренадерских полков. Окончательно закрепляя это сходство, 5 сентября 1764 г. морские батальоны уравняли с армейской пехотой по срокам ношения вещей, расходу материалов, образцам амуниции и вооружения. Позднее, 13 августа 1785 г., Екатерина II утвердила мундирную и амуничную ведомость для морских батальонов Черноморского флота, которая полностью совпадала с регламентом 1764 года. В соответствии с этими документами для всех морских батальонов была установлена следующая униформа.

Каждому морскому солдату на два года полагался зеленый суконный кафтан с красными обшлагами, отложным воротником, лацканами и медными пуговицами. Его единственным отличием от армейского мундира был подбой фалд не из красной, а из белой каразеи. Кроме того, камзолы в морских батальонах полагались вместо красных белые, а штаны зеленые. У барабанщиков и флейтщиков по борту, на плечах и по воротнику кафтанов и камзолов выкладывалась белая тесьма. У унтер-офицеров на обшлагах и воротнике нашивался золотой галун. Черные шляпы с белым бантом обшивались по краю белым шерстяным галуном с зубцами («городками»). Внутри углов шляпы к краю полей пришивались кисточки, цвет которых мог различаться по кораблям. Ежегодно солдату полагалось выдавать пару высоких сапог и пару башмаков с черными полотняными штиблетами, застегивавшимися сбоку на 12 медных пуговиц. Для защиты от непогоды солдаты раз в четыре года получали васильковую суконную епанчу, подбитую каразеей.

Офицеры и нижние чины гренадерских рот вместо шляп носили высокие гренадерские шапки, близкие по форме прусским образцам. На их медных налобниках был выбит государственный герб – двуглавый орел с тремя коронами и московским гербом на груди. Будучи страстным почитателем короля Фридриха II, генерал-адмирал великий князь Павел Петрович велел по прусской традиции покрывать орлы на налобниках черной

Гренадерская шапка морских батальонов 1764–1796 гг.

A navy battalion grenadier cap, 1764–1796.

(ЦВММ)

Бляха на патронную суму гренадер и мушкетеров морских батальонов.

A metal plate to cartouches of musketeers and grenadiers of navy battalions.

Реконструкция по экземпляру, поднятому с места гибели корабля «Слава России», затонувшего 23 октября 1780 г. близ Тулона (Франция)

Рисунок художника Р.Паласиоса-Фернандеса. 2005 г.

[3] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 551. Ч. 2. Л. 656.

[4] РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 78 Л. 9.

краской, а щит московского герба – красной. Хотя в полевой армии околыши гренадерок были из зеленого сукна, а задники из красного, на сохранившейся гренадерской шапке морских батальонов околыш красный, а задник белый. Вероятно, в морской пехоте существовал именно такой тип расцветки. Кроме того, для противодействия сырости задники и околыши гренадерских шапок могли делать не из сукна, а из кожи.

Вооружение в морской пехоте также соответствовало сухопутным образцам – гладкоствольная фузея с трехгранным штыком и шпага с тесачным клинком на белой поясной портупее. Через левое плечо гренадеры и мушкетеры носили на белой кожаной перевязи черные патронные сумы с круглой латунной бляхой на крышке. Экземпляр такой бляхи с выбитым государственным гербом поверх двух скрещенных якорей недавно нашли французские подводные археологи близ порта Тулон на месте гибели 23 октября 1780 г. 66-пушечного корабля «Слава России». У гренадер на перевязи сумы крепилась медная фитильная трубка – к этому времени уже совсем бесполезный предмет, сохранявшийся как дань традиции и напоминание о том, что когда-то в эти трубки вставляли тлеющий фитиль для зажигания гранат.

Мушкетерам и гренадерам морских батальонов (кроме Адмиралтейских) также сохранили летний матросский мундир: камзол из полосатого тика с рукавами и обшлагами, канифасные брюки и матросскую шляпу. Правда, по сравнению с предыдущей эпохой (см. стр. 44) внешний вид шляпы несколько изменился. Утверждая ее образец для моряков и солдат Черноморского флота, князь Г.А. Потемкин в декабре 1789 г. особо отмечал: *«Предписываю* [чтобы] *для флота шляп тульи как вверху, так и внизу равными были, дабы на голову свободно надевались, а поля небольшие; довольно в два вершка с половиной»*[3].

Морские и Адмиралтейские батальоны двух корабельных флотов носили обмундирование образца 1764 года вплоть до конца правления Екатерины Великой. Только в 1774 году были отменены штиблеты с башмаками, и вместо них солдатам ввели вторую пару сапог. Тогда же отменили обшивку полей шляпы белой тесьмой с городками. Глобальная мундирная реформа, проведенная князем Г.А. Потемкиным в сухопутной армии в 1783–1786 гг., не затронула морские батальоны, поскольку ей воспротивился генерал-адмирал великий князь Павел Петрович. Верный прусским традициям, он негативно отнесся к переодеванию солдат в короткие куртки и шаровары. При формировании в 1788 году четырех прибавочных морских батальонов для Балтийского флота их обмундировали в точном соответствии с регламентом 1764/1774 гг. и вооружили пехотными ружьями, штыками и шпагами, изготовленными в Туле. В апреле 1789 г. для батальонов гребной флотилии из Военной коллегии отпустили 5062 солдатских ружья и 3965 тесаков с медными эфесами, а 1134 недостающих тесака планировали прислать из Тулы[4]. Лишь поступив в 1792 году в сухопутное ведомство, 1-й и 2-й морские полки по-

A grenadier of a navy battalion in summer drill uniform, 1764–1796.

Гренадер морских батальонов в летнем строевом мундире. 1764–1796 гг.

Рисунок художника С.А.Летина. 2005 г.

В летнее время (с мая по сентябрь) солдаты морских батальонов подобно армейской пехоте носили камзолы без кафтанов. Для службы на кораблях гренадеры вместо башмаков и штиблет обычно надевали более удобные походные сапоги.

лучили удобную «потемкинскую» форму (см. ниже). В подведомственных же Павлу Петровичу морских батальонах допускались изменения только в духе Фридриха II. Так, в июне 1788 г. он приказал заготовить для солдат морских батальонов Балтийского флота не светло-зеленые, а темно-зеленые сюртуки с красными отложными воротниками и белым стамедным подбоем. Кроме того, каждому батальону присвоили свой особый цвет для задников, околышей и кистей гренадерских шапок. Впрочем, несмотря на педантизм юного генерал-адмирала, форму на флоте носили с большими допусками. Как вспоминал гардемарин В.И.Штейнгель, в Кронштадте 1790-х гг. ему *«часто случалось встречать офицеров в мундире, в пестром нижнем платье, с розовым галстуком и в круглой шляпе. Едучи куда-либо, особенно капитаны, любили иметь за собою вестового, который обыкновенно нес шпагу и плащ»*[5].

С 1764 по 1777 год в каждом морском батальоне полагалось 8 знамен – по 1 в каждой роте, включая гренадерскую. К сожалению, их образец и расцветка пока не установлены. После увеличения числа батальонов при их одновременном штатном сокращении знамена в морской пехоте были отменены, а должность прапорщика в ротах упразднена. Тем не менее, при утверждении 27 июля 1794 г. новых штатов для морских батальонов Черноморского флота, в том числе одного Адмиралтейского, в каждом батальоне предполагалось иметь по 2 знамени. К сожалению, их образец и расцветка пока тоже не установлены.

[5] Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 180.

Морская пехота Черноморского флота в 1785–1796 гг.

Победа над Турцией в 1774 году и выход к Днепровско-Бугскому лиману позволили России развернуть масштабное строительство Черноморского флота. В 1778 году был основан Херсон, а после присоединения Крыма князем Г.А. Потемкиным в 1783 году (см. Главу IV) началось строительство Севастополя, ставшего главной базой на Черном море. 13 августа 1785 г. императрица утвердила строительную программу Черноморского флота, определив его состав в 12 линейных кораблей и 20 фрегатов с необходимым числом ботов, шхун, плашкоутов и лодок. Одновременно для этих судов рассчитали численность солдатской команды, которая составила 3023 человека, организованных в 1–3-й четырехротные морские батальоны Черноморского флота. Кроме того, при черноморском Адмиралтействе для караулов была учреждена одна солдатская рота – 3 офицера, 8 унтер-офицеров и капралов, 2 барабанщика и 125 солдат. К сожалению, начало новой русско-турецкой войны не позволило завершить формирование батальонов. 28 августа 1787 г. князь Г.А. Потемкин велел командующему флотом контр-адмиралу М.И. Войновичу перевести всех солдат в матросы, а вместо них посадить на корабли Черноморской эскадры Севастопольский и Троицкий пехотные полки. Офицеры и сержанты морских батальонов частично поступили на корабельный флот, а многие – на гребную Лиманскую флотилию, действовавшую под Очаковым. При этом они продолжали числиться военнослужащими своих фактически несуществующих батальонов.

Таким образом, морским батальонам Черноморского флота не довелось участвовать в русско-турецкой войне. Зато сменившие их Троицкий, Старооскольский, Греческий и, в особенности, Севастопольский пехотные полки быстро освоили корабельную службу. Возглавивший Черноморский флот в марте 1790 г. контр-адмирал Ф.Ф. Ушаков писал: *«...флот мне вверенный*

Библиография и источники:

Ф.Ф.Ушаков. Сборник документов. Т. I. М., 1951.

А.В.Суворов. Сборник документов. Т. II. М., 1949.

Материалы для истории русского флота. Ч. XV. СПб., 1895.

Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890.

РГВИА. Ф.52. Оп. 1/194. Д. 551. Ч. 1.

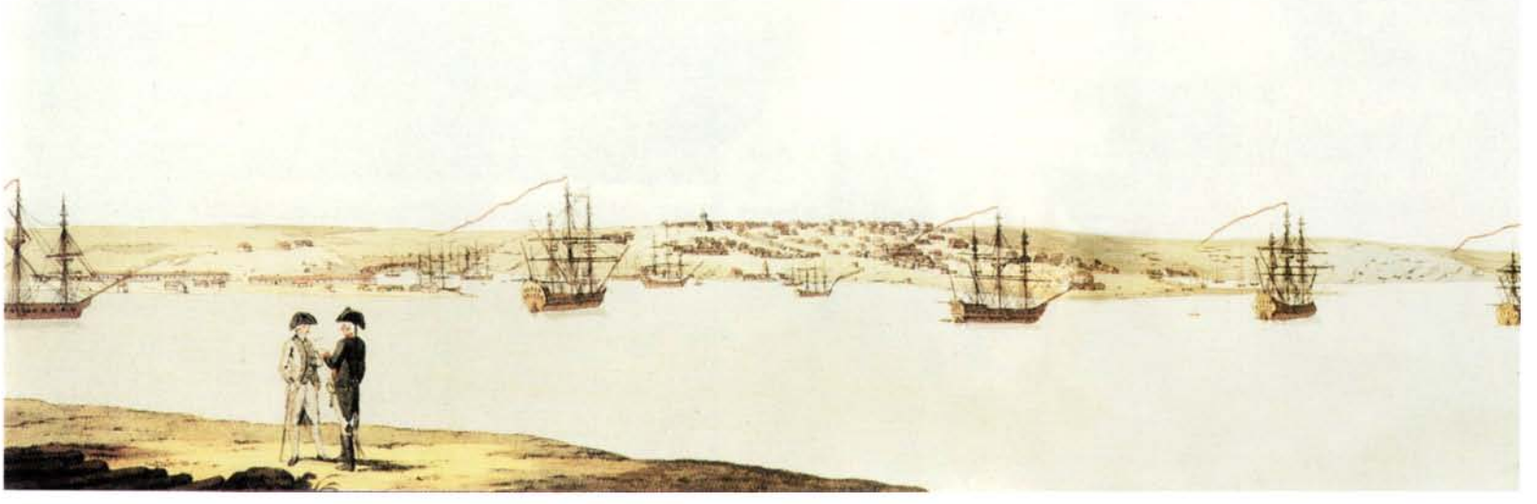
РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 334.

Панорама Севастопольской бухты.

Panorama of a Sevastopol bay.

Раскрашенная гравюра Х.-Г.Гейслера. Начало 1790-х гг. (ГИМ)

На переднем плане офицер флота беседует с офицером морского батальона.



Штат Солдатской команды Черноморского флота (3 морских батальона) 1785–1796 гг.

Чины	По штату 1785 года	По штату 1794 года
Премьер-майоров	1	3
Им денщиков по 3:	3	9
Секунд-майоров	2	3
Капитанов	12	15
Им денщиков по 2:	28	36
Поручиков	26	18
Подпоручиков	18	36
Адъютантов	3	3
Им денщиков по 1:	47	57
Писарей батальонных	3	3
Писарей ротных	12	18
Сержантов	64	72
Каптенармусов	20	18
Фурьеров	20	18
Капралов	88	108
Гренадер	344	516
Мушкетеров	2268	2745
Барабанщиков	52	54
Флейтщиков	12	18
Цирюльников	–	18
Всего:	**3023**	**3768**

людьми комплектован был весьма в достаточном количестве, и солдаты были на нем Севастопольского пехотного полку отборные, отлично практикованные и во все время <...> войны служившие на флоте. По сему я и надеялся, что если бы и абордажи случились (хотя бы то и на фрегаты), действие оными произвесть надежно». Под командованием Ушакова пехотинцы участвовали в сражениях 3 июля 1788 г. у острова Фидониси (ранено 3 мушкетера Севастопольского полка) и 8 июля 1790 г. в Керченском проливе, в поражении турецкого флота 28–29 августа 1790 г. у острова Тендры и 31 июля 1791 г. у мыса Калиакрии. В числе отличившихся офицеров Ушаков особенно рекомендовал полковника Старооскольского полка Н.А. Чиркова, возглавлявшего солдатскую команду корабельной эскадры. За храбрость Чирков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Лиманская гребная флотилия в течение 1787 и 1788 гг. действовала в основном под крепостью Очаков. Она бомбардировала город и стоявшие под защитой береговых батарей турецкие суда, перехватывала грузовые транспорты, блокировала с моря Очаков во время осады крепости войсками князя Г.А. Потемкина. Всей армии стал известен подвиг капитана 2 ранга Рейнгольда фон Сакена. 26 мая 1788 г. его дубель-шлюпку № 2 (7 орудий, экипаж 52 человека) атаковали в устье Буга 11 турецких галер. Не имея возможности уйти от них, Сакен посадил 9 человек на ялик и велел им спасаться. Сам же с прочими солдатами и матросами дал залп по бросившимся на абордаж туркам и взорвал дубель-шлюпку, потопив вместе с собой 4 турецкие галеры. Этот подвиг имел важные последствия. Турки впредь не рисковали сваливаться с русскими судами на абордаж. 6 декабря 1788 г. после упорного штурма Очаков был взят.

Морская кампания 1789 года не отличалась особой активностью. Зато в следующем, 1790 го-

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический в форме адмирала.

Svetleyshiy Prince Gregory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky in admiral uniform.

Копия неизвестного художника 1-й половины XIX в. с портрета 1791 г. кисти И.-Б. Лампи.

Шеф Черноморского гренадерского корпуса вице-адмирал Иосиф Михайлович де Рибас.

Commander of the Black Sea Admiral Corps, Vice-Admiral Iosif Mihaylovich de Ribas.

Портрет кисти И.-Б. Лампи-старшего. 1796 г.

В 1790–1791 гг. И.М. де Рибас командовал Лиманской гребной флотилией и за взятие турецких крепостей в Сулинском гирле Дуная был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. При штурме Измаила 11 декабря 1790 г. руководил атакой со стороны реки и принял капитуляцию мухафиса (губернатора) крепости трехбунчужного паши Мегмета. В 1794–1796 гг. шеф Черноморского гренадерского корпуса. Основал в Хаджибее город Одессу, военную гавань и торговый порт.

Гренадер гренадерских полков. 1790–1796 гг.

A navy battalion grenadier, 1790–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г.Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска...». СПб., 1793.

➨ ***Гренадеры и офицеры Лиманской гребной флотилии. 1790–1791 гг.***

Grenadiers and officers of the Leaman Rowing Fleet, 1790–1791.

1. *Морской обер-офицер гребного флота.*
2. *Гренадер Николаевского приморского гренадерского полка в суконной куртке и летних полотняных шароварах.*
3. *Офицер приморских гренадерских полков в «потемкинской» форме.*
4. *Гренадер Депровского приморского гренадерского полка в летнем полотняном кителе и шароварах.*

Рисунок художника А.В.Каращука. 1998 г.

ду гребному флоту предстояла важнейшая задача. По плану князя Г.А. Потемкина русским войскам предстояло занять нижнее течение Дуная и покорить защищавшие его турецкие крепости Исакчу, Тульчу и Измаил. Лиманская флотилия генерал-майора И.М. де Рибаса должна была содействовать полевой армии, для чего войти с моря в Дунай через Сулинское гирло и атаковать крепости вдоль реки. Поскольку флотилии предстояло решать боевые задачи отдельно от сухопутных войск, требовалось обеспечить ее собственной морской пехотой. В связи с этим 11 декабря 1789 г. по приказу Потемкина из Ярославского пехотного полка и отдельного Николаевского гренадерского батальона началось формирование трехбатальонного Николаевского приморского гренадерского полка. Оставаясь в ведении Военной коллегии, полк поступал под команду начальника гребной флотилии И.М. де Рибаса. С 10 мая 1790 г. из двух батальонов Астраханского гренадерского полка началось формирование еще одной части морской пехоты – Днепровского приморского гренадерского полка, так и оставшегося в двух батальонах. *«Польза сих приморских полков будет в том,* – писал князь Потемкин, – *что они составят стражу в Севастополе, Кинбурне, Козлове, Еникале и все сверх пехотной службы обучены будут матросской, а теперь во флоте употребляем полки пехотные, которые ничего на кораблях не знают, а во флотилии веслом владеть не умеют...»*[6].

Днепровский приморский гренадерский полк возглавил младший брат начальника Лиманской флотилии подполковник Эммануил де Рибас. В предписании ему князь Потемкин требовал, чтобы морские гренадеры умели *«производить удар на штыках дружно и стремительно, в то же время отборными и проворными людьми, облегча их от ружей и прочей тягости, атаковать на саблях с отменной скоростью, к сему выбрать способных и обучить наперед»*. Де Рибасу предписывалось *«узнать кто имеет способность цельно стрелять, кто легче в бегу и кто мастер плавать <...> Приучить их бегать и лазить на высоты, переходить рвы и прочее, <...> обучать скрываться и подкрадываться к неприятелю, чтоб схватывать его часовых. К таковым экзерциции и офицеры приучены должны быть»*[7]. Фактически Потемкин составил первую в истории русской армии инструкцию по спецподготовке военнослужащих. В имевшихся к тому времени в войсках наставлениях по индивидуальному обучению солдат предложенные Потемкиным способы атаки отсутствовали. К сожалению, из-за начала боевых действий эту подготовку не удалось провести в полном объеме. Тем не менее, морские гренадеры и без нее успешно били турок.

13 октября 1790 г. Лиманская флотилия (38 судов) вышла из Хаджибея, имея на борту около 1000 гренадеров Днепровского приморского полка. 19 октября она подошла к Сулинскому гирлу, которое защищали устроенные по берегам две турецкие батареи. Проведя разведку, И.М. де Рибас составил подробный план атаки. В нем он, в частности, предписывал гренадерам *«иметь ружья заряженные, но действовать штыками яко победоносным оружием храброго российского солдата, и потому командирам крайне наблюдать, чтобы войска не стреляли разве там, где положение места не позволит неприятеля достигнуть; при атаке батарей время очень дорого, то не должно терять оного огнем бесполезным, малоуспешным и весьма опасным»*. На рассвете 20 октября флотилия начала атаку левобережной батареи, но из-за ветра не смогла подойти к берегу. Тогда 600 гренадеров Днепровского полка дружно бросились в реку. *«Рвение войск было таковое,* – свидетельствовал Иосиф де Рибас, – *что они, пренебрегая жизнь, бросались в воду и, сохраняя одно оружие, вплавь достигали берега»*. Устроив десант на берегу, Эммануил де Рибас под прикрытием камышей повел своих гренадер в атаку. Вскоре русский отряд был обнаружен

[6] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 551. Ч. 1. Л. 279–279об.

[7] Там же. Д. 586. Ч. 1. Л. 265об.–266.

1
2
3
4
А.Каращук·98

и попал под перекрестный огонь стоявших на реке турецких судов, с батарей, а также засевших в камышах турок. Тогда де Рибас изобразил отступление, спрятав на самом деле десант в камышах. Дождавшись ночной темноты, он тихо повел гренадер на батарею и подошел к ней через камыши незамеченным. Турки успели дать лишь один залп картечью, после чего бежали на лодках через реку. Батарея на противоположном берегу Дуная открыла сильную пальбу. Но де Рибас приказал развернуть турецкие пушки и подавил ее огнем. На рассвете 21 октября он посадил своих гренадер на захваченные возле берега турецкие лодки и, переправившись через Дунай, атаковал вторую батарею. Ее защитники бежали. В результате двухдневной операции морские гренадеры взяли 13 пушек, 7 транспортов и взорвали 6-пушечную канонерскую лодку. Около 50 турок были убиты или утонули. Русские потери составили 6 убитых и 9 раненых гренадеров. Вход в Дунай стал свободен.

Двигаясь вверх по реке, авангард Лиманской флотилии под командованием капитана 1 ранга Ф.А. Ахматова 6 ноября сходу атаковал турецкую флотилию, опрокинул ее, взорвал 2 канонерские лодки и 4 взял в плен. Преследуя бегущих, Ахматов на рассвете 7 ноября загнал турецкие суда в Тульчу, где они в панике стали выбрасываться на берег. Довершая их разгром, Эммануил де Рибас высадился с гренадерами и почти без сопротивления взял городской замок, где оказалось 10 пушек, 240 бочек пороха и множество военных запасов. В то же время на берегу гренадеры и моряки захватили 40 разных судов и уничтожили свыше 100 турок. Этот успех был тем удивительнее, что с российской стороны обошлось без потерь. Гренадеры преследовали отступающих 40 верст и при попытке турок закрепиться опрокинули их, уничтожив еще 10 человек.

Захват Тульчи вызвал панику среди жителей соседней крепости Исакча. Узнав об этом, И.М. де Рибас сразу же послал к ней два отряда гребных судов. 13 ноября они атаковали и разгромили турецкую флотилию, уничтожив 22 лодки и еще 10 взяв в плен. Высаженный на берег десант занял городской замок, где взял 33 медных пушки, 1 мортиру, множество чугунных орудий, обширные запасы военного и морского имущества. Гренадерам также достались 8 флагов, в том числе флаг турецкого сераскира. Таким образом, менее чем за месяц Лиманская флотилия покорила Сулинский рукав Дуная. За столь успешную операцию генерал-майор И.М. де Рибас получил редкий военный орден Св. Георгия 2-го класса.

Теперь предстояло взять главную твердыню – мощную крепость Измаил. Для ее осады Лиманская флотилия 18–20 ноября построила на противоположном берегу Дуная две батареи, которые 20 ноября вместе с флотилией приступили к бомбардировке. Первый день турецкие суда упорно сопротивлялись и взорвали лансон № 14, на котором погибли офицеры Черноморских морских батальонов подпоручик Юрий Станбулов, прапорщики Афанасий Рапович, Афанасий Здриня, Филимон Лаури и Иван Пусанов. Другой лансон (№ 1), получивший множество пробоин, снесло течением к туркам. На нем в плен попали два тяжело раненных гренадера Днепровского полка. Однако в результате бомбардировки сгорели 20 турецких судов, 32 транспорта и более 40 паромов, а сам Измаил охватил пожар. Попытка турок высадить десант против батарей была отбита с большим уроном. К 29 ноября на берегу уже действовали 8 батарей, ежедневно бомбардировавших крепость.

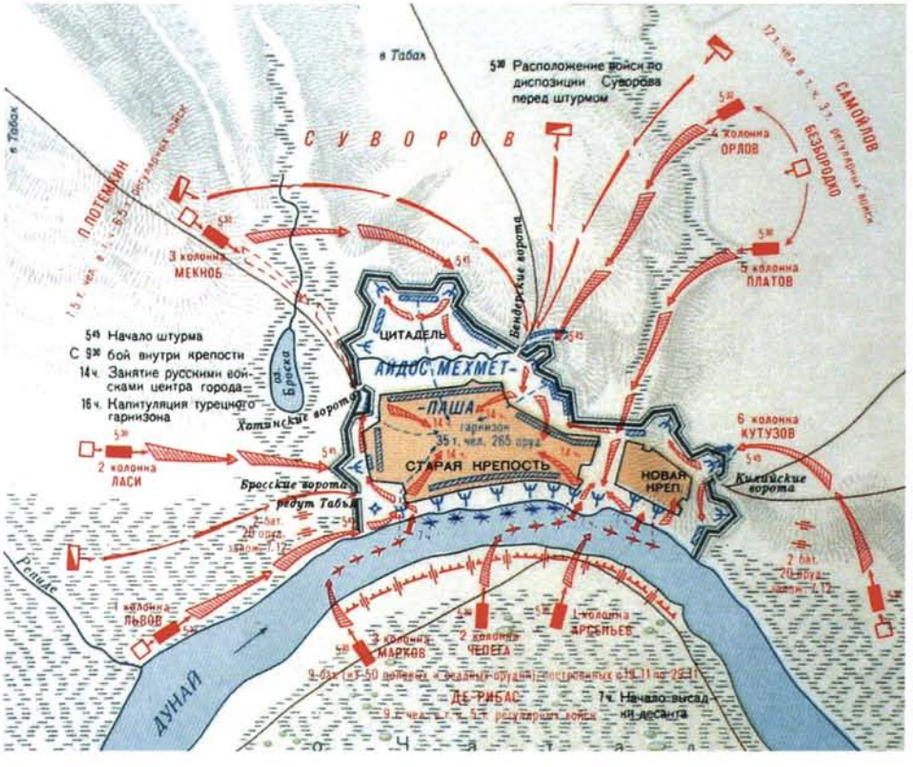
Между тем, 21–24 ноября к Измаилу подошли сухопутные войска и начали осаду города. Вместе с ними к крепости прибыл Николаевский приморский гренадерский полк. Измаил имел сильные укрепления, построенные с участием европейских инженеров. Однако со стороны Дуная, ширина которого достигала 500 метров, турки нападения не ожидали, рассчитывая на свою флотилию. Поэтому речной фронт защищала только насыпь. Хотя с началом бомбардировок турки построили на берегу 10 батарей для 85 пушек и 15 мортир, все-таки этот участок являлся самым слабым в их обороне. В связи с этим князь Г.А.Потемкин, поручая осаду Измаила графу А.В.Суворову, 25 ноября 1790 г. писал: *«Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда, и сторона города к воде открыта <...> Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею».*

Прибыв к Измаилу 2 декабря 1790 г., Суворов решил покончить с крепостью общим штурмом.

Схема штурма турецкой крепости Измаил 11 декабря 1790 г.

The scheme of the assault of the Izmail Fortress on December 11, 1790.

(Морской атлас. Т. III. М., 1958)



Штурм крепости Измаил 11 декабря 1790 г.

The assault of the Izmail Fortress on December 11, 1790.

Раскрашенная гравюра С.-П.Шифляра по акварели М.М.Иванова 1790-х гг. (ГИМ)

На гравюре показана высадка Днепровского приморского гренадерского полка возле каменного бастиона Табия.

Генерал-майор Тимофей Иванович Збиевский.

Major General Timofey Ivanovich Zbiyevsky.

Портрет кисти Дж.Доу. 1829–1832 гг. (Военная галерея Зимнего Дворца)

Польский шляхтич Т.И.Збиевский (1767–1828) с 20.VII.1790 г. по 21.VI.1793 г. служил обер-офицером в Днепровском приморском гренадерском полку (с 1.X.1790 г. на должности полкового адъютанта). В кампании 1790 г. он участвовал 20–21.X в захвате турецких батарей в Сулинском гирле Дуная, в десантах 7.XI и 13.XI против крепостей Тульча и Исакча, в штурме Измаила 11.XII, за который получил золотой офицерский крест. В 1791 году был 31.III при захвате турецких батарей около Браилова и 18.VII в сражении под Бабадагом. Впоследствии Т.И.Збиевский доблестно участвовал в войне с Францией 1806–1807 гг., русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг.

Генерал-лейтенант Еремей Яковлевич Савоини.

Lieutenant General Geronimo Yakovlevich Savoini.

Портрет кисти Дж.Доу. 1826–1828 гг. (Военная галерея Зимнего Дворца)

Уроженец Флоренции Джеронимо Савоини (1776–1836) поступил 20.X.1790 г. сержантом в Николаевский приморский гренадерский полк. 11.XII.1790 г. он участвовал в штурме Измаила, находился при генерал-майоре И.М. де Рибасе и *«был употребляем во все время канонады, бомбардирования и штурма во все опаснейшие места для рассылок с приказаниями, кои он в точности с неустрашимым духом и рвением исправлял»*. За отличие произведен в подпоручики и награжден золотым офицерским крестом. 28.III.1791 г. был при взятии штурмом Мачина. 6.III.1794 г. переведен в Днепровский приморский гренадерский полк. При расформировании полка летом 1794 г. поступил во 2-й батальон Черноморского гренадерского корпуса, в котором служил до 22.IX.1795 г. Впоследствии Е.Я.Савоини участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. В 1821 г. принял русское подданство. 6.XII.1833 г. произведен в генералы от инфантерии.

Генерал-майор Фома Александрович Кобле.

Major General Thomas Alexandrovich Cobley.

С портрета кисти К. Рейхеля 1819 г., находившегося в Одесском городском музее.

Шотландец Томас Кобле (1761–?) поступил 9.XI.1788 г. секунд-майором в Николаевский гренадерский батальон, вошедший затем в состав Николаевского приморского гренадерского полка. При штурме Измаила 11.XII.1790 г. во время переправы через Дунай *«секунд-майор Кобле, подходя под выстрелами неприятельскими, обломком, отбитым из пушки у лансона, ранен контузиею* [в шею], *сброшен в воду, откель вытащен и, не взирая на все сие, бросился на берег первый, где встретился с неприятелем, намеревавшимся отбить батарею,* [и] *с отличной храбростью отразил оного».* Награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. С 1793 г. служил в кавалерии. В 1801–1819 гг. комендант Одессы.

По диспозиции приступ готовился со всех направлений, в том числе через Дунай. Для этого флотилию И.М. де Рибаса усилили 2 батальона Николаевского приморского гренадерского полка, а также 3 батальона пехоты и 4 батальона егерей. Они должны были атаковать крепость на лодках тремя колоннами. Николаевский приморский полк (1100 чел.) шел в 1-й колонне, а Днепровский во 2-й (200 чел.) и 3-й (800 чел.) колоннах.

Весь день 10 декабря Лиманская флотилия и батареи бомбардировали Измаил. Особенно отличились при этом секунд-майор Черноморских морских батальонов Бутми де Кадман, который на своем лансоне 8 часов обстреливал с близкой дистанции каменный бастион Табия, а также сержант морских батальонов Григорий Назаревский, командовавший дубель-шлюпкой № 6.

11 декабря 1790 г. в 5.30 утра русские колонны пошли на штурм. Флотилия де Рибаса двинулась через Дунай двумя линиями. В первой шли 145 лодок с десантом. Вторую образовали 58 канонерских судов, которые били по берегу картечью, расчищая плацдарм для высадки. Турки встретили русских сильным огнем. В 1-й колонне у двух лодок с ротами Николаевского полка были перебиты рули, после чего их снесло течением. Тем не менее, остальные гренадеры высадились на берег и под командованием подполковников П.П. Яковлева и И.П. Скарабелли штыками взяли четыре батареи. Турки собрались с силами и предприняли контратаку. Завязался упорный бой. В этот момент одна из унесенных рот Николаевского полка сумела добраться до берега и во главе с капитаном Ефимовым ударила в штыки. С этим неожиданным подкреплением гренадеры опрокинули врага, отбили 2 пушки и ворвались в Новую крепость. Здесь десант разделился. Часть его бросилась в город и заняла площадь, а другая, двигаясь вдоль стены, захватила бастион. После этого, ударив с двух сторон, гренадеры прижали турок к Килийским воротам, расстреливая их из ружей и захваченных двух пушек. Тут подоспели войска 6-й колонны генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова, взявшие городскую стену штурмом. Новая крепость пала.

Недоразумение произошло со 2-й колонной, состоявшей в основном из запорожских казаков бригадира З.А.Чепеги. По плану казаки должны были форсировать Дунай в авангарде. Но сев на лодки, они отказались плыть и высаживаться первыми. Тогда атаку возглавил подполковник Днепровского полка Степан Достанич, *«которо-*

Золотой офицерский крест для участников штурма Измаила 11 декабря 1790 г.

A golden officers cross for the participants of the Izmail Assault on December 11, 1790.

(Из коллекции М.С. Селиванова)

Такими крестами на георгиевской ленте были награждены все офицеры флота, морских батальонов и приморских гренадерских полков, участвовавшие в штурме Измаила, но не получившие орденов Св. Георгия или Св. Владимира.

Серебряная медаль «За отменную храбрость при взятье Измаила».

Silver medal «For Bravery at Izmail Assault».

(Из коллекции М.С. Селиванова)

Такими медалями на георгиевской ленте наградили гренадер приморских полков и нижних чинов морских батальонов, участвовавших в штурме Измаила 11 декабря 1790 г.

Крест Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса.

The 4th rank Military Order Cross of St. Geogore, the Great Martyr and Victorer.

Конец XVIII в.
(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)

Гренадер Днепровского приморского гренадерского полка. 1792 г.

A grenadier of the Coastal Dnepr Grenadier Regiment, 1792.

Рисунок художника А.В.Каращука. 1998 г.

На груди гренадера видны серебряные медали «За отменную храбрость при взятье Измаила» и в честь заключения Ясского мирного договора с Турцией.

го храбрые действия и неустрашимость, и распоряжения весьма похвальные». Под его руководством Днепровские гренадеры и солдаты Алексопольского пехотного полка взяли четыре батареи и захватили 7 знамен. Среди отличившихся назван состоявший при Достаниче *«для разных посылок в опасных местах»* подпоручик 2-го морского батальона Альбертов.

Труднее всего пришлось 3-й колонне, которая форсировала Дунай напротив мощного каменного бастиона Табия. Лодки Днепровского полка не смогли пристать к берегу, поскольку из воды торчали остовы сожженных турецких судов. Тогда командир полка Эммануил де Рибас первым прыгнул в воду, а за ним бросились и остальные гренадеры. Двигаясь по пояс в воде, они выдержали сильный огонь. Командир колонны И.И. Морков был ранен, и ее возглавил де Рибас. Первым на берег вышел секунд-майор Днепровского полка А.А. Юрковский, который с 300 гренадерами взял батарею, прикрывавшую берег возле Табии, опрокинул пушки, *«поразил множество турок и, следуя берегом, встречен был толпою неприятелей, которых также переколол и самого предводившего ими султана».* В то же время секунд-майор барон К.М. Герсдорф отбил контратаку турок со стороны улиц города. Захват этой важной батареи дорого стоил морским гренадерам. Тяжело ранены были секунд-майор Радинг, капитаны Есипович, Шильников и Головин. Но под вражеским огнем быстро высаживались новые подкрепления. В лодку секунд-майора Ни-

Серебряная медаль в честь заключения Ясского мирного договора с Турцией 29 декабря 1791 г.

(Из коллекции М.С. Селиванова)

Такие медали на голубой ленте ордена Св. Андрея Первозванного получили гренадеры приморских полков и нижние чины морских батальонов, участвовавшие в войне с Турцией 1787–1791 гг.

Silver medal in honor of signing the Yassy Peace Treaty with Turkey on December 29, 1791.

Мушкетер 2-го морского полка Балтийского гребного флота. 1792–1796 гг.

A musketeer of the 2nd Navy Regiment of the Baltic Rowing Fleet, 1792–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска ...». СПб, 1793.

Обер-офицер 1-го и 2-го морских полков Балтийского гребного флота. 1792–1796 гг.

An ober-officer of the 1st and the 2nd Navy Regiments of the Baltic Rowing Fleet, 1792–1796.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска ...». СПб, 1793.

колаевского гренадерского полка Ф.А. Кобле попало турецкое ядро. Обломком пушки Кобле оказался контужен и сброшен в воду. Гренадеры спасли своего командира, который, *«не взирая на все сие бросился на берег первый, где встретился с неприятелем, намеревавшимся отбить батарею,* [и] *с отличной храбростью отразил оного»*.

Закрепившись на берегу, Днепровские гренадеры перешли в наступление. Несмотря на то, что господствующая башня Табия еще вела сильный огонь, де Рибас с гренадерами вбежал на крепостную стену и, ударив по туркам с тыла, отбил два бастиона. Затем он захватил Бросские ворота и открыл их для штурмующих войск 2-й сухопутной колонны генерал-майора Б.П. Ласси. Теперь судьба Измаила была предрешена. Ворвавшиеся в крепость русские полки вместе с морскими гренадерами бросились внутрь города. В остервенении солдаты истребляли отчаянно сопротивлявшихся турок, положив более 26 тысяч человек. В ходе боя генерал-майор И.М. де Рибас прибыл в крепость и, собрав гренадер, повел их к последнему очагу сопротивления – бастиону Табия. Здесь он заставил сдаться мухафиса (губернатора) Измаила трехбунчужного пашу Мегмета. К 4 часам дня неприступный Измаил пал. Согласно обещанию Суворова, город на 3 дня отдали солдатам.

При штурме Измаила офицеры и гренадеры приморских полков проявили массовый героизм, о чем свидетельствуют их боевые потери. Николаевский полк потерял треть личного состава: 4 офицера и 105 нижних чинов были убиты, 12 офицеров и 245 гренадер получили ранения. Похожая ситуация наблюдалась и в Днепровском полку. Императрица щедро наградила уцелевших храбрецов. Командир Днепровского полка Эммануил де Рибас получил орден Св. Георгия 3-го класса, подполковники П.П. Яковлев, И.П. Скарабелли, С. Достанич, секунд-майоры Ф.А. Кобле и барон К.М. Герсдорф – орден Св. Георгия 4-го класса. Многие офицеры удостоились ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. Для тех же офицеров, которые не стали кавалерами орденов Св. Георгия или Св. Владимира, установили специальный золотой крест на георгиевской ленте. Всех гренадер наградили серебряными медалями на такой же ленте.

16 декабря 1790 г. Лиманская флотилия была переименована в Черноморский гребной флот. В ходе кампании следующего 1791 года приморские гренадерские полки 31 марта взяли укрепленный остров напротив крепости Браилов. Под прикрытием флотской артиллерии они высадились на берег и, опрокинув около 2000 яны-

Мушкетер 1-го морского полка Балтийского гребного флота. 1792–1796 гг.

A musketeer of the 1st Navy Regiment of the Baltic Rowing Fleet, 1792–1793.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска...». СПб., 1793.

Гренадер 1-го морского полка Балтийского гребного флота. 1792–1796 гг.

A grenadier of the 1st Navy Regiment of the Baltic Rowing Fleet, 1792–1793.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска...». СПб., 1793.

Штат Черноморского гренадерского корпуса (4 батальона по 6 рот) для Черноморского гребного флота. 27 июля 1794 г.

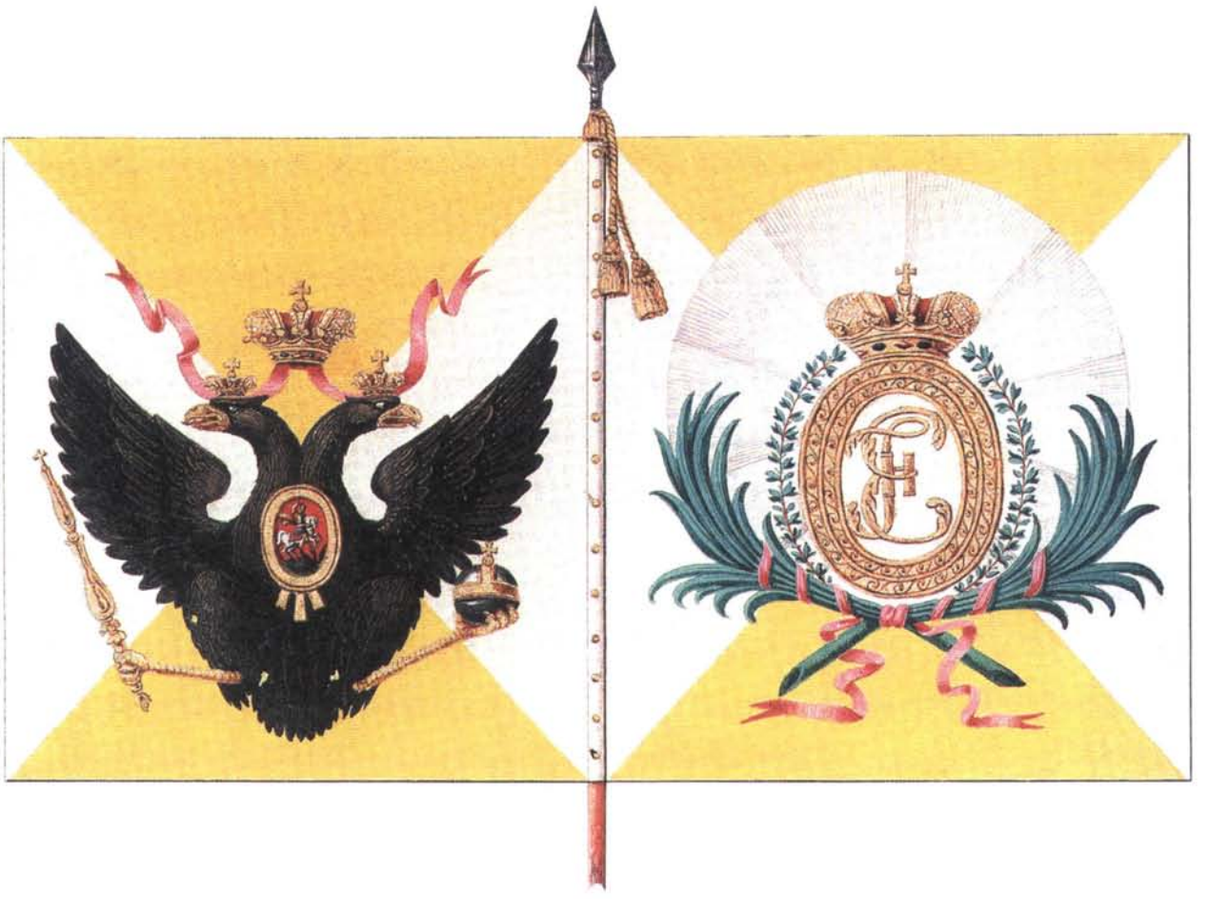
Чины		Количество	Чины	Количество
Шеф из армейского генералитета или командующий гребной флотилией (назначается сверх штата)		1	**Батальонного штаба:**	
			Подполковников	2
			Премьер-майоров	2
			Секунд-майоров	4
Унтер-штаба:			**Ротного примо-плана:**	
Адъютантов		4	Капитанов	24
Комиссаров из поручиков		4	Поручиков	24
Лекарей		4	Подпоручиков	24
Подлекарей		4	Прапорщиков	24
Поп		1	Старших сержантов	24
Церковников		2	Младших сержантов	48
Сержантского чина	Провиантмейстеров	4	Каптенармусов	24
	Обозных	4	Фурьеров	24
	Надзирателей за больными	4	Капралов	96
Писарей	Комиссарских	4	Цирюльников	24
	Батальонных *«сержантского чина»*	4	Барабанщиков	48
	Штабных	8	Флейтщиков	24
Мастеровых *«с их собственным платьем»*	Коновалов и кузнецов	4	Рядовых, в каждой роте по 136	3264
	Слесарей	4	Плотников и колесников	24
	Ложников	4	Извозчиков	60
Их учеников	Слесарских	8	Денщиков: подполковникам по 4, премьер-майорам по 3, секунд-майорам и капитанам по 2, поручикам, адъютантам, комиссарам, подпоручикам, прапорщикам и попу по 1	151
	Ложенных	8		
Кузнецов		8		
Профосов		8	**Всего по штату:**	**4038**
Извозчиков		32		

Ротное знамя гренадерских полков образца 1780 г.

A company banner of grenadier regiments in 1780.

Акварель из альбома рисунков, приложенных к изданию «Хроника Российской армии». СПб, 1834–1842

В 1790 г. при формировании приморских гренадерских полков 5 таких знамен были вручены Николаевскому и 3 знамени Днепровскому полкам. У полкового знамени в отличие от ротного, все полотнище было белое.



чар, взяли штурмом батарею, захватив 20 орудий. За храбрость офицеров Днепровского полка премьер-майора А.А. Юрковского и секунд-майора И.П. Малье наградили орденом Св. Георгия 4-го класса. 4 июля приморские полки участвовали в сражении при Бабадаге. Объединенное каре двух полков двигалось в авангарде сухопутного корпуса и успешно атаковало турецкий лагерь, обратив неприятеля в бегство.

29 декабря 1791 г. был заключен Ясский мирный договор, по которому Турция признала присоединение Крыма к России, а также уступила земли между Бугом и Днестром. С победным окончанием войны началась работа по приведению морской пехоты в порядок. 27 июля 1794 г. Екатерина II утвердила новые штаты Черноморского флота, согласно которым полагалось иметь 15 линейных кораблей и 18 фрегатов. Штатную численность трех флотских батальонов увеличили до 6 рот в каждом, что составило 3768 человек. Однако на практике число морских солдат не соответствовало даже предвоенным нормам. По данным 1792 года, в Херсоне и Николаеве батальоны имели 960 человек, в Севастополе и Керчи – 884, в Таврове – 257, на гребном флоте – 140, на дальних работах – 155, больных – 104; всего – 2500 военнослужащих[8].

Вместо караульной роты в Николаеве сформировали пятиротный Адмиралтейский батальон штатной численностью 1124 человека.

Гребной флот, столь успешно действовавший против турок, теперь состоял из 225 различных судов. В связи с этим 27 июля 1794 г. из двух приморских гренадерских полков был создан Черноморский гренадерский корпус в составе 4 батальонов. Каждый батальон насчитывал 6 рот из 136 гренадеров с необходимым числом офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и нестроевых. Общая штатная численность Черноморского корпуса определялась в 4038 человек. Из Днепровского полка сформировали 1-й и 2-й батальоны, а из Николаевского – 3-й и 4-й. При новом корпусе *«на случай десантов»* оставалась полковая артиллерия[9]. Шефом корпуса 7 августа 1794 г. назначили вице-адмирала И.М. де Рибаса.

Таким образом, к концу правления Екатерины II созданный ею Черноморский флот имел 3 морских батальона для кораблей, 4 батальона Черноморского гренадерского корпуса для гребного флота и Адмиралтейский батальон для караулов и охраны. Общая штатная численность морской пехоты составляла почти 9 тысяч человек. Правда, суровые условия службы уменьшали реальное число морских солдат и гренадеров.

[8] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 334. Л. 2об.

[9] Стат Черноморского гренадерского корпуса, состоящего в четырех шестиротных батальонах, полагаемого для гребного флота Черноморского. Июля 27 дня 1794 года.

Обмундирование, вооружение и знамена морской пехоты гребных флотилий. 1764–1796 гг.

Поскольку Днепровский и Николаевский приморские гренадерские полки создавались в ведении сухопутной Военной коллегии, то они избежали прусского консерватизма генерал-адмирала великого князя Павла Петровича и получили удобную форму по образцу, установленному в апреле 1786 г. для армейских гренадер. В соответствии с «потемкинским» регламентом вместо длинных кафтанов и коротких штанов приморские гренадеры носили светло-зеленые суконные куртки с красными лацканами, воротником и обшлагами, а также красные суконные шаровары с белыми выкладками («городками») по наружным боковым швам и с кожаными крагами, застегивавшимися на 7 латунных пуговиц. Вместо неудобных высоких шапок гренадерам полагались фетровые каски с красным околышем, белым гарусным плюмажем, сурковым вертикальным козырьком и поперечным широким латунным налобником, украшенным вензелем императрицы, с широким кожаным козырьком спереди и желтыми суконными лопастями сзади.

В летнее время гренадерам полагались белые шаровары и короткий (до поясной портупеи) китель из полотна. Однако кителя употребляли редко – их выдавали далеко не всегда, а кроме того они быстро пачкались и рвались. Поэтому обычный походный комплект состоял летом из суконной куртки с белыми шароварами. Через правое плечо гренадеры надевали скатанный белый плащ-кирею. В отдельных случаях они могли также носить ранцы из яловой кожи, в которые иногда клали запасные патроны (от 80 до 100 штук на человека). Обмундирование музыкантов соответствовало гренадерскому, но часто имело обратные цвета – куртка красная с зелеными лацканами, обшлагами и воротником, шаровары зеленые. Петли на лацканах и обшлагах обшивались белой нитяной тесьмой с кисточками по краям.

Обычными солдатскими шпагами с тесачным клинком в приморских полках вооружались только *«безоружные чины»*: нестроевые всех рангов, барабанщики, флейтщики и подпрапорщики. Гренадерам же полагалась сабля *«с медною оправою и с кожаными ножнами»*, а также с белым нитяным темляком. Днепровский полк сразу получил такие сабли, которые затем перешли вместе с его гренадерами в 1-й и 2-й батальоны Черноморского корпуса. Саблю носили по образцу легкой кавалерии на поясной портупее с двумя пасовыми ремнями и латунными пряжками. Лопасть для штыковых ножен на портупее отсутствовала, так как предполагалось, что штыки у гре-

Гренадер 1-го и 2-го батальонов Черноморского гренадерского корпуса. 1795–1797 гг.

A grenadier of the Black Sea Grenadier Corps, 1795–1797.

Рисунок художника С.А.Летина. 2005 г.

По инициативе И.М. де Рибаса Черноморским гренадерам для удобства заменили «потемкинские» каски на суконные шапки польского фасона. При десантах в отвороты головного убора помещались ружейные патроны. Кожаную амуницию так же для удобства перекрасили из белого в черный цвет.

Ротный барабанщик приморских гренадерских полков и батальонов Черноморского гренадерского корпуса. 1790–1796 гг.

A company drummer of the Coastal Grenadier Regiments, 1790–1796.

Рисунок художника А.В.Карацука. 1998 г.

Обмундирование музыкантов и барабанщиков соответствовало гренадерскому, но часто имело обратные цвета – куртка красная с зелеными лацканами, обшлагами и воротником, шаровары зеленые. Петли на лацканах и обшлагах обшивались белой нитяной тесьмой с кисточками по краям.

надер всегда будут примкнуты к ружьям. Николаевский полк вплоть до переформирования в августе 1794 г. саблями так и не снабдили, в связи с чем 3-й и 4-й батальоны Черноморского гренадерского корпуса тоже оставались без сабель.

Первый образец гренадерской сабли с латунным эфесом и небольшим клинком оказался неудачным. Поэтому в 1790 году князь Г.А. Потемкин заказал в Туле для Николаевского и Днепровского полков новые сабли с короткими массивными клинками и открытыми эфесами. Но эти сабли приморские гренадеры получить так и не успели.

Офицеры приморских полков сначала носили обычные длиннополые мундиры и черные шляпы. Но 29 мая 1790 г. произошло важное событие, о котором князь Г.А. Потемкин сразу же сообщил императрице: *«Дороговизна во всем превосходит меру: сукно офицерское в 8 рублей. Уже трудно, а многим и невозможно себя содержать. Честь мундира не в тонкости сукна, и чем ближе к солдату, тем больше на военного похоже. Сидя, матушка, у Вас, я предложил, чтобы в должности и во время войны до фельдмаршала мундиры бы носили из сукна солдатского! Вы похвалили, и я сегодня, одевшись так, всем офицерам приказал то же сделать»*. В ответном письме Екатерина II одобрила это новшество: *«...что ты оделся в кафтан, сделанный из солдатского сукна, сие я весьма хвалю и желаю, чтоб все генералы и офицеры переняли»*[10]. Высочайшее одобрение войска встретили с радостью. *«Хотя приказа не было,* – вспоминал премьер-майор Л.Н. Энгельгардт, – *но почти все штаб- и обер-офицеры с удовольствием всю войну одевались в куртки толстого сукна, как солдаты; но, однако ж, не запрещалось, по желанию, носить мундиры из тонкого сукна»*[11]. Офицеры приморских полков также обзавелись куртками из солдатского сукна, шароварами и касками. Нагрудные офицерские знаки полагались им по образцу пеших егерей – меньшего размера, чем в пехоте, и с полностью серебряным полем.

Морские офицеры, приписанные к гребному флоту, продолжали носить свою обычную форму: черную фетровую шляпу с белым бантом, белый суконный мундир с зеленым подбоем, лацканами, воротником и обшлагами, камзол и штаны зеленые. Единственным их отличием от корабельных офицеров являлось наличие 5, а не 6 пуговиц на лацканах, а также эполеты на обоих плечах.

1-й и 2-й морские полки Балтийского гребного флота при переводе в 1792 году из морского в сухопутное ведомство получили такое же «потемкинское» обмундирование, но с некоторыми отклонениями от регламента. Воротник и лацканы на куртках гренадер кроились не из красного, а из белого сукна, и на касках у них вместо двух желтых лопастей имелся один черный *«отвес»* с белой обшивкой. Мушкетерские роты были одеты в соответствии с табелью пехотных полков 1786 года, только на касках вместо двух черных суконных лопастей крепилась одна лопасть. Гренадерские сабли в 1-м и 2-м морских полках отсутствовали. Все гренадеры и мушкетеры носили в лопастях поясных портупей только штыковые ножны. Реформа обмундирования не коснулась полковых офицеров, которые продолжали носить обмундирование прежнего, «допотемкинского» фасона, полагавшегося всем офицерам пехотных и гренадерских полков (см. стр. 76–77).

В ходе русско-турецкой войны офицеры действующей армии не слишком церемонились с установленными правилами. *«Ни в какой службе офицер не подчинен менее точности формы, как в России,* – писал полковник граф А.Ф. Ланжерон, – *Ни покрой, ни цвет, ни форма одежды не сходны между собою. Не только каждый полк, но даже и каждый в нем офицер придерживается своего правила; офицеры безразлично носят длинные или короткие мундиры, белые или цветные жилеты, вышитые галстуки, шарова-*

[10] Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 415–417.

[11] *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1997. С. 83.

ры всевозможных цветов, шапки или шляпы, и в таком виде являются к своим начальникам и даже часто в главную квартиру. Они очень дорожат этим разнообразием; особенный же образец изящества для русского офицера составляет круглая шляпа, a l'anglaise, которую они носят по преимуществу»[12]. Но то, что допускалось в годы войны, сочли неуместным после ее завершения. Генерал-аншеф граф Н.И. Салтыков напомнил Военной коллегии, что регламентом 1786 года *«перемена одежды учинена для одних нижних чинов, а о штаб- и обер-офицерах ничего не упомянуто. Видя ж в полках разнообразие в одежде штаб- и обер-офицеров, даже в одном полку служащих, то и предлагал коллегии пестроту сию запретить и приказать, чтоб штаб- и обер-офицеры мундировались так, как по высочайше опробованным образцам велено, не вводя от себя излишних новостей»*. 24 мая 1792 г. Екатерина II подписала указ *«о ношении в армейских полках и полевых батальонах штаб- и обер-офицерами отныне впредь мундиров сходственно с высочайше опробованными образцами»*[13]. «Потемкинская» форма у офицеров приморских гренадерских полков была отменена, и им уже в обязательном порядке вернули прежнюю черную шляпу, красный суконный камзол, зеленый мундир с длинными фалдами и белые суконные штаны с высокими сапогами.

27 июля 1794 г. Екатерина II утвердила табель обмундирования для нижних чинов Черноморского гренадерского корпуса, полностью совпадавшую с «потемкинской» табелью армейских гренадерских полков 1786 года. В связи с этим форма морских гренадер почти не изменилась. Однако шеф корпуса И.М. де Рибас был не совсем доволен прежней экипировкой и в январе 1795 г. по согласованию с генерал-фельдцейхмейстером графом П.А. Зубовым внес в табель существенные изменения. Поясную портупею с пасовыми ремнями отменили, и для удобства гренадерам *«повелено сабли носить в мушкетерских портупеях»*, вставляя их в штыковую лопасть[14]. Саму поясную портупею и плечевой ремень от патронной сумы перекрасили в черный цвет. Вместо касок гренадерам сшили *«шапки из зеленого сукна с черными околышами, в которых на случай десанта и высадки на берег с судов людей положены будут патроны для сбережения их от подмочки водою»*[15]. Взамен белых плащей отныне полагались киреи – разновидность зеленой суконной шинели с рукавами, застегивавшейся на пуговицы. 10 человек в каждой роте де Рибас вооружил штуцерами. Кроме того, он предложил заменить гренадерские сабли с небольшими узкими клинками на мощные сабли-тесаки, разработанные специально для гренадер по инициативе князя Г.А. Потемкина еще в 1790 году. Сабли для 3-го и 4-го батальонов корпуса заказали в Туле в декабре 1795 г., но изготовить их так и не успели.

Гренадер гренадерских полков.

A member of grenadier regiments.

Раскрашенная гравюра Дж. Аткинсона. 1790-е гг. (Музей-панорама «Бородинская битва»).

При формировании оба приморских гренадерских полка получили знамена образца 1780 года: Николаевский – 6 знамен (из них одно белое полковое и 5 ротных с бело-желтыми диагоналями), Днепровский – 4 знамени (из них одно также полковое). Все эти знамена имели полотнище шириной по горизонтали 1 аршин 11 вершков (120 см) и высотой 1 аршин 14 вершков (133 см). В центре полотнища помещался государственный герб – черный двуглавый орел со Св. Георгием Победоносцем в красном медальоне на груди. На знаменах приморских гренадер в медальоне орла помещалось изображение Св. Георгия из-за отсутствия утвержденной полковой символики. Деревянное древко длиной 4 аршина (284 см) полагалось красного цвета и имело железный подток и плоское железное навершие. С 1794 года батальонам Черноморского гренадерского корпуса знамена не полагались.

1-й и 2-й морские полки Балтийского гребного флота знамена образца 1780 года (по два на батальон), заказанные в 1791 году, так и не получили[16].

[12] *Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II. // Русская старина. 1895. № 4. С. 163–164.

[13] ЦИАМ Ф. 46. Оп. 7. Д. 5316. Л. 60.

[14] РГВИА. Ф. 12. Оп. 11. Д. 28. Л. 28.

[15] РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 259. Л. 65.

[16] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 67/41. Л. 125.

1-й флотский гренадерский батальон великого князя Павла Петровича. 1784–1796 гг.

Генерал-адмирал великий князь Павел Петрович.

Admiral General Great Prince Pavel Petrovich.

Портрет кисти Н.Б.Делапьера (Де ля Пьера). 1769 г. (ГТГ)

С 1782 года 8 морских батальонов Балтийского флота оказались под пристальным вниманием великого князя Павла Петровича, числившегося генерал-адмиралом и президентом Адмиралтейской коллегии. Являясь страстным почитателем прусского полководца Фридриха II, наследник престола решил завести свою небольшую армию, организованную по немецким образцам. С этой целью он начал отбирать из морских батальонов солдат и гренадер для несения караулов при своих дворцах в Павловске, на Каменном острове, а также в подаренной ему в 1784 году Екатериной II мызе Гатчина под Петербургом. Вскоре караульные команды стали насчитывать по 80 человек, и начальство над ними Павел поручил бывшему прусскому офицеру капитан-поручику Штейнверу. В следующем 1785 году две команды объединили в сводную роту, которой вручили освященное в Павловске знамя.

Для несения службы в разросшихся владениях Павла Петровича солдатская команда была

Гренадер 1-го флотского гренадерского батальона. 1792–1793 гг.

A grenadier of the 1st Fleet Battalion, 1792–1793.

Раскрашенная гравюра Х.-Г.Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска ...». СПб, 1793.

Библиография и источники:

Тучков С.А. Записки. СПб., 1908.

Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф.Комаровского. М., 1990.

Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901.

Сведения о гатчинских войсках. СПб., 1835.

РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1–3, Д.8.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д.384, 387, 413.

увеличена в 1786 году до 360 человек, сведенных в три отдельные роты: Его Высочества, поручика Мея и капитана Штейнвера. На время торжеств и церемоний роты собирались в сводный батальон. В мае 1788 г. к нему добавили еще две роты и образовали уже постоянный Сводный гренадерский батальон Его Императорского Высочества. Нужное количество людей цесаревич взял в основном из подчиненных ему Адмиралтейских и морских батальонов Балтийского флота. Все офицеры и солдаты считались временно откомандированными из них в распоряжение генерал-адмирала. С 1791 года сводный батальон стали официально называть 1-м флотским гренадерским батальоном или 1-м флотским батальоном. Большая часть его гренадер квартировала в Павловске.

Верный прусским традициям, Павел установил в батальоне иноземные порядки. В то время как вся армия была обмундирована в удобную форму одежды, введенную Г.А. Потемкиным, морским гренадерам приходилось носить мундиры прусского образца. Один из современников вспоминал: *«В сие время содержала при дворе Павловском караул рота гренадер из батальона морского. Одежда и прочий прибор сих солдат суть точь так, как будто оные нарочно сюда из Пруссии выписаны были. <...> Живучи в Пруссии долгое время, я весьма довольно на тамошние войска нагляделся, и посему смело могу сказать, что помянутый батальон совершенная копия прусских солдат»*. Действительно, для точного копирования из Пруссии в Гатчину выписывались образцы мундиров, амуниции, головных уборов. Вместо ставших уже привычными сплошных бакенбард и усов гренадер заставляли бриться на прусский манер, оставляя лишь небольшие усики со вздернутыми кверху кончиками. Не была забыта и напудренная прическа с буклями на висках и косой с вплетенным в нее металлическим прутом. Для большего сходства с прусской униформой мундиры гатчинских войск шили из темно-зеленого сукна с синим оттенком.

Летом 1788 г. великий князь с большим энтузиазмом встретил начало русско-шведской войны. Но его искреннее желание участвовать в боевых действиях во главе гатчинских войск натолкнулось на сопротивление императрицы. В конце концов, после многих просьб Павлу разрешили отправиться в Финляндию. Но в связи с острой нехваткой морской пехоты его гренадерский батальон отправили «по принадлежности» в Кронштадт на суда гребной флотилии капитана 1 ранга П.Б.Слизова. Одну роту, правда, оставили для содержания караулов в Павловске и на Каменном острове. 5 июля 1788 г. 8 полугалер Слизова вышли из Кронштадта к Фридрихсгаму для помощи левому флангу сухопутной русской армии. Но 17 июля при входе на Фридрихсгамский рейд мощная шведская гребная флотилия (35–40 судов) атаковала русский отряд. Опасаясь попасть в морскую блокаду, Слизов отступил и 18 июля

Генерал-лейтенант Абрам Андреевич Баратынский (Боратынский).

Lieutenant General Abram Andreevich Baratynsky (Boratynsky).

Портрет кисти неизвестного художника. 1798 г. (Тамбовская областная картинная галерея)

С 1793 по 1796 г. А.А.Баратынский состоял при 1-м флотском батальоне великого князя Павла Петровича в качестве инспектора пехоты гатчинских войск.
С восшествием на престол Павла I быстро сделал военную карьеру. Изображен в форме Лейб-Гренадерского полка с генеральскими отличиями.
Отец поэта Е.А.Баратынского.

Обер-офицер 1-го флотского гренадерского батальона. 1792–1793 гг.

An ober-officer of the 1st Fleet Battalion, 1792–1793.

Раскрашенная гравюра Х.-Г.Гейслера из альбома Я. фон Люде «Изображение мундиров Российско-Императорского войска...». СПб, 1793.

пришел в Выборг. Здесь 19 июля 1788 г. гренадерский батальон вместе с 500 солдатами Адмиралтейских батальонов свезли на берег, где они и простояли до зимы. В связи с прекращением навигации и угрозой наступления шведских войск батальон на санях перевезли под Фридрихсгам к передовым силам армии графа В.П. Мусина-Пушкина. Но тревога оказалась ложной, и зима 1788/1789 гг. прошла спокойно.

В начале весны 1789 г. батальон был отправлен обратно в Выборг, где поступил на галерный флот контр-адмирала К.Г. Нассау-Зигена, а артиллерийскую команду батальона назначили в экипаж 74-пушечного корабля «Мстислав». На гребных судах морские гренадеры совершили кампанию 1789 года, участвовали 13 августа в Роченсальмском сражении, 21–22 августа в операциях в устье реки Кюмень и вместе с передовым отрядом гребного флота зазимовали в Фридрихсгаме.

Весной 1790 г. фридрихсгамский гарнизон выступил к границе в корпус генерала Ф.М. Нумсена. Однако гренадерский батальон оставили при отряде судов П.Б. Слизова. Офицер С.А. Тучков, прибывший в крепость в марте 1790 г., застал следующую картину: *«В гавани Фридрихсгамской находились тогда два фрегата, одна шебека и до тридцати канонерских лодок, из которых большая часть были строены там и еще не совсем кончены. Не было на них пушек, да и на парусных судах не доставало много матросов и артиллерийских снарядов. Хотя на место матросов было до двухсот вольнонаемных мужиков, но и тех было недостаточно, а войска только шестьсот морских гренадер»*. 4 мая на эти слабые силы обрушился весь шведский гребной флот (154 судна и 1600 орудий) под руководством короля Густава III.

Приняв сражение и расстреляв скромный боезапас, Слизов приказал экипажам, *«если они подлинно не имеют больше зарядов, ретироваться и притом стараться посадить все лодки на мель, подводные камни, прорубать дны и зажигать, а людям спасаться кто как может»*. Собравшиеся в Фридрихсгаме солдаты и офицеры отвергли предложение шведского короля о капитуляции и отбили в тот же день, а также 6 мая попытки вражеской флотилии ворваться в гавань. Между тем пришло известие о победе адмирала В.Я. Чичагова в Ревельском сражении 2 мая 1790 г. Шведская флотилия отступила от Фридрихсгама. Уцелевшим русским солдатам и матросам выдали новую одежду и оружие взамен утраченного в бою и перевели в Выборг, где они поступили на гребную флотилию вице-адмирала Т.Г. Козлянинова. Однако в Выборгском сражении 22 июня и втором Роченсальмском сражении 28 июня суда Козлянинова почти не участвовали. С завершением войны все гренадеры были возвращены в Гатчину и награждены серебряными восьмиугольными медалями на владимирской ленте по случаю заключения Верельского мира, а многие также получили серебряные медали на георгиевской ленте за победу при Роченсальме.

В последующие годы количество *«потешной»* морской пехоты неуклонно росло. В официальных документах это формирование продолжало числиться как 1-й флотский или 1-й флотский гренадерский батальон. В действительности он представлял собой уже целый полк. Согласно реестру от 28 октября 1792 г. в гатчинской команде состояли 19 сержантов, 12 подпрапорщиков, 20 унтер-офицеров, 12 капралов, 882 гренадера, 19 барабанщиков, 12 флейтщиков, 7 музыкантов, 3 лекарских ученика, 1 артиллерийский унтер-офицер, 2 артиллерийских капрала, 55 бомбардиров – всего 1065 человек. Гренадеры были разделены на пять рот: Его Высочества, капитана Федрова, капитана Бертгольда, капитана Шадрина, секунд-майора Баратынского. К ноябрю 1796 г. гатчинская пехота увеличилась до 6 батальонов, 2 из которых являлись гренадерскими.

Хотя батальоны Павла Петровича находились вдали от моря, на гатчинских прудах проводились учения озерной флотилии с высадкой десантов. В сентябре 1796 г. состоялись маневры на Малом и Большом озерах. На яхту «Надежда», два третхоута и 12 яликов посадили дивизион батальона Его Императорского Высочества с двумя пушками и роту егерей. Разделившись на кордебаталию, авангард и арьергард, флотилия по протокам перешла из Малого озера в Большое и высадила десант – полуроту егерей. Наступая цепью, егеря отогнали от берега ведеты условного противника (батальон майора Малютина).

Гренадерская шапка, введенная в Гатчинских войсках великого князя Павла Петровича в 1792 году.

A grenadier cap, introduced in the Great Prince Pavel Petrovich Gatchino Troops in 1792.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 903. (ВИМАИВиВС)

Вторая полурота выстроила полевую батарею на берегу из привезенных фашин. После этого высадился основной десант – гренадеры Его Высочества и два полевых орудия. Успешно отбив атаку «вражеской» кавалерии (эскадрона жандармов) и батальона пехоты, десант организованно отступил на плавсредства и отошел на безопасное расстояние от берега.

Причастность гатчинцев к морской пехоте отражалась и в их символике. Так, в 1793 году на нарукавные клапаны мундиров гренадер нашивались петлицы из белой тесьмы с голубыми диагональными полосками, символизировавшие Андреевский военно-морской флаг. Правда, в последующие годы с увеличением количества батальонов «гатчинцы» для удобства различия перешли на нашивки разных цветов (белые, голубые, красные). В 1792 году по личному указанию великого князя взамен обычных гренадерских шапок флотских батальонов были заказаны 365 парадных шапок с позолоченными налобниками особого образца, в основании которых помещался красный кайзер-флаг генерал-адмирала. Кайзер-флаг также украшал ротные знамена гатчинских батальонов. К марту 1796 г. в шести батальонах числилось 20 знамен с древками, латунными наконечниками и серебряными кистями. В середине XIX в. были зарисованы два сохранившихся к тому времени полотнища, одно из которых фактически представляло кайзер-флаг с государственным гербом. Похожие по описанию знамена состояли в гатчинских батальонах в конце 1795 г. и значились в расходной книге как «*знамя малинового цвету с белым крестом*» (см. стр. 86).

Сразу же после смерти Екатерины II гатчинские батальоны стали надежной опорой Павла I. «*На четвертый день после восшествия на престол императора Павла мы видели зрелище совсем нового для нас рода,* – вспоминал граф Е.Ф.Комаровский, – *это было вступление гатчинских и павловских батальонов в Петербург. Войска одеты были совершенно по-прусски, в коротких мундирах с лацканами, в черных штиблетах, – на гренадерах шапки, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлиц, а только с одной пуговкой. Офицеры одеты были все в изношенных мундирах, а так как цвет их был темно-зеленый и, вероятно, перекрашен из разноцветных сукон, то все они полиняли и представляли вид пегий*». Встретив свои верные войска на Дворцовой площади, новый император сказал: «*Благодарю вас, мои друзья, за вер-*

Гренадер батальона майора Эртеля. 1793 г.

A grenadier of Major Ertel's battalion, 1793.

Мушкетер батальона майора Мартенса. 1793 г.

A musketeer of Major Martens's battalion, 1793.

Рисунки из альбома «Рисунок собственным войскам покойного Императора Павла I в бытность его Великим Князем». СПб, 1835. (Государственный мемориальный музей А.В.Суворова)

Генерал от инфантерии Петр Кириллович Эссен.

Infantry General Peter Kirillovich Essen.

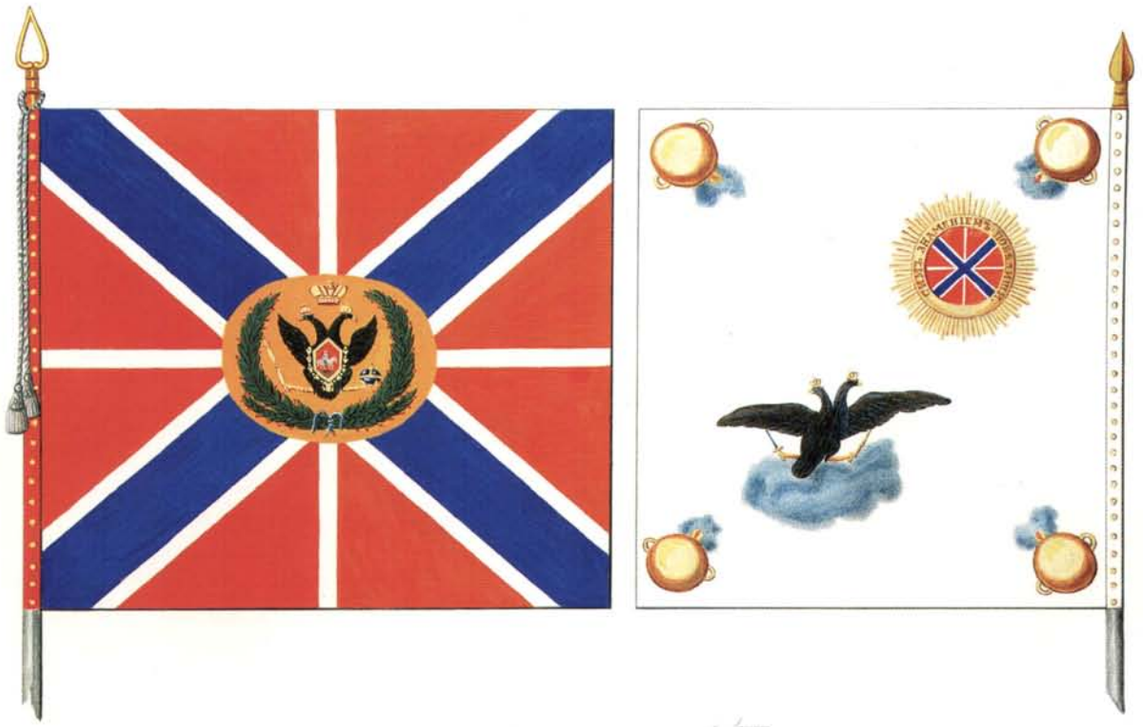
Портрет кисти Дж.Доу. 1819–1825 гг.
(Военная галерея Зимнего Дворца)

Лифляндский дворянин П.К.Эссен (1772–1844) поступил 1.III.1790 г. подпрапорщиком в флотский гренадерский батальон великого князя Павла Петровича, где 1.I.1791 г. был произведен в подпоручики. Прекрасный строевой офицер быстро продвигался по службе в Гатчинских войсках: 22.III.1793 г. поручик, 15.IX.1793 г. капитан, 3.IX.1795 г. секунд-майор. С восшествием на престол Павла I произведен 9.XII.1796 г. в подполковники с переводом в Лейб-Гвардии Измайловский полк и быстро сделал военную карьеру: 28.XII.1796 г. произведен в полковники, 14.II.1798 г. в генерал-майоры, 26.I.1800 г. в генерал-лейтенанты. Участвовал в 1799 г. в швейцарском походе корпуса генерал-лейтенанта А.М.Римского-Корсакова, войне с Францией 1806–1807 гг., русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Один из французских агентов 1810-х гг. так характеризовал П.К.Эссена: *«Хороший генерал и очень храбрый под огнем; всегда употребляемый для действительной службы»*. В 1817–1830 гг. возглавлял Оренбургский край. 1.I.1819 г. произведен в генералы от инфантерии. В 1830–1842 гг. Санкт-Петербургский генерал-губернатор. 1.VII.1833 г. получил графский титул. Член Государственного совета.

ную ко мне вашу службу, и в награду того вы поступаете в гвардию, а гг. офицеры чин в чин».

Батальоны Павла Петровича и Аракчеева вошли в состав Лейб-Гвардии Преображенского полка, великого князя Александра Павловича и Недоброва в Лейб-Гвардии Семеновский полк, великого князя Константина Павловича и Малютина в Лейб-Гвардии Измайловский полк. Роту егерей поместили в только что сформированный гвардейский егерский батальон. В истории России и морской пехоты начиналась новая эпоха.

За годы правления Екатерины II морская пехота России увеличилась в четыре раза. Ее структура стала более разнообразной, предусматривая специализацию корабельной и галерной службы. Активное использование морской пехоты в войнах против Турции и Швеции дало богатый опыт десантных операций, обеспечив России лидирующие позиции в этом вопросе среди мировых держав. Впервые были заложены особые требования к подготовке морских пехотинцев, серьезно повышающие их боевое мастерство на общем фоне регулярной армии. В таком виде морская пехота России встретила царствование Павла I, ознаменовавшееся новыми подвигами в дальних морях и странах.



Знамена Гатчинских войск великого князя Павла Петровича: Знамя 1795–1796 гг. Знамя 1788 г.

Banners of the Great Prince Pavel Petrovich Gatchino Troops: Banner of 1795–1796. Banner of 1788.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 911. (ВИМАИВиВС)

Глава IV.
Части российской морской пехоты из греков и балканских славян 1775–1859 гг.

Библиография и источники:

Материалы для истории русского флота. Ч. XV. СПб., 1895.

Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. VI. СПб., 1900.

Ф.Ф.Ушаков. Сборник документов. Т. I. М., 1951.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21532; Ф. 52. Оп. 1. Д. 129. Ч. 4, 5; Д. 165. Ч. 1; Д. 199; Д. 202. Ч. 31; Д. 309. Ч. 58.

Рядовой, унтер-офицер и офицер балаклавского Греческого пехотного батальона в форме образца 1797 г.

A private, a warrant officer and a commissioned officer of the Balaklava Greek infantry battalion, wearing the uniform introduced in 1797.

Литография 1844 г. (РГПИБ)

С началом в 1768 году русско-турецкой войны граф А.Г. Орлов при подготовке первой Архипелагской экспедиции большие надежды возлагал на помощь греческого населения Мореи. В ходе переговоров с влиятельным капитаном Стефаном Мавромихали русские резиденты обещали грекам покровительство России и щедрые награды. Мавромихали развил энергичную деятельность, и с прибытием 18 февраля 1770 г. в Витулло эскадры Г.А. Спиридова греки подняли восстание. Вскоре к ним присоединились албанцы, сербы, черногорцы[1]. Тысячи добровольцев поступили на русские корабли и участвовали во всех сражениях и десантах морских сил графа Орлова в 1770–1774 гг. (см. Главу III) Эти отряды, независимо от национальности, получили общее название Албанского войска.

После заключения 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора греки оказались в трудном положении. Русские войска должны были покинуть Архипелаг. Местных же добровольцев и их семьи ожидало мщение турок. В связи с этим они обратились к графу А.Г. Орлову-Чесменскому, который 2 сентября 1774 г. объявил им от имени императрицы: «*За оказанные вами дела, которые неоднократно доказали ваше мужество, храбрость, верность, рвение, великодушие и ревность, чрез кои прославили оружие собственного вашего отечества и имена в высокославной Ее Императорского Величества службе во все время минувшей войны, следуя непобедимым Российским знаменам, окропленным собственною вашею кровью во всех сражениях и отпорах оной войны, того ради мы и определили, что все те майоры, капитаны, обер и унтер-офицеры и нижние служители всякого звания из вас, которые пожелают продолжать Ее Императорского Величества службу и переедут в Россию, будут иметь навсегда пожалованных им чинов достоинства, воинские почести и жалованье таковое ж, как и ныне имеют, да и впредь могут надеяться на награждения в повышении чинов каждый, когда оное заслужит так, как настоящий нам единоземец; для сего, по удовольствовании каждого заслуженным им жалованьем, перевезены будут на казенном иждивении, производя им жалованье и впредь, притом спомоществуемы будут не только на пути, но и где определены будут, человеколюбивейшим и ласковейшим образом не только с ними самими, но и со всеми их семьями и сродственниками, которые с ними самими приедут, и с единоземцами их, кои захотят также следовать с ними в Россию*». Волонтерам, желавшим переехать в Россию позднее, гарантировалось, что они «*будут расположены и приняты с теми же выгодами и преимуществами, как и те, которые отправляются теперь*».

Успокоенные Орловым греки послали в Петербург майора Константина Георгия и капитана Стефана Мавромихали. Екатерина II милостиво приняла депутатов и 28 марта 1775 г. утвердила 21 пункт, на основании которых греки с семьями переселялись в Россию. Учитывая морские навыки добровольцев и их ненависть к туркам, императрица решила содержать Албанское войско при Черноморском флоте. Грекам выделялись земли в новоприсоединенных крымских крепостях Керчь и Еникале, «*учинив свободный и вольный в тех местах порт*». Строительство храмов, домов и укреплений оплачивала казна. Военнослужащие полностью освобождались от податей. Для решения мелких дел создавался суд из греческих офицеров. Оружие и снаряжение Албанское войско получало от казны, причем в мирное время греков запрещалось употреблять «*вне пределов их*». Учредив на этих основаниях Албанское войско, Екатерина II дальновидно решила сразу несколько задач. Во-первых, она спасла преданных греков и арнаутов, чем

Арнаут.

Arnaut.

Раскрашенная гравюра Х.-Г. Гейслера 1799–1801 гг. по рисунку, сделанному им во время путешествия по Крыму в 1793–1794 гг. (РГБИ)

На гравюре изображен реальный повседневный облик воинов Греческого полка в конце XVIII в.

[1] Для удобства в дальнейшем мы их всех будем называть греками. Правда, поначалу волонтеров независимо от национальности называли «*албанцами*» или «*арнаутами*» – турецким названием албанцев. Но вскоре греки добились отдельного признания, и «арнаутами» стали называть прочих волонтеров из балканских народов.

Вид Балаклавского залива.

Balaklava Bay.

Акварель 1798 г. (РГА ВМФ)

укрепила авторитет России среди христианских народов. Во-вторых, получила ценные кадры для дальнейших действий против турок в Архипелаге и на Балканах. В-третьих, усилила молодой Черноморский флот опытными моряками и морскими пехотинцами. В-четвертых, создала в новых крепостях противовес недружелюбному татарскому населению.

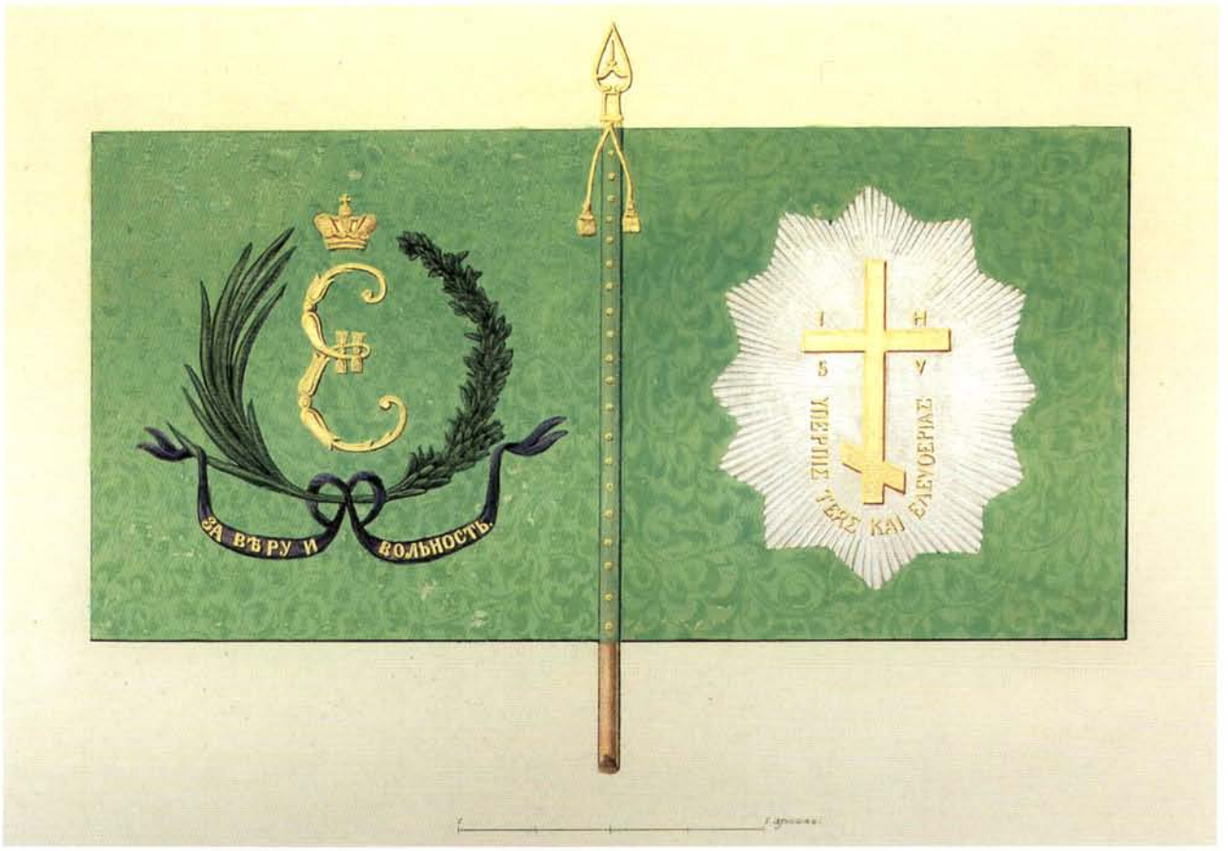
В 1775 году греки переселились в Керчь и Еникале. Здесь они попали под внимание вице-президента Военной коллегии, Новороссийского генерал-губернатора князя Г.А. Потемкина. Князь выделил грекам 50 тысяч рублей и велел снабдить их скотом. Кроме того, Потемкин, *«судя по малой округе земли, принадлежащей помянутым двум крепостям, приискал для сего общества наивыгоднейшее к жизни и изобильное всем приморское место около Таганрога»*. Желающим поселиться на новом месте предоставлялись те же права и льготы, что и в Крыму. К 9 июля 1776 г. Албанское войско насчитывало 1077 офицеров, священников и нижних чинов, а также 216 неслужащих *«албанцев»* при 1 докторе.

Мирная жизнь греков продолжалась недолго. В 1777 году крымские татары начали междоусобную войну. Россия, поддерживая лояльного хана Шагин-Гирея, оказала ему вооруженную помощь в борьбе с протурецкой оппозицией. Командовавший русскими войсками в Крыму генерал-поручик князь А.А. Прозоровский свидетельствовал: *«Во время открывшегося в сем полуострове генерального во всей земле мятежа, войско Албанское взято мною из Ениколя и употреблено было по сродности их в горы, где под начальствованием секунд-майоров Саблера и Деева и, наконец, г. генерал-майора и кавалера Потемкина, прошедшего 1777 года с декабря месяца до самого окончания мятежа, по 6 число настоящего течения* [то есть, по 6 февраля 1778 г. – А.К.] *во всех сражениях с бунтующими татарами, от вышнего до нижнего, с отменною храбростью, поражали повсюду неприятеля и доказывали при всяком случае в глазах начальников своих ревностное к Высочайшей службе усердие»*. Упомянутый генерал-майор П.С.Потемкин писал: *«Албанское войско, находящееся с начала учинившего генерального бунта в Крымском полуострове противу татар, очищая горы от самой Кафы чрез Качу и до Янисуля, поражало повсюду татар с отличным мужеством, ревнуя к службе Ее Императорского Величества; потом под моим начальством в четыре атаки, а именно при деревне Бейсале, в деревне Илисуле при поражении нурадин-султана с его толпою, на Каче за Бакчисараем и наконец в Черкес-Кермене при отличной неустрашимости изъявило новые опыты усердия к службе <...> Невозможно иметь более мужества, отважности и усердия к служ-*

Ротное знамя Греческого пехотного полка образца 1779 г.

The Greek infantry regiment's company banner vintage 1779.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 890. (ВИМАИВиВС)



бе, колико оное войско изъявило». 11 февраля 1778 г. на реке Каче князь Прозоровский выдал Албанскому войску похвальный аттестат и отпустил греков в Еникале.

После замирения Крыма князь Г.А. Потемкин обратил особое внимание на Албанское войско, столь хорошо зарекомендовавшее себя во время мятежа. *«Войско под именем албанцев составлено почти все из греков,* – докладывал князь императрице. – *Я в сходственность пользе и их желанию осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству о сформировании из оного пехотного Греческого полка в двенадцати ротном комплекте, полагая вместо гренадер две роты наподобие турецких даль-калычей, то есть атакующих на саблях. Сильное оных стремление и удобность сабель, особливо на неровных местах, преимуществует много перед штыками, единственным оружием наступательных войск европейских. Именованию рот в сем полку не благоволите ли, Ваше Императорское Величество, быть по славным званиям древней Греции»*. Названия рот или экатондархий предполагались следующие: Афинская, Спартанская, Фивская, Коринфская, Фессалийская, Македонская, Микенская, Сикионская, Ахейская, Ионическая, Эпирская и Кефалонийская. Доклад князя Потемкина был утвержден императрицей 3 августа 1779 г., после чего в Таганроге началось формирование Греческого полка штатной численностью 1762 человека. Полк планировалось создать по мушкетерскому образцу, имея два батальона, в каждом из которых 5 обычных рот и 1 рота *«атакующих на саблях»*.

К сентябрю 1779 г. в списках Албанского войска значились 102 офицера и около 900 нижних чинов. Из них в Керчь-Еникале находились 592 человека, в Таганроге 288, в Збурьевском ретраншементе 130. Часть людей была в *«дальних отлучках»*, в том числе в поездках за своими семьями. Однако руководивший формированием Греческого полка полковник Антон Дмитров встретил серьезные препятствия со стороны греков, не желавших переходить из Крыма в Таганрог. Поскольку реальная численность волонтеров оказалась в два раза меньше штатной, пришлось сокращать число рот. По армейскому порядку каждый батальон при выступлении в поход оставлял 1 роту на квартирах для охраны имущества и солдатских семей. В Греческом полку, служившем только в своем расположении, этого не требовалось. Кроме того, князь Г.А. Потемкин вообще считал целесообразным иметь в пехотных полках вместо 12 слабых рот 8 рот усиленного состава. В итоге, Греческий полк сформировали лишь к 1783 году в составе 8 рот. Для полка сделали белое полковое и 9 ротных зеленых знамен (девятое знамя, видимо, так и осталось не врученным). На одной стороне квадратного (120 х 120 см) полотнища был изображен золотой вензель Екатерины II в зеленом венке, перевязанном фиолетовой лентой с золотой надписью: «За Веру и Вольность». Другую сторону украшал золотой крест, окруженный серебряным сиянием в виде

продолговатой звезды. В нижней части сияния надпись «За Веру и Вольность» дублировалась золотыми буквами на греческом языке. Выше надписи стояли четыре греческие литеры, означавшие: Иисус Назарянин, Царь Иудейский. Древки знамен полагались темно-красные, кисти золотые, копья вызолоченные.

С присоединением Крыма к России в 1783 году князь Г.А. Потемкин распорядился перевести Греческий полк в Балаклаву, куда переселить всех греков из Керчи, Еникале и Таганрога. Под Балаклавой грекам выделили земли при деревнях Кадыкой, Комары и Карани. Здесь каждый офицер получил по 60, а нижние чины по 20 десятин земли, которые следовало осваивать *«построением порядочных жилищ, равно заведением садов и умножением хлебопашества»*. В мирное время на полк возлагалась охрана 300-верстного побережья от Севастополя до Феодосии.

Едва устроившись на новом месте, греки стали готовиться к посещению Крыма Екатериной II. Хотя еще в 1779 году Греческому полку предполагалось установить особую униформу, на практике офицеры и нижние чины продолжали ходить в разнообразной национальной одежде. Возможно, именно при подготовке высочайшего смотра Греческому полку сшили красивое обмундирование, различавшееся по-батальонно.

В первом батальоне рядовым полагалась черная, застегнутая на множество медных выпуклых пуговиц суконная куртка с красным воротником, небольшими обшлагами и отворотами на груди. Куртка подпоясывалась розовым шелковым кушаком. Широкие красные суконные шаровары заправляли в короткие гусарские сапоги с серебряными кисточками. На голове греки носили черную плисовую каску с желтыми шелковыми нашивками, вышивными узорами и плюмажем, напоминавшую древнегреческие шлемы. Оружие осталось прежних национальных образцов. Длинное (до 165 см) ружье имело восьмигранный ствол, укрепленный 8 медными гайками на ложе из орехового дерева. Приклад для прочности был обведен железным прутом. Штыка к такому ружью не полагалось. На обшитой серебряным галуном кожаной поясной портупее греки носили саблю с эфесом из черной кости, оправленным серебром. Черные ножны имели серебряную, частично позолоченную оправу. Кроме того, каждый воин надевал еще особую поясную портупею красного сафьяна с вызолоченными медными украшениями, застегивавшуюся спереди под кушаком. К этой портупее у левого бока крепилась вышитая золотом красная сафьяновая кобура, имевшая с наружной стороны под клапаном четыре гнезда для патронов. В кобуру вставляли оправленный серебром пистолет. За спиной на портупее носили два патронташа по 30 патронов каждый. Снаружи патронташи были из красного сафьяна, а внутри из белой кожи. На их крышках вышивался золотой двуглавый орел (см. стр. 92).

Унтер-офицеры отличались от рядовых узким золотым галуном на отворотах, а также золотым шнурком вокруг воротника и по краю обшлагов. Офицеры вместо курток носили кафтаны, верхняя часть которых выглядела одинаково с куртками унтер-офицеров, а полы обшивались по краям золотым шнурком и имели подбой из красного стамеда. Пуговицы кафтана, кисти сапог и украшения на каске были золотые. Из оружия офицерам полагалась только сабля с серебряным темляком.

Во втором батальоне рядовые имели куртку красную с такими же отворотами и воротником и с темно-зелеными обшлагами. Куртка застегивалась черными шелковыми пуговицами и обшивалась по швам черным шелковым шнурком. Поверх куртки и кушака надевался темно-зеленый суконный спенсер, также обшитый черным шел-

Унтер-офицер и рядовые 1-го батальона Греческого пехотного полка. 1779–1797 гг.

A warrant officer and privates of the 1st Battalion, Greek Infantry Regiment. 1779–1797.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 816. (ВИМАИВиВС)

Костюм амазонки в 1787 году.

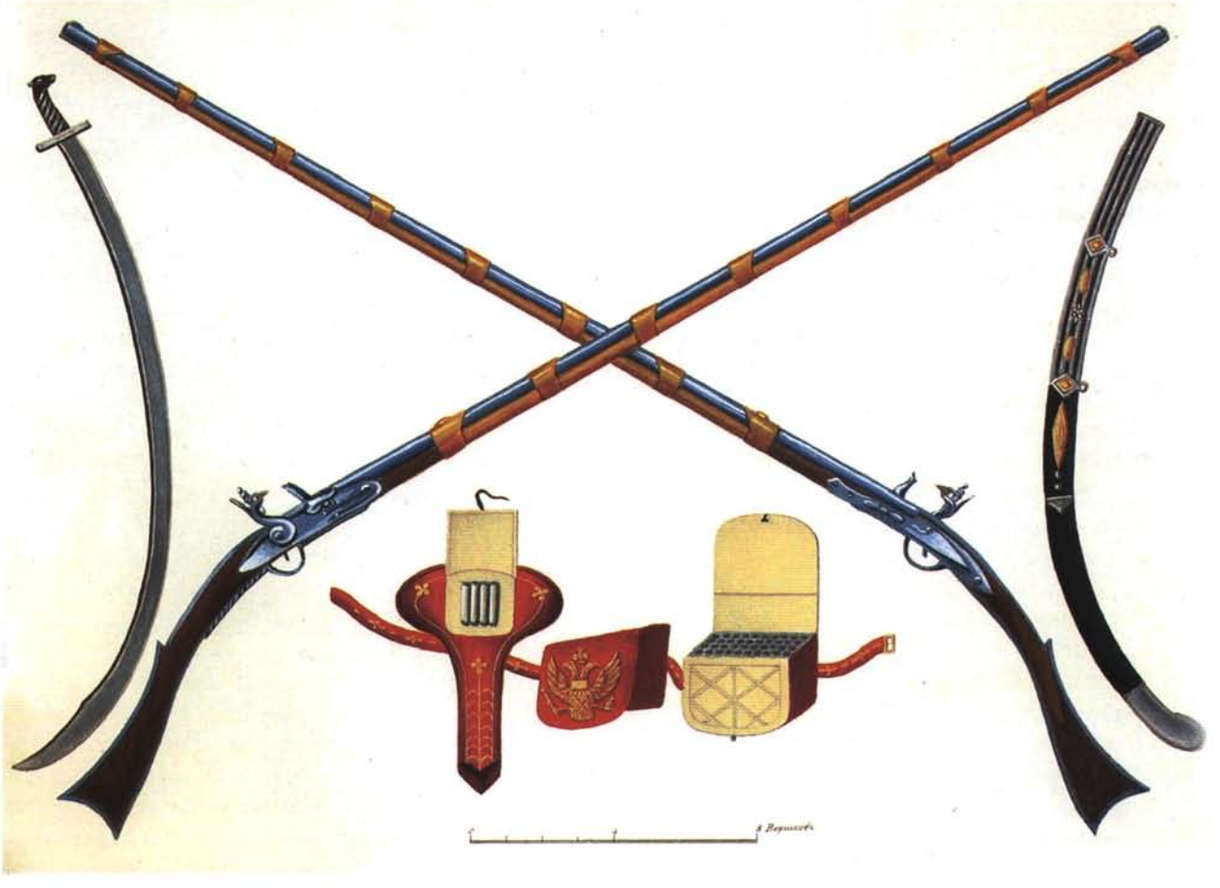
Amazon's suit. 1787.

Рисунок 1848 г., исполненный со слов капитана Амазонской роты Е.И. Сарандовой. (РГИА)

ковым шнурком. У унтер-офицеров на отворотах возле пуговиц нашивался золотой галун. Офицеры, кроме того, имели по швам куртки и спенсера золотой шнурок, а на отворотах куртки три ряда круглых вызолоченных пуговиц. Черную кожаную лакированную каску украшали нашивки и вышивки белого шелка (у офицеров серебряные), а также черный плюмаж (у офицеров белый).

Впрочем, такая эффектная униформа надевалась лишь при особых случаях. В повседневной боевой и мирной жизни греки, судя по изображениям того времени и документам, выглядели гораздо скромнее.

В марте – апреле 1787 г. по ордеру князя Г.А. Потемкина из жен офицеров Греческого полка была составлена Амазонская рота – первое женское военное подразделение России. Командиром роты назначили Елену Сарандову. Для амазонок сшили однообразную одежду по цветам Греческого полка – зеленые бархатные спенсеры, обшитые золотым галуном, и малиновые бархатные юбки, также обшитые золотым галуном и золотой бахромой. Белые тюрбаны амазонок украсили золотыми блестками и страусовым пером. Этот «потемкинский сюрприз» вместе с Греческим полком представили императрице во время ее увеселительной поездки 24 мая 1787 г. из Севастополя в красивую Байдарскую долину. Сопровождавший государыню австрийский монарх Иосиф II отметил в своем журнале: *«По пути мы видели отряд, человек в тысячу,*



Ружье, сабля, пистолетная кобура и патронташи Греческого пехотного полка. 1779–1797 гг.

Gun, sabre, pistol bolster and bandoleers of the Greek infantry regiment. 1779–1797.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 817. (ВИМАИВиВС)

План турецкой крепости Очаков, взятой русскими войсками 6 (17) декабря 1788 г.

The plan of Turkish fortress Ochakov assaulted by Russian army. December 6 (17) 1788.

Австрийская гравюра. 1790-е гг. (ГИМ)

составленный из далматинцев, греков и выселенцев из Мореи, которые в последнюю войну перешли на сторону русских и поселились здесь на побережье. При нашем проезде их заставили произвести примерную атаку на далматскую стать, как выразился князь Потемкин, которому угодно сравнивать ее с атаками наших кроатов. Они повыхватывали сабли, кинулись бегом в лес и в величайшем беспорядке с страшным криком вскарабкались на гору, скорее походя на каких-то облавщиков, чем на настоящих солдат»[2]. Протоиерей Греческого полка отец Ананий встретил императрицу в специальной палатке с Евангелием, крестом, хлебом и солью. Екатерина II вышла из кареты и приложилась к кресту. Князь Потемкин, доказывая врожденную храбрость греков, в том числе и гречанок, предложил Амазонской роте сделать залп. Но государыня отказалась от столь громких аргументов. Статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий в своем журнале записал: *«Похвала Албанцам в долине Байдарской; их до 600 выходит с ружьем»*[3]. Екатерина II щедро наградила греков, навсегда освободив их от государственных податей с крымских земель. Амазонской роте императрица пожаловала 10 тысяч рублей серебром, а Сарандовой как *«амазонскому капитану»* прислала драгоценный бриллиантовый перстень[4].

Вскоре грекам пришлось боевой службой оправдывать высочайшие награды. С началом в августе 1787 г. русско-турецкой войны Греческий полк был послан на корабли Черноморского флота. Но капитаны Спиро Рицардопуло и Ламброс Кацонис бросили эскадру контр-адмирала М. И. Войновича и, набрав добровольцев, убежали в Кинбурн. Здесь греки обратились к князю Г. А. Потемкину-Таврическому с просьбой *«быть употреблены в действиях против турков». «Удовлетворяя ревностнейшему их усердию»*, Потемкин 18 сентября 1787 г. велел начальнику Лиманской эскадры контр-адмиралу Н. С. Мордвинову *«вооружить какое-нибудь небольшое судно и снабдить их оным. Они считают собраться в числе пятидесяти человек и готовы вдаться*

[2] Русский архив. 1880. № 2. С. 365.

[3] Дневник А.В.Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 37.

[4] Подробнее см.: *Кибовский А.В.* Амазонская рота 1787 года. // «Цейхгауз». 1997. № 6. С. 16–19.

Офицер 1-го батальона Греческого пехотного полка. 1779–1797 гг.

A commissioned officer of the 1st Battalion of the Greek infantry regiment. 1779–1797.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 818. (ВИМАИВиВС)

Серебряная медаль «За храбрость на водах Очаковских июня 1788».

Silver medal «For Bravery on Ochakov Waters in June 1788».

(Из коллекции М.С. Селиванова)

во всякую опасность, лишь бы только неприятелю сделать вред чувствительный». В начале октября турецкий купеческий корабль, груженый пшеницей, сел на мель возле очаковской батареи Гассан-паши. Ночью с 8 на 9 октября Кацонис на баркасе «Князь Григорий Потемкин Таврический» дерзко сжег этот транспорт, за что Мордвинов пожаловал грекам 100 рублей. Через день, ночью с 10 на 11 октября, Кацонис на своем баркасе и Рицардопуло на яхте «Пчела» разогнали купеческие суда, стоявшие под Очаковом, и одно из них захватили. Скоро за разные подвиги двух храбрых капитанов произвели в майоры. Мордвинов был очень доволен греками и посылал их в самые опасные предприятия. 29 октября 1787 г. передавая командование Лиманской эскадрой капитану бригадирского ранга Ф.Ф. Ушакову, он рекомендовал: *«Старайтесь получать сведения с неприятельского берега. Употребите греков для получения языка. Если транспортные суда приходить будут к Очакову, то пересекайте их и в эскадру прикажите приводить, для того можете отряжать к Кинбурну баркасы греческие»*. После завершения кампании князь Г.А. Потемкин, оценивший храбрость Ламброса Кацониса, поручил ему особую миссию (см. стр. 97–99).

Такими медалями на георгиевской ленте наградили нижних чинов гребной флотилии, участвовавших в сражениях против турецкого флота под Очаковом.

Учитывая положительный опыт, в 1788 году Греческий полк назначили на Лиманскую гребную флотилию, которую возглавил принц К.Г. Нассау-Зиген. Под командованием уже знакомого нам Стефана Мавромихали греки активно действовали под Очаковом. Офицеры и солдаты Греческого полка участвовали 7 июня в отражении турецкого флота, его разгроме 17–18 июня у Кинбурнской косы и окончательном истреблении 1 июля под самой крепостью. Кроме того, из частных греческих судов в Таганроге была сформирована корсарская флотилия. Действуя вдоль турецких берегов и устья Дуная, корсарские суда под командованием волонтеров Георгия Ганале, Галаки Батисто, Димитрия Куцо, Димитрия Кундури, Ивана Мелиси перехватывали и уничтожали турецкие транспорты. 19 мая 1788 г. Потемкин сообщал императрице: *«Греки крейсирующие весьма храбро и охотно поступают. Хорошо, коли бы наши морские подобились им»*[5]. Светлейший князь велел командующему Черноморским флотом контр-адмиралу графу М.И. Войновичу вести особый учет грекам, а также, чтобы *«ради единообразия греки оделись одинаким цветом по их образу: я сукна доброго доставлю, и неприятель бы по сему виду больше бы* [их] *уважал»*[6].

6 декабря 1788 г. русские войска штурмом взяли блокированный с моря Очаков. Участников морских побед на Лимане наградили особыми серебряными медалями на георгиевской ленте с надписью «За храбрость на водах Очаковских». Принц Нассау-Зиген получил орден Св. Георгия 2-го класса, был произведен в вице-адмиралы и назначен командовать Балтийским гребным флотом против шведов. К сожалению, на этом посту принц не оправдал больших ожиданий (см. Главу III).

Весной 1789 г. Греческий полк опять разместили на судах Черноморского флота. Командующий им граф М.И. Войнович решил провести смелую десантную операцию против важного порта Констанца. 17 апреля из Севастополя вы-

шли 18 легких судов корсарской флотилии лейтенанта И.Г. Бардаки, на которых расположились солдаты Греческого полка под командованием премьер-майора Константина Чапони. В 8 часов утра 22 апреля 1789 г. под прикрытием артиллерийского огня десант начал высадку. *«При начатии с судов пушечной пальбы,* – доносил граф Войнович Г.А. Потемкину, – *майор Чапано с 322 человеками войск своего Греческого полку и 300 матросов, посадя* [их] *на баркасы, пустился на берег; хотя с судов и очищаем был берег* [артиллерийским огнем], *невзирая на сие* [десант] *встречен турками, как конницей, так и пехотою, но после короткой перестрелки выскочил майор Чапани с своими войсками на берег и, открыв российские знамена, мужественно погнал турок из их оборонительных мест; заняв возвышенную горку у мельниц,* [он] *пресек им отвод к матерой земле, принудил бежать к берегу, тут* [турки] *с судов ядрами и картечами встречены были, где довольное число* [их] *погибло. От Кари-Каманской крепости начало показываться множество конницы, идущей на помощь, но наши войска, уже прогнав из своих укреплений и жильев турок, начали жечь и истощать сие место, которое скоро предали пламени, взяв две пушки мед-*

[5] Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 286.

[6] Этот документ подтверждает, что описанная выше красивая униформа Греческого полка соблюдалась далеко не всегда.

Балаклавские греки.

Balaclava Greeks.

Гравюра по рисунку Е.М.Корнеева из альбома «Les peuples de la Russie» («Народы России»). 1812 г. (РГБИ)

Е.М.Корнеев, посетивший Балаклаву в 1804 г., видимо, кроме личных впечатлений использовал при создании данного листа гравюру Х.-Г.Гейслера.

Унтер-офицер, рядовой и офицер 2-го батальона Греческого пехотного полка. 1779–1797 гг.

A warrant officer, a private and a commissioned officer of the 2nd Battalion of the Greek infantry regiment. 1779–1797.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 819. (ВИМАИВиВС)

ные и довольно добычи; турок убитых нашли 50, сожжено 5 магазинов, наполненных пшеницею, ячменем и сухарями, у самого берега 6 мечетей и множество домов и 15 мельниц, в полон взяли одного турка; дело сие продолжалось 4 1/2 часа, хотя в некоторой отдаленности и собиралось множество турецких войск, но наши, окончив, спокойно возвратились на свои суда с весьма малою потерею раненых и убитых. Флота лейтенант Бардако свидетельствует неустрашимость и мужество майора Чапани и его подкомандных отличными к исполнению долга». За смелую и успешную десантную операцию Бардаки наградили орденом Св. Владимира 4-й степени, а Чапони произвели в подполковники.

В мае 1790 г. подполковник К.Ю. Чапони во главе 352 обер-офицеров и нижних чинов Греческого полка прибыл на эскадру контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Здесь 23 офицера и 175 сержантов, капралов и рядовых распределили на линейные корабли, а остальных направили на гребные, крейсерские и вспомогательные суда. Выйдя 14 мая из Севастополя, Ушаков вечером 21 мая подошел к Синопу и велел послать три партии легких судов для захвата турецких транспортов. *«Крейсерские суда,* – докладывал Ушаков, – *рассыпавшись в разные места, делали поиски около Синопских берегов и, брав в плен попадающиеся суда, приводили в эскадру. Во все оное время поймано таковых судов с пшеницею и разным грузом восемь да загнато на берега и затоплено четыре. Со оных судов многие турки на баркасах бежали на берег. Крейсеры с помощью служителей Греческого полку, гонявшись за ними на своих вооруженных баркасах, имели жестокую перепалку и многих перестреляли, а других и с баркасами потопили».* Всего были пойманы и захвачены в плен 80 турок, 51 грек, 14 турчанок, 3 армянина и, кроме того, освобождены 41 невольник и 12 русских пленных. *«Из наших греков при сих перепалках убит матрос 1, тяжело ранен 1 да легкими ранами 3».* После Синопа эскадра Ушакова бомбардировала Самсун и Анапу и 5 июня вернулась в Севастополь.

После недолгого похода 2–12 июля 1790 г. и сражения с турецким флотом 8 июля в Керченском проливе эскадра контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова 25 августа снова выступил в море. На ее кораблях разместились 400 человек Греческого полка. В сражении 28–29 августа у острова Тендры Ушаков нанес поражение турецкому флоту. К концу первого дня боя русская эскадра отрезала 74-пушечный флагман «Капудание» от основных турецких сил. На рассвете 29 августа 4 русских корабля атаковали флагман и совершенно разбили его артиллерийским огнем: все три мачты оказались снесены, корма зажжена брандскугелем, деки залиты водой, команда выбежала наверх и криками просила пощады. С русских кораблей послали шлюпки. Первым к гибнущему флагману пристал аудитор Греческого полка подпоручик Курик. Он взял в плен трехбунчужного пашу адмирала Саид-бея, капитана корабля Мехмед-Дерия, 17 офицеров и доставил их к Ушакову. Больше ни одна лодка пристать к флагману не успела – едва Курик отчалил, «Капудание» вспыхнул и взорвался.

В 1791 году греки также принимали участие в походах Черноморского флота, в том числе при поражении турецкой эскадры 31 июля 1791г. у мыса Калиакрии. Эта победа ускорила заключение в Галаце предварительных условий мирного договора, утвержденного в Яссах 29 декабря 1791 г. Греческий полк вернулся к своей обычной жизни. Академик П.С. Паллас, посетивший Балаклаву в 1794 году, писал о греках: *«В мирное время их служба была нетрудная, ограничиваясь караулами, дозорами при случающихся беспорядках и пикетами для охраны южного побережья. Очень малая их часть занималась обработкой*

Лучший корсар России

Ламбро Дмитриевич Качиони (Ламброс Кацонис) родился около 1752 года в Ливадии. В 1770 году он поступил волонтером на флот графа А.Г. Орлова, участвовал в первой Архипелагской экспедиции и заслужил звание сержанта. В 1775 году Качиони переселился в Крым, где в 1777 году в рядах Албанского войска *«находился в оном при всех данных сражениях, во время татарского бунта отличил себя храбростью и пожалован был офицером»*. В 1781–1782 гг. поручик Качиони участвовал в экспедиции графа М.И. Войновича к персидским берегам. С началом в 1787 году новой русско-турецкой войны капитан Качиони отправился под Очаков, где храбро действовал на своем баркасе и заслужил чин майора.

Между тем из-за войны со Швецией Россия не смогла отправить в Архипелаг боевую эскадру. В связи с этим князь Г.А. Потемкин-Таврический решил организовать в Средиземном море корсарский флот из греческих волонтеров. 18 февраля 1788 г. Качиони выдали *«арматорский патент»* и отправили в союзную России Австрию. Добравшись до Триеста, Качиони на деньги местной греческой общины вооружил фрегат «Минерва Северная». Крейсируя под Андреевским флагом в Архипелаге, он захватил два турецких военных судна и, назвав их «Великий Князь Константин» и «Великий Князь Александр», присоединил к своей эскадре. Вскоре его флот пополнился еще двумя кораблями – «Князь Потемкин-Таврический» и «Граф Александр Безбородко». С этими силами 24 июня 1788 г. Качиони штурмовал турецкую крепость Кастеллорзо *«и получил ключи оной». «Пушки с сей крепости перенес он на свою флотилию и в течение 1788 года наносил неприятелю повсюду страх сжиганием судов его, с провиантом в Царьград шедших, и разрушением его предприятий»*. 20 августа, сопровождая возле острова Скорпанте два трофейных судна, корабль Качиони неожиданно встретил восемь турецких военных кораблей. Три из них бросились преследовать трофейные суда, остальные пять атаковали российского пирата. *«От полудни до наступления ночи,* — рапортовал Качиони князю Г.А. Потемкину, — [я] *беспрерывно сражался и защищался, и напоследок турки столько сбиты и замешаны, что едва могли направить парусы и обратились с немалым убытком в бег; с моей же стороны последовала очень малая потеря»*. 27 октября 1788 г. Качиони пришел на зимовку в Триест с эскадрой, насчитывавшей уже 9 кораблей и около 500 волонтеров.

8 апреля 1789 г. Качиони во главе 10 кораблей вышел из Триеста. Через неделю у берегов Албании он атаковал возле острова Занте союзный Турции дулцинотский флот, разбил его и потопил 24-пушечный корабль. Далее, подойдя к крупнейшему албанскому порту Дуррес, Качиони подверг его бомбардировке, рассеял береговые войска, разрушил укрепления и уничтожил многие турецкие суда. Из Адриатического моря он прошел в Средиземное, где около острова Кипр потопил 28-пушечную шебеку Бейрутского паши. 3 июня 1789 г. Качиони встретил в Эгейском море турецкую флотилию из 14 кораблей. После трехчасового боя пиратская эскадра одержала совершенную победу. За эти подвиги 24 июля 1789 г. князь Г.А. Потемкин произвел Качиони в подполковники. В свою очередь драгоман османского флота Мавроенис обратился к храброму корсару с письмом, в котором от имени султана Абдул-Хамида I обещал прощение за пролитую турецкую кровь, должность наместника любого острова Эгейского архипелага и 200 тысяч золотых монет, если Ламбро оставит русскую службу. Качиони отказался и, захватив остров Зеа, превратил его в сильную морскую базу. Алжирский флот двинулся покарать пиратов. Но Качиони сам вышел навстречу алжирцам, разбил их, *«и алжирцы, принужденные бежать, сожгли один из поврежденных своих кирлангичей и скрылись»*.

Базируясь на Зеа, Качиони зимой 1790 года *«сжег в заливе Воло, ниже Салоники, множество турецких судов, пшеницею для Константинополя нагруженных, и три сантии взял в плен. Наконец, услышав, что флот турецкой в числе девятнадцати судов выступил из Дарданелл в море, пошел к нему навстречу и* [5 мая 1790 г.] *близ острова Неграпонта и Андро сразился с ним и одержал победу. Но на другой день показался алжирский флот.* [Под]*полковник Качиони вступил с ним в сражение, которое продолжалось во*

Библиография:

Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004.

Качиони С.А. Пират-витязь. // Исторический вестник. 1911. № 10 (октябрь).

Ламбро Качиони.

Lambro Cachioni.

Миниатюра работы неизвестного художника. 1795–1797 гг. (ГРМ)

Ламбро изображен в форме полковника 2-го батальона Греческого пехотного полка с орденом Св. Георгия 4-го класса на груди, полученным «за храбрые и мужественные подвиги, оказанные в последнюю турецкую войну в Архипелаге».

Ангелина Качиони.

Angelina Cachioni.

Портрет кисти И.Б.Лампи-младшего. 1796 г. (С портрета, находившегося до 1917 г. в собрании И.И.Лемана)

В 1790 г. турки, мстя храброму пирату, разграбили его дом, убили сына, а красавицу жену 12 месяцев держали в тюрьме и 2 месяца на каторжных работах. Лишь после завершения войны Качиони удалось вызволить супругу из плена и вывезти в Россию.

Ламбро Качиони.

Lambro Cachioni.

Портрет кисти И.Б. Лампи-младшего. 1796 г. (С портрета, находившегося до 1917 г. в собрании И.И.Лемана)

весь день; но алжирцы, соединясь с несколькими турецкими судами, принудили его к ретираде, и он потерял тут почти все свои суда и был ранен». В жестокой битве Качиони из 7 кораблей лишился 5, в том числе и первого своего фрегата «Минерва Северная», который Ламбро взорвал, не желая оставлять туркам. При взрыве раненый Качиони бросился в море и, поддерживаемый слугой Панаиотом Скаридиа, был подобран из воды быстроходным кирлангичем, на котором ему удалось уйти от турок. По докладу князя Г.А. Потемкина 29 июня 1790 г. Качиони произвели в полковники, а 12 сентября наградили орденом св. Георгия 4-го класса *«за храбрые и мужественные подвиги, оказанные в последнюю турецкую войну в Архипелаге».*

Осыпанный милостями императрицы, Качиони к началу 1791 года снова собрал 5 судов. Но 31 июля 1791 г. командующий русской армией в Молдавии князь Н.В. Репнин подписал с турками перемирие, закончившееся 29 декабря ратификацией Ясского мирного договора. Во вре-

Разгром турецкого флота эскадрой Ламбро Качиони в первый день сражения у острова Андрос 6 апреля 1790 г.

The defeat of the Turkish fleet by Lambro Cachioni's squadron on the first day of the battle at the Andros Island on 6 April 1790.

Картина кисти неизвестного художника конца XVIII в. (Музей Греческого исторического и этнологического общества, Афины)

Ятаган с ножнами, подзорная труба и пика Ламбро Качиони.

Scimitar, sheath, spyglass and lance of Lambro Cachioni.

Греческая графика.

мя перемирия эскадра Качиони, увеличившаяся до 22 судов, зимовала на Итаке, где в начале 1792 г. получила приказ вернуться в Триест. Но тут храбрый корсар заявил: *«Если императрица заключила свой мир, то Кацонис свой еще не заключил»*. В мае 1792 г. он опубликовал воинственный манифест. Сражаясь за Россию, корсары надеялись, *«что в мирном соглашении будет сделано кое-что и для греческого народа: он будет иметь небольшую свободную область и получит вознаграждение за те усилия, которые он совершил и еще собирался совершить. Но ничего этого сделано не было»*. А раз так, то греческие корсары продолжат борьбу, *«пока не получат права, которые им принадлежат»*.

Весной 1792 года Качиони с 11 кораблями покинул Итаку. Пройдя к берегам Мани, он захватил Порто-Кайо (мыс Матапан), где основал свою базу. Для защиты узкого входа в бухту корсары построили пять батарей, превратив Порто-Кайо в мощную крепость. Большая турецкая эскадра: 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и 2 небольших судна – двинулась против пиратов. К ней присоединились 2 французских фрегата, поскольку корсары ограбили несколько кораблей Республики. 5 июня 1792 г. франко-турецкий флот начал штурм Порто-Кайо. Одновременно с суши пиратов атаковали местные племена, запуганные турками. Три дня шли упорные бои за крепость. В конце концов, корсары были побеждены и рассеялись. Сам Качиони проскользнул ночью на быстроходном ялике мимо вражеских кораблей и спасся на острове Китира, принадлежавшем венецианцам. Лишившись всего, Ламбро снова обратился за помощью к России.

Но «антиясский» манифест существенно ослабил позиции Качиони при дворе. Всесильный покровитель князь Г.А. Потемкин-Таврический умер 5 октября 1791 г. Новые же фавориты относились к пирату настороженно, принимая его *«яко отверженного бунтовщика»*. После долгих мытарств Качиони все-таки удалось в 1794 году вернуть прежнее расположение Екатерины II. Он был прощен, снова принят на российскую службу и в июне 1795 г. вызван в Петербург. Находясь при последнем влиятельном фаворите графе П.А. Зубове, Качиони с разрешения императрицы носил феску, украшенную вышитым серебром изображением руки с надписью под ней полукругом: «Под рукою Екатерины». С возрастом императрица стала чувствовать боль в ногах. Однажды Качиони рассказал ей, как вылечил ноги соленой морской водой. Екатерина II тайком от лейб-медика Роджерсона приказала привезти

Ламбро Качиони.

Lambro Cachioni.

Гравюра середины XIX в.

Это наиболее популярный в Греции образ Ламброса Кацониса – в феске с вышитой серебром «рукою Екатерины».

воды из Северного моря. Частые ножные ванны действительно помогли императрице. Но, по мнению Роджерсона, именно они привели к апоплексическому удару 5 ноября 1796 г.

Со смертью Екатерины II граф П.А. Зубов утратил влияние при дворе. Качиони переименовали из полковников в капитаны 1 ранга и отправили на Черноморский гребной флот. С началом Средиземноморского похода русского флота Качиони 24 октября 1798 г. получил высочайшее разрешение *«вооружить своим коштом для разъезда противу французов судно»*. Но в связи с успехами эскадр адмирала Нельсона и вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова, а также союзными отношениями с Турцией необходимость в корсарских действиях отпала. С февраля 1799 г. Качиони поселился в своем крымском имении, которое в память о родине назвал Ливадией. В 1805 году Ламбро погиб при довольно загадочных обстоятельствах. По одной из версий, его коварно убил турецкий наемник.

Еще при жизни Качиони стал национальным героем Греции. Его внук А.Л. Качиони в 1869 году передал греческому королю Георгу I оружие своего знаменитого деда: карабин, пику, ятаган, кинжал и саблю. Это оружие король поместил для вечного хранения в Национальный музей при Афинском университете, а греческому консулу в Таганроге поручил передать свою искреннюю благодарность А.Л. Качиони за столь дорогой для национального чувства Греции дар.

Вид Балаклавского залива.

Balaclava Bay.

Акварель художника Е.М.Корнеева. 1804 г. (ГИМ)

Рядом с художником изображен военнослужащий Греческого пехотного батальона.

земли и виноградников, еще меньшая – рыболовством <...> Их главное занятие – мелкая торговля в городах, на что они получили разрешение и разошлись по городам всего Крыма. Число их офицеров, носящих соответствующие армейские чины, и унтер-офицеров почти так же велико, как и солдат»[1].

После завершения войны в Россию прибыли около 300 греков, служивших на эскадре Ламброса Кациониса в Средиземном море. Пользуясь благорасположением к своему начальнику главного командира Черноморского флота вице-адмирала Н.С. Мордвинова, они обратились с просьбой об отведении им земли в Гаджибее (Одессе). 20 октября 1794 г. Мордвинов направил соответствующее письмо к Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому генерал-губернатору графу П.А.Зубову. Зная о покровительстве Екатерины II грекам, влиятельный фаворит предложил императрице *«составить из них корпус воинский под названием дивизиона до 300 рядовых с пристойным числом офицеров и прочих чинов, по примеру Греческого полка»*. Дивизион должен был состоять из трех рот, а *«ежегодную на содержание помянутого дивизиона сумму отпускать из Албанской, для Греческого полка ассигнуемой»*. 19 апреля 1795 г. Екатерина II одобрила доклад Зубова и, утвердив штат дивизиона, велела основать поселение из *«греков и албанцев, в последнюю с турками войну с отличным усердием нам служивших»*. С этой целью им планировалось выделить возле Одессы 15 тысяч десятин земли и построить за счет казны дома и церкви. Но вследствие смерти Екатерины II дивизион ни земли, ни денег, ни *«определительного постановления»* получить не успел.

Штат Греческого дивизиона из трех рот, высочайше утвержденный 19 апреля 1795 г.	
Командир дивизиона, премьер-майор	1
Адъютант	1
Аудитор	1
Подлекарь	1
Иеромонах	1
Писарь	1
Капитанов	3
Поручиков	3
Подпоручиков	3
Прапорщиков	3
Сержантов, унтер-офицеров и капралов (по 10 в каждой роте)	30
Рядовых (по 100 в каждой роте)	300
Всего:	**348**

Новый император Павел I не разделял греческих увлечений своей матери. Зато правила военной службы он соблюдал педантично и не терпел своеволия. Проводя реорганизацию армии, Павел 30 января 1797 г. распорядился принять Греческий полк в ведение Военной коллегии под названием Греческого батальона, *«основав его на положении донских казаков и в зависимости от гражданского суда, вооружа их по их обряду и обмундировав цветом зеленым и красным по их обычаю»*. Во исполнение этого указа Военная коллегия подготовила новый штат батальона из трех рот, который был высочайше утвержден 13 апреля 1797 г. Греки, оказавшиеся сверх комплекта, до поступления в роты получали прежнее жалованье и провиант. Штатом также предписывалось: *«Мундиры всем чинам иметь собственные, цвета зеленого с красным, по опробованному образцу; вооружение же и амуницию такие, какие по их обычаю употребляются, также*

[1] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. С. 67–68.

Штат Греческого пехотного батальона, высочайше утвержденный 13 апреля 1797 г.	
Батальонный командир	1
Капитанов	2
Штабс-капитан	1
Поручиков	3
Подпоручиков, из коих один адъютант	4
Прапорщиков	3
Аудитор*	1
Лекарь	1
Унтер-офицеров (по 10 в каждой роте)**	30
Рядовых (по 100 в каждой роте)**	300
Всего*:	**346**

* *«Которому и должность квартирмейстерскую исправлять».*

** *«В походе нижним чинам, каждым десяти человекам, полагается иметь свою одну подъемную лошадь».*

*** *«Денщиков штаб- и обер-офицерам не полагается, а отпускать им денщичье жалованье, а именно: батальонному командиру на трех, капитанам и штабс-капитану каждому на двух, поручикам, подпоручикам, адъютанту, прапорщикам, также аудитору и лекарю каждому на одного, всего на 21».*

собственные». В соответствии с этим в батальоне оставили форму одежды и вооружение по образцу второго батальона Греческого пехотного полка, но с заменой прежних красных камзолов на темно-зеленые с рукавами, красными воротником и обшлагами; зеленых спенсеров или курток – на темно-зеленые с красным воротником и подбоем. У унтер-офицеров нижний край воротника, борта куртки и камзола обшивались узким золотым галуном. У офицеров галун был несколько шире, а пуговицы на офицерских камзолах вместо золотых стали серебряными.

Сокращение Греческого полка до батальона стало результатом недовольства императора вольным образом жизни его офицеров и солдат. Но еще меньше повезло Греческому дивизиону в Одессе. После отставки бывшего екатерининского фаворита графа П. А. Зубова все его начинания были пересмотрены. В рамках этой кампании 20 мая 1797 г. Павел I велел *«Греческий дивизион совсем уничтожить, и счислявшихся в оном обратить в то состояние, кто куда пожелает».* В соответствии с этим Новороссийский военный губернатор граф М. В. Каховский не стал передавать грекам приготовленные по распоряжению Екатерины II 16 тысяч десятин земли, а деньги для их обустройства перевел на нужды Одессы. Вместе с тем, 29 октября 1797 г. Павел I направил графу М. В. Каховскому следующий грозный указ: *«Зная, что находящийся в Тавриде Греческий полк, содержанием своим довольно дорого казне стоящий, не имея в себе ни дисциплины, ни порядка, не отправляет никакой службы, а составляющие оный большею частью разъезжают по городам для своих промыслов, нужным нахожу предписать вам, чтоб вы обвестили всем и каждому из них, что денежное и хлебное жалованье долженствуют получать только те, кои настоящую службу исправлять будут и во оной действительно останутся, каковым учиня особый список, старайтесь ввести в них устройство и порядок, нужные для того рода службы, к коему они назначены. Прочих же, упражняющихся в промыслах и не имеющих к военному ремеслу ни способности, ни желания, из полка исключить».* К концу царствования Павла I Греческий батальон был полностью укомплектован, и еще 69 офицеров и 133 нижних чина числились сверх комплекта.

Унтер-офицер и рядовой Греческого пехотного батальона. 1797–1830 гг.

A warrant officer and a private of the Greek infantry battalion. 1797–1830.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 1210. (ВИМАИВиВС)

С восшествием на престол Александра I греки упраздненного одесского дивизиона обратились в 1803 году к императору с просьбой выдать им все-таки 15 тысяч десятин земли, пожалованных Екатериной II. Александр, провозгласивший преемственность деяний своей бабки, с интересом отнесся к этой просьбе. 29 августа 1803 г. он велел Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту С. А. Беклешову выделить грекам около Одессы *«достаточное пространство зем-*

Офицер Греческого пехотного батальона. 1797–1830 гг.

A commissioned officer of the Greek infantry battalion. 1797–1830.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть VI. Лист № 1211. (ВИМАИВиВС)

ли» и, собрав о них сведения, доложить. В результате 22 октября 1803 г. император издал указ, в котором говорилось: *«По стечению разных обстоятельств в 1799 году Греческий дивизион был уничтожен, чины же, как вышние, так и нижние, в оном служившие, поныне никуда еще не распределены. Мы, желая дать сей единоверной нации новый довод нашего покровительства и попечения о благоденствии ее, а притом изъявить тем из них, кои служили в российских войсках, наше благоволение и милость, повелеваем вместо помянутого дивизиона составить батальон под названием Одесского греческого. <...> В батальон сей поместить преимущественно греков и албанцев, в разных войнах России служивших, наипаче в бытность эскадры нашей в Средиземном море».*

Херсонский военный губернатор генерал А.Г. Розенберг поручил формирование Одесского батальона майору Евстафию Качони, определив ему штаб-квартиру в 23 верстах от Одессы на Сухом Лимане. К 18 мая 1804 г. Одесский батальон был сформирован, имея 2 штаб-офицеров, 14 обер-офицеров и всего лишь 160 нижних чинов – треть от положенного числа. В мае 1806 г. новый Херсонский военный губернатор дюк Э.О. де Ришелье докладывал Министру внутренних дел, что на отведенных землях греки построили лишь 22 домика. Большинство солдат и офицеров не желали обзаводиться хозяйством и предпочитали жить на квартирах обывателей Тираспольского уезда. При этом, став снова военными, греки не утратили прежних корсарских привычек. Так, в январе 1807 г. командир Одесского батальона майор Евстафий Качони был убит рядовым того же батальона Яни Николем[8].

Такое беспокойное соседство крайне отягощало местных жителей. В связи с этим дюк де Ришелье предложил всех одесских греков присоединить 4-й и 5-й ротами к Греческому батальону и перевести их в Балаклаву, где дела обстояли гораздо лучше. Посетивший Балаклаву судья П.И. Сумароков свидетельствовал в 1803 году, что *«в ней 60 жилищ арнаутов составляют главное место Греческого батальона, и они военные люди, управляемые своими начальниками, содержат на разных кордонах стражу»*. В ведении батальона числились 995 мужчин и 698 женщин.

Однако из-за недостатка казенной земли решение о переводе одесситов в Балаклаву задержалось. В дальнейшем наблюдается интересная тенденция. Одесский и балаклавский батальоны хронически имели 30–35 % некомплект нижних чинов. При этом число офицеров росло непомерно, составив в 1806 году 111 человек – до 20 % личного состава батальонов.

Несмотря на то, что дисциплина в батальонах по-прежнему оставляла желать лучшего, их военная подготовка считалась достаточно высокой. Адъютант дюка де Ришелье граф Л.П. Рошешуар оставил интересное описание инспекторского смотра и маневров балаклавского батальона в сентябре 1808 г.: *«Батальон насчитывал под ружьем 1100 человек. Их форма, оружие и строевая подготовка были более чем удовлетворительны, к тому же в финансовых делах царил порядок. По завершении инспекции генерал-губернатор лестно отозвался как об офицерах, так и о солдатах и обещал представить императору рапорт, в котором выразить свое удовлетворение от увиденного. Под вечер, когда инспекция была завершена, командующий греческим балаклавским батальоном со своими подчиненными устроил для нас праздник частного характера. Благодарные за доброту герцога Ришилье, <...> эти храбрецы, узнав, что этот день был днем рождения генерал-губернатора, решили отметить его традиционным для них способом. Вот что они придумали: с наступлением вечернего сумрака они пригласили герцога взойти на палубу большой лодки, стоявшей на якоре в центре порта. Как только мы разместились на большой тахте, покрытой очень богатыми*

[8] РГВИА. Ф. 13. Оп. 3/111. Св. 181. Д. 27. Л. 2.

[9] *Rochechouart L.* Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration par le general comte de Rochechouart. Paris, 1933. P.166–167. Перевод Д.И.Горшкова 2006 г.

цветными восточными тканями, мы увидели батальон в парадной форме: в очень сверху широких красных шароварах (pantalons), доходивших до низа колен, в чулках (collant) от колен до щиколоток, в украшенной мавританской (mauresque) вышивкой куртке а ля мамлюк того же зеленого оттенка, что и униформа русской пехоты; головным убором была элегантная, но несколько странная кожаная каска. По сигналу наша лодка отплыла, а весь батальон рассыпался в стрелки у подножья горы, возле которой располагался город. Открыв оживленную ружейную стрельбу, греки атаковали построенную на горе древнюю цитадель, с высоких стен которой отвечали воины, назначенные ее защищать. Живой напор этих ловких людей сопровождался потрясающими криками "Ура!". Атака была проведена очень решительно и с умом, свидетельствовавшим о прекрасном знании войны. В целом они представили нам безукоризненную картину. Линия выстрелов остановилась около крепостной стены старой генуэзской цитадели. Несмотря на живой ружейный огонь со стороны "осажденных", демонстрационный приступ был осуществлен с полным успехом. Как только батальон вскарабкался на крепостной вал, было сочтено, что цитадель пала, и громкий артиллерийский выстрел возвестил о победе»[9].

Но грекам приходилось штурмовать крепости не только на маневрах. С началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Балаклавский батальон направлили на суда Черноморского флота. Вместе с 4-м морским полком он участвовал во всех десантных операциях. Командир батальона майор Ф.Д.Ревелиоти особенно отличился во время десанта 17 октября 1810 г. у Платаны (см. стр. 156–157). Израненный турками, он был спасен гренадером 4-го морского полка. Впоследствии Ревелиоти еще 20 лет командовал Балаклавским батальоном, дослужился до чина генерал-майора и получил орден Св. Георгия 4-го класса за долгую и беспорочную офицерскую службу. Выйдя в отставку 3 февраля 1831 г., он поселился в своем имении Симеиз, положив начало развитию этого ныне знаменитого курорта.

Поскольку ежегодно содержание греческих батальонов обходилось казне, помимо льгот, свыше 100 тысяч рублей, скоро возник вопрос о дальнейшем их существовании. При этом Херсонский генерал-губернатор дюк де Ришелье отмечал, что к военному делу *«греки большую склонность и привычку имеют и любят тем тщеславиться»*. Рассмотрев данный вопрос 2 февраля 1810 г., Комитет министров решил обратить батальоны в военных поселян, исключить их из военного ведомства и передать в Министерство внутренних дел, *«по распоряжению которого греки, содержа кордонную стражу, могут с лучшею пользою употреблены быть и на другие предметы»*. Однако 9 ноября 1810 г. император принял компромиссное решение, *«чтобы означенные греческие батальоны не были исключаемы из военного ведомства, но обращены бы были в военные поселяне»* с подчинением МВД и *«в зависимости от гражданского начальства»*.

Летом 1812 г. в связи с вторжением в Россию войск Наполеона крымские татары попытались поднять мятеж. Но подполковник Ф.Д. Ревелиоти с небольшим числом греков разогнал повстанцев, а пойманных зачинщиков передал в руки судебных властей. В апреле 1814 г. к трем ротам балаклавцев добавили 4-ю роту. В 1818 году Александр I посетил Крым и провел смотр батальону, в подчинении которого к этому времени находились 1194 человека, из которых 460 несли военную службу. *«Входя в рассмотрение нужд батальона и во внимание с одной стороны к заслугам, коими батальон издавна отличается, а с другой стороны к той пользе, которую он в настоящем месте своего поселения собою приносит, содержа постоянно на берегу Черного моря кордонную стражу на значительном пространстве»*, император пожаловал грекам

Обер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона. 1830–1856 гг.

A senior commissioned officer of the Balaclava Greek infantry battalion. 1830–1856.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XXX. Лист № 1312. (ВИМАИВиВС)

15 июля 1837 г. офицерам присвоили шарфы новой формы – из широкой серебряной тесьмы с тремя продольными полосами черного и оранжевого шелка. Кроме того, 10 марта 1837 г. император установил новый образец флотского кивера (см стр. 299).

Унтер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона. 1830–1856 гг.

A warrant officer of the Balaclava Greek infantry battalion. 1830–1856.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XXX. Лист № 1311. (ВИМАИВиВС)

Такую форму греки носили четверть века практически без изменений. Лишь около 1840 г. изменился фасон кивера, который в соответствии с высочайше утвержденным 10 марта 1837 г. образцом приобрел вид усеченного конуса.

14 тысяч десятин земли в Днепровском уезде Таврической губернии, а также дополнительные льготы.

Наконец, в 1819 году решилась судьба Одесского греческого батальона, который, согласно донесению Херсонского военного губернатора графа А. Ф. Ланжерона, *«имея весьма малое число нижних чинов, не приносит для службы никакой пользы, а по несклонности одесских греков к военной службе к комплектованию оного не предвидится никакого способа»*. В результате 24 мая 1819 г. батальон был расформирован. Александр I велел офицеров и нижних чинов, *«кои способными к службе окажутся, присоединить к Греческому пехотному батальону»*, наделив землей. Прочих офицеров следовало распределить по их желанию, *«уничтожив вместе с тем и самое название Одесского греческого пехотного батальона»*. Лишь 56 человек согласились переселиться из Одессы в Крым и поступить в Балаклавский батальон. Большинство греков осталось на месте, занимаясь различными промыслами и торговлей.

В 1825 году Александр I еще раз посетил Крым. Проведя смотр Балаклавскому батальону, он остался доволен и пожаловал всем строевым офицерам и нижним чинам дополнительное годовое жалованье. Расселенные почти на 250-верстной береговой линии греки Балаклавского батальона несли кордонную стражу. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. батальон не был назначен на корабли, поскольку в полном составе потребовался для содержания карантинных кордонов против чумы вокруг Севастополя. Тем не менее, некоторые офицеры участвовали в военных действиях Черноморской эскадры. Так, штабс-капитан Л. Л. Качиони (сын Ламброса Кациониса) за храбрость при осаде Варны получил чин капитана, а подпоручик Стерио за удачный десант 7 августа 1829 г. под Инадой – орден Св. Анны 3-й степени с бантом.

В 1829–1831 гг. батальону пришлось оцеплять Севастополь, Симферополь, Бахчисарай и Карасу-базар против холеры. Обязанности начальника Карантинной цепи исполнял майор Л. Л. Качиони. Во время борьбы с эпидемией он прекрасно зарекомендовал себя и 3 февраля 1831 г. был назначен командиром Балаклавского батальона, который возглавлял почти 15 лет. В 1833 году батальон обеспечивал карантин русских войск, вернувшихся из Босфорской экспедиции (см. Главу VIII). К концу 1830-х гг. в ведении Балаклавского батальона насчитывалось 1379 человек.

14 апреля 1830 г. вместо обмундирования и амуниции, существовавших с 1797 года, Балаклавскому батальону установили новую форму одежды. Рядовые получили кивер флотского образца с медным гербом, темно-зеленую суконную куртку казачьего покроя с красным воротником, обшлагами и погонами, темно-зеленые шаровары казачьего покроя с красной выпушкой. Куртка подпоясывалась темно-зеленым кушаком уланского образца с красными выкладками по краям. Под кушак надевали черную кожаную портупею, на которой носили саблю и кобуру для пистолета. Через левое плечо на черной кожаной перевязи носили лядунку. Сабля, пистолет и ружье (по образцу албанских ружей) остались без перемен. Шинель полагалась серая с медными пуговицами, красными погонами и воротником. Обычно вместо кивера солдаты носили темно-зеленую фуражку с красными околышем и выпушкой по верху тульи. Унтер-офицеры отличались от рядовых золотым галуном на воротнике и обшлагах куртки. Офицеры имели золоченую чешую на подбородных ремнях кивера, золотые пехотные эполеты на куртке, а также серебряный кушак, темляк и нагрудный знак по образцу армейской пехоты. Обычно вместо кивера офицеры носили фуражку с козырьком, а вместо куртки – темно-зеленый сюртук на красном подбое с красным воротником,

выпушкой на обшлагах и карманных клапанах и с золочеными гладкими пуговицами.

В 1837 году Крым посетил Николай I. Император провел смотр батальону, во время которого произошел случай, сохранившийся в преданиях балаклавских греков и записанный в 1907 году А. И. Куприным:

«На смотру, подъехав на белом коне к славному Балаклавскому батальону, грозный государь, пораженный воинственным видом, огненными глазами и черными усищами балаклавцев, воскликнул громовым и радостным голосом:

– Здорово, ребята!

Но батальон молчал. Царь повторил несколько раз свое приветствие, все в более и более гневном тоне. То же молчание! Наконец совсем уже рассерженный, император наскакал на батальонного начальника и воскликнул своим ужасным голосом:

– Отчего же они, черт их побери, не отвечают? Кажется, я по-русски сказал: "Здорово, ребята!".

– Здесь нет ребяти, – ответил кротко начальник. – Здесь все капитани.

Тогда Николай I рассмеялся – что же ему оставалось еще делать? – и вновь крикнул:

– Здравствуйте, капитаны!

И храбрые листригоны весело заорали в ответ:

– Кали мера (добрый день), ваше величество!».

Николай I отметил в батальоне *«отличный порядок, устройство и знание службы»*, наградил офицеров чинами и орденами и пожаловал 20 тысяч рублей на обмундирование солдат. В мае 1842 г. две роты батальона были отправлены в Отдельный Кавказский корпус для несения постоянной службы в Новороссийске. Эти роты участвовали в экспедициях против горцев и представляли наиболее боеспособную часть батальона, фактически являясь действующими по отношению к поселенным ротам в Крыму. К 1844 году в Балаклаве и принадлежащих батальону 7 деревнях проживали 890 душ мужского пола и 675 женского, которым принадлежали более 11 тысяч десятин земли. Жизнь греков сохраняла полувоенный уклад. Вся полицейская власть находилась в руках батальонного командира. По очереди назначался дежурный по батальону офицер, который разбирал маловажные распри. Существовал также словесный суд из уважаемых стариков для разбора мелких претензий. Уголовные дела над военнослужащими решались военным судом, а над женщинами – общим гражданским.

Последний раз Балаклавскому батальону довелось участвовать в боевых действиях во время Восточной войны. Правда, ее начало оказалось для двух рот, находившихся под командованием капитана Васильева в Новороссийске, крайне неудачным. В марте – апреле 1853 г. одна рота участвовала в экспедиции против восставших шапсугов, натухайцев и убыхов. Но в связи с невозможностью удержать слабые укрепления Черноморской береговой линии от совместной атаки горцев и сильного флота союзников, весной 1854 г. все ее гарнизоны, в том числе и Новороссийск, пришлось эвакуировать. В связи с этим наказной атаман Войска Донского генерал М. Г. Хомутов, которому поручили оборону Азовского моря, решил перевезти две роты греков в Керчь, поскольку *«многие жители г. Керчи из греков изъявили готовность участвовать в защите сего города и, соединяясь с Балаклавцами, могли бы составить сильный батальон»*. Доставить роты из Новороссийска на своих судах бесплатно вызвались греческие шкиперы Николай Лазари и Константин Карвуни. 26 апреля 1854 г. обе роты в составе 8 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров и 142 рядовых погрузились на два судна и утром 27 апреля отправились из Новороссийска. Но вскоре суда попали в штиль, а в наступившем к вечеру тумане сбились с курса. Утром 28 апреля туман рассеялся, и греки увидели прямо перед со-

Рядовой Балаклавского греческого пехотного батальона. 1830–1856 гг.

A private of the Balaclava Greek infantry battalion. 1830–1856.

Раскрашенная литография из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XXX. Лист № 1310. (ВИМАИВиВС)

Отставной унтер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона Георгий Иванович Бамбука.

Georgy Ivanovich Bambuka, a retired warrant officer of the Balaclava Greek infantry battalion.

Фотография 1901 г.

За храбрость в сражениях Крымской войны награжден Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия 2-й, 3-й и 4-й степени.

бой идущую от Анапы вражескую эскадру – 2 английских и 4 французских паровых фрегата. Ситуация оказалась безвыходной. Союзники взяли роты в плен, распределили солдат и офицеров по своим пароходам и 19 мая доставили в Константинополь. Во время плавания французы относились к пленникам гораздо лучше англичан, которых они не стеснялись ругать, и даже на прощанье напоили греков вином. В Константинополе балаклавцев посадили в турецкую казарму. Англичане кормили их очень плохо, но выручали местные греческие купцы, снабжавшие пленников провиантом и даже деньгами.

Николай I узнал о потере двух рот лишь 17 мая 1854 г. и с досадой написал на рапорте: *«Крайне жаль, тем более что не было в том никакой нужды»*. Желая исправить эту случайную неудачу, император велел обменять греков на захваченную 30 апреля 1854 г. английскую команду пароходо-фрегата «Тигр», севшего на мель около Одессы. Переговоры прошли удачно, и утром 28 июня две роты Балаклавского батальона доставили в Одессу. Но генерал-адъютант Н. Н. Анненков, исполнявший должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, не спешил отправлять их в Крым, *«принимая во внимание дальнее расстояние от Одессы до Балаклавы»*, а также *«во избежание потери времени и совершения обхода в самую знойную пору»*. Анненков считал, что осенью роты можно будет спокойно переправить в Крым морем. До этого времени они стали нести службу в Одессе вместе с резервными войсками[10].

Между тем война пришла в саму Балаклаву. После высадки союзников 2–6 сентября 1854 г. под Евпаторией крымские татары подняли мятеж. Ввиду явной угрозы вражеского десанта командир Балаклавского батальона полковник М. А. Манто решил эвакуировать семьи греков в глубь полуострова. В Симферополь и Бахчисарай из Балаклавы отправились свыше 627 человек, для охраны которых пришлось выделить одну из двух находившихся в Крыму рот. В районе Байдарских ворот на греков из засады напали татары. Но солдаты батальона отбили их и довели беженцев до русских пикетов возле Ялты. Впоследствии император пожаловал семьям Балаклавского батальона, потерявшим из-за оккупации все имущество, 15 тысяч рублей.

Отправив семьи, полковник М. А. Манто вместе с другой ротой батальона решил оборонять Балаклаву, заняв развалины старой генуэзской крепости. К 80 солдатам присоединились 30 отставных греков. Утром 14 сентября 1854 г. английский авангард подошел к Балаклаве со стороны деревни Кады-Кой. Внезапно англичане были встречены огнем стрелков и гранатами из 4 медных полупудовых мортирок поручика И. К. Маркова. Удивленный этим неожиданным сопротивлением, командующий британскими войсками

Временный штат Балаклавского греческого пехотного батальона из трех рот, высочайше утвержденный 26 ноября 1854 г.

Батальонный командир		1
Ротных командиров	Капитанов	2
	Штабс-капитан	1
Поручиков		3
Подпоручиков, из числа их один адъютант		4
Прапорщиков		3
Аудитор		1
Священник		1
Лекарь		1
Фельдшер		1
Фельдфебелей		3
Унтер-офицеров		36
Рядовых		390
Всего:		**447**

лорд Раглан приказал развернуться легкой дивизии. Через час генерал Джордж Браун построил свои батальоны и, выдвинув артиллерию, открыл канонаду по крепости. Одновременно с моря напротив Балаклавы выстроились около 20 британских судов, начавших бомбардировку. Поручик Марков отвечал им, пока не кончились заряды. Несколько часов продолжался этот неравный бой. После того, как русская батарея смолкла, англичане бросились в атаку и водрузили на развалинах крепости свое знамя. Раненый полковник Манто, 6 офицеров и около 60 израненных солдат были взяты в плен. 1 офицер и 2 солдата смогли спастись. Захваченного командира роты капитана С. М. Стамати представили союзным генералам. На их вопрос – неужели он надеялся с горстью своих людей остановить целую армию – Стамати ответил: *«Безусловной сдачей я навлек бы на себя и гнев моего начальства, и ваше презрение. Теперь же совесть моя спокойна, потому что я выполнил мой долг до конца»*. Этот достойный ответ вызвал уважение союзников и стал широко известен. Пленных греков отвезли в Константинополь, а затем в Плимут.

8 ноября 1854 г. генерал-адъютант Н. Н. Анненков отправил две роты майора Васильева из Одессы в Симферополь. 13 ноября в Крым прибыли 6 обер-офицеров и 147 нижних чинов Балаклавского батальона. В связи с этим перемещением Николай I приказал 15 ноября главнокомандующему сухопутными и морскими силами в Крыму светлейшему князю А. С. Меншикову *«из 2 рот Балаклавского греческого батальона, направленных из Одессы в Симферополь, и 1 роты того же батальона, вышедшей из Балаклавы при занятии сего города неприятелем, составить батальон и вооружить оный нарезными ружьями, доставшимися нам от неприятеля»*. 26 ноября 1854 г. по представлению Меншикова император разрешил *«в виде временной меры определить для Балаклавского греческого пехотного батальона вместо четырехротного трехротный состав»*. Однако вооружить греков трофейными

[10] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21532. Л. 1–26.

[11] Там же. Л. 46.

[12] Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000. С.127, 212, 245.

[13] Объявлено приказом Военного министра от 29 декабря 1856 г. № 307.

штуцерами и нарезными ружьями не удалось, поскольку в наличии таковых не оказалось. В результате им выдали русские ружья, оставшиеся в госпиталях от умерших егерей.

23 декабря 1854 г. князь Меншиков, *«имея в виду, что чины Балаклавского греческого батальона известны своей преданностью к Правительству, знают хорошо местность и татарский язык, приказать изволил направить их для охранения южного берега, расположив одну роту помянутого батальона в Ялте и одну роту в Алуште, чтобы таким образом они составляли сильные резервы для пограничной стражи и затрудняли приближение неприятельских судов к берегам, а в случае невозможности долее держаться против неприятеля отступили бы к Симферополю, стараясь портить за собой дороги»*[11].

Помимо ротной службы некоторые рядовые и унтер-офицеры Балаклавского батальона участвовали в обороне Севастополя и в неудачном сражении на Черной речке 4 августа 1855 г.[12] В боях особенно прославился унтер-офицер Георгий Иванович Бамбука. 18-летним юношей он находился 14 сентября 1854 г. в гарнизоне Балаклавы и после героической обороны смог спастись. Затем Бамбука участвовал в Балаклавском, Инкерманском и Черноречeнском сражениях, получил контузию и за храбрость был награжден Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия (Георгиевскими крестами) 2-й, 3-й и 4-й степени.

С завершением войны капитан С.М. Стамати принял 30 июня 1856 г. Балаклаву от покидающих Крым англичан. Греки стали возвращаться к нормальной жизни. В августе 1856 г. из английского плена вернулись 58 солдат батальона под командованием подпоручика Папахристо. 20 июля 1856 г. по представлению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова Балаклавский батальон снова вернули в мирный четырехротный состав. Одну из его рот выделили в распоряжение жандармского начальства для разбора и высылки нескольких сотен разноплеменных людей, оставшихся после эвакуации союзников в их лагерях в Камыше и Балаклаве. Греки охраняли местное население от бесчинств этих бродяг, но в свою очередь жестоко мстили крымским татарам. Кроме того, Балаклавскому батальону поручили охрану 52 кладбищ, оставленных союзниками на его землях. Летом 1857 г. разгорелся международный скандал из-за разрушения французскими купцами могилы английского капитана Паттена во время раскопок, санкционированных командиром батальона полковником М.А. Манто и проходивших в присутствии прапорщика Ксирихи. Посланный для расследования этого факта флигель-адъютант капитан 1 ранга князь М.П. Голицын предложил отдать под суд Манто, а также майора Маландраки, через которого англичане узнали все подробности происшествия. Но Александр II ограничился строгим выговором прапорщику Ксирихи и замечанием полковнику Манто *«за недонесение непосредственному своему начальству о разрытии могилы»*. Однако этот инцидент не исправил общей ситуации с содержанием многочисленных кладбищ. Батальон не имел ни людей, ни средств, а главное желания для их охраны от местного населения и мародеров. Греки еще не забыли тягот оккупации и были оскорблены разрушением союзниками церкви в деревне Комары. Татары же вообще не испытывали почтения к христианским могилам. В итоге проблему кладбищ так до конца решить и не удалось. Они медленно, но верно разрушались.

20 декабря 1856 г. Александр II утвердил для Балаклавского батальона новое обмундирование по образцу пеших батальонов казачьих войск[13]. Неудобный кивер заменила черная овчинная папаха с полукруглой макушкой из красного сукна. Спереди папахи крепилась овальная кокарда.

Рядовой и обер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона. 1857–1859 гг.

A private and a senior commissioned officer of the Balaclava Greek infantry battalion. 1857–1859.

Литография фирмы Лемерсье по рисунку К.К. Пиратского. 1861 г. («Перемены в обмундировании и вооружении войск российской императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича». Лист № 270)

Грек и арнаут.

A Greek and an Arnaut.

Хромолитография из альбома Г.-Ф.Х.Паули «Народы России». СПб., 1862 г. (РГБИ)

Кроме папахи солдаты могли носить темно-зеленую фуражку с красным околышем и выпушкой по тулье. На околыше просекался номер роты из желтого сукна: «1. Р.» и т.д. Вместо прежней куртки солдатам полагался однобортный темно-зеленый полукафтан на крючках с красной выпушкой по закругленному невысокому воротнику и прямым обшлагам. На воротнике нашивались прямоугольные красные клапаны. К плечам полукафтана медными гладкими пуговицами пристегивались красные погоны с желтыми просечными литерами «Б.Г.» (Балаклавский греческий). Унтер-офицеры нашивали над обшлагами угол вершиной вверх из золотого армейского галуна, а фельдфебели – два угла[11]. Летние длинные шаровары поверх сапог полагались из белого полотна, а зимние – темно-зеленые суконные с красной выпушкой по боковому шву. На походе шаровары заправляли в черные сапоги с длинными голенищами. Однобортная шинель из серого сукна имела на сером воротнике красную выпушку и клапаны[12]. Полукафтан и шинель подпоясывались черной глянцевой портупеей с вороненой прямоугольной бляхой и лопастью для штыка. Через левое плечо на черном сыромятном ремне носили черный юфтевый патронташ для 40 патронов. Ружье полагалось обычное пехотное со штыком и черным погонным ремнем. Дополнял амуницию черный кожаный ранец с плечевыми ремнями и котелком.

Барабанщики и горнисты имели на полукафтанах красные наплечники, расшитые белой тесьмой. Вместо штыковой лопасти они носили на поясной портупее с левой стороны чушку казачьего образца с пистолетом в темно-зеленом чехле, а с правой стороны черный юфтевый патронташ на 12 патронов. Шейный шнур к револьверу полагался из красной шерсти. Барабаны и сигнальные рожки пехотных образцов носили на черных перевязях из глянцевой кожи.

У офицеров красный суконный верх папахи вокруг и накрест обшивался золотым галуном. Фуражка имела черный козырек и вместо номера роты на околыше – офицерскую кокарду. На каждом красном клапане воротника нашивалась петлица из золотого галуна и по две таких же петлицы на обшлагах. У штаб-офицеров по верхнему краю воротника и обшлагов дополнительно шел золотой гусарский галун с зигзагообразным узором. Погоны полагались с красным подбоем и просветами и с золотым галунным полем, на котором золотой канителью вышивались литеры «Б.Г.». В марте 1857 г. офицерам разрешили также носить на полукафтане золотые эполеты с красным суконным полем и вышитой на нем шифровкой. Полукафтан подпоясывался серебряным офицерским шарфом или вне строя красным шелковым кушаком. Через правое плечо на черной сафьяновой портупее, обшитой золотым галуном, офицеры носили казачью шашку с серебряным темляком. Кроме того, в строю офицерам полагалось иметь с левой стороны на ремне под шарфом черную сафьяновую чушку с пистолетом в темно-зеленом суконном чехле, расшитом золотым галуном. Пистолетный шнур был серебряный с примесью черного и оранжевого шелка. При этом через левое плечо на черной сафьяновой перевязи, обшитой золотым галуном, носили черный сафьяновый патронташ. Для верховых офицеров при казачьем седле полагался темно-зеленый вальтрап с красным лампасом вдоль края.

Однако новую форму греки носили недолго. Уже 21 октября 1859 г. Александр II велел Балаклавский греческий пехотный батальон *«упразднить и всех состоящих в нем чинов освободить от обязанности нести военную службу»*. Офицеры имели право в течение двух лет перейти в армейские и гарнизонные войска. Некоторые из них (Ф.Г.Салти, Ф.Г.Семиоти) поступили в местную пограничную стражу. Прочие офицеры и солдаты были уволены в отставку, получив землю в полную собственность. Многие из них стали впоследствии богатыми купцами.

[11] 12 марта 1857 г. у унтер-офицеров и 15 апреля 1858 г. у фельдфебелей нарукавные галуны были отменены, и вместо них по-прежнему велено нашивать один ряд золотого галуна по верхнему краю воротника и обшлагов полукафтана.

[12] 24 марта 1858 г. был установлен новый образец шинели – двубортный, с красными клапанами на отложном воротнике. Но, вероятно, в Балаклавском батальоне такие шинели получить не успели.

Глава V.

Времена Павла I 1796–1801 гг.

Реформа морской пехоты в 1796–1798 гг.

Библиография и источники:

Устав Военного флота. СПб., 1797.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. СПб., 1830.

Книга Высочайших приказов за 1798 год. СПб., 1798.

Штат одного флотского батальона, который состоит из одной гренадерской и пяти фузелерных рот. // Штаты Российских флотов, содержащихся на Балтийском, Черноморском и Каспийском морях. СПб., 1 января 1798 г.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Император Павел I.

Emperor Pavel I.

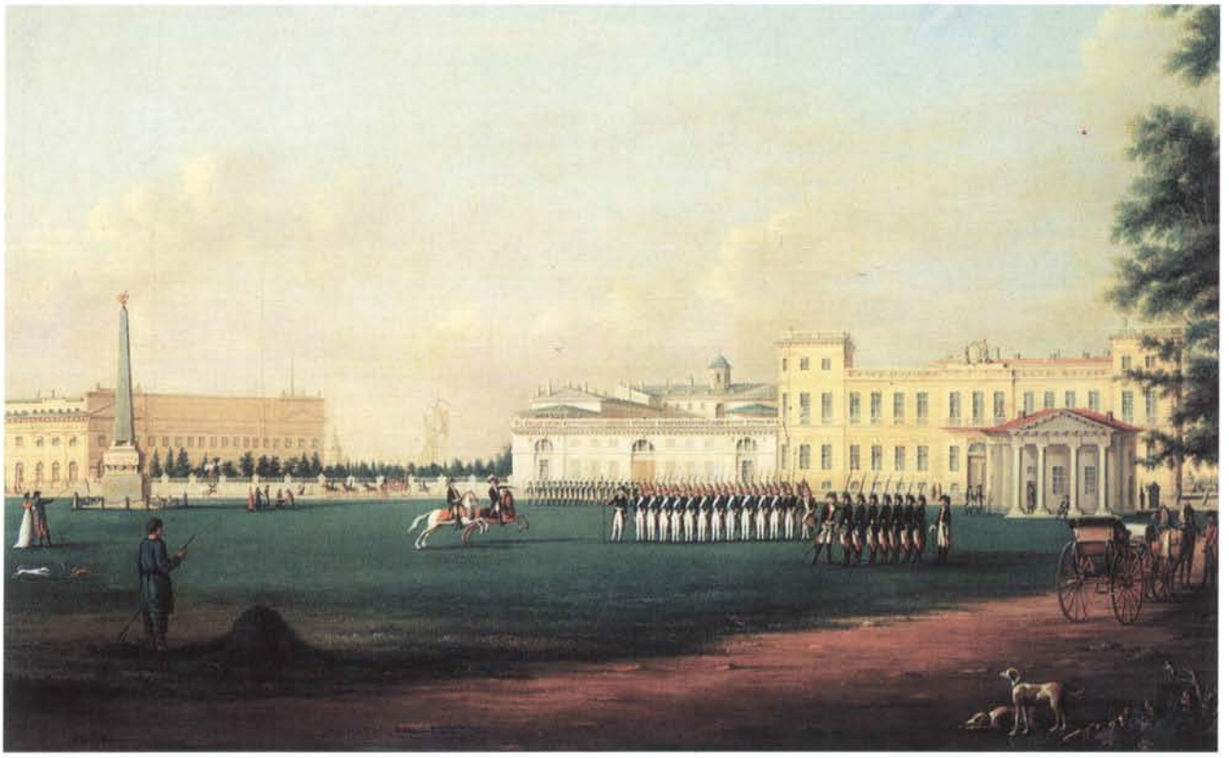
Портрет кисти С.С.Щукина. 1797 г. (ГЭ)

Недолгое царствование Павла I ознаменовалось коренной ломкой всех прежних екатерининских порядков. В том числе реформы коснулись и морских батальонов, переименованных теперь во флотские. Уже 13 ноября 1796 г. 1-й и 2-й морские полки и Черноморский гренадерский корпус император велел передать в ведение Адмиралтейств-коллегии, в связи с чем в январе 1797 г. их разбили по образцу корабельных солдат на 4 отдельных батальона при Балтийском гребном флоте и столько же батальонов при Черноморском гребном флоте. В соответствии с заведенным Павлом I порядком эти 8 новых батальонов назывались по именам своих командиров. Прежним 2 адмиралтейским и 8 флотским батальонам Балтийского флота император 17 ноября 1796 г. повелел *«быть всем гренадерским»*.

25 февраля 1797 г. вместо старого петровского морского устава 1720/1724 года был издан новый «Устав военного флота». В нем со свойственной Павлу педантичностью подробно расписывались все обязанности морских солдат и офицеров. Во время сражения кораблей на дальней дистанции солдаты флотских батальонов придавались расчетам палубных пушек. При сближении на расстояние ружейного выстрела по команде *«Временные от пушек служители отделитесь по своим местам!»* солдаты с личным оружием занимали места по расписанию на баке, шкафутах, юте, грот-марсе, фор-марсе, бизань-марсе и на шканцах. Дополнительно на марсах размещались *«корабельные егеря»* из юнг, обученных прицельной стрельбе в береговых училищах. Для абордажного боя Устав предписывал заранее готовить на корабле партии по 25 человек, *«состоящие из храбрых, проворных и расторопных матросов и солдат»*. Причем передовая партия набиралась только из матросов, а резервная – *«из гренадеров; а когда их не будет, то из лучших мушкетеров»* (глава IV части IV Устава). Вооружение абордажных партий кроме солдатских ружей со штыками и шпаг состояло из абордажных палашей, пистолетов, мушкетонов (карабинов с раструбом ствола для стрельбы картечью), абордажных пик, интрепелей (абордажных боевых топоров), а также ручных гранат с фитильными запалами.

Офицеры флотских батальонов в мирное время проводили учения солдатских команд с ружейной стрельбой, а также обучали их быстрому и организованному передвижению по кораблю. Кроме того, офицеры отвечали за содержание караулов на борту, а также надзирали за своими солдатами, их боеприпасами и оружием (глава VII части II Устава). Многосложные обязанности батальонного командира расписывались в главе IX части I Устава. Причем при высадке десанта на берег, *«когда других старших береговых начальников не случится»*, на него возлагалось общее командование *«солдатскими батальонами; и тогда он обязан уже во всем поступать по Сухопутному уставу»*. Последнее, правда, несколько осложнялось отменой по высочайшему повелению 5 июня 1797 г. во флотских батальонах знамен, а также упразднением батальонных шефов и музыкантских команд.

Введение нового Устава сопровождалось грандиозной военно-морской реформой. 1 января 1798 г. император утвердил новые штаты российских флотов, ставшие судьбоносными для гребных батальонов. *«Как для приведения*



Марсово поле с обелиском «Румянцева победам».

Marsovo Pole with the In Commemoration of Rumyantsev's Victories monument.

Картина кисти И.-Г.Майера. Около 1800 г. (ГРМ)

гребных флотов Балтийского и Черноморского в движение весьма было недостаточно тех баталионов, которые считались под именем гребных», то их решили совсем упразднить, *«а на случай надобности к содействию гребными флотами при выходе их в море сухопутные войска заимствовать из армии»*. В соответствии с этим 4 батальона Балтийского гребного флота (из бывших 1-го и 2-го морских полков) и 4 батальона Черноморского гребного флота (из бывшего Черноморского корпуса) поступили в гарнизонную пехоту. На Балтийском море батальоны генерал-майора Болотникова, подполковника Демидова и подполковника Бушена составили гарнизонный полк генерал-майора Болотникова в Роченсальме, а батальон полковника Горожанского присоединили к гарнизонному полку генерал-майора Беклешова в Кронштадте. На Черном море батальоны подполковника Ечлювлева и майора Перскова составили гарнизонный полк генерал-майора Чирикова в Севастополе, батальон подполковника Кобла развернули в гарнизонный полк полковника Вяземского в Николаеве, а батальон майора Люберха поступил на укомплектование прочих. Так завершилась история морских батальонов российского гребного флота.

Вместе с гребными упразднили и 3 адмиралтейских батальона (2 на Балтике и 1 на Черном море). *«Вместо адмиралтейских батальонов, которые для Адмиралтейств-коллегии ни мало не нужны, ибо она сообразно с изданными узаконениями офицеров из оных ни в какие комиссии послать не может»*, император велел *«учредить две команды военных служителей, а с ними комиссионеров для посылок к заготовлению провианта, провизии, лесов и других надобностей»*. Из личного состава упраздняемых батальонов были сформированы комиссионерная военная команда для Санкт-Петербургского Адмиралтейства (2 подполковника, 4 майора, 6 капитанов, 6 поручиков, 6 подпоручиков, 30 унтер-офицеров, 500 служителей и 44 денщика; всего 598 человек) и меньшая военная команда для Черноморского Адмиралтейства (1 подполковник, 2 майора, 4 капитана, 4 поручика, 4 подпоручика, 18 унтер-офицеров, 400 служителей и 26 денщиков; всего 459 человек).

Одновременно с этими сокращениями на Балтике увеличили число флотских батальонов. По новому расписанию Балтийский флот состоял из трех дивизий по три эскадры, для каждой из которых полагался свой батальон. Таким образом, вместо прежних 8 флотских батальонов теперь их требовалось 9. В связи с этим 4-й и 5-й батальоны, находившиеся в Ревеле, выделили необходимое число солдат для формирования нового 6-го батальона, а прежний 6-й, располагавшийся в Кронштадте, был переименован в 9-й. В связи с переводом на гренадерское положение каждый флотский батальон включал теперь 1 гренадерскую роту (флигель-роту) и 5 фузелерных и насчитывал 1072 человека. Общая же штатная численность балтийской морской пехоты составляла 9738 человек.

Завершив реформу, император 6 ноября 1798 г. издал приказ: *«Усмотрено, что Морские баталионы именуются еще нумерами, то сим подтверждаю, чтоб им называться именами командиров оных»*. В результате на Балтике мор-

Штат флотского батальона из 1 гренадерской и 5 фузелерных рот, высочайше утвержденный 1 января 1798 г.

Полковник	1	Унтер-офицеров	59
Ему денщиков	6	Гренадер	138
Подполковник	1	Фузелеров	690
Ему денщиков	4	Сверхкомплектных	72
Майор	1	Фрунтовых мастеровых	6
Ему денщиков	3	Батальонный барабанщик	1
Капитанов	4	Ротных барабанщиков	18
Им денщиков по 2	8	Флейтщиков	2
Штабс-капитанов	2	Батальонный квартирмейстер	1
Им денщиков по 2	4	Ему денщиков	1
Поручиков	6	Аудитор	1
Им денщиков по 1	6	Ему денщиков	1
Подпоручиков*	8	Подлекарь	1
Им денщиков по 1	8	Цирюльников	6
Прапорщиков	5	Ложник	1
Им денщиков по 1	5	Слесарей	2
* Из них 1 батальонный адъютант		**Всего:**	**1072**

ская пехота распределяилась по флотским дивизиям следующим образом: **в дивизии «Белого флага»** – батальоны майора Жегалова, майора Салтыкова и подполковника Герценберга; **в дивизии «Красного флага»** – батальоны майора Чаплина 1-го, майора Чаплина 2-го и майора Стрельникова; **в дивизии «Синего флага»** – батальоны майора Горохова, майора Еремеева и майора Качалова.

Черноморский флот свели всего в одну дивизию трехэскадренного состава. Соответственно количество батальонов осталось прежним – три батальона (подполковника Скипора, майора Буаселя и майора Бриммера) штатной численностью 3216 человек.

Для солдатской команды Каспийской флотилии в Астрахани император утвердил особый штат: 1 поручик, 1 подпоручик, 10 унтер-офицеров, 70 рядовых и 2 денщика.

Средиземноморский поход российского флота под командованием Ф.Ф.Ушакова. 1798–1800 гг.

В 1796–1797 гг. французские войска оккупировали Италию, а также захватили Ионические острова. В марте 1798 г. в войну с Францией вступила Россия, направившая 13 августа 1798 г. из Севастополя в Средиземное море Черноморскую эскадру вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова. На ее кораблях разместилась солдатская команда из всех трех черноморских батальонов общей численностью 37 офицеров и 1663 нижних чина.

Выйдя 14 сентября из Дарданелл, эскадра Ушакова вместе с союзным турецким флотом направилась к Ионическим островам. Первым на их пути оказался остров Цериго, самый южный в Архипелаге. Его защищал небольшой гарнизон, базировавшийся в двух крепостях. 24 сентября Ушаков отправил к Цериго 2 фрегата капитан-лейтенанта И.А.Шостака. Обстреляв 28 сентября крепость Сан-Николо, Шостак высадил десант. Французы, не выдержав огня, спустили флаг, оставили укрепления и двинулись к крепости Капсалион. Преследуя неприятеля, морские солдаты захватили в плен 15 человек. 30 сентября к Цериго подошла вся эскадра Ушакова. Адмирал приказал высадить дополнительный десант (300 русских солдат и матросов и 250 турок), поручив общее командование на берегу капитану Никонову. 1 октября десантные отряды подошли к крепости и изготовились для атаки. Но в последний момент французы выкинули белый флаг и сдались. За эту первую победу Павел I щедро наградил морские батальоны. Капитан Никонов получил орден Св. Анны 2-й степени, 8 офицеров – тот же орден 3-й степени, а 266 нижних чинов всех батальонов – солдатский знак отличия ордена Св. Анны.

13 октября эскадра Ушакова подошла к острову Занте. Корабельная артиллерия загнала французов в крепость, после чего на берег высадились 350 солдат и матросов. Французский комендант полковник Люкас гордо отверг предложение о сдаче. Тогда морской десант приготовился к ночному штурму. Но в последний момент явился переодетый в гражданское платье Люкас с просьбой о капитуляции. Утром 14 октября гарнизон – 441 человек, в том числе 47 офицеров, – сдался. Через три дня, 17 октября, отряд капитана 2 ранга И.С.Поскочина захватил самый крупный ионический остров Кефаллонию, пленив высаженным десантом около 200 человек французского гарнизона. Командовавший ими бригадный генерал, 11 офицеров и 38 солдат бежали на лодках на соседний остров Св. Мавры. Но здесь их схватили вооруженные греки, ненавидевшие французов, и доставили на блокировавшие остров корабли капитана 1 ранга Д.Н.Сенявина. Сенявин как раз готовился к штурму цитадели острова, в которой засели 546 французов. Но имея лишь около 300 морских солдат, он ждал помо-

Библиография и источники:

Материалы к истории русского флота. Т. XVI. СПб., 1902.

Ф.Ф.Ушаков. Сборник документов. Т. II. М., 1952.

Висковатов А.В. Действия русского отряда при атаке Генуэзских укреплений. СПб., 1827.

Метакса Е.П. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Знак отличия ордена Св. Анны.

St. Anne's Medal.

Позолоченное серебро. (Из собрания фирмы. «Монеты и медали», г.Москва)

Первоначально таким знаком на ленте ордена Св.Анны награждали унтер-офицеров и солдат за 20 лет беспорочной службы. Но во время экспедиции Ф.Ф.Ушакова Анненской медалью стали награждать и за боевые отличия.

Проход эскадры Ф.Ф.Ушакова 25 августа 1798 г. мимо Константинополя при выходе из Босфорского пролива.

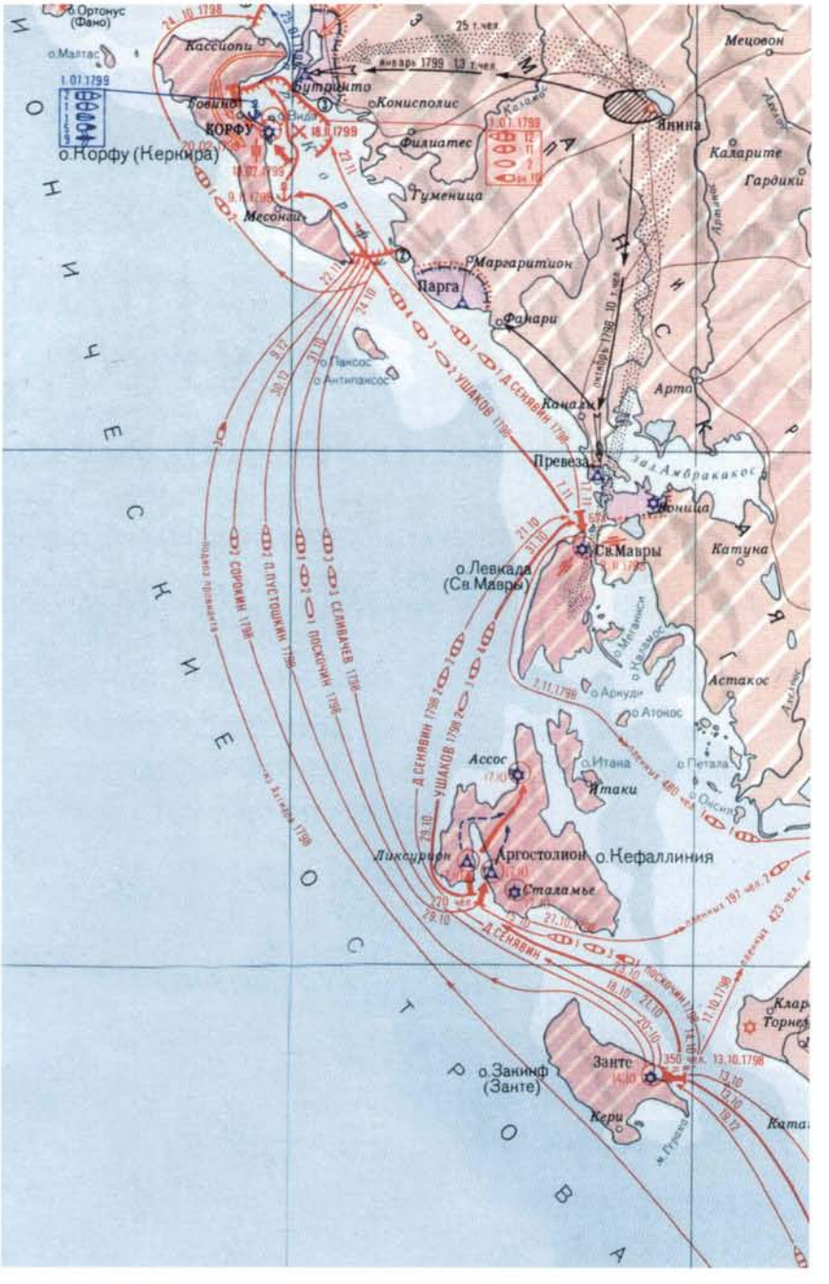
F.F. Ushakov's squadron passing by Constantinople on 25 August 1798, exiting the Bosporus Strait.

Акварель художника М.М.Иванова. 1798 г. (ГРМ)

щи от главных сил Ушакова. Пока же солдаты и моряки построили береговые батареи, которые своим огнем вызвали в крепости серьезные пожары. Ночью 29 октября гарнизон сделал вылазку на батареи, но был отбит с уроном. 31 октября к острову Св. Мавры подошли корабли Ушакова, высадившие дополнительный десант, и 3 ноября французы капитулировали. Русским сдались 512 человек, в том числе 46 офицеров. Победителям достались 2 знамени, 59 пушек, месячный запас провианта и боевые припасы.

9 ноября 1798 г. соединенный русско-турецкий флот подошел к острову Корфу – главной французской базе в восточной части Средиземноморья. Над портом возвышалась мощная крепость с фортами и цитаделью. Рейд прикрывали сильные батареи на острове Видо. Французский гарнизон составляла 79-я пехотная полубригада, рота сапер и разные команды общей численностью более 3 тысяч человек. В бухте стояли два линейных корабля, фрегат и множество мелких судов, готовых поддержать защитников крепости. Губернатор Ионических островов дивизионный генерал Л.Ф.Ж.Шабо был полон решимости обороняться.

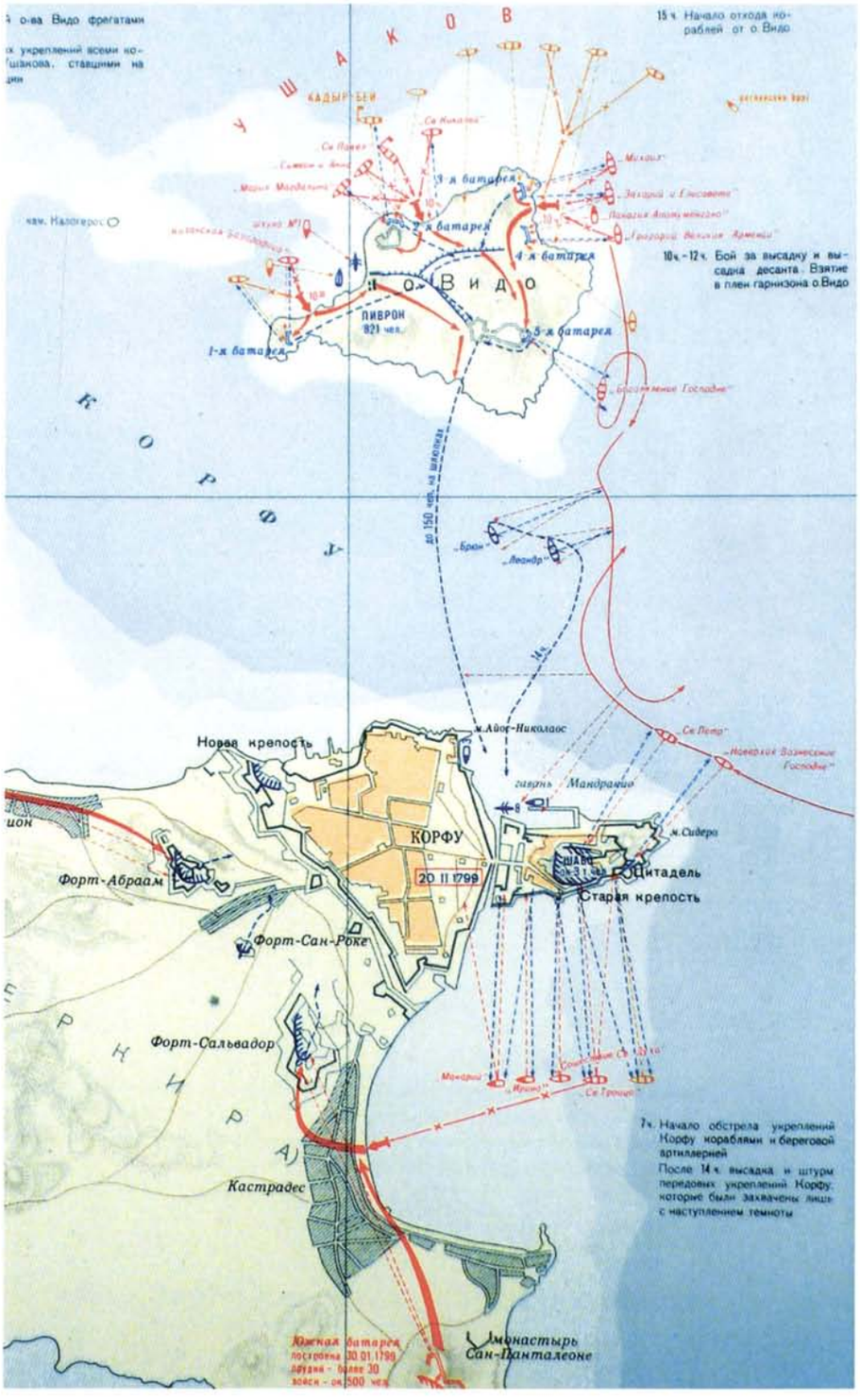
Внимательно изучив обстановку, Ушаков начал действовать. 13 ноября севернее Корфу высадились 128 солдат из батальона Бриммера под командованием капитана Кикина. Они захватили



Карта боевых действий эскадры Ф.Ф.Ушакова у Ионических островов.

Map depicting the combat operations by F.F. Ushakov's squadron in the vicinity of the Ionic Islands.

(Морской атлас. Т. III. М., 1958. Фрагмент)



Карта штурма острова Видо и крепости Корфу 18 февраля 1799 г.

Map showing the assault of the Vido Island and Corfu fortress on 18 February 1799.

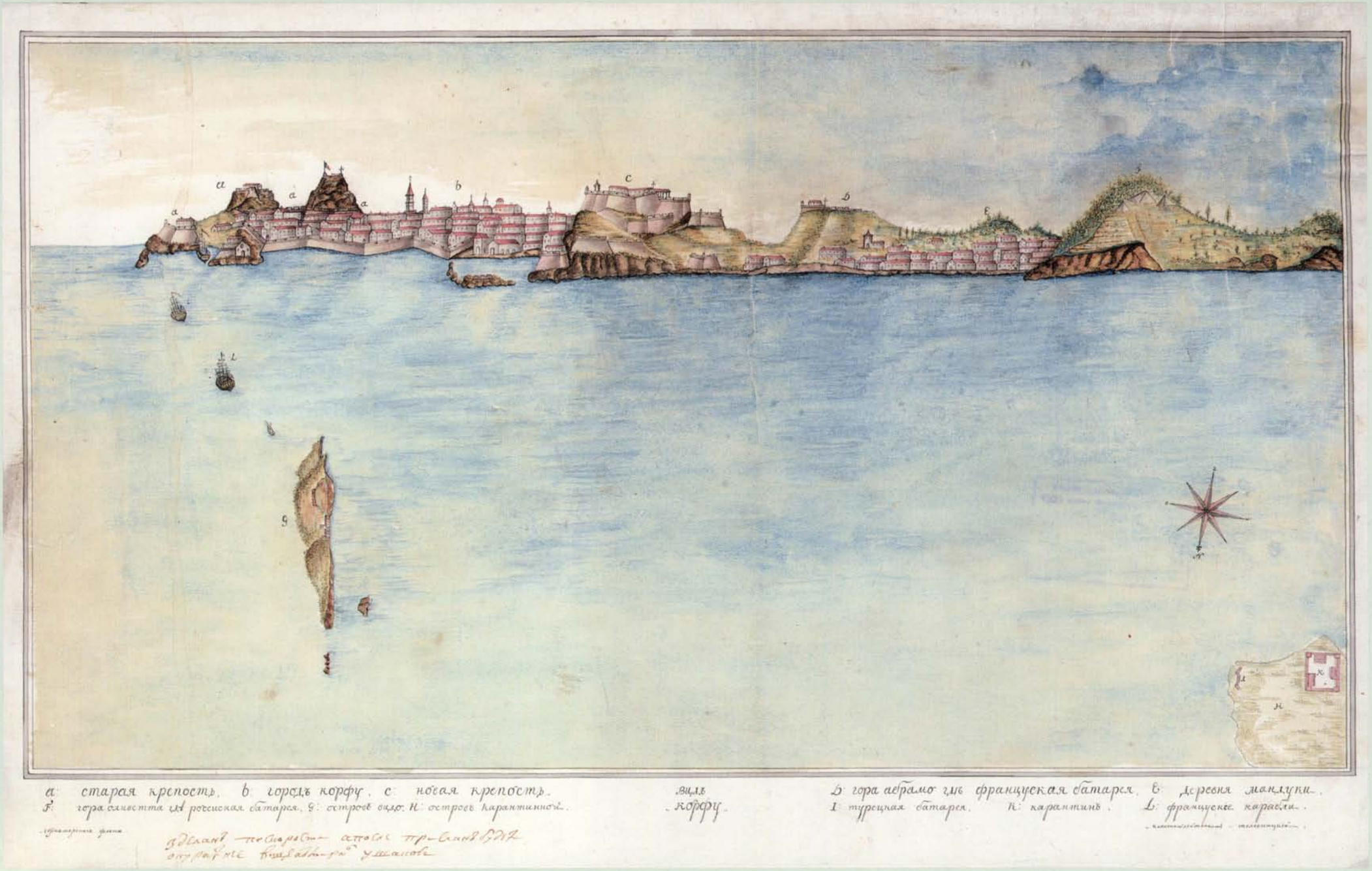
(Морской атлас. Т. III. М., 1958)

небольшой портовый городок Гуино и напротив форта Сан-Авраам построили батарею из 9 орудий. С 17 ноября русская артиллерия начала тревожить французов. Для защиты батареи эскадра высадила еще полторы сотни морских гренадер и солдат, так что на берегу насчитывалось уже 309 военнослужащих морских батальонов и 200 турок. 18 ноября южнее Корфу высадился поручик Контарино с небольшим отрядом – 19 фузелеров из батальона Буаселя и 6 морских канониров. С помощью греческих добровольцев они быстро построили батарею и открыли огонь из 3 орудий.

Активные действия русских заставили французов принять ответные меры. 20 ноября гарнизон сделал сильную вылазку на южную батарею. Пользуясь подавляющим превосходством, французы сломили сопротивление и захватили пушки. Поручик Контарино и 17 солдат попали в плен. Нескольких греческих ополченцев тут же расстреляли на месте. Ободренный успехом генерал Шабо повел свой отряд (около 1000 чел.) на штурм северной батареи. Однако тут их встретили картечным огнем. Французы замешкались, отступили, но, перестроившись, снова двинулись в атаку. Упорный бой длился до вечера. В конце концов, морские гренадеры, возглавляемые капитаном Кикиным, дали дружный залп, ударом в штыки опрокинули французов и загнали их обратно в крепость. На этой вылазке только убитыми враг потерял около 100 человек. С русской стороны погиб 31 человек (из них 2 унтер-офицера и 26 солдат флотских батальонов), 72 получили ранения (в том числе 2 офицера, 4 унтер-офицера и 62 солдата флотских батальонов). Особенно отличился в бою капитан Кикин из батальона Бриммера. Дважды раненый – пулей и штыком – он не покинул сражения и добился победы. На следующий день стороны обменялись пленными. Поручик Контарино и его морские солдаты вернулись в русский лагерь.

После отражения вылазки гарнизон Корфу не предпринимал новых атак. Но было ясно, что французы еще очень сильны. Особенно не хватало русским морской пехоты. *«Если бы я имел со мною один только полк российского сухопутного войска для десанта,* – писал Ушаков в Петербург, – *непременно надеялся бы я Корфу взять».* Пока же приходилось довольствоваться имевшимися батальонами и вести осаду. Наконец, в декабре 1798 г. у Корфу под командованием Ушакова собрались все отряды, крейсировавшие в регионе, – контр-адмирала П. В. Пустошкина, капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина, капитана 2 ранга А. А. Сорокина. Численность осадных войск возросла, и Ушаков решился на штурм.

Сначала предстояло захватить укрепления острова Видо. Десант возглавили подполковник Скипора и майор Буасель. С ними шли 730 солдат и гренадеров морских батальонов, 610 матросов и 68 артиллеристов. Начальник турецкой эскадры Кадыр-бей прислал еще 750 человек. Утром 18 февраля 1799 г. корабельная артиллерия подавила французские батареи, после чего на берег с трех сторон высадились десанты и двинулись вглубь острова. Среди французов началась паника. Они бросились к противоположной части острова и на лодках попытались переплыть пролив, разъединяющий Видо и Корфу. Но тут их встретили корабль «Святой Петр» и фрегат «Навархия», которые артиллерийским огнем потопили два переполненных баркаса. Видя бесполезность сопротивления, французы начали сдаваться.



Вид Корфу, выполненный в феврале 1799 г. историографом флота на эскадре вице-адмирала Ф.Ф.Ушакова капитан-лейтенантом С.М.Телесницким.

A view of Corfu drawn in February 1799 by Navy Lieutenant S.M. Telesnitsky, a naval historiographer with the squadron led by Vice-Adm. F.F. Ushakov.

(РГАДА)

Этот план был приложен к посланной в Петербург реляции о взятии Корфу. В левом углу самим Ф.Ф.Ушаковым приписано: «Зделан по скорости а после прислан будет окуратнее вице адмирал Ушаков».

Копия золотой медали, поднесенной 6 июля 1800 г. адмиралу Ф.Ф.Ушакову сенатом Республики семи соединенных островов.

A copy of the golden medal awarded to Adm. F.F. Ushakov by the senate of the republic of Seven United Islands on 6 July 1800.

(ЦВММ)

На аверсе вокруг портрета адмирала помещена греческая надпись: «Российский адмирал доблестный благочестивый Федор Ушаков 1800». На реверсе в центре изображены русские корабли перед островом Видо и укреплениями Корфу, а вдоль края расположена греческая надпись: «Избавителю всех Ионических островов. Кефалония». В апреле – мае 1799 г. на освобожденных от французов Ионических островах под протекторатом России и Турции была создана греческая Республика семи соединенных островов с центром в Корфу. Республика существовала до августа 1807 г., когда по Тильзитскому миру Ионические острова пришлось передать Франции (см. стр. 147).

В этот момент разыгралась кровавая драма. Турки по старой традиции бросились с ятаганами рубить головы пленным. Обычно за такие трофеи в турецких войсках выдавалась денежная награда. Зная это, Ушаков еще перед началом штурма предупредил Кадыр-бея о недопустимости подобных мер. Тот действительно запретил расправу и велел платить только за живых пленников. Но старые традиции оказались сильнее. Тогда майор Гамен из батальона Бриммера построил своих солдат в каре, внутри которого спрятал французов от расправы *«и приказал стрелять по туркам, которые бы дерзнули силою отнять хоть одного пленного»*. Теперь морским пехотинцам пришлось спасать своих недавних врагов. Майор Соколов, отдав туркам часы, выкупил адъютанта генерала Вердье. Сам комендант острова Видо бригадный генерал Пиврон спрятался от турок в перевернутой бочке. Увидев русских офицеров, он бросился к ним, умоляя спасти его от гибели. Из 800 человек гарнизона 20 офицеров и 422 солдата попали в плен. Остальные погибли. Русские потеряли 9 человек убитыми и 28 ранеными. Турки имели 8 убитых и 7 раненых.

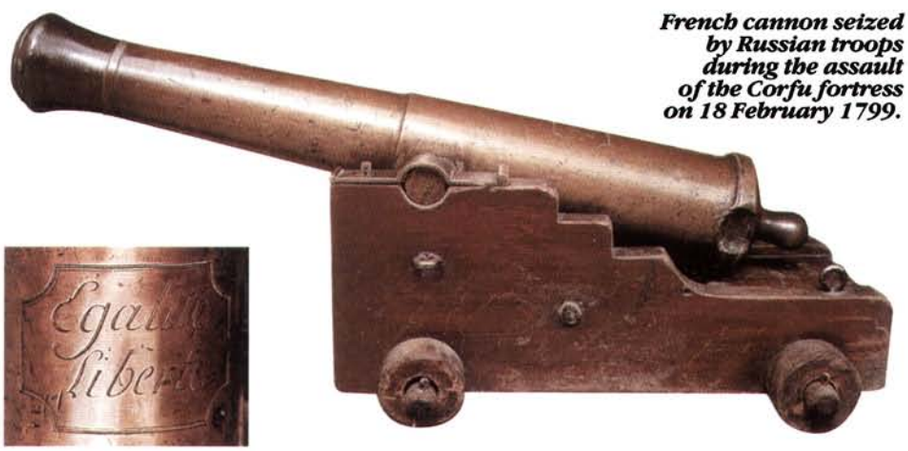
Одновременно с атакой острова Видо начался штурм укреплений Корфу. Отряд бесстрашного капитана Кикина – 363 морских солдата, 108 матросов и канониров, 15 албанских добровольцев – двинулся с южной батареи на форт Сан-Сальвадоре. Но первый приступ французы отбили, поскольку турки отказались идти в бой, а русских сил оказалось явно недостаточно. Тогда Ушаков срочно высадил дополнительный десант. Около 500 морских солдат и матросов снова пошли в атаку. При помощи фашин и лестниц они преодолели рвы, овладели передовым укреплением и на плечах отступающих французов ворвались в форт.

С северной батареи отряд капитана Дмитриева – 214 морских солдат, 46 матросов и артиллеристов, 136 албанских ополченцев – атаковал форт Сан-Авраам и после жестокого боя захватил его. Развивая успех, Дмитриев заставил французов оставить и другое мощное укрепление – форт Сан-Роко, загнав неприятеля в крепость. Участник штурма офицер Е.П. Метакса писал: *«Русские отряды бросились к Святому Року с величайшим стремлением; французы открыли по ним сильный ружейный огонь, кидали гранаты и картечи, но матросы наши успели спуститься в ров и добежать до самых стен, ставили неустрашимо лестницы: турки и часть албанцев, удивленные мужеством русских, особенно храбростью наших офицеров, шедших везде впереди войск на приступ, сами последовали за ними»*. Русские корабли, беспрепятственно вошедшие на рейд после падения Видо, обрушили на крепость сильный артиллерийский огонь.

Такое развитие событий совсем обескуражило генерала Шабо. Утром 19 февраля он предложил перемирие, а 20 февраля капитулировал. Всего при штурме Корфу и Видо были взяты в плен: дивизионный генерал Шабо, бригадные генералы Вердье и Пиврон, генеральный комиссар Дебуа, 2930 солдат и офицеров. Трофеи составили 629

Французская пушка, захваченная русскими войсками при штурме крепости Корфу 18 февраля 1799 г.
(ЦВММ)

Ствол этого бронзового орудия, отлитого в 1792 г. в революционной Франции, украшен характерной надписью «Равенство и свобода».



French cannon seized by Russian troops during the assault of the Corfu fortress on 18 February 1799.

Генерал-майор Алексей Юрьевич Гамен.

Maj.-Gen. Alexey Yurievich Gamen.

Портрет кисти Дж.Доу. 1822–1825 гг.
(Военная галерея Зимнего Дворца)

Закончив с отличием Сухопутный шляхетный кадетский корпус, юный поручик А.Ю.Гамен (1773–1829) поступил 13.XI.1789 г. на Балтийский гребной флот. Участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг., был в первом Роченсальмском и Выборгском сражениях. За отличие в десантной операции на реке Кюмень произведен в капитаны. В 1791 г. зачислен во 2-й Адмиралтейский батальон, откуда 17.II.1793 г. переведен в 3-й морской батальон Черноморского флота. Во время Средиземноморского похода 1799 г. премьер-майор А.Ю.Гамен неоднократно отличался в смелых десантных операциях. При штурме Корфу 18.II.1799 г. лично взял в плен французского генерала Пиврона. 19.II.1802 г. произведен в подполковники и назначен командиром 6-го флотского батальона на Балтике. При формировании морских полков произведен 14.IX.1803 г. в полковники и 21.XII назначен командиром 3-го морского полка. В 1805 г. участвовал в Ганноверской экспедиции. С 9.XI.1807 г. и до 1.IX.1814 г. шеф 3-го морского полка. 1.XI.1811 г. произведен в генерал-майоры. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. В сражении 6.VIII при Полоцке командовал центром русских войск, получил 4 тяжелых контузии, но до конца дня не оставил поля боя. При штурме Полоцка 6–8.X был ранен пулей в живот и за храбрость награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. После этого в 1813–1814 гг. командовал войсками, расположенными в Петербурге. С 26.II.1820 г. комендант Кронштадтской крепости. 1.I.1826 г. произведен в генерал-лейтенанты.

орудий, 16 судов, включая 1 фрегат и 1 линейный корабль, множество военных запасов и имущества. Прославленный фельдмаршал А.В.Суворов, узнав о победе, писал Ушакову: *«Великий Петр наш жив! Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту! <...> Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»*.

Несмотря на ожесточенный бой, потери морской пехоты в боях за форты Корфу оказались невелики: убиты подпоручик Приказнов, 2 унтер-офицера, 7 гренадеров и 15 фузелеров; ранен подпоручик Конокотин, фельдфебели Козловский, Зубков, унтер-офицер Фомин и около 40 солдат. С честью выдержав трудное испытание, морская пехота готовилась к новым подвигам. 4 марта 1799 г. на кораблях эскадры Ушакова находились 2056 военнослужащих флотских батальонов, в том числе 45 офицеров. Теперь, базируясь на Корфу, Ушаков отправил несколько отрядов для активных действий в Средиземноморье.

Эскадра капитана 2 ранга А.А.Сорокина двинулась к восточному побережью Италии. Здесь предстояло освободить от французов Неаполитанское королевство. Высаживая десанты, Сорокин 23 апреля занял порт Бриндизи, 2 мая Бари, а 9 мая Манфредонию. Тут с кораблей высадился десант капитан-лейтенанта Г.Г.Белли из 390 морских солдат и матросов при 4 орудиях. Этот небольшой отряд смело двинулся вглубь Апеннинского полуострова к Неаполю. Видя его успешное продвижение, Сорокин усилил отряд, который стал насчитывать 8 офицеров и 373 нижних чина флотских батальонов Бриммера и Скипора[1], 156 матросов, 37 артиллеристов, 30 неаполитанских матросов и 6 орудий. Пересекая Апеннинский полуостров с востока на запад, отряд Белли за три недели без потерь освободил большую часть Неаполитанского королевства. Подойдя к Неаполю, русские соединились с неаполитанской армией кардинала Руффо. Но эти войска, насчитывавшие около 8 тысяч человек, представляли слабую силу, поскольку очень боялись французов, занявших позицию около переправы через реку Себето.

3 июня 1799 г. Белли атаковал мост Св. Магдалины и, потеряв 3 раненых, взял батарею из 6 пушек. Преследуя врага, морские солдаты вошли в Неаполь. Французы и местные республиканцы укрылись в окрестных замках. В это время французская колонна численностью около 1000 человек предприняла фланговый маневр, смяла неаполитанскую армию у замка Портичи и устремилась в тыл русскому отряду. Белли срочно выслал к Портичи поручика Александера из батальона Бриммера со 100 солдатами, 30 матросами и 2 орудиями. Встретив противника, Александер после нескольких артиллерийских выстрелов приказал солдатам *«броситься и действовать штыками»*. Решительным ударом они опрокинули колонну французов, которые потеряли 300 человек убитыми, 60 пленными, а также 5 пушек. Остатки французов рассеялись и были истреблены местными жителями. Русские потеряли 1 унтер-офицера, 1 фузелера и 1 матроса убитыми; 1 унтер-офицера, 6 фузелеров и 1 канонира ранеными. В ходе четырехчасового боя унтер-офицер Роман Васильевич Линев *«имел щастие взять из толпы неприятельского войска ихнее знамя»*, за что Павел I произвел его сразу в поручики.

Вскоре осажденные в замках французы и республиканцы капитулировали. Неаполитанское королевство окончательно стало свободным. Блестящие успехи маленького русского отряда вызвали всеобщее восхищение. Павел I писал А.В.Суворову: *«Сделанное капитан-лейтенантом Белли в Неаполе доказывает, что русские люди на войне всех прочих бить будут, да и тех, кто с ними, тому же научат»*. Храбрость Белли была щедро возна-

[1] 3 поручика, 3 подпоручика, 2 прапорщика, 21 унтер-офицер, 27 гренадеров, 318 фузелеров, 7 барабанщиков, 2 цирюльника и 1 денщик.

Вид в окрестностях Неаполя.

View of the outskirts of Naples.

Фрагмент картины художника Ф.М.Матвеева. 1806 г. (Государственный мемориальный музей А.В.Суворова)

На переднем плане изображены гренадеры русских десантных войск.

граждена. Узнав о победе, Павел I сказал: *«Белли думал меня удивить, так и я удивлю его»*. Император произвел смелого офицера в капитаны 2 ранга и наградил орденом Св. Анны 1-й степени, который жаловали только генералам и адмиралам. Это единственное подобное исключение в истории орденской системы России. 5 офицеров флотских батальонов также получили ордена, а 7 унтер-офицеров были произведены в подпоручики.

Между тем силы Ушакова возрастали. 21 августа с Балтики пришла эскадра вице-адмирала П.К.Карцева, на борту которой находились 14 офицеров и 440 нижних чинов морских батальонов Балтийского флота. Соединившись в Палермо, эскадры 8 сентября перешли в Неаполь, где Ушаков начал готовить поход на Рим. Для этой цели он высадил отряд подполковника Скипора: 17 офицеров и 627 солдат черноморских батальонов, 7 офицеров и 52 солдата одного из балтийских батальонов под командованием капитана Марина 1-го, 38 артиллеристов с 4 орудиями, 47 матросов и 32 албанских ополченца – всего 820 человек. Двинувшись из Неаполя, отряд 16 сентября подошел к Риму. Французский гарнизон капитулировал, и морские пехотинцы вступили на улицы «вечного города». Участник похода лейтенант П.И.Балабин так описывает в своем дневнике это событие: *«Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот Св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска <...> "Вот, – говорили жители, – вот те, кои бьют французов, и коих они боятся! Вот наши избавители!.." Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие»*.

На других театрах военных действий флотские батальоны также зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. 21 августа 1799 г. на помощь австрийцам, осаждавшим Геную, был направлен отряд русских кораблей под командованием вице-адмирала П.В.Пустошкина. 4 декабря австрийский генерал Кленау, имея 15-тысячную армию, решился на штурм. Для атаки Пустошкин высадил гренадерскую и фузелерную роты батальона Бриммера (7 офицеров и 210 нижних чинов) под командованием майора А.Ю.Гамена. Согласно диспозиции русский отряд, обстреливаемый засевшими в садах и постройках французами, пробился через двое ворот и ворвался в город. Но в это же время австрийцы потерпели полную неудачу и отступили. Французы зашли в тыл ротам Гамена, которые, оказавшись в окружении, вынуждены были штыками прокладывать себе обратную дорогу. Тем не менее, при отходе роты освободили 48 австрийских егерей, только что захваченных французами. Отбиваясь от наседающего врага, Гамен вывел своих людей к незнакомому побережью. Здесь он обнаружил полуразрушенный бриг, на котором вывез десант в море за линию огня. Бросив якорь, Гамен на рыбачьей лодке отправился искать свои баркасы. К утру он вернулся со шлюпками и перевез солдат на русские корабли. В этом неудачном штурме храбрый десант потерял 38 человек убитыми, 18 ранеными и 19 пленными.

В июле 1799 г. эскадра капитана 2 ранга Н.Д.Войновича (3 русских фрегата, турецкие фрегат и корвет) блокировала с моря крепость Анкону. 14 июля в порту Пезаро высадились 287 человек русских и 150 турок при 5 орудиях под общим командованием капитана А.С.Сытина из батальона Скипора. На рассвете 15 июля десант предпринял штурм близлежащей крепости Фано, но гарнизон не только отбил атаку, но и сделал ответную вылазку. Тогда Войнович высадил еще 150 человек под командованием подпоручика Жиженкова (из батальона Бриммера) и подверг Фано бомбардировке. Теперь атаку крепости вели 200 солдат флотских батальонов, 70 матросов, 150 турок и подоспевшие 40 австрийских кавалеристов. Утром 17 июля гарнизон крепости вывесил белый флаг и начал переговоры о капитуляции. Спешивший на помощь из Анконы крупный французский отряд генерала Моннье не успел дойти до Фано всего 4 мили. В итоге в плен сдались 555 человек. Кроме того, в ходе боев французы потеряли убитыми 4 офи-

церов и 120 рядовых, а также 25 солдат ранеными. Потери русских составили убитыми 2 морских офицера и 14 нижних чинов, ранеными 23 человека. Турки потеряли убитыми 7 человек и 15 ранеными.

22 июля десант под командованием капитана 2 ранга Ф. Ф. Мессера (5 офицеров и 207 нижних чинов черноморских батальонов, 155 матросов, 14 артиллеристов, 160 турок, 200 местных роялистов) занял другой опорный пункт Сенигаллия. 25 июля морские солдаты неожиданным ударом захватили мост через реку Патракт и, опрокинув защищавших переправу французов, загнали их в Анкону. Было убито 2 французских офицера и 40 солдат, 10 человек взято в плен. Потери десанта составили 2 солдата и 2 матроса убитыми, 6 солдат и 4 матроса ранеными. После этого 28 июля вместе с итальянскими роялистами десантники взяли редут на горе Монтаньола. Русские отразили вылазку сильной французской колонны (700 человек), опрокинули ее и на плечах отступавших ворвались в редут. Отличившиеся в боях офицеры флотских батальонов капитан Сытин, поручик Кейзер и прапорщик Карпов получили в награду ордена Св. Анны 3-й степени. После этого успеха отряды итальянского ополчения, насчитывавшие около 13 тысяч человек, и десант Мессера окружили Анкону. В помощь им Войнович высадил с кораблей еще 112 морских солдат и матросов под командованием лейтенанта М. И. Ратманова. 1 августа началась трехмесячная осада Анконы, за время которой 8 августа и 19 сентября десант отбил две сильные ночные вылазки французов.

3 октября к Анконе пришли 8 тысяч австрийцев. Не желая делить близкую победу, австрийский генерал Фрелих всячески старался устранить русских и турок от дальнейшей осады. Он долго выжидал, но когда, наконец, решился атаковать передовые укрепления, то был отражен, потеряв убитыми 300 человек. Во время штурма десант Мессера, пробившийся до самых ворот крепости, держался у них целый день, несмотря на приказы Фрелиха об отступлении. Потерпев неудачу, Фрелих 2 ноября 1799 г. сепаратно договорился с комендантом крепости Моннье о выходе гарнизона Анконы во Францию. После этого он занял крепость своими войсками и запретил впускать в нее русских и турок. Тогда Войнович послал в гавань десант, который на моле и на сдавшихся французских судах поднял русские и турецкие флаги. Но по приказу Фрелиха австрийцы силою согнали русские караулы и заменили флаги австрийскими.

Эта бесцеремонность окончательно испортила русско-австрийские отношения. Хотя по требованию Павла I австрийское правительство осудило Фрелиха, исключило его из службы и выразило готовность дать всякое удовлетворение, 20 декабря 1799 г. Ушаков получил приказ императора о возвращении эскадры в Черное море. Кроме того, 20 января 1800 г. Павел I дополнительно запретил Ушакову оказывать помощь австрийцам. Начались сборы домой. К апрелю 1800 г. на кораблях Ушакова находились 1922 военнослужащих из черноморских флотских батальонов и 449 – из балтийских. 6 июля 1800 г. российская эскадра двинулась в обратный путь и 26 октября пришла в Севастополь. В Корфу остался постоянный русский гарнизон. Кроме того, в Средиземном море до 1803 года находилась эскадра А. А. Сорокина, имевшая на борту 13 офицеров и 455 солдат черноморских флотских батальонов, в основном из батальона Скипора.

Так завершился славный для морской пехоты Средиземноморский поход под командованием Ф. Ф. Ушакова.

Фрунтовой мастеровой гренадерской роты 4-го батальона Балтийского гребного флота. 1797 – январь 1798 гг.

Front workman of a grenadier company, 4th Battalion, Baltic Rowing Fleet. 1797 – January 1798.

Рисунок художника А.В. Каращука. 1998 г.

Согласно принятому в 1797 г. «Уставу военного флота» десантные войска при штурме крепостей должны были «иметь с собою слесарей с их инструментами для подпиления и разломания железных преград, каковые могут встретиться, как то рогаток и тому подобного». В соответствии с этим в каждой роте флотского батальона полагался один фрунтовой мастеровой.

Генерал-лейтенант Иван Николаевич Эссен.

Lt.-Gen. Ivan Nikolayevich Essen.

Портрет кисти Дж. Доу. 1822–1825 гг. (Военная галерея Зимнего Дворца)

В начале Голландской экспедиции 1799 г. И.Н. Эссен командовал дивизией. После пленения 8 сентября генерала И.И. Германа принял командование всеми русскими десантными войсками.

Адмирал Павел Васильевич Чичагов.

Adm. Pavel Vassilyevich Chichagov

Портрет кисти неизвестного художника начала XIX в. (ЦВММ)

Голландская экспедиция 1799 года

На фоне успешных действий против французов в Средиземном море и в Италии английское правительство предложило Павлу I провести совместную десантную операцию в Голландии. Еще в 1795 году захваченные французами Нидерланды были провозглашены Батавской республикой, войска и флот которой являлись союзными Франции. 11 июня 1799 г. Павел заключил соглашение о проведении десанта, в который выделялось 17,5 тысяч русских солдат. Но сформированный под руководством императора корпус оказался плохо подготовлен к столь сложной операции. Дивизии и бригады создавались наспех из сведенных вместе батальонов и рот от разных полков. Неслаженные и незнакомые с морем войска поручили генералу И.И. Герману. Как вспоминал контр-адмирал П.В. Чичагов, *«это был немец по выбору императора и солдатам неизвестный»*. В помощь ему Павел назначил графа И.Н. Эссена, *«в одинаковой степени высокомерного, тяжелого и глупого»*. 20 июля дивизия Эссена вышла на кораблях эскадры Чичагова в море. 6 августа на английских кораблях из Ревеля отплыли остальные войска под начальством Германа. Всего в десант отправилось 456 русских офицеров, 13904 нижних чина и 1550 нестроевых.

Экспедиция проходила в трудных условиях. *«Ружья, сумы и патроны отобраны были еще на рейде и сложены порядком в трюм,* – вспоминал полковник А.Я. Дубянский. – *Каждая рота сделала на своей амуниции наскоро особые знаки <...> В двух деках солдаты лежали рядом один возле другого, так что по тесноте едва пошевелиться можно было; между рядом ног посредине в длину дека оставлен был проход. Над головами каждых двух рядов висела койка и в ней по солдату. Корабль уподоблялся бочке, плотно укладенной рядом сельдями. Пока попутный ветер вез корабль на всех парусах, мы попевали веселые русские песенки, прохаживались по шканцам, попеременно выводили на свежий воздух людей из деков, а как ветер разыгрался, усилился, взволновал дно морское, поднял пенистые волны выше дека и, наконец, в виду Бронгольма сделался настоящим штормом, <...> когда люки на корабле опустили и деки закрыли, тогда всякий полез в свою койку, пение замолкло и дало место унылому оханью и сну твердому. Русские воины перестали обращать внимание на порцию солонины с горохом, и белый сухарь опротивел. Всякий желал русского ржаного сухаря, кислой капусты и хлебной водки. Ром, в порцию раздаваемый* [англичанами], *был пренебрегаем»*.

Узнав о выходе русских судов, англичане решили начать десантную операцию. К этому времени вместе с британским флотом голландское побережье блокировали две русские эскадры под общим командованием вице-адмирала М.К. Макарова. Одной из эскадр (5 кораблей, 1 фрегат и 1 катер) Макаров командовал лично. На ее борту находились 22 офицера и 768 солдат флотских батальонов. Вторую эскадру (5 кораблей и 2 фрегата) возглавлял вице-адмирал Е.Е. Тет. На ней служили 16 офицеров и 800 морских солдат. От английского командования Макаров получил приказ подготовить к десанту всех морских солдат, а также с каждого корабля по 2 лейтенанта, 3 мичмана,

Библиография и источники:

Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Т. 5. СПб., 1853.

Чичагов П.В. Записки. М., 2002.

Дубянский А.Я. Записки военнопленного российского штаб-офицера. // «Сын Отечества». 1824. № 9.

Контр-адмирал Степан Иванович Миницкий.

Rear-Adm. Stepan Ivanovich Minitsky.

Портрет кисти Дж.Доу. 1823 г.
(Новгородский государственный объединенный музей-заповедник)

24.V.1786 г. закончил Морской кадетский корпус и поступил мичманом на Балтийский флот. Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. участвовал в Гогландском, Эландском, Красногорских и Выборгском сражениях. В 1798 г. на флагмане эскадры вице-адмирала М.К.Макарова «Елисавета» перешел из Кронштадта в Англию. 16.VIII.1799 г. участвовал в морском десанте на голландское побережье. За отличие при высадке 20.VIII на Тексель и захвате батавского флота награжден орденом Св. Анны 3-й степени и произведен в капитан-лейтенанты. 26.III.1800 г. спас от пожара соединенный англо-российско-голландский флот. Когда загорелся батавский корабль «Церберус» и ветер стал разносить пламя, Миницкий со своими матросами подошел к нему на лодках, поднялся на палубу, выбросил за борт ящики с порохом и обрубил ванты по марс. За этот подвиг 9.XII.1803 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и премией в 1000 руб. Впоследствии вице-адмирал, в 1823–1830 гг. Олонецкий, Вологодский и Архангельский генерал-губернатор.

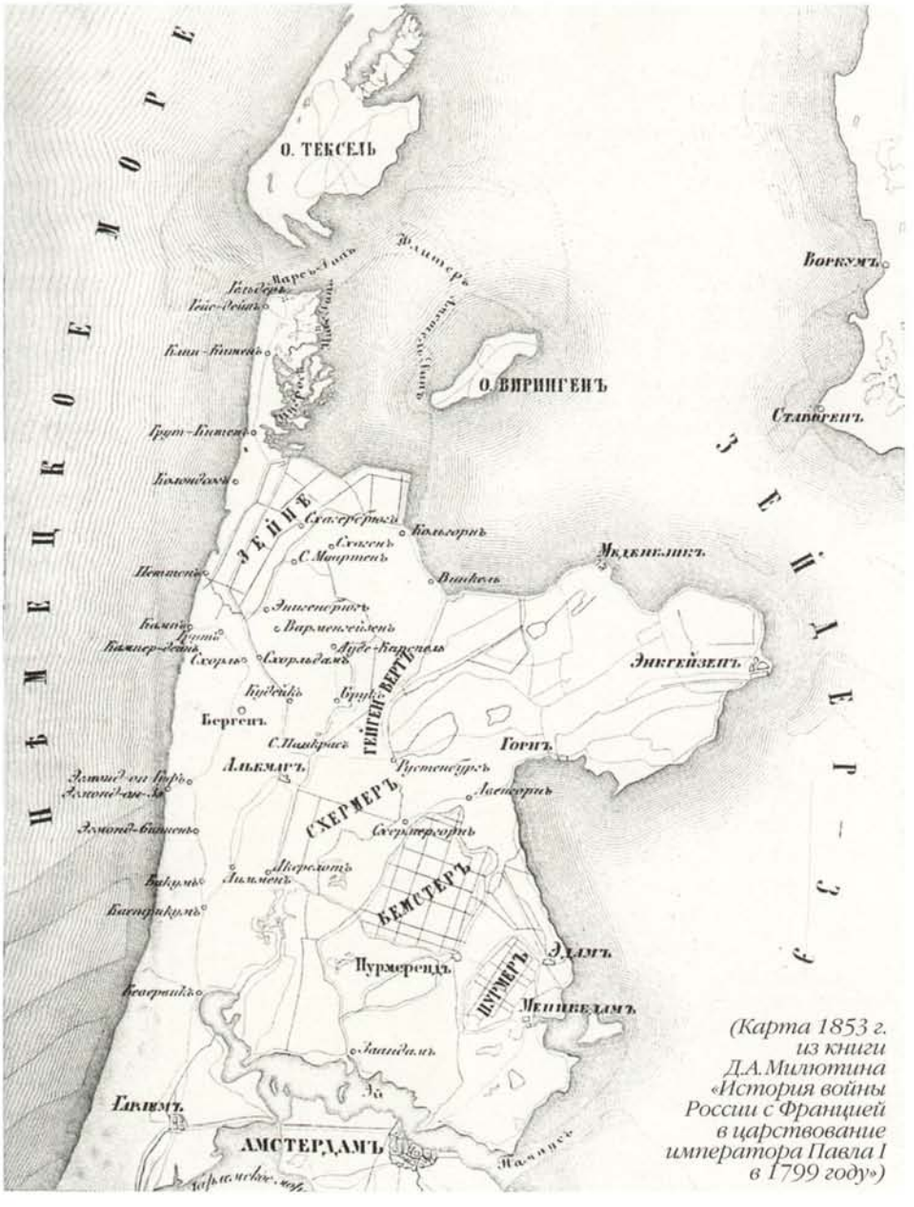
Карта северной Голландии, где действовали русские десантные войска с 2.IX по 8.XI.1799 г.

Map of northern Holland where Russian amphibious assault troops operated from 2 September to 8 November 1799.

1 подлекарю с инструментами, 1 боцману и 30 матросов. Каждому десантнику следовало иметь провиант на 2 дня, 4 порции грога, полный комплект патронов, хорошие кремни к ружью и больше, кроме одеяла, ничего не брать. Дополнительно на каждого десантника следовало приготовить недельный запас провианта, еще 4 порции грога и уложенные в бочки 40 фунтов патронов. Десантные баркасы вооружались карронадами.

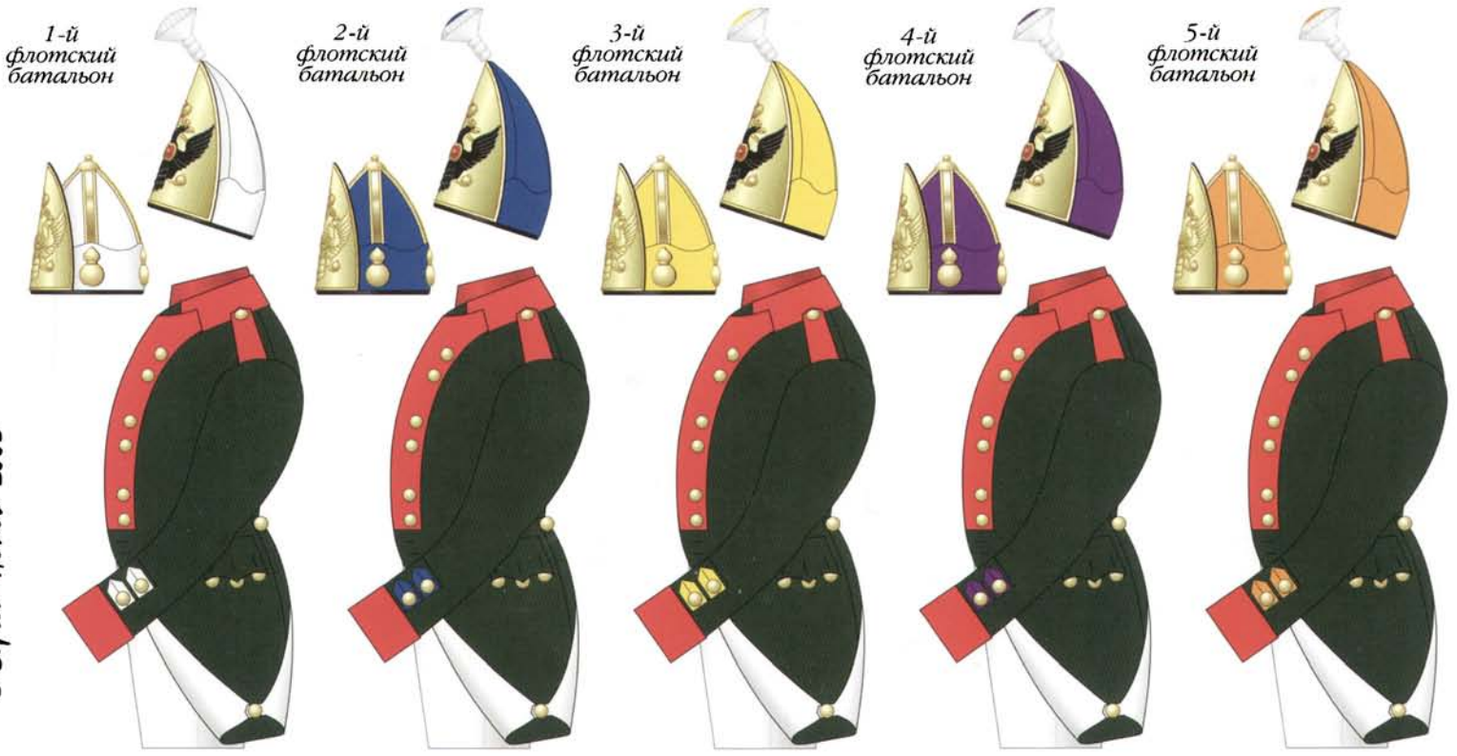
В 3 часа утра 16 августа союзный флот начал высаживать десант между Гельдером и Грут-Китеном. Несмотря на сильный прибой, на берег высадились 12 тысяч англичан, а также 850 русских морских солдат и матросов с эскадры Е.Е. Тета. Батавская дивизия генерала Дэндельса попыталась сбросить десант в море, но была отбита с уроном около 1000 человек. Союзники потеряли при высадке 500 человек убитыми, ранеными и утонувшими, а также лишились нескольких разбитых баркасов. На следующий день десант захватил укрепления и арсенал Гельдера, где на рейде взял 2 корабля, 7 фрегатов и корвет, а на верфи – строящиеся 2 корабля и 9 фрегатов.

19 августа английская эскадра вице-адмирала Митчела и эскадра Е.Е. Тета подошли к батавскому флоту, стоявшему у Текселя, и потребовали его сдачи. Видя падение Гельдера, голландские матросы взбунтовались и заставили адмирала Сторея капитулировать. Победителям достались 10 кораблей, 12 фрегатов и несколько мелких судов. 20 августа на Тексель высадились 1000 морских солдат, в том числе 180 из балтийских флотских батальонов. Они взяли под караул 3 тысячи голландских моряков, а также провели работы по созданию на острове базы снабжения. За решительные и умелые действия русского флота вице-адмирал Макаров получил письменную благодарность от английского адмиралтейства и правительства.



(Карта 1853 г. из книги Д.А.Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году»)

Схема цветовых различий обмундирования флотских батальонов Балтийского корабельного флота. Ноябрь 1796–1802 гг.



© Сергей Попов 2005

Компьютерная графика С.А.Попова.

Gen. I.I. German taken prisoner of war vic. Bergen on 8 September 1799. ➥

2 сентября у Гельдера высадился русский отряд генерала Германа, двинувшийся на Берген. 6 сентября к Гельдеру пришла эскадра Чичагова. За время похода его отношения с Эссеном испортились окончательно. Поскольку Чичагов вышел в море, *«не получив от правительства инструкций, определяющих власть начальников эскадры и войск»*, между ними постоянно происходили недоразумения. Получив приказ главнокомандующего экспедицией герцога Йоркского высаживаться около Гельдера, Чичагов подошел к берегу. Но тут, как вспоминал Чичагов, *«когда я подал сигнал к высадке, и вся эскадра занялась спусканием шлюпок на воду, то генерал Эссен объявил мне, что он не высадится по той причине, что он не видит на берегу никаких приготовлений к принятию с почестями войск Его Императорского Величества, и что он поэтому не может без нарушения уважения к достоинству своего государя произвести высадку столь нецеремонным образом. Я возразил ему, что мы призваны не на праздник, и что почести, наиболее нам подобающие здесь, заключаются в том, что берег уже очищен англичанами, и что разрушены батареи, не встречающие нас пушечными ядрами. <...> Ничто не могло поколебать упрямства человека, на которого никогда не действовали никакие разумные доводы».*

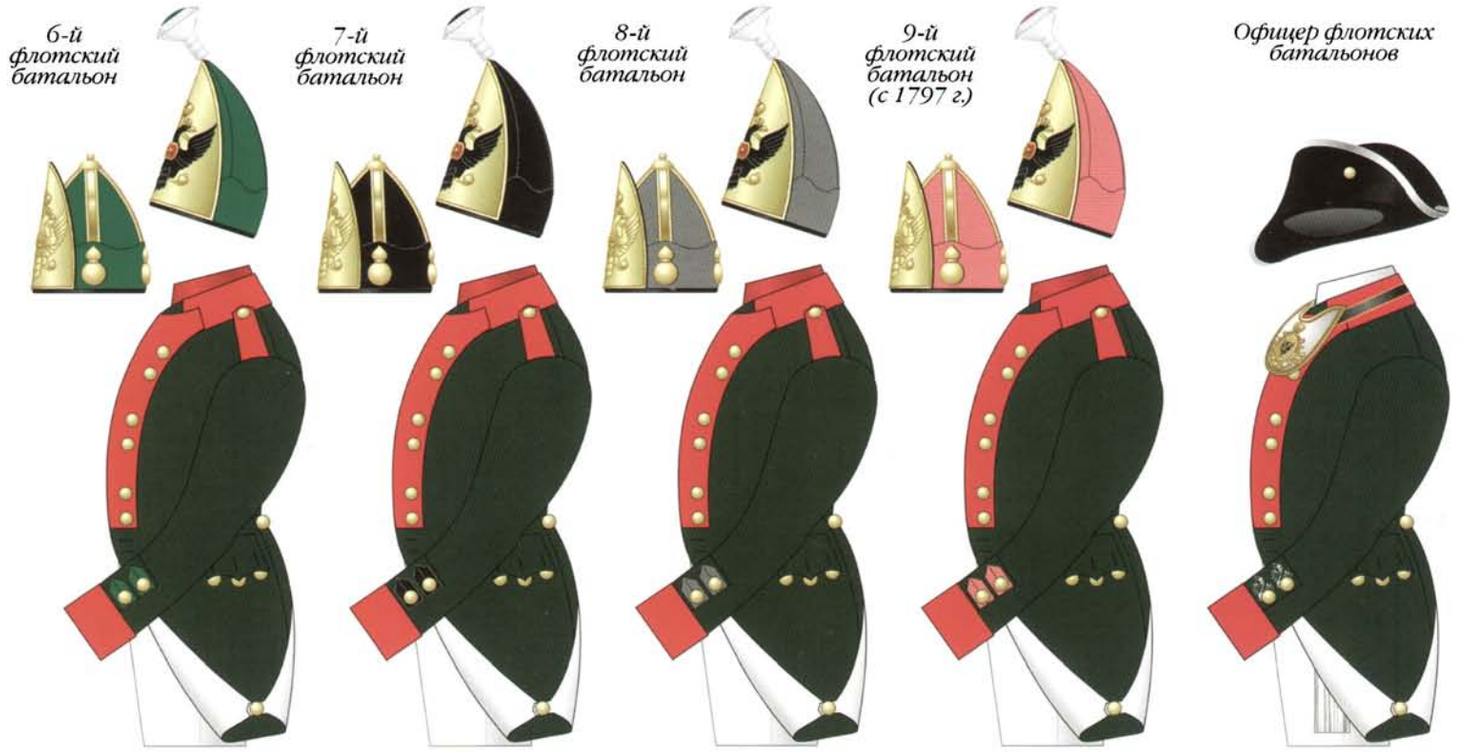
Гренадерская шапка 6-го флотского батальона Балтийского флота. 1796–1802 гг.

Grenadier cap of the 6th Naval Battalion of the Baltic Fleet. 1796–1802.

(МВФО)

Эскадре пришлось идти в Тексель, где выяснилось, что Эссен вздумал чиниться в самый неудачный момент, когда его войска были крайне нужны у Гельдера. 8 сентября главнокомандующий франко-голландскими силами генерал Брюн контратаковал и разбил союзников у Бергена, причем генералы И.И. Герман и П.Н. Жеребцов попали в плен. Русские потеряли до 3 тысяч солдат, англичане – около 1 тысячи. *«Отправившись в главную квартиру герцога Йорк,* – вспоминал Чичагов, – *я узнал, что генерал Герман бросился вперед один, собственной персоной, думая, что его войска готовы за него умереть, но они, едва зная этого генерала, вызванного из ничтожества императором, не поспешили за ним идти. За взятием генерала в плен последовало полнейшее поражение русских войск, и я нашел в гостинице многих генералов, более или менее тяжело раненых, которые, не почитая себя в безопасности даже в Гельдере, просили меня,*

Diagram of colour differences of the uniforms worn by the naval battalions of the Baltic Fleet. November 1796–1802.



чтобы я взял их обратно на корабли, на что, однако же, я не счел нужным согласиться».

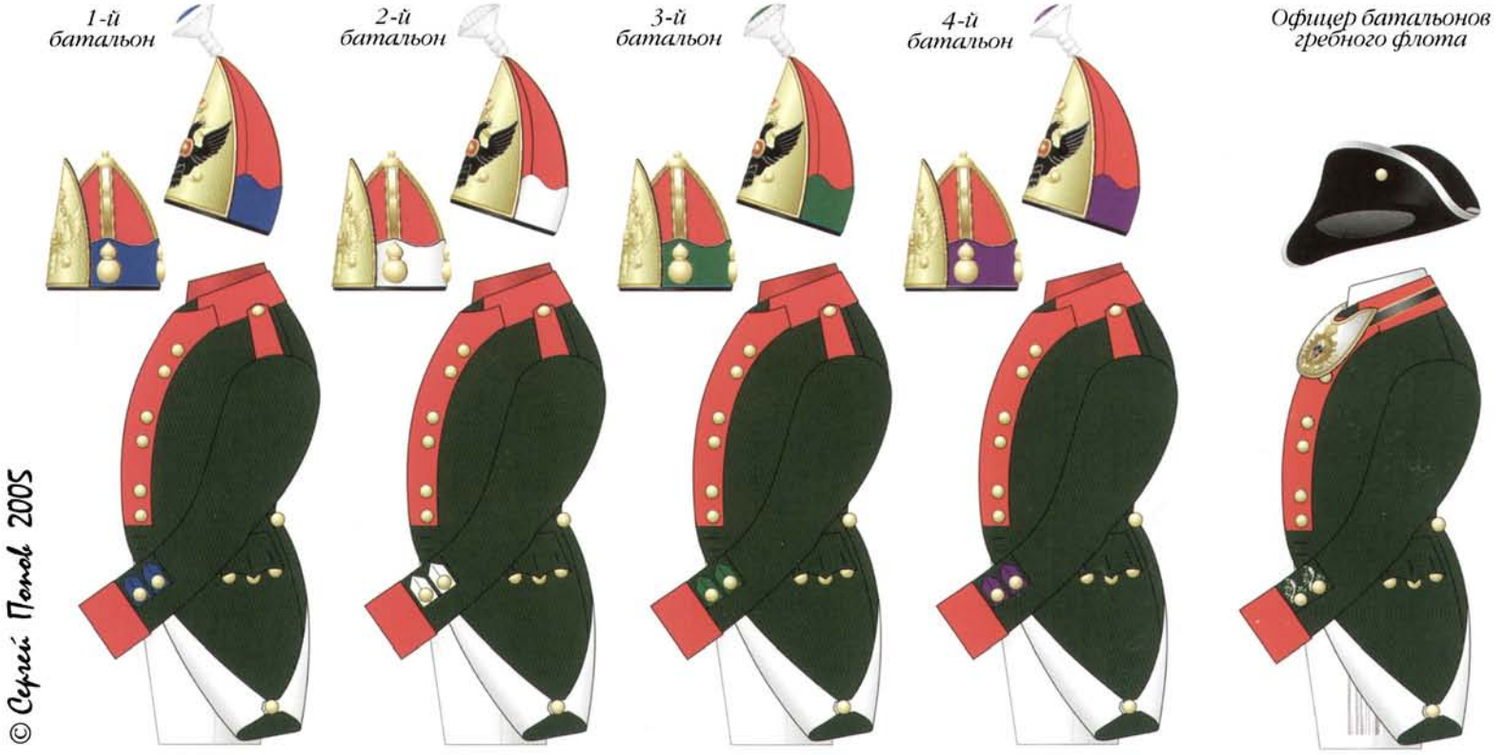
Получив подкрепление, герцог Йоркский 21 сентября предпринял новое наступление и после упорного боя занял Берген. Но следующая атака 25 сентября на Кастрикум не привела к успеху, хотя и стоила союзникам около 2,5 тысяч человек.

К этому времени положение десанта сделалось критическим. Из-за осенней погоды вода в многочисленных каналах поднялась, затопила низменности и превратила их в топи. Снабжение по морю все более осложнялось. Войска оказались на берегу без палаток и шалашей. Русские части не имели обозов и, кроме того, страдали от непривычной

Пленение генерала И.И. Германа под Бергеном 8 сентября 1799 г.

Голландская гравюра. 1804 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

Схема цветовых различий обмундирования батальонов Балтийского гребного флота. Март 1797 – январь 1798 гг.



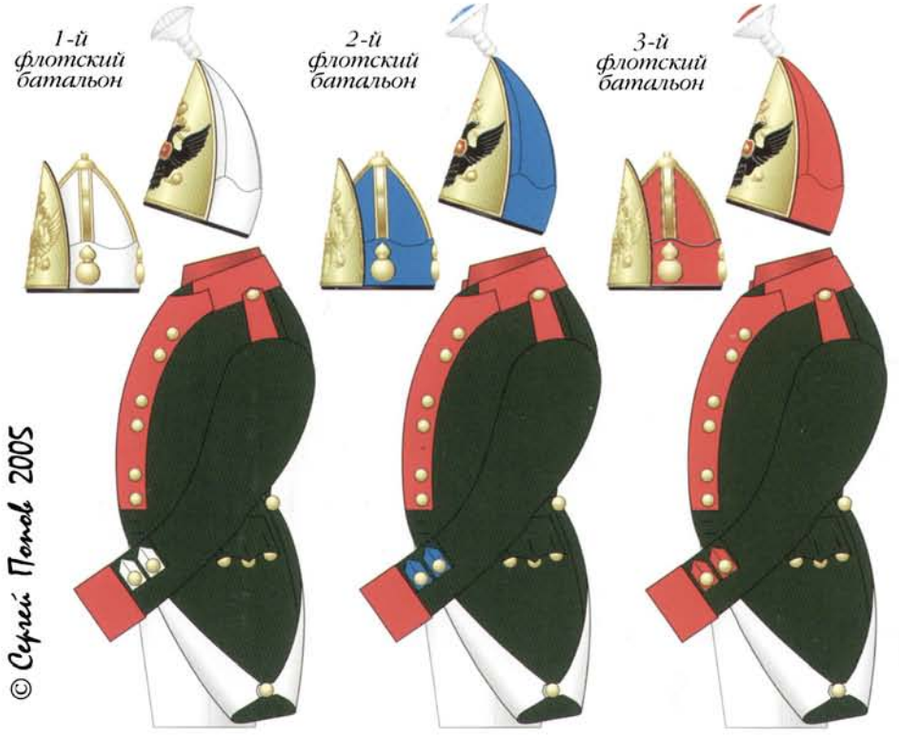
Diagrams of colour differences of the uniforms worn by battalions of the Baltic Rowing Fleet (March 1797 – January 1798) and of the uniforms worn by the Black Sea Fleet's naval battalions (1797–1802).

пищи. Госпитали были переполнены больными. Под ружьем оставалось не более 18 тысяч человек. Между тем Брюн, осадив лагерь союзников, получал из Амстердама все новые подкрепления и припасы, имея до 40 тысяч штыков. Ввиду этого, герцог Йоркский решил эвакуировать десант в Англию. 7 октября была подписана конвенция, в соответствии с которой русские и английские войска к 8 ноября покинули Голландию. При эвакуации им пришлось бросить на голландском берегу множество запасов, снаряжения и лошадей.

Зиму 1799/1800 гг. русские войска провели на островах Джерси и Гернси, где вытерпели массу лишений. К апрелю из отправленных в десант 16 тысяч человек в строю оставалось 396 офицеров и 11238 нижних чинов. Еще 55 офицеров и 1506 нижних чинов являлись больными. Только летом 1800 г. они смогли вернуться на родину.

Так окончилась эта десантная экспедиция, не принесшая России ни славы, ни пользы.

Схема цветовых различий обмундирования Черноморских флотских батальонов. Июнь 1797–1802 гг.



Фузелерная шапка 4-го батальона Балтийского гребного флота. Март 1797 – январь 1798 гг.

Fusilier cap of the 4th Battalion of the Baltic Rowing Fleet. March 1797 – January 1798.

(Морской музей Швеции, Карлскруна)

По шведской версии эта шапка была захвачена у русских в Выборгском сражении 22 июня 1790 г. Но это явная ошибка, особенно учитывая разгромные для королевского флота результаты Выборгской битвы, когда спасающимся от преследования шведским морякам было не до трофеев.

Обмундирование флотских батальонов. 1796–1801 гг.

Сразу же после вступления на престол Павел I установил новую военную форму по образцу прусской армии времен короля Фридриха II. Уже 17 ноября 1796 г. император повелел, чтобы офицеры морских батальонов имели *«мундир темно-зеленый, воротник, лацканы и обшлага красные, подкладка, камзол и штаны белые, на клапанце, который должен быть на рукаве, иметь нашивки по батальонно, шляпа с галуном, но без банта, с пуговицею»*. Офицерские шарфы и темляки на шпагах вместо золотых теперь полагались серебряные. Вне службы разрешалось носить темно-зеленый сюртук. Правда, офицеры почти сразу стали нарушать новый регламент. 15 января 1797 г. генерал-адъютант Г. Г. Кушелев с возмущением писал адмиралу А. Н. Сенявину, что *«морских солдатских баталионов офицеры ходят по городу и к разводу в сапогах, а как им по изданной вновь форме должно быть в черных суконных штиблетах»*. Носить сапоги разрешалось только батальонным адъютантам и младшим штаб-офицерам батальонов, которым при береговой службе полагалось быть верхом. 4 апреля 1799 г. белые офицерские галстуки заменили на черные шелковые.

Солдаты флотских и адмиралтейских батальонов получили обмундирование аналогичного фасона и расцветки. Узкие темно-зеленые мундиры и белые суконные камзолы застегивались на медные плоские пуговицы. Зимой под мундир надевали овчинные фуфайки. Зимние штаны длиной до колена шили из белого сукна, а летние – из фламского полотна. Вместо сапог полагались кожаные тупоносые башмаки с чулками. Поверх штанин и чулок настегивались малыми латунными пуговицами черные суконные штиблеты. На белых чересплечных ремнях солдаты носили ранец из телячьей шкуры, жестяную флягу и сухарный мешок. Унтер-офицеры отличались золотым галуном на воротнике, обшлагах и клапанах рукавов мундира, а также тростью и белыми замшевыми перчатками с крагами. У музыкантов рукава мундиров расшивались шерстяной тесьмой батальонного цвета. В ненастную погоду солдаты укрывались старыми екатерининскими плащами из белого или василькового сукна.

В связи с переводом флотских батальонов на гренадерское положение мушкетерские шляпы были отменены, и вместо них император 17 ноября 1796 г. велел ввести фузелерные шапки с латунным налобником. Теперь в каждом батальоне задники и околыши фузелерных, а также гренадерских шапок обтягивались сукном особого цвета, который соответствовал цвету петлиц из шерстяной тесьмы на нарукавных клапанах мундиров. В 1-м Адмирал-

Рисунок художника А.В.Карайчука. 1998 г.

Обер-офицер и унтер-офицер гренадерской роты 2-го батальона Балтийского гребного флота. Март 1797 – январь 1798 гг.

A commissioned officer and a warrant officer of a grenadier company of the 2nd Battalion of the Baltic Rowing Fleet. March 1797 – January 1798.

Библиография и источники:

Материалы к истории русского флота. Т. XVI. СПб., 1902.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

Метакса Е.П. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915.

РГВИА. Ф.12. Оп. 11. Д. 400, Ф. 969. Оп. 1. Д. 493.

РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 62.

Табель мундирным, амуничным и оружейным вещам одного флотского батальона, который состоит из одной гренадерской и пяти фузелерных рот. // Штаты Российских флотов, содержащихся на Балтийском, Черноморском и Каспийском морях. СПб., 1 января 1798 г.

Diagram of colour differences of the uniforms worn by the Admiralty battalions of the Baltic Fleet. November 1796 – January 1798.

Компьютерная графика С.А.Попова.

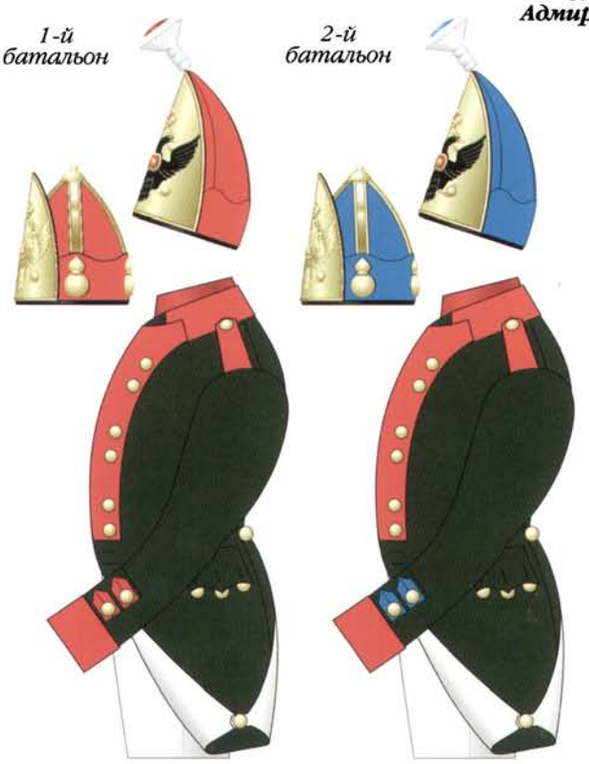


Схема цветовых различий обмундирования Адмиралтейских батальонов Балтийского флота. Ноябрь 1796 – январь 1798 г.

Grenadier cap of the 1st Admiralty Battalion. 1796–1798.

Гренадерская шапка 1-го Адмиралтейского батальона. 1796–1798 гг.

(Государственный мемориальный музей А.В.Суворова)

тейском батальоне шапки и нашивки полагались красные, во 2-м – голубые; в 1-м батальоне Балтийского флота белые, во 2-м – синие, в 3-м – желтые, в 4-м – фиолетовые, в 5-м – оранжевые, в 6-м – зеленые, в 7-м – черные и в 8-м – серые. Дополнительно 8 марта 1797 г. были утверждены отличия для батальонов гребных флотов. Обшивка задников шапок во всех батальонах полагалась красная, а околыши и петлицы на клапанах рукавов в 1-м батальоне синие, во 2-м – белые, в 3-м – зеленые, в 4-м – фиолетовые[2]. Для созданного в Кронштадте 9-го флотского батальона 1 мая 1797 г. утвердили *«нашивки на мундирах, равно как и сукну на шапках быть розового цвета»*. 23 июня 1797 г. император

[2] Согласно мундирной ведомости батальонов гребного флота за январь 1798 года, латунные одногневые гранаты на околышах гренадерских и фузелерных шапок отсутствовали.

Обмундирование солдатской команды Каспийской флотилии. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер; фузелер.

Uniform of the soldier team of the Caspian Flotilla, January 1798– 1802: a junior commissioned officer; a warrant officer; a fusilier.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 1-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 1st Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

установил цветовые различия для флотских батальонов Черноморского флота: 1-й батальон получил белый прибор, 2-й батальон – голубой и 3-й – алый[3]. По традиции, заведенной Павлом еще при Екатерине II, двуглавого орела на латунных налобниках в гренадерских ротах покрывали черной финифтью. Причем сами налобники остались прежнего образца. На сохранившихся гренадерских шапках екатерининского и павловского времени они абсолютно идентичны. У прежних гренадерских шапок только перелицевали задники и околыши сукном батальонного цвета. Фузелерные шапки пришлось делать новые, дополнив арматуру четырьмя скрещенными латунными полосками и колпачком на

[3] РГА ВМФ. Ф. 227 Оп. 1. Д. 63. Л. 190. Сведения предоставил В.Г. Данченко.

Обмундирование 2-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 2nd Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 3-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 3rd Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

их перекрестье. Такие варианты головных уборов носили во флотских батальонах с начала 1797 г. по 1802 г. Фузелерные шапки в январе 1798 г. получила также солдатская команда Каспийской флотилии.

Вооружение гренадер и фузелеров состояло из шпаги с тесачным клинком, носившейся на поясной портупее, и из гладкоствольного ружья с трехгранным штыком. К 1 апреля 1798 г. на Тульском оружейном заводе для флотских батальонов успели изготовить и отправить 2000 новых пехотных ружей, получивших название ружей образца 1798 года. Патронную суму носили на белой перевязи че-

Обмундирование 4-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 4th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 5-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 5th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

рез левое плечо. 30 апреля 1797 г. император повелел оставить на крышках патронных сум медные круглые бляхи с прежним гербом екатерининского времени. В гренадерских ротах по углам крышки дополнительно крепили четыре медные одноогневые гранаты. Унтер-офицеры вместо ружья имели алебарду и, соответственно, патронную суму не носили. Но в каждой гренадерской роте 4 унтер-офицера вооружались нарезными *«винтовальными»* ружьями образца 1798 года, патроны для которых носили в специальных подсумках, которые крепились возле живота на поясной портупее. Кроме

Обмундирование 6-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 6th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 7-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 7th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

строевого комплекта, в морской пехоте сохранялся комплект рабочего матросского платья – тиковый камзол с рукавами, застегнутый на обтяжные пуговицы, канифасные брюки и матросская шляпа.

Окончательно все разрозненные нововведения были закреплены высочайше утвержденной 1 января 1798 г. табелью мундирным, амуничным и оружейным вещам одного флотского батальона. При этом император немного изменил внешний вид головных уборов. На околышах гренадерских и фузелерных шапок следовало теперь крепить с помощью медной проволоки три

Обмундирование 8-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 8th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 9-го флотского батальона Балтийского флота. Январь 1798–1802 гг.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 9th Naval Battalion of the Baltic Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

медные одноогневые гранатки, а швы на задниках гренадерских шапок обшивать черно-оранжевой тесьмой. Но, судя по архивным документам, флотские батальоны, несмотря на новую табель, сохранили без изменений предметы униформы, введенные в ноябре 1796 г. Так что гренадерские шапки остались без обшивки черно-желтой тесьмой и медных гранаток на околыше.

При матросском обмундировании табель 1798 г. взамен прежней шляпы ввела фуражную суконную шапку в виде колпака *«с околышем или без околыша, с кистью различающею роты»*.

Обмундирование 1-го флотского батальона Черноморского флота. Январь 1798 г. –1802 г.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 1st Naval Battalion of the Black Sea Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Обмундирование 2-го флотского батальона Черноморского флота. Январь 1798 г.–1802 г.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 2nd Naval Battalion of the Black Sea Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Для ненастной погоды был установлен плащ из белого сукна без подкладки, который мог иметь капюшон. Но во время Средиземноморской экспедиции солдаты черноморских батальонов вместо белых плащей нередко носили албанские шерстяные капоты – ляра. Эти универсальные накидки, по воспоминаниям Е.П. Метаксы, служили албанским стрелкам *«попеременно матрацем, одеялом, подушкою, скатертью и шатром в ненастное время и сильные жары»*. Эту удобную одежду стали использовать и русские солдаты. В балтийских батальонах частично донашивали синие и белые суконные плащи, выданные еще при Екатерине II, срок которым заканчивался только в 1800 году.

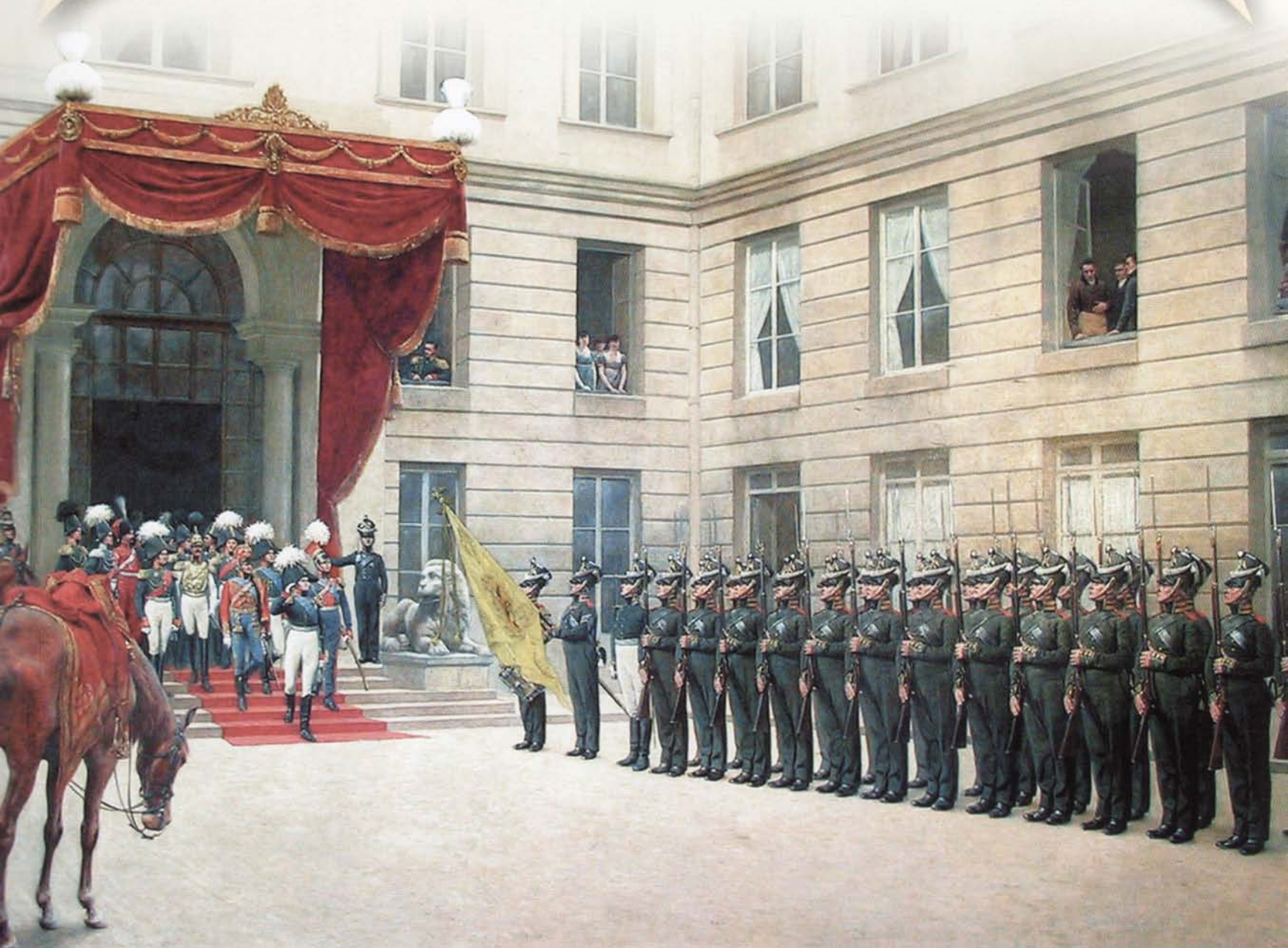
Обмундирование 3-го флотского батальона Черноморского флота. Январь 1798 г. –1802 г.: обер-офицер; унтер-офицер фузелерных рот; фузелер; гренадерская шапка флигель-роты.

Uniform of the 3rd Naval Battalion of the Black Sea Fleet, January 1798–1802: a junior commissioned officer; a warrant officer with fusilier companies; a fusilier; a grenadier cap of the 1st company.

Акварель из альбома 1798 г. «Рисунки мундирам служащим во флоте и адмиралтействах». (ГМЗ «Гатчина»)

Глава VI.

Эпоха Александра I 1801–1825 гг.



Реформа морской пехоты в 1801–1805 гг.

Библиография и источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. СПб., 1830.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. СПб., 1903.

Смотр Гвардейского экипажа в Париже Александром I в 1814 году.

Alexander I is inspecting a Guards Crew in Paris in 1814.

Картина кисти И.С. Розена. 1903 г. (ЦВММ)

При восшествии на престол Александр I объявил, что будет править Россией *«в духе в Бозе почивающей бабки своей, императрицы Екатерины II»*. Одним из первых распоряжений нового императора стало возвращение 7 апреля 1801 г. флотским батальонам их прежних номеров. Вместо неудобной «павловской» системы названий по фамилиям командиров снова была введена порядковая нумерация, в соответствии с которой батальоны стали называться: майора Жегалова – 1-й флотский батальон, майора Салтыкова – 2-й, полковника Герценберга – 3-й, майора Горохова – 4-й, майора Еремеева – 5-й, подполковника Асеева – 6-й, майора Чаплина 1-го – 7-й, майора Чаплина 2-го – 8-й, майора Стрельникова – 9-й; полковника Скипора – 1-й Черноморский, майора Буаселя – 2-й Черноморский и майора Бриммера – 3-й Черноморский флотский батальон.

В 1802 году Александр I создал очередной Комитет для приведения флота в лучшее состояние, которому велел принять все меры *«к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и к приведению оного в подлинное бытие»*. Идеологическим вдохновителем новых реформ и докладчиком императору по делам Комитета стал товарищ Министра морских сил вице-адмирал П.В.Чичагов, имевший своеобразные для моряка взгляды: *«Русский флот, созданный умом Петра I, мог существовать только им одним. Так как он ни в духе народном, ни вызван потребностями государства, ни в духе русского правительства, то на него не смотрят, как на необходимое условие для благосостояния или безопасности Империи, и он есть обременительная роскошь подражания, зависящая от доброй воли государей»*[1]. Эту же точку зрения в своем докладе императору изложил и председатель Комитета влиятельный Министр иностранных дел канцлер граф А.Р. Воронцов: *«По многим причинам, физическим и локальным, России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое наше могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках. <...> Довольно, если морские силы наши устроены будут на двух только предметах: обережении берегов и гаваней наших на Черном море, имев там силы соразмерные турецким, и достаточный флот на Балтийском море, чтобы на оном господствовать. Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие дальние экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользы никакой»*[2].

Под влиянием Комитета Александр I согласился на сокращение флота, в том числе и морской пехоты. Изучив ее состояние, П.В. Чичагов

[1] *Чичагов П.В.* Записки. М., 2002. С. 30.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского Флота. М.–Л., 1939. С. 205–206.

[3] РГВИА. Ф.1. Оп. 1. Т. 1. Д. 365. Л. 2.

Император Александр I.

Emperor Alexander I.

Портрет кисти неизвестного художника. 1806 г. (Музей В.А.Тропинина и московских художников его времени)

Адмирал Павел Васильевич Чичагов.

Admiral Pavel Vassilyevich Chichagov.

Портрет кисти неизвестного художника начала XIX в. (ЦВММ)

докладывал императору: *«Солдатские команды, при флоте положенные, состоят ныне из баталионов, коих имеется при здешнем* [Балтийском] *девять и при Черноморском три. Поелику нет в оных ни шефов, ни инспектора, а одни токмо баталионные командиры в каждом порознь находятся, флотским же генералитетам, начальствующим дивизиями, по которым разделены бывают сии баталионы, при занятии их морскою службою неудобно иметь равного попечения о благоустройстве оных, для того ни единообразия в воинской тактике и дисциплине, ниже во внутренних распорядках соблюдения хозяйства с надлежащею точностию достигать они не могут».*

Поскольку Балтийский флот был разделен на три дивизии, а Черноморский объединен в одну, то морскую пехоту предлагалось реорганизовать соответствующим образом в четыре полка, уменьшив ее численность на 4552 человека. Сэкономленная за счет сокращения сумма (102 тысячи рублей в год) поступала на улучшение содержания морских солдат. Поначалу планировалось сформировать один гренадерский и три мушкетерских морских полка. Об этом 3 марта 1803 г. Чичагов писал в Военную коллегию: *«В штате, сочиненном для преобразования морских баталионов, положено быть Гренадерскому полку – ежели так и назначается, то по моему мнению переменять в нем нечего, и он по соображению рода службы достаточен»*[5]. Но по каким-то причинам эту инициативу отвергли.

29 апреля 1803 г. Александр I утвердил доклад Чичагова, в соответствии с которым 12 морских батальонов были переформированы в 4 морских полка. 1-й морской полк создавался из 1-го, 2-го и 7-го батальонов в Кронштадте; 2-й морской полк – из 3-го, 8-го и 9-го батальонов тоже в Кронштадте; 3-й морской полк – из 4-го, 5-го и 6-го батальонов в Ревеле; 4-й морской полк – из 1-го, 2-го и 3-го Черноморских батальонов в Севастополе. Каждый морской полк состоял из одного гренадерского и двух мушкетерских четырехротных батальонов и насчитывал в мирное время 564 гренадера (4 роты) и 1128 мушкетеров (8 рот). Роты не имели сквозной нумерации, а назывались по чину и фамилии своего командира: рота капитана Жукова и т.п. Первый мушкетерский батальон и его 1-я рота считались подразделениями командира полка, а второй мушкетерский батальон и его 1-я рота – старшего после командира полка штаб-офицера. Соответственно эти батальоны и роты назывались: батальон (рота) полковника Гамена, батальон (рота) подполковника Шевандина и т.д. В военное время в каждую роту к 141 рядовому добавлялись еще 24 человека, и численность полка возрастала на 288 нижних чинов. Несмотря на мушкетерскую орга-

Обер-офицер 1-го флотского батальона Балтийского флота в парадной форме. 1802–1803 гг. Мушкетер батальона полковника Гамена 3-го морского полка в походном снаряжении во время Ганноверской экспедиции 1805 г.

A junior commissioned officer of the 1st Naval Battalion of the Baltic Fleet, wearing his full-dress uniform. 1802–1803. A musketeer of Col. Gamen's battalion of the 3rd Naval Regiment, wearing his combat gear during the Hanover expedition of 1805.

Рисунок художника А.Ю. Аверьянова. 2002 г.

Ротный барабанщик гренадерского батальона генерал-майора Говорова 4-го морского полка в зимней форме. 1803–1807 гг.

Рисунок А.Ю.Аверьянова. 2002 г.

Чины	Штат морского полка (3 батальона по 4 роты) 29 апреля 1803 г.	Штат Каспийского батальона (4 роты) 14 июня 1805 г.
Шеф из армейского генералитета	1	
Полковник	1	
Ему денщиков	6	
Подполковник	1	1[1]
Ему денщиков	4	4
Майоров	4	1
Им по 3 денщика	12	3
Капитанов	5	2
Штабс-капитанов	7	2
Им по 2 денщика	24	8
Поручиков	14[2]	6[2]
Подпоручиков	15[3]	5[4]
Прапорщиков	13[5]	4
Им по 1 денщику	42	15
Нижних чинов		
Фельдфебелей	12	4
Портупей-прапорщиков[6]	12	4
Подпрапорщиков[6]	12	4
Каптенармусов	12	4
Младших унтер-офицеров	72	40
Гренадер или мушкетеров в роте по 141, *«в том числе по 3 для артели»*[7]	1692	564
Музыкантов		
Для валторн	2	
Для фаготов	2	
Для кларнетов	2	
Для флейт	2	
Для барабана	1	
Барабанщиков		
Полковой	1	
Батальонных	2	1
Ротных в каждую роту по 3	36	12
Флейтщиков	8	
Нестроевых		
Аудитор	1	1
Лекарей	2	1
Им по 1 денщику	3	2
Надзирателей у больных унтер-офицерского чина	1	1
Старший батальонный фельдшер	1	
Младших батальонных фельдшеров	2	1
Цирюльников	12	4
Ложенный мастер	1	1
Ложников по 1 в роту	12	4
Оружейный мастер	1	1[8]
Ему учеников	6	4
Профосов	3	1
Писарей		
Полковой	1	
Батальонных	3	1
Квартирмейстерский	1	1
Казначейский	1	1
Всего:	**2068**	**708**

[1] Батальонный командир.

[2] В их числе 1 квартирмейстер, ведавший провиантом, и 1 казначей, хранивший полковые суммы и жалованье. Кандидатов на эти должности выбирало собрание офицеров полка (батальона), в связи с чем допускалось назначение подпоручиков и прапорщиков.

[3] *«В числе коих 3 батальонных адъютанта».*

[4] *«В числе коих 1 батальонный адъютант».*

[5] *«В том числе 1 шефский адъютант».*

[6] Из дворян, *«в случае недостатка из дворян недостающее их число может заменяться унтер-офицерскими чинами так, чтобы оных всегда полное число было».*

[7] Артельщики *«ружья не имеют и от рот не отлучаются, но остаются всегда во оных для содержания в лучшем порядке артелей; и для того в артельщики выбирать людей немолодых, трезвого жития, доброго и благопристойного поведения».*

[8] Слесарь.

низацию, морская пехота сохранила привилегии гренадер – барабанный сигнал «гренадерский поход» и возможность комплектования не рекрутами, а старослужащими из армейских пехотных полков. Для действий на берегу морской полк имел два 12-фунтовых единорога и четыре 6-фунтовые пушки, в связи с чем 24 февраля 1809 г. в каждом полку создали артиллерийскую команду из 124 человек[4]. Обоз морской пехоте не полагался, поскольку, как отмечалось в докладе П. В. Чичагова, *«высаживаемые с кораблей в десант войска там, где нет вблизи армейских отрядов, не могут на великое расстояние удаляться от берега в рассуждении, что провианта на долгое время брать им с собою невозможно; гребные же суда не отходят от берега, пока не возьмут обратно десанта»*.

Кроме командира над каждым полком назначался шеф из армейских генералов. В соответствии с этим гренадерский батальон полка и его 1-я гренадерская рота считались шефскими[5]. 16 мая 1803 г. шефом 1-го морского полка был назначен генерал-майор П. С. Ширков, 3-го полка генерал-майор Г. С. Гинкуль, 4-го полка генерал-майор И. П. Говоров. Чуть позднее, 4 июня 1803 г. шефом 2-го морского полка назначили генерал-майора Д. И. Герценберга. Шеф 1-го полка генерал-майор П. С. Ширков считался в 1803–1811 гг. инспектором трех морских полков Балтийского флота и надолго запомнился жителям Кронштадта необычайной роскошью: *«Генерал Ширков был образец (тип) русских генералов и полковых командиров прошлого* [XVIII] *столетия,* – вспоминал один из современников. – *Где стоял полк, там беспрерывно бывали балы, обеды, вечеринки, продолжавшиеся ночи напролет. Музыка и песенники ежедневно забавляли городских жителей. На пирах было разливное море! Так жил генерал Ширков в Кронштадте»*[6].

Реформа 1803 года положительно сказалась на общем состоянии морской пехоты. Уже в сентябре 1804 г. *«Его Императорское Величество заметить изволил, что со времени формирования морских полков число умерших скоропостижно, особливо же от пьянства, очень уменьшилось в сравнении с прошедшим временем»*[7]. Улучшилась и боевая подготовка. С началом навигации морских солдат распределяли по кораблям *«для усовершенствования полков в экзерциции и во всех военных маневрах»*. Оставшихся на берегу выводили в летние лагеря, *«чтобы довести их до желаемой степени искусства в воинских движениях, которое от них, равно как и от пехотных полков, во время действия в десанте требуется»*. Обучение проводилось по-боевому, так что иногда случались печальные эксцессы. Например, 7 июня 1804 г. комендант Кронштадта генерал-майор И. И. фон Клуген докладывал: *«На ротном учении с пальбою 1-го морского полка неизвестно кем из рядовых роты шефа генерал-майора Ширкова штабс-капитан Можжевитинской пред ротою застрелен, коего тело освидетельствовано медицинскими чинами»*[8].

Генерал-адъютант граф Петр Александрович Толстой.

Adjutant-General Count Pyotr Alexandrovich Tolstoy.

Портрет кисти В.Л. Боровиковского. 1799 г. (Музей личных коллекций)

В сентябре 1805 – апреле 1806 гг. граф П.А. Толстой командовал российским десантным корпусом, совершившим Ганноверскую экспедицию.

14 июня 1805 г. вице-адмирал П. В. Чичагов доложил Александру I, что установленных по штату 1798 года 84 человек солдатской команды Каспийской флотилии (1 поручик, 1 подпоручик, 10 унтер-офицеров, 70 рядовых, 2 денщика) *«весьма недостаточно для судов, составляющих оную флотилию по новому положению»*. В связи с этим император одобрил создание Каспийского морского батальона из 4 мушкетерских рот. В мирное время батальон насчитывал 21 офицера, 56 фельдфебелей и унтер-офицеров, 564 рядовых, 13 барабанщиков, 21 нестроевого и 32 денщика. В отличие от морских полков, в ротах Каспийского батальона унтер-офицеров полагалось на 4 человека больше, поскольку *«по состоянию в Каспийской флотилии мелких судов должно будет отряжать малые команды с унтер-офицерами, почему необходимо нужно прибавление их»*. В военное время в каждую роту добавлялось по 24 рядовых, и батальон увеличивался на 96 мушкетеров. Для формирования Каспийского батальона 1-й, 2-й и 3-й морские полки выделили по одной мушкетерской роте. После их прибытия из Кронштадта в Астрахань к ним присоединили 78 солдат и офицеров местной команды, сформировав таким образом четырехротный Каспийский батальон.

[4] 1 капитан, 1 поручик, 2 подпоручика, 1 фельдфебель, 1 портупей-юнкер, 1 юнкер, 9 фейерверкеров, 18 бомбардиров, 18 канониров, 57 гандлангеров, 1 барабанщик, 14 нестроевых.

[5] В документах они могли называться *«батальон (рота) шефа»*, *«шефский батальон (рота)»* *«батальон (рота) шефа генерал-майора* [Ширкова]*»*, *«батальон (рота) генерал-майора* [Ширкова]*»*, *«батальон (рота) генерала* [Ширкова]*»*.

[6] *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М., 2001. С. 695.

[7] Материалы для истории русского флота. Ч. XVIII. СПб., С. 437.

[8] РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 230. Л. 350.

Генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Неверовский.

Lt.-Gen. Dmitry Petrovich Neverovsky.

Портрет кисти Дж.Доу. 1819–1822 гг. (Военная галерея Зимнего Дворца)

Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и польского похода 1794 г. подполковник Д.П. Неверовский (1771–1813) поступил 18.VIII.1803 г. в формирующийся 1-й морской полк, где был произведен в полковники и 21.IX.1803 г. назначен полковым командиром. 21.III.1804 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом 3-го морского полка. Во главе двух его батальонов участвовал в Ганноверской экспедиции. 9.XI.1807 г. переведен в армейскую пехоту. В 1811 г. сформировал 27-ю пехотную дивизию, с которой участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813 г. Прославился героической обороной в сражении при Красном 2.VIII.1812 г. Смертельно ранен в сражении при Лейпциге 6.X.1813 г.

Ганноверская экспедиция 1805 года

Библиография:

Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.

В августе 1804 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Францией. К июлю 1805 г. сложилась новая антифранцузская коалиция, планировавшая нанести удар по империи Наполеона с трех сторон. Главные русско-австрийские силы должны были наступать в центральной Европе. Одновременно русским войскам, базировавшимся на Корфу, и английскому корпусу на Мальте следовало высадиться в Неаполе, очистить вместе с армией короля Фердинанда IV Италию от французов и соединиться с австрийскими войсками в Ломбардии. В то же время шведская армия Густава-Адольфа IV, усиленная русским десантным корпусом, планировала наступать из Померании через северную Германию, соединиться в Ганновере с английскими войсками, после чего освободить Голландию и двинуться в тыл французской армии.

Для десанта в Померанию Александр I назначил корпус под командованием генерал-лейтенанта графа П.А. Толстого, насчитывавший 20363 человека. 16 августа в состав корпуса вошли укомплектованные по военному времени шефский (гренадерский) и командирский (1-й мушкетерский) батальоны 3-го морского полка во главе с шефом генерал-майором Д.П. Неверовским и командиром полковником А.Ю. Гаменом(см. стр. 117). 16 сентября 1805 г. на эскадре адмирала Е.Е. Тета из Ревеля отправились 1 генерал, 43 офицера и 1474 морских солдата и гренадера.

При подходе к Померании эскадра Тета (12 кораблей, 8 фрегатов и 140 купеческих судов) попала в сильную бурю, разметавшую суда и потрепавшую десант: более 400 казаков утонуло, взвод кирасир выбросило на дальний остров, где ему пришлось зимовать, погибло несколько пушек и зарядных ящиков. С 26 сентября по 2 октября роты 3-го морского полка высаживались в разных местах на побережье и лишь 5 октября соединились в городе Грейфсвальд около Штральзунда. Собрав войска, граф Толстой 10 октября двинулся в поход и 13 октября занял Мекленбург. Однако шведский король Густав-Адольф IV проявлял нерешительность и медлил с наступлением. Тогда Толстой самостоятельно прошел через герцогство, вступил 2 ноября в Ганновер и, форсировав Эльбу, 4 ноября занял Люнебург. Многоверстный марш корпуса *«уподоблялся торжеству. Народонаселение окрестных мест толпами стекалось смотреть на русских, со времени Семилетней войны не появлявшихся в северной Германии. Все были поражены удивлением, ибо корпус графа Толстого находился в самом блистательном состоянии. Всюду угощали офицеров и солдат наших; в больших городах давали нам балы»*. Расположившись в Ниенбурге, Толстой выдвинул отряд для наблюдения за французским гарнизоном крепости Гаммельн.

20 ноября граф Толстой получил долгожданное известие, что 24 тысячи англичан прибыли на кораблях к устью Везера и высаживаются около Бремена. Густав-Адольф с 12 тысячами солдат, наконец, перешел Эльбу и занял Люнебург. 7 декабря собрался военный совет Северной армии, постановивший с прекращением осенней распутицы взять Гаммельн. Но тут пришло печальное донесение о разгроме главных сил коалиции при Аустерлице. Северная армия тут же распалась. Шведский король вернулся за Эльбу в Померанию. Британские войска оставили Ганновер и отплыли в Англию. Графу Толстому велено было в дальнейшем подчиняться прусскому королю, который разрешил десантному корпусу пройти через Пруссию в Россию. 26 января 1806 г. 3-й морской полк выступил из Ниенбурга. Почти три месяца продолжалось его путешествие домой. На походе Фридрих-Вильгельм III дважды

➥ ***Карта адриатического побережья Далмации, Рагузы и Каттарской области, где в 1806–1807 гг. действовали русские корабли и десантные войска вице-адмирала Д.Н.Сенявина.***

Map of the Adriatic coast of Dalmatia, Raguza and the Cattaro area where Russian warships and amphibious assault troops operated under command of Vice-Adm. D.N.Senyavin.

Фрагмент карты конца XIX в.

осматривал русские войска, в том числе 3-й морской полк, и остался очень доволен, пожаловав всем нижним чинам винную порцию и денежную награду. 19 апреля 1806 г. корпус Толстого пересек российскую границу, и 29 мая 1806 г. два батальона 3-го морского полка возвратились в Ревель.

Морская пехота в войне с Францией на Адриатическом море. 1806–1807 гг.

Несмотря на предубеждение Министра иностранных дел графа А.Р.Воронцова против походов в Архипелаг, морским полкам сразу же пришлось совершать дальние экспедиции. С 1799 г. в крепости Корфу оставался русский гарнизон, который в связи с обострением русско-французских отношений был увеличен к 1805 году до 7 полков и насчитывал 13 тысяч человек под командованием генерала Р.К.Анрепа[9]. Балтийский флот поддерживал связь этих сил с Россией. В октябре 1804 г. из Кронштадта к Ионическим островам отправилась эскадра капитан-командора А.С.Грейга, имевшая на борту две роты 1-го морского полка. Совершив поход вокруг Европы, эскадра 11 января 1805 г. пришла в Корфу, соединившись с базировавшейся здесь эскадрой контр-адмирала А.А.Сорокина. В преддверии войны главное начальство над русскими силами в Архипелаге было поручено вице-адмиралу Д.Н.Сенявину. 10 сентября 1805 г. он отплыл из Кронштадта во главе эскадры, на кораблях которой разместились две роты 1-го и две роты 2-го морских полков под общим руководством командира 2-го полка полковника Ф.А.Буаселя.

Между тем, пока эскадра Сенявина огибала Европу, начались боевые действия. Находившийся при неаполитанском дворе генерал М.П.Ласси приступил к реализации стратегического плана. 7 ноября 1805 г. войска Анрепа перевезли морем из Корфу в Неаполь, где их ожидала семитысячная армия короля Фердинанда IV. 8 ноября в Неа-

Библиография и источники:

Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. I–III. СПб., 1836–1837.

Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море. Ч. I–III. СПб., 1872.

Свиньин П.П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. I–III. СПб., 1818-1819.

Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807). // Избранные произведения академика Е.В.Тарле. Т. IV. Ростов-на-Дону, 1994.

[9] Сибирский гренадерский, Витебский, Козловский, Колыванский, Куринский мушкетерские, 13-й и 14-й егерские полки.

Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин.

Adm. Dmitry Nikolayevich Senyavin.

Потрет кисти М.И.Дрожметер. 1930-е гг. (ЦВММ)

поль прибыли 6,5 тысяч англичан генерала Крея. Возглавив соединенные силы, Ласси двинулся на Рим. Но тут пришло известие о капитуляции австрийской армии при Ульме, падении Вены и отступлении австрийцев из Ломбардии. Французский маршал Массена выслал против Неаполя 35 тысяч солдат. В довершение всего, когда до Рима оставалось сотня километров, союзники узнали о поражении главных сил при Аустерлице. Собранный Ласси военный совет решил отступать. Вернувшись в Неаполь, русские войска 29 декабря 1805 г. эвакуировались на кораблях и транспортах в Корфу.

18 января 1806 г. в Корфу пришла эскадра Д.Н.Сенявина. Новый главнокомандующий сразу же оказался в центре политических и военных событий. После Аустерлицкого разгрома Австрия 14 декабря 1805 г. заключила тяжелый Пресбургский мир, по которому, среди прочего, обязалась передать французским войскам Далмацию. Корпус генерала Лористона немедленно занял ее и потребовал от австрийцев сдать Каттарскую область, отделенную от Далмации Рагузской республикой. Настойчивость генерала, пославшего к берегам Каттаро 16-пушечную шебеку «Hasard», была вполне объяснима. Каттарский залив с шестью бухтами, защищенный крепостями Боккади-Каттаро, Кастель-Нуаво и Риза, представлял превосходный военный порт. Как отмечал в своем дневнике один из морских офицеров: *«Рейд здешний закрыт отовсюду высочайшими горами, и корабли едва приметны по огромности окружающих гор. Вход открывается уже почти подошедши к самому месту. Едва ли можно выбрать лучшее безопаснейшее место для флота».*

Появление «Hasard» в Кастель-Нуаво с известием о передаче области французам вызвало восстание бокезцев. Они заставили шебеку удалиться, после чего обратились за помощью к соседям-черногорцам, а также к Д.Н.Сенявину. 15 февраля черногорская скупщина послала в Бокка-ди-Каттаро двухтысячный отряд. Одновременно Сенявин, понимая важность Каттарской бухты, срочно направил из Корфу отряд кораблей капитана 1 ранга Г.Г.Белли. 16 февраля высаженный Белли десант морской пехоты объединился с черногорскими и бокезскими ополченцами, после чего австрийцы предпочли сдать Каттарские крепости русской эскадре. В тот же день лейтенант А.С.Сытин, пользуясь проливным дождем, решил захватить «Hasard». *«Морские солдаты ночью были посажены на гребные суда и во главе шхуны "Экспедицион" атаковали французскую шебеку, взяв ее на абордаж»*[10]. Застигнутый врасплох противник почти не успел оказать сопротивления. Вся команда (60 человек) попала в плен. Во время абордажа отличился штабс-капитан 4-го морского полка Н.А.Скоробогатов, доблестно участвовавший еще в штурме Корфу 18 февраля 1799 г. и с тех пор остававшийся в регионе с командой черноморских солдат.

15 марта в Кастель-Нуаво прибыл Сенявин и объявил Каттаро под защитой русского оружия. Воодушевленные черногорцы и бокезцы выставили около 10 тысяч добровольцев, которых русские офицеры и солдаты устроили в несколько рот и даже смогли *«убедить щадить сдавшихся пленных и не отрубать им головы»*. Получив надежную базу, Сенявин направил отряд судов Г.Г.Белли для крейсерства вдоль побережья Далмации. 30 марта 1806 г. этот отряд подошел к острову Курцола. После получасовой бомбардировки, уничтожившей батареи местной крепости, с корабля «Азия» высадились две роты 2-го морского полка. Видя их готовность атаковать, французский гарнизон, уже потерявший 85 убитых, капитулировал. В плен сдались 1 подполковник, 2 капитана, 5 обер-офицеров, 20 унтер-офицеров, 5 барабанщиков и 227 рядовых. Десант захватил 12 орудий, 9 купеческих судов с грузом, много боеприпасов и снаряжения.

5 апреля 1806 г. лейтенант А.С.Сытин, командовавший захваченной им трофейной шебекой «Hasard», созвучно переименованной в «Азард», высадил на соседнем с Курцола острове Лисса небольшой десант, который занял крепости Лисса и Камиссо, где взял 10 медных пушек.

Однако следующая операция против более крупного острова Лезина завершилась неудачей. На рассвете 20 апреля перед крепостью высадились около 100 морских солдат под командованием уже знакомого нам штабс-капитана 4-го морского полка Н.А.Скоробогатова и 42 матроса лейтенанта А.И.Башуцкого. Ударив в штыки, десант ворвался в предместье и укрепился за огра-

[10] *Мельников Г.М.* Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море. Ч. I. СПб., 1872. С. 111.

дой католического монастыря. Французы, имея численное превосходство, перешли в контратаку. После упорного боя им удалось выбить десантников из монастыря и заставить их отступить к берегу. Штабс-капитан Скоробогатов вместе со стрелками прикрывал эвакуацию. Но когда последний русский катер сел на мель, его экипаж и защитники оказались окружены. В результате храбрый штабс-капитан, 3 унтер-офицера, 1 барабанщик, 50 солдат, мичман Милон и 38 матросов попали в плен. 1 солдат был убит, 17 солдат и 11 матросов ранены.

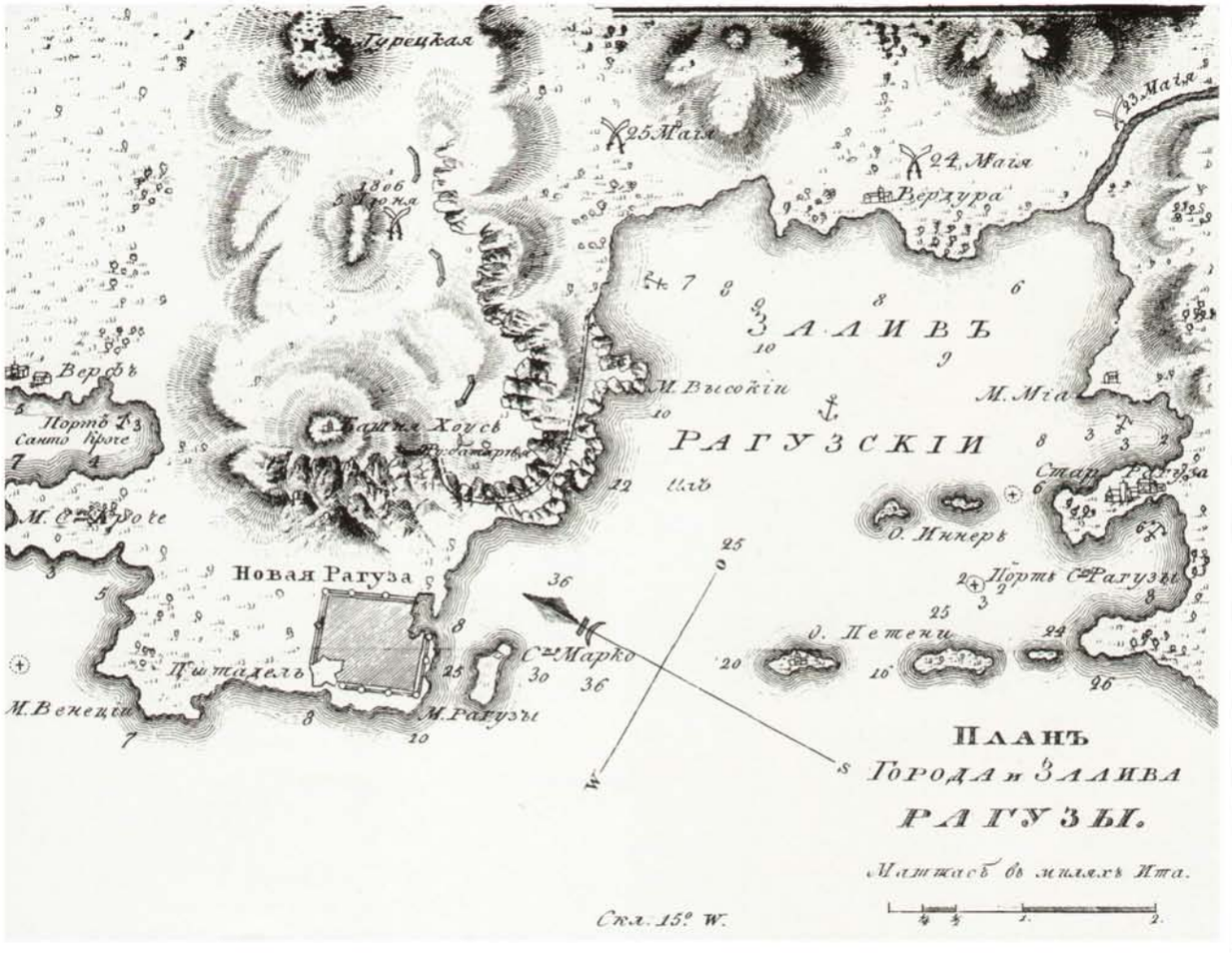
Активные действия российского флота побудили Рагузскую республику просить Сенявина о покровительстве. Узнав об этом, Лористон 15 мая 1806 г. оккупировал Новую Рагузу и, взяв под свои знамена 3000 рагузинцев, двинулся к Каттаро. В свою очередь черногорцы и бокезцы при поддержке русской пехоты вышли ему навстречу. В боях 21–25 мая они последовательно разбили несколько отрядов французов, уничтожив 9 офицеров и около 500 солдат, освободили Старую Рагузу, захватили 4 пушки и 1 знамя. Линейный корабль «Уриил» поддерживал наступление черногорцев артиллерийским огнем. Войска Лористона отошли на считавшуюся неприступной горную позицию перед Новой Рагузой. Но в упорном сражении 5 июня русские егеря и черногорцы штурмом взяли все три линии французских укреплений. *«Сражение, бывшее 5-го числа июня,* – докладывал Сенявин Александру I, – *доказало французам, с коими противу нас сражались и рагузинцы, что для храбрых*

Капитан-командор Илья Андреевич Баратынский.

Captain-Comandor Ilya Andreyevich Baratynsky.

Портрет кисти В.Л.Боровиковского. 1808 г. (Тамбовская областная картинная галерея)

В мае – июне 1807 г. И.А.Баратынский командовал отрядом российских кораблей, защищавшим Бокко-ди-Каттаро. Руководил десантными операциями против французов на побережье Далмации.



План города и залива Рагузы.

Plan of the city of Raguza and the Raguza Bay.

Гравюра 1819 г. из книги В.Б.Броневского «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год».

[11] Francois-Joseph-Augustin Delegorgue (1757–1806).

войск Вашего Императорского Величества нет мест неприступных, ибо они везде разбили неприятеля и, отняв у него бывшие на батареях на горе 13 штук пушек, прогнали его вовсе в Новую Рагузу, где он должен был запереться. Урон неприятельский, сколько известно, состоял почти из 450 человек убитых и раненых, в числе первых один из генералов именем Дельгог»[11]. В плен попали лишь 23 французских солдата, поскольку *«черногорцы, невзирая, что адмирал обещал им за каждого пленного по червонцу, столь озлоблены были, что не давали французам пощады и тотчас резали им головы, в том числе не пощадили и генерала Дельгога»*.

Приступая к осаде Новой Рагузы, Сенявин решил захватить лежащий напротив крепости остров Святого Марка. Утром 6 июня 1806 г. на его берег высадились 600 морских солдат и матросов и рота егерей под общим командованием полковника Ф.А.Буаселя. Тремя колоннами десант подошел к высокому холму, на котором стоял каменный редут. Под сильным вражеским огнем солдаты и егеря взобрались на холм, форсировали ров и подобрались под самые крепостные стены. При этом 2 унтер-офицера и 9 рядовых 2-го морского полка были убиты, 4 унтер-офицера и 28 рядовых ранены. Буасель готовился к решительному штурму. Но тут на остров прибыл Д.Н.Сенявин. Осмотрев берег, он пришел к выводу об уязвимости острова со стороны Новой Рагузы и невозможности построить здесь батареи. Не желая нести бесполезных потерь, Сенявин приказал эвакуировать десант на корабли. В полном порядке Буасель отвел войска к берегу, и в тот же день 4 роты морских солдат высадились под Новой Рагузой для усиления осадных войск. 16 и 21 июня они вместе с черногорцами отбили две вылазки гарнизона, уничтожив около 100 французов и взяв в плен 23 человека. При этом погибли 3 рядовых 2-го морского полка.

Адмирал Алексей Самуилович Грейг.

Adm. Alexey Samuilovich Greig.

Портрет кисти неизвестного художника. Около 1843 г. (ГЭ)

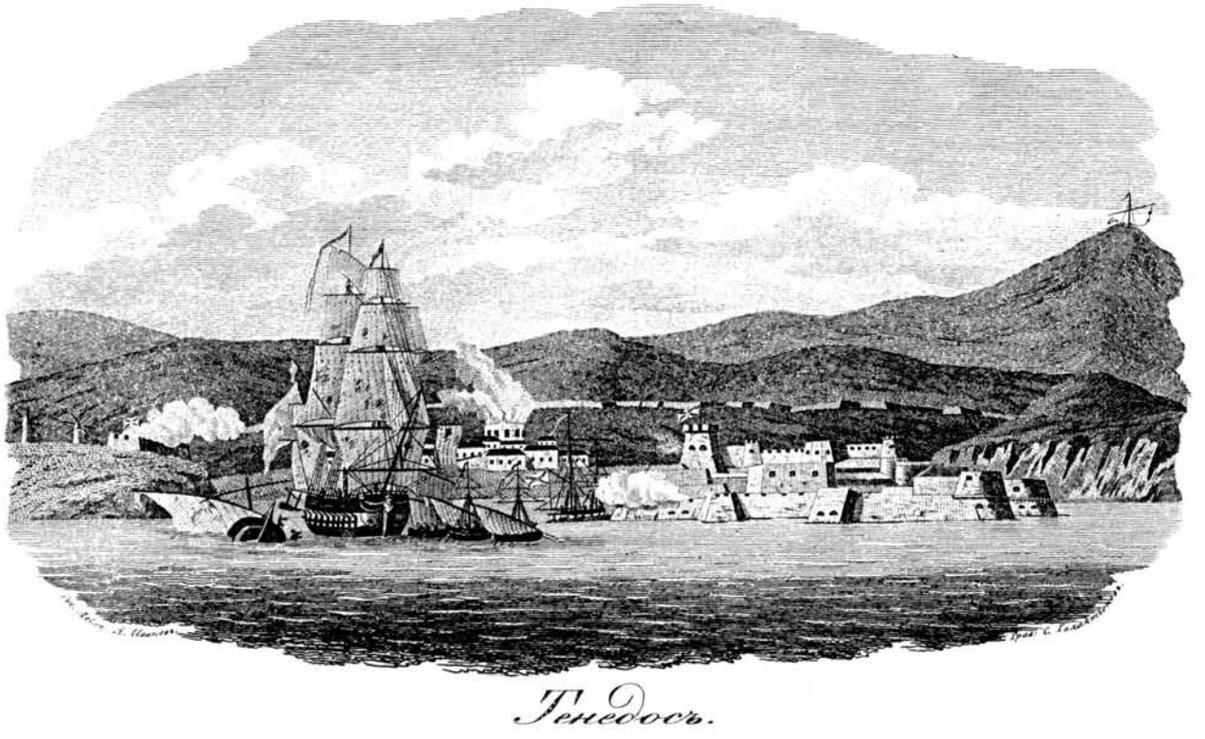
Сын адмирала С.К.Грейга (см. стр. 59). В чине контр-адмирала 8–10 марта 1807 г. командовал десантом, взявшим турецкие береговые укрепления на острове Тенедос и заставившим капитулировать крепость. Впоследствии адмирал, в 1816–1833 гг. главный командир Черноморского флота и портов.

Между тем французский генерал Молитор с трехтысячным корпусом прошел через турецкие владения и оказался в тылу русских войск. В связи с этим 24 июня 1806 г. осаду Новой Рагузы пришлось снять. Часть войск двинулась берегом в Старую Рагузу, а другая, в том числе и роты морских солдат, эвакуировалась на корабли. Последним покинул позиции майор 2-го морского полка С.Т.Федоров, прикрывая со своей ротой (2 офицера и 88 нижних чинов) общее отступление.

8 июля 1806 г. в Париже был предварительно заключен мирный договор между Россией и Францией. Военные действия временно прекратились. Русские войска покинули остров Курцола и отошли в Каттарскую область. Назначенный командующим французскими силами в Далмации генерал Мармон поспешил воспользоваться этим и занял все оставленные укрепления, а также порт Молонта в двух верстах от входа в Каттарскую бухту. Здесь французы построили батарею и установили крупнокалиберные орудия.

Вскоре стало известно, что Александр I отказался ратифицировать парижские договоренности. 31 августа 1806 г. Сенявин возобновил военные действия. Посланный им десантный отряд зашел в тыл Молонте и, отрезав путь в Рагузу, заставил гарнизон и батарею сдаться. В свою очередь генерал Мармон 19 сентября перешел в наступление на Каттаро и сбил черногорцев. На помощь им срочно выступили русские войска. Весь день 20 сентября продолжалось упорное сражение, и утром 21 сентября французы отступили к Старой Рагузе, потеряв около трех тысяч человек, в том числе пленными 47 офицеров и 1300 солдат.

29 ноября 1806 г. эскадра Сенявина снова предприняла операцию против острова Курцола. На его берег высадились 3 роты 2-го морского полка (около 450 чел.), 3 роты 13-го и 3 роты 14-го егерских полков, а также 150 черногорцев – всего 1019 человек. Построившись в три батальонные колонны, десант под личным руководством Сенявина атаковал редут Сан Бияждо, прикрывавший подход к крепости. Французы заняли позицию в 300 шагах перед редутом и, сбив передовую цепь черногорцев, атаковали колонну 14-го егерского полка. Полковник Н.Ф.Бобоедов встретил французов сильным ружейным огнем, после чего, подкрепленный морскими солдатами Буаселя, бросился в штыки. Французы отступили к редуту. Но при атаке Бобоедов и его ротные командиры были ранены, отчего егеря утратили порядок. Французы тут же перешли в контратаку, угрожая сбросить десант в море. Но черногорцы ударили им в левый фланг и заставили остановиться. В этот момент Буасель повел своих морских солдат в штыки, опрокинул французов и загнал их в редут. Матросы втащили на близлежащую высоту два



Вид крепости на острове Тенедос.

View of the fortress on the Tenedos Island.

Гравюра С.Ф.Галактионова 1819 г. по рисунку с натуры лейтенанта А.А.Иванова. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На гравюре изображен знаменитый бой брига «Богоявление» 15 июня 1807 г. После того, как эскадра Д.Н.Сенявина покинула 12 июня Тенедос, турецкий флот вместе с гребной флотилией вышел из Дарданелл, чтобы отбить крепость. Тенедосскую гавань помимо береговых батарей защищал бриг «Богоявление» лейтенанта П.А. де Додта. 15 июня бриг мужественно выдержал огонь всей турецкой эскадры, успешно отвечая ей своей артиллерией. Тогда, чтобы покончить с бригом, капудан-паша Сеид-али приказал трем гребным судам ввести в гавань фрегат. Но бриг сбил огнем у фрегата мачту и повредил руль. После этого артиллерия брига разбила буксировщики, и потерявший управление фрегат течением снесло от острова. На следующий день 16 июня туркам удалось высадить на остров 7-тысячный десант. Тогда де Додт свез все пушки и снаряды с брига в крепость и лично возглавил ее артиллерию. До капитуляции турецкого десанта 28 июня он вместе с полковником Ф.Ф.Падейским мужественно руководил обороной Тенедоса. За храбрость де Додт был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и произведен в капитан-лейтенанты. Впоследствии он прославился смелой десантной операцией 10 июля 1810 г. против крепости Суухм-Кале (см. стр. 154–155). В 1812–1813 гг. де Додт командовал 75-м корабельным экипажем, совершившим сухопутный поход в рядах действующей армии (см. стр. 195).

орудия и меткими выстрелами подавили вражескую артиллерию. После артподготовки 1-я (шефская) гренадерская рота 2-го морского полка взяла редут штурмом. Во время атаки командир роты капитан Чернов был убит, штабс-капитан Сальников смертельно ранен, подпоручик Е.М.Абернибесов контужен пулей в грудь. В этой ситуации роту возглавил фельдфебель Ф.Х.Харитонов, который *«во время неприятельского стремления удерживал место свое и вместе с прочими подбежал под стены редута, а потом первый взобрался на стены оного и занял стоявшие там две пушки»*. За этот подвиг Харитонов был произведен в прапорщики и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса[12].

При атаке редута морские роты потеряли 12 нижних чинов убитыми и 18 ранеными. На следующий день 30 ноября корабль «Ярослав» бомбардировал крепость, а десант изготовился к штурму. Ввиду этого комендант острова полковник Орфанго капитулировал. В плен сдались 14 офицеров и 389 солдат 81-го линейного полка. Кроме того, потери французов составили 156 убитых и 48 раненых. Вслед за взятием Курцола 10 декабря десант 2-го морского полка (102 чел.) также захватил батареи на острове Браццо. Раздосадованный неудачами Мармон предал Орфанго военному суду, который приговорил полковника к 4 годам тюрьмы В свою очередь Александр I за взятие Курцола и Браццо пожаловал всем морским солдатам и унтер-офицерам по 1 рублю.

Между тем 31 августа 1806 г. из Ревеля к Сенявину вышла эскадра капитан-командора И.А.Игнатьева, имевшая на борту батальон подполковника Шевандина 3-го морского полка (4 роты 2-го мушкетерского батальона: 2 штаб- и 17 обер-офицеров, 744 нижних чина). Перед отправкой эскадры император 23 августа провел общий смотр трех морских полков, во время которого ему представили ветеранов, служивших еще в гатчинских войсках Павла Петровича, в том числе под командованием юного великого князя Александра. Многие из них имели знаки отличия ордена Св. Анны за 20-летнюю беспорочную службу. Государь даровал всем ветеранам права однодворцев и лично распределил их по гвардейским полкам.

С приходом эскадры И.А.Игнатьева в Адриатике должны были собраться 10 рот от всех балтийских морских полков. В связи с этим 10 ноября 1806 г. император велел из этих рот заново организовать 2-й морской полк, а два его батальона, остававшиеся в Кронштадте, передать по одному на укомплектование 1-го и 3-го полков. 21 декабря 1806 г. эскадра Игнатьева соединилась в Корфу с русскими силами. Теперь на кораблях Сенявина насчитывалось 48 офицеров и 1734 нижних чина нового 2-го морского полка.

С началом русско-турецкой войны (см. ниже) Сенявину пришлось ограничить действия против французов. Выступив с главными силами в Архипелаг, он оставил для защиты Бокко-ди-Каттаро отряд капитан-командора И.А.Баратынского, на судах которого находились две роты 2-го морского полка. Русский гарнизон Каттаро возглавил командир 14-го егерского полка полковник Ф.Е.Книпер – в прошлом боевой офицер морской пехоты (см. стр. 64). Учитывая слабость оставляемых сил, Сенявин велел Баратынскому не предпринимать экспедиций против французов и турок.

[12] Благодаря своей храбрости простой крестьянин села Березовиц Тульской губернии Федор Харитонович Харитонов вместе с чином прапорщика получил 17.II.1807 г. права потомственного дворянина. Он продолжил службу во 2-м морском полку, участвовал в походах 1812–1813 гг., был ранен при осаде Данцига и 12.III.1817 г. вышел в отставку капитаном с мундиром и полным пенсионом.

В мае 1807 г. в Далмации вспыхнуло освободительное восстание. Славяне истребили множество мелких французских отрядов и гарнизонов. Однако Мармон успел собрать войска и жестоко подавил разрозненное сопротивление. Пытаясь оказать помощь повстанцам, но не имея достаточных сил для операций на берегу, Баратынский с 22 мая крейсировал вдоль побережья Далмации, обстреливая французские войска. Кроме того, ему приходилось эвакуировать на остров Браццо славянское население, спасающееся от мести французов. Несколько раз – 26 мая близ Спалато, 30 мая у крепости Алмисса, 5–6 июня у города Макарска – Баратынский высаживал десанты, сдерживавшие наступление войск Мармона. В этих действиях участвовали и роты 2-го морского полка.

25 июня 1807 г. был заключен Тильзитский мир, по которому Россия уступила Франции Каттарскую область и Ионические острова. В соответствии с этим капитан-командор Баратынский 29–31 июля передал все укрепления французскому генералу Лористону, и 14 августа 1807 г. русские войска покинули Бокко-ди-Каттаро.

Архипелагская экспедиция российского флота под командованием Д. Н. Сенявина в 1807 году.

Поражение русских войск при Аустерлице обнадежило Турцию, которая 18 декабря 1806 г. объявила России войну. В связи с этим назначение эскадры Д.Н.Сенявина было изменено. 10 февраля 1807 г. она вышла из Корфу для совместных действий с англичанами в Архипелаге против турок. Подойдя 24 февраля к Дарданеллам, Сенявин встретил британскую эскадру вице-адмирала Дукворта. Накануне она неудачно пыталась взять Константинополь, но с серьезными потерями едва вырвалась из Мраморного моря. Сенявин предложил повторить попытку, но Дукворт категорически отказался и 1 марта увел свою потрепанную эскадру на Мальту. Таким образом, Сенявину оставалось лишь блокировать подвоз припасов в столицу Турции, а также пытаться выманить турецкий флот в море. Для этого требовалась постоянная база вблизи пролива. Собранный Сенявиным военный совет высказался за базирование на острове Тенедос, расположенном в 15 верстах от входа в Дарданеллы.

Библиография и источники:

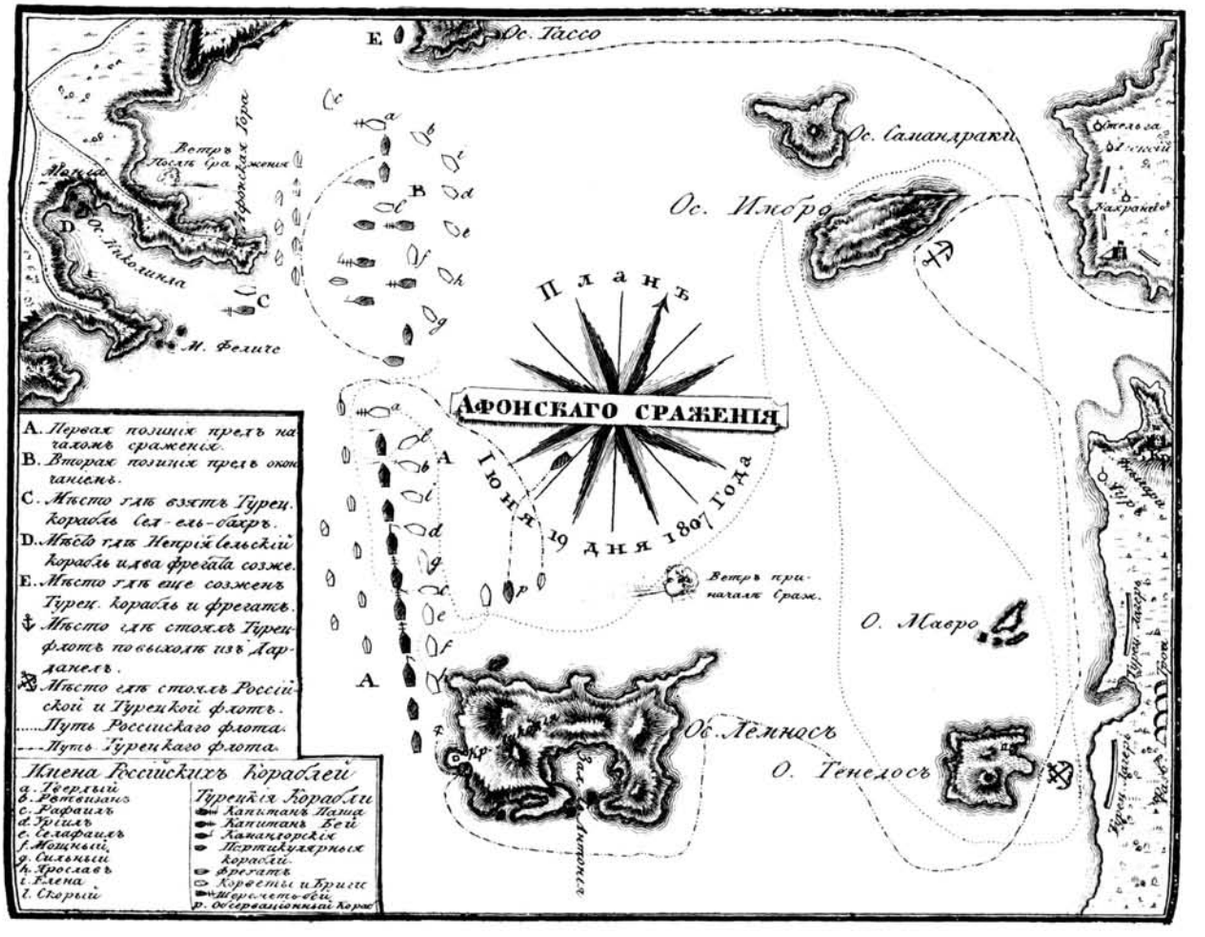
Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. I–III. СПб., 1836–1837.

Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море. Ч. I–III. СПб., 1872.

Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916.

Свиньин П.П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. I–III. СПб., 1818–1819.

Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807). // Избранные произведения академика Е.В.Тарле. Т. IV. Ростов-на-Дону, 1994.



План Афонского сражения 19 июня 1807 г.

Plan of the Battle of Athon on 19 June 1807.

Гравюра 1819 г. из книги В.Б.Броневского «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год»

Афонское сражение 19 июня 1807 г.

Battle of Athon on 19 June 1807.

Копия художника Т.Трейстера с картины кисти А.П.Боголюбова 1852 г. (ЦВММ)

За храбрость в Афонском сражении 4 офицера 2-го морского полка были награждены орденом Св. Георгия 4-го класса.

Подойдя к Тенедосу, Сенявин предложил коменданту крепости сдаться. Но гордый паша решительно отказался. Тогда на рассвете 8 марта 1807 г. русские корабли начали бомбардировать остров, заставив турецкие войска очистить побережье и укрыться в шанцах. Вслед за этим Сенявин высадил десант – 1550 человек при 10 орудиях и 6 фальконетах. Командовавший десантом контр-адмирал А.С.Грейг построил войска в две колонны. 6 $^1/_2$ рот 2-го морского полка с 4 пушками и 6 фальконетами составили правую колонну, которая под командованием полковника Ф.А.Буаселя двинулась вдоль морского берега. Впереди нее цепью шли албанские стрелки и добровольцы-застрельщики из солдат и матросов. При этой же колонне находился Д.Н.Сенявин, лично руководивший операцией. Подойдя к турецким шанцам, Буасель выдвинул вперед картаулы, которые под управлением морских офицеров стали бить картечью, совершенно деморализовав противника. Рота капитана З.П.Жукова ударила в штыки, опрокинула турок и, очистив шанцы, штурмом взяла ретраншемент, захватив 7 пушек и 5 знамен. Бежавшие под защиту главной крепости турки в панике столпились на мосту. Тут их настигли преследователи и, расстреливая из пушек и ружей, штыками вогнали в крепостные ворота. Турки, пытавшиеся спастись в городе, были встречены левой колонной А.С.Грейга, которая залпом смела противника, вломилась в предместье и штыками очистила дома и постройки. Комендант крепости убедился в бесполезности дальнейшего сопротивления и 10 марта капитулировал. Победителям достались 79 пушек, 3 мортиры, множество припасов. Общие потери десанта составили 2 убитых албанских ополченца, раненых 6 офицеров, 73 солдата и матроса. Эскадра Сенявина получила удобную базу вблизи Дарданелл. *«С приобретением сей крепости,* – писал мичман П.И.Панафидин, – *мы овладели надежным и покойным пунктом в военном отношении, с прекрасною пресною водою, как самой важной надобностью для флота».*

Приступив к блокаде Дарданелл, Сенявин решил попытаться выманить турецкие корабли из пролива. Русская эскадра демонстративно покинула Тенедос и отправилась в крейсерство, якобы для захвата близлежащих островов. 8 мая Сенявин высадил десант на острове Лемнос. 840 солдат и матросов под руководством командира корабля «Рафаил» капитана 1 ранга Д.А.Лукина (в том числе 16 офицеров и 597 нижних чинов 2-го морского полка) захватили передовые укрепления крепости Пелари. В бою погибли 3 морских солдата, 11 были ранены и 6 пропали без вести.

Между тем обманутый демонстрацией турецкий флот вышел из Дарданелл, чтобы, пользуясь отсутствием русской эскадры, отбить Тенедос. Но Сенявин только и ждал этого. Вечером 10 мая 1807 г. он атаковал турецкую эскадру, которая с большим уроном бежала под защиту дарданелльских укреплений. 3 турецких корабля были выведены из строя. Разгневанный неудачей капудан-паша Сеид-Али приказал казнить одного вице-адмирала и двух капитанов.

Гренадеры 2-го морского полка. 1803–1807 гг.

Grenadiers of the 2nd Naval regiment, 1803–1807.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1277.

Вскоре в Константинополе из-за русской блокады начался голод. Произошел бунт, в результате которого султан Селим III был свергнут. Его преемник Мустафа IV обещал освободить Дарданеллы и восстановить подвоз хлеба. С этой целью он начал готовить десантную экспедицию, чтобы разгромить русскую базу на Тенедосе. Видя приготовления турок, Сенявин решил повторить свою хитрость. 12 июня он снова отошел от Тенедоса, оставив в крепости два неполных батальона Козловского мушкетерского полка и около 200 албанских ополченцев. Как ни странно, турецкий флот опять попался в ловушку. После ухода русской эскадры он сразу же покинул остров Имбро, сопровождая большую гребную флотилию, и высадил 16 июня на Тенедос около 6 тысяч десантных войск. Турки осадили крепость, отвели от нее пресную воду и начали бомбардировать. Но храбрый командир Козловского полка полковник Ф.Ф.Падейский мужественно выдержал осаду.

В это время Сенявин обошел турецкий флот и, отрезав ему путь к Дарданеллам, двинулся 17 июня в атаку. Увидев русские корабли, турецкая эскадра бросила свою гребную флотилию и пустилась в бегство. Множество лодок с пушками досталось в руки преследователей. Наконец, на рассвете 19 июня эскадра Сенявина настигла турок возле Афонской горы и в 7 часов 45 минут начала атаку. Готовясь к сражению, адмирал приказал биться с врагом на самой короткой дистанции: *«Чем ближе к нему, тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящщего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Если неприятель под парусами, то бить по мачтам, если же на якоре, то по корпусу. <...> С кем начато сражение, с тем и кончить или потоплением или покорением неприятельского корабля»*. Перед атакой Сенявин дополнительно поднял сигнал: *«Назначенным кораблям атаковать неприятельских флагманов вплотную»*.

Не отвечая на вражеский огонь, русские корабли подошли к туркам на картечный выстрел, после чего завязалось ожесточенное сражение. Во время боя, проходившего с 8 до 11 часов утра на самой короткой дистанции, солдаты 2-го морского полка из ружей в упор расстреливали турецких матросов. Офицер корабля «Рафаил» П.И.Панафидин вспоминал: *«Мы были совершенно окружены: вправе адмиральский турецкий корабль, почти обезоруженный, все реи у него сбиты, но он продолжал драться; за кормой – 100-пушечный турецкий корабль, приготовлявшийся нас абордировать; весь бак наполнен был людьми, они махали ятаганами и, кажется, хотели броситься на наш корабль.. Капитан прокомандовал: "Абордажных!". Лейтенант Ефимьев и я собрались со своими людьми, чтобы абордировать капудан-пашинский корабль; но коронада с юта и 2 пушки, перевезенные в констапельскую, и ружейный огонь морских солдат привели по-прежнему в должное почтение, – и корабль турецкого главнокомандующего снова уклонился из линии»*.

К полудню турецкий флот потерпел сокрушительное поражение. В ходе дальнейшего двухчасового преследования флагманский корабль «Сетель-бахри» был взят в плен. 2 турецких фрегата затонули. Еще 2 линейных корабля, 2 фрегата и 1 шлюп, спасаясь от плена, выбросились на мель и были сожжены. Во время Афонского сражения майоры 2-го морского полка А.П.Козмин, С.Т.Федоров, Ф.В.Повалишин и П.П.Семенов *«сверх выполнения должности своей, с особенною расторопностью и деятельностью не упускали везде быть, где только более оказывалось опасности, и примером собственной храбрости поощряли к тому солдат и флотских служителей»*. При этом майор Ф.В.Повалишин был контужен в левую ногу. Все четыре офицера получили за храбрость орден Св. Георгия 4-го класса. Боевые потери 2-го морского полка составили 7 солдат убитыми и 11 ранеными.

Разгромив вражескую эскадру, Д.Н.Сенявин 25 июня вернулся к Тенедосу, где полковник Падейский все еще держался против многотысячного турецкого десанта. Теперь уже турки оказались в безвыходном положении. Брошенные своим

Вид крепости Корфу.

View of the Corfu Fortress.

Гравюра К.В.Ческого по рисунку Е.М.Корнеева 1804 г. (РГБ)

На рейде видны русские военные корабли под Андреевским флагом.

флотом, без гребных судов и провианта, они вынуждены были 28 июня 1807 г. капитулировать. Поскольку русская эскадра не могла содержать около 5 тысяч пленных, Сенявин приказал разоружить их и перевезти обратно на Анатолийский берег. Полковник Ф.Ф.Падейский за мужественную оборону Тенедоса получил орден Св. Георгия 3-го класса. Следует заметить, что сам Д.Н.Сенявин имел только 4-ю степень этого почетного ордена.

После Афонской победы российский флот полностью господствовал в регионе. Турецкие корабли не осмеливались показываться из Дарданелл. Но тут стали приходить печальные вести из Европы. *«Весь июль месяц провели в бездействии,* – вспоминал мичман П.И.Панафидин. – *Слухи, доходившие до нас о войне в Пруссии, были не совсем приятные. Наконец* [12 августа 1807 г.], *курьер, привезший повеление на фрегате "Херсон" об окончании с французами войны и возвращении нашем в Россию, решил нашу участь».* В соответствии с Тильзитским мирным договором Россия уступила Франции Ионические острова, а также обязалась заключить перемирие с Турцией. Александр I приказал прекратить боевые действия в Архипелаге и возвращаться в Россию.

28 августа, взорвав укрепления Тенедоса, эскадра Сенявина отправилась на Корфу. Здесь русских моряков ждал неприятный сюрприз. Еще 22 августа остров был передан французам. Поэтому, когда 4 сентября корабли Сенявина подошли к крепости, там *«уже развевался французский флаг. <...> Пришедши в Корфу, было грустно видеть этот город, отданный по миру тем войскам, которых мы привыкли видеть пленными,* – писал П.И.Панафидин. – *Почти 3 года у нас была война с ними – трудно себя переломить. Несчастная кампания в Пруссии возвысила французов, но храбрость наших войск заставила их нас уважать. Несносное хвастовство французских офицеров <...> до того довело, что были беспрерывные дуэли, и съехать на берег почти всегда влекло к какой-нибудь неприятной истории».*

Вторая Архипелагская экспедиция российского флота завершилась. За бои с турками и французами в 1806–1807 гг. 96 нижних чинов 2-го морского полка были награждены Знаками отличия Военного ордена Св. Георгия (Георгиевскими крестами). 19 сентября 1807 г. эскадра Д.Н.Сенявина покинула Корфу и отправилась в Россию. Впереди ее ждали новые испытания.

Гренадерская шапка 2-го морского полка образца 1803–1807 гг.

Grenadier's cap of the 2nd Naval Regiment, vintage 1803–1807.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист №1275.

Войны с Англией и Швецией. 1807–1812 гг.

Библиография и источники:

Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. I–III. СПб., 1836–1837.

Броневский Д.Б. Записки. // Русская старина. 1908. № 6.

Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н.Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. М., 2004. С. 7–26.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807). М., 1954.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

По условиям Тильзитского мирного договора Александр I вынужден был принять сторону Франции и вступить в войну со своими прежними союзниками. 26 октября 1807 г. Россия объявила войну Англии, а в феврале 1808 г. русские войска начали боевые действия против Швеции. Изменение политического курса сказалось прежде всего на возвращавшейся из Корфу эскадре Д.Н.Сенявина (9 кораблей и 2 фрегата). После трехнедельной борьбы со штормами Атлантики она 1 ноября 1807 г. укрылась в нейтральном Лиссабоне. Решив здесь перезимовать, Сенявин послал фрегат «Венус» с приказом русским судам, стоявшим в Венеции и Триесте, следовать к нему для соединения. Но вскоре, 17 ноября, португальский принц-регент Жоан бежал в Бразилию, а Лиссабон заняли французские войска генерала Жюно. В свою очередь британский флот (13 кораблей, 11 фрегатов, 5 судов) подошел к Лиссабону с моря. Началась 10-месячная блокада русской эскадры, на борту которой находились 8 рот 2-го морского полка при 32 офицерах под общим командованием полковника Ф.А.Буаселя. Хотя генерал Жюно пытался склонить Сенявина к совместным действиям против англичан, вице-адмирал под различными предлогами уклонялся от этого.

Между тем «Венус» 22 ноября зашел в Палермо, где был блокирован английским отрядом из 5 линейных кораблей и 2 фрегатов. Возглавлявший отряд вице-адмирал Торнброу потребовал капитуляции русского судна. Собранный капитан-лейтенантом К.Е.Андреяновым военный совет единогласно решил защищаться и при необходимости сжечь «Венус». Но поскольку Палермо считался нейтральном портом, Андреянов заключил 29 декабря 1807 г. соглашение с сицилийским правительством о передаче ему фрегата на сохранение до конца войны. Команда сошла на берег и разместилась в городе под защитой сицилийских властей. Здесь русские моряки завели дружеские отношения с британцами, которые попытались переманить русских солдат и матросов на королевскую службу. При этом вербовщики не стеснялись в средствах. Например, рядовой 3-го морского полка Епифанов познакомился с английским сержантом. Вместе они зашли в трактир, где сержант щедро угощал Епифанова вином, после чего предложил переменить службу и даже вручил несколько червонцев задатка. Но Епифанов, сообразив, о чем идет речь, бросил червонцы сержанту в лицо, вылил ему на голову кружку вина и вытолкал незадачливого вербовщика из трактира. В конце концов, не сумев переманить команду «Венуса», англичане попытались захватить русских офицеров. Но солдаты и матросы с оружием встали на их защиту. Андреянов заявил королю Фердинанду IV официальный протест. После этого сицилийские власти предоставили два транспорта, на которых 12 апреля 1808 г. весь экипаж «Венуса» с оружием отплыл из Палермо и присоединился к русской эскадре в Триесте.

Мушкетер 3-го морского полка в суконной шапке образца 1803 года.

Musketeer of the 3rd Naval Regiment, wearing a cloth cap authorised in 1803.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист №1357.

В августе 1808 г. после поражения у Вимейро генерал Жюно вынужден был оставить Португалию. Английские войска заняли Лиссабон, после чего адмирал Коттон потребовал сдачи русской эскадры. *«Вице-адмирал Сенявин не устрашился сего предложения; он представил Коттону, что русский флот под стенами Лиссабона, без пользы для англичан и к разорению того города, взорвет свои корабли и не сдаст ни одного корабля»*. После переговоров 23–24 августа 1808 г. Сенявин и Коттон заключили соглашение. По его условиям 9 русских кораблей и 1 фрегат передавались на сохранение Англии *«в залог вскоре восстановляемых старинных и дружественных сношений»* с тем, чтобы через 6 месяцев после заключения мира она возвратила их России. Экипажи должны были незамедлительно вернуться на родину за счет британского правительства. Передачу кораблей предполагалось осуществить в одном из английских портов. 31 августа 1808 г. эскадра Сенявина вышла в море, оставив в Лиссабоне ветхие корабли «Рафаил» и «Ярослав». 26 сентября 7 линейных кораблей и 1 фрегат с поднятыми Андреевскими флагами вошли на Портсмутский рейд. *«Английский народ в Портсмуте едва не взбунтовался, увидев незначительный русский флот, входящий на рейд главного порта Англии вместе с англичанами, каждый под своим флагом,* – вспоминал мичман П.И.Панафидин. – *Монтегю, известный адмирал и начальник порта, просил*

вице-адмирала [Сенявина] *не поднимать кормовых флагов, и все английские суда, бывшие тогда в Портсмуте, поутру не подняли своих флагов. Вице-адмиральский флаг на брам-стеньге и вымпела корабельные развевались на своих местах».* Проявив твердость, Сенявин добился соблюдения всех воинских почестей. Флаги были спущены только через три дня с обычной церемонией по пробитии зори, а адмиральский флаг и вымпелы – ночью, как при окончании морской кампании. По требованию возмущенных лордов адмирал Коттон попал под суд и, хотя сумел оправдаться, его отстранили от командования эскадрой.

15 октября 1808 г. русские корабли перевели из Портсмута на стоянку к острову Уайт, где около 5 тысяч русских солдат и матросов вынуждены были зимовать в очень трудных условиях. *«Продовольствие людей на российских кораблях чрезвычайно худо выполняется Английским Правительством,* – жаловался Сенявин 13 февраля 1809 г. лорду Малгрейву, – *с начала прибытия в Англию масла совсем не получали, некоторые провизии не приняты за худым качеством, которые не могли служить в пищу даже и скотине, а другие хотя и посредственные, но доставлялись с такою медленностью, что принуждены были уменьшать порцию».* Обмундирование солдат износилось, зимняя одежда отсутствовала. В то же время английские вербовщики окружили русских моряков повышенным вниманием и заманчивыми предложениями. В итоге за время зимовки им удалось переманить 27 рядовых морских полков на королевскую службу. Наконец, с 20 апреля 1809 г. русские команды начали передавать корабли англичанам. Процедура эта растянулась, и лишь 4 августа экипажи Сенявина на 21 транспорте покинули Портсмут. В сентябре они пришли в Ригу, и после пяти лет дальних странствий и трех войн 28 октября 1809 г. роты 2-го морского полка вступили в Ревель[13].

Столь же нелегким оказался путь домой эскадры, покинувшей Бокко-ди-Каттаро, а также других судов, не успевших присоединиться к Сенявину (6 кораблей, 4 фрегата, 5 корветов, 3 брига, 1 катер). В связи с началом войны против Англии русские суда 28 декабря 1807 г. укрылись в гаванях Триеста, Венеции, Корфу, Тулона, где их блокировал английский флот. Почти два года пришлось провести здесь русским экипажам, в том числе двум ротам 2-го морского полка. В конце концов, 27 сентября 1809 г. по соглашению с французским правительством все суда были проданы Франции. Их команды собрались в Триесте, откуда в марте 1810 г. они отправились пешим порядком в Россию. 17 сентября 1810 г. в Кронштадт вернулась сборная команда 2-го морского полка из Венеции и Триеста под начальством полковника Марина: 8 офицеров, 12 унтер-офицеров, 5 музыкантов и 198 рядовых. 2 ноября 1810 г. дополнительно из Тулона пришла партия майора Маркова. В конце 1810 г. за границей оставалась еще солдатская команда на шлюпе «Шпицберген». Во время штормов в октябре 1807 г. он отстал от эскадры Сенявина и вынужден был укрыться в испанском порту Виго, а затем в заливе у местечка Портелла. Англичане не позволили «Шпицбергену» пройти в Лиссабон. Лишь через 5 лет, в июле 1812 г., шлюп продали с аукциона, а подпоручик Р.Р.Тареев с 22 рядовыми смог вернуться на английском транспорте в Россию.

Адмирал Петр Иванович Ханыков.

Adm. Pyotr Ivanovich Khanykov.

Портрет кисти П.Н.Бажанова. 1913 г. (ЦВММ)

Параллельно с этими событиями в дальних морях военные действия разворачивались и в непосредственной близости от Петербурга. Поскольку 2-й морской полк находился на кораблях Д.Н.Сенявина, для усиления обороны Кронштадта на Котлин перевели из Ревеля 3-й морской полк. Здесь его солдаты вместе с 1-м полком занимали караулы, состояли при орудиях, а также участвовали в строительстве новых укреплений. С началом кампании 1808 года 1-й морской полк оставили на берегу для обороны Кронштадта, а 3-й отправили на эскадру адмирала П.И.Ханыкова (9 кораблей, 7 фрегатов, 4 корвета, 6 шлюпов, 2 брига, 4 плавучие батареи).

14 июля русская эскадра вышла в море с целью разбить шведский флот до его соединения с английским. Но 10 августа Ханыков встретил шведскую эскадру (5 кораблей, 6 фрегатов, 2 брига, 1 коттер), уже усиленную английскими кораблями «Centaur» и «Implacable». Не желая рисковать, адмирал 13 августа повел свои корабли в Балтийский порт. Прикрывал отход 110-пушечный корабль «Гавриил». Но, как вспоминал находившийся на «Гаврииле» гардемарин Д.Б.Броневский, *«на рассвете* [14 августа] *оказалось, что не "Гавриил" задний корабль, а "Всеволод", самый плохой ходок из всего флота, и очень близко от него два английских корабля; шведский же флот на горизон-*

[13] Из оставленных Д.Н.Сенявиным в Лиссабоне и Портсмуте судов в Россию в 1813 году вернулись корабли «Мощный» и «Сильный», которые привезли все морские орудия и снаряды. За остальные 7 кораблей и 1 фрегат, окончательно пришедшие к этому времени в негодность, Англия заплатила, как за новые.

те. Когда посветлело, то "Всеволод", сблизясь с одним английским кораблем, открыл по нем огонь. Другой английский корабль вскоре атаковал "Всеволод", и таким образом наш корабль поставлен был в опасное положение между двумя английскими. В это время на нашем флоте вот что происходило: адмирал [Ханыков] *дал сигнал "Гавриилу" спуститься на неприятеля. Капитан наш* [капитан 2 ранга И.Я.Чернявин] *ослушался приказания*[14]. *Начальник дивизии контр-адмирал* [А.В.]*Моллер на своем корабле "Зачатие Св. Анны", спускаясь на неприятеля и репетуя сигнал адмирала: "Спуститься "Гавриилу", – проходя мимо его, выстрелил под корму ядром, что считается на флоте самым строгим выговором. У нас на корабле был старший по капитане офицер капитан-лейтенант Нелидов, человек постоянно пьяный, но в эту минуту проявилась в нем неожиданная энергия. Он подошел к капитану и сказал ему, что этого позора нельзя выносить, и вслед за тем поставил штурмана на руль и приказал ему положить право на борт и стал за "Анною" спускаться на неприятеля. Но этой решимости у Нелидова не надолго стало; малодушие капитана опять взяло верх: подойдя на дальний пушечный выстрел, он привел свой корабль к ветру и приказал открыть огонь по 90-пушечному английскому кораблю, который также отвечал несколькими выстрелами, и вслед за тем вместе с другим английским кораблем удалились от "Всеволода". Адмирал приказал фрегату "Феодосий Тотемский"*[15] *взять "Всеволода" на буксир. Фрегат этот скоро оставил буксир, оправдываясь, что кабельтов лопнул, но слухи носились, что он обрубил его, и таким образом "Всеволод", израненный в бою с двумя кораблями, был предоставлен своей судьбе. Флот между тем уходил в Балтийский порт, куда благополучно вошел бы и "Всеволод", но имея повреждение в рангоуте, не мог обойти острова Роге, образующего одну сторону губы Балтийского порта, свалился за него и таким образом был отделен от флота. Ночью посланы были* [Ханыковым с кораблей эскадры] *баркасы для провода "Всеволода" ко флоту; но атаковавшие "Всеволод" в это время все те же два английских корабля несколькими выстрелами картечью разогнали наши баркасы. Завязался сильный бой между нашим и английскими кораблями, который кончился тем, что англичане абордировали "Всеволод"».*

Первым атаковал «Всеволода» корабль «Centaur». Решив защищаться до конца, капитан 2 ранга Д.В.Руднев поставил свой корабль на мель. Баркасы и шлюпки укрылись от английской картечи за «Всеволодом», а офицеры с матросами поднялись на борт. Среди смельчаков, решивших помочь его защитникам в неравном бою, был молодой лейтенант М.П.Лазарев. Обходя «Всеволод» со стороны носа, «Centaur» уткнулся в мель, после чего сцепился с русским кораблем на абордаж. Упорный бой длился около часа. Несколько раз англичане врывались на палубу, но солдаты и матросы отбивали их врукопашную. В это время подоспел второй английский корабль «Implacable», который зашел «Всеволоду» с кормы и продольными залпами всего борта загнал защитников в деки. Маневр «Implacable» решил судьбу боя. Экипаж «Всеволода» потерял к этому времени 1 обер-офицера и 113 нижних чинов убитыми, 5 офицеров и 67 нижних чинов ранеными. В том числе погибли унтер-офицер Василий Еремеев и 10 рядовых 3-го морского полка, прапорщик А.В.Цвилинев и 9 рядовых были ранены. Команда «Centaur» наконец смогла ворваться на палубу русского ко-

[14] По свидетельству Э.И.Стогова, «капитан этого корабля, получив сигнал, схватился за голову, крикнул: "Моя жена, мои дети!"» (Русская старина. 1903. № 1. С. 145).

[15] По другим источникам это был фрегат «Полукс».

Контр-адмирал Михаил Петрович Лазарев.

Rear-Adm. Mikhail Petrovich Lazarev.

Литография Н.Тверского. 1830 г. (ЦВММ)

14 августа 1808 г. М.П.Лазарев в чине лейтенанта участвовал в сражении корабля «Всеволод» с двумя английскими кораблями. После абордажного боя был поднят англичанами из воды, после чего с воинскими почестями отпущен. Впоследствии адмирал, генерал-адъютант, в 1833–1851 гг. главный командир Черноморского флота и портов. В 1838–1839 гг. руководил десантными операциями на черноморском побережье Кавказа.

Капитан-лейтенант 8-го корабельного экипажа Николай Александрович Бестужев.

Lt. Nikolai Alexandrovich Bestuzhev, of the 8th ship's company.

Портрет кисти М.И.Теребенева. 1825 г. (ГЭ)

14 августа 1808 г. Н.А.Бестужев в чине гардемарина участвовал в бою корабля «Всеволод» с двумя английскими кораблями. Впоследствии декабрист.

рабля. Его защитники стали бросаться за борт, пытаясь вплавь или на баркасах достичь берега. Англичане стреляли им вслед и преследовали на шлюпках. Так они догнали и подняли из воды лейтенанта М.П.Лазарева. Вплавь смогли спастись лишь 56 человек. Большинство русских матросов и солдат, среди которых поручики 3-го морского полка Я.И.Лейдлов, Арцибашев, прапорщик А.В.Цвилинев и 96 нижних чинов, оказались запертыми в деках и попали в плен. *«"Всеволод" был так избит в этих двух кровавых схватках, что не мог быть тронут с мели, на которой он сидел, и потому англичане, взяв с корабля команду, на другой день поутру рано зажгли его,* – вспоминал гардемарин Д.Б.Броневский. – *Через несколько часов последовал взрыв, сперва малой, а потом большой крюйт-камеры... Остатки "Всеволода" течением несло мимо нашего корабля. Какой безмолвный укор предательства! И на нас, юношей, эта сцена действовала сильною грустью».* Англичане проявили большое уважение к храбрости русских солдат и матросов. Пленным оказали все воинские почести и сразу же отпустили. Александр I также оценил мужество защитников «Всеволода». В последующем факт пленения никак не сказался на их карьере, а командир корабля капитан 2 ранга Д.В.Руднев дослужился до контр-адмирала.

После боя 14 августа 1808 г. англо-шведская эскадра блокировала русские корабли в Балтийском порту. Для его защиты на острове Малый Роге под руководством шефа 3-го морского полка А.Ю.Гамена установили артиллерийские батареи. 20, 21 и 24 августа английские корабли пытались завязать дуэль, но батареи отогнали их метким огнем. 16 сентября противник снял блокаду Балтийского порта, и 30 сентября эскадра Ханыкова вернулась в Кронштадт. Здесь проявивший трусость капитан 2 ранга И.Я.Чернявин был приговорен судом *«к лишению живота»* и выгнан из службы. Адмирала П.И.Ханыкова, несмотря на благорасположение императора, тоже подвергли суду, который *«приговорил Ханыкова разжаловать в матросы, но государь написал: "Разжаловать на 12 часов и Ханыкову не объявлять". Старик Ханыков имел обыкновение каждое утро гулять два часа; у ворот один враг его уже дожидался и спросил, почему он не в платье матроса? При этом показал ему приказ. Это так поразило Ханыкова, что с ним сделался паралич»*[16].

В следующем 1809 году 3-й морской полк снова назначили на корабли. Но в серьезных боевых столкновениях ему участвовать не довелось. Вообще, за время морских кампаний 1808 и 1809 гг. большинство потерь 3-й морской полк нес не в сражениях, а из-за тяжелых условий службы. Так, в 1808 году на кораблях утонули и умерли 10 морских солдат и еще 178 человек скончались на берегу от ран и болезней. За 1809 год в 3-м морском полку умерли 133 человека. Нередко морским солдатам приходилось проявлять героизм не в бою, а в мирной обстановке, как, например, это случилось 26 октября 1809 г. во время гибели фрегата «Поллукс». В ночной темноте фрегат наскочил на камень и пошел ко дну. Командир и большая часть экипажа утонули. Тогда подпоручик 3-го морского полка С.Я.Корзун поднялся на ванты и возглавил спасение людей. Вместе с шкипером Шестаковым он на единственном уцелевшем катере организовал доставку матросов и солдат на близлежащий остров. Из своей команды Корзуну удалось спасти 1 портупей-прапорщика и 21 рядового. Храбрый подпоручик последним оставил тонущее судно, на котором погибли унтер-офицер Архип Булычев, барабанщик Ефрем Карпов и 25 рядовых 3-го морского полка.

5 сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был заключен мирный договор, по которому Швеция уступила России Финляндию и Аландские острова. Через три года при посредничестве Швеции мирный договор заключили Россия и Англия[17].

Унтер-офицер мушкетерского батальона 3-го морского полка. 1803–1808 гг.

A warrant officer of the musketeer battalion of the 3rd Naval Regiment. 1803–1808.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 135б.

[16] Записки Э.И.Стогова. // Русская старина. 1903. № 1. С. 145.

[17] 6 июля 1812 г.

Война с Турцией на Черном море в 1807–1812 гг.

Библиография:

Петров А.Н. Война России с Турцией. 1806–1812. Т. I–III. СПб., 1885–1887.

Савваитов П. Адмирал С.А.Пустошкин. СПб., 1853.

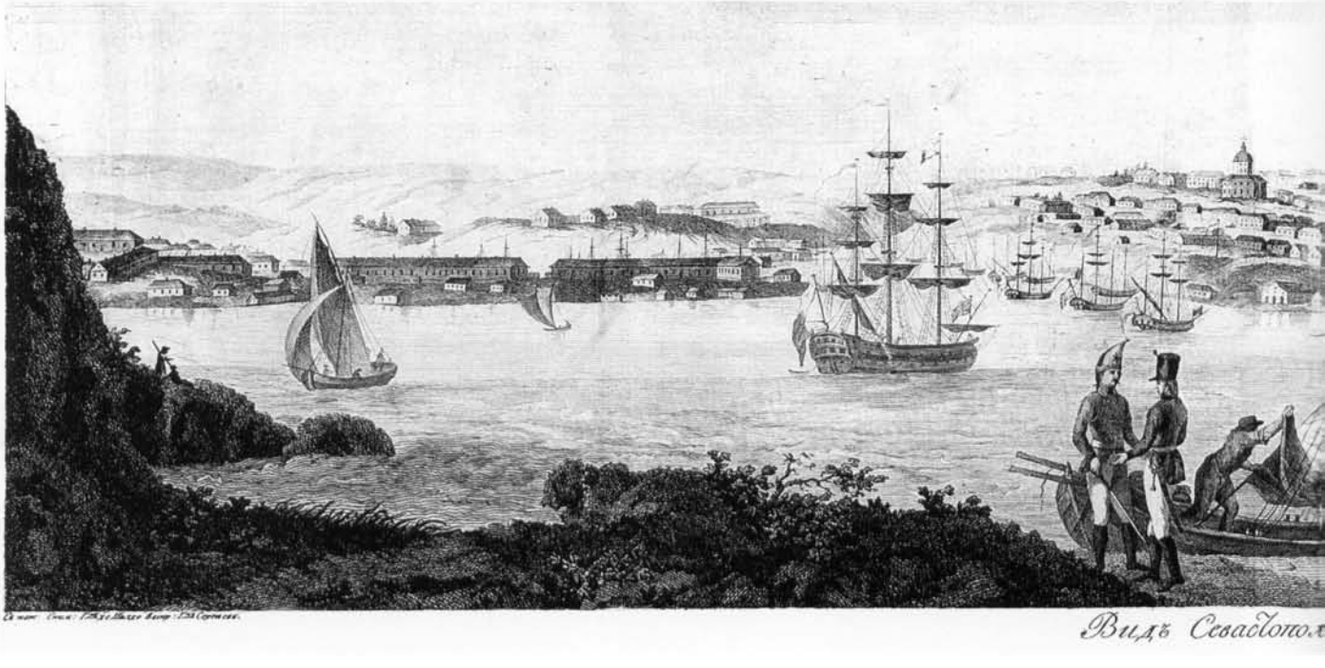
Кумани Н.М. Действия Черноморского флота в царствование Александра I с 1801 по 1826 г. // Морской сборник. 1900. № 10–12.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Параллельно с действиями эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина в Архипелаге (см. выше) российский Черноморский флот также провел несколько десантных операций против турецких прибрежных крепостей. Поначалу весной 1807 г. рассматривался вопрос о захвате самого Константинополя. Но главный командир Черноморского флота адмирал маркиз И.И. де Траверсе и начальник 13-й дивизии генерал-лейтенант дюк Э.О. де Ришелье, изучив всю сложность такой экспедиции, *«не осмелились отваживать на удачу честь и славу России»*. В качестве более реальной задачи они предложили захватить турецкую крепость Анапа, чем облегчить действия русских войск на Кубани против черкесов, которые получали от анапского паши оружие и припасы. 21 апреля 1807 г. из Севастополя к Анапе вышла эскадра контр-адмирала С.А.Пустошкина (6 кораблей, 5 фрегатов, 2 брига и 1 брандер), на борту которой расположился 4-й морской полк (1752 чел.). Для скрытности передвижения Пустошкин велел спустить Андреевские флаги и поднять вместо них красные, которые издали смотрелись как турецкие. Одновременно по суше к Анапе двинулся сильный отряд пехоты под командованием дюка Э.О. де Ришелье. 26 апреля он переправился через Кубань и 27 апреля форсированными маршами направился к крепости.

Вечером 27 апреля эскадра С.А.Пустошкина подошла к Анапе. Но полный штиль не позволил 28 апреля совершить атаку. Только 32-пушечный фрегат «Воин», выдвинувшись вперед с помощью гребных судов, вызвал на себя огонь береговых батарей и разведал их расположение. В 17 часов фрегат подавил одну батарею своей артиллерией, после чего его отбуксировали за линию огня. Ночью моряки на катерах промерили анапский рейд. Утром 29 апреля из города приплыл турецкий парламентер. Пустошкин категорически потребовал от коменданта Анапы *«добровольно покориться флагу Его Императорского Величества, нежели приступать к действиям неприязненным, которые послужат истреблению города, как с моря, так и с сухого пути, откуда также сильные войска идут к нему, тогда все без изъятия преданы будут смерти без пощады»*. На размышление контр-адмирал предоставил туркам 2 часа, а пока велел высаживать десант в трех верстах севернее Анапы. Первым на берег отправился гренадерский батальон 4-го морского полка под начальством шефа полка генерал-майора И.П.Говорова и полкового командира полковника Г.Г. фон Бриммера. Руководил высадкой капитан-лейтенант Ф.М.Маслов, который, *«распоряжая судами, на коих свезен был с эскадры на берег десант и артиллерия, показал деятельность в успешном перевозе и безвредном высаживании их на берег под защитою пушек из гребных судов»*.

Одновременно с высадкой десанта корабли эскадры при помощи завозов стали подтягиваться к крепости и выстраиваться для атаки. В этих приготовлениях прошли условленные 2 часа, но ответ от коменданта так и не поступил. Тогда Пустошкин велел фрегату «Воин» приблизиться к крепости, чтобы проверить – намерены ли турки защи-



Вид Севастополя или Ахтияра.

A view of Sebastopol or Abtiyar.

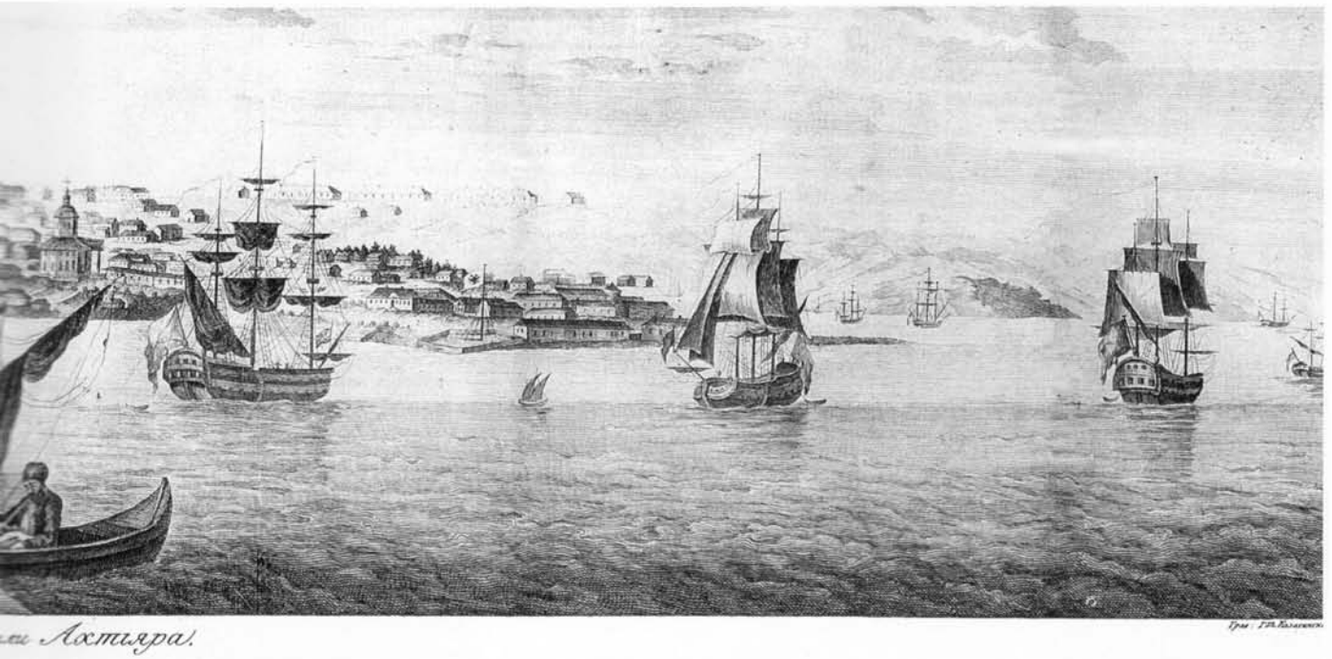
Гравюра по рисунку художника А. де Пальдо. 1805 г. (ГМП)

щать Анапу. Но едва «Воин» вошел в зону огня, как береговые батареи осыпали его ядрами. Пользуясь благоприятным ветром, на выручку фрегата двинулся 66-пушечный корабль «Варахаил». Он встал на шпринг и с ближней дистанции открыл бомбардировку. В это время на берегу генерал-майор И.П.Говоров, услышав канонаду, быстро повел гренадерский батальон к крепости. Кроме того, находившийся в 4 верстах от Анапы отряд дюка Э.О. де Ришелье тоже ускорил движение.

Через полчаса от пущенных «Варахаилом» брандскугелей запылал городской форштадт, и, кроме того, пожар охватил некоторые крепостные постройки. Гарнизон и турецкие жители в панике бросились из Анапы. В свою очередь конные черкесы ворвались в город и устроили варварский грабеж. В Анапе начался кровавый хаос. Тогда Пустошкин поднял сигнал для Говорова ускорить атаку и велел находившимся на эскадре мушкетерским ротам 4-го морского полка отправиться на лодках и баркасах прямо в город. Первым к берегу подошел мичман И.П.Неверовский. Его послали с мушкетерами для захвата двух купеческих судов, стоявших под защитой анапских батарей. Быстро взяв одно из них и видя полное замешательство врага, он вместе с 6 солдатами высадился у крепости, взобрался на бастион и водрузил российский кайзер-флаг. Турки и черкесы кинулись срывать флаг, но их отбросили штабс-капитан Балдин и мичман Юрьев, подоспевшие с 60 солдатами на выручку. Между тем причалили баркасы еще с сотней морских солдат поручика Казарского и прапорщика Мичурина. Совместным ударом мушкетеры опрокинули противника и ворвались в крепость. Охваченные паникой турки и черкесы бросились из Анапы, но при выходе из северо-восточных ворот наткнулись на подошедших гренадер Говорова, которые встретили толпу врагов пулями и штыками и вогнали ее обратно в город.

В огне и дыму пожаров на улицах Анапы завязался беспорядочный бой. Турки и черкесы перемешались с гренадерами, мушкетерами и моряками. Все вокруг стреляли, кололи, рубили напропалую. Предчувствуя печальный конец, анапский паша вместе с приближенными кинул гарнизон, сел на судно и попытался скрыться морем. Но командир фрегата «Воин» капитан-лейтенант С.В.Подгаецкий оказался начеку и сразу же бросился в преследование. Не надеясь спастись, турки зажгли свое судно, а сами на гребных лодках вернулись к берегу. В это время в Анапу с ходу ворвался авангард дюка де Ришелье, усиливший общую неразбериху. Не видя друг друга в дыму, десант и пехота даже обменялись несколькими залпами. К счастью, недоразумение быстро выяснилось, а само побоище скоро прекратилось, так как большая часть гарнизона бежала или оказалась истреблена. После штурма в крепости нашли более сотни вражеских трупов. Интересно, что сухопутное начальство неодобрительно расценило самостоятельный захват Анапы десантом, как желание С.А.Пустошкина *«предоставить морякам славу окончательной победы»*.

Во время штурма Анапы прапорщик 4-го морского полка Макар Пелявский, 4 рядовых и 1 барабанщик погибли, 2 унтер-офицера и 10 рядовых были ранены. Десант захватил в крепости 86 медных и 12 чугунных пушек, а также множество припасов. Солдаты и моряки разрушили укрепления Анапы, засыпали колодцы, погрузили трофеи на корабли, а оставшееся имущество уничтожили. 12 мая 1807 г. эскадра С.А.Пустошкина триумфально вернулась в Севастополь. За храбрость и предприимчивость Александр I наградил капитан-лейтенантов Ф.М.Маслова и С.В.Подгаецкого,



мичманов И.П.Неверовского и Ф.А.Юрьева орденом Св. Георгия 4-го класса. 6 офицеров 4-го морского полка так же получили боевые ордена, а шеф полка генерал-майор И.П.Говоров – орден Св. Анны 1-й степени. Мушкетеры Власов, Фадеев, Семенов и каптенармус Кусков, сопровождавшие мичмана И.П.Неверовского при поднятии кайзер-флага, заслужили Знаки отличия Военного ордена Св. Георгия.

25 июня (7 июля) 1807 г. после тяжелого поражения русской армии при Фридланде Александру I пришлось заключить с Наполеоном невыгодный Тильзитский мирный договор. По его условиям Россия при посредничестве Франции начала мирные переговоры с Турцией. Боевые действия временно прекратились. 12 августа 1807 г. в Слободзее уполномоченные России и Турции подписали перемирие. Хотя император, недовольный выработанными условиями, отказался ратифицировать перемирие, считая его недействительным, обе стороны продолжали воздерживаться от боевых операций. Только 21 марта 1809 г. Александр I объявил о возобновлении военных действий. Но Черноморский флот в основном сосредоточился на охране Крыма, лишь изредка совершая набеги вдоль турецкого побережья. Так, вечером 1 октября 1809 г. фрегат «Лилия», крейсировавший возле крепости Варна, спустил два катера, которые атаковали три небольших турецких судна и захватили одно из них. Утром 2 октября фрегат таким же образом перехватил еще одно судно с командой турок, посланной из Константинополя на усиление гарнизона Варны. В плен сдались 2 офицера и 85 турецких солдат с 2 знаменами. В этом смелом набеге отличились поручик 4-го морского полка И.К.Сибилев, подпоручик И.Ф.Тебенков и 16 солдат.

Обер-офицеры 4-го морского полка. 1810–1811 гг.

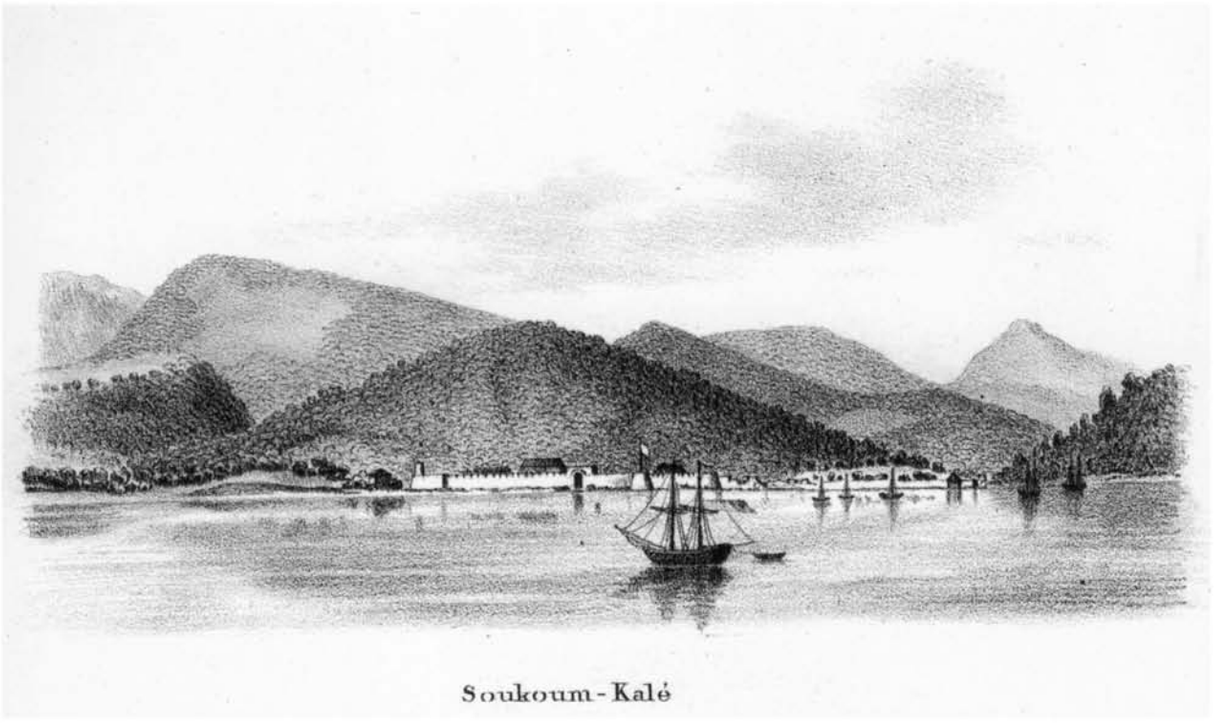
Junior commissioned officers of the 4th Naval Regiment. 1810–1811.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1390.

Следующая кампания 1810 года стала самой славной и одновременно самой неудачной для 4-го морского полка. Сначала решено было покончить с приверженным Турции абхазским князем Аслан-беем (см. стр. 321). Турки помогли ему превратить прибрежный городок Сухум-Кале в сильную крепость, прислали небольшой гарнизон, а также два корабля и несколько судов, планируя перевезти часть горцев в Батум. 19 июня 1810 г. для покорения Сухум-Кале из Севастополя вышел отряд судов капитан-лейтенанта П.А. де Додта: 66-пушечный корабль «Варахаил», 32-пушечный фрегат «Воин», требака «Константин» и 2 канонерские лодки. На их борту разместился батальон Шевандина (1-й мушкетерский) и часть артиллерийской команды 4-го морского полка – всего 872 человека и 2 пушки.

При слабом ветре и штилях отряд лишь вечером 7 июля подошел к Сухум-Кале. Отсутствие ветра не позволило войти в залив, и отряду пришлось держаться в море. Только вечером 9 июля, буксируя суда гребными баркасами, де Додту удалось подвести их к крепости на расстояние пушечного выстрела. Морские артиллеристы сразу же открыли огонь. В результате интенсивной бомбардировки они подбили многие крепостные пушки , а бастионные амбразуры разрушили.

На рассвете 10 июля 1810 г. корабль «Варахаил» и фрегат «Воин» снова начали бомбардировку, методично разрушая крепостные стены и бастионы. В то же время мушкетерский батальон 4-го морского полка высадился под прикрытием канонерских лодок рядом с Сухум-Кале. Три роты под командованием майора М.Е.Карандино двинулись к крепости, а 4-я рота осталась в резерве возле баркасов. Между тем устрашенные артиллерийским обстрелом абхазцы стали покидать Сухум-Кале. Тогда две канонерские лодки капитан-лейтенанта В.К.Скуртулли подошли к форштадту и открыли огонь по бегущим. Одновременно майор Карандино, рассыпав в стрелки роту штабс-капитана Скляренко, двинулся в атаку и взял передовую батарею с 3 пушками. Подойдя к каменной крепостной стене, начальник артил-



Вид Сухум-Кале.

A view of Sukhum-Kale.

Французская литография по рисунку путешественника Ф.Неру. 1830-е гг. (РГБИ)

лерийской команды подпоручик Д.И.Серков установил 2 орудия, одно из которых стало стрелять картечью по валу, а второе било ядрами в железные ворота. Мушкетеры с 30 шагов вели по бастионам плотный ружейный огонь. Турки и абхазцы яростно отстреливались. Вскоре штабс-капитан Скляренко был убит, командир другой роты штабс-капитан Д.И.Протопопов ранен, подпоручик Д.И.Серков тяжело прострелен в левый бок навылет. Тут еще турки взорвали мину, ранившую осколками и камнями подпоручика Поликарпова и целиком опалившую сменившего Серкова портупей-юнкера К.Н.Ресницкого. Одновременно отряд абхазцев попытался зайти в тыл десанту со стороны гор. Но де Додт быстро двинул в бой четвертую резервную роту, отбросившую неприятеля с уроном.

Наконец, после двухчасовой бомбардировки «Варахаилу» и «Воину» удалось разрушить морской фас крепости и сделать в стене проломы. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, защитники Сухум-Кале разбежались или сдались в плен. Десантные роты вошли в крепость. Только после этого майор М.Е.Карандино, тяжело раненный пулей в голову и камнями в руку, покинул своих солдат и отправился на корабль.

Во время сражения 4-й морской полк потерял убитыми 1 офицера, 1 унтер-офицера, 9 рядовых и 2 бомбардиров. Были ранены 5 офицеров, 4 унтер-офицера, 52 рядовых и 11 артиллеристов. С неприятельской стороны погибли более 300 турок и абхазцев; 2 чиновника и 78 защитников попали в плен. Десант взял богатые трофеи: крепостной флаг, 8 знамен, 62 пушки и 2 фальконета, 1080 пудов пороха и множество военных припасов. Участвовавших в десанте офицеров 4-го морского полка наградили боевыми орденами. 16 морских солдат, в том числе обожженный портупей-юнкер К.Н.Ресницкий, получили Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. 5 августа 1810 г. эскадра П.А. де Додта вернулась в Севастополь, оставив в Сухум-Кале две мушкетерские роты 4-го морского полка (214 чел.). Эти роты находились в крепости до конца 1814 г., неся огромные потери от климата, болезней и плохой пищи. Половина морских солдат постоянно лежала в лазарете.

Лихое взятие Сухум-Кале подтолкнуло в сентябре 1810 г. морское начальство к проведению крупной десантной операции против Трапезунда – важнейшего города на восточном турецком побережье. Эта экспедиция имела личное значение для управлявшего Министерством морских сил маркиза И.И. де Траверсе. Еще в июне 1807 г., когда он являлся главным командиром Черноморского флота и портов, эскадра контр-адмирала С.А.Пустошкина, воодушевленная триумфальным взятием Анапы, совершила поход к Трапезунду. Но из-за сильной бури 11 июня и мощного прибоя Пустошкин не смог высадить десант и вернулся ни с чем. Теперь представилась возможность взять реванш. Успех де Додта помог маркизу убедить императора в блестящих перспективах. 17 сентября 1810 г. де Траверсе официально уведомил управляющего Черноморским флотом вице-адмирала Н.Л.Языкова о высочайшем одобрении экспедиции.

Для самого крупного за эту войну десанта под общим командованием шефа 12-го егерского полка генерал-майора С.Г.Гангеблова в Севастополе собрали: 2 батальона Эстляндского мушкетерского полка, 2 батальона 12-го егерского

Генерал-майор
Семен Георгиевич Гангеблов

Maj.-Gen. Semyon Georgiyevich Gangeblov

Портрет кисти Дж.Доу. 1826 г.
(Военная галерея Зимнего Дворца)

В октябре 1810 г. шеф 12-го егерского полка генерал-майор С.Г.Гангеблов (Гангеблишвили) командовал на черноморской эскадре контр-адмирала А.А.Сарычева десантными войсками, предназначенными для захвата Трапезунда. За неудачную высадку 17 октября 1810 г. у Платаны уволен Александром I в отставку.

Генерал-лейтенант
Иван Давыдович Панчулидзев

Lt.-Gen. Ivan Davydovich Panchulidzev

Портрет кисти Дж.Доу. 1822–1825 гг.
(Военная галерея Зимнего Дворца)

В октябре 1810 г. в чине генерал-майора И.Д.Панчулидзев участвовал в экспедиции против Трапезунда. Во время разгрома десанта у Платаны 17 октября 1810 г. лично возглавил второй эшелон, но не смог высадиться на берег, поскольку турки уже захватили плацдарм. Под вражеским огнем его лодки подобрали спасающихся вплавь солдат.

полка и 2 батальона 4-го морского полка, полуроту легкой артиллерии, 200 казаков (без лошадей, но с упряжью) и 30 греков балаклавского батальона – всего 3899 солдат и офицеров, в том числе 366 человек 4-го морского полка в составе корабельных экипажей и еще 1238 в двух батальонах для десанта. Гангеблову и сопровождавшему его генерал-майору И.Д.Панчулидзеву следовало прочно занять пехотой Трапезунд, после чего установить связь с главнокомандующим в Грузии генералом А.П.Тормасовом.

В успехе столь сильной экспедиции никто не сомневался. Победная эйфория после взятия Сухум-Кале всего одним батальоном не оставила равнодушным даже императора. *«Его Величество совершенно уверен*, – сообщал маркиз де Траверсе Н.Л.Языкову, – *что скорость предприятия, неустрашимость и непреклонное стремление, руководствуя как поспешным отправлением эскадры, так и самым прибытием ее к месту назначения, в полной мере оправдают надежду Его Императорского Величества на счастливые успехи сей экспедиции»*.

6 октября 1810 г. из Севастополя практически в полном составе вышла эскадра Черноморского флота под командованием контр-адмирала А.А.Сарычева – 7 кораблей, 5 фрегатов, 2 корвета, 1 бриг и 1 требака. Но, несмотря на радужные ожидания, экспедиция с самого начала не задалась. Подойдя к Трапезунду 9 октября, эскадра попала в штиль. Лишь 14 октября с благоприятным ветром корабли изготовились к атаке. Но стоило эскадре приблизиться к Трапезунду, как ветер нагнал густой туман. Весь день и ночь корабли простояли в тумане, и течением их разнесло. Наконец, утром 15 октября туман раздуло. Но затем ветер настолько окреп, что эскадра опять не смогла построиться для атаки, а высадить десант мешали волны и прибой. Тогда Сарычев отвел эскадру на несколько миль западнее Трапезунда, где она укрылась в бухте возле деревни Платана. Здесь Сарычев решил дожидаться благоприятной погоды, а пока велел разорить Платану, которую защищали 5 турецких батарей. Эта карательная экспедиция не представлялась трудной, в связи с чем генерал С.Г.Гангеблов назначил для нее небольшой десант под общим руководством командира Греческого батальона майора Ф.Д.Ревелиоти: 200 солдат 4-го морского полка, 100 егерей и 20 греков.

Утром 17 октября 1810 г. от эскадры отделился отряд судов капитан-командора П.М.Макшеева – 110-пушечный корабль «Ратный», фрегаты «Крепкий», «Назарет», «Лилия» и бриг «Алексей». Встав на рейде Платаны, они открыли бомбардировку и к полудню сбили все береговые батареи. После этого под прикрытием огня фрегатов «Назарет» и «Лилия» десант высадился на берег. Майор Ревелиоти, собрав 70 гренадеров и 11 греков, сразу же бросился в атаку и взял близ-

лежащую батарею с 3 пушками. Но, вырвавшись вперед, он фактически лишил десант единоначалия. Без него все стали действовать порознь: моряки и морские солдаты сосредоточились на обороне места высадки, а поручик 12-го егерского полка Ф.Л.Текелли вместо того, чтобы поддержать Ревелиоти, рассыпал своих людей в стрелки. В результате турки, которых оказалось более трех тысяч, обошли захваченную батарею и отрезали русский авангард от берега. Заклепав турецкие пушки, гренадерам и грекам пришлось с большими потерями пробиваться назад сквозь окружившего их неприятеля.

В это время масса турок атаковала егерей Текелли. Поручик решил собрать своих рассыпанных стрелков и велел ударить «сбор». На барабанный сигнал егеря стали сбегаться к побережью. Турки приняли это за отступление, с яростью бросились вперед и на плечах егерей прорвались к месту высадки. Возле гребных судов завязалась жестокая рукопашная схватка. Видя, что десант терпит поражение, генерал-майор И.Д.Панчулидзев повел на выручку шлюпки и баркасы с подкреплением в 400 человек. Но они подошли слишком поздно – турки уже заняли место высадки и, несмотря на картечный огонь фрегатов и двух канонерок, прикрывавших гребные суда по флангам, не давали им причалить. Открыв сильную стрельбу, турки потопили передовой баркас и катер, пытавшиеся подобрать спасающихся вплавь русских солдат.

Казавшаяся легкой операция против Платаны закончилась катастрофой, ставшей одним из самых неудачных десантов российского императорского флота. 4-й морской полк понес тяжелые потери. Погибли штабс-капитан Агибалов, подпоручик Бацоли, прапорщик Шиц, а также 2 подпрапорщика и 45 рядовых. Подпоручику А.В.Антуновичу ружейная пуля пробила навылет левую ногу выше колена. 2 унтер-офицера и 23 рядовых были ранены. 12-й егерский полк лишился убитыми поручика Ф.Л.Текелли, 8 унтер-офицеров, 1 барабанщика и 58 рядовых. Поручик Н.Е.Чаплыгин был тяжело прострелен в правое плечо навылет. 2 унтер-офицера, 19 егерей и 1 барабанщик оказались ранены.

Сильно досталось и морякам, обслуживавшим десантные суда. Сражаясь с турками на берегу, погибли мичман Николай Левшин, 1 квартирмейстер, 30 матросов, 1 старший юнга, 1 бомбардир морской артиллерии и 2 канонира. Раны получили лейтенант морской артиллерии Долгой, 2 боцманмата, 6 квартирмейстеров, 40 матросов, 4 канонира и 1 плотник. Из Балаклавского батальона погибли 3 унтер-офицера и 7 рядовых. Дважды раненый пулями майор Ф.Д.Ревелиоти потерял сознание, но был спасен морским гренадером. В своем рапорте храбрый грек отмечал: *«Нельзя ни описать, ни вообразить геройского духа солдат Суворова полка»*.

Гренадер и унтер-офицер 1-го батальона 4-го морского полка. 1810–1811 гг.

A grenadier and a warrant officer of the 1st Battalion, 4th Naval Regiment. 1810–1811.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2281.

После столь неожиданного разгрома А.А.Сарычев собрал военный совет. Обескураженные начальники не решились атаковать Трапезунд, и 30 октября 1810 г. эскадра вернулась в Севастополь. Император, ждавший обещанного триумфа, был крайне недоволен провалом экспедиции. Главным виновником неудачи признали генерал-майора С.Г.Гангеблова, которого Александр I уволил в отставку. Разочарование оказалось столь сильным, что больше Черноморский флот не отваживался на десантные операции. В 1811 и 1812 годах эскадра лишь наблюдала море между Варной и Босфором. Но турецкие военные корабли из пролива не выходили. В результате наибольших успехов добились русские фрегаты, крейсировавшие и перехватывавшие торговые суда.

Наконец, 16 мая 1812 г. между Россией и Турцией был заключен Бухарестский мирный договор, по которому Россия приобрела Бессарабию с границей по реке Прут, крепости Аккерман, Килию и Измаил, а также получила право свободного плавания русских судов по Дунаю.

Обмундирование, вооружение и знамена морской пехоты в 1801–1814 гг.

Библиография и источники:

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. X. СПб., 1900.

РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 77, 81.

РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 25; Ф. 2703 Оп. 4/171. Св. 21. Д. 1; Св. 24. Д. 1. Ч. 2; Ф. 9194. Оп. 7/189а. Св. 6. Д. 1; Ф. 14898. Оп. 1. Д. 9, 38, 52, 61.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

Первая половина царствования Александра I ознаменовалась наибольшим числом перемен в обмундировании морской пехоты. Уже 18 мая 1801 г. *«Государь император высочайше указать изволил служащим во флоте генералитету, штаб и обер-офицерам иметь мундир прежнего цвета, но застегнутый на шесть пуговиц в два ряда, со стоячим воротником, завернутыми полами и белою выпушкою вокруг поля и обшлагов с клапанами, камзол и длинные штаны белые, шляпа черная с золотою петлицею и белым маленьким султаном. Генералитету и штаб-офицерам султан страусовой, а обер-офицерам простой...»*. Для морской пехоты в указе предписывалось: *«Батальоны флотские имеют прежний мундир с отворотами, но одинакового с прочими покроя, шляпа же, как у флотских»*[18]. Прическу солдат и офицеров упростили: отменили букли, а косу укоротили до основания воротника.

Параллельно с введением этого промежуточного варианта для морской пехоты был разработан новый мундирный регламент, традиционно ориентированный на армейские образцы. 26 марта 1802 г. Александр I велел *«всем морским батальонам носить мундиры темно-зеленые, покроем точно против сухопутных гренадерских и мушкетерских»*[19]. Новые мундиры имели фрачный двубортный покрой. Высокий воротник, обшлага и отвороты небольших фалд полагались из белого сукна. У унтер-офицеров по нижнему и боковым краям воротника и на обшлагах нашивался ряд золотого галуна. Батальоны отличались цветом погон, которые на Балтике были в 1-м батальоне красные, во 2-м – белые, в 3-м – желтые, в 4-м – светло-малиновые, в 5-м – бирюзовые, в 6-м – розовые, в 7-м – светло-зеленые, в 8-м – серые, в 9-м – лиловые. В 1-м Черноморском батальоне погоны полагались синие, во 2-м – палевые, в 3-м – оранжевые[20]. Музыканты традиционно отличались расшивкой мундира белой тесьмой. При мундире носили белые панталоны, заправленные в черные сапоги с голенищами до середины икры. Серые суконные шинели с белым воротником и цветными погонами соответствовали армейскому образцу. Кроме шинелей, солдатам по табели полагались для зимних караулов овчинные тулупы, иногда крытые сукном. На гренадерских и фузелерных шапках предписывалось *«верхушкам быть во всех батальонах из белого сукна, а задникам по цвету погон»*. Рисунок герба на латунных налобниках изменился, причем над орлом появилась ленточка с надписью «С нами Бог». На околыше шапки крепились три латунные *«одноогневые»* грана-

[18] РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 77. Л. 62–62 об.

[19] Там же. Д. 81.Л. 173–174.

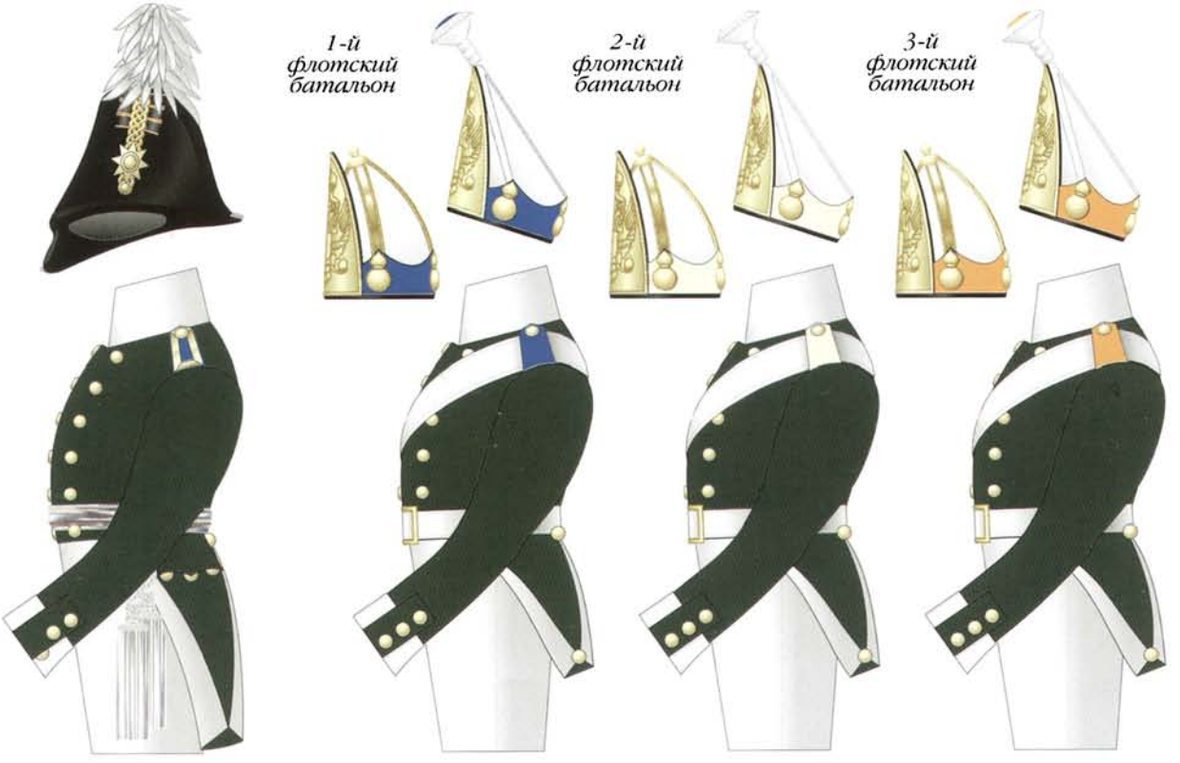
[20] До 19 октября 1803 г. унтер-офицерам погон полагался только на левом плече.

Схема цветовых различий обмундирования солдат и офицеров морской пехоты. Март 1802–1803 гг.

Черноморский флот

Diagram of colour differences in the uniforms of Marine officers and men. March 1802–1803.

Black Sea Fleet.



Компьютерная графика С.А.Попова

ты (гренады). Офицеры флотских батальонов также получили обмундирование пехотного образца, но с цветными деталями, как у нижних чинов. Края офицерских погон обшивались узким золотым галуном. Строевым головным убором была высокая шляпа с перьевым султаном, но не черного, как в армии, а белого цвета.

Вероятнее всего, униформу этого образца флотские батальоны так и не получили, поскольку еще не завершился срок носки старых «павловских» мундиров. В императорском же указе строго предписывалось *«начать ныне по-новому обмундирование в тех батальонах, в коих сроки кончились, прочим же донашивать старые* [мундиры] *до окончания* [срока] *оных»*. Ношение в морских батальонах прежних «павловских» мундирных и амуничных вещей подтверждается отчетами даже за первую половину 1803 года.

Балтийский флот ***Baltic Fleet.***

© Сергей Попов 2005

Схема различий обмундирования офицеров и нижних чинов 1-го и 2-го морских полков. 1803–1807 гг.

1-й морской полк

Гренадер гренадерского батальона

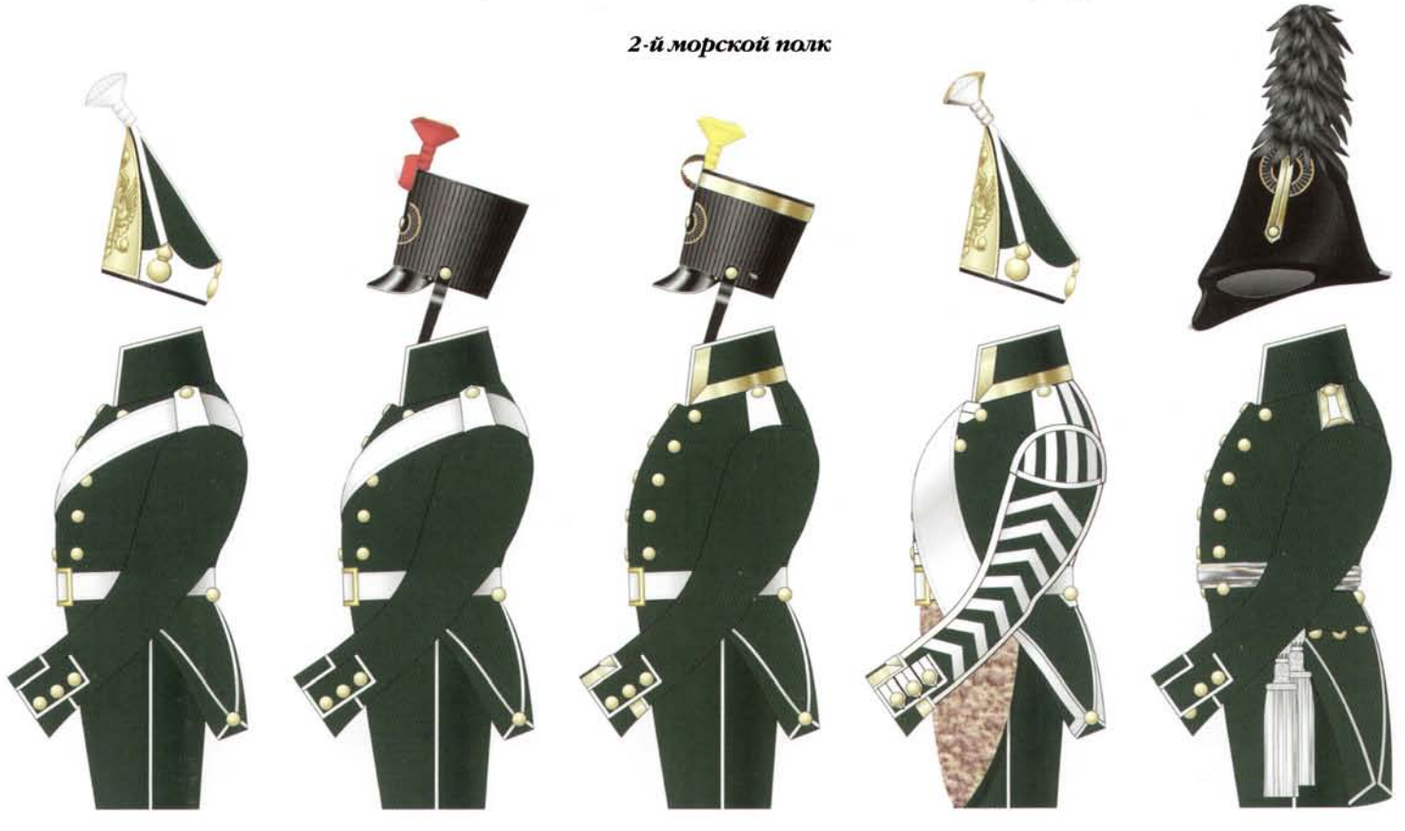
Мушкетер мушкетерского батальона полкового командира

Младший унтер-офицер гренадерского батальона

Ротный барабанщик мушкетерского батальона старшего штаб-офицера

Обер-офицер

2-й морской полк



Гренадер гренадерского батальона

Мушкетер мушкетерского батальона старшего штаб-офицера

Унтер-офицер мушкетерского батальона полкового командира

Батальонный барабанщик гренадерского батальона

Обер-офицер

© Сергей Попов 2005

Обер-офицер 1-го морского полка в шляпе с султаном. 1803–1808 гг.

A junior commissioned officer of the 1st Naval Regiment, wearing a hat with the plumage. 1803–1808.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1297.

Поверх ранца белыми ремешками крепилась скатанная в трубку шинель. Но на походе шинели часто надевали через плечо, под ранец или поверх него. Так, во время Ганноверской экспедиции 1805 года шеф 3-го морского полка генерал-майор Д.П.Неверовский своим приказом официально разрешил солдатам не пристегивать свернутые шинели к ранцам, а носить их для удобства в скатках через плечо (см. ил. на стр. 135).

Для солдат гренадерского батальона сохранили шапки образца 1802 года, изменив расцветку задника: суконный верх теперь во всех полках полагался темно-зеленый, а околыш по цвету погон. В связи с переводом морской пехоты на положение мушкетерских полков фузелерные шапки были отменены. Вместо них мушкетерам ввели новый головной убор, образец которого, присланный в морские полки в сентябре 1803 г., описывался так: *«Шапка из черного сукна на простеганной соломе, вышиною в 4 1/2 вершка, с черным кожаным лакированным козырьком, пристегнутым к шапке крючками, внутри оной суконные лопасти для зимы, бант черный круглой, с петлицею из черной же тесьмы напереди, вверху его шерстяные шишка и султан»*[22]. Шишки и султанчики делались из шерстяной нити

Обер-офицеры 2-го морского полка. 1803–1808 гг.

Junior commissioned officers of the 2nd Naval Regiment. 1803–1808.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1283.

[21] РГВИА. Ф. 14898. Оп. 1. Д. 9. Л. 45об.

[22] Там же.

А уже в сентябре 1803 г. в сформированные 4 морских полка разослали новые образцы униформы. Отныне обшлага, отвороты фалд и воротники мундиров вместо белых полагались темно-зеленые с белой выпушкой. Погоны различались не по батальонам, а по полкам: в 1-м полку – красные, во 2-м – белые, в 3-м – желтые, в 4-м – голубые. У офицеров погоны обшивались по краю узким золотым галуном. С 1 сентября по 1 июня при мундире носили зимние темно-зеленые суконные панталоны с белой выпушкой по боковым швам, причем солдаты носили их *«на берегу в сапогах, а на кораблях сверх сапог, как матросские брюки»*[21]. С 1 июня по 1 сентября солдатам полагались летние панталоны из белого полотна, которые так же, как и зимние, заправляли в короткие (до середины икры) сапоги, а на кораблях выпускали поверх сапог.

Снаряжение в морских полках практически ничем не отличалось от армейского. На поясной портупее нижние чины носили шпагу с тесачным клинком. На эфесы повязывали *«темляки всем 4-м полкам одинакие, из шерстяной белой тесьмы»*. Цвет шейки (*«деревяшки»*) темляка в гренадерском батальоне был белым, в 1-м мушкетерском – желтым, во 2-м мушкетерском – красным. Гайки темляков различались поротно: в 1-й роте батальона белые, в 2-й – голубые, в 3-й – желтые, в 4-й – красные. У унтер-офицеров темляки отличались от солдатских *«одной нижней гайкою»* из белой, черной и оранжевой шерсти. Черный цилиндрический ранец из яловичной кожи носили за спиной на белом ремне через правое плечо.

Схема различий обмундирования офицеров и нижних чинов 3-го и 4-го морских полков. 1803–1807 гг.

3-й морской полк

Гренадер гренадерского батальона

Мушкетер мушкетерского батальона полкового командира

Младший унтер-офицер гренадерского батальона

Батальонный барабанщик мушкетерского батальона старшего штаб-офицера

Обер-офицер

4-й морской полк

Гренадер гренадерского батальона

Мушкетер мушкетерского батальона старшего штаб-офицера

Унтер-офицер мушкетерского батальона полкового командира

Ротный барабанщик гренадерского батальона

Обер-офицер

© Сергей Попов 2005

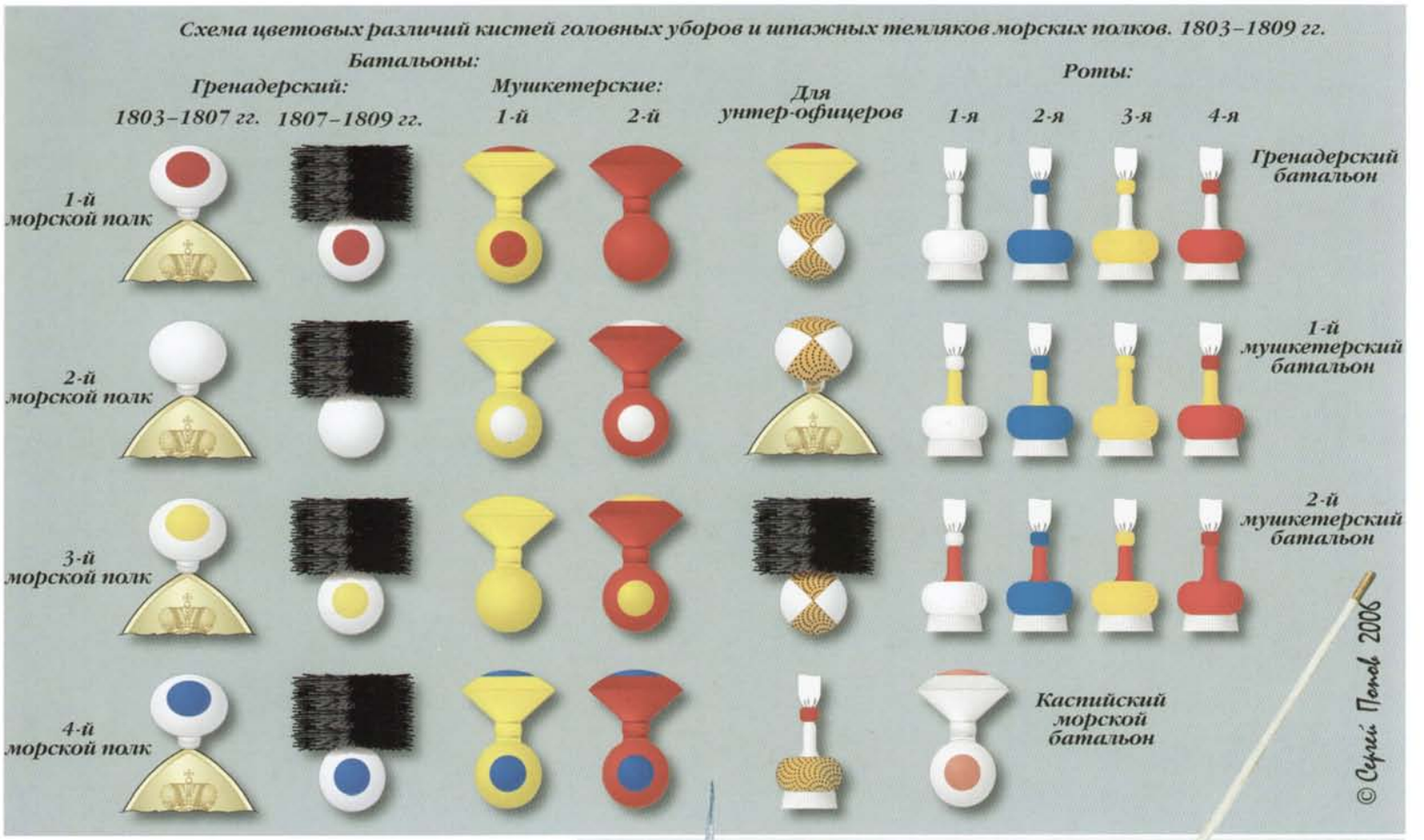


Diagram of colour differences in headgear tassels and sword knots organic to the naval regiments. 1803–1809.

и отличались цветами по полкам и батальонам. У унтер-офицеров верх шапки обшивался по кругу узким золотым галуном, а шишка делалась из четырех секторов – двух белых и двух из черной и оранжевой шерсти. В гренадерских батальонах над латунным налобником крепился только шерстяной султанчик батальонного цвета (или трехцветный у унтер-офицеров).

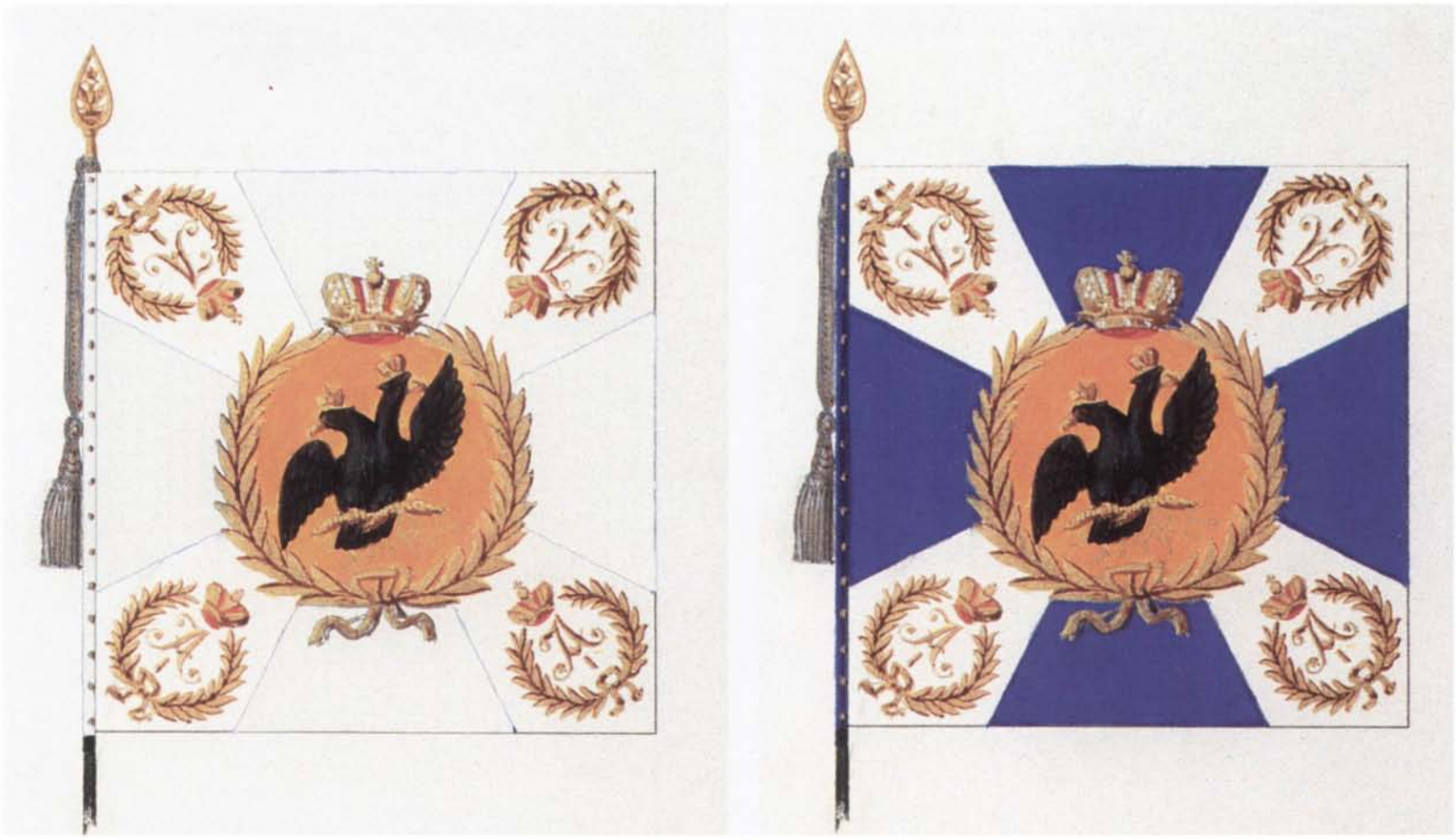
Еще одной особенностью обмундирования морских солдат было наличие второго комплекта для повседневной службы на кораблях. Он состоял из гендрика (однобортной куртки из толстого грубого полотна на холстинном подбое) и равендучных брюк навыпуск поверх смазных сапог. При такой форме солдаты носили на голове фуражную шапку – темно-зеленный суконный колпак с белыми выпушками, кистью и околышем по цвету погон мундира.

При переформировании батальонов в полки прежние русские ружья образца 1798 года и английские ружья, оставшиеся после экспедиции

Младший унтер-офицер, фельдфебель и подпрапорщик гренадерского батальона 1-го морского полка. 1803–1807 гг.

A corporal, a sergeant-major and a sub-warrant officer of grenadier battalion of the 1st Naval Regiment. 1803–1807.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1278.



Знамена морских полков и Каспийского батальона образца 1803 года:
– *белое полковое (в Каспийском батальоне – батальонное);*
– *цветное батальонное (в Каспийском батальоне – ротное).*

Flags of the naval regiments and Caspian Battalion authorised in 1803:
– *white regimental flag (white battalion flag as far as the Caspian Battalion is concerned);*
– *coloured battalion flag (company's flag as far as the Caspian Battalion is concerned).*

1799 года в Голландию, заменили новыми фузеями отечественного производства. На каждого солдата полагалось по 75 патронов, из которых 40 носили в патронной суме на белой перевязи через левое плечо, а 35 хранились в бочонках на судах. По центру крышки патронной сумы крепилась круглая латунная бляха с двуглавым орлом. Гренадеры дополнительно имели по углам крышки 4 латунные гранатки. Унтер-офицеры гренадерских рот (16 человек в полку) сохранили нарезные ружья образца 1798 года и небольшие подсумки на поясной портупее. На крышке подсумка также крепилась круглая бляха с орлом. Прочим унтер-офицерам и фельдфебелям, вооруженным алебардами, ни подсумок, ни патронная сума не полагались. Но после морской кампании 1803 года алебарды оставили только для службы на берегу. На кораблях же всех фельдфебелей и унтер-офицеров вооружали старыми английскими ружьями, более удобными в условиях ограниченного палубного пространства. Все младшие командиры носили трости: при алебарде их крепили под правой рукой, а при ружьях – под левой.

Обмундирование офицеров соответствовало армейскому, но с цветными деталями, как у нижних чинов. Белые султаны на шляпах поменяли опять на черные, как в полевой пехоте. Обер-офицеры вооружались шпагами и эспантонами, а шеф полка, батальонные командиры, майоры и адъютанты имели только шпаги. Высочайшим указом от 31 июля 1803 г. в морских полках было предписано *«всем штаб- и обер-офицерам иметь* [походные] *серые панталоны. Штаб-офицерам и адъютантам иметь* [белые] *панталоны по примеру армейских лосиные, а суконные зеленые употреблять на специальные смотры»*.

Новое обмундирование морские полки получили в январе 1804 г. Поскольку общий срок носки суконных вещей определялся в два года, то в этой униформе морские солдаты встретили начало войны 1805 года, а многие роты, отправленные в Средиземное море, смогли получить вещи новых образцов лишь после возвращения из Архипелагской экспедиции. Сформированный летом 1805 г. Каспийский морской батальон получил форму *«сходно с Высочайше опробованными для одного Морского полку»*, то есть по регламенту 1803 года. Погоны в батальоне *«на шинелях, мундирах и сертуках положены розовые»*.

В апреле 1804 г. морским полкам пожаловали знамена образца 1803 года, по два на каждый батальон. Одно из 6 знамен, имевшее белое квадратное полотнище (142 х 142 см), считалось полковым и находилось в гренадерском батальоне. Остальные 5 знамен являлись батальонными «цветными». Их полотнище было сшито из синего креста и белых углов. В середину креста вшивался круг из оранжевого шелка в окружении золотых ветвей с лентами и короной. На круге краской был изображен черный двуглавый орел

с золотыми коронами, клювами и молниями в лапах. В синих углах помещались золотые вензеля Александра I с ветвями и короной. На черном древке длиной 331 см крепилось латунное навершие в виде плоского ажурного копья с двуглавым орлом внутри. К навершию привязывались две серебряные кисти на тканой серебряной тесьме. В отличие от полевых частей, морские полки не всегда брали свои знамена в боевые походы. Так, в 1809 году во время русско-шведской войны инспектор морских полков генерал-майор П.С.Ширков сообщил полкам, что *«Господин Министр военных морских сил предписал мне, дабы в случае откомандирования резервных батальонов на канонерских лодках, знамена оставить в Кронштадте в том месте, где есть караул городовой»*[23]. Объяснялась эта мера отсутствием на лодках подходящих условий для хранения знамен, а также возможностью захвата мелких судов в плен большими кораблями.

После неудачных кампаний 1805 г. и 1806–1807 гг. началась очередная реформа обмундирования. В марте 1807 г. в морских полках по примеру армейской пехоты изменили прическу солдат. Волосы теперь стали стричь под гребенку, но пудрить их прекратили только через два года. В 1807 году в гренадерских батальонах морских полков конические шапки заменили суконными цилиндрами, как у мушкетеров, но с густым черным султаном и латунной гранаткой над козырьком. У унтер-офицеров султаны имели белую верхушку с желтой продольной полосой, а барабанщикам и флейтщикам гренадерских батальонов султаны полагались красные. «Потеряв» свои конические шапки, гренадеры старались как можно быстрее получить новые отличия. Не дожидаясь изготовления казенных султанов, они начали сами плести их, обрезая хвосты у обозных лошадей. В связи с этим шеф 3-го морского полка генерал-майор Д.П.Неверовский категорически потребовал *«отнюдь у лошадей хвостов не резать»*.

В 1808 году для морских солдат утвердили новые образцы некоторых вещей, которые поступили в полки в январе 1809 г. Вместо суконных панталон, заправленных в сапоги, были введены длинные панталоны с кожаными крагами (*«ботинами»*), застегнутыми сбоку на 7 латунных пуговиц. Прежние летние белые панталоны заменили длинными, надевавшимися поверх сапог. На крышках патронных сум вместо круглой бляхи установили новую арматуру – у гренадер латунную гранату с темя огнями, а у мушкетеров

[23] РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 25. Л. 31.

Diagram of differences in the uniforms worn by Marines in 1805–1808.

Схема различий обмундирования офицеров и нижних чинов морской пехоты. 1805–1808 гг.

Мушкетер Каспийского батальона. 1805 г.

Гренадер гренадерского батальона 1-го морского полка. 1807–1808 гг.

Младший унтер-офицер гренадерского батальона 2-го морского полка. 1807–1808 гг.

Батальонный барабанщик гренадерского батальона 3-го морского полка. 1807–1808 гг.

Обер-офицер 4-го морского полка. 1808–1810 гг.

© Сергей Попов 2005

Гренадерские обер-офицеры 2-го морского полка. Май 1810 – февраль 1811 гг.

Grenadier junior commissioned officers of the 2nd Naval Regiment. May 1810 – February 1811.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1317.

Diagram of differences in the uniforms worn by Marine junior commissioned officers and other ranks.

с одним огнем. Поясную портупею отменили, и тесак стали носить на белой перевязи через правое плечо. Вместо суконной цилиндрической шапки был введен черный кивер, обтянутый сукном и обшитый по верху и бокам кожей. Спереди кивера взамен прежнего банта крепилась латунная граната – у гренадер с тремя огнями, у мушкетеров с одним. Кивер украшал веревочный этишкет: белый у рядовых и с примесью черного и оранжевого цветов у унтер-офицеров и музыкантов[24]. У мушкетеров кивер имел две кисточки прежней батальонной расцветки. У гренадер вместо верхней кисточки крепился черный цилиндрический султан. Но 5 ноября 1809 г. *«Государь Император повелел в Морских полках и Каспийском морском баталионе сделать по примеру армейских полков перемену на шапках гранодерских и мушкетерских в цветах кардончиков, и у мушкетерских верхние кисточки совсем уничтожить»*[25]. Согласно этому указу, в гренадерском батальоне репеек (кардончик) стал белым с зеленой серединой; в 1-м мушкетерском батальоне – зеленым с желтой серединой; во 2-м мушкетерском – красным с желтой серединой. Репейки унтер-офицеров остались прежней расцветки. 4 апреля 1809 г. унтер-офицерам велели нашивать золотой галун не по нижнему,

[24] РГВИА. Ф.14898. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

[25] РГВИА. Ф. 2703. Оп. 4/171. Св. 24. Д. 1. Ч. 2. Л. 13.

[26] РГВИА. Ф. 14898. Оп. 1. Д. 38. Л. 4об.

[27] РГВИА. Ф. 2703. Оп. 4/171. Св. 21. Д. 1. Л. 884.

Схема различий обмундирования офицеров и нижних чинов морской пехоты. 1809–1811 гг.

Гренадер и мушкетер 1-го морского полка. 1809 – ноябрь 1810 гг.

Унтер-офицеры гренадерского и мушкетерских батальонов 2-го морского полка. 1809 – февраль 1811 гг.

Барабанщики гренадерского и 2-го мушкетерского батальонов 3-го морского полка. 1809 – ноябрь1810 гг.

Обер-офицеры гренадерского и мушкетерских батальонов 4-го морского полка. Май 1810 – февраль 1811 гг.

© Сергей Попов 2005

а по верхнему краю воротника, а в мае у унтер-офицеров, имевших винтовальные ружья, поясные подсумки заменили обычными патронными сумами с белыми перевязями через левое плечо.

Перемены коснулись и офицеров. Уже во время Ганноверской экспедиции 1805 года шеф 3-го морского полка генерал-майор Д.П.Неверовский разрешил офицерам заменить неудобные шляпы суконными цилиндрами с пристежными козырьками, на манер мушкетерских шапок. Новый головной убор не был регламентирован, и поэтому офицеры стали его украшать самым причудливым образом. В связи с этим 16 января 1807 г. Неверовский сделал замечание: *«Хоть от полку и позволено было господам офицерам носить шапки и ходить во оных на ученье, но безо всякой прикрасы, а как Его превосходительство шеф полка заметил, что многие господа офицеры носят таковые шапки, обложенные позументом и меховою опушкою, то в прекращение сего предписывается господам офицерам отнюдь таковых не носить, а иметь безо всяких прикрас, и ходить во оных могут только по форштадту, а не в городе, за чем наблюсти и господам штаб-офицерам, а в противном случае, на ком с украшением шапка усмотрена будет, тот за невыполнение приказания арестован будет»*[26]. Кроме того, Неверовский запретил офицерам носить на шляпах султаны с широкими перьями.

2 ноября 1807 г. Александр I, обратив внимание на морские полки, предписал *«служащим в сих полках генералам, штаб и обер-офицерам носить эполеты и контрэполеты по цветам погонов и подобные носимым в армейских полках.., при получении которых в полки разослать, а до того не носить»*[27]. С ноября 1808 г. офицерам ввели новые нагрудные знаки вдвое короче прежних: для прапорщиков совсем серебряные, для подпоручиков серебряные с золотым ободком, для поручиков серебряные с золотым орлом, для штабс-капитанов серебряные с золотыми ободком и орлом, для капитанов золотые с серебряным орлом, у штаб-офицеров совсем золотые. Такие знаки просуществовали у офицеров до 1820 года.

После реорганизации морских полков в октябре 1810 г. и преобразования всех батальонов в мушкетерские (см. ниже), султаны на киверах оставили только в гренадерских взводах гренадерских рот. Стрелкам султаны не полагались. Тогда же для гренадерских рот утвердили новую расцветку киверных репейков, просуществовавшую до 1817 года (см. таблицу на стр. 168).

12 мая 1810 г. *«Его Императорское Величество повелеть соизволил всем служащим Господам штаб и обер-офицерам иметь во время строя кивера по имеющимся в полках образцам, в гранодерских же баталионах иметь к ним и султаны волосяные черные; и сверх того Высо-*

В отличие от армейской пехоты, для которой в 1808 году утвердили четырехугольный ранец нового образца, морские полки и Каспийский батальон продолжали носить до октября 1811 г. старые цилиндрические ранцы. Отечественную войну морская пехота, скорее всего, встретила в обмундировании срока 1811 года. Только султаны переформовали из цилиндров в конусы.

Рисунок художника С.А.Летина.

Гренадер 3-й гренадерской роты 3-го морского полка. Ноябрь 1810 – февраль 1811 гг.

Grenadier of the 3rd Grenadier Company, 3rd Naval regiment. November 1810 – February 1811.

чайше повелеть соизволил, если кто может иметь шляпу, то позволяется носить оную вне службы». Отныне кивер стал основным головным убором офицеров. Его украшал серебряный этишкет, вызолоченная арматура, обложенный серебром репеек с вензелем императора, вызолоченная чешуя на подбородных ремнях. После реорганизации морских полков, в ноябре 1810 г. специально было уточнено, что черный волосяной султан могли носить только капитаны, поручики и портупей-прапорщики, приписанные к гренадерским взводам гренадерских рот. Поручикам, прапорщикам и подпрапорщикам гренадерских рот, числившимся в стрелковых взводах, султаны не полагались.

В начале 1811 г. унтер-офицерам и музыкантам вместо пестрых этишкетов велели иметь их белые, как у солдат, с примесью черных и оранжевых нитей только на кисточках и кардончиках. В 1811–1812 гг. на барабанных перевязях в морских полках появились латунные бляхи на месте гнезд под палки.

Батальонные и ротные различия морских полков. 1810–1812 гг.*

Батальон	Рота	Репеек			Темляк	
		Основной фон	Нижняя часть	Центральный круг	Гайка и околыш	Шейка
1-й	1-я гренадерская: - гренадерский взвод	красный	–	–	красные	белая
	- стрелковый взвод	желтый	–	–	красные	
	1-я мушкетерская	белый	–	зеленый	белые	
	2-я мушкетерская				голубые	
	3-я мушкетерская				желтые	
2-й	2-я гренадерская: - гренадерский взвод	красный	зеленая		красные	желтая
	- стрелковый взвод	желтый	зеленая		красные	
	4-я мушкетерская	зеленый	–	желтый	белые	
	5-я мушкетерская				голубые	
	6-я мушкетерская				желтые	
3-й	3-я гренадерская: - гренадерский взвод	красный	желтая	–	красные	красная
	- стрелковый взвод	желтый	красная	–	красные	
	7-я мушкетерская	красный	–	желтый	белые	
	8-я мушкетерская				голубые	
	9-я мушкетерская				желтые	

* Согласно указам от 5 ноября 1809 г. (РГВИА. Ф. 2703. Оп. 4/171. Св. 24. Д. 1. Ч. 2. Л. 13) и ноября 1810 г. (РГВИА. Ф. 14898. Оп. 1. Д. 61. Л. 6) были изменены цветовые различия репейков морских полков по аналогии с полевыми армейскими полками. В «Историческом описании одежды и вооружения Российских войск...» на период 1810–1817 гг. ошибочно дана таблица цветовых различий, принятых в 1817 году.

Colour differences in the spur-tip wheels and sword knots worn by personnel of the naval regiments. 1810–1812.

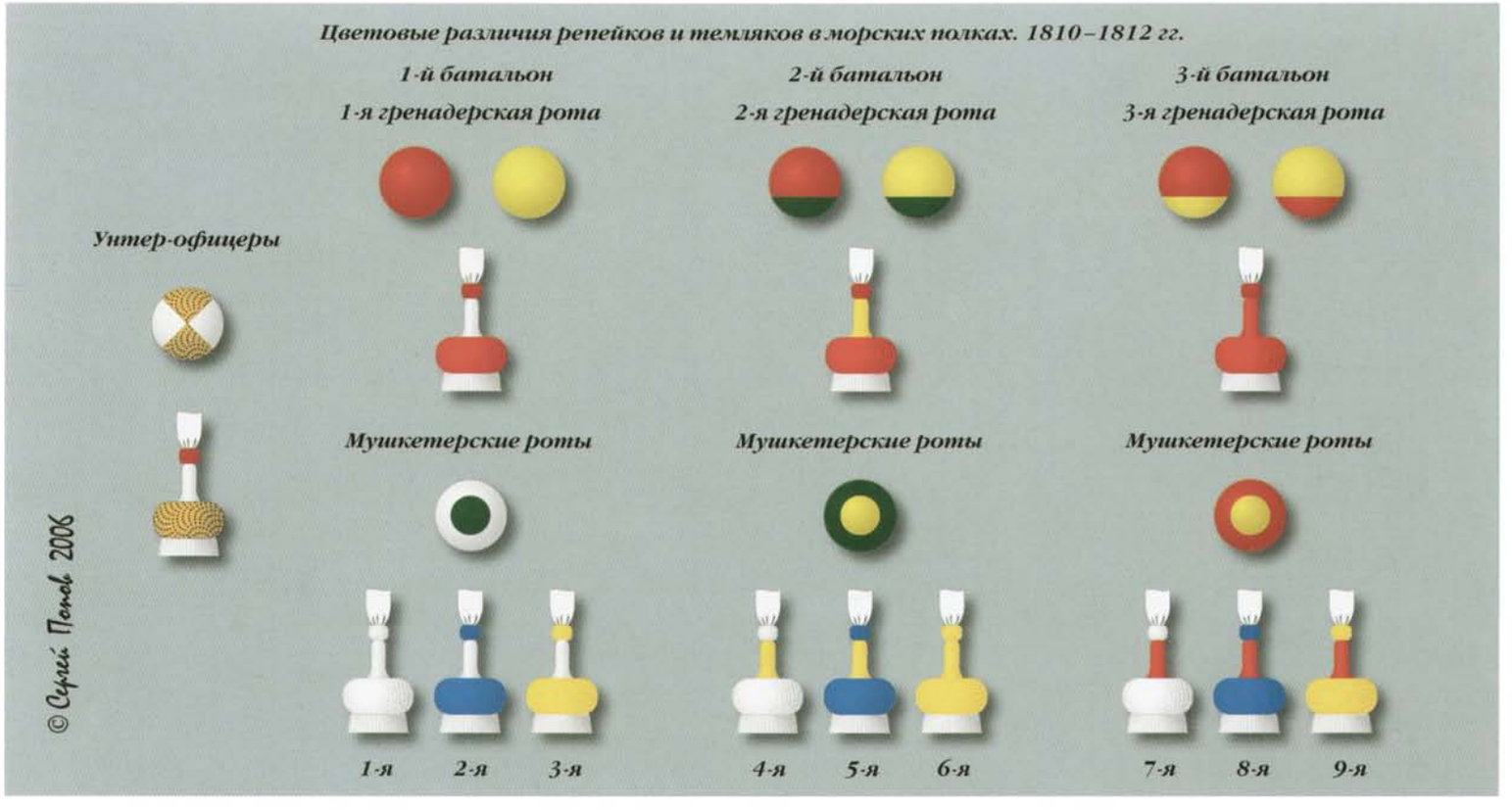


Схема различий обмундирования офицеров и нижних чинов морской пехоты. 1813–1815 гг.

Гренадер и мушкетер 4-го морского полка

Унтер-офицеры гренадерских взводов и мушкетерских рот 2-го морского полка

Старшие барабанщики гренадерских и мушкетерских рот 3-го морского полка

Обер-офицеры гренадерских взводов и мушкетерских рот 1-го морского полка

9 февраля 1811 г. морские полки вошли в состав пехотных дивизий, в связи с чем солдаты нашили на погоны соответствующие номера. 1-й морской полк нашил на красные погоны шифровку «25.» из желтого шнура, а 2-й и 3-й полки на белые и желтые погоны – тот же номер красным шнуром. 4-й морской полк вошел в состав 28-й пехотной дивизии и вместо голубых погон получил темно-зеленые погоны с красной выпушкой и желтой шифровкой «28.». Существующее мнение о том, что в Каспийском морском батальоне 9 февраля 1811 г. вместо розовых ввели красные погоны, опровергается архивными документами[28]. 15 апреля 1811 г. Александр I отменил у офицеров морских полков нижнюю кожаную обшивку на походных серых панталонах[29]. 13 октября 1811 г. император предписал *«в Морских полках, Каспийском баталионе и Охотской роте иметь ранцы, манерки и ботины по препровождаемым вновь утвержденным для армии образцам; но отпуск вещей сих в помянутые команды расположить по истечении сроков ныне состоящим в полках таковым вещам»*. В соответствии с этим указом вместо цилиндрических ранцев были введены четырехугольные черные ранцы на двух белых плечевых ремнях с поперечным ремнем на груди. Кроме того, по примеру армии в морских частях изменили фасон кожаных краг на зимних панталонах, которые стали более высокими, почти под колено. В тот же день еще одним указом в морских полках и Каспийском батальоне у унтер-офицеров совсем отменили трости и алебарды. Перед самой Отечественной войной морские полки перевооружили новыми ружьями образца 1808 года, сделанными на Сестрорецком оружейном заводе, традиционно выполнявшем заказы флота.

В таком обмундировании морские полки встретили Отечественную войну. Начатая было в 1812 году замена косых воротников на мундирах и шинелях прямыми, застегнутыми на крючки, не коснулась морских полков, поскольку срок носки солдатских вещей истекал у них только в январе 1813 г. В то же время замена прежних фуражных колпаков на новые темно-зеленые шапки-бескозырки с батальонными выпушками и номером роты на околыше все-таки, видимо, состоялась. Но из-за плохо налаженного снабжения под Данцигом морские солдаты могли носить старые мундиры, шинели и фуражные шапки вплоть до возвращения из заграничного похода в 1814 году.

Diagram of differences in the uniforms worn by Marine junior commissioned officers and other ranks. 1813–1815.

[28] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6761. Л. 4.

[29] РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189а. Св. 6. Д. 1. Л. 5

Реформа флота и морской пехоты 1810–1811 гг.

Библиография и источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. СПб., 1830.

Виноградский И.А. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. СПб., 1899.

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

В 1810 году началась очередная реформа флота. Императорским указом 16 февраля все морские и портовые команды разделили *«для соблюдения в них большей сообразности с порядком службы на экипажи, роты и другие команды, наименовав их по нумерам»*. В соответствии с этим на Балтике сформировали 1–46-й корабельные, 1–8-й гребные и 1–3-й ластовые экипажи; на Черном море 53–76-й корабельные, 9–10-й гребные и 6-й ластовый экипажи; на Каспии 84–87-й корабельные экипажи. Еще 20 экипажей могли быть сформированы в случае необходимости *«по мере умножения числа судов во флотах»*. Каждый экипаж состоял из 4 рот. Комиссионерные солдатские команды при Адмиралтействах и в портах свели в 7 рот. Три роты (471 чел.) составили комиссионерный батальон при Санкт-Петербургском Адмиралтействе, две роты (315 чел.) – комиссионерную команду при Черноморском Адмиралтействе. По одной комиссионерной роте (156 чел.) полагалось иметь в Москве и Архангельске. Кроме того, был утвержден штат солдатской роты для Охотского порта (162 чел.) – первой части российской морской пехоты на Дальнем Востоке (см. также стр. 358). Командованию флота император указал, что кроме морской подготовки матросы *«ныне должны сверх того обучаться по примеру армейских полков и фронтовой службе»*.

«Купно с сим угодно также было Его Императорскому Величеству повелеть, чтобы составлен был один особый Гвардейский экипаж для парусных и гребных придворных судов, и чтобы офицеры и нижние чины сего экипажа имели все обмундирование по образцу, Его Величеством утвержденному». Считается, что мысль о создании Гвардейского экипажа пришла Александру I во время Тильзитской встречи с Наполеоном 13 июня 1807 г. Для этой встречи на середине Немана построили паром с павильонами. Планировалось, что императоры одновременно причалят к нему, сохранив тем самым взаимный паритет. Французские гвардейские моряки ловко управляли катером Наполеона, чего нельзя было сказать о российской стороне. Как вспоминал офицер Ф.В. Булгарин, *«на катере государя-императора гребли рыбаки, которых одели, наскоро, в белые куртки и шаровары. Наполеон прибыл несколькими минутами прежде на паром, и подал императору нашему руку, когда он выходил из катера»*. Этот досадный эпизод обратил внимание Александра на французских моряков. *«Матросы французского гвардейского экипажа одеты были в синие куртки с красными гусарскими снурками напереди и в синие шаровары. Они имели кивера. Этот экипаж подал мысль к учреждению в России гвардейского экипажа»*[30].

По предложению Комитета для разделения команд морского ведомства 16 февраля 1810 г. Александр I утвердил штат Гвардейского экипажа из 4 рот с артиллерийской командой для 2 орудий. В экипаж зачислили нижних чинов Придворной гребецкой команды и дополнили их гребцами с адмиральских и капитанских кате-

[30] *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М., 2001. С. 337–338.

Штаты морских команд, высочайше утвержденные 16 февраля 1810 г.

Чины	В экипажах		Чины	Морская рота для Охотского порта	В комиссионерных ротах		
	Корабельном (4 роты)	Гребном (4 роты)			в Москве и Архангельске (по 1 роте)	при Адмиралтействах	
						Петербургском (3 роты)	Черноморском (2 роты)
Командир экипажа*	1	1	Штаб-офицеров	1*	1**	3**	2**
Капитан-лейтенантов	2	2	Капитанов	–	1	3	2
Лейтенантов	5	5	Штабс-капитан	1	–	–	–
Мичманов	5	13	Поручиков	1	1	3	2
Боцманов	4	4	Подпоручиков	1	1	3	2
Боцманматов	4	8	Прапорщиков	1	–	1	1
Квартирмейстеров	12	28	Фельдфебелей	1	1	3	2
Старших юнг	60	–	Портупей-прапорщик	1	–	–	–
Писарей	1	4	Унтер-офицеров	–	30	90	60
Комиссар	1	1	Подпрапорщик	1	–	–	–
Баталер	1	1	Каптенармус	1	–	–	–
Унтер-баталер	1	1	Писарей	–	–	2	2
Клерк унтер-офицерского чина	1	1	Младших унтер-офицеров	6	–	–	–
Матросов	300	540	Рядовых	141	120	360	240
Старший лекарь	1	1	Барабанщиков	3	–	–	–
Младший лекарь	1	1	Цирюльников	1	1	3	2
Фельдшеров	2	2	Ложник	1	–	–	–
Поваров	2	2	Оружейный ученик	1	–	–	–
Всего:	**404**	**615**	**Всего**:	**162**	**156**	**471**	**315**

* Из капитанов 1 ранга или капитан-лейтенантов.

* Ротный шеф.
** Из подполковников или майоров.

Контр-адмирал Иван Петрович Карцов.

Rear-Adm. Ivan Petrovich Kartsov.

Копия с портрета кисти неизвестного художника 1826–1830 гг. (ЦВММ)

В 1810–1818 гг. И.П. Карцов командовал Гвардейским экипажем, во главе которого совершил походы 1812–1814 гг.

Штат Гвардейского экипажа, высочайше утвержденный 16 февраля 1810 г.

Командир экипажа	1	Баталер	1
Капитан-лейтенантов	2	Унтер-баталер	1
Лейтенантов	5	Поваров	2
Мичманов	5	Старший лекарь	1
Боцманов	4	Младший лекарь	1
Боцманматов	4	Фельдшеров	2
Квартирмейстеров	12	**Артиллерийская команда**	
Матросов старшего оклада	160	Лейтенант	1
Матросов младшего оклада	200	Унтер-лейтенант	1
Младших юнг	24	Старший унтер-офицер	1
Клерк классный офицерского чина	1	Младших унтер-офицеров	7
Клерк унтер-офицерского чина	1	Бомбардиров	20
Шкипер классный офицерского чина	1	Канониров	20
Шкиперский помощник классный офицерского чина	1	Слесарь	1
Шкиперских помощников унтер-офицерского чина	3	Денщиков всем офицерам и чиновникам экипажа	34
Комиссар	1	**Всего:**	**518**

ров, а также отборными матросами, из которых 17 человек уже имели Знаки отличия Военного ордена Св. Георгия. При выборе людей следили, чтобы они были *«рослые»* и *«чистые лицом»*. Самых высоких зачисляли во фланговые 1-ю и 4-ю роты – из них назначались гребцы. Матросы 2-й и 3-й рот составляли команды яхт; в этих же ротах обучались юнги. Каждая рота делилась на два взвода, взвод – на два полувзвода, полувзвод – на отделения. Для хозяйственного самоуправления в каждой роте создавались 4 матросских артели.

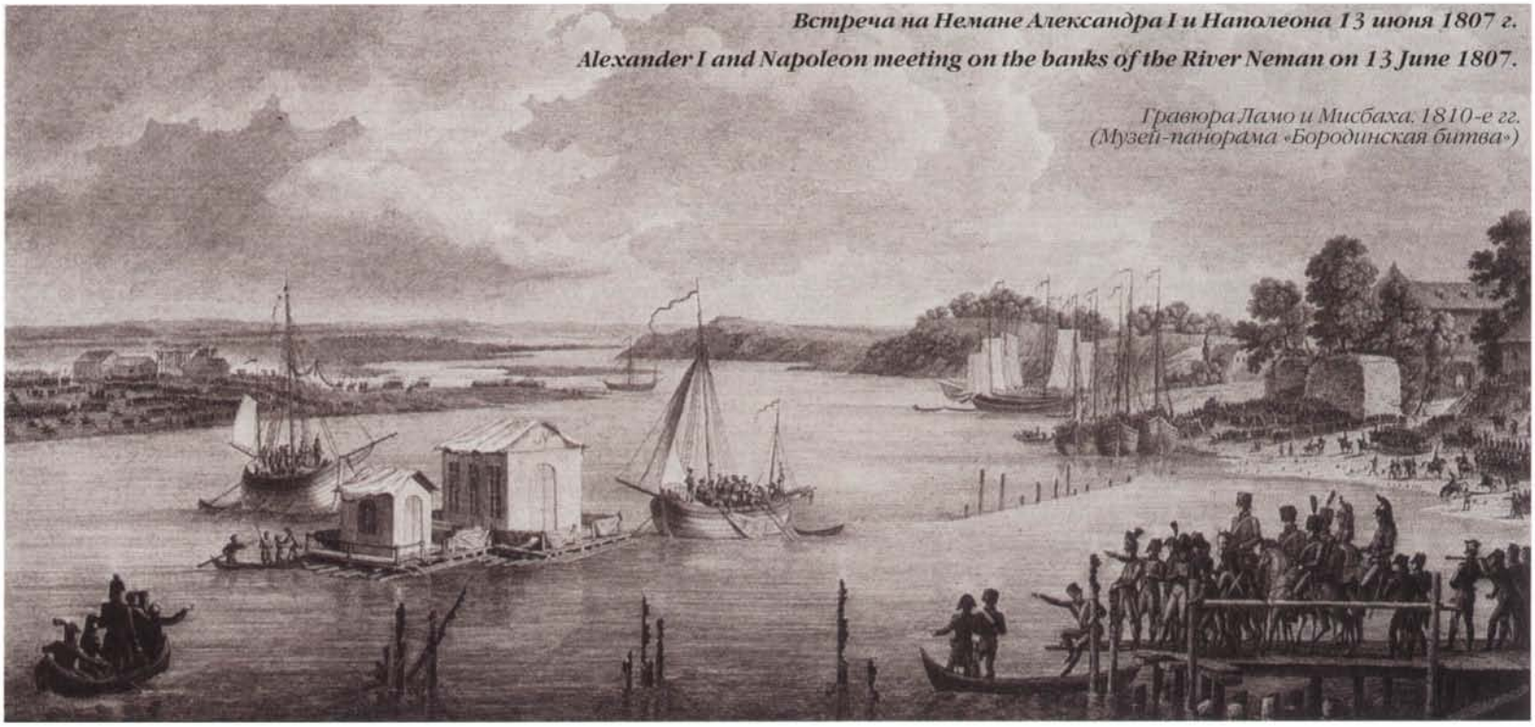
Морских офицеров зачисляли в гвардию с большим разбором, представляя их сначала великому князю Константину Павловичу, а затем государю. Командиром Гвардейского экипажа был назначен капитан 2 ранга И.П.Карцев, командовавший до этого придворными галетами «Церера» и «Паллада» и лично известный императору.

Сначала Гвардейский экипаж обмундировали по морскому образцу. Рядовым (матросам, младшим юнгам, а также нестроевым: унтер-баталеру и поварам) полагалась темно-зеленая двубортная суконная куртка на медных пуговицах, с красными погонами и с белой выпушкой по воротнику и обшлагам с клапанами. На воротнике и клапанах нашивались петлицы из красного гвардей-

Встреча на Немане Александра I и Наполеона 13 июня 1807 г.

Alexander I and Napoleon meeting on the banks of the River Neman on 13 June 1807.

Гравюра Ламо и Мисбаха. 1810-е гг. (Музей-панорама «Бородинская битва»)



Матрос Гвардейского экипажа в летней рабочей одежде. 1810–1811 гг.

A Guards Crew's sailor wearing his detail clothing. 1810–1811.

Унтер-офицер Гвардейского экипажа в летней рабочей одежде. 1810–1811 гг.

A Guards Crew's noncommissioned officer wearing his summer detail clothing. 1810–1811.

Акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Листы № 2254 и № 2256. (ВИМАИВиВС)

ского басона с желтыми клетками. Под куртку матросы надевали однобортный темно-зеленый суконный жилет (без рукавов) с обтяжными пуговицами. При куртке носили зимние темно-зеленые суконные брюки или летние из белого полотна. Черные сапоги и галстук были пехотных образцов. В летнее время вне строя матросы носили куртку с обтяжными пуговицами и брюки из полосатого (белого с синим) тика. Под летнюю куртку надевали белый однобортный тиковый жилет также с обтяжными пуговицами. Матросам полагалась круглая черная шляпа с латунным гербом – орел поверх двух скрещенных якорей. В зимнее время основным предметом верхней одежды являлась серая пехотная шинель с медными пуговицами, красными погонами и темно-зеленым воротником с белой выпушкой. Унтер-офицеры (квартирмейстеры, боцманматы и боцманы, а также нестроевые: баталер, клерк, фельдшеры, и шкиперские помощники) отличались золотым галуном на воротнике и обшлагах суконной куртки, имели перчатки и трость, а летнюю одежду носили не полосатую, а белую.

Офицерам полагался темно-зеленый двубортный мундир с золотым шитьем в виде перевитого канатами якоря на воротнике и клапанах обшлагов. Кроме того, по краю воротника, обшлагов и клапанов обшлагов вышивался золотой кант. Эполеты (у штаб-офицеров с бахромой) полагались золотые. При зимней форме с мундиром носили темно-зеленые суконные брюки, а летом брюки из белого полотна. Головным убором офи-

Герб на шляпы (с 1811 г. кивера) Гвардейского экипажа. 1810–1830 гг.

Crest worn on the hats (on shakos since 1811) by Guards Crew personnel. 1810–1830.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2253. (ВИМАИВиВС)

Офицерское шитье Гвардейского экипажа. 1810–1813 гг.

Embroidery worn by Guards Crew officers. 1810–1813.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2258. (ВИМАИВиВС)

церов являлась черная шляпа с золотой петлицей и шелковой кокардой. При мундире офицерам полагалось иметь пехотную шпагу с серебряным темляком. Вне службы все офицеры носили двубортный темно-зеленый вицмундир с шитыми прямыми золотыми петлицами на воротнике и клапанах обшлагов, а вместо шпаги – кортик с белой костяной рукоятью и позолоченным прибором. Офицерские шинели были армейского образца с пелериной и темно-зеленым суконным воротником.

Канониры и слесарь артиллерийской команды Гвардейского экипажа имели обмундирование по образцу матросов, но воротник и обшлага куртки и шинели вместо темно-зеленых черные, а на гербе их шляпы поверх якорных лап под орлом крестообразно располагались два пушечных ство-

Обер-офицер и штаб-офицер Гвардейского экипажа. 1810–1811 гг.

A Guards Crew junior officer and a field officer. 1810–1811.

Обер-офицеры артиллерийской команды Гвардейского экипажа (в летней форме и в вицмундире). 1810–1811 гг.

Junior commissioned officers of the Guards Crew artillery, wearing the summer uniform and civilian uniform. 1810–1811.

Акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Листы № 2257 и № 2262. (ВИМАИВиВС)

ла. Бомбардиры отличались золотым галуном на обшлагах. Унтер-офицеры нашивали его еще на воротнике, а также носили перчатки, трость и на черной перевязи через правое плечо в черных лакированных ножнах тесак с расширяющимся в нижней части стальным клинком. Унтер-лейтенант и лейтенант артиллерийской команды отличались от экипажных обер-офицеров только черным цветом воротника и обшлагов

6 января 1811 г. состоялся первый высочайший смотр Гвардейского экипажа, на котором император остался доволен блестящим видом моряков, пожаловал офицерам ордена, а матросам по 10 рублей на человека. Экипаж разместился в Литовском замке в Петербурге. Но поскольку с самого начала предполагалось, что Гвардейский экипаж, помимо морских обязанностей, будет действовать и на суше, в течение 1811 года его обмундирование подверглось соответствующим переменам. У унтер-офицеров отменили перчатки и трости, а у всех нижних чинов – зимние и летние жилеты и летнюю тиковую одежду. Круглые шляпы заменили пехотными киверами с прежними гербами и белыми этишкетами. Репейки для рядовых установили темно-зеленые, а для унтер-офицеров бело-черно-оранжевые, как описано выше у морских полков. Все нижние чины получили пехотные ружья и черные егерские патронные сумы с приделанными к ним штыковыми ножнами. На

Флейтщик и музыкант Гвардейского экипажа. 1811–1813 гг.

A Guards Crew flutist and musician. 1811–1813.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2267. (ВИМАИВиВС)

Патронная сума нижних чинов Гвардейского экипажа.

Ammo pouch worn by the Guards Crew other ranks.

(ЦВММ)

Первоначально к суме пришивались штыковые ножны. Позднее ножны стали пристегивать к суме специальным ремнем.

Матросы Гвардейского экипажа. 1811–1813 гг.

Guards Crew sailors. 1811–1813.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2263. (ВИМАИВиВС)

крышке сумы крепился латунный якорь. Унтер-офицеры экипажа, кроме того, получили пехотные тесаки с унтер-офицерским темляком.

Нижним чинам артиллерийской команды полагались кивера с красными этишкетом и репейком. Бомбардирам и канонирам присвоили особые тесаки, как у унтер-офицеров, а также черные сумы с двумя протравниками на черной перевязи.

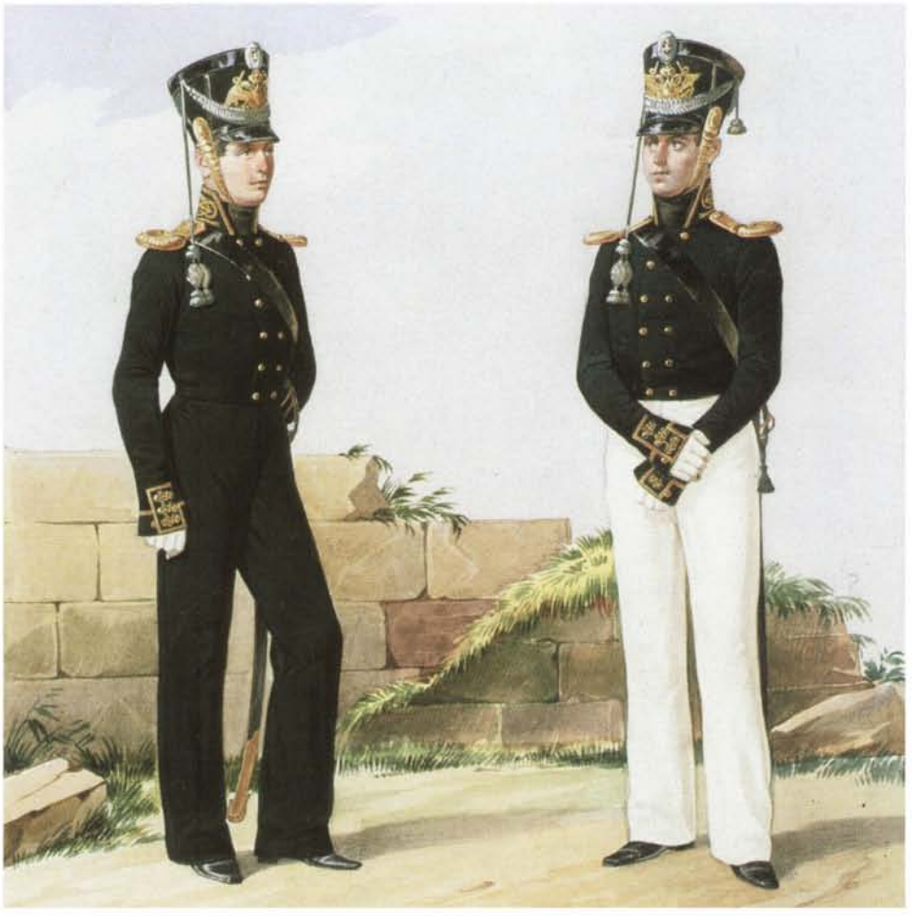
Всем офицерам Гвардейского экипажа в строю и на парадах император велел носить вместо шляп кивера, а вместо прежних шпаг всегда иметь сабли в черных ножнах с вызолоченным эфесом, крючком и наконечником. Сабли эти носили на черной лакированной перевязи через правое плечо.

Новые вещи и амуницию моряки получили из Лейб-Гвардии Финляндского батальона, приславшего также инструкторов для обучения матросов пехотному строю. В связи с последним обстоятельством в Гвардейский экипаж назначили барабанщиков, флейтщиков и музыкантов. Их обмундировали по образцу нижних чинов, но с расшивкой курток басоном по борту, рукавам и темно-зеленым крыльцам. Барабанные обручи и палки были черные. В дальнейшем изменения обмундирования Гвардейского экипажа следовали за изменениями униформы гвардейской легкой пехоты.

В ходе реформы флота морские полки 13 ноября 1810 г. получили по примеру армейской пехоты новую организацию. Теперь все три батальона стали мушкетерскими из 1 гренадерской и 3 мушкетерских рот. Роты имели сквозную нумерацию и, таким образом, полк состоял из 1–3-й гренадерских и 1–9-й мушкетерских рот. Каждая гренадерская рота в свою очередь состояла из двух взводов – гренадер и стрелков. Таким образом, количество гренадер в полках уменьшилось, но зато улучшился их качественный отбор. 4 ноября 1810 г. морским полкам объявили, что *«Его Императорское Величество указать соизволил выбираемых за отличную службу в гранодеры и стрелки не называть ни в каком случае общим именем рядовой или солдат, но всегда и во всех рапортах именовать их гранодерами или стрелками; ибо сие звание есть степень отличия и награды за усердие и храбрость и хорошее поведение»*[31]. Кроме того, особо указывалось отбирать в гренадерские роты солдат, прослуживших не менее двух лет. Например, во 2-м морском полку в гренадеры брали только ветеранов Архипелагской экспедиции. Для правильного распределения военных и хозяйственных обязанностей была установлена система, по которой 2-й батальон считался запасным и при выступлении полка в поход оставался на квартирах, пополняя действующие 1-й и 3-й батальоны.

Приближавшаяся война с Наполеоном заставила подготовить морские части к сухопутным походам. 17 января 1811 г. 1-й, 2-й и 3-й морские полки вошли в состав 25-й пехотной дивизии, а 4-й – в 28-ю. Начальником 25-й пехотной дивизии назначили инспектора морских полков Балтийского флота генерал-майора П.С.Ширкова[32]. К июню формирование дивизии завершилось. 1-ю бригаду из 1-го и 2-го морских полков возглавил шеф 2-го морского полка полковник А.Э.Пейкер. Командиром 2-й бригады из 3-го морского и Воронежского пехотного полков стал шеф 3-го морского полка полковник А.Ю.Гамен. 3-ю бригаду составили 31-й и 47-й егерские полки. Артиллерийские команды морских полков поступили в приданную дивизии 25-ю артиллерийскую бригаду. 12 июня 1811 г. Александр I провел в Петербурге смотр 3-го морского полка. Оставшись доволен строевой подготовкой, император пожаловал всем нижним чинам по 1 рублю. В октябре того же года из гренадерских рот 3-го полка выбрали 12 унтер-офицеров, 3 музыканта и 192 рядовых для пополнения Лейб-Гвардии Финляндского батальона, разворачивающегося в полк.

Поскольку первоначально морские полки не планировалось использовать в затяжных сухопутных операциях, у них отсутствовали армейские обозы. В связи с подготовкой к войне 18 октября 1811 г. штаты морских полков увеличили на 67 человек, дополнив каждый из них вагенмейстером, лазаретными служителями, коновалами, кузнецами, плотниками и фурлейтами. Были ассигнованы деньги для постройки аптечных, патронных и палаточных ящиков, передвижных полковых кузниц. Кроме того, в полках провели



Ротный обер-офицер Гвардейского экипажа и обер-офицер артиллерийской команды. 1811–1813 гг.

A junior commissioned officer of a Guards Crew company and an artillery junior commissioned officer at the quarters. 1811–1813.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2268. (ВИМАИВиВС)

[31] РГВИА. Ф. 14898. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.

[32] 29 октября 1811 г. вместо П.С.Ширкова командиром дивизии был назначен генерал-майор П.Я.Башуцкий.

Ротные различия фуражных шапок морских полков образца 1812 года.

Company differences in the 1812-issued garrison caps of the naval regiments.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1364. (ВИМАИВиВС)

унификацию оружия. Старые ружья полки сдали в корабельные и гребные экипажи, а взамен их получили по 2100 новых ружей Сестрорецкого завода и по 75 патронов к ним.

В случае выступления 25-й дивизии в поход морских солдат в Кронштадте временно должны были заменить матросы. В связи с этим император велел флотские *«команды неусыпно обучать фронту, не отвлекая другими работами»*. В дополнение к ружьям, сданным морскими полками, военное ведомство также выделило морякам ружья, а кроме того необходимое число тесаков, патронов и амуниции. От каждого экипажа в пехоту направили 4 унтер-офицера и 12 рядовых для подготовки строевых инструкторов. Была также сформирована морская команда из 2 офицеров, 5 унтер-офицеров и 60 рядовых для обучения рекрутов флота. Кроме того, 4 января 1811 г. император велел генерал-майору П.С.Ширкову *«отделить три корабельных экипажа и составить из них особую бригаду,* [которую] *преобразить и обучить всему касающемуся до строевой службы сходно, как сие учинено в Гвардейском экипаже, и для сего назначаются экипажи № 8, 10 и 46-й, коим состоять под командою капитана-командора Быченского 1-го»*[33]. Обучением моряков руководил шеф 3-го морского полка полковник А.Ю.Гамен. За успешную подготовку экипажей Ф.Т.Быченского наградили орденом Св. Владимира 3-й степени, а Гамена – тем же орденом 4-й степени. Вскоре три подготовленных экипажа приступили к обучению остальных.

Однако фрунтовая служба не пользовалась у моряков симпатией, и начальству приходилось применять строгие меры. Например, командир 39-го экипажа капитан-лейтенант Н.Л.Пыхачев был отрешен в 1811 году от командования и назначен исполнять должность лейтенанта *«за уклонение от обязанностей присутствовать при фронтовом учении»*. Офицеры экипажа получили строгий выговор и приказ немедленно обучиться строевой службе. Но такая интенсивная и во многом вынужденная попытка возложить на матросов функции морской пехоты имела негативные последствия. Из-за чрезмерного увлечения фронтом командиры экипажей стали переводить опытных моряков, неспособных к строю, в ластовые и рабочие команды, заменяя их рекрутами. В результате экипажи были ослаблены в морском отношении, не достигнув при этом и пехотного совершенства, поскольку за время навигации матросы забывали строевые приемы.

Тем не менее, реформа 1810–1811 гг. имела серьезное значение для развития морской пехоты. С началом Отечественной войны моряки при необходимости могли действовать и на суше. Так, 17 сентября 1812 г., преследуя отступающих пруссаков по реке Больдер-Аа, гребная флотилия контр-адмирала А.В. фон Моллера высадила в городке Шлок 1-й гребной экипаж под командованием капитан-лейтенанта В.М.Казина. Здесь экипаж обнаружил 300 оставленных пруссаками больных и, *«истребя множество припасов, заготовленных неприятелем к осаде города Риги, забрал из них, сколько можно поместить на лодки, не обременяя их с излишеством, как-то: несколько ружей, тесаков и сум, якорей, заготовленных с такелажем для наведения мостов против Риги, шуб и серого овечьего сукна для зимнего одеяния и госпитальных материалов»*. Срыв до основания три береговые батареи, экипаж 21 сентября вернулся с трофеями в Ригу. За смелую высадку Казина наградили орденом Св. Анны 2-й степени.

В начале 1814 г. из моряков балтийской эскадры адмирала Е.Е.Тета, находившейся с ноября 1812 г. в Англии и блокировавшей вместе с британским флотом побережье Голландии, сформировали отряд из 87 офицеров и 3000 нижних чинов. В феврале для помощи союзным войскам, окружившим Антверпен, этот отряд перевезли на английских транспортах и высадили в устье реки Шельды, где он занял острова Северный и Южный Бевеланд. В конце апреля в связи с завершением боевых действий десант был снят русскими кораблями контр-адмирала Р.В.Кроуна.

Однако главными представителями флота в сухопутных кампаниях 1812–1814 гг. стали Гвардейский экипаж, 1-й и 2-й морские полки, а также 75-й корабельный экипаж, совершивший поход во Францию с берегов Черного моря.

[33] РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189а. Св. 6 Д. 1. Л. 1.

Участие Гвардейского экипажа в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 гг.

Зимой 1812 года Гвардейский экипаж готовился к предстоящей морской кампании. Но 28 февраля Министр морских сил маркиз И.И. де Траверсе неожиданно получил от военного министра М.Б.Барклая де Толли известие, что *«по Высочайшему Его Императорского Величества повелению Гвардейскому экипажу назначено в будущую субботу, 2-го марта, выступить в поход в г. Вильну»*. Одновременно великий князь Константин Павлович посетил Литовский замок и поздравил моряков с походом. На время сухопутных действий Гвардейский экипаж поступил в 3-ю бригаду Гвардейской пехотной дивизии. Артиллерийская команда получила две 6-фунтовые пушки и была прикомандирована к легкой роте № 1 Лейб-Гвардии Артиллерийской бригады. В течение двух дней для экипажа сформировали необходимый обоз, матросам выдали теплую одежду и по три пары сапог на человека. В 10 часов утра 2 марта Гвардейский экипаж (15 офицеров, 3 чиновника и 435 нижних чинов[34]) вместе с гвардейской легкой пехотой был представлен государю на Семеновском поле. За быструю подготовку Александр I объявил всем офицерам высочайшее благоволение, приказал дополнительно выдать треть годового жалованья, а матросам пожаловал по рублю, фунту рыбы и чарке вина[35]. Войска прошли церемониальным маршем, после чего выступили из Петербурга. Император проводил их до Московской заставы и напутствовал Гвардейский экипаж словами: *«Прощайте, ребята! Надеюсь, что я не ошибся, взявши вас с собой, и что вы покажете мне вашу службу»*. Цесаревич Константин просил И.П.Карцова *«беречь матросов»* и для *«содержания их в добром здравии»* распорядился выдавать еженедельно каждому по 4 чарки вина и по 1,5 фунта мяса или рыбы.

5 марта 1812 г. Александр I провел смотр отправляющейся в поход Лейб-Гвардии Артиллерийской бригады. Находившаяся в ее рядах артиллерийская команда Гвардейского экипажа (лейтенант А.И.Лист и унтер-лейтенант И.П.Киселев, 2 старших и 4 младших унтер-офицера, 1 барабанщик, 15 бомбардиров, 16 канониров, 1 слесарь) заслужила похвалу императора. В дальнейшем эта команда действовала вместе с гвардейской артиллерией отдельно от своего экипажа, встречаясь с ним лишь на маршах и полях сражений.

Делая по 25–30 верст в сутки и имея через каждые 3 дня *«растаг»* (дневной отдых), Гвардейский экипаж за 38 дней прошел более 600 верст. В Порхове матросы получили 358 новых ружей и по 100 патронов к ним, в связи с чем на дневках проводилось обучение стрельбе и пешим маневрам. 9 апреля Гвардейский экипаж завершил свой первый сухопутный поход и расположился в окрестностях местечка Тверичи, где простоял до 23 мая. За время стоянки матросы участвовали в исправлении дорог и мостов, осваивая саперное дело. К 29 апреля экипаж насчитывал в строю 14 офицеров, 3 чиновника, 26 унтер-офицеров, 33 музыканта, 10 юнг, 349 матросов.

23 мая Гвардейский экипаж покинул Тверичи и 28 мая расположился в окрестностях Вильны. 2 июня 1-я, 3-я и 4-я роты моряков были направлены в Дрисский лагерь, где с 16 июня приступили к строительству укреплений, а также мостов

Библиография и источники:

Виноградский И.А. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. СПб., 1899.

Виноградский И.А. Действия морского Гвардейского экипажа в войну 1813 года. СПб., 1903.

Лермантов М.Н. История Гвардейского экипажа. // РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 166.

Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский Экипаж. СПб., 1996.

Щепотьев С.А. Памятка Гвардейского экипажа. СПб., 1910.

[34] 4 боцмана, 4 боцманмата, 16 квартирмейстеров, 20 музыкантов, 1 экипажный и 8 ротных барабанщиков, 4 флейтщика, 340 матросов, 10 юнг, 6 нестроевых; при обозе 2 квартирмейстера и 20 матросов.

[35] В то время чарка в армии считалась из расчета 80 чарок на ведро – то есть около 150 грамм. При этом под «вином» понималась хлебная водка, хотя в заграничных походах вместо нее действительно иногда выдавали настоящее вино, что, судя по многочисленным отзывам, было не по вкусу русским солдатам.

Унтер-офицер Гвардейского экипажа. 1811–1813 гг.

A Guards Crew non-commissioned officer. 1811–1813.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI.

Капитан-лейтенант Матвей Николаевич Чихачев.

Lt. Matvei Nikolayevich Chikhachov.

Литография 1899 г. с портрета 1821 г.

В 1812–1814 гг. М.Н.Чихачев в чине лейтенанта командовал 3-й ротой Гвардейского экипажа и участвовал во всех сражениях и боевых походах от Дрисского лагеря до взятия Парижа.

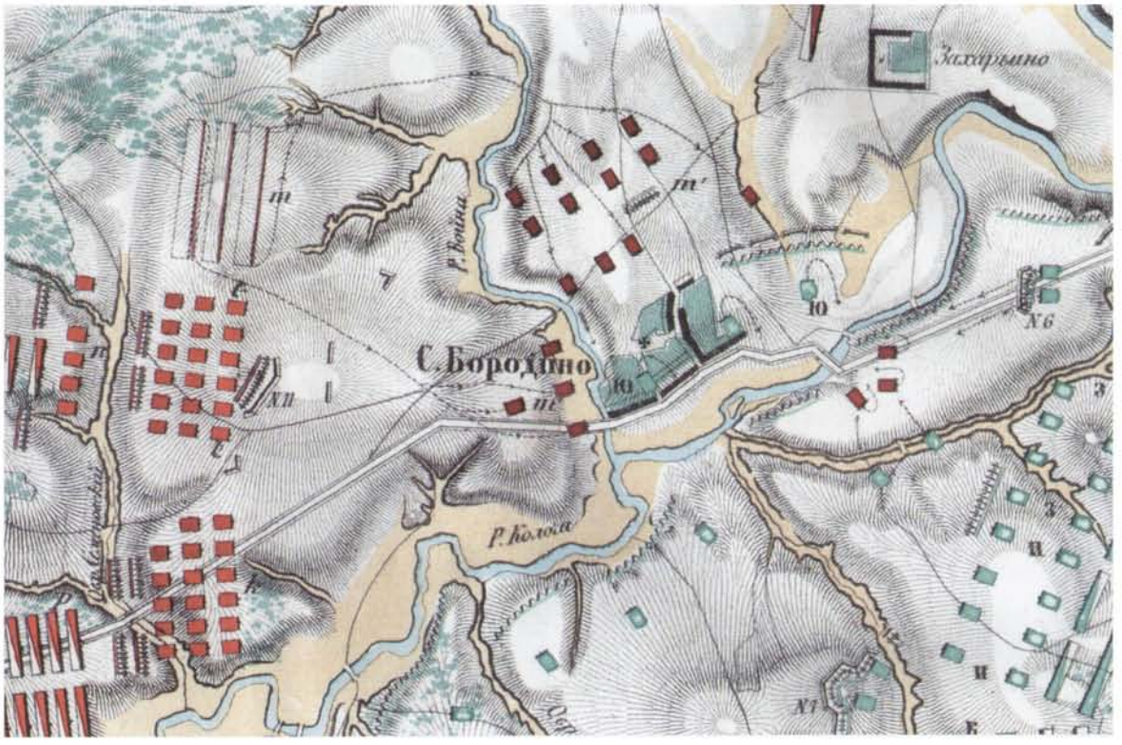
М.Н. Чихачевъ.

через Западную Двину. В то же время 2-я рота капитан-лейтенанта Г.К.Горемыкина построила в окрестностях местечка Немечин на плотах и бочках несколько мостов через реки Вилию и Вилейку, обеспечила с началом войны переправу по ним собирающихся к Дрисскому лагерю корпусов 1-й Западной армии, после чего уничтожила мосты и отступила к Дриссе.

Собравшиеся в Дрисском лагере роты Гвардейского экипажа направили на усиление понтонных рот № 1 (подполковника И.Я.Акермана) и № 2 (подполковника А.Б.Философова). Войска остро нуждались в мостах через Двину, а понтонеры оказались неопытными и даже не умели заделывать дыры в парусиновых понтонах. Офицеры, руководившие строительством переправ, по свидетельству полковника К.Клаузевица, *«не обладали ни опытом, ни знаниями в этой области»*. Моряки споро взялись за дело и с помощью двойного парусного шва быстро привели понтоны в порядок. На плотах и понтонах они навели три моста и еще один построили на 10 якорных лодках (*«шейнах»*). Для защиты мостов были устроены три тет-де-пона, охрану которых несли пикеты Гвардейского экипажа. Начальником караулов и ответственным за порядок при переправе назначили И.П.Карцова. Лихая работа моряков заслужила похвалу главнокомандующего М.Б.Барклая де Толли, а император, лично наблюдавший за наведением мостов, распорядился выдать всем чинам экипажа денежную награду.

В связи с решением оставить Дрисский лагерь Гвардейский экипаж 2 июля обеспечил переправу русских войск через Западную Двину, после чего вместе с понтонерами разобрал мосты и уничтожил все строительные материалы. С 4 июля 1-я и 3-я роты Гвардейского экипажа были прикомандированы к понтонной роте № 1, а 2-я и 4-я роты – к понтонной роте № 2. Двигаясь в арьергарде 1-й Западной армии, моряки обеспечивали переправы русских войск, уничтожали припасы и разрушали водяные мельницы. Последней, переправив все кавалерийские пикеты, оставила Дрисский лагерь команда из 60 матросов мичманов А.Д.Валуева и М.Н.Лермантова. Догоняя армию, эта команда вечером 12 июля вступила в уже оставленный русскими войсками Полоцк. Французские разъезды ночевали в предместье на другой стороне Двины. В городе моряки обнаружили массу брошенных телег с провиантом и множество отставших солдат. Валуев приказал половине матросов занять оборону около брода, а прочим гвардейцам собрать всех солдат, посадить их на телеги и выпроводить за армией. Оставшийся после этого провиант уничтожили. На рассвете 13 июля экипаж покинул Полоцк. Двигаясь вдоль реки, моряки увидели на противоположной стороне французский разъезд, который шел с ними в одном направлении. Заметив русских, вражеские кавалеристы стали подбрасывать маленькие бочонки и кричать: *«Камрад, дю водка!»*. Матросы отвечали, что выпьют в свое время после победы. Тогда французы начали шутливо благодарить русских за доставшиеся им в Полоцке трофеи. Моряки отвечали, что это святой обычай русского гостеприимства и что на Руси с лета откармливают свиней для убоя на Рождество. Так, перекрикиваясь с французами, отряд моряков с шутками и смехом быстро догонял армию. К вечеру 13 июля, пройдя за 40 часов 110 верст, команда присоединилась к экипажу в Витебске.

Вечером 15 июля Гвардейский экипаж, разрушив переправы, оставил Витебск, прошел через Рудню и 19 июля прибыл к Смоленску. 21–23 июля 3-я рота экипажа вместе с понтонерами отправилась навстречу 2-й Западной армии и, наведя мосты, обеспечила соединение русских войск. Переправу охраняла цепь застрельщиков из матросов. Во время маневров под Смоленском и обороны города 4–6 августа моряки конвоировали свои понтонные роты и охраняли мосты через Днепр, которые взорвали после отступления русских войск. С трудом продвигая по раскисшим от дождей дорогам тяжелые повозки с понтонами, нередко вытаскивая их на руках и чиня на ходу, моряки 8 августа навели три понтонных моста у Соловьевой переправы. После прохода армии, 3-я рота лейтенанта М.Н.Чихачева под огнем французских стрелков собрала понтоны и уничтожила два постоянных деревянных моста. В этом деле 5 матросов были убиты и тяжело ранены. В дальнейшем моряки Гвардейского экипажа все время находились в арьергарде, исполняя поручения по наведению мостов и последующему разрушению переправ.



План боя за село Бородино 26 августа 1812 г.

Battle order for the village of Borodino on 26 August 1812.

Фрагмент плана Бородинского сражения, составленного под руководством генерал-майора М.И.Богдановича и одобренного Николаевской академией Генерального Штаба. 1862 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На плане русские батальоны изображены зеленым цветом, французские – красным.

Прийдя 23 августа на Бородинскую позицию, Гвардейский экипаж занялся обустройством переправ через многочисленные речки и ручьи, пересекавшие поле сражения. Поскольку Лейб-Гвардии Егерский полк занял село Бородино, отделенное рекой Колочь от правого русского фланга, рядом с деревянным мостом моряки построили еще один понтонный мост. 25 августа экипаж отошел вместе с понтонными ротами в резерв, оставив для охраны мостов через Колочь 30 матросов-добровольцев под командованием мичмана М.Н.Лермантова.

На рассвете 26 августа 1812 г. французская 13-я пехотная дивизия генерала Дельзона атаковала Бородино. 106-й линейный полк ворвался в село, опрокинул егерей и на их плечах перешел по мостам Колочь. Матросы успели лишь разобрать часть настила деревянного моста. Но на правом берегу реки французов неожиданно встретили два батальона 1-го егерского полка полковника М.И.Карпенко. Командир 1-го батальона майор М.М.Петров позднее вспоминал: *«Полковник Карпенков с батальоном моим, имевшим ружье наперевес, быстро взбежав на бугорок, дал меткий залп всем фрунтом по неприятелю и, когда дым выстрела еще клубился пред лицом неприятеля, и люди их, пораженные и озадаченные залпом батальона моего, были в смятении, егеря наши, опрометью бросившиеся за пулями вслед на неприятеля, ударили в штыки. А как гвардейцы, хотевшие истребить за собою мосты, успели на верхнем, высоком, на сваях стоящем мосту снять около десяти мостовин на средине его, то к этой прорехе и крутизне берега тинистой речки притиснули мы французов, и как в то же время 3-й батальон наш майора Сибирцева, повернутый вполоборота направо, бросился из-за моего на нижний плавучий мост, находившийся возле высокого в 40 шагах, и также по залпе переднего дивизиона ударил трехгранным* [штыком], *то мы и истребили все отряды неприятельские с их генералом, штаб- и обер-офицерами и, перешед на левый берег Колочи в село Бородино, потурили соединено всем полком из него неприятеля».* В этой схватке 106-й линейный полк был практически уничтожен, потеряв около тысячи человек, в том числе убитым своего командира бригадного генерала Л.Плозонна. Лишь подоспевший 92-й линейный полк позволил французам закрепиться в Бородине.

«К окончанию этого удачного натиска нашего, – вспоминал М.М.Петров, – *прискакав по мостам, отнятым нами у неприятеля, начальник главного штаба генерал* [А.П.]*Ермолов с капитаном* [А.Н.]*Сеславиным приказал оставить село Бородино, до половины занятое, и, отозвав из него полк на правый берег Колочи, истребить оба моста дотла. Во исполнение этого приказания полковник Карпенков, созвав полк свой, перевел его на правую сторону речки и поручил мне поспешить истреблением мостов, что надлежало исполнять под сильным близким огнем неприятеля, стрелявшего по нам из восьми орудий с бугров селения и ружей от крайних домов и огорожей. Но все это успешно было мною исполнено чрез особенное соревнование к чести моих офицеров, бывших со мною для примера и ободрения подчиненных по груди в воде тинистой речки, при глазах А.П.Ермолова, стоявшего на окраине берега над нами под убийственными выстрела-*

Памятник Лейб-Гвардии Егерскому полку и морякам Гвардейского экипажа на Бородинском поле.

Monument to the Life Guards Jaeger Regiment and the Guards Crew sailors, set up at the Borodino Field.

Проект памятника разработали инженер-полковник Ф.Н.Еранцев и архитектор Н.А.Пермяков. Руководил строительством монумента летом 1912 г. инженер С.Л.Прохоров.

Фотографии из альбома «Рота Гвардейского Экипажа на Бородинских торжествах 18–31 августа 1912 г.» (ЦВММ)

ми неприятеля и ободрявшего наше превозможение всего и того, когда мы шпагами и тесаками рубили веревчатые и форостяные прикрепы плавучего моста»[36]. Вслед за разрушением временного моста егеря сожгли деревянный свайный мост, для чего фитиль и брандскугели прислал командир 7-й конной артиллерийской роты полковник А.П.Никитин. Вместе с егерями мосты уничтожали моряки мичмана М.Н.Лермантова. При этом 4 матроса были убиты и 7 тяжело ранены (двое из них умерли через несколько дней). После уничтожения мостов, согласно официальной реляции, *«французы в течение целого дня не осмеливались уже делать покушения к переправе и довольствовались перестрелкою с нашими егерями»*. За храбрость при Бородино 6 матросов Гвардейского экипажа получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия.

С донесением об уничтожении мостов Барклай де Толли послал к главнокомандующему мичмана Н.П.Римского-Корсакова. М.И.Кутузов оставил его при себе, неоднократно посылал с приказаниями в разные места сражения, за что позднее наградил орденом Св. Анны 3-й степени. Старший адъютант 5-го пехотного корпуса лейтенант Гвардейского экипажа С.А.Наумов *«за развозку приказаний»* командующего корпусом генерал-лейтенанта Н.И.Лаврова получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. В битве также участвовал адъютант цесаревича капитан-лейтенант П.А.Колзаков. Покидая армию 16 августа 1812 г., великий князь Константин Павлович определил своего адъютанта к главнокомандующему 2-й Западной армией князю П.И.Багратиону. Колзаков находился при князе во время сражения и, когда Багратион был ранен осколком ядра в левую ногу, подхватил его в седле и помог аккуратно спустить на землю.

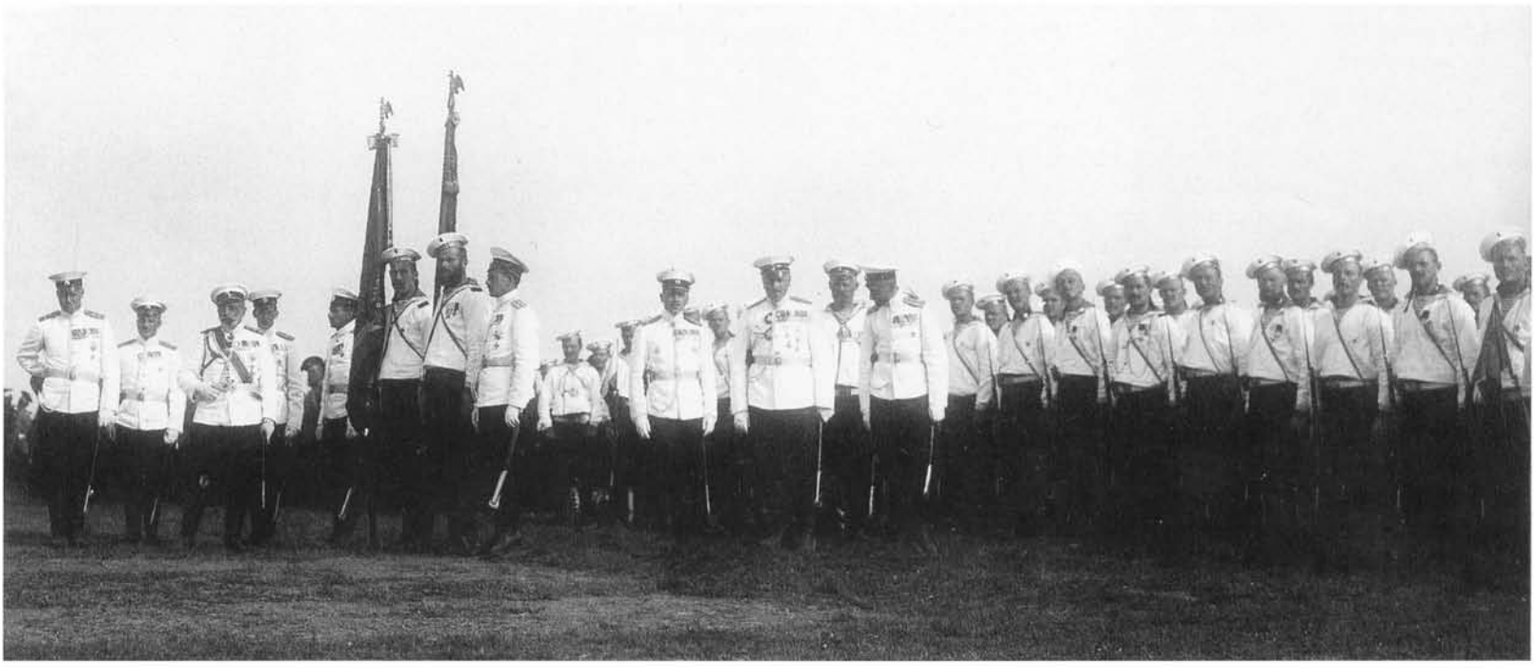
После ранения князя Багратиона левый русский фланг отошел к деревне Семеновское. Сюда выдвинулась Лейб-Гвардии легкая рота № 1 вместе с артиллерийской командой Гвардейского экипа-

[36] 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 183.

Офицеры и матросы Гвардейского экипажа у памятника на Бородинском поле Лейб-Гвардии Егерскому полку и морякам Гвардейского экипажа.

Guards Crew officers and men by the Life Guards Jaeger Regiment and the Guards Crew sailors, set up at the Borodino Field.

Фотография из альбома «Рота Гвардейского Экипажа на Бородинских торжествах 18–31 августа 1912 г.» (ЦВММ)



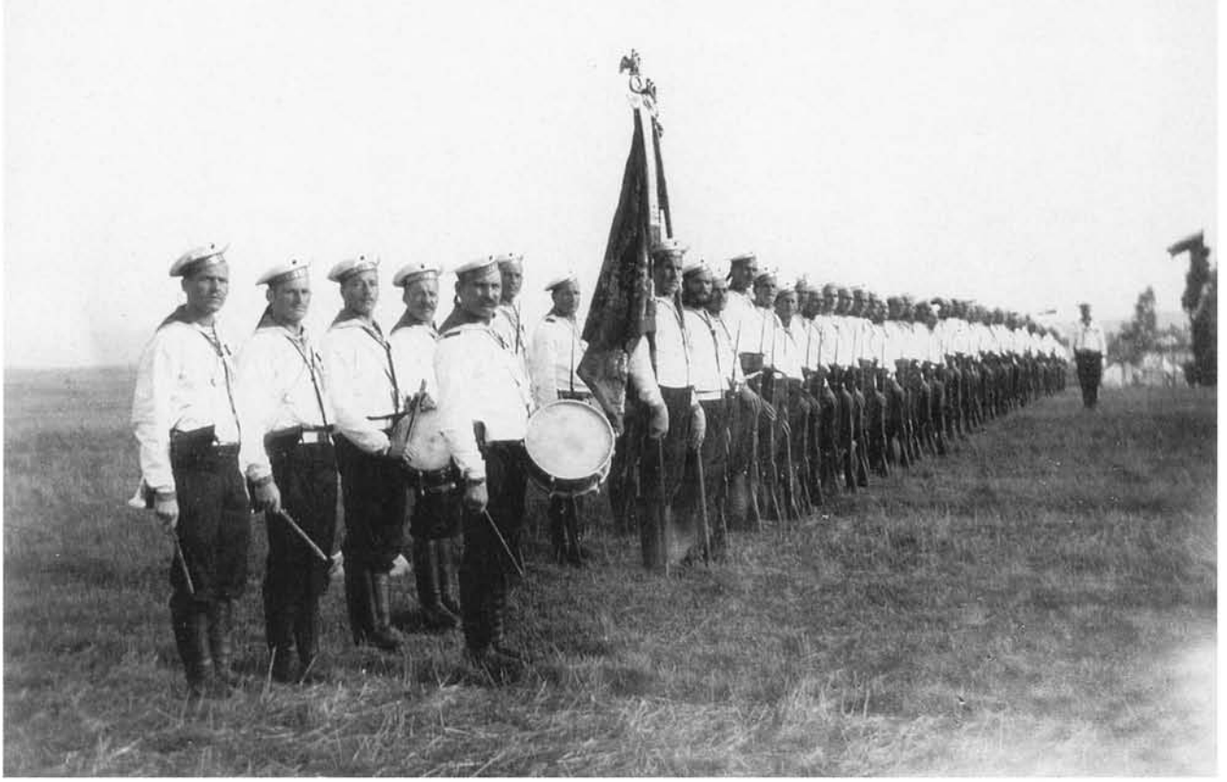
Парадный строй роты Гвардейского экипажа с Георгиевскими знаменами на Бородинском поле. 26 августа 1912 г.

Parade formation of a Guards Crew company, displaying St. George flags, during a ceremony at the Borodino Field. 26 August 1912.

Особое место в строю занимают знаменщики с экипажными святынями: слева – с Георгиевским знаменем 1910 года сверхсрочный боцманмат Кузнецов, справа – с практически утратившим полотнище Георгиевским знаменем 1813 года сверхсрочный боцманмат Сыроед.

жа. Несколько часов моряки из своих двух пушек отражали атаки неприятеля и вели дуэль с французской артиллерией. Вскоре унтер-лейтенант И.П.Киселев был тяжело контужен в грудь и вынесен из боя. Затем получил контузию лейтенант А.И.Лист, но остался в строю. 4 нижних чина были убиты, 7 ранены, 1 зарядный ящик разбит, 3 лошади убиты. Понеся большие потери, легкая гвардейская артиллерия отошла за линию огня. Приведя себя в порядок, около 9 часов вечера рота вместе с 1 орудием лейтенанта Листа снова выдвинулась на позицию и, поддерживая Лейб-Гвардии Финляндский полк, сделала последние выстрелы по врагу. Офицеров А.И.Листа и И.П.Киселева *«за лихое действие их орудий у села Семеновского в день Бородина»* наградили орденом Св. Анны 3-й степени, а 6 матросов артиллерийской команды – Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия. Кроме того, за Бородинское сражение все нижние чины получили от императора по 5 рублей, а офицеры – треть годового жалованья.

В связи с решением об оставлении Бородинской позиции Гвардейский экипаж, находившийся в резерве, выдвинули вперед для исправ-



Рота Гвардейского экипажа перед выступлением на парад 26 августа 1912 г.

A Guards Crew company before heading to the parade on 26 August 1912.

Фотографии из альбома «Рота Гвардейского Экипажа на Бородинских торжествах 18–31 августа 1912 г.» (ЦВММ)

Сверхсрочный боцманмат Сыроед с Георгиевским знаменем 1813 года и барабанщик Гвардейского экипажа на Бородинском поле 26 августа 1912 г.

Boatswain's Mate Syroyed holding the 1813 St. George flag and a Guards Crew drummer at the Borodino Field on 26 August 1912.

Рисунок художника А.А.Троня. 2000 г. (ЦВММ)

Боцман и матросы Гвардейского экипажа у памятника светлейшему князю М.И.Голенищеву-Кутузову на Бородинском поле в деревне Горки.

A Guards Crew boatswain and sailors by the monument to Prince M.I. Golenischev-Kutuzov at the Borodino Field in the village of Gorki.

Фотография из альбома «Рота Гвардейского Экипажа на Бородинских торжествах 18–31 августа 1912 г.» (ЦВММ)

ления дорог и переправ на пути армии. 2 сентября экипаж обеспечивал порядок на мостах через Москву-реку и Яузу во время прохода войск через столицу на Рязанскую дорогу. Кроме того, шкипер Василий Быков получил от генерал-квартирмейстера К.Ф.Толя поручение вывезти из Кремлевского арсенала 64 повозки с шанцевым и пожарным инструментом. Быков успешно выполнил трудное поручение и доставил обоз 20 сентября в Тарутино, за что получил орден Св. Анны 3-й степени. Во время отступления из Москвы в городе заблудился матрос Тимофей Букузин. Французы схватили его, обвинили в поджогах и приговорили к расстрелу. Но Букузину удалось бежать, и позднее он присоединился к экипажу под Тарутиным. Завершая эвакуацию Москвы, лейтенант А.И.Дубровин и мичман Н.П.Римский-Корсаков ночью с 2 на 3 сентября зажгли мосты.

Преследуемые французской кавалерией, моряки вечером 5 сентября уничтожили под огнем французских фланкеров мосты при Боровской переправе, потеряв 3 матросов смертельно ранеными. После этого экипаж срочно направили к селу Красная Пахра, где он участвовал 8–9 сентября в строительстве 7 понтонных мостов. 16 сентября 1-й и 2-й ротам экипажа (6 офицеров, 217 нижних чинов) было приказано находиться при понтонной роте № 2, а 3-й и 4-й ротам (6 офицеров, 190 нижних чинов) – при понтонной роте № 1. Эти роты шли впереди армии, наводя мосты и переправы. С 21 сентября русские войска расположились на Тарутинской позиции. Три недели моряки спокойно простояли в селе Овчинникове. В сражении при Тарутине 6 октября экипаж участия не принимал. Но лейтенант А.А.Колзаков, состоявший в распоряжении генерал-лейтенанта князя Д.В.Голицына, руководил стрелками и егерями на правом фланге и за умелые действия был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом.

С началом преследования французской армии Гвардейский экипаж 11 октября направили к селу Спас-Лыковщина для строительства мостов через реку Протва. Не имея веревок, гвоздей и инструментов, матросы разобрали крестьянские избы и за 6 часов смогли построить лишь два хлипких моста на плотах. Тем не менее, уже вечером по ним переправился авангардный корпус генерала Д.С.Дохтурова, спешивший к Малоярославцу. На рассвете 12 октября к мостам приехал М.И.Кутузов. Засветло армия перешла реку и двинулась к Малоярославцу. Кутузов, с тревогой следивший за переправой, вызвал к себе И.П.Карцова и сказал: *«Благодари от меня офицеров и матросов за их деятельность, а все-таки, если бы что-нибудь случилось ко вреду и задержанию войска на переправе, я велел бы тебя расстрелять; ты должен был предвидеть все недостатки и потребности еще в Овчинникове»*. Затем, перекрестившись, главнокомандующий отправился на дрожках к Малоярославцу. Через два дня Гвардейский экипаж двинулся вслед за армией.

Прибыв в Медынь 18 октября, роты снова соединились с двумя понтонными ротами и составили инженерный отряд, который шел в авангарде колонны войск князя Д.В.Голицына, обеспечивая строительство переправ. Экипаж получил возможность везти своих больных и уставших матросов в обозе понтонеров, благодаря чему при вступлении в Вильну не имел ни одного отставшего.

От Тарутино до Красного с Гвардейским экипажем шла его артиллерийская команда. В сражении при Красном 5 ноября 1812 г. морские артиллеристы вместе с Лейб-Гвардии легкой ротой № 1 находились на правом фланге русской позиции, расстреливая отступающие войска 1-го корпуса маршала Л.Н.Даву. После этого команда поступила в авангардный отряд А.П.Ермолова и после сражения 16–17 ноября при Березине двигалась до Вильны вместе с гвардейской артиллерией.

Гвардейский экипаж, находившийся при Красном в резерве, 11 ноября пришел в местечко Копыс, где стал быстро строить 100-метровые понтонные мосты через Днепр. Приходилось работать по пояс в ледяной воде и при ледоходе, отчего 3 матроса простудились и умерли. К сожалению, по новым мостам успел переправиться только 5-й (Гвардейский) корпус, поскольку ледоход сорвал козлы. Получив в Копысе полушубки и обувь, экипаж 14 ноября двинулся дальше и 17 ноября приступил к строительству моста че-

Серебряная медаль в память Отечественной войны 1812 г.

Silver medal in commemoration of the Patriotic War of 1812.

(Из коллекции М.С.Селиванова)

Такой медалью на голубой Андреевской ленте наградили всех офицеров и моряков, участвовавших в боевых походах 1812 года.

рез Березину ниже Борисова. Снова морякам пришлось работать в ледяной воде, отчего умерли 2 юнги, 2 матроса и 1 музыкант. 20 ноября по готовому мосту гвардия перешла реку. Вслед за ней 22 ноября двинулся экипаж и 5 декабря церемониальным маршем вступил в Вильну. Здесь моряки получили зимние квартиры. Согласно рапорту 17 декабря 1812 г., в этот день в строю экипажа числились: 3 штаб- и 9 обер-офицеров, 24 унтер-офицера, 26 музыкантов, 298 рядовых, 5 юнг и 7 нестроевых. Правда, почти половина из них являлись больными.

За время Отечественной войны 1812 года Гвардейский экипаж потерял убитыми 22 нижних чина (6 в артиллерийской команде), умершими от ран и болезней 31 (5 в артиллерийской команде), без вести пропавшими 8. Все офицеры были награждены орденами, а 5 фельдфебелей, 1 боцманмат, 2 квартирмейстера и 16 матросов получили Георгиевские кресты.

3 января 1813 г. Гвардейский экипаж двинулся за Неман, оставив в Вильне, Минске и близлежащих госпиталях 5 офицеров и 165 нижних чинов. Двигаясь по польской и прусской территории, главная русская армия почти не встречала сопротивления. Усиленными маршами экипаж 25 января пришел в Плоцк, пройдя за три недели более 250 верст. Здесь по высочайшему повелению гвардейцам следовало построить мост через Вислу длиной около 400 метров, а 3-ю роту моряков отправили в помощь и прикрытие понтонной роте № 4, строившей мост на реке Варте около местечка Колло.

Поскольку по примеру других полков Гвардейский экипаж выступил в поход 1812 года в мундирах «второго срока» – то есть сшитых еще в 1810 году, то за время кампании матросы сильно поизносились. Командир экипажа И.П.Карцов неоднократно жаловался, что генерал-интендант Е.Ф.Канкрин не выдает сполна материалы для исправления одежды, которой пошел уже третий год. Офицеры страдали не меньше матросов, поскольку свое запасное обмундирование они отослали в Петербург еще при сокращении обозов под Москвой. Наконец, 26 января было объявлено, что император жалует войскам дополнительное полугодовое жалованье и обмундирование. Узнав об этом, офицеры послали к остававшемуся в Петербурге шкиперу Никитину распоряжение срочно продать все их вещи и выслать деньги. Между тем по приказу главнокомандующего от 4 февраля 1813 г. № 26 двух закройщиков Гвардейского экипажа отправилив Кенигсберг, где из заказанного у прусских подрядчиков сукна начался пошив новых мундиров, панталон и шинелей. Предполагалось, что обмундирование будет сделано и на офицеров. Но моряки из-за особого золотого шитья попросили прислать им сукно, чтобы самим заказать себе мундиры. В итоге вместо сукна им просто выдали деньги.

Обер-офицер Гвардейского экипажа. 1812–1816 гг.

A Guards Crew junior commissioned officer. 1812–1816.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2270. (ВИМАИВиВС)

Унтер-офицер и бомбардир артиллерийской команды Гвардейского экипажа. 1812–1816 гг.

A noncommissioned officer and a gunner of the Guards Crew artillery. 1812–1816.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2272. (ВИМАИВиВС)

Но хлопоты по обмундированию экипажа можно назвать приятными в сравнении с главной работой моряков. На Висле шел непрерывный ледоход и дул сильный ветер. Необходимые материалы и инструменты отсутствовали. Строительство моста шло медленно. В качестве временной меры матросы устроили переправу на пароме, а также больших лодках. За полтора месяца они перевезли 6568 чел., 1116 лошадей, роту артиллерии с 12 орудиями и 24 зарядными ящиками, запасной парк из 39 зарядных ящиков, три кавалерийских полка с обозом, большое количество провианта. Из-за тяжелой работы около 40 нижних чинов заболели, несколько из них умерло.

Наконец к 16 марта мост был готов. Он представлял сложное инженерное сооружение из 33 судов на якорях, скрепленных тремя сотнями десятиметровых бревен, поверх которых шел толстый настил. Мост имел разводные ворота для пропуска судов. 5 апреля, сдав мост команде 75-го корабельного экипажа мичмана Б.П.Хрущева, три роты Гвардейского экипажа (2 штаб-офицера, 6 обер-офицеров, 10 унтер-офицеров, 18 музыкантов и 167 рядовых) отправились вслед за Главной квартирой. 3-я же рота мичмана Н.П.Хмелева после постройки моста на Варте была переброшена к местечку Штейнау для наведения моста через Одер. Завершив строительство, эта рота 10 апреля присоединилась к армии, и 25 апреля при Дрездене вслед за отступавшим после неудачного сражения у Люцена арьергардом союзных войск уничтожила под огнем неприятеля деревянный мост через Эльбу.

Пройдя через Силезию, Гвардейский экипаж 1 мая догнал главную армию возле Бауцена. Здесь 8 мая к экипажу присоединилась его 3-я рота. Таким образом, утром 9 мая Гвардейский экипаж насчитывал: 2 штаб- и 8 обер-офицеров, 14 унтер-офицеров, 18 музыкантов, 179 матросов; артиллерийская команда: 2 обер-офицера, 4 унтер-офицера, 19 бомбардиров и канониров. Всего – 12 офицеров и 234 нижних чина. Артиллерийская команда вместе с гвардейской легкой артиллерией занимала флеши у Башюца.

9 мая Гвардейский экипаж отмечал свой экипажный праздник и был назначен в караул к Главной квартире, располагавшейся в селе Нейпуршвиц. Здесь Александр I занимал помещение в небольшой гостинице. На рассвете экипаж построился во дворе гостиницы для встречи государя. Сев на коня, император подъехал к фронту экипажа и сказал: «*Здравствуйте, матросы, поздравляю вас с праздником; сегодня ваш праздник, и я хочу потешить вас для праздника; идите в дело, я буду смотреть на вас*». Матросы единодушно ответили «Ура!» и «Рады стараться!». После этого император отпустил экипаж с дежурства, и он занял позицию в резерве между Малым и Большим Башюцем. Здесь моряки простояли до 3 часов дня, когда в составе отряда генерал-майора П.Н.Чоглокова их двинули на помощь пруссакам. Экипаж шел на правом фланге русских войск в колонне для атаки. Но выдвинувшись на позицию, моряки обнаружили, что прусская артиллерия уже оставила ее, вследствие чего французские батареи беспрепятственно обрушили сильный огонь с фронта и фланга. Ядром был убит капитан-лейтенант Г.К.Горемыкин, смертельно ранен ядром в ноги лейтенант А.А.Колзаков и тяжело ранен мичман Н.П.Хмелев.

Несмотря на вражеский обстрел и потери, русские войска стойко удерживали позицию. Музыканты экипажа снимали сумы с убитых, брали их ружья и становились в строй. Александр I, наблюдавший за битвой с высоты у Башюца, неоднократно присылал адъютантов со словами благодарности и поддержки. Так, генерал-адъютант А.П.Ожаровский передал экипажу, что император «*вполне оценивает хладнокровную храбрость матросов*». На закате дня русские войска начали отступление, которое прикрывал Гвардейский экипаж, вывозя тяжело контуженного генерала Чоглокова. До 11 часов вечера французская артиллерия провожала моряков огнем. Утром 10 мая командование арьергардом вместо Чоглокова принял генерал-лейтенант А.П.Ермо-

лов. Прикрывая отступление, он занял позицию возле селения Кетиц и отбил несколько французских атак. Поскольку бой проходил на месте знаменитого сражения 1632 года, Ермолов обратился к матросам со словами: *«Вот там, влево от нас, где вы видите на лугу дерево, убит шведский король Густав Адольф. Славно шведы дрались тогда; постоим же и мы не хуже их»*. Моряки не подвели своего начальника и до 15 часов стойко удерживали позицию, позволив отступить всем союзным войскам. После этого отряд Ермолова двинулся за армией.

В сражении при Бауцене потери Гвардейского экипажа составили: 2 офицера убиты, 1 ранен; 6 нижних чинов убиты, 10 тяжело ранены (трем оторвало ноги), 4 унтер-офицера и 5 матросов легко ранены и остались в строю (по другим данным были убиты 2 офицера и 17 матросов, ранены 2 офицера и 44 матроса). За храбрость всех офицеров наградили орденами или повышениями по службе, а 40 нижних чинов получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия.

11 мая 1813 г. при разделении гвардейской пехоты на две дивизии экипаж поступил вместе с Лейб-Гвардии Измайловским и Егерским полками во вторую бригаду 1-й Гвардейской дивизии.

23 мая 1813 г. воюющие стороны заключили Плейсвицкое перемирие, во время которого к Гвардейскому экипажу подошла из России команда выздоровевших нижних чинов. На квартирах в городе Бриге матросы организовали швальню, ткацкую мастерскую для изготовления басонов, чеботарню, оружейную и плотницкую мастерские. Свое обмундирование и амуницию моряки привели в должный порядок.

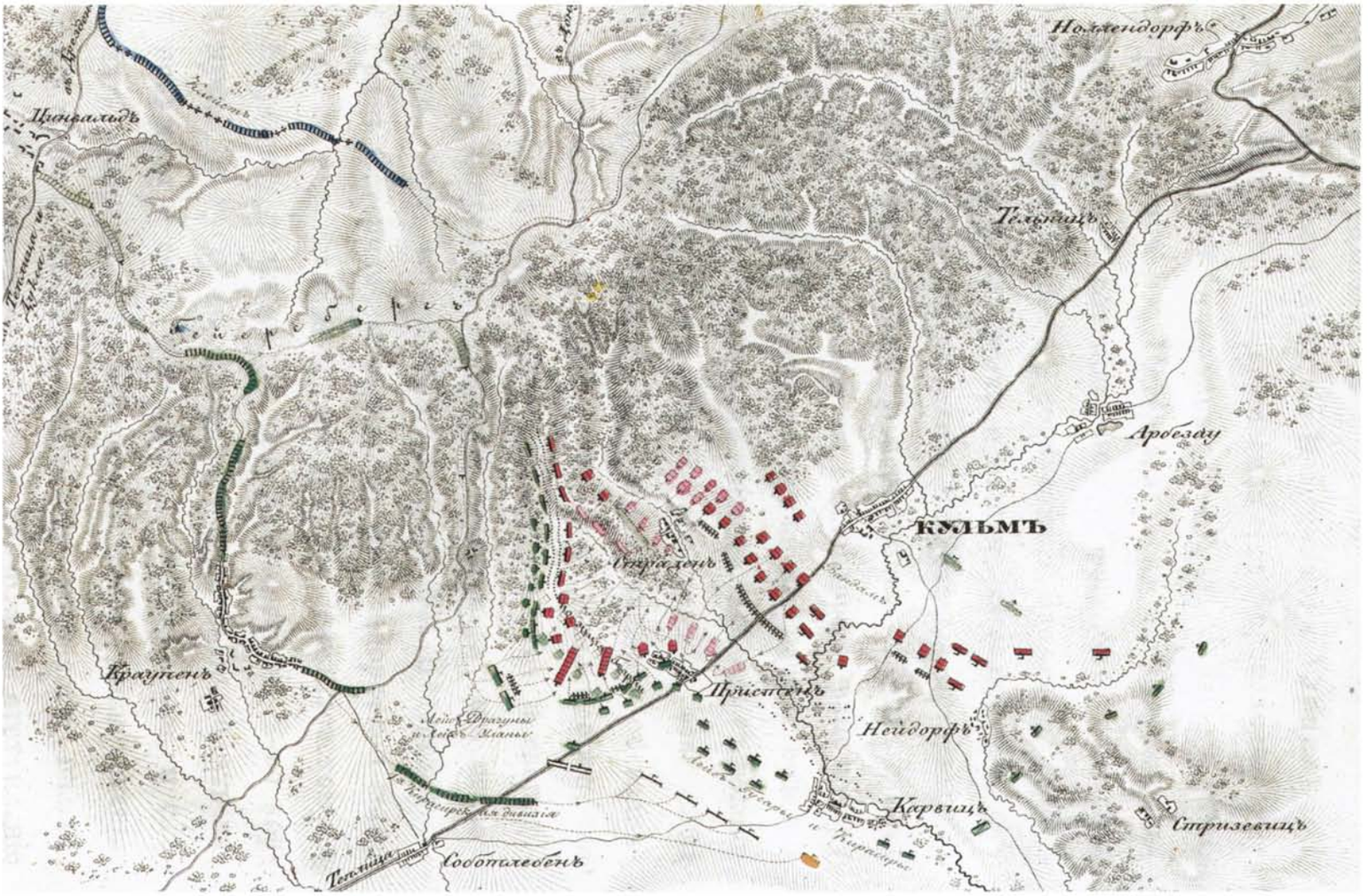
С окончанием перемирия Гвардейский экипаж 29 июля выступил в Богемию и 4 августа присоединился к 1-й Гвардейской дивизии. 14 и 15 августа 1813 г. союзные русские, австрийские и прусские войска осаждали французов в Дрездене. Однако Наполеон успешно отразил их атаки, а тем временем велел 40-тысячному корпусу генерала Вандама перейти Эльбу и через Кульмскую долину зайти в тыл союзникам. Узнав об этом, союзные войска в ночь с 15 на 16 августа стали отходить от Дрездена. Им предстояло пройти по узкой дороге через горы, отделяющие Саксонию от Богемии, и выйти из ущелья в Кульмскую долину. Наполеон тут же начал теснить союзные войска и велел Вандаму ускорить наступление.

Между тем 16 августа путь Вандаму преградил отряд графа А.И.Остерман-Толстого из ос-

Гвардейский экипаж в сражении при Бауцене 9 мая 1813 г.

Guards Crew in the battle of Bautzen. 9 May 1813.

Рисунок художника О.К.Пархаева. 1989 г.



План сражения при Кульме 17 августа 1813 г.

Plan of the Battle of Kulm. 17 August 1813.

Раскрашенная гравюра. 1840 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На карте войска обозначены следующим цветом: русские – зеленым, французские – красным, прусские – синим, австрийские – желтым.

татков смятого 2-го пехотного корпуса, подкрепленного 1-й Гвардейской дивизией под командованием А.П.Ермолова. Имея всего 6 тысяч штыков против 40 тысяч французов, Остерман и Ермолов, тем не менее, решили сдерживать врага до подхода главных сил. Пользуясь численным превосходством, Вандам сковал русские войска с фронта, одновременно пытаясь обойти и перерезать у них в тылу Богемское шоссе. Французам удалось опередить русских на выходе из ущелья при селении Гисгюбель. Но гвардейцы решительной атакой проложили себе дорогу. Гвардейский экипаж (3 штаб- и 7 обер-офицеров, 12 унтер-офицеров, 206 рядовых) при этом неоднократно ходил в штыки и действовал в стрелках. Обозы, не поспевавшие за войсками, пришлось практически без охраны отправить в Ноллендорф.

На рассвете 17 августа русские войска спустились с Кульмских высот в долину. Но здесь выяснилось, что главные силы союзников еще не успели подойти к ущелью с противоположной стороны долины. Вандаму оставалось лишь перейти ее и заблокировать выход из ущелья у Теплица. Тогда вся союзная армия оказалась бы зажатой в горах без надежды на спасение. В этой ситуации Ермолов и Остерман решили защищаться до последней возможности и удержать выход в долину. 1-я Гвардейская дивизия заняла позицию перед деревней Пристен. Ермолов обратился к войскам со словами: *«Честь и слава Гвардии Императора Русского обязывает каждого из нас лечь костями на этом месте, не уступая ни шагу»*. Единодушное *«Ура!»* было ответом прославленному генералу.

Гвардейский экипаж сначала поставили в резерве. Здесь офицеры выбрали высокое фруктовое дерево на лугу в качестве сборного места и решили дальше него не отступать. Около 8 часов утра 17 августа с Кульмских высот стали спускаться войска Вандама. Завязалось сражение. Уже к полудню вся русская пехота вступила в дело. Гвардейский экипаж занял первую линию рядом с Лейб-Гвардии Семеновским полком и отчаянно отбивался огнем и штыками на левом фланге. Вскоре был тяжело ранен в пах капитан-лейтенант А.Е.Титов. В час дня французы повели решительную атаку. Разгорелся упорный бой, переходящий в штыковые схватки. *«Схватки эти походили на сильный прибой волн, на ужас,* – вспоминал лейтенант М.Н.Лермантов, – *из офицеров остались в живых Карцов, Чихачев и Валуев»*. Был убит лейтенант К.К.Константинов, тяжело ранен в бедро лейтенант Н.П.Римский-Корсаков, ранен в ногу лейтенант Н.П.Хмелев, убиты и тяжело ранены до 30 человек. Лейтенанты А.И.Дубровин,

Обер-офицер, унтер-офицер артиллерийской команды и матрос Гвардейского экипажа. 1813–1814 гг.

A Guards Crew junior commissioned officer, a noncommissioned officer and sailors. 1813–1814.

Рисунок художника Н.В.Зубкова. 2005 г.

Адмирал Павел Андреевич Колзаков.

Adm. Pavel Andreyevich Kolzakov.

Литография 1846 г. (ЦВММ)

В 1812–1814 гг. штаб-офицер Iвардейского экипажа, адъютант великого князя Константина Павловича. Участвовал во многих сражениях. 18 августа 1813 г. при Кульме взял в плен генерала Вандама.

М.Н.Лермантов, Н.И.Ушаков, несмотря на полученные раны, вернулись после перевязки в строй. Французов удалось отбросить, после чего матросы рассыпались в стрелки и провожали неприятеля огнем. Писаря, барабанщики, музыканты, нестроевые брали ружья и шли в бой. Патроны подходили к концу. Их брали из сум убитых. Рядом с лейтенантом М.Н.Лермантовым был убит пулей в лоб матрос Власов. Тут же другой матрос Муртаза Мурдалеев стал выбирать патроны из сумы сраженного наповал товарища. Когда офицер, не понявший сначала действий Мурдалеева, окрикнул его, матрос, показывая вынутые патроны, ответил: *«Ваше высокоблагородие, Власову орехи уже не нужны, а я ими поподчую француза»*.

Из последних сил гвардейцы стойко удерживали позицию. Между тем со стороны Теплица начали, наконец, подходить подкрепления. Прусский король Фридрих-Вильгельм III и российский император Александр I с гор наблюдали за битвой. Героизм русской гвардии позволил союзникам выиграть день. Вечером Гвардейский экипаж был сменен на позиции Перновским гренадерским полком. Собравшись возле условленного дерева, моряки перешли в резерв.

Пока гвардейцы сдерживали натиск Вандама, в тыл ему зашел прусский корпус генерала Клейста. Здесь немцы узнали о печальной судьбе отправленных в Ноллендорф обозов 1-й Гвардейской дивизии. Около 15 часов 17 августа их настигла французская кавалерия. Начальник обоза Гвардейского экипажа шкипер Евлампий Романов приказал обрубить постромки и построить телеги в каре. Он вооружил фурлейтов ружьями, оставшимися от убитых при Бауцене

Пленение генерала Вандама при Кульме 18 августа 1813 г.

Gen. Vandamme being taken prisoner of war vic. Kulm 18 August 1813.

Раскрашенная акварелью литография К.Г.Раля по оригиналу И.-А.Клейна. Около 1820 г. (ГИМ)

Прусский знак отличия Железного креста (Кульмский крест)

Prussian order Iron Cross (Kulm Cross)

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)

Принято считать, что Кульмские кресты вручили гвардейцам на специальном параде 25 апреля 1816 г. Но в документах такой парад не значится. Согласно им, 26 апреля ротным командирам просто велели принять в канцеляриях гвардейских частей доставленные кресты, «которые тут же возложить на нижних чинов по принадлежности, кому же оные будут выданы подать при рапортах именные списки, а излишние возвратить».

Нагрудный юбилейный знак Гвардейского экипажа. 1910 г.

Guards Crew anniversary badge. 1910.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)

Знак утвержден императором 8 февраля 1910 г. в преддверии 100-летия со дня сформирования Гвардейского экипажа, а также в связи с 200-летием создания Петром I команд придворных гребцов и яхт. Знак выполнен в виде Кульмского креста, лучи которого украшают юбилейные даты, а в центре помещен золотой вензель Николая II.

Экипажный барабанщик Гвардейского экипажа.

Guards Crew drummer.

Фрагмент картины А.И.Гебенса. 1853 г. (ВИМАИВиВС)

Награды заслуженного ветерана свидетельствуют, что он участвовал в походах 1812–1814 гг., в том числе в Кульмской битве, а также в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

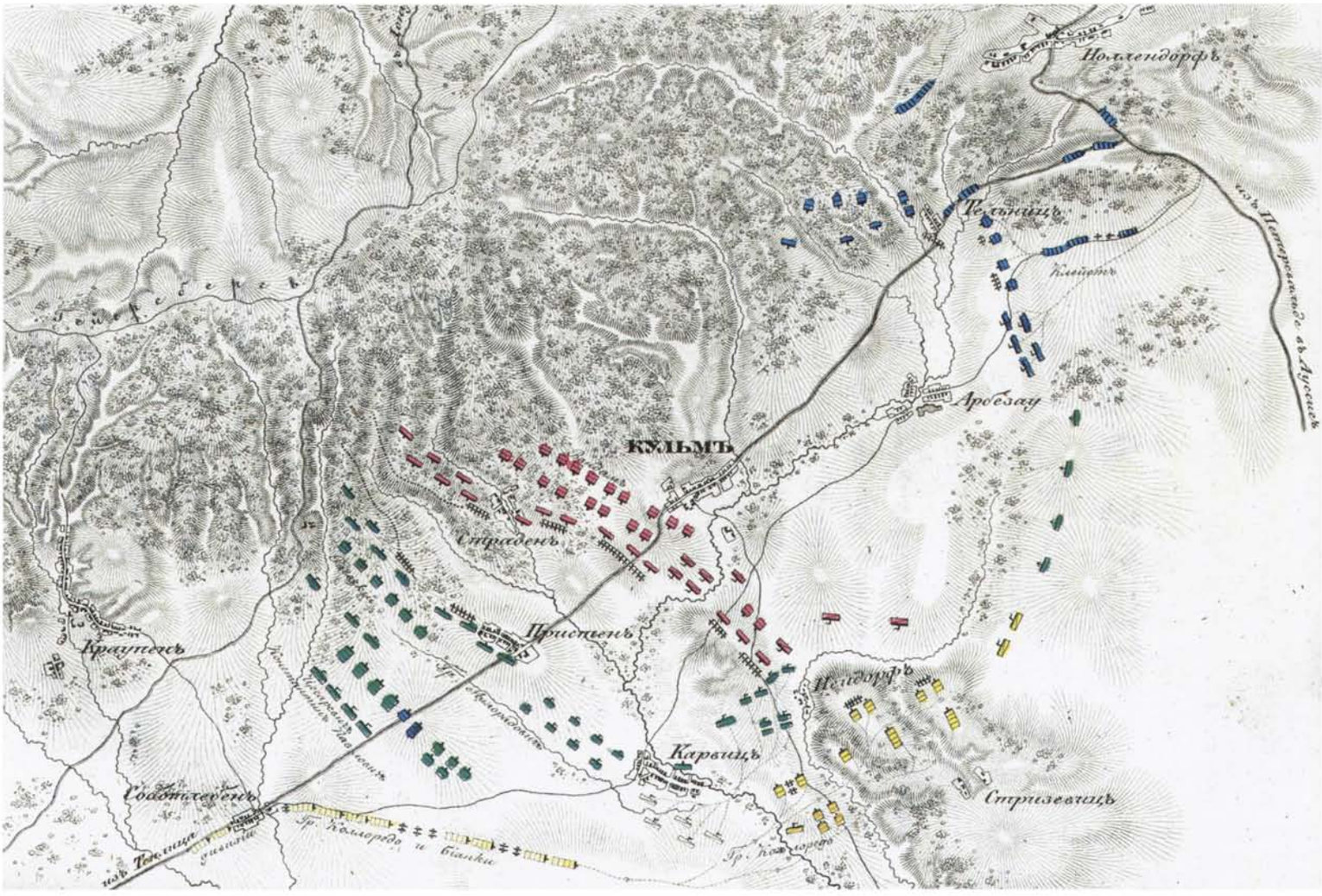
матросов, и встретил врага несколькими залпами. Неравный бой длился недолго. Французы прорвались сквозь телеги. Романов получил три сабельные раны – в голову, спину и левую руку. Когда он упал, французский кавалерист вонзил ему пику в поясницу. Шкиперский помощник Поспелов погиб, получив 7 ран. Фурлейты и конвойные матросы были порублены, а обоз разграблен. В этой ситуации шкипер Василий Быков не утратил самообладания, вынул из денежного ящика и спрятал важные документы и 9 тысяч казенных рублей. Лишь подошедшие пруссаки отбили обоз и оказали помощь русским раненым.

С появлением в тылу пруссаков Вандам оказался в ловушке. Утром 18 августа превосходящая союзная армия обрушилась на французский корпус, прижала его к противоположному ущелью и совершенно разгромила. Сам Вандам был взят в плен адъютантом великого князя Константина Павловича капитаном 2 ранга П.А.Колзаковым. *«Будучи послан уже в четвертый раз с различными поручениями,* – вспоминал он позднее, – *возвращался я, пробираясь с трудом по заваленным дорогам в дефилеях. Измученный конь мой, весь в пене, едва мог передвигать ноги и спотыкался на всяком шагу; несколько раз рисковал я быть сброшенным и потому, сойдя с него, пошел пешком.* <...> [Вдруг] *слышу крики позади себя и топот лошадей. Оглядываюсь и вижу,* – выскакивает *из-за опушки леса толпа всадников; вблизи раздаются несколько выстрелов, вглядываюсь и различаю французские мундиры. Я поспешно сел на лошадь и, вынув невольно саблю из ножен, стал шпорить коня своего, дабы отстраниться от нападающих; но тщетно усиливался я понукать измученное животное. Лошадь уперлась и не трогалась с места. Толпа подскакивает ближе, я вижу, что за ними скачут казаки вдогонку. Впереди всех неслась на тяжелом боевом коне тучная фигура французского генерала в расстегнутом нараспашку мундире; несколько офицеров следовали за ним. Два казака, бывшие у меня в тылу случайно, бросились ему навстречу с опущенными пиками. Слышу, хриплый голос кричит: "Général russe, sauvez moi!"* [37]. *Конь мой, завидя скачущих, инстинктивно пустился вслед за казаками. Я закричал: "Стой, казаки, стой! Не коли!" и едва успел спарировать удар пики, как уже французы были окружены со всех сторон и сдались нам в плен.*

Французский генерал остановился и стал слезать с лошади. Толстое лицо его было красно от волнения, пот градом лил вместе с грязью по щекам его. Мундир на нем был весь в пыли. Вздохнув несколько раз тяжело, он обратился ко мне и, принимая меня все еще за генерала, вероятно по моей флотской шляпе, – с театральным жестом подал мне свою шпагу, сказав: "Je vouz rends, général, mon épée qui m'a servi pendant de longues années pour la gloire de mon pays" [38]. *Но я отказался принять его шпагу, сказав, что он лично отдаст ее государю нашему, к которому его отведут, и, спросив его фамилию, узнал, что это был сам главнокомандующий Вандам.* <...>

[37] *«Русский генерал, спасите меня!»*

[38] *«Генерал, я вручаю вам свою шпагу, которая служила мне в течение многих лет во славу моей страны».*
Перевод Д.И.Горшкова. 2006 г.



План сражения при Кульме 18 августа 1813 г.

Plan of the Battle of Kulm on 18 August 1813.

Раскрашенная гравюра. 1840 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На карте войска обозначены следующим цветом: русские – зеленым, французские – красным, прусские – синим, австрийские – желтым.

Завидев издали взвод конногвардейцев, скачущих по полю, я послал казака к ним навстречу с приказанием им приблизиться и конвоировать пленных. Подскакали конногвардейцы под командою ротмистра Сталя. Я передал ему Вандама со свитою, велев вести его к государю, а сам, пересев на казацкую лошадь, помчался вперед, дабы известить его величество о взятии в плен французского главнокомандующего. Расстояние было довольно велико, и прошло некоторое время, пока мне, наконец, указали новое местонахождение императора Александра Павловича. Увидав его издали на вершине горы, стоявшего во главе своей свиты, я подскакал прямо к нему и громким голосом возвестил о взятии в плен главнокомандующего неприятельской армии Вандама. Стоявший возле государя нашего император австрийский [Франц I], *сняв шляпу, закричал: "Vivat!"»*[39]. После этого Колзаков вместе с великим князем Константином Павловичем вернулся за Вандамом и доставил плененного генерала к государю. За Кульмское сражение смелого офицера Гвардейского экипажа наградили золотой саблей с надписью «За храбрость».

Потери Гвардейского экипажа при Кульме оказались велики: убиты лейтенант К.К.Константинов и шкиперский помощник Поспелов, ранены 1 штаб- и 6 обер-офицеров, убиты 16 нижних чинов, ранены 4 унтер-офицера и 53 рядовых, без вести пропали 7 человек – итого 75 % офицеров и 38 % нижних чинов. За проявленный героизм Александр I пожаловал Гвардейскому экипажу 26 августа 1813 г. Георгиевское знамя с надписью «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 г. при Кульме» – первую георгиевскую коллективную награду российского флота[40]. Нижние чины экипажа получили 42 Знака отличия Военного Ордена Св. Георгия и по 2 рубля на человека. Кроме того, прусский король Фридрих-Вильгельм III прислал большую серебряную медаль за храбрость, возложенную на матроса Ивана Бурдыгина, и 2 малые серебряные медали, которые получили боцманмат Павел Макаров и квартирмейстер Александр Батулкин. Франц I также прислал три австрийские медали за храбрость – 1 большую золотую, доставшуюся матросу Алексею Щелкунову, и 2 серебряные, возложенные на боцмана Василия Павлова и матроса Михаила Королева. Все офицеры получили российские ордена, а некоторые удостоились прусских и австрийских боевых наград. Кроме того, Фридрих-Вильгельм III наградил всех гвардейцев – участников сражения знаком отли-

[39] Рассказы адмирала П.А.Колзакова. // Русская старина. 1870. № 2. С. 142–143.

[40] Рисунок знамени был утвержден 22 декабря 1813 г., а само знамя вручено в 1814 г.

чия Железного Креста. Эти знаки, врученные 26 апреля 1816 г. в Петербурге, стали своеобразным символом Российской императорской гвардии. Не удивительно, что при создании в 1910 году юбилейного нагрудного знака Гвардейского экипажа, за основу его рисунка был принят именно Кульмский крест (см. стр. 191).

После кровопролитной Кульмской битвы Гвардейский экипаж отдыхал лишь три дня. Уже 21 августа он получил новое задание – разрушить стратегическую переправу через Эльбу у Кенигштайна. Ранее это пытались сделать австрийцы, пуская вниз по течению бревна. Но ничего кроме усиления французской охраны это не дало. Теперь решено было уничтожить мост брандерами. К операции готовились тщательно. 7 сентября 16 матросов Гвардейского экипажа подошли на брандерах к переправе и, умело направив их, сожгли 3 опорных лодки моста, заставив остальные 7 выкинуться на берег. Несколько матросов были легко ранены. 11 сентября Александр I, восхищенный умелыми действиями моряков, наградил участников операции Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

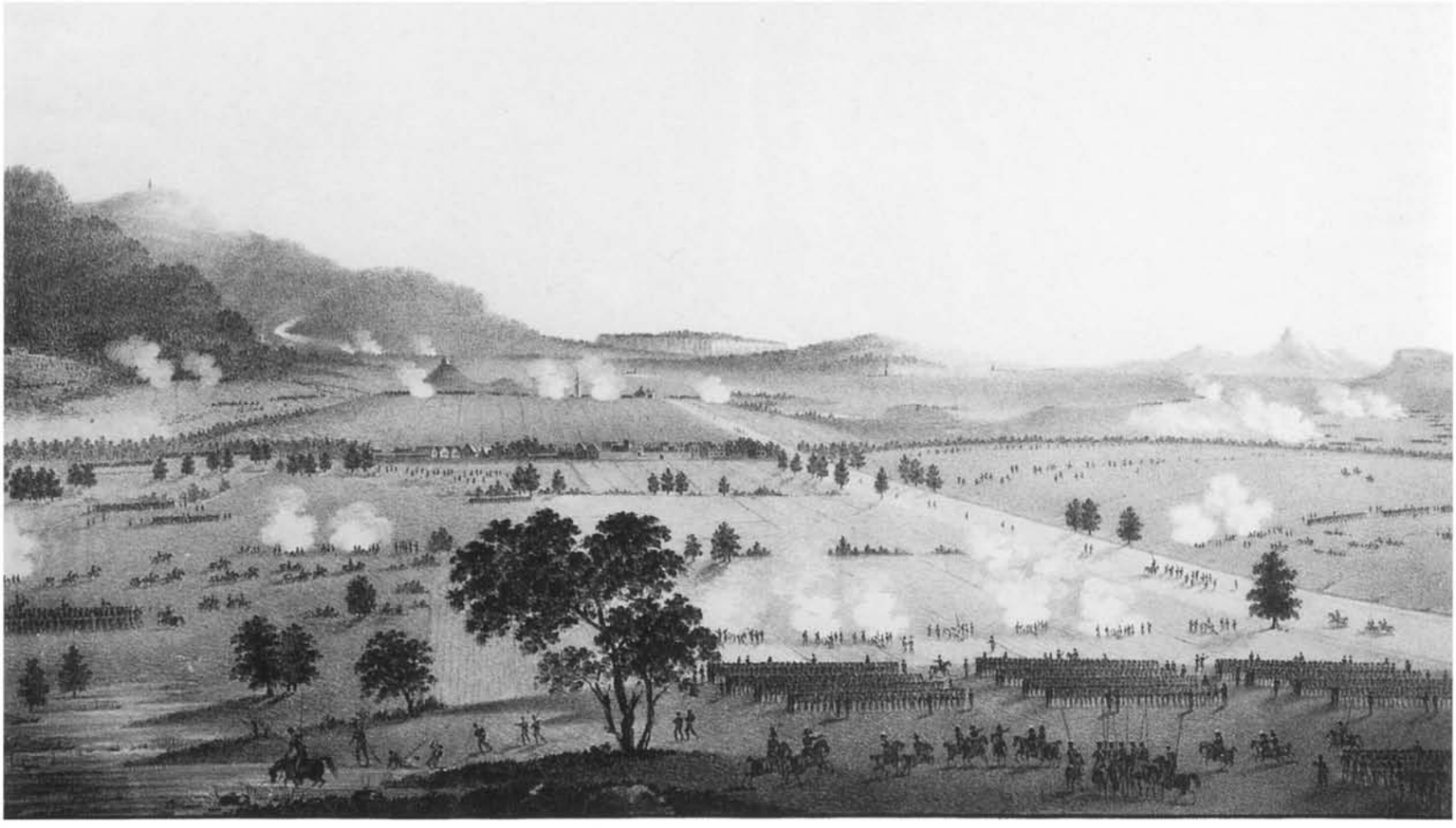
В разыгравшейся вскоре «Битве народов» при Лейпциге активно действовала лишь артиллерийская команда Гвардейского экипажа. Сами же роты 5 и 6 октября занимались восстановлением мостов и переправ, разрушенных французами при отступлении к Лейпцигу. В частности, моряки переправили через Плейсу австрийскую дивизию фельдмаршал-лейтенанта Бианки. Работы проходили под вражеским огнем. Несколько раз матросы брали в плен группы французских мародеров и беглецов. После разгрома войск Наполеона экипаж в составе гвардии преследовал противника. 29 октября моряки вступили в Франкфурт-на-Майне и расположились рядом в Оффенбахе. Здесь экипаж простоял две недели и 15 ноября выступил дальше. В связи с осадой крепости Вюрцбург матросы устроили ниже ее новую переправу через Майн, а также организовали переброску войск на 4 паромах. 30 ноября вместе с гвардией экипаж двинулся к Рейну и 1 января 1814 г. по каменному мосту в Базеле вступил на территорию Франции.

Начало кампании 1814 года выдалось трудным. Мокрый снег и дожди испортили дороги, превратив их в вязкую грязь и болота. Даже мелкие речки обратились в стремительные потоки. Между тем Наполеон, отбросив 2 февраля Силезскую армию прусского генерал-фельдмаршала Блюхера, обрушился всеми силами на корпус графа П.Х.Витгенштейна. В сложившейся ситуации требовалось срочно отвести русские войска за Сену. 6 февраля при Ножане

Сражение при Кульме 18 августа 1813 г.

Battle of Kulm on 18 August 1813.

Литография С.П.Шифляра по рисунку с натуры участника сражения А.И.Дмитриева-Мамонова. 1820 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)



Сражение при Кульме.
Августа 18-го дня 1813-го года.

Георгиевское знамя, пожалованное императором Александром I Гвардейскому экипажу за отличие в сражении при Кульме 17 августа 1813 г.

The St. George banner awarded by Emperor Alexander I to the Guards Crew for its battle honour in the Battle of Kulm on 17 August 1813

Акварель художника С.Д.Всеволожского. Конец XIX в. (ЦВММ)

Знамя пожаловано Гвардейскому экипажу 26 августа 1813 г. и вручено в 1814 г. Первоначально его навершие было в виде ажурного позолоченного копья с белым Георгиевским крестом внутри. Это навершие заменили в 1830 г. бронзовым позолоченным орлом (хранится в ЦВММ), а в 1875 г. – навершием, изображенным на акварели. Со временем полотнище знамени пришло в ветхость. В связи со 100-летним юбилеем Гвардейского экипажа Николай II лично вручил морякам 10 мая 1910 г. новое Георгиевское знамя с новой Андреевской лентой (ленты 1860 г. и 1910 г. хранятся сегодня в ЦВММ).

Гвардейский экипаж спешно построил плавучий мост на лодках, обеспечил переправу корпуса, после чего уничтожил мост под огнем французов. Затем моряки быстро направились в Сен-Луи, где 8 февраля аналогичным образом переправили австро-баварские войска генерала Вреде. Но это были уже последние раскаты большой европейской войны. Присоединившись к Гвардейскому корпусу в Троа, экипаж дошел до Парижа и 19 марта 1814 г. торжественно вступил в столицу Франции.

Два месяца Гвардейский экипаж находился в Париже. Матросов разместили в Вавилонских казармах, расположенных в Сен-Жерменском предместье, а офицеров – в частных домах на соседних улицах. Наконец, настало время для возвращения на Родину. 22 мая Александр I выехал из Парижа в Лондон. В тот же день Гвардейский экипаж выступил в Гавр, где 3 июня был посажен на русский фрегат «Архипелаг». Артиллерийская команда экипажа отправилась вместе с гвардейской артиллерией в Шербург и 8 июня погрузилась на фрегат «Венера». Гвардейцы, полтора года воевавшие в Европе, с радостью встретились с моряками Балтийского флота. *«В первый день, как мы поступили на корабль,* – вспоминал один из офицеров, – *когда за обедом нам подали черный хлеб и квас, то кают-компания огласилась криком "Ура!"»*. За месяц плавания матросы Гвардейского экипажа с радостью вспоминали морскую службу и по собственной просьбе были расписаны на вахты, которые несли с особым усердием. 17 июля корабли пришли на Кронштадтский рейд. С 20 по 30 июля гвардейцы приводили себя в порядок в Ораниенбауме, тщательно готовили обмундирование и амуницию.

30 июля 1814 г. Гвардейский экипаж и его артиллерийская команда в рядах 1-й Гвардейской дивизии торжественно вступили в Петербург. Под ликующие крики народа моряки прошли через Триумфальные ворота, сооруженные у Нарвской заставы. На фасаде этих ворот среди названий гвардейских частей – участников славных походов стояло имя Гвардейского экипажа. Нарвские ворота, перестроенные в 1827–1834 гг., и по сей день украшают Петербург. В 1849 году имя Гвардейского экипажа было также высечено золотыми буквами на одной из беломраморных досок Георгиевского зала Большого Кремлевского Дворца в числе войск, получивших Георгиевские знамена. Летом 1912 г. к 100-летнему юбилею Бородинского сражения на Бородинском поле возле моста через реку Колочь в честь Лейб-Гвардии Егерского полка и Гвардейского экипажа установили памятник, украшенный изображением полкового нагрудного знака егерей в виде Кульмского креста.

Так завершились боевые походы 1812–1814 гг. Гвардейского экипажа, вписавшего славные страницы в историю российской морской пехоты.

Боевой поход 75-го корабельного экипажа в 1812–1814 гг.

В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 гг. кроме Гвардейского экипажа участвовал также 75-й корабельный экипаж Черноморского флота. Действия моряков-черноморцев подробно описал в своих мемуарах мичман Дмитрий Богданович Броневский (1794–1867). Его записки, к сожалению, мало известны современному читателю. Ниже мы приводим наиболее интересные фрагменты, связанные с участием 75-го корабельного экипажа в сухопутных кампаниях.

«Весною [1812 года] *стали вооружать корабли, потом вышли на* [севастопольский] *рейд, но флот не выходил в море, только одни крейсера бороздили море. Главнокомандующим Молдавской армией назначен был адмирал* [П.В.]*Чичагов, бывший морской министр, ему подчинен был и Черноморский флот. Адмирал потребовал 75-й корабельный экипаж в армию. Назначение этого, а не другого экипажа понятно: командиром экипажа был предприимчивый, смелый* [П.А.] *де Додт, но какое хотел адмирал дать ему назначение, это осталось для нас неразгаданным, потому что прежде, нежели мы присоединились к главным силам армии, адмирал был уже сменен*[41].

Тогдашний экипаж состоял из 404 нижних чинов и разделен был на четыре роты, следовательно, представлял собой на земле небольшой батальон. До того времени строевая служба во флоте еще не была введена, и потому первым делом было обучить нас пешему строю. Откинув старых матросов, мало способных к строевой службе, и вместе с ними старых лейтенантов, и пополнив из других экипажей недостаток, нам из 4-го морского полка дали ружья и бесчисленное число учителей. В два месяца выучили нас делать несколько построений батальоном и обращаться пристойно с ружьем. Таким образом подготовленный экипаж для войны на суше был посажен на два транспорта [фрегат «Лилия» и транспорт «Лиман»] *и отправлен в Одессу. В Одессу нас не впустили – там открылась чума <...> Из Одессы мы отправились к устью Днестра, где и высажены были в 15-ти верстах от Аккермана. <...>*

1-го сентября небольшой переход в 15 верст до Аккермана мы сделали с удовольствием, где и передневали. На дневке получено было повеление идти форсированным маршем на соединение с

Источник:

Броневский Д.Б. Воспоминания. // Русская старина. 1908. № 6. С. 561–576.

[41] В предписании главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу Н.Л.Язы кову 31 июля 1812 г. П.В.Чичагов указывал, что экипаж вызывается в армию *«для употребления его при переправах через реки»*. Но, как видно из мемуаров Д.Б.Броневского, офицерам 75-го корабельного экипажа об этом почему-то не сообщили.

Юбилейная Андреевская лента, пожалованная Александром II Гвардейскому экипажу 16 февраля 1860 г. по случаю 50-летия со дня его сформирования, а также в связи с 150-летием создания Петром I команд придворных гребцов и яхт.

Anniversary St. Andrew's ribbon awarded by Alexander II to the Guards Crew on 16 February 1860 on the occasion of the 50th anniversary of the unit and on the occasion of the 150th anniversary of establishing court rover and yacht teams by Peter I.

(ЦВММ)

Император лично привязал эту юбилейную ленту к Георгиевскому знамени Гвардейского экипажа во время торжественного парада, на котором присутствовали более 200 моряков-ветеранов, в том числе несколько участников Кульмского сражения. Одновременно экипажный праздник был перенесен с 9 мая на 6 декабря – день Св. Николая Чудотворца.

Матрос и унтер-офицер Гвардейского экипажа. 1812–1816 гг.

A Guards Crew sailor and non-commissioned officer. 1812–1816.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2269. (ВИМАИВиВС)

Экипаж наш усиленными маршами шел до Могилева на Днепре, где [мы] *получили известие, что Молдавская армия, называвшаяся тогда 3-й Западной, направилась к Брест-Литовску. В продолжение похода нашего по Бессарабии мы завели себе верховых лошадей и таким образом обеспечили свои ноги от усталости. <...> Молдавская армия, приняв на себя отступающую армию Тормасова и оттеснив в Польшу австрийскую армию, направилась от Брест-Литовска к Березине. Не успевши присоединиться к армии в Бресте, экипаж наш из Луцка пошел отыскивать армию на Пинск. Какая это грустная сторона! Мы в продолжение нескольких дней видели только песок, сосны и болото; не увидишь ни веселой поляны, не услышишь веселой песни поселянина. Наконец, после долгого странствования мы присоединились к действующим войскам в окрестностях Слуцка. Это был отряд генерала* [Ф.Ф.]*Эртеля; отряд этот сформировался в Мозыре из третьих батальонов и нескольких эскадронов полков Молдавской армии. Войска эти боролись с отрядом поляка Домбровского, блокировавшего Бобруйск. Между Слуцком и Глуцком была небольшая схватка с поляками, где порядком досталось последним. Мы тут не участвовали.*

Приближалось последнее действие военной драмы 1812 года. Был ноябрь. Домбровский отступил к Борисову. Эртель из Бобруйска пошел на Рогачев, направляясь к Могилеву на Днепре, но в Рогачеве он узнал, что Могилев занят отступающей армией, называвшейся некогда великою, а в то время справедливо было бы назвать ее – несчастной. Эртель возвратился в Бобруйск, а оттуда чрез Игумен прошел в Минск. Во время этих бесплодных маршей и контрмаршей совершилась историческая переправа чрез Березину <...> В Минске мы присоединились ненадолго к Молдавской армии. Здесь в первый раз увидели ужасы отступления французской армии. Пленные вереницею тянулись по большой дороге. Неприкрытая нагота, изнурение голодом сопровождало этих несчастных. <...>

Наступил период морозов, тесных квартир и зимних бивак. Не раз доставалось мне ночевать на открытом воздухе при морозе, доходившем до 20° и более. <...> Насмотревшись до омерзения на смерть несчастных французов от холода и голода, рискуя не раз и сам замерзнуть, как кочерыжка, наконец, с отделением нашим от армии, которая преследовала французов к Вильне, свободнее вздохнули. Отряд наш пошел на Белосток, где в начале января 1813 года приостановились, чтоб оправиться и отогреться. От этой тяжкой нужды открылась у нас гнилая горячка. Более половины наших солдат поступили в госпитали. Из офицеров уцелели только двое: лейтенант [Ф.И.]*Горбаненко и доктор Пивницкий: они оба любили лишнюю чарочку выпить. От этой или другой причины, но только они избегали от горячки. <...>*

армией, которая в это время перешла Днестр и спешила на соединение с армией Тормасова, теснимого превосходным неприятелем. Это повеление неудобоприменимо к нам, морякам, не имевшим понятия, как ходят солдаты по земле. Не говорю уже о нас, молодых офицерах, да и старшие наши офицеры не имели ясного понятия, как вести нас. Вследствие этого незнания было то, что первый переход был назначен в 45 верст, второй 55, увеличивая таким образом переходы, мы делали их в 65 верст. Матросы наши не имели ружей: те, которыми мы учились в Севастополе, принадлежали морскому полку, которому и возвращены были. Это облегчало еще несколько наши переходы; ранцев тоже не было, их заменяли кое-какие мешки самодельщина, которые везли на подводах. Впоследствии, когда мы вошли в район армии, то нам дали ранцы и ружья от больных, оставленных в госпиталях. <...>

Мичман Н.П.Римский-Корсаков (1793–1848) поступил в Гвардейский экипаж при его сформировании в 1810 г. Во время отступления 1-й Западной армии от Вильны к Витебску в июне – июле 1812 г. строил и обеспечивал переправы. Во время сражения 4.VIII при Смоленске находился ординарцем при генерале Н.Н.Раевском, 26.VIII при Бородине – сначала при генерале М.Б.Барклае де Толли, а затем при светлейшем князе М.И.Голенищеве-Кутузове. За Бородино награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 2–4.IX обеспечивал переправу армии при оставлении Москвы, после чего сжег мосты. При Тарутино 6.X снова состоял ординарцем при светлейшем князе М.И.Голенищеве-Кутузове, а под Малоярославцем 12.X – при генерале А.П.Ермолове. Участвовал в преследовании неприятеля, строил мосты через Днепр и Березину. За боевые отличия 14.VI.1813 г. произведен в лейтенанты. В начале 1813 г. оставлен в Вильне для надзора за больными матросами и присоединился к экипажу с командой выздоровевших нижних чинов в июне 1813 г. 17.VIII.1813 г. при Кульме командовал стрелками, был тяжело ранен пулей в бедро навылет и отправлен для лечения в Прагу. За храбрость награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Участвовал в походе 1814 г.: 6 и 8.II переправлял под огнем русские войска через Сену, 19.III вступил в Париж, в июле возвратился из Франции на фрегате «Архипелаг». Совершил сухопутный поход в Вильну в июне – сентябре 1815 г. 30.VIII.1824 г. капитан-лейтенант. В 1823–1826 гг. совершил кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие». 26.XI.1826 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса за 18 морских кампаний. В 1828 г. выступил с Гвардейским экипажем к турецкой границе. Участвовал в осаде Варны и отличился 13.VIII при отражении вылазки ее гарнизона. Был послан к императору с захваченными при этом турецкими знаменами и награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Вернувшись под Варну, руководил десантом Гвардейского экипажа 30.VIII около мыса Галата. После падения Варны произведен 2.X.1828 г. за отличие в капитаны 2 ранга. 6.XII.1830 г. капитан 1 ранга. С началом Польского восстания 1831 г. командирован в действующую армию, где с отрядом готовил переправу через Вислу, а затем уничтожал мосты, плоты и лодки на реке Вепрж. Затем командовал отрядом из дивизиона Новоархангельского уланского полка и трех сотен казаков, с которыми успешно действовал против небольших групп повстанцев. 4–5.VII руководил постройкой 6-й ротой Гвардейского экипажа переправы в Осеке. Во время штурма Варшавы 25 и 26.VIII находился при главнокомандующем графе И.Ф.Паскевиче-Эриванском и за отличие награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Впоследствии вице-адмирал, в 1843–1848 гг. директор Морского кадетского корпуса. Именем Н.П.Римского-Корсакова назван остров в Тихом океане.

Директор Морского кадетского корпуса вице-адмирал Николай Петрович Римский-Корсаков

Vice-Adm. Nikolai Petrovich Rimsky-Korsakov

Портрет кисти Г.И.Ботмана. 1848 г. (ЦВММ)

В исходе февраля мы были уже на Висле и стояли в м. Фордуны недалеко от Бромберга, где находилась тогда главная квартира армии, которой предводительствовал уже Барклай де Толли. По сдаче начальства над армией адмирал Чичагов, проезжая чрез Фордуны, позвал нас к себе и изъявил свое соболезнование, что не мог ничего сделать для нас, но что он просил нового главнокомандующего быть к нам благосклонным. Первая встреча с адмиралом, отвлекшим нас от привычных наших занятий, была и последнею. <...>

С открытием весны мы из Фордунов перешли в имение одного пана шамбелана. <...> Это было недалеко от Торуня, тогда блокируемого нашими войсками. На нас пруссаки в то время смотрели как на своих избавителей. Осаду Торуня (Торна) поручено было вести графу [А.Ф.] *Ланжерону; назначены были войска в осадный корпус, в том числе наш экипаж, которому поручалось осаждать крепость с Вислы; для этого заблаговременно приготовлены были суда, употребляемые на Висле для перевозки пшеницы в Данциг. Двенадцать таких судов исправили и укрепили для поднятия орудий. Батарейная рота полковника Магденки* [№ 34] *была назначена на эти суда. Когда вскрылась Висла и войска стали выступать для осады крепости, экипаж сел на лодки и отплыл к Торуню. Подойдя к крепости и остановясь у острова, лежащего от нее на пушечный выстрел, импровизированная флотилия выстроилась в линию и открыла огонь. Крепость сделала нам честь и отвечала на наш огонь несколькими выстрелами. На острове, к которому мы пристали, в тот же вечер стали устраивать батарею, и наши познания в фортификации пригодились. Артиллерийские офицеры роты Магденки менее нашего смыслили в этом деле. <...>*

У четырех наших судов открылась течь, и они найдены были негодными к службе; с них-то и сняли орудия и поставили на батарею. На другой день рано поутру из крепости была вылазка. Полевая артиллерия их открыла по нас с берега огонь, и как берег Вислы в этом месте был довольно возвышен, а мы стояли близко к нему, то выстрелы наши никакого вреда не могли им сделать, между тем как им очень удобно было стрелять по нас. Додт отвел нас левым флангом назад и поставил фронтом к неприятельской батарее. Во все время этой осады я командовал одной лодкой и преусердно стрелял из своей пушки. Не знаю, чем бы кончилась эта перестрелка, если бы не выручила конная рота Наваки [№ 18]. *Она быстро принеслась и открыла огонь по французской артиллерии; вслед за нашей артиллерией шли Павлоградские гусары; но французы не дождались гусаров и ушли в крепость.* <...>

Флотилия наша во время осады Торуня была деятельно занята. Иногда мы ходили ночью обстреливать крепость с правого берега Вислы, откуда не было ведено траншейных работ. Обыкновенно посылались две лодки, и мы выбрали заблаговременно место весьма удобное для нас: это был небольшой мыс, который нас прикрывал от крепостных выстрелов. Сделав выстрел по крепости, лодка пряталась за мыс и там, зарядив свою пушку, снова вытягивалась для следующего выстрела. С правого берега для этой же цели посылалась полевая артиллерия, которая

Гвардейский экипаж в Париже в 1814 году.

Guards Crew in Paris in 1814.

Картина кисти И.С. Розена. 1911 г. (ЦВММ)

Гвардейский экипаж в Париже в 1814 году.

Guards Crew in Paris in 1814.

Картина кисти И.С. Розена. 1911 г. (ЦВММ)

так же, как и мы, беспрестанно переменяла свои места, так что в крепости не знали, куда направлять выстрелы. Весело бывало слушать, как наши ядра разгуливали по крышам домов крепости. Перед рассветом обыкновенно мы уходили. Тутто и начнется деятельность крепостной артиллерии, которая направляла свои выстрелы по тем дорогам, где должна была идти наша артиллерия.

По сдаче Торуня (это было в половине апреля) <...> мы вскоре выступили в поход. <...> Мы прошли чрез Познань и вошли в Силезию, где близ Сагана остановились. <...> В военных действиях мы не участвовали; экипаж наш был в прикрытии обозов армии. Мы проходили чрез город Бриг, где стоял Гвардейский экипаж, в котором много было корпусных товарищей: Лермантов, Римский-Корсаков, Ушаков, Константинов. Во время перемирия нам назначено было оберегать мост в Эйлау на Одере, где была корпусная квартира генерала [Ф.В.]*Сакена. <...> По окончании перемирия мы оставили Эйлау и присоединились к понтонным ротам; их было две: Иванова* [№ 3] *и Шишкина* [№ 4]. *Командир наш Додт, видя, что экипажа его нет возможности честным образом употребить, сдал его капитан-лейтенанту* [И.И.]*Сулиме, а сам отправился искать счастья в главной квартире. Так иногда пропадает дарование оттого, что нет случая ему выказаться. Остряк Котляревский, бывший тогда за таким же делом при главной квартире, как и Додт, написал на последнего эпиграмму:*

Капитан Додт
Оставил флот,
Пошел охотой
Служить пехотой.
Что ж делает он?
– "Играет в бостон".

Назначение нашего экипажа в армии было незавидное: сперва в прикрытии обозов, а потом при понтонах. Неудивительно, что офицеры наши искали перейти в другой род войска. Коман-

Вступление союзных войск в Париж 19 марта 1814 г.

The allied troops entering Paris on 19 March 1814.

Английская гравюра. 1815 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

дир наш уехал в главную квартиру и взял с собою [мичмана В.И.]*Скарятина. Этот достойный морской офицер, я говорю о Додте, там сделался посмешищем; позабыта была его геройская служба, позабыто было молодецкое взятие Сухум-Кале* [см. стр. 154–155], *а помнилось только странное его положение в главной квартире без определенной цели. Додт недолго выдержал эту постыдную роль и уехал в Николаев. <...> Ни одного не было офицера, который бы не хлопотал: как бы уйти из этой злополучной команды. Оставшийся после Додта командиром экипажа Сулима в 1814 году оставил его и пристроился при генерале* [А.Я.]*Рудзевиче, при котором и окончил войну. Доктор Рихтер взят был в главную квартиру, там обратил на себя внимание генерал-штаб-доктора армии Вилье и чрез него впоследствии сделал блистательную карьеру. Капитан-лейтенант* [О.Я.]*Кричевский в начале 1813 года уехал в Николаев. Мичман* [Б.П.]*Хрущов был оставлен в Плоцке с небольшой командой для охранения там моста чрез Вислу.*

Корпус графа [А.Ф.]*Ланжерона с кавалерией* [Ф.К.]*Корфа, корпус барона* [Ф.В.]*Сакена с кавалерией* [И.В.]*Васильчикова поступили в состав Силезской армии под предводительство прусского фельдмаршала Блюхера, у которого кроме двух русских корпусов, вышеупомянутых, были два прусские: Йорка и Клейста. Главная армия действовала из Богемии на Дрезден, центральную позицию Наполеона, а Силезская из Силезии. По окончании перемирия начались марши взад и вперед. Маленький городок Яуер мы три раза оставляли и столько же раз возвращались. Были небольшие стычки. Силезская армия всякий раз отступала, когда являлся Наполеон с резервом на помощь своим маршалам, а по удалении его Блюхер наступал. Страна от Левенберга до Яуера от этих сосредоточенных движений двух армий до того обеднела, что невозможно было найти там куска хлеба. Запас провианта истощился, и многие питались одним картофелем, и тот без соли. Наконец, эти нерешительные движения разрешились знаменитой Кацбахской битвой. Горные речки, протекающие в этом уголке Силезии, от проливных дождей наполнились и сорвали мосты. Разбитый в двухдневном бою* [маршал] *Макдональд потерял более 100 пушек и 20 тысяч пленными, и главной причиной гибели этого корпуса было то, что он лишился своих мостов; так целая дивизия Пюто положила оружие, не имея возможности переправиться за Кацбах.*

На другой день после Кацбахской битвы, то есть 19-го августа, роту Иванова с прикрытием нашего экипажа выдвинули вперед для наведения моста. Пройдя целый день и наступившую ночь, мы, наконец, к рассвету пришли к Кацбаху. Река бушевала и не позволяла на себе строить моста. Покуда разбирали понтоны и боролись с рекой, подъехали два легких орудия французской артиллерии и с первых выстрелов сбили наших понтонеров. Примечательно было в действии этих двух орудий то, что из четырех первых выстрелов три попали в цель. Надобно было оставить по-

➥ ***Торжественное вступление 1-й Гвардейской дивизии в Петербург через Триумфальные ворота у Нарвской заставы 30 июля 1814 г.***

Ceremonial entry of the 1st Guards Division to St. Petersburg on 30 July 1814 via the Triumphal Arch near Narvskaya Zastava.

Раскрашенный акварелью офорт И.А.Иванова. 1814 г. (ГИМ)

Вместе с дивизией в столицу после трудных боевых походов 1812–1814 гг. торжественно вернулся Гвардейский экипаж.

стройку моста, и понтоны пошли к Левенбергу (на левом берегу Кацбаха), где нашли остатки бывшего моста, который при пособии материалов, взятых у жителей, скоро восстановили. Вода в это время стала сбывать, и между сваями моста показались утонувшие французы, пешие и конные. Наши матросы поживились кое-чем от утопленников. Армия пошла по направлению к Дрездену, а нас послали в Герлиц, где мы несколько дней нежились после трудов Силезской кампании.

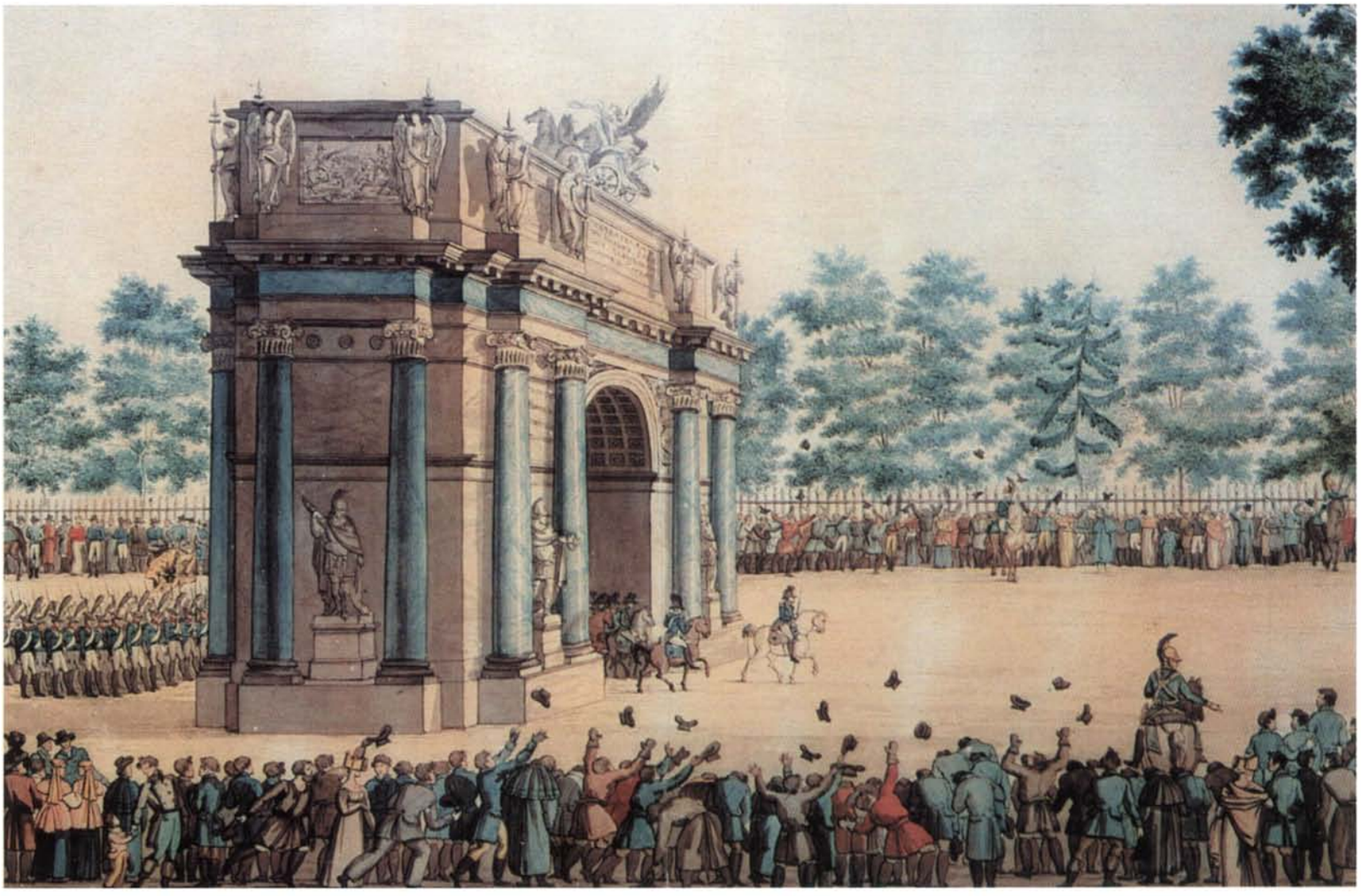
Для обложения Дрездена с правого берега Эльбы из корпуса графа Ланжерона был отряжен князь [А.Г.] *Щербатов со своей дивизией, а Силезская армия перешла Эльбу между Виттенбергом и Торгау. Место для переправы было выбрано не знаю кем при д. Эльстер, но назначено было именно то место, где Фридрих Великий в семилетнюю войну переправлял свою армию. Часу в десятом вечера обе понтонные роты пришли к Эльбе и нашли, что от прусского корпуса Бюлова был сделан мост на козлах, по которому поодиночке пешком переходили люди, и таким образом переправлен был батальон ландвера. Мы немедленно приступили к постройке моста: матросы наши, присмотревшиеся к понтонам, работали чрезвычайно бойко; любо было на них смотреть, как они справлялись с быстрою Эльбой. Понтоны не успевали снаряжать понтонов, как якоря были завезены и поставлены на свои места. Хотя это занятие моряков при понтонах не есть настоящая их служба, но должно правду сказать, что моряки для понтонной службы очень пригодны и при наведении мостов окажут великую услугу армии. Когда начались работы у моста, Бог знает откуда взялась французская артиллерия и открыла огонь по мосту, который сделал небольшой, впрочем, вред мосту; работы несмотря на выстрелы быстро подавались вперед. К этому времени было переправлено еще два батальона прусских и один русский из авангарда графа* [Э.Ф.]*Сен-При. Эти четыре батальона атаковали и сбили французов. <...>*

Серебряная медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814».

Silver medal For Taking Paris on 19 March 1814.

(ГИМ)

Такими медалями в 1826–1832 гг. были награждены моряки Гвардейского экипажа и бывшего 75-го корабельного экипажа, принимавшие участие в кампании 1814 г.



К 4 часам утра мост, на который употребили почти две понтонные роты, был готов, и войска корпуса Йорка стали переправляться. Едва несколько батальонов успели перейти, как [французский] *корпус Бертрана явился оспаривать переправу. Я стоял у моста на правом берегу, когда начали переправу пруссаки. Бодрый старик Йорк был верхом, в синей венгерке, подбитой крымскими смушками. По временам он говорил несколько ободрительных слов своим юным солдатам; когда получил он донесение о приближении французов, старик вспыхнул, пришпорил свою лошадь и понесся на другой берег. Я не утерпел, побежал за ним. Войска, перешедшие через мост, устраивались недалеко от него; французы были близко, так что ядра долетали до моста. Йорк взял передние два батальона и повел их в атаку; они были опрокинуты. Йорк взял еще несколько свежих батальонов и бросился с ними вперед. В это время только что переправившийся полк Черных гусар, обойдя французов справа, сделал блистательную атаку и взял (кажется) 8 пушек. Авангард графа Сен-При также перешел Эльбу, и наш генерал послал спросить у Йорка, не нужна ли ему помощь русских войск, на что Йорк отвечал, что он надеется и со своими средствами поколотить французов. И действительно, после атаки гусаров, французы на всех пунктах стали отступать, а наша армия беспрепятственно перешла Эльбу. <...> Фельдмаршал Блюхер был очень доволен нашими действиями и прислал к нам своего адъютанта, который и объявил нам удовольствие фельдмаршала. Впоследствии все офицеры нашего экипажа получили монаршее благоволение: эта награда была первой, полученной мною за военный подвиг.*

Когда армия стала теснять Наполеона в Лейпциге, понтонная рота Иванова с нашим экипажем была поставлена в Гиебенштейн на Саале, близ Галле. <...> Началась историческая Лейпцигская битва. К нам долетал гром пушечный, и мы с грустью ожидали приказаний идти куда-нибудь с своими мостами. Мы были подчинены начальнику артиллерии корпуса генерала графа Ланжерона генерал-майору [Г.П.]*Веселитскому, к которому я послан был за приказанием. Приказано было понтонам идти не помню куда-то для наведения моста, и мы отправились по прекрасному шоссе из Галле к Лейпцигу. Это шоссе так хорошо было, что наши тяжелые понтоны катились рысью, взяв на себя пеших людей. Однако же надобности в мосте не было, и мы потянулись за армией, преследовавшей отступающего неприятеля.*

Когда войска остановились в окрестностях Франкфурта-на-Майне, понтоны расположились в Гомбурге, где мы ласково были приняты старухой принцессой Гессен-Гомбургской, два сына которой служили в австрийской армии генералами. Воображаю, как мы смешны были при этом хотя маленьком дворе, но дворе с большими претензиями. Мы приглашены были к обеду, и весь двор был en grand tenue. Принцесса была в Екатерининской ленте. Нас рассадили между дам, разряженных в пух и прах, и мы, конечно, показались им дикарями незнанием своим светских приличий и плохим знанием употребительных языков».

С завершением кампании 1813 года Д.Б.Броневский, поддавшись общим настроениям офицеров экипажа, перешел в сухопутные войска и поступил в Дерптский конно-егерский полк. Впоследствии он дослужился до чина генерал-лейтенанта и в 1840–1843 гг. был директором Царскосельского лицея. 75-й корабельный экипаж совершил кампанию 1814 года во Франции, во время которой участвовал в наведении понтонных мостов, а также сопровождал артиллерийские парки. После взятия Парижа экипаж под командованием И.И.Сулимы возвратился в Николаев.

Боцман Ластовой роты Гвардейского экипажа Сергей Безин.

Boatswain Sergei Bezin, Harbour-Craft Rowing Company, Guards Crew.

Акварель с портрета 1862 г. из альбома, поднесенного офицерами Гвардейского экипажа в день экипажного праздника 6 декабря 1892 г. императрице Марии Федоровне, принявшей шефство над Гвардейским экипажем 22 июля 1892 г. (ЦВММ)

Сергей Безин поступил в Гвардейский экипаж при его сформировании в 1810 г. Участвовал в походах 1812–1814 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг. С 1836 г. на сверхсрочной службе. В 1863 г. вместе с группой ветеранов похода 1813 г. был командирован в Берлин, где в рамках торжеств по случаю 50-летия освобождения Пруссии награжден Военным знаком отличия 1-й степени и медалью ордена Красного орла. Умер на службе в 1864 г. Весь левый рукав мундира Безина покрывают шевроны за 50 лет беспорочной службы.

Участие 1-го и 2-го морских полков в Отечественной войне и заграничном походе 1813 года

Если участие в походах 1812–1814 гг. Гвардейского и 75-го корабельного экипажей оказалось во многом импровизированным, то морские полки стали готовиться к боевым действиям заранее. Еще 11 ноября 1811 г. помимо запасных батальонов для морских полков были учреждены 4-е (резервные) батальоны, которые формировались в приписанном к 25-й пехотной дивизии Подгощинском рекрутском депо. С помощью этих батальонов планировалось ускорить комплектование полков обученными рекрутами. Однако 14 марта 1812 г. Александр I велел составить из резервных батальонов новые дивизии, и 4-е батальоны первых трех морских полков поступили в 39-ю пехотную дивизию. Кроме того, в июле 1812 г. морские полки выделили также свои 2-е (запасные) батальоны для формирования 9-го, 10-го и 11-го резервных пехотных полков. Вместо них в каждый морской полк прислали по 750 рекрут из Московского и Тверского рекрутских депо. В связи с уходом гвардии в Вильну 3-й морской полк перевели из Кронштадта в Петербург, где он расположился в казармах Лейб-Гвардии Литовского полка. Этому морскому полку не довелось участвовать в боевых действиях. До 1814 года он занимался обучением рекрутов и поддержанием порядка в столице и ее окрестностях.

1-й и 2-й морские полки в апреле – июле 1812 г. готовились повторить Ганноверскую экспедицию 1805 года и высадиться вместе с шведскими войсками в Померании. Но из-за разногласий России и Швеции по вопросу о Финляндии и Аландских островах «померанский проект» не состоялся. На встрече в Або 15–18 августа 1812 г. шведский принц Карл-Юхан согласился с отправлением собранных для десанта русских войск на усиление 1-го отдельного пехотного корпуса графа П.Х.Витгенштейна, защищавшего Петербург. Эта договоренность совпала с просьбой самого графа о пополнении его войск, выдержавших несколько сражений под Полоцком. 30 августа император велел направить в помощь Витгенштейну два отряда, составленных из находив-

Библиография и источники:

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. М., 1962.

Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. СПб., 1912.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 33, 34, 107. Ч. 1; Оп. 1/208в. Св. 49. Д. 1; Ф. 489. Оп. 1. Д. 6742–6750.

Переправа Великой армии через Березину 16 ноября 1812 г.

La Grande Armée crossing the River Berezina on 16 November 1812.

Раскрашенная акварелью литография В.Адама. Середина XIX в. (ГИМ)

Адъютант 2-й бригады 1-й кирасирской дивизии поручик Василий Иванович Тихменев.

Lt. Vassily Ivanovich Tikhmenev, adjutant, 2nd Brigade, 1st Cuirassier Division.

Портрет кисти неизвестного художника. Около 1820 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

Богатый ярославский помещик В.И.Тихменев (1793 – после 1832) был выпущен 26.XII.1811 г. из 1-го кадетского корпуса прапорщиком во 2-й морской полк. 23.VIII.1812 г. произведен в подпоручики. Совершил с полком поход 1812 года. Посланный к войскам графа П.Х.Витгенштейна принял участие 16.XI.1812 г. в сражении на реке Березине, *«где отличил себя как храбрый и расторопный офицер, взяв с 50 человеками стрелков в плен 36 человек неприятельских солдат, за что и награжден орденом Св. Анны 4-го класса»*. Во время осады Данцига состоял адъютантом при шефе 2-го морского полка А.Э.Пейкере. 28.V.1813 г. при отражении вылазки французов на Воненберг добровольно вызвался в стрелки, где получил сильную контузию картечью в левую ногу ниже колена, и под ним были убиты две лошади. Ночью с 15 на 16.VIII по приказу Пейкера с 12 казаками снял французский передовой пикет, причем был ранен пулей в щиколотку левой ноги. 17.VIII во время отражения вылазки французов на Пицкендорф Тихменев, несмотря на рану, по приказанию Пейкера с 46 казаками выгнал французских стрелков из лощины и взял в плен 8 человек. Участвовал в упорных боях под Данцигом 21, 22 и 23.VIII, 20 и 23.X. В связи с капитуляцией Данцига 21.XII награжден прусским военным орденом «Pour le Mérite». В 1814 году состоял при военном начальнике города генерал-майоре И.П.Кульневе. 10.I.1815 г. произведен в поручики. 1.II.1817 г. переведен в Лейб-Гвардии Кирасирский полк. 14.II.1827 г. вышел в отставку гвардии ротмистром и в 1828–1832 гг. возглавлял Костромскую удельную контору.

шихся в тылу войск и дружин Санкт-Петербургского ополчения. По этому указу два батальона 1-го морского полка во главе с его командиром подполковником Э.Я.Рошетом выступили из Кронштадта в Гатчину, где вошли в отряд генерал-майора И.М.Бегичева. 5 сентября этот отряд двинулся на Лугу и Порхов и к концу месяца прибыл в Великие Луки. Отсюда батальоны 1-го морского полка с прикомандированной к нему 15-й дружиной Санкт-Петербургского ополчения перешли в Невель, где поступили в авангардный отряд генерал-майора И.И.Алексеева[42].

По замыслу графа Витгенштейна отряд Алексеева должен был наступать на правом фланге его корпуса, захватить вражеских фуражиров, расположившихся у мызы Козяны, и, выйдя 6 октября к Полоцку, содействовать общему штурму города. Согласно этому плану, Алексеев занял селение Городок и 2 октября выслал к местечку Сиротину отряд драгун майора И.А.Дзевонского с ротой 1-го морского полка штабс-капитана О.Е.Никитина. Ворвавшись в местечко, русские войска захватили вражеских фуражиров, опрокинули французскую колонну и захватили ее обоз. Всего отряд разогнал около 400 человек, взяв в плен 64 солдата и коменданта Сиротина капитана Руша – адъютанта командира 8-й пехотной дивизии генерала Н.Ж.Мезона. Между тем из окрестных сел показались превосходящие силы противника. Истребив собранные в Сиротине запасы фуража и провианта, отряд Дзевонского отступил к Городку. За проявленную в этом деле *«отличную храбрость»* штабс-капитан О.Е.Никитин был произведен в капитаны.

После столь успешного набега отряд И.И.Алексеева вечером 3 октября подошел к Козянам, где обнаружил сильный авангард 8-й французской пехотной дивизии – до 1,5 тысяч солдат, подкрепленных 4 эскадронами кирасир, а также эскадронами конных егерей и шеволежер. Неприятель хорошо приготовился к обороне, превратив местную усадьбу в настоящий форт. В связи с этим Алексеев решил действовать хитростью и разделил свои силы. Рота 1-го морского полка капитана Ф.В.Повало-Швейковского, сотня ополченцев, эскадрон драгун и 2 орудия под общим командованием штабс-капитана Д.Т.Паренсова отправились ночью в обход Козян с левого фланга. Еще одну морскую роту, сотню ополченцев и эскадрон драгун Алексеев оставил в резерве для прикрытия обоза. С прочими силами генерал двинулся к Козянам, охватывая мызу с фронта и по правой стороне.

На рассвете 4 октября Паренсов сбил вражеские пикеты и начал канонаду. Увидев его небольшой отряд, французская пехота вышла из усадьбы и под прикрытием кавалерии стала выстраиваться на позиции. Но тут появился Алексеев и, выдвинув орудия, открыл сильный огонь. Действие артиллерии заставило французские эскадроны начать отход. Тогда стрелки Повало-Швейковского стали обходить неприятеля с левого фланга, Митавские драгуны врубились в кирасир, а роты 1-го морского полка под командованием

[42] Состав отряда: 4 эскадрона Митавского драгунского полка, 2 батальона 1-го морского полка, 15-я дружина Санкт-Петербургского ополчения, команда Ставропольского калмыцкого полка, 6 орудий легкой артиллерийской роты № 49.

[43] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 1. Л. 102–105; Оп. 1/208в. Св. 49. Д. 1. Л. 70–71, 122.

Э.Я.Рошета ударили на французов с фронта. Рядовые Филипп Николаев, Иван Фомин, Яков Герасимов, Миней Иванов, Андрей Евсеев, Прокофий Трофимов, Федор Никитин и Афанасий Борисов *«бросились на фронт неприятеля впереди своих товарищей и храбростью своей ободрили их, поражая неустрашимостью своей неприятеля, и дрались с оным весьма храбро и отчаянно»*. Не давая противнику укрыться в усадьбе, морские роты загнали французов в лес. Штабс-капитан А.А.Попов *«был послан со стрелками для занятия леса, что он исполнил и прогнал с отличной храбростью засевшего там неприятеля»*. Согласно наградным документам, 3 фельдфебеля, 3 унтерофицера и 2 рядовых 1-го морского полка, *«быв в стрелках, мужественно и отчаянно дрались и неустрашимостью своей подавали пример товарищам своим и при поражении неприятеля захватили несколько человек в плен»*. Вместе с морскими солдатами по лесу рассыпались ратники 15-й дружины, устроившие настоящую облаву на французов. В то же время два эскадрона драгун и ставропольские калмыки обскакали лес, перешли ров и оказались в тылу у отступающих. В итоге в плен удалось захватить 120 человек, в том числе много тяжело раненных. Количество убитых точно подсчитать не удалось, поскольку ополченцы не давали врагам пощады, и многие французы навсегда остались в лесной чаще. Общий урон неприятеля Алексеев полагал в несколько сотен убитых. На мызе были захвачены запасы хлеба и муки[43].

Прогнав французов из Козян, Алексеев на следующий день занял Рудню, откуда 6 октября выступил к Полоцку. Вечером 7 октября он подошел к мызе Струня, где встретил баварский отряд полковника Ламотта на позиции перед тет-де-поном, защищавшим мост через Западную Двину. По приказу Алексеева подполковник Э.Я.Рошет, *«командуя вверенным ему 1-м морским полком, рассыпал несколько рот стрелков по лесу к берегу, а сам, обойдя неприятеля с правой стороны, ударил во фланг так, что согнав его в кучу, принудил оставить то место и, выгнав на большую дорогу, подвел неприятелей под их же выстрелы из орудий картечью и, будучи сам впереди, пренебрегая выстрелами из орудий неприятеля картечью, прогнал его стрелков через мост так, что неприятель нисколько уже не мог нам вредить»*.

Когда французы стали переходить мост, Алексеев послал находившегося при нем адъютанта Потемкина *«с ротою 1-го морского полка, которую он поставил на столь выгодное место, что оная, зайдя с левого фланга, поражала неприятеля с берегу наискось, и тут неприятель много потерял своих стрелков не только тех, которые бежали через мост, но и тех, которые уже были на берегу той стороны»*. Отступив за реку, баварцы сожгли мост. Утром 8 октября Алексеев форсировал Двину и преследовал неприятеля, ве-

Офицер 2-го морского полка в походной форме. 1812–1814 гг.
A 2nd Naval Regiment officer in the field uniform. 1812–14.
Рисунок художника А.В.Каращука. 2005 г.

Рядовой и обер-офицер 1-го морского полка. 1812–1817 гг.

A private and a junior commissioned officer with naval regiments. 1812–1817.

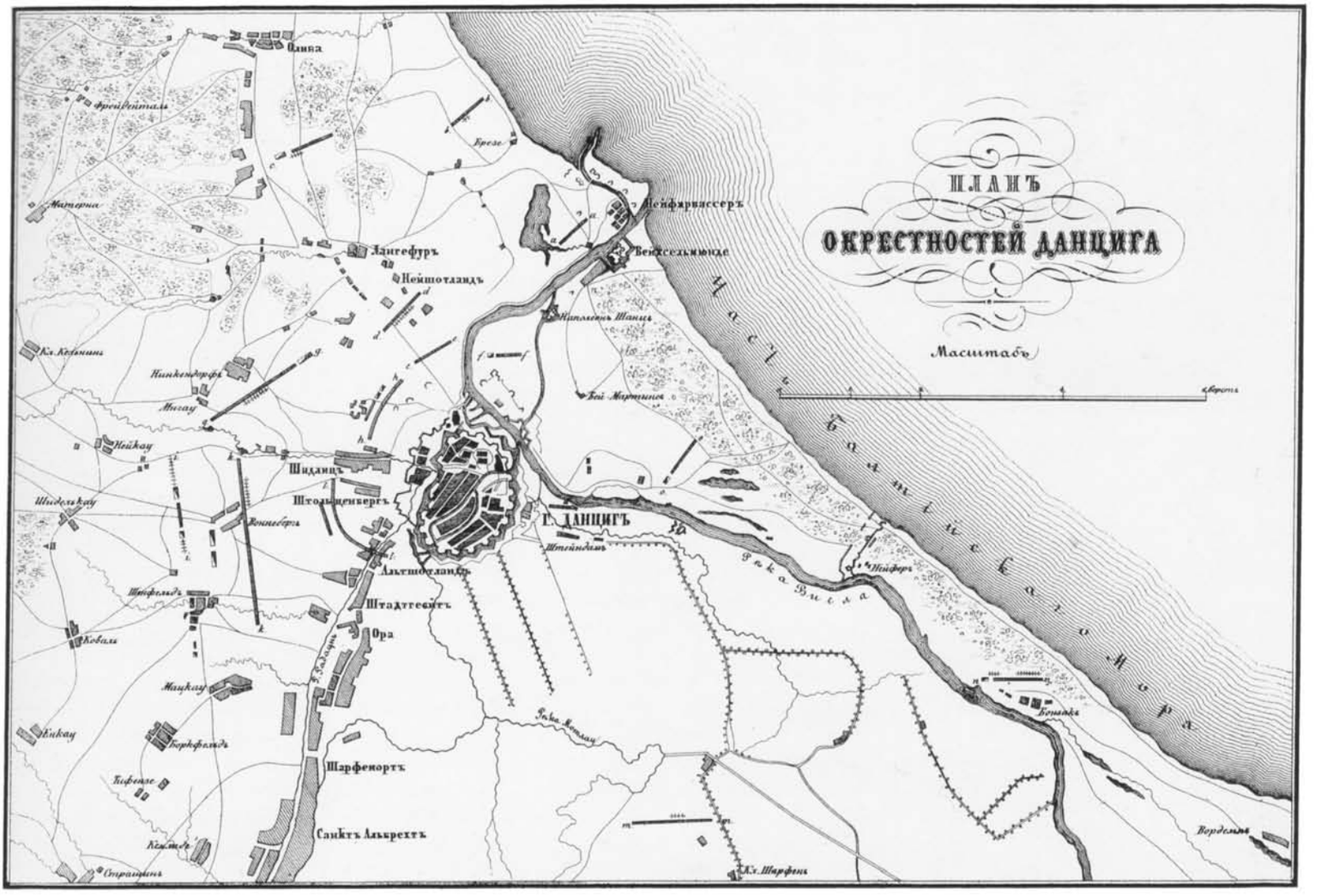
Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист № 1363. (ВИМАИВиВС)

дя перестрелку. За храбрые действия при Струне подполковник Рошет был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом[44].

После взятия Полоцка 1-й морской полк вошел в резерв генерал-майора А.Б.Фока, с которым сначала находился в местечке Камень, а затем в Лепеле. Ночью 1 ноября Фок получил приказ срочно перейти к Чашникам, куда он подоспел к концу боя 2 ноября. Основная часть резерва, в том числе и 1-й морской полк, активного участия в сражении при деревне Смоляны не принимала, оставаясь на левом берегу реки Уллы. Здесь к полку прибыл его шеф полковник П.А.Попов.

10 ноября 1-й морской полк продолжил наступление в первой линии корпуса генерал-лейтенанта Г.М.Берга. Около полудня 16 ноября линия подошла к переправе остатков Великой армии через реку Березину возле деревни Студянка. В этот момент 1-я (бергская) бригада 26-й пехотной дивизии генерала Ф.Э.Дама атаковала двумя колоннами русский авангард генерал-майора Е.И.Властова. Подоспевшие к левому флангу войска Берга с ходу перешли в контрнаступление. Севский пехотный полк, подкрепленный 1-м морским полком, ударил в штыки и смял первую колонну бергцев, которая, отступая, расстроила вторую колонну. Русскую контратаку остановили лишь срочно выдвинувшиеся от мостов польские полки 28-й пехотной дивизии генерала Ж.Б.Жирара, прикрывшие отход немцев. После этого основные бои развернулись в центре и на правом русском фланге, а на левом весь день продолжалась активная перестрелка. 1-й морской полк выдвинул в стрелки две роты. Капитан В.С.Озеров, *«будучи выслан в стрелки с ротою, отражал неприятельских стрелков с отличной храбростью, причем был контужен пулей в правую ногу»*. Штабс-капитан А.А.Федотов, *«будучи послан с ротою в стрелки, храбростью и расторопностью выгонял несколько раз неприятельских стрелков из лесу, причем ранен пулей в шею»*. В то же время штабс-капитан А.А.Попов, *«будучи в охотниках со стрелками, сражался несколько часов против превосходного числа неприятельских стрелков, но не могши выгнать их из лесу, бросился в штыки, чем и обратил их в бегство»*. В стрелках также находился поручик И.А.Разин, раненный пулей в правую ногу. Все четыре офицера получили за храбрость орден Св. Анны 3-й степени, а шеф 1-го морского полка полковник П.А.Попов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом[45].

Ночью остатки вражеских войск перешли Березину и к 9 часам утра сожгли за собой мосты. Но двинувшиеся к переправе русские полки встретили неожиданное препятствие. *«За целую версту нельзя было подойти к берегу от оставленного французами обоза,* – вспоминал офицер Р.М.Зотов. – *Кареты, телеги, фуры, щегольские коляски, дрожки – все это, нагруженное русским добром, награбленным в Москве и по дороге; подбитые орудия, пороховые ящики, тысячи обозных лошадей, спокойно ищущих пищи под снегом или в какой-нибудь фуре; наконец, груды убитых и умирающих, толпы женщин и детей, голодных и полузамерзших, все это так загромоздило дорогу, что надобно было отрядить целую дружину ополчения, чтоб как-нибудь добраться до места переправы <...> Целые два дня продолжали мы разбирать обозы, и все еще больше половины осталось на месте. В эти два дня исправлены бы-*



План окрестностей Данцига в 1813 г.

Plan of Danzig's outskirts in 1813.

Гравюра. 1840 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

ли мосты на Березине, и мы пустились вслед за французами»[40]. 19 ноября 1-й морской полк перешел реку и, продолжая преследовать противника, 16 декабря вступил на территорию Пруссии.

Между тем с началом Отечественной войны резервные батальоны первых трех морских полков, входившие в состав 39-й пехотной дивизии, были посланы на усиление гарнизона Рижской крепости, где сражались против Прусского вспомогательного корпуса маршала Макдональда. В сентябре 1812 г. русские войска предприняли масштабную экспедицию. В ней особенно отличился поручик 1-го морского полка Гернц Фромболь Брыгин, участвовавший со своей ротой 14 сентября в занятии селения Даленкирхен, 15 сентября во взятии мызы Гросс-Экау, с 16 на 17 сентября в ночной экспедиции за рекой Аа под Рундалем, 17 сентября в перестрелке с неприятелем на Гарозенской дороге. 20 сентября русские войска вернулись в Ригу. При возобновлении их наступления на Фридрихштадт Брыгин с ротой был послан 25 октября в разведку, сделал засаду на Гарозенской дороге и захватил вражеский патруль. 29 октября он обошел с солдатами по считавшемуся непроходимым болоту неприятельский пикет и внезапным нападением без потерь захватил в плен 1 офицера, 2 унтер-офицеров и 27 рядовых. 3 ноября Брыгин с ротой находился в стрелках при взятии вражеского форпоста под Фридрихштадтом и нападении на вражескую колонну. С 8 декабря русские войска начали преследовать противника, отступающего к Тильзиту. 15 декабря Брыгин участвовал во взятии Мемеля и в тот же день перешел со своей ротой государственную границу. 18 декабря 1812 г. прусский генерал Йорк заключил с русским командованием Таурогенскую конвенцию, фактически означавшую прекращение боевых действий на этом направлении. Вскоре резервные батальоны морских полков присоединились к своим действующим батальонам, получив 2-й порядковый номер.

По-своему сложился боевой путь 2-го морского полка. 12 сентября 1812 г. Александр I велел генерал-майору И.И.Новаку составить в Новгороде корпус для прикрытия большой Московской дороги и путей, ведущих от Гжатска на Осташков. Этот корпус, формировавшийся из ополчения, император усилил батальонами 2-го морского полка с его артиллерийской командой. *«По прибытии в Новгород 2-го морского полка»* Новаку

[44] РГВИА. Оп. 1/208в. Св. 49. Д. 1. Л. 73–74.

[45] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 1. Л. 102–105.

[46] России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 494–495.

Генерал-лейтенант Александр Эммануилович Пейкер.

Lt.-Gen. Alexander Emmanuilovich Peiker.

Портрет кисти Дж.Доу. 1824–1827 гг. (Военная галерея Зимнего Дворца)

Лифляндский дворянин А.Э.Пейкер (1776–1834) поступил 10.XII.1790 г. капралом в 5-й морской батальон Балтийского флота. 13.VI.1793 г. переведен подпрапорщиком в Гатчинские войска великого князя Павла Петровича, где 9.V.1794 г. произведен в портупей-прапорщики и 29.IX.1796 г. в подпоручики. С восшествием на престол Павла I зачислен 16.XI.1796 г. в Лейб-Гвардии Семеновский полк. По собственному желанию переведен 19.IV.1806 г. полковником в 1-й морской полк и 15.I.1807 г. назначен его командиром. С 22.I.1810 г. по 1.IX.1814 г. шеф 2-го морского полка. 9.VI.1811 г. назначен командиром 1-й бригады 25-й пехотной дивизии (1-й и 2-й морские полки). Участвовал в Отечественной войне 1812 года и осаде Данцига в 1813 году. За отличие при отражении многочисленных вылазок французского гарнизона награжден орденом Св. Анны 2-й степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость», орденом Св. Владимира 3-й степени и произведен 15.IX.1813 г. в генерал-майоры. 11.V.1824 г. назначен начальником 1-й пехотной дивизии, состоявшей из морских полков. 22.VIII.1826 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 11.II.1828 г. комендант Нарвской крепости.

предписывалось *«употребить деятельное старание, дабы посредством сего полка дать нужное для военных действий образование Новгородскому ополчению»*. Под командованием своего шефа полковника А.Э.Пейкера 2-й морской полк выступил из Кронштадта и, прибыв в Новгород 9 октября, занялся обучением дружин.

14 октября отряд Новака подчинили генерал-адъютанту князю П.М.Волконскому, который приказал ему выдвинуться в село Лопатино Тверской губернии для защиты Тверской и Псковской губерний от возможных вражеских набегов. Оставив в Новгороде майора 2-го морского полка М.Т.Кадникова с 3 обер-офицерами и 120 рядовыми для дальнейшего обучения 4-й бригады Новгородского ополчения, Новак 17 октября выступил из города. Однако в связи с изменением обстановки отряд получил новое назначение и был двинут через Торопец, Велиж и Сураж к Витебску. При быстрых маршах пехоту везли на подводах. Вступив в Витебск 15 ноября, Новак получил предписание графа П.Х.Витгенштейна о скорейшем присоединении к его корпусу. 24 ноября отряд Новака перешел реку Березину и 3 декабря прибыл в Неменчин, где, наконец, поступил в состав действующей армии. Двигаясь дальше, 2-й морской полк 17 декабря перешел прусскую границу.

Преследуя остатки 7-й французской пехотной дивизии, авангард Витгенштейна занял 24 декабря Кенигсберг и 26 декабря блокировал порт Пиллау. 29 декабря 2-й морской полк с 6 орудиями подкреплял передовые войска возле местечка Шлобитен, после чего 3 января 1813 г. был направлен к Данцигу. 19 января А.Э.Пейкер с особым отрядом – 2-й морской полк, 100 драгун, 50 казаков, 6 батарейных орудий – двинулся по песчаной косе Фриш из-под Данцига к Пиллау. Одновременно с противоположной стороны от Кенигсберга к Пиллау подступил отряд графа К.К.Сиверса. 25 января он начал закладывать осадные батареи, требуя сдачи города именем прусского короля. Одновременно Пейкер форсировал залив Фришгаф и осадил Пиллау с морской стороны, *«оказав отличное усердие и расторопность, и собственным примером подкреплял дух храбрости во всем отряде»*. Видя безнадежность положения, часть гарнизона Пиллау, состоявшая из прусских войск, пригрозила французам мятежом. В итоге 26 января крепость капитулировала, и 27-го в нее вступили войска Сиверса.

Между тем преследуемые Витгенштейном остатки французских войск отступили в Данциг. Оборону города возглавил генерал Ж.Рапп, который составил из частей 7-й, 30-й и 33-й пехотных дивизий новый 10-й корпус Великой армии. Уже 2 января к крепости стали подходить казачьи полки донского атамана графа М.И.Платова. Заняв предместья, они 9 января приступили к правильной блокаде Данцига. 15 января казаков сменили войска графа П.Х.Витгенштейна, который, в свою очередь, предложил не заниматься осадой крепости, а *«блокировать оную, стеснить тамошний гарнизон в стенах ее, заставить нуждаться в продовольствии и чрез голод принудить сдаться»*. Этот вариант позволял использовать под Данцигом вместо регулярных войск ополченческие дружины. 21 января император одобрил предложение Витгенштейна. Войска графа двинулись к Одеру, оставив под Данцигом до подхода ополчения корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф.Левиза. В его составе находился 1-й морской полк, а также вернувшийся из Пиллау 8 февраля 1813 г. 2-й морской полк.

Корпусу Левиза предстояла сложная задача. Данциг являлся мощной крепостью, подходы к которой защищало множество фортов и укрепленных предместий. Сам город был окружен высоким валом с 22 бастионами и рвом, наполнен-

➥ ***План осады Данцига в 1813 г.***

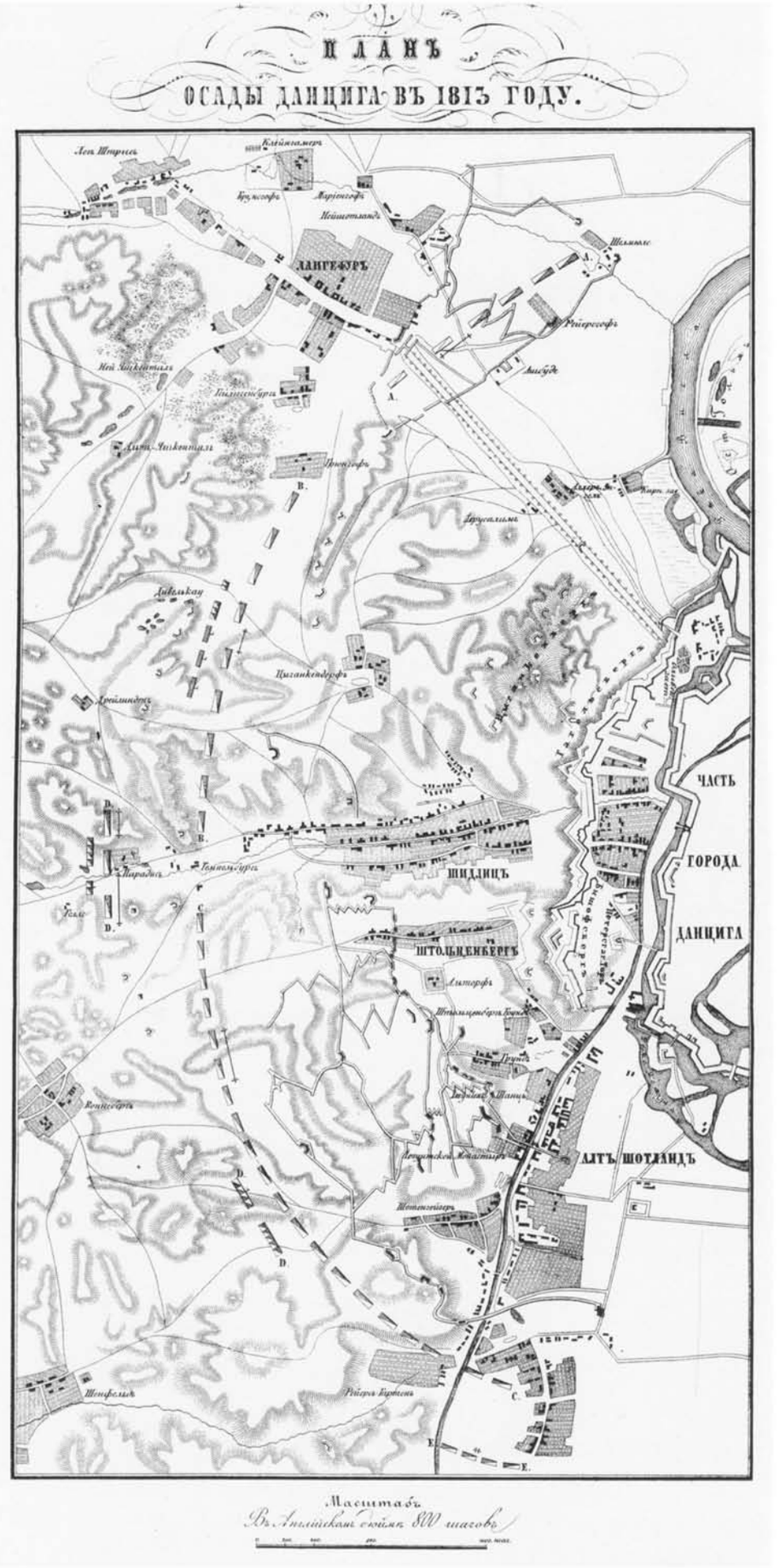
1813 Danzig siege plan.

Гравюра. 1840 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

ным водой из рек Радаун, Мотлау и Висла. С внешней стороны городские ворота закрывал дополнительный ряд укреплений с батареями на высотах Бишофсберг и Гагельсберг. Парижская газета «Монитер» писала 26 января 1813 г.: *«Данциг, в настоящее время непобедимая крепость, обороняется тридцатью тысячами человек наилучшего войска под начальством хороших генералов; губернатор города генерал Рапп – неустрашимый воин. В составе гарнизона много артиллерийских и инженерных офицеров; крепость снабжена всем нужным на два года»*. Гарнизон Данцига готовился к активной обороне.

В феврале 1813 г. морские полки заняли позицию под Данцигом. При этом 2-й морской полк с 12 орудиями конной артиллерии составил под командованием А.Э.Пейкера резервный отряд в центре русской линии. Чтобы прекратить связь гарнизона с жителями предместий, на рассвете 21 февраля Ф.Ф.Левиз предпринял их общий штурм, во время которого морские полки сбили вражеские аванпосты и заняли форштадт Нейгард. Но при дальнейшем наступлении превосходящие силы французов контратаковали и оттеснили русских застрельщиков. В горячей перестрелке штабс-капитан 1-го морского полка А.И.Ермолаев был ранен пулей в правую ногу, майору 2-го полка Е.Р.Адамсу прострелили левую ногу ниже колена навылет, а уже знакомый нам герой взятия Курцола георгиевский кавалер штабс-капитан Ф.Х.Харитонов получил рану ружейной пулей в левое плечо. В свою очередь 12 марта французы атаковали позиции морских полков, но были отбиты с уроном.

11 апреля 1813 г. командование всеми русскими и прусскими войсками под Данцигом принял герцог Александр Вюртембергский. 15 апреля около 4 тысяч французов при поддержке 6 орудий и 4 канонерских лодок сделали вылазку против слабого отряда полковника Ф.Ф.Розена, расположенного на Нерунге (Данцигской косе), и оттеснили его к селению Юнкеракер. Тогда герцог направил Пейкера со 2-м морским полком и 6 орудиями в деревню Гросс-Плейендорф для наблюдения за левым берегом Вислы, а 1-му морскому полку и 200 ополченцам приказал на английских судах сделать высадку и соединиться с отрядом Розена. В результате предпринятых мер французы, разорив захваченные селения, отступили в крепость. 19 апреля морские полки вернулись в центр позиции к Шидельку и расположились в деревне Воннеберг (Воненберг). Поскольку к этому времени ополчение уже заняло позиции под Данцигом, Пейкер с полками 25-й пехотной дивизии выступил 28 апреля к главной армии в Дрезден. Однако герцог Вюртембергский, не желая оставаться без регулярных частей, добился возвращения дивизии 15 мая под Данциг.



Ведомость о чинах морских полков с указанием их местонахождения. Август 1813 г.
(РГВИА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 462. Л. 4–5)

Чинов	В действующей армии			В Санкт-Петербурге				У персидских берегов
	1-го полка	2-го полка	1-й и 2-й артиллерийских полурот	1-го полка	2-го полка	3-го полка	3-я артиллерийская полурота	Каспийского батальона
Строевых:								
Штаб-офицеров	3	7	1	–	–	8	–	2
Обер-офицеров	58	57	7	4	4	69	5	17
Унтер-офицеров	134	122	15	1	14	232	10	43
Музыкантов	40	51	1	1	4	68	1	10
Рядовых	1643	1783	70	65	325	2589	89	443
Нестроевых:								
Квартирмейстеров	1	–	–	–	–	1	–	–
Писарей	1	1	–	–	–	2	–	–
Разного значения чинов	108	105	14	2	34	174	1	21
Денщиков	64	53	–	–	–	69	–	19
Всего:	**2052**	**2179**	**108**	**73**	**381**	**3212**	**106**	**555**

За время боевых действий, проходивших в суровых условиях, численность морских полков уменьшилась вдвое. Требовалось срочно пополнить их людьми. В связи с этим еще 18 ноября 1812 г. Александр I велел начальнику 25-й пехотной дивизии генерал-майору П.Я.Башуцкому сформировать для морских полков новые 4-е запасные батальоны – по 80 унтер-офицеров, 17 барабанщиков, 2 флейтщика, 920 рядовых и 60 нестроевых в каждом. Завершив подготовку, запасные батальоны 1-го и 2-го морских полков выступили под Данциг. В мае 1813 г. они пришли к крепости и поступили на укомплектование действующих батальонов. Но долгий и трудный поход сделал свое дело, – в запасных ротах оказалась лишь половина солдат. Так, 2-й морской полк получил 6 подпрапорщиков и фельдфебелей, 37 унтер-офицеров, 12 музыкантов и 489 рядовых – то есть 53 % от штатного числа. В результате морские полки продолжали воевать под Данцигом, имея от трети до половины личного состава в разных литовских госпиталях. В конце концов, 9 августа 1813 г. в Белостоке решили составить новые запасные батальоны, которые вошли в Резервную армию под командованием князя Д.А.Лобанова-Ростовского. Эти батальоны готовили для полков пополнение, собирали отставших и возвращающихся из госпиталей солдат и одновременно несли охранную службу в Польше.

Вернувшись под Данциг 15 мая, Пейкер снова возглавил особый отряд из разных, в том числе прусских войск в центре осадной линии у деревни Воннеберг. Ночью с 18 на 19 мая его отряд захватил построенное неприятелем около Штольценберга укрепление для 4 орудий и срыл его, за что Пейкера наградили орденом Св. Анны 2-й степени. В ответ 28 мая французы предприняли сильную вылазку на Воннеберг. До 6 часов вечера морские полки вели упорный бой. Пейкер, *«командуя Воненбергским отрядом, удержал первое стремление неприятеля, не уступя нимало из своей позиции, храбростью и неустрашимостью принудил неприятеля, не воспользуясь ничем, ретироваться в форштадт»*. При отражении вылазки во 2-м морском полку были убиты унтер-офицер Илья Андреев, барабанщик Федор Иванов, 9 рядовых, и еще 3 рядовых умерли от полученных ран.

В то же время командир 1-го морского полка подполковник Э.Я.Рошет *«с командуемым им батальоном несколько раз бросался на штыки и нанес неприятелю значительный вред»*. Посланная в стрелки рота капитана А.В.Литвинова сбила вражеских вольтижеров и заставила их отступить за свои укрепления. При этом штабс-капитан А.А.Попов получил рану пулей в грудь у левого плеча, поручик П.И.Афонасьев оказался *«ранен пулей в брюхо и в мышцы левой руки в ладонь навылет»*, а прапорщик Н.А.Пущин ранен *«пулей в плечо навылет в грудь»*. Кроме того, поручик И.Я.Раздеригин получил рану пулей в лицо, а подпоручик Б.Е.Воинов контузию в левую ногу.

На следующий день 29 мая под Данциг пришло известие о заключении Плейсвицкого перемирия, и военные действия временно прекратились. За храбрость в сражении 28 мая Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия были награждены 7 нижних чинов 1-го морского полка и 8 нижних чинов 2-го морского полка. Кроме того, Георгиевский крест получил прикомандированный ко 2-му полку унтер-офицер 3-го морского полка Никифор Андреев. За отражение вылазки на Воннеберг полковника Пейкера наградили золотой шпагой с надписью «За храбрость».

12 августа 1813 г. военные действия под Данцигом возобновились. Получив дополнительные орудия, а также конгревовы ракеты из Англии, герцог Вюртембергский приступил к правильной осаде крепости. 1-й морской полк занял позицию на правом фланге русской линии возле предместья Ора. Ночью с 16 на

Ночная бомбардировка Данцига.

The night bombardment of Danzig.

Фрагмент раскрашенной гравюры И.-Р.Ругендаса. 1810-е гг.

17 августа русские войска атаковали Ору и штурмом взяли два редута около нее. При этом находившийся впереди поручик Г.Ф.Брыгин был ранен пулей в голову навылет, а командовавший стрелками подпоручик П.Д.Иванов *«неоднократно бросался на неприятельские шанцы, причем тяжело ранен пулей»* в левое плечо.

С наступлением дня 1-й морской полк вел работы, закрепляясь в захваченных редутах. В это время в центре линии у Пицкендорфа, где располагался отряд полковника М.Л.Трескина, *«от появившегося небольшого отряда неприятельского завязалось ничтожное было, а потом и весьма значительное дело»*. Генерал Рапп попытался вклиниться в оборону союзников. Но Пейкер, *«командуя отрядом при Воненберге, во время сильного нападения неприятеля на отряд полковника Трескина сильно ударил в левый фланг неприятеля, привел оного в расстройство, чем много способствовал к поражению оного, будучи сам везде примером храбрости и неустрашимости»*. Во фланговой контратаке 17 августа особенно отличился прусский ландвер, который бросился вперед и *«истребил все, что встретил или догнал»*.

Одержав успех в центре и на правом фланге у Оры, русские войска 21 августа атаковали противника с противоположной стороны в Лангфурте. Пытаясь перехватить инициативу боя, Рапп велел гарнизону сделать вылазки по всей линии. На правом фланге колонна французов попыталась отбить захваченные 17 августа редуты у Оры, но была встречена 1-м морским полком. Подполковник Э.Я.Рошет *«при вылазке неприятеля из форштадта Оры командовал всеми стрелками с отличным искусством и благоразумием и личной храбростью подавал пример подчиненным, храбро и неустрашимо ударил на неприятеля, приведя его в расстройство, чем способствовал к прогнанию неприятеля из Оры и занятию сего форштадта»*. 1-й морской полк не только отбил противника, но и, опрокинув его, занял предместье. Отмечая заслуги Рошета, герцог Вюртембергский докладывал: *«Вообще сей отличнейший по корпусу офицер во всех делах показывает примерную храбрость и благоразумие и превосходит всякую похвалу»*.

Одновременно с атакой Оры французы сделали сильный натиск из Штольценберга на центр союзной линии. Здесь противника встретил командир 2-го морского полка майор С.Т.Федоров, который, *«командуя половиной полка, одной дистанции в 4-х шанцах защищался, а другой прикрывал 14 орудий, имея из оной части по всей линии стрелков, распоряжал во всех частях с отличным усердием, во всех местах обращал в бегство неоднократно высылаемых неприятельских стрелков»*. Первый удар французов принял подпоручик Марков, который *«как опытный и храбрый офицер удержал первый его стремление, быв ранен, остался управлять вверенною ему частью стрелков, где он и ранен вторично»*. Подкрепить Маркова послали подпоручика Н.Г.Коробицына. Он помог опрокинуть французов и после второго ранения Маркова принял командование стрелками. Развивая успех, поручик Я.О.Малачкин захватил вражеский пикет в окопе перед Штольценбергом.

Несмотря на упорный бой, потери 2-го морского полка оказались невелики – убит 1 рядовой, 1 пропал без вести, несколько человек ранены. За доблесть 17 и 21 августа командир полка майор С.Т.Федоров – герой Афонского сражения и георгиевский кавалер – был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а шефа полка полковника А.Э.Пейкера император произвел 15 сентября в генерал-майоры.

Отразив вылазки и укрепив позицию, герцог Вюртембергский решил заложить первую осадную траншею (параллель) против ключевой горы Бишофсберг, доминирующей над Гагельсбергом. Но для обеспечения траншеи от

Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Military St. George Order for privates end noncommissioned officers.

(ГИМ)

Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия, часто именовавшийся в просторечье Георгиевским крестом, являлся высшей и наиболее почетной боевой наградой для нижних чинов. За храбрость в боях 1812–1813 гг. таким крестом были награждены самые отважные моряки Гвардейского экипажа, гренадеры и солдаты 1-го и 2-го морских полков, а также Каспийского морского батальона.

продольного флангового огня требовалось сначала захватить предместье Шотенгейзер. Ночью с 4 на 5 сентября батальон 1-го морского полка совершил вылазку и занял близлежащие неприятельские шанцы. Для последующего взятия Шотенгейзера был придуман хитрый план. Ночью с 28 на 29 сентября союзники начали бомбардировку Данцига с противоположной стороны у Оливских ворот и зажгли город. Когда французы сосредоточились в направлении Лангфурта, три русско-прусские колонны неожиданно атаковали Шотенгейзер. В третьей колонне из Оры наступал 1-й батальон 1-го морского полка. Союзники с ходу заняли три передовых редута, и морские стрелки ворвались в предместье. Но Рапп быстро сориентировался и бросил в контратаку знаменитую «Адскую роту» отчаянных головорезов капитана А.Шамбюра. Завязался упорный бой, в ходе которого погиб прапорщик 1-го морского полка Сидоров. Тогда майор А.М.Образцов *«с частью батальона был послан на подкрепление, ударил на стремившегося неприятеля и его опрокинул»*.

Между тем, видя, что французы втянулись в бой за Ору, герцог Вюртембергский приказал майору 2-го морского полка З.П.Жукову атаковать в центре два шанца на отлогой стороне высоты, спускающейся от Шидлица к Воннебергу, – передний на 10 человек и за ним еще один на 40 стрелков. Жуков послал штабс-капитана 2-й мушкетерской роты Н.Я.Сафонова с 50 солдатами, который *«благоразумием своим и неустрашимостью выбил неприятеля и занял шанцы»*. В это время у Оры французы получили подкрепление и, в конце концов, вытеснили союзников из сожженного Шотенгейзера. Однако пруссаки удержали захваченные ночью ключевые высоты, где к утру построили батареи. Под их огнем французы очистили разоренное предместье и отошли к Иезуитскому монастырю.

После разгрома Шотенгейзера осаждающие заложили первую параллель. С этого времени начались грандиозные земляные работы, охватывавшие Бишофсберг и продвигавшие траншеи зигзагами вперед. 7 октября была закончена первая линия по правому флангу и открыта бомбардировка города из мортир. Роты 2-го морского полка с 9 октября находились в отряде, прикрывавшем от вражеских вылазок траншейные работы и строительство новых редутов. 1-й морской полк занимал в это время Ору, вернее, ее обгорелые развалины без единого целого дома. Здесь под командой Рошета располагался также батальон Ярославского ополчения и 2 орудия легкой роты № 11. 20 октября французы сделали со стороны Иезуитского монастыря сильную вылазку для разрушения траншейных работ. Но 1-й морской полк отбил неприятеля, причем штабс-капитан Дедевкин и поручик Поликарпов были убиты, а прапорщик И.В.Никольский контужен в локоть правой руки. Всего за октябрь 1813 г. в 1-м морском полку погибли 2 унтер-офицера и 20 рядовых, без вести пропали 14 рядовых, умерли в госпиталях 1 унтер-офицер и 6 рядовых.

В центре позиции осадные работы неуклонно продвигались к Штольценбергу. Наконец, ночью с 20 на 21 октября 2-й морской полк штурмом взял это предместье. Во время атаки под командиром полка майором С.Т.Федоровым была убита лошадь, а сам он при падении получил контузию в левый бок. На рассвете французы яростно контратаковали. Командовавший колонной из двух рот 2-го морского полка капитан Марков 2-й и его родной брат, дважды раненный в сражении 21 августа храбрый подпоручик Марков 4-й, *«упорно оборонявшие занятый у неприятеля пост, пали мертвы на месте действия от орудия неприятельского»*. Потеряв начальников, морские солдаты были вытеснены из предместья. Но уже следующей ночью союзники организовали новую атаку Штольценберга, в ходе которой опять взяли предместье и 22 октября закрепились на ключевых высотах. В этих боях, кроме братьев Марковых, 2-й морской полк потерял убитыми фельдфебеля Андрея Плужникова, 2 подпрапорщиков, 3 унтер-офицеров и 23 рядовых. 39 рядовых

пропали без вести. Капитаны Борисов, Утинский и штабс-капитан Колокольцев умерли позднее от тяжелых ран. Поручик С.П.Веселовский получил рану картечью в правую ногу выше колена, а прапорщик В.В.Марченков – рану пулей в правую руку. Узнав о трагической смерти братьев Марковых, Александр I *«в воздаяние усердной и ревностной службы положивших жизнь свою противу неприятеля, бывших единственной подпорой семейства»*, установил их престарелым родителям пенсию в размере жалованья обоих офицеров.

После захвата высот в центре позиции союзники заложили параллель против Бишофсберга. С 23 октября роты 2-го морского полка ходили в стрелки для охраны траншей, а также участвовали в осадных работах. При этом полк нес постоянные потери от вражеских ядер: 1 ноября в траншее был убит 1 рядовой, 2 ноября еще 1, 5 ноября –1 унтер-офицер и 6 рядовых, 8 ноября – 3 рядовых, 15 ноября – 2 рядовых. Но эти жертвы оказались не напрасными. Ввиду явных успехов осадных работ французы начали 13 ноября переговоры о сдаче крепости и 18 ноября подписали первую капитуляцию, отправленную на утверждение к Александру I.

Военные действия временно прекратились. Хотя император не одобрил предварительные условия сдачи Данцига, боевые действия уже не возобновлялись. Тем не менее, морские полки продолжали нести потери от суровых условий службы и болезней. Так, в 1-м морском полку в декабре умерли в разных госпиталях 1 унтер-офицер и 34 рядовых.

Наконец, 17 декабря 1813 г. была заключена новая капитуляция, и на следующий день русские войска заняли городские ворота, получив ключи от Данцига. Утром 21 декабря осадный корпус, в том числе морские полки, построился возле Гагельсбергских укреплений. Французские дивизии вышли из Данцига и положили оружие на гласисе, после чего союзники торжественно вступили в город. С падением крепости из плена вернулись 16 рядовых 1-го морского полка и 3 рядовых 2-го морского полка, захваченные французами при разных вылазках и стычках. По случаю капитуляции Данцига многие офицеры 1-го и 2-го морских полков получили русские и прусские боевые ордена, а для отличившихся нижних чинов в каждый полк прислали по 19 Георгиевских крестов.

Так завершились для морских полков славные походы 1812–1813 гг. Правда, четырем рядовым 2-го морского полка довелось дойти до самого Парижа. Еще летом 1812 г. в Петербурге их прикомандировали к Олонецкой и Вологодской ополченческим дружинам для строевого обучения ратников. Вместе с ними они прошли всю Европу, участвовали во многих сражениях и 19 марта 1814 г. вступили в столицу Франции.

Обер-офицер 1-го морского полка в парадной форме. 1813–1817 гг.

A 1st Naval Regiment junior commissioned officer clad in the dress uniform. 1813–17.

Рисунок художника А.В.Каращука. 2005 г.

Каспийский морской батальон в Талышинской экспедиции 1812 года

Библиография и источники:

Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. II. СПб., 1886.

Махлаюк Н.П. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Тифлис, 1900.

РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 490, 492; Ф. 489. Оп. 1. Д. 6761–6765.

Генерал-майор Петр Степанович Котляревский.

Maj.-Gen. P.S. Kotlyarevsky.

Портрет кисти А.В.Каращука. 2001 г.

Год 1812-й стал суровым испытанием не только для морских полков, но и боевым крещением для Каспийского морского батальона на другом конце Российской империи. *«О Закавказском крае в 1812-м году Россия совсем забыла, как будто он ей не принадлежал, как будто он никогда не существовал,* – вспоминал один из современников. – *А между тем война с Персией там не прекращалась, и ручьями текла благородная кровь русских воинов»*[47]. Во время этой десятилетней войны Каспийская флотилия охраняла морское побережье и содействовала сухопутным операциям русских войск. В 1807–1811 гг. солдаты и офицеры Каспийского морского батальона ежегодно участвовали в плаваниях к берегам Персии, Дербентского, Кубинского, Бакинского, Ширванского и Талышинского ханств. Тем не менее, батальон имел не вполне благоприятную репутацию. Его первый командир полковник М.М.Боргужинский в марте 1810 г. был арестован за ослушание начальства и отправлен под суд в Астрахань. Вместо него командование батальоном в 1811 году принял уже знакомый нам герой Афонского сражения, георгиевский кавалер майор Федор Васильевич Повалишин, переведенный из 2-го морского полка.

Между тем, хотя еще в октябре 1806 г. Бакинское ханство удалось подчинить русским властям, в нем для спокойствия и охраны требовалось постоянное присутствие регулярных войск. 19 октября 1810 г. на основе батальона Астраханского гарнизонного полка началось формирование нового Бакинского гарнизонного полка. Однако его создание шло медленно. В связи с этим 15 апреля 1811 г. Александр I велел отправить в Баку для несения гарнизонной службы Каспийский морской батальон. Уже 27 мая его четыре роты отплыли из Астрахани на двух купеческих шкоутах и двух транспортах. 24 июня 1811 г. батальон прибыл в Баку и приступил к охране Бакинского ханства. Кроме того, выделенная им солдатская команда, равная по численности целой роте, несла обычную службу на кораблях Каспийской флотилии, защищавшей приграничное с Персией Талышинское ханство – небольшую область с центром в Ленкорани. В феврале 1812 г. две роты Каспийского батальона отправили из Баку в Ленкорань для поддержки верного союзника России Мир-Мустафы-хана.

В конце июля 1812 г. армия наследного персидского принца Аббас-мирзы подошла к границам Талышинского ханства, собираясь наказать Мир-Мустафу-хана за верность России, разорить его владения и затем, перейдя Куру, вторгнуться в Грузию. Ближайшие русские войска находились за сотни верст от Ленкорани, и талышинцы могли рассчитывать лишь на Каспийскую флотилию. По приказу главнокомандующего в Грузии генерал-лейтенанта Н.Ф.Ртищева две роты Каспийского морского батальона спешно отплыли 6 августа из Баку и соединились с двумя ротами в Ленкорани. Однако защищать город, практически не имевший никаких укреплений, не представлялось возможным. В связи с этим майор Ф.В.Повалишин решил при необходимости оборонятся в Сенгерской крепости, расположенной в 4 верстах к северу от Ленкорани на тянущейся вдоль каспийского побережья узкой косе Гомюшаван (см. карту на стр. 231).

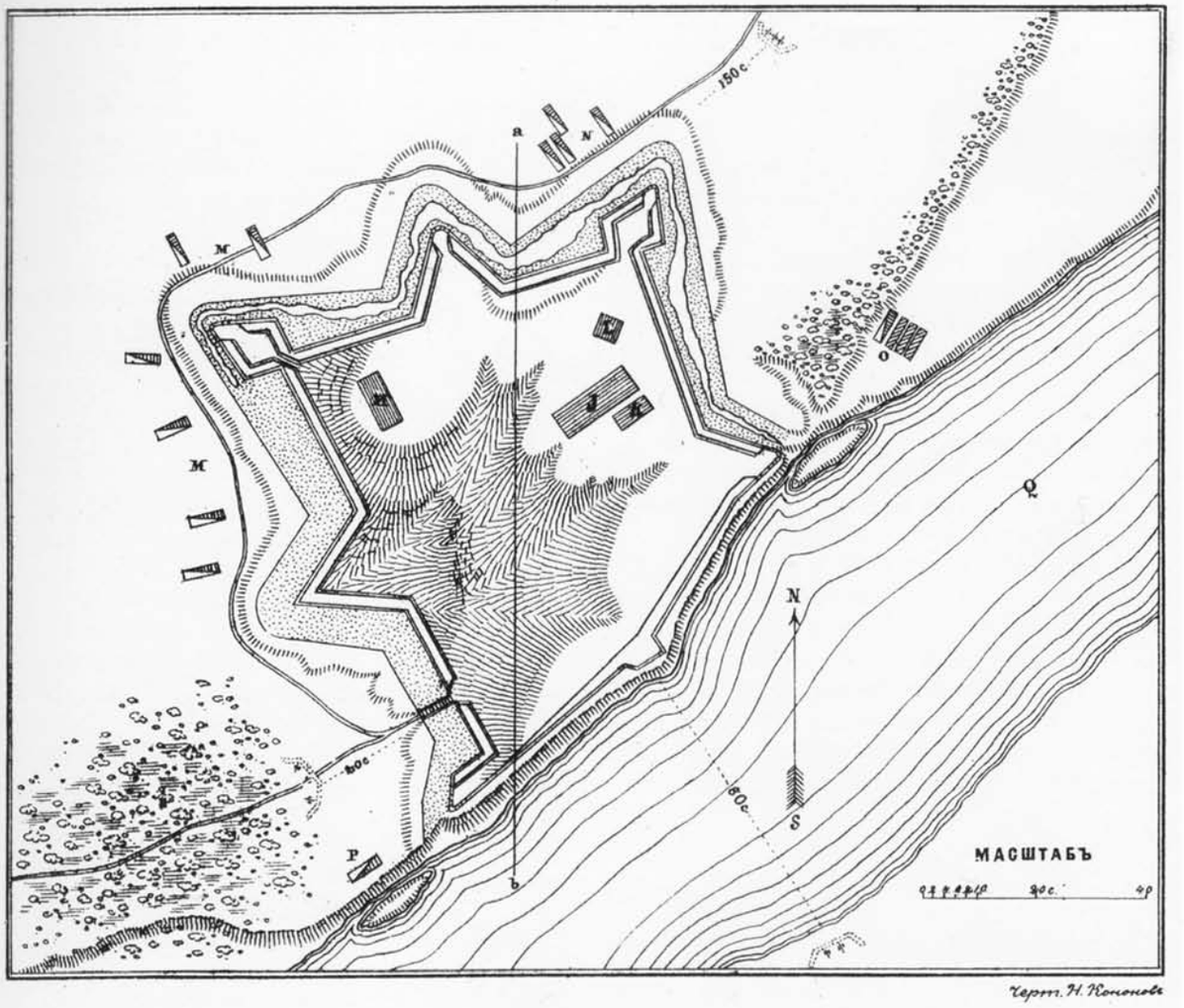
Утром 9 августа 1812 г. около 20 тысяч персов подошли к Ленкорани. Отбив их первую попытку форсировать реку, Каспийский батальон двинулся к Сенгеру, увозя с собой Мир-Мустафу-хана и всю его семью. После отхода морских рот персы ворвались в город и устроили грабеж. Но основные их силы продолжили преследование Каспийского батальона и подошли к Сенгерской крепости. Рассчитывая на быструю победу, персы открыли огонь из 8 орудий и с музыкой и барабанным боем бросились на штурм. Казалось, что тысячи разъяренных воинов Аллаха легко сомнут четыре сотни морских солдат. Но защитникам помогла предусмотрительность их опытного командира Ф.В.Повалишина. Узкая коса позволяла персам

[47] *Вигель Ф.Ф.* Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 777.

Plan of the Lenkoran fortress.

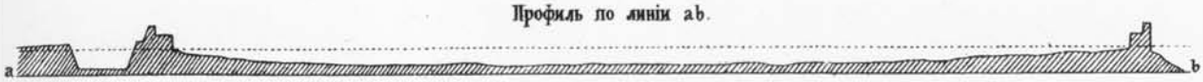
ПЛАНЪ КРѢПОСТИ ЛЕНКОРАНИ

съ показаніемъ взятія оной штурмомъ 31 декабря 1812 года.



Черт. Н. Кононовъ

Профиль по линіи ab.



ЭКСПЛИКАЦІЯ.

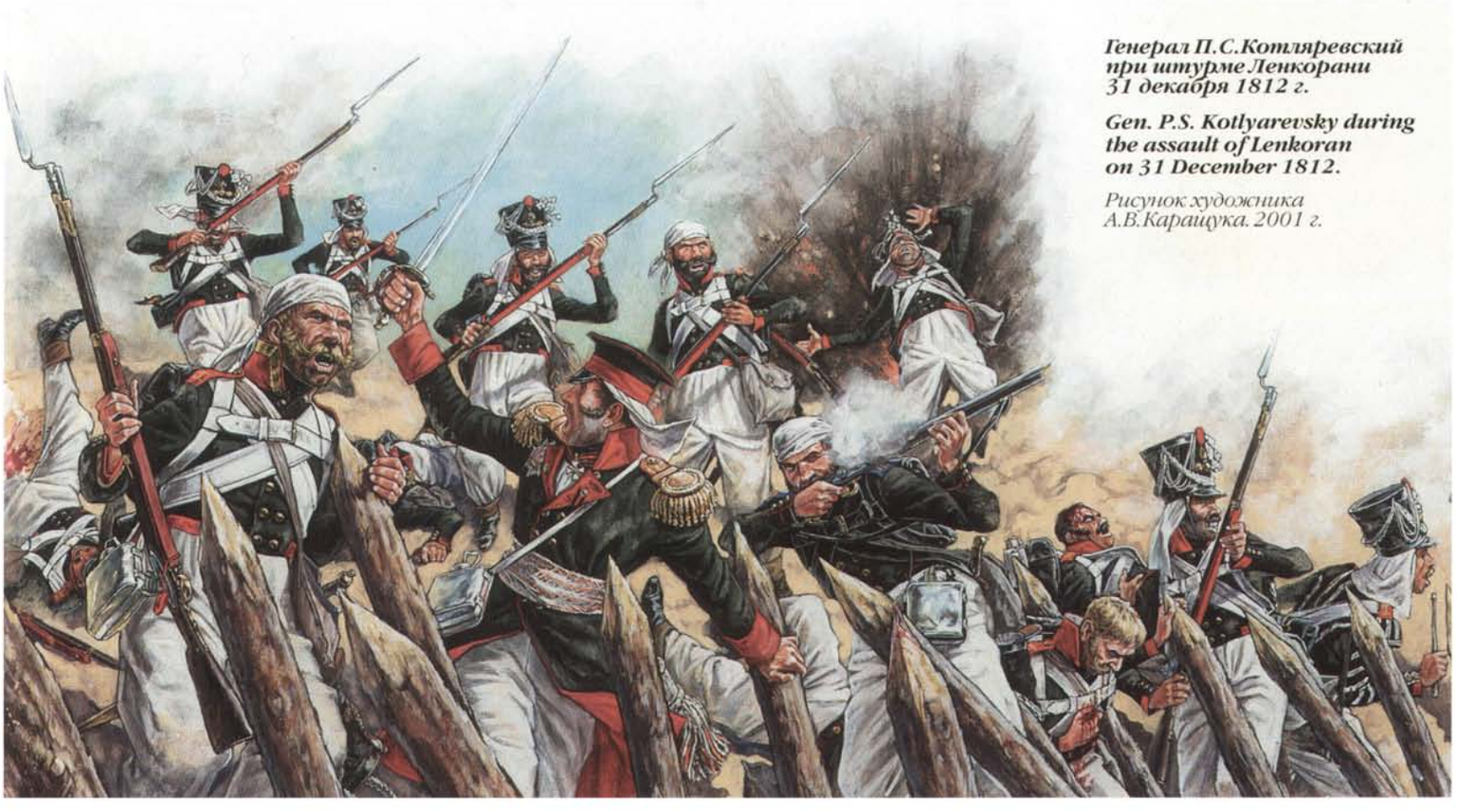
H. Мечеть каменная.
J. Развалины Ханскаго дома.
K. Баня
L. Погребъ
M. Первая колонна при штурмѣ, состоящая изъ 6ти ротъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, подъ командою подполковника Ушакова
N. Вторая колонна при штурмѣ, состоящая изъ 297ми человѣкъ Морскаго Каспійскаго баталіона и 2хъ ротъ Троицкаго пѣхотнаго полка, подъ командою Маіора Повалишина
O. Третья колонна при штурмѣ, состоящая изъ 350ти человѣкъ 17го Егерскаго и одной роты Грузинскаго Гренад. полковъ, подъ командою Маіора Терешкевича
P. Рота Грузинскаго Гренад. полка, производившая фальшивую атаку.
Q. Черезъ рѣку Ленкоранку бродъ.
По всей крѣпости къ брустверу были кровли, подъ коими укрывались Персіяне, составлявшіе гарнизонъ — крѣпости.

атаковать только с фронта. Собрав все силы на этом направлении, Каспийский батальон встретил противника сильным ружейным огнем. В то же время к Гомюшавану подошли суда Каспийской флотилии, обрушившие на персов артиллерийский огонь с моря. Попав под перекрестный обстрел, штурмующие отступили с большими потерями. За доблестную защиту Сенгера капитан Каспийского морского батальона А.М. Боргужинский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Не сумев взять Сенгер штурмом, персы под руководством английских инструкторов приступили к правильной осаде. Хотя защитники крепости и бомбардирский корабль «Гром» обстреливали вражеские позиции, осадные работы шли довольно успешно. В то же время персы разорили Талышинское ханство, загнали местное население в горы, почти полностью снесли Ленкорань и стали строить на ее месте новую мощную крепость. В этой критической ситуации начальник Каспийской флотилии капитан 1 ранга Е.В.Веселаго обратился за помощью к командовавшему войсками в Карабахе генерал-майору П.С.Котляревскому. Сообщение Веселаго крайне раздосадовало генерала, который считал, что *«ежели Аббас-Мирза успеет овладеть Талышинским ханством, то это сделает нам такой вред, который невозможно будет поправить»*. Не зная всех обстоятельств, Котляревский заочно составил плохое мнение о Каспийском морском батальоне, относя падение Ленкорани на его неопытность и слабость.

Выступив навстречу армии Аббас-мирзы, Котляревский 19–20 октября 1812 г. полностью разгромил персов при Асландузе. Приведя войска в порядок после сражения, Котляревский 17 декабря двинулся из Карабаха для освобождения Талышинского ханства. 18 декабря его отряд (около 1500 солдат, 470 казаков, 6 орудий) форсировал Аракс, прошел 19 и 20 декабря 80 верст по безводной Муганской степи, подвергаясь жестокой стуже и метелям, вступил 21 декабря в Талышинское ханство и занял 22 декабря укрепление Аркеван. Преследуя отступающих персов, войска Котляревского 25 декабря подошли к Гомюшавану и соединились с Каспийским морским батальоном. Оставив в Сенгере небольшой отряд капитана А.М.Боргужинского, майор Ф.В.Повалишин повел батальон к Ленкорани. К нему также присоединились офицеры бомбардирского корабля «Вулкан» лейтенант А.Е. фон Кригер и мичман Д. Я.Головнин.

26 декабря русские войска подошли к Ленкорани. За пять месяцев персы успели построить здесь сильную крепость. Комендант и начальник четырехтысячного гарнизона Садык-Каджар-хан гордо отверг предложения о сдаче, и Котляревский стал готовиться к штурму. 30 декабря он отдал свой знаменитый приказ, в котором говорилось: *«Истощив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию оружию российскому, как только силою штурма. Решаясь приступить к се-*



Генерал П.С.Котляревский при штурме Ленкорани 31 декабря 1812 г.

Gen. P.S. Kotlyarevsky during the assault of Lenkoran on 31 December 1812.

Рисунок художника А.В.Карайцука. 2001 г.

Штурм Ленкорани войсками генерала П.С.Котляревского 31 декабря 1812 г.

Assault of Lenkoran by Gen. P.S. Kotlyarevsky's troops on 31 December 1812.

Фотография с картины художника Ф.А.Рубо, выполненной в 1893 г. для Кавказского военно-исторического музея (Храма Славы) в Тифлисе. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На переднем плане картины изображен штурм угловой батареи крепости колонной майора Ф.В.Повалишина, состоявшей из Каспийского морского батальона и двух рот Троицкого пехотного полка. Первым на батарею ворвался поручик Каспийского морского батальона Н.Х.Карцов, раненный и контуженный при штурме в правую руку.

му последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость или всем умереть – за тем мы сюда присланы. Я предлагал два раза неприятелю сдачу крепости, но он упорствует, так докажем же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться не может. Не такие крепости брали русские и не у таких неприятелей, как персияне – сии против тех ничего не значат.

Предписываю всем: первое – послушание; второе – помнить, что чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницы, тем менее урону и вернее взята крепость; опытные солдаты сие знают, а неопытные поверят; третье – не бросаться на добычу под опасением смертной казни пока совершенно не кончится штурм, ибо прежде конца дела на добыче солдат напрасно убивают. По окончании же штурма приказано будет грабить, и тогда все солдатское, кроме что пушки, знамена, ружья со штыками и магазины принадлежат Государю.

Диспозиция штурма будет дана особо, а теперь остается мне только сказать, что я уверен в храбрости опытных офицеров и солдат Грузинского гренадерского, 17-го егерского и Троицкого пехотного полков, а малоопытные Каспийского батальона, надеюсь, постараются показать себя в сем деле и заслужить лучшую репутацию, чем до сего между неприятелями и чужими народами имеют. Впрочем, ежели сверх всякого ожидания, кто струсит, тот будет наказан как изменник, и здесь, вне границы, труса расстреляют или повесят, несмотря на чин».

Штурмовать Ленкорань предполагалось тремя колоннами. Майор Ф.В.Повалишин командовал второй колонной из Каспийского морского батальона и двух рот Троицкого пехотного полка. Согласно диспозиции, *«в пять часов по полуночи колонны выступают с назначенных им пунктов, имея впереди стрелков, и следуют к крепости с крайней тишиной и скоростью; если неприятель не откроет огня, то стрелки отнюдь не стреляют, когда же от неприятеля бу-*

Потери Каспийского морского батальона при штурме крепости Ленкорань 31 декабря 1812 г.

	Офицеры	Фельдфебели	Унтер-офицеры*	Барабанщики	Рядовые
Участвовали в штурме	11	4	29	2	264
Общие потери при штурме	7	3	13	1	122
В том числе:					
Убиты при штурме	2	1	4	–	53
Умерли от ран	1	–	2	1	35
Ранены**	4	2	7	–	34

* Включая подпрапорщиков и портупей-юнкеров.

** Численность раненых унтер-офицеров и рядовых установлена по сохранившимся формулярным спискам солдат Каспийского морского батальона и может быть скорректирована в сторону увеличения.

Сведения об офицерах и фельдфебелях Каспийского морского батальона, участвовавших в штурме крепости Ленкорань 31 декабря 1812 г.
(составлено по материалам: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6761–6765)

Чин	Имя, отчество, фамилия	Судьба при штурме	Награды
Майор	Федор Васильевич Повалишин	Ранен в левую ногу	Чин подполковника
Капитан	Авдей Мартынович Полетика	Ранен двумя ружейными пулями в правую ногу навылет	Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом
Поручик	Николай Харитонович Карцов 1-й	Ранен пулей в правую руку с повреждением кости и контужен в кисть той же руки, отчего перестал владеть правой рукой	Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и чин штабс-капитана
Поручик	Александр Харитонович Карцов 2-й		Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом
Поручик	Петр Яковлевич Медведев	**Умер от ран 6 февраля 1813 г.**	Был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом
Подпоручик	Григорий Васильевич Волоцкой		Орден Св. Анны 3-й степени
Подпоручик	Игнатий Яковлевич Ханыков	**Убит**	–
Подпоручик	Николай Леонтьевич Арбузов	Ранен ружейной пулей в левую ногу навылет	Орден Св. Анны 3-й степени
Прапорщик	Василий Якимович Синицын	**Убит**	–
Прапорщик	Иван Петрович Ащерин	Ранен ружейной пулей в левую руку с раздроблением кости	Орден Св. Анны 3-й степени
Прапорщик	Михаил Иванович Безсонов		Орден Св. Анны 3-й степени
Фельдфебель	Василий Климович Фалеев	Ранен пулей в спину навылет	Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия и серебряный рубль
Фельдфебель	Лаврентий Матвеевич Матвеев	**Убит**	–
Фельдфебель	Михаил Николаевич Николаев	Ранен пулей в левую руку	Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия и серебряный рубль
Фельдфебель	Матвей Иванович Нахлесткин		Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия и серебряный рубль

дет сильный огонь, то стрелки тотчас бьют по неприятелю, а колонны наиспешнее ставят лестницы и взбегают на батарею и на стены. <…> Каждая колонна, как скоро возьмет назначенную ей батарею, тотчас поворачивает неприятельские орудия и стреляет картечью в середину крепости, между тем очищает стены от себя вправо и влево. <…> Барабанщики в колоннах отнюдь не бьют тревогу, пока не будут люди на стенах; люди в колоннах не стреляют и не кричат "Ура!", пока не влезут на стену. Когда все батареи и стены будут заняты нами, то в середину крепости без приказания не ходить, но бить неприятеля только картечью из пушек и ружей. Не слушать отбоя – его не будет, пока неприятель совершенно [не] *истребится или* [не] *сдастся, и если прежде, чем все батареи и все стены будут заняты, ударят отбой, то считать оный за обман <…> Так как уже сказано в приказе, что отступления не будет, то остается теперь сказать, что если, сверх чаяния, которой либо колонны люди замнутся идти на лестницы, то всех будут бить картечью».*

В пять часов утра 31 декабря 1812 г. три русские колонны двинулись на штурм. Под сильным вражеским огнем они спустились в ров и приставили лестницы. Персы защищались отчаянно, стреляя из пушек и ружей, а также пустив в дело пики, рогатки, подсветы, ручные гранаты и даже горящую нефть. Три часа длился упорный штурм. Когда погиб начальник первой колонны подполковник Ф.И.Ушаков, а его войска были сброшены в ров, Котляревский лично возглавил приступ. Пуля попала генералу в правую ногу. Придерживая рукой колено, он спокойно повернул голову и, указав солдатам на лестницы, громко крикнул: *«Сюда!»*. Войска снова бросились на штурм. В это мгновение две пули поразили Котляревского в голову, и он упал среди многочисленных трупов. *«Но в ту минуту, как силы меня оставляли,* – вспоминал впоследствии храбрый генерал, – *я, как бы в сладком сне, слышал высоко над своей головой победное "Ура!", вопли персиян и их мольбы о пощаде»*. Сломив отчаянное сопротивление гилянских стрелков, первая колонна ворвалась в крепость и открыла ворота.

В это время вторая колонна не менее упорно штурмовала батарею на другом углу крепости. Персы расстреливали атакующих в упор. Большинство офицеров и множество морских солдат были ранены или убиты. Несмотря на огромные потери, Каспийский батальон продолжал приступ. Успех первой колонны помог, наконец, колонне Повалишина взобраться на стену. Поручик Каспийского батальона Н.Х. Карцов *«первый влез на крепость и овладел 12-фунтовым орудием с наличными людьми, где получил рану в правую руку с повреждением кости и оной же руки*

в кисть контузию». Ворвавшись на батарею, морские солдаты вступили в жестокую рукопашную схватку с превосходящим гарнизоном. По словам велеречивых персидских летописцев, *«натиск штурмующих и отчаянное сопротивление оборонявшихся были доведены до крайних пределов. Мышцы рук от взмаха и опускания меча, а пальцы от взвода и спускания ружейного курка в продолжение шести часов были лишены возможности насладиться отдохновением. Бой на стенах и в крепости был до того кровопролитен, что от грома и молний пушечных и ружейных выстрелов даже сами облака разразились каплями кровавого дождя».*

В ожесточенной рукопашной схватке русские солдаты почти полностью истребили ленкоранский гарнизон. Садык-Каджар-хан и еще 10 знатных ханов пали в бою. Часть персов, пытаясь спастись, бежала через крепостную стену, обращенную к реке. Но солдаты беспощадно расстреливали плывущих по реке сарбазов. *«На другой день утром,* – свидетельствует персидская летопись, – *как только солнце обнаружило с востока желтизну своего блестящего света, оказалось, что множество защитников Ленкорана переселилось в мир небытия. Солнечный диск озарил своим сиянием горы и изумился, увидав речку, вливающуюся в море обагренной кровью».* В крепости и по берегам реки насчитали 3737 убитых персов. Но и русские понесли огромные потери. Половина солдат были ранены или убиты. Из 11 офицеров Каспийского батальона при штурме уцелели лишь трое (см. таблицу).

Обезображенного генерала Котляревского с трудом нашли во рву среди трупов. Его лицо было перекошено, правый глаз выбит, челюсть раздроблена, наружу торчали черепные кости. Жизнь отважного героя с трудом удалось спасти. *«Пусть строгая тактика называет штурм сей дерзостью,* – доносил Котляревский, – *в позднейшие времена передастся, что 1500 человек русских штурмовали крепость, защищаемую 4000 персиян; передастся также и то, что девиз штурмового отряда был или всем умереть или взять крепость. <...> Сим штурмом достойно запечатлен 1812 год. Как при воспоминании сего незабвенного для России года всякий россиянин возвысится духом, так при имени Ленкорана персиянин вздрогнет и преклонит колено славе русской».* Действительно, падение крепости, считавшейся неприступной, потрясло Тегеран. *«Известие о взятии Ленкорана,* – гласит персидская летопись, – *присоединяясь к молве об Асландузском сражении, породило в делах Ирана некоторого рода слабость».* 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистанский мирный договор, по которому Персия признала присоединение к России *«на вечные времена»* Карабахского, Ганжинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышинского ханств, а также исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море.

Лейтенант 45-го флотского экипажа Александр Евграфович фон Кригер.

Ensign Alexander Yevgraphovich von Krieger, 45th Naval Unit.

Портрет кисти неизвестного художника. 1817 г. (Музей В.А.Тропинина и московских художников его времени)

В 1812 г. лейтенант А.Е. фон Кригер служил на бомбардирском корабле «Вулкан» Каспийской флотилии. 31 декабря 1812 г. участвовал в штурме Ленкорани и за храбрость был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

За взятие Ленкорани Александр I наградил Котляревского орденом Св. Георгия 2-го класса. Вспоминая свои победы, израненный герой говорил: *«Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна, чем пролитая в Европе, на берегах Москвы и Сены, а пули галлов и персов причиняют одинаковые страдания».* Все участвовавшие в штурме нижние чины Каспийского морского батальона получили от императора по серебряному рублю. Кроме того, 3 фельдфебеля, 3 унтер-офицера и 9 рядовых были награждены Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Командование русскими войсками в освобожденном Талышинском ханстве принял начальник Каспийской флотилии капитан 1 ранга Е.В.Веселаго. Каспийский морской батальон расположился в Ленкорани, откуда высылал команды для охраны Аркеванского, Кизил-Агачского, Джейранбаргинского и Герминского пограничных постов. С этого времени началась долгая и трудная служба морских солдат на самой южной окраине Российской империи.

Реформа морской пехоты в 1813 году и ее последствия

Библиография и источники:

Виноградский И.А. Исторический очерк Резервного Гвардейского экипажа. // Морской сборник. 1902. № 3. С. 27–32.

Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. / в кн.: *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 г. М.–Л., 1926. С. 153–206.

Егоров И.В. Моряки-декабристы. Л., 1925.

Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский Экипаж. СПб., 1996.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2948; Ф. 29. Оп. 1/153в. Д. 129; Ф. 35. Оп. 3.Св. 124. Д. 784; Ф. 396. Оп. 2. Д. 462.

Пока морские полки сражались под Данцигом, в их судьбе произошла принципиальная реформа. Как ни странно, но именно участие полков в сухопутных операциях предопределило их окончательную замену на флоте вооруженными матросами. Эта идея соответствовала политике Александра I, о которой известный военный историк генерал-лейтенант М.И.Богданович (1805–1882) писал: *«Беспрестанные войны, веденные Россией с 1805 по 1815 год, заставя правительство обратить исключительное внимание на умножение и содержание военно-сухопутных сил, были причиной тому, что наш флот оставался в небрежении. <...> Александр I не занимался этой частью и, мало ценя подвиги моряков, благоволил только к одному из них, Павлу Васильевичу Чичагову, да и тот обратил на себя внимание государя не заслугами на морском поприще, а многосторонним образованием и твердостью характера»*[48].

Преемник П.В.Чичагова на посту Министра морских сил маркиз И.И. де Траверсе такой твердости не проявлял. Его доктрина не предполагала постоянных военных экспедиций, смелых десантных операций, создания дальних баз и самостоятельных действий флота против берега. В этой ситуации морские полки из боевых частей все больше превращались в портовые караульные команды. С уходом 1-го и 2-го морских полков на войну, а 3-го в Петербург внутреннюю службу в Кронштадте и Ревеле возложили на корабельные и гребные экипажи. В связи с этим маркиз де Траверсе подал 5 марта 1813 г. Александру I доклад, в котором говорилось: *«Морские полки по штату назначены были для корабельного флота, где в последствии времени надобность в них миновалась, когда флотские экипажи, обучавшиеся строевой службе, заменяют солдат, а в случае надобности в десантных войсках и для гребного флота оные всегда определяются из армейских. По сим причинам Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелеть здешние три морских полка с их артиллерийскими полуротами причислить в состав сухопутной дивизии и артиллерийской бригады, и из них уже отправлены к действующей армии первый и второй морские полки и две артиллерийские полуроты. Хотя уже они во всем зависят непосредственно от распоряжений сухопутного начальства, но поныне числятся в Морском ведении и относятся к нему для получения разных снабжений. Посмею всеподданейше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет указать помянутые морские полки, равно и 4-й полк с их артиллерийскими полуротами, и Каспийский морской баталион, употребляемый в Баку вместо гарнизона, обратить совсем из морского в сухопутное военное ведомство»*[49].

Адмирал маркиз Иван Иванович де Траверсе.

Adm. Marquis Jean de Traversay.

Портрет кисти неизвестного художника начала XIX в. (ЦВММ)

В 1811–1828 гг. маркиз И.И. де Траверсе возглавлял Морское министерство. По его предложению в 1813 г. состоялся перевод морских полков в сухопутное ведомство.

Александр I, остро нуждавшийся в пехотных дивизиях для борьбы с Наполеоном, благосклонно встретил предложение маркиза и 16 марта утвердил его доклад. К октябрю 1813 г. морское ведомство полностью рассчиталось с полками, после чего они окончательно перешли в ведение пехотных дивизий, а Каспийский морской батальон был оставлен для несения гарнизонной службы в Талышинском ханстве. Немного дольше занял перевод артиллерийских полурот в полевую артиллерию, завершившийся к концу марта 1816 г.[50] В продолжение политики по замене морской пехоты вооруженными матросами 1 февраля 1817 г. расформировали Охотскую морскую роту. Ее офицеров определили в полки Сибирской линии, а нижних чинов перевели матросами в Охотский флотский экипаж, которому велели обучаться сухопутной строевой службе. Таким образом, спустя век после указа Петра Великого, российский флот лишился своей морской пехоты. Правда, четыре полка и Каспийский батальон еще долго хранили в своем названии слово «морской», а также белые флотские выпушки на обмундировании. В сухопутных сражениях они покрыли себя новой славой, с честью продолжив боевые традиции российской морской пехоты (см. Главу VII).

Реформы 1813 года затронули и Гвардейский экипаж. После ухода его 4 рот и артилле-

[48] *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского флота. М.–Л., 1939. С. 300.

[49] РГВИА. Ф.1. Оп. 1. Д. 2948. Л. 1–3.

[50] РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153в. Д. 162а. Ч. 10.

рийской команды к западным границам, в Петербурге для надзора за придворными яхтами, а также имуществом и семьями экипажа остались 35 нижних чинов строевых рот, 48 от ластовой и 8 от артиллерийской команд – всего 91 человек. При формировании весной 1813 г. в Свеаборге гребной эскадры для блокады Данцига часть гвардейских моряков поступила на суда и участвовала в боях 21, 23 августа и 4 сентября 1813 г. Так, во время сражений матрос Василий Никифоров смело и быстро заделывал пробоины на гребной лодке № 86, что позволило ей не выходить из строя, а квартирмейстер Емельян Зайцев отважно тушил пожар около крюйт-камеры гемама «Торнео». Оба моряка получили Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Оставшуюся в Петербурге часть Гвардейского экипажа дополнили 2 июня 1813 г. офицерами и матросами Балтийского флота, составив таким образом к 25 июля Резервный Гвардейский экипаж из 4 рот с артиллерийской командой. По завершении морской кампании в него также поступили гвардейские моряки с вернувшейся из-под Данцига гребной эскадры. Под руководством инструкторов 3-го морского полка резервные роты обучались строевой службе. После возвращения из Франции в столицу Гвардейского экипажа императору *«благоугодно было повелеть, чтобы из двух Гвардейских экипажей: бывшего в походе и другого Резервного, здесь сформированного, составить один экипаж из 8 рот, полагая в каждой роте: офицеров по 3, унтер-офицеров по 10 и матросов по 115 человек»*. 8 августа 1814 г. резервные роты стали новыми 5-й, 6-й, 7-й и 8-й ротами экипажа, который в строевом отношении представлял пехотный батальон. Соответственно артиллерийскую команду увеличили с 2 до 4 орудий, а также снабдили батальон пехотным обозом и фурами для понтонных и саперных работ.

Однако завершение этой реформы пришлось временно отложить, поскольку после триумфального возвращения Наполеона с острова Эльбы в Париж российскую гвардию снова двинули к западным границам. 9 июня 1815 г. Гвардейский экипаж выступил из Петербурга и 4 августа пришел в Вильну. Но в связи с поражением французской армии при Ватерлоо и завершением войны, моряки уже 10 августа отправились в обратный путь и 8 сентября вернулись в столицу. 22 декабря 1815 г. Александр I, наконец, утвердил новый штат Гвардейского экипажа, окончательно определивший его состав в 8 рот (1285 чел.) с Артиллерийской командой (110 чел.), обозом и Гвардейской ластовой ротой (134 чел.), в которой служили в основном сверхсрочные ветераны[51].

В связи с введением на флоте строевого обучения Александр I провел также общую реформу морских экипажей. Их численность сократили вдвое, и 1 марта 1816 г. вместо 98 четырехротных гребных и корабельных экипажей были учреждены 45 единых флотских экипажей по 8 рот в каждом: 1–27-й в Балтийском флоте, 28–44-й в Черноморском, 45-й – для Каспийской флотилии. В строевом отношении новые экипажи также превращались в батальоны, обучавшиеся пехотной службе.

С завершением боевых походов для Гвардейского экипажа начались суровые будни, ознаменовавшиеся стремительным ростом фрунтомании. *«Осмирядные учения в казармах, батальонные учения в манеже,* – вспоминал мичман А.П. Беляев, – *караулы по городу, разводы перед государем, а также и учения, им проводимые экипажу на Дворцовой площади, которыми он всегда оставался особенно доволен, благодарил и награждал матросов, – вот в чем вращалась жизнь в начале моей службы»*[52]. Матросы и офицеры заступали в караулы через два дня на третий и постоянно участвовали в бесконечных учениях и парадах. Так, например, в январе 1817 г. Гвардейский экипаж провел 8 батальонных строевых учений, был на двух парадах дивизии и одном церковном параде. В декабре 1819 г. проводилось 13 батальонных строевых учений и 4 парада. К этому надо добавить еще ротные учения и 10 караулов. Хотя

Матросы Гвардейского экипажа. 1817–1823 гг.

Guards Crew sailors. 1817–1823.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2273. (ВИМАИВиВС)

[51] В конце концов, 7 января 1863 г. Ластовая рота была официально названа нестроевой ротой Гвардейского экипажа.

[52] *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882. С. 71.

Чины		Штат Гвардейского экипажа, высочайше утвержденный 22 декабря 1815 г.			Штат флотского экипажа, высочайше утвержденный 1 марта 1816 г.
		В 8 ротах	В Артиллерийской команде	В Гвардейской ластовой роте	В 8 ротах
Командир экипажа (из капитанов 1 ранга или капитан-командоров)		1			1
Капитан 2 ранга					1
Капитан-лейтенантов		2	1		4
Лейтенантов		12	2		12
Унтер-лейтенант			1		
Мичманов		12			12
Шкиперов классных офицерского чина	Старших	2		1	
	Младший	1		1	
Шкиперских помощников унтер-офицерского чина		3			
Боцманов		8		4	8
Старший унтер-офицер			1		
Боцманматов		8		2	8
Младших унтер-офицеров			15		
Квартирмейстеров		64		4	64
Матросов старшего оклада		420		71	
Бомбардиров			40		
Матросов и старших юнг					920
Матросов младшего оклада		500		44	
Канониров			40		
Младших юнг		48			
Экипажный барабанщик		1			1
Ротных барабанщиков		16	1		16
Флейтщиков		8			8
Музыкантов		24			
Клерк классный офицерского чина		1			2
Писарей		4		1	3
Комиссаров классных офицерских чинов		2			2
Баталеров		2			2
Унтер-баталеров		1		1	3
Штурман классный офицерского чина		1			
Штаб-лекарь		1			
Лекарей младших		2		1	
Лекарей 2 класса					4
Фельдшеров		3			4
Надзиратель больных унтер-офицерского чина		1			
Ротных цирюльников		8			
Поваров		2			4
Лазаретных служителей		8			
Ложенный мастер		1			
Учеников ложенного мастера		8			
Ложников	Старших				1
	Младших				4
Оружейный мастер		1			
Учеников оружейного мастера		4			
Коновал экипажный и кузнец		1			
Кузнецов		4			
Слесарей			1		4
Плотников		8			
Фурлейтов		26			
Денщиков		66	8	4	
Всего:		**1285**	**110**	**134**	**1088**

почти ежегодно от экипажа посылалось в заграничное плавание одно боевое судно, гвардейские моряки все меньше занимались морской подготовкой и все больше превращались в парадных солдат или придворных гребцов, обслуживающих императорские катера. Причем за малейшую оплошность следовало строгое наказание, невзирая на прежние боевые заслуги. Содержание матросов также оставляло желать лучшего. Несмотря на то, что осенью 1820 г. экипаж перешел из Литовского замка в новый казарменный городок на Екатерингофском проспекте[53], ежегодно в экипаже умирали около 20 человек.

При таких условиях службы в Гвардейском экипаже появилась необычная тенденция. Матросы, еще вчера смело сражавшиеся на полях Бородина и Кульма, стали просить о переводе их из привилегированной гвардейской части обратно на флот! Не желая вникать в причины этого явления, Военный суд при флотских в Петербурге командах расценивал такие просьбы как *«буйственные поступки»* и был беспощаден. Например, матрос Анисим Никифоров за нежелание служить в гвардии получил 500 розг. Матроса Бронникова, также заявившего командиру роты о списании из экипажа на флот, суд в 1822 году и вовсе приговорил *«к лишению жизни»*. Другой матрос Иван Ячменов, совершивший походы 1813–1814 гг., заявил командиру своей 7-й роты, *«что службу в Гвардейском экипаже продолжать не может, и просил о выписке его на флот, в противном же случае он намеревался посягнуть на жизнь свою»*. За это суд решил *«приговорить матроса Ивана Ячменова к лишению живота»*. Командиру экипажа пришлось обращаться с ходатайством, *«уважая молодость, не приводить в исполнение приговор, а наказать матроса Ячменова шпицрутенами сквозь 500 человек 2 раза»*. Трудно сказать, что было для матроса лучше. После столь мучительного наказания человека часто выносили замертво.

Поскольку за малейший проступок следовало беспощадное наказание, из Гвардейского экипажа началось дезертирство. В 1817–1825 гг. сбежали 28 человек – в основном опытные старослужащие матросы, участники боевых походов. Например, 25 ноября 1820 г. *«единственно от страху»* бежал боцман 4-й роты Мартын Антонов, прослуживший 18 лет, в том числе 10 лет унтер-офицером, имевший Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия, серебряную медаль в память Отечественной войны, Кульмский крест, прусскую и австрийскую медали. Обнаружив пропажу из цейхгауза доверенных ему вещей, заслуженный воин предпочел дезертировать и служить под именем бродяги в арестантской роте, чем вернуться в свой родной экипаж. Другой дезертир матрос Алексей Каржавин, будучи пойман, попытался 8 марта 1820 г. перерезать себе горло ножом. Вообще, самоубийства отчаявшихся матросов все больше входили в повседневную жизнь гвардейских моряков.

Непонимание специфики службы и задач морской пехоты, превращение моряков в обычных солдат, чрезмерное увлечение внешней красотой военных экзерциций в ущерб практической морской подготовке привели в конце правления Александра I к уничтожению российской

Обер-офицеры Гвардейского экипажа. 1817–1823 гг.

Guards Crew junior commissioned officers. 1817–1823.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XVI. Лист № 2275. (ВИМАИВиВС)

С 1824 г. кивера в Гвардейском экипаже стали носить несколько выше, а этишкеты шире.

[53] Ныне проспект Римского-Корсакова, 22 – канал Грибоедова, 133.

Кивер офицера Гвардейского экипажа. 1824–1828 гг.

Guards Crew officer shako. 1824–1828.

(ЦВММ)

Каре Лейб-Гвардии Московского и Гренадерского полков и колонна Гвардейского экипажа на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Squares of the Life Guards Moscow and Grenadier Regiments and the Guards Crew column in Senate Sq. on 14 December 1825.

Акварель художника А.А.Троня. 1983 г. (ЦВММ)

морской пехоты. Если в морских полках этот процесс шел более-менее спокойно из-за привычки солдат к сухопутной службе, то моряки Гвардейского экипажа с трудом переживали новые порядки. В конце концов, внутренние противоречия привели к тому, что многие молодые офицеры экипажа оказались членами тайных обществ. 14 декабря 1825 г. они отказались присягать Николаю I и вывели батальон Гвардейского экипажа на Сенатскую площадь. В полном порядке, с Георгиевским знаменем и оркестром впереди на площадь вышли 19 офицеров и все 8 рот с артиллерийской командой – около 1100 человек, среди которых более сотни моряков-участников походов 1812–1814 гг.[54] Колонна Гвардейского экипажа встала рядом с каре Лейб-Гвардии Московского и Гренадерского полков. Этот демарш, получивший впоследствии название «восстания декабристов», закончился для Гвардейского экипажа трагически. После залпа картечью в упор колонна и каре расстроились. Моряки бросились по Галерной улице к казармам. 10 матросов были убиты, 16 ранены, 15 пропали без вести, 52 матросов схватили на площади и во дворах и доставили в Петропавловскую крепость. Уже вечером 14 декабря Николаю I представили присяжный лист Гвардейского экипажа. Утром 15 декабря экипаж был выстроен на Адмиралтейской улице и в присутствии нового императора *«принес чистосердечное раскаяние в своем заблуждении, и после освящения* [Георгиевского] *знамени оное было ему возвращено»*[55].

Схваченных на площади матросов отправили рядовыми в пехоту на Кавказ. Кроме того, из участвовавших в восстании гвардейцев составили Лейб-Гвардии Сводный полк, в который зачислили около 70 матросов Гвардейского экипажа. 27 февраля 1826 г. полк выступил из Петербурга на Кавказ, чтобы боевой службой *«искупить свою вину»*. Во время похода моряки сохраняли гвардейскую форму, старшинство, жалованье, да и вообще полк находился в привилегированном положении. Прибытие гвардейцев в Тифлис совпало с началом русско-персидской войны. Лейб-Гвардии Сводный полк участвовал 5 июля 1827 г. в сражении при ручье Джаван-Булах, 7 июля в покорении крепости Аббас-Абад, 19 сентября в занятии крепости Сардар-Абад, 1 октября в штурме Эривани и 22 октября торжественно вступил в Тавриз. Сокрушительные поражения заставили Персию начать переговоры и подписать 10 февраля 1828 г. Туркманчайский мирный договор. В мае 1828 г. в полк с разрешения Николая I поступили ранее сосланные на Кавказ 37 гвардейских матросов из числа схваченных на Сенатской площади. 8 июля 1828 г., сопровождая трофеи и полученное по контрибуции персидское золото, гвардейцы отправились из Тифлиса в Россию. 11 декабря 1828 г. Лейб-Гвардии Сводный полк торжественно вступил в Петербург, где был расформирован, а искупившие вину моряки возвращены в Гвардейский экипаж[56].

Более трагично сложилась судьба декабристов – офицеров Гвардейского экипажа. 12 из них подверглись различным наказаниям: 5 отправили на каторгу, 4 разжаловали в рядовые, 2 посадили в крепость, 1 исключили из гвардии. Под грохот пушек на Сенатской площади и свист кавказских пуль в истории России наступала новая, Николаевская эпоха.

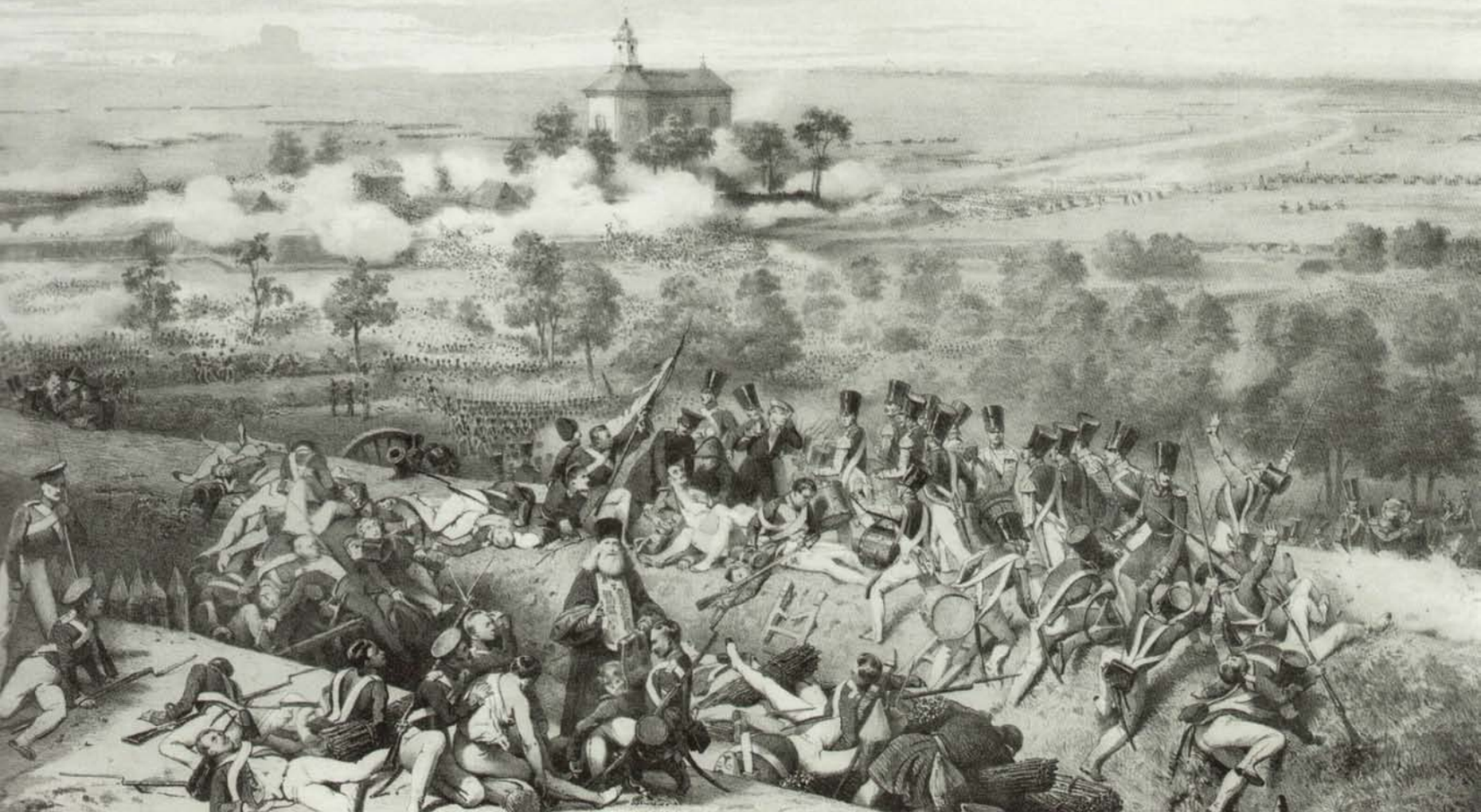
[54] В восстании не участвовали около 200 гвардейских моряков: 43 человека находились в карауле, около 60 были на лечении в Морском госпитале, до 50 находились в отпусках. Кроме того, командиру Гвардейского экипажа капитану 1 ранга П.Ф.Качалову с оставшимися при нем 6 офицерами удалось задержать часть Ластовой роты, на 80 % состоявшей из ветеранов Отечественной войны, имевших боевые награды.

[55] *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е.Ф.Комаровского. М., 1990. С. 147.

[56] *Скрутковский С.Э.* Лейб-Гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896.

Глава VII.

Морские полки и их преемники в сухопутной армии 1814–1917 гг.



Морские полки после реформы 1813 года

Библиография:

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

Взятие укрепления Вали 25 августа 1831 г.

Seizing the Wolja fortifications. 25 August 1831.

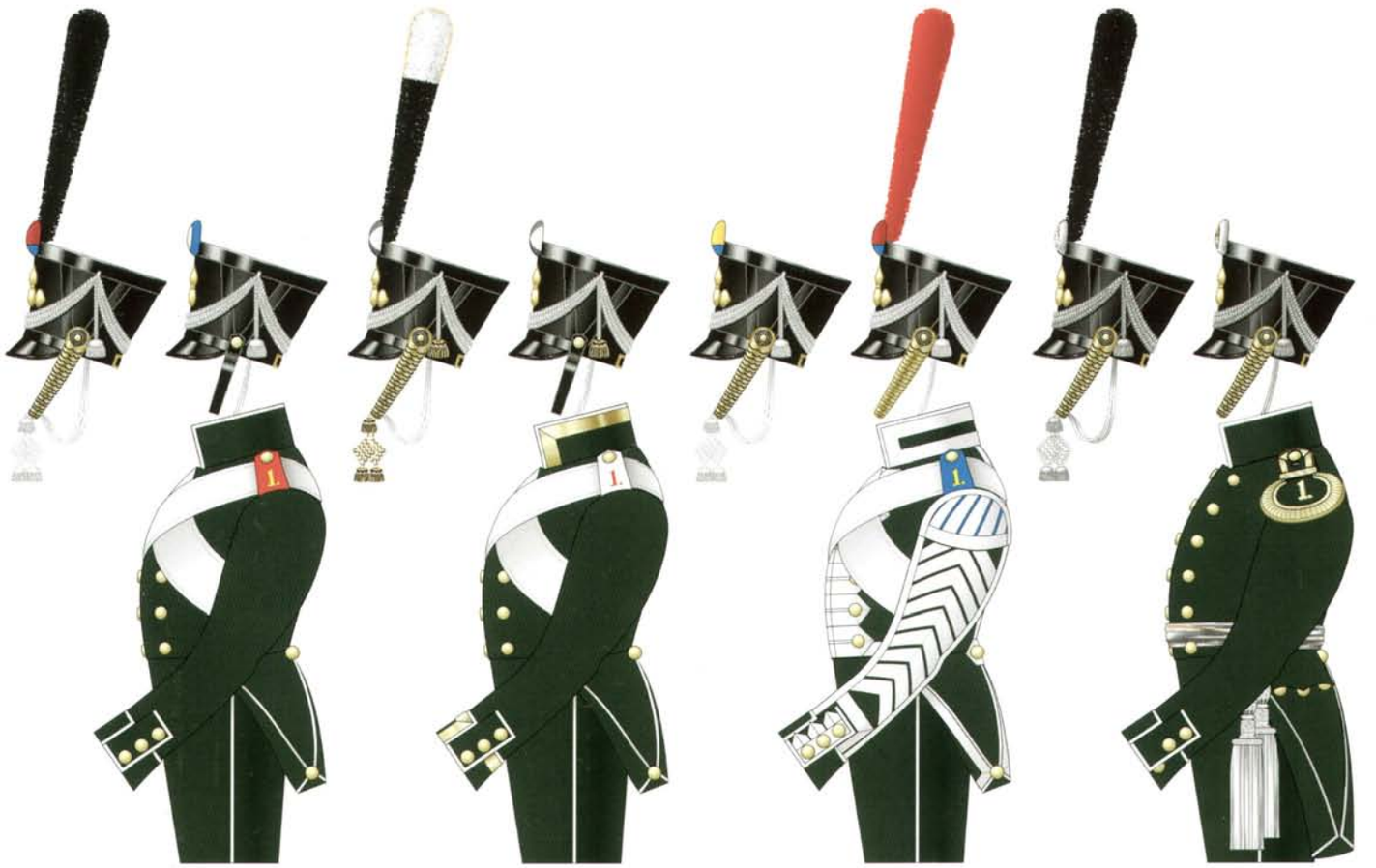
Литография В.Ф. Тимма 1851 г. с картины художника О. Верне. (РГБИ)

Naval regiment uniform in 1820–1825.

После капитуляции Данцига 1-й и 2-й морские полки были назначены в состав Резервной армии князя Д.И. Лобанова-Ростовского. 15 марта 1814 г. они выступили в Польшу, имея по-прежнему около половины солдат и офицеров в госпиталях и командировках. 4 апреля полки вступили в герцогство Варшавское, где 17 апреля расположились на кантонир-квартирах. Здесь их, наконец, укомплектовали личным составом, и каждый полк стал насчитывать более трех тысяч человек. 31 июля 1814 г. морские полки собрались в Лиде. 22 сентября из Петербурга в Лиду выступил 3-й морской полк, после чего в Польше собралась вся 25-я пехотная дивизия. 4-й морской полк при переводе в сухопутное ведомство был сначала назначен в состав 28-й дивизии, однако уже 3 апреля 1814 г. его перевели в 23-ю пехотную дивизию. Наконец, 29 августа 1814 г. полк поступил в 13-ю дивизию и расположился в Тирасполе.

В связи с бегством Наполеона с острова Эльбы и его триумфальным возвращением в Париж русские войска снова двинулись к границам Франции. Действующие батальоны трех морских полков выступили в поход 28 мая 1815 г. и за полтора месяца дошли до города Цвиккау в Саксонии. Здесь по случаю завершения войны 25-я пехотная дивизия остановилась. 18 августа полки двинулись в обратный путь и к началу октября 1815 г. вернулись в Россию. Но, расположившись в Минской губернии, солдаты терпели страшную нужду из-за полного разорения края и тесных квартир. Во многом по этой причине 19 декабря 1816 г. 25-ю пехотную дивизию переместили из 2-го в 1-й корпус, стоявший в Прибалтийском крае. 13 марта 1817 г. морские полки вступили в Ригу и заняли квартиры в городе, а также в Ревеле, Дерпте, Динамюнде, Митаве. Летом 1818 г. на соединение с прочими морскими полками перевели 4-й полк. Пройдя за 94 дня 1453 версты, он 15 ав-

Схема обмундирования морских полков. 1820–1825 гг.



Гренадер и мушкетер 3-го батальона 1-го морского полка

Унтер-офицеры гренадерских взводов и мушкетерских рот 2-го морского полка

Флейтщики стрелкового и гренадерского взводов 3-й гренадерской роты 3-го морского полка

Обер-офицеры гренадерских взводов и мушкетерских рот 4-го морского полка

© Сергей Попов 2004

густа 1818 г. пришел на новую стоянку в город Валк Лифляндской губернии. Теперь все 4 морских полка оказались в 25-й пехотной дивизии, составив ее 1-ю и 2-ю бригады. В том же 1818 году морским полкам пожаловали новые знамена – с зеленым крестом, белыми углами и измененным рисунком двуглавого орла с опущенными крыльями.

25 января 1819 г. вторые батальоны всех морских полков назначили в корпус поселенных войск. При этом 1-е и 3-и батальоны получили название действующих, а 2-е – поселенных. В марте большинство старослужащих женатых солдат перевели в Новгородскую губернию, где расквартировали по деревням с зачислением местных жителей в состав поселенных батальонов. 26 марта 1824 г. эти батальоны переименовали в 3-и резервные, а прежние 3-и действующие стали 2-ми. По замыслу Александра I поселенные войска должны были совмещать занятия земледелием с военным обучением и содержанием караулов в Новгороде и уездных городах. Однако мелочная регламентация крестьянского быта и суровая армейская дисциплина, сопровождавшаяся жестокими наказаниями, заслужили военным поселениям дурную славу и привели, в конце концов, к массовому бунту поселян летом 1831 г. Правда, резервные батальоны морских полков в этом восстании не участвовали, поскольку еще в марте их отправили на подавление мятежа в Литве (см. ниже).

20 мая 1820 г. 25-ю пехотную дивизию переименовали в 1-ю пехотную, в которой 1-й и 2-й морские полки по-прежнему составляли 1-ю бригаду, а 3-й и 4-й – 2-ю. В теплые месяцы 1826–1830 гг. солдаты действующих батальонов работали на строительстве Виндавского канала между рекой Виндавой и притоком Немана рекой Дубиссой. По Неману и Днепру канал должен был соединить Балтийское и Черное моря. Но начавшиеся в крае волнения, к сожалению, не позволили завершить это грандиозное строительство.

Гренадер гренадерского взвода 1-й гренадерской роты 1-го морского полка. 1818–1826 гг.

A grenadier of the grenadier platoon, 1st Grenadier Company, 1st Naval Regiment. 1818–1826.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть X. Лист №136б. (ВИМАИВиВС)

При переводе в сухопутное ведомство морские полки и Каспийский морской батальон сохранили форму без изменений, только в батальоне розовые погоны постепенно заменили красными. Существующее мнение о том, что красные погоны утвердили 9 февраля 1811 г., одновременно с введением шифровки в морских полках, не подтверждается документами, поскольку даже в 1813 году Каспийский батальон по-прежнему требовал *«сукно розовое на эполеты»*. 18 марта 1814 г. для офицеров морских полков утвердили новый фасон походных серых рейтуз – без пуговиц, с двумя красными лампасами и выпушкой по боковому шву. 22 августа 1814 г. желтые погоны 3-го морского полка заменили на светло-синие. 4 июля 1815 г. в морских полках сократили число тесаков, оставив их только в гренадерских ротах, а также унтер-офицерам, барабанщикам и музыкантам. 26 сентября 1817 г. Александр I утвердил «Описание и правила ношения киверов и амуниции», окончательно установившее уже существовавшую в войсках более высокую форму кивера с прямым дном («без развала»). На подбородных ремнях киверов в гренадерских ротах отныне официально полагалась латунная чешуя. Устанавливалась новая расцветка репейков и темляков. На барабанных перевязях узаконили ношение латунных гренадок – по три в гренадерских ротах и по одной в мушкетерских.

С объединением в 1818 году всех морских полков они получили погоны с номером дивизии (25, затем 1): 1-й морской полк – красные, 2-й – белые, 3-й – светло-синие и 4-й – темно-зеленые с красной выпушкой. По указу от 23 августа 1818 г. шифровку перестали выкладывать цветным гарусным шнуром, а цифры стали прорезать в сукне с подкладкой под них желтого сукна (при белых погонах – красного). Тогда же музыканты и барабанщики получили плечевые крыльца по цвету погон. Кроме того, с 1820 года белую тесьму на рукавах и крыльцах их мундиров стали нашивать плотно, почти без просветов (причем на крыльцах не прямыми, а косыми рядами), а также обшивать тесьмой все стороны воротника. 16 января 1824 г. фалды солдатских мундиров велено было сшивать между собой в стык, а поперечный ремень на ранце пришивать на уровне живота. 29 января 1825 г. для нижних чинов утвердили на левом рукаве мундира нашивки из желтой тесьмы за беспорочную службу: за 10 лет – одна, за 15 – две, за 20 – три.

Служба на Кавказе Каспийского морского батальона и его участие в русско-персидской войне 1826–1828 гг.

Библиография и источники:

Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. Т. I. СПб., 1892.

Потто В.А. Кавказская война. Т. 3: Персидская война 1826–1828 гг. Ставрополь, 1993.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4290, 4291, 4294, 4304, 4325; Ф. 35. Оп. 3. Св. 124. Д. 784; Ф. 395. Оп. 21. Д. 309, 706; Оп. 133. Д. 51; Оп. 137. Д. 1.

После заключения Гюлистанского мирного договора Каспийский морской батальон занимал Талышинское ханство, оставаясь в Ленкорани и высылая небольшие команды для охраны Аркеванского, Кизил-Агачского, Джейранбаргинского и Герминского пограничных постов, последний из которых находился в 150 верстах от крепости. В 1819 году командир Отдельного Грузинского корпуса генерал А.П. Ермолов начал реформу войск, расположенных на Кавказе. Предполагалось сократить число гарнизонов, пополнив ими пехотные полки. В связи с этим встал вопрос о дальнейшей судьбе Каспийского морского батальона. Начальник Главного Штаба генерал-адъютант князь П.М. Волконский обратился к Морскому министру маркизу И.И. де Траверсе, который 21 июня 1819 г. сообщил, что *«поелику Каспийский морской батальон купно с морскими полками по Высочайшему повелению, состоявшемуся в 16 день марта 1813 г., поступил в сухопутное ведомство с выключкою из морской зависимости; и как состоящий в Астрахани для Каспийской флотилии 45-й флотский экипаж занимается и строевой службой, то Морское ведомство ныне не имеет никакой нужды в помянутом батальоне»*. Соответственно, 22 июня 1819 г. Волконский сообщил Ермолову, что Каспийский морской батальон император *«полагать изволит излишним, ибо цель его состояла в том, чтобы быть на судах Каспийского моря; по вооружении же морских экипажей предположение сие само по себе уничтожилось, и батальон сделался сухопутным»*. Однако 2 августа 1819 г. Ермолов направил доклад, в котором просил сохранить Каспийский батальон морским *«по той причине, что невозможно оставить без войск Талышинского приверженного хана. Там должно также учредить крепостцу, которая, как и прежде доносил я, хотя и не в состоянии будет защитить ханства, но поставит в необходимость персов отвлекать регулярные свои войска, ибо без оных или в малом числе они появляться не посмеют там, где у нас артиллерия. На случай действий против персиян безопаснейшее отступление сему батальону и почти единственное на судах, и потому для лучшей связи в войсках, если возможно, не бесполезно обратить* [его] *в морской экипаж»*. 22 октября 1819 г. Александр I согласился оставить Каспийский морской батальон, но на прежнем положении, *«ибо Его Величество изволит полагать, что он лучше может быть батальоном и в случае амбаркации на суда, но был бы худым морским экипажем, не быв никогда на море»*[1].

Первое время служба Каспийского батальона в Талышах проходила довольно спокойно. Но грядущие проблемы были предопределены тем, что Гюлистанский договор не установил точную границу ханства с Персией. Предполагалось,

[1] РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Св. 124. Д. 784. Л. 33–35, 132–134.

что, *«так как Талышинское владение в продолжение войны переходило из рук в руки, то границы сего ханства со стороны Зинзилей и Ардавиля, для большой верности, определены будут по заключении и ратификации сего трактата избранными с обеих сторон комиссарами со взаимного согласия»*. Однако согласия достичь так и не удалось. Противоречия усилились после смерти в 1816 году преданного России Мир-Мустафы-хана, *«семейство коего представляло верх раздора между родными»*. Власть перешла к его старшему сыну Мир-Хассан-хану – приверженцу персов и другу злейшего противника России наследного персидского принца Аббас-мирзы. Оставшись недовольным разделом наследства, хан *«время от времени посягал на лишение собственности матери и братьев своих»*. Однако ханше при помощи русских властей удавалось сдерживать сына. Но 9 апреля 1825 г. Фахранис-ханум умерла. После нее остались драгоценности, ценные бумаги и вещи на сумму свыше 24 тысяч рублей серебром. Мир-Хассан-хан тут же попытался завладеть наследством в обход четырех сестер. *«Чтобы положить преграду хищному намерению хана предписано было майору Ильинскому, командиру Каспийского морского батальона и командиру войск, в Талышинском ханстве расположенных, взять в свое владение движимое имение ханш, описать и оценить оное»*. Так ключевой фигурой в восточной политике России неожиданно стал майор Н. В. Ильинский. Судьба этого человека столь примечательна, что о ней стоит рассказать особо.

Николай Васильевич Ильинский родился в 1790 году в семье богатых калужских помещиков, имевших в разных губерниях 2000 душ крепостных крестьян. Так что по уровню состояния с Ильинским могли сравниться лишь около 3 % русских офицеров. Николай получил хорошее домашнее образование, владел французским и немецким языками, знал геометрию, математику, историю, физику, географию. Перед самой Отечественной войной 1812 года он поступил подпрапорщиком в Одесский пехотный полк. При обороне Смоленска 4 и 5 августа он добровольно вызывался в стрелки, все время находился впереди и был ранен пулей в левую ляжку. Оставшись в строю, храбрый подпрапорщик участвовал 26 августа в сражении при Бородино, снова был ранен пулей в левую икру и представлен к Знаку отличия Военного Ордена Св. Георгия. После операции на поле боя и удаления пули Ильинского отправили на лечение в Ярославль. Но вскоре он вернулся к армии и участвовал в сражениях при Тарутино и Малоярославце. Между тем его представление к награде затерялось, и свой Георгиевский крест он, несмотря на ходатайства начальников, так и не получил. Зато, произведенный 29 ноября 1812 г. в прапорщики, Ильинский воспользовался формированием гвардейских резервов и через месяц перевелся в самый привилегированный Лейб-Гвардии Преображенский полк. Молодого человека ждала блестящая карьера. Но в 1820 году он внезапно женился на петербургской актрисе и из-за этого мезальянса вынужден был оставить гвардию. Его надежды на тихую жизнь в родовом поместье разрушились. Отец, богатый помещик, отказался принять сына с женой-неровней. В результате Ильинскому пришлось перевестись 29 июля 1820 г. майором в Грузинский гренадерский полк. Несколько лет он служил в Грузии телавским уездным начальником, а 11 августа 1824 г. получил в командование Каспийский морской батальон и всю власть в Талышинском ханстве.

Став фактически самостоятельным правителем целой области, Ильинский поначалу действовал решительно. Наследство Фахранис-ханум он взял под охрану, а Мир-Хассан-хану указал на его *«упрямость, самовластие и зверскую лютость к народу»*. Но вскоре от плохого климата в Ленкорани умерла жена Ильинского. Майор затосковал, начал пить, ударился в сомнительные аферы и распустил батальон. По его приказу солдаты ловили бродившую по лагерю скотину и возвращали местным жителям за выкуп. Провиант забирался без квитанций. Поймав возле ханского дворца трех солдат с ценностями на 1400 рублей серебром, Ильинский просто присвоил их себе. При его согласии поручик Каспийского батальона Алхазов женился в 1826 году на сестре Мир-Хассан-хана ханше Бегюм, что вызвало негодование мусульман. В довершение всего Ильинский приказал высечь розгами ханского сына. Эти самоуправства в сочетании с отказом выдать наследство привели Мир-Хассан-хана в ярость.

Кивер унтер-офицера стрелкового взвода гренадерской роты 4-го морского полка. 1817–1823 гг.

Shako of a non-commissioned officer of a rifle platoon, grenadier company, 4th Naval Regiment. 1817–1823.

(ЦВММ)

С 1824 года в войсках стали носить более высокие кивера с широкими этишкетами, что, видимо, имело место и в морских полках.

Фрагмент карты Кавказского края 1842 г.

Part of the Caucasian Territory map. 1842.

(РГВИА)

На данном фрагменте показана территория бывших Ширванского, Бакинского и Талышинского ханств, ставших летом 1840 г. уездами Каспийской области.

Он переехал в Аркеван и стал готовить бегство в Персию, где принц Аббас-мирза собирал недовольных ханов для новой войны с Россией.

4 июля 1826 г. Ильинский, оставив старшего по себе майора А.Х. Карцова[2] с батальоном в лагере под Ленкоранью, выехал в Аркеван для осмотра пограничных постов. По дороге он узнал, что Мир-Хассан-хан поднял в Аркеване мятеж. Со своими приверженцами он ранил преданного России местного правителя Гаджи-бека, сжег его дом вместе с младшим сыном, а семью захватил в плен. Затем хан разослал прокламации, объявляя, что через три дня в Талыши войдут персидские войска, и призывая истреблять русских во имя ислама. После этого хан отправился к Ленкорани, чтобы забрать свою семью и пресечь путь отступления к крепости удаленным постам Каспийского батальона. Возмущенный этим коварством, Ильинский успел предупредить майора Карцова и приказал Герминскому пограничному посту идти к нему в Аркеван, а прочим спешно отступать к Ленкорани.

Получив тревожные известия, Карцов тут же арестовал семейство хана и встретил мятежников во всеоружии. Не застав батальон врасплох, Мир-Хассан-хан отошел от Ленкорани и стал рассылать партии, пытаясь перехватить небольшие русские отряды. Так ему удалось захватить посланную в лес за дровами безоружную команду батальона из 1 унтер-офицера и 10 рядовых.

Поскольку положение Ильинского в Аркеване становилось опасным, он, избегая встреч с мятежниками, пробрался вдоль морского берега в Ленкорань. 5 июля Ильинский привел лагерь батальона в оборонительное состояние, перевез его имущество в крепость, а семью хана переправил на остров Сари. Между тем восстание приобретало все больший размах. Первыми подняли мятеж жители Дрикхского магала (округа), правитель которого являлся зятем хана. 6 июля младший брат хана, раньше не вызывавший подозрений, неожиданно напал и сжег мельницу Каспийского батальона, убив работавшего на ней 1 рядового, смертельно ранив 1 канонира и 1 рядового захватив в плен. Ввиду усиливавшейся опасности майор Ильинский обратился за помощью к командиру эскадры Каспийской флотилии капитан-лейтенанту барону Р.Н. Левендалю, который прислал на Ленкоранский рейд два вооруженных судна. Ночью жители Ленкорани покинули город и, укрывшись в окрестных лесах, стали стрелять в лагерь батальона.

7 июля майор Ильинский послал капитана А.Е. Музайку[3] с 50 солдатами на выручку слабого Аркеванского поста, чтобы помочь ему отступить к Кизил-Агачскому посту. Присоединив к себе эти посты, Музайка должен был завязать перестрелку и отвлечь мятежников от Герминского поста, отступавшего к Сальянам. На следующий день 8 июля приверженцы хана продолжали стрелять из леса, но орудия батальона заставили их быстро удалиться. Узнав, что противник собирается напасть на лагерь, Ильинский послал к Аркеванскому посту еще 50 солдат с капитаном Л.К. Перкиным по другой дороге через лес для поддержки отряда Музайки. Но, отправляя эту команду, Ильинский еще не знал, что в тот же день 8 июля толпы мятежников коварно напали на Аркеванский пост и захватили в плен 1 унтер-офицера, 1 барабанщика и 15 рядовых Каспийского морского батальона, а также 3 донских казаков. Отряд капитана Музайки при подходе к Аркевану 9 июля неожиданно был атакован персидской конницей под руководством Мир-Хассан-хана, набросившейся на солдат из леса. Капитан Музайка и 3 рядовых были убиты, 6 рядовых ранены. Но принявший командование унтер-офицер Гандурин не растерялся и, отразив натиск противника, вывел отстреливающийся отряд к Кизил-Агачскому посту, где находились 40 рядовых и 25 донских казаков. Видя превосходство неприятеля, пост отступил к Хурдаринскому рыбному промыслу, где забрал все имевшиеся лодки и вместе с рыбаками переехал на остров Сари.

Между тем отряд капитана Перкина 10 июля тоже встретил в лесу неприятеля. Причем талышинцы и персы зашли в тыл отряду и отрезали его от лагеря. До глубокой ночи Перкин вел перестрелку в лесу, потеряв 1 унтер-офицера, 1 барабанщика и 3 рядовых убитыми, 1 унтер-офицера и 6 рядовых ранеными. Видя обратную дорогу отрезанной, Перкин ночью вывел своих людей через камыши к морскому побережью и на подручных средствах переправился через залив вместе с ранеными на остров Бабий. На следующий день присланные Ильинским баркасы доставили отряд Перкина в Ленкорань.

11 и 12 июля мятежники продолжали нападения на лагерь Каспийского батальона. Видя, что положение становится серьезным, Ильинский приказал Джейранбаргинскому посту идти в Сальяны и просил Каспийскую флотилию прислать к Ленкорани три военных судна. Одновременно батальон стал чинить городскую крепость, а также выжег брошенные жителями постройки и сады, мешавшие обороне. 13, 14, 15 и 16 июля батальон вел успешную перестрелку с мятежниками. Но 17 июля в лагерь пробрался гренадер, сообщивший об очередной потере.

Герминский пограничный пост занимал отряд штабс-капитана В.Ф. Свистуна – 1 унтер-офицер, 1 барабанщик, 30 рядовых, 1 бомбардир, 2 канонира и 5 казаков. Посланные к Свистуну с приказом об отступлении 2 казака были захвачены персами. 13 июля мятежники напали на пост, но *«команда защищалась весьма храбро и удерживала его почти целые сутки»*. Ночью 14 июля к посту подошли многочисленные персидские войска, начальник которых объявил, что Персия

[2] Александр Харитонович Карцов был одним из трех офицеров Каспийского морского батальона, уцелевших при штурме Ленкорани. После завершения русско-персидской войны он в 1831–1833 гг. командовал Грузинским линейным № 9-го батальоном, затем служил в Куринском, а с 25.XI.1834 г. в Апшеронском пехотных полках и умер от горячки 10.VII.1837 г. в чине подполковника. За 25-летнюю беспорочную офицерскую службу он был награжден 16.XII.1831 г. орденом Св. Георгия 4-го класса.

[3] Александр Егорович Музайка являлся ветераном Каспийского морского батальона. Поступив в него подпрапорщиком еще 8.IX.1807 г., он участвовал в штурме Ленкорани и был ранен пулей навылет в левую руку. Тем не менее, первый офицерский чин прапорщика он получил лишь 22.V.1817 г. после 10 лет службы.

Уч. Бугурскій
Уч. Лагичскій
Кошунскій
ШЕМАХА
УѢЗ. ШИРВАНСКІЙ
УѢЗ. БАКИНСКІЙ
БАКУ
Уч. Кобристанскій
и
Ханчобанскій
КАСПІЙСКАЯ
МОРЕ
Уч. Сальянскій
Уч. Муганскій
Сальяны
Уч. Аркеванскій
Уч. Сенгачальскій
ЛЕНКОРАНЪ
Уч. Ленкоранскій
Окр. Арша

Солдатская форма во время экспедиции на Кавказе.

Soldier's uniform worn on an expedition to the Caucasus.

Рисунок с натуры Д.А. Милютина из альбома 1839 г. (ОР РГБ)

Унтер-офицер мушкетерских рот 2-го морского полка. 1826–1828 гг.

A non-commissioned officer of a musketeer company of the 2nd Naval Regiment. 1826–1828.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XIX. Лист № 80. (ВИМАИВиВС)

вступила в войну с Россией, и потребовал сдать пост без сопротивления. Свистун отверг предложение, и маленький русский отряд приготовился к отчаянной обороне. Но тут коварный уджарлинский хан, правивший в Гермине, сообщил Свистуну, что якобы майор Ильинский с батальоном находится недалеко, и предложил провести его безопасной дорогой. Свистун поверил хану, который завел отряд в засаду. Увидев, что план удался, хан ударил Свистуна саблей, после чего персы со всех сторон напали на отряд и взяли солдат и казаков в плен. Лишь один гренадер, убив двух нападавших, сумел спастись и пробраться в Ленкорань[1].

Известие о начале войны с Персией стало для Ильинского неприятным сюрпризом. Никаких официальных сведений об этом он не получал и воспринимал происходящее как обычный мятеж. Теперь же положение становилось критическим. 18, 19 и 20 июля Ильинский эвакуировал семьи солдат и верных жителей на остров Сари. Между тем генерал А.П. Ермолов еще 11 июля послал Каспийской флотилии приказ *«по случаю военных намерений персов»* собраться у Ленкорани, дать Ильинскому необходимое число орудий и снарядов, а в случае необходимости перевезти батальон на остров Сари. Как уже говорилось, Ермолов изначально считал оборону Ленкорани делом невозможным. Однако его приказ был получен бароном Левендалем только 20 июля. В тот же день эскадра собралась у Ленкорани. Семью хана, его имущество и регалии перевезли на бриг «Кура». Лазарет, цейхгауз и еще остававшиеся семьи Каспийского батальона, а также верных армян и татар, боявшихся мести персов, отправили на остров Сари. Вместе с тем для усиления обороны крепости с корвета «Геркулес» свезли одно 6-фунтовое чугунное орудие с 25 боевыми зарядами. Избавившись от лишнего населения и тяжестей, Ильинскому стало значительно легче защищаться.

22 июля приплывшие на Сари рыбаки сообщили, что мятежники уже захватили Сальяны, перерезав коммуникационную линию батальона. Теперь Ильинский окончательно убедился в начале войны с персами. Для обороны Сари от возможных десантов он послал на остров 40 солдат, а также 100 ружей с патронами для вооружения рыбаков. В это время генерал Ермолов, оценивая ситуацию и *«по соображению обстоятельств полагая, что батальону Каспийскому морскому трудно будет долгое время удерживаться в Ленкорани»*, предписал 22 июля майору Ильинскому *«со всеми войсками, имуществом их и казенным переправиться на остров Сару, а командующему эскадрой военных судов флота капитан-лейтенанту барону Левендалю предложил оказать в том зависящее от него пособие и немедленно перевезти сей батальон из острова Сары в Баку»*.

23 июля от пойманного лазутчика стало известно, что персидские войска вступили в Талыши и хан готовится напасть на лагерь Каспийского батальона. В связи с этим 24 июля Ильинский послал вдоль морского берега к Сенгеру майора А.Х. Карцова со 100 солдатами, 60 казаками и 1 орудием открыть неприятеля. В четырех верстах от Ленкорани Карцов встретил противника, *«вступил в дело и удачно удержал его нападение, дав в то же время знать о сем майору Ильинскому»*. Ильинский выслал небольшое подкрепление и велел Карцову отступать к Ленкорани, сжигая на пути все береговые постройки. Одновременно батальон перешел из лагеря в крепость, спалив лагерные строения и дома бежавших жителей. К вечеру отряд Карцова пришел в Ленкорань, потеряв 1 унтер-офицера и 1 рядового убитыми и привезя 1 обер-офицера, 1 унтер-офицера, 8 рядовых, 1 сотника и 6 казаков ранеными. Позднее 1 рядовой, 1 сотник и 2 казака умерли от ран.

26 июля многотысячная армия под руководством персидского принца Али-Наги-мирзы подошла к Ленкорани и, прикрываясь лесом, стала рыть осадные окопы. Ночью персы построили две батареи, которые начали обстреливать крепость и флотилию. В то же время киржимы (длинные гребные лодки) *«ленкоранских возмутите-*

[1] После завершения войны штабс-капитан Василий Фомич Свистун вернулся из плена, дослужился до чина подполковника и в 1850-х гг. командовал Грузинским линейным № 18-го батальоном. За 25-летнюю беспорочную офицерскую службу он был награжден 3.XII.1842 г. орденом Св. Георгия 4-й степени.

лей» стали крейсировать на рейде и напали на катер мичмана Свистунова, посланного бароном Левендалем к Ильинскому с донесениями. Находившемуся на катере квартирмейстеру прострелили руку навылет, после чего Свистунов вынужден был вернуться к флотилии.

В тот же день Ильинскому доставили велеречивый ультиматум проповедника персидской армии муллы Мир-Азиза. *«Сим объявляю,* – писал почтенный мулла, – *что по велению Бога какая была к вам милость, то оной уже больше от Него не будет, а должна она излиться теперь на персиян. Мы были унижены Аллахом и теперь должны повыситься – так гласит Святой Шариат наш. Сальяны уже взяты, и какие были солдаты ваши – те побиты; киржимы, доставлявшие вам провиант, захвачены. Все, осмелившиеся противиться нам, преданы смерти, и головы их доставлены на Муганскую степь к шахсеванцам, где за каждую из них платят по двадцать червонцев награды».* Далее мулла уверял Ильинского, что двенадцать тысяч персидских сарбазов с шахским сыном Али-Наги-мирзой стоят под Ленкоранью и ждут только мановения Мир-Азиза, чтобы истребить неверных и выкрасить их кровью волны Каспия. *«Если вы сдадите мне крепость без боя,* – обращался Мир-Азиз уже лично к Ильинскому, – *то вас никто не обидит; если захотите служить Великому Нашему Государю, – будете одарены его щедротами; и я вам порукой, что над всеми солдатами, находящимися у вас, вы будете начальником. Коль скоро вам не понравятся сии предложения и захватят вас наши, то поверьте Создателю, кроме насильственной смерти вам никакой пощады не будет».*

Получив ультиматум, майор Ильинский собрал военный совет. Рассчитывать на чью-либо помощь не приходилось. Ближайшие русские войска – две роты егерей – находились за 220 верст в Шемахе. В итоге совет решил защищать Ленкорань до последней возможности, после чего эвакуировать батальон на остров Сари, а затем в Баку. После этого Ильинский ответил на персидский ультиматум: *«Уважаемый Мулла Мир Азиз! Письмо ваше получил и верю весьма, что вы почтенный мулла, который находится для усовершенствования магометанского закона! Но зная проницательность восточного царя, и сколько он имеет у себя начальников, удивляюсь – как мог* [он] *вам поручить дела военные? Если мир кончен, и вы известны от двора вашего, то и я имею* [указания] *от своего Господина Главнокомандующего, и когда прикажут отдать крепость, то не буду сметь противоречить. <...> Теперь же нахожусь в своем месте, и когда кто покусится сделать нападение, то буду стараться, не хвастаясь оружием, сдержать клятву, данную мной Православному Царю Русскому».*

Получив такой ответ, персы и мятежники 27 июля *«сильно нападали на укрепление со всех*

Георгиевский кавалер Каспийского морского батальона. 1828–1830 гг.

A Caspian Naval Battalion serviceman awarded the St. George Cross. 1828–1830.

Рисунок художника А.В.Каращука. 2001 г.

Внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса заметно отличался от уставных требований, педантично соблюдавшихся в частях, расположенных в средней полосе России. Постоянная боевая служба и особенности климата стимулировали приспособление обмундирования к кавказским условиям. Еще 18 октября 1810 г. командовавший корпусом маркиз Ф.О.Паулуччи приказал: «В походе, который предпринимается для военных действий, так же и в экстренных командировках <...> употреблять как господам офицерам, так и солдатам вверенного мне корпуса в драгунских и пехотных полках фуражные шапки, а киверов и касок в поход вовсе не брать». Фуражки следовало иметь «сколько возможно выгодные для солдат как от зною, так и от дождя». Для защиты «от зною» на фуражки надевали белые полотняные чехлы. Вместо тяжелых и непрактичных ранцев пехотинцы носили заплечные мешки. В летнее время солдаты предпочитали совершать переходы в расстегнутых мундирах, а то и вовсе без них, только в рубахах. Опытные бойцы широко использовали местные сапоги с мягкими голенищами.

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Иван Федорович Варшавский граф Паскевич-Эриванский.

General-Field Marshal Prince Ivan Fyodorovich Varshavsky, Count Paskevich of Yerevan.

Гравюра Н.И.Уткина по рисунку Ф.Реймерса. 1832 г. Фрагмент. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

фасов оного, но удачные выстрелы нашей артиллерии прекратили их нападение». В перестрелке погибли 3 рядовых батальона. В тот же день началась подготовка к эвакуации. 28 июля защитники крепости сделали вылазку, во время которой морские солдаты выбили противника из земляного укрепления, а также вырубили сады и сожгли постройки, мешавшие обстрелу. На вылазке 1 рядовой был убит, 2 унтер-офицера и 4 рядовых ранены. 29 и 30 июля *«майор Ильинский оборонялся сколько было возможно»*, одновременно отправляя тяжести батальона на остров Сари. Для скрытности под фасом крепости, обращенным к берегу, *«подрыли»* ход, через который шла эвакуация. Наконец, 30 июля Ильинский получил предписание Ермолова от 22 июля, уверившее его в правильности принятых мер.

В то время как Ильинский храбро защищал крепость и готовился к эвакуации, генерал Ермолов лишь 30 июля с большим опозданием получил известие о начале восстания в Талышах и истреблении пограничных постов. Не зная всех обстоятельств, Ермолов был крайне раздосадован, считая, что посты батальона *«по нерасторопности командира оного майора Ильинского не были собраны вместе и, хотя отчаянно защищались, но потеря с нашей стороны в разных сшибках весьма чувствительная».* В тот же день Ермолов доложил о такой *«нерасторопности»* императору и *«послал штаб-офицера сменить неспособного и робкого майора Ильинского и вывести войска из Талышинского ханства, которое сохранить невозможно».* Однако назначенец проехать в Ленкорань уже не смог.

Между тем *«неспособный и робкий»* Ильинский ночью с 1 на 2 августа незаметно для персов переправил батальон на суда Каспийской флотилии и эвакуировался на остров Сари. При этом майору удалось вывезти все 5 медных пушек батальона. Но две 6-фунтовые тяжелые чугунные крепостные пушки, а также чугунное орудие с «Грома» пришлось оставить, заклепав их[5]. При отходе батальон запалил город и сжег не поместившиеся на суда 2260 четвертей провианта, а также личное имущество офицеров.

Так завершилась оборона Талышинского ханства Каспийским морским батальоном, во время которой он потерял 1 обер-офицера, 2 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 13 рядовых и 1 канонира убитыми; 3 унтер-офицеров и 22 рядовых ранеными; 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров, 2 барабанщиков, 55 рядовых, 1 бомбардира и 2 канониров пленными. Генерал Ермолов, узнав, наконец, всю правду о действиях Ильинского, остался доволен. *«Отступление Каспийского батальона,* – писал он в своем донесении, – *почитаю я весьма счастливым событием, ибо в действии против него уже были два регулярные батальона с артиллерией, к которым возмутившийся талышинский хан присоединился сам с четырехтысячной милицией. Неприятель не сумел воспрепятствовать отплытию Каспийского батальона, и сие по расторопности морских офицеров совершилось без всякой потери (если не считать покинутого нами заклепанного орудия) на мелких судах, которые захватили у жителей».* Более того, за спасение от персов и мятежников знамени, сабли и кинжала, пожалованных в свое время Александром I талышинским ханам, Ильинского премировали годовым жалованьем. Но это признание пришло слишком поздно. Еще 20 августа 1826 г. Николай I по июльскому рапорту Ермолова распорядился предать Ильинского военному суду *«за постыдную робость и неспособность к командованию».* Маховик военного правосудия начал свою неумолимую работу.

В это время ничего не знавший о тыловых интригах Ильинский был всецело занят перевозкой своего батальона в Баку. Эвакуацию решили осуществить в два этапа. С 6 августа две роты батальона с майором А.Х.Карцовым начали на лодках покидать остров. В то же время сам Ильинский с остальными двумя ротами сделал 24 августа десант на Кизил-Агачский мыс. Высадившись с баркасов на берег, они забрали 60 четвертей муки, 54 пуда

[5] Эти пушки персы перевезли в Ардебиль, где они были обратно взяты русскими войсками при капитуляции крепости 25 января 1828 г.

соли, а также 13 сороковых бочек, которые успели увезти на глазах появившегося неприятеля. Отплыв, наконец, с острова Сари 11 сентября, Ильинский из-за встречных ветров смог с трудом добраться до Баку только 2 октября.

Покинувшие Сари две роты майора Карцова 30 августа собрались в Баку. Их прибытие оказалось очень кстати. Пока Ильинский защищал Ленкорань, персидские войска при поддержке местных ханов и беков быстро шли на север. Непримиримый враг России Хуссейн-Кули-хан Бакинский, бежавший в Персию еще в 1806 году, страстно желал вернуть свои владения. Собрав около 3 тысяч мятежников, он подступил к Баку. Крепость имела высокие каменные стены с башнями и бастионами, окруженные глубоким рвом и земляным валом. Но защищал ее лишь один гарнизонный батальон, которого не хватало даже для охраны периметра. Опасаясь измены, комендант Баку полковник барон А. Ф. Розен выслал из города большинство жителей. Вооружив всех нестроевых и верных армян, он удачно расположил свои небольшие силы. Несколько раз мятежники и персы ходили на штурм Баку с лестницами, но всякий раз защитники отбивали их приступ с большим уроном. Собравшиеся 30 августа в Баку две роты Каспийского морского батальона сразу вступили в бой и уже 1 сентября участвовали в отражении очередного вражеского штурма. После бесплодных приступов, Хуссейн начал правильную осаду крепости. Но неудачи противника воодушевили гарнизон, и Розен даже сделал несколько успешных вылазок. За оборону Баку фельдфебель Каспийского батальона Иван Ландурин, рядовые Василий Гладченко, Игнатий Митчук и Степан Бычков были награждены Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Пока отряды персов и мятежников хозяйничали в Талышинском, Ширванском, Кубинском и Бакинском ханствах, на главном театре военных действий в Грузии генерал-лейтенант И. Ф. Паскевич разгромил 13 сентября 1826 г. при Елисаветполе армию принца Аббас-мирзы, бежавшего за Аракс, после чего русские войска вступили в Шекинское ханство. Эти сведения заставили персов и мятежников быстро оставить занятые ими восточные провинции Кавказа и отступать за Куру. В ночь на 24 сентября персидский принц Ших-Алимирза, осаждавший Кубу с шеститысячным отрядом, *«бежал самым поспешным образом,* – как писал в своем донесении Ермолов, – *и догнать его было невозможно». «Стремительно»* бежал в Шемаху Мустафа-хан Ширванский, занимавший с конницей другую часть Кубинской провинции. Осаждавший Баку Хуссейн-Кули-хан также поспешил снять осаду и, разграбив крепостной форштадт, ушел в Талышинские степи.

В преследование за отступающим неприятелем из Кубы по бакинской дороге был послан отряд под командованием командира Апшеронского полка полковника П. Г. Мищенко – 6 рот Апшеронского и 2 роты Куринского пехотных полков при 4 орудиях. Навстречу ему из Баку к Арбату выступил майор А. Х. Карцов с двумя ротами Каспийского морского батальона – 5 обер-офицеров, 26 унтер-офицеров, 7 музыкантов, 247 рядовых, 1 нестроевой. 5 октября роты пришли в Арбат, сопровождая 200 четвертей сухарей и муки. Оставив в Арбате все тяжести и 1 орудие, Мищенко поручил Карцову охранять их и, дождавшись остальные две роты батальона, спешно идти к Шемахе. Но в связи со стремительным бегством врага Мищенко занял Шемаху уже 7 октября и приказал Карцову следовать к нему, не дожидаясь Ильинского. В то же время, собрав верных шекинских беков, он поручил командование над ними капитану Каспийского морского батальона Л. К. Перкину и послал их для разъездов вдоль Куры. Но, несмотря на все усилия Перкина, беки боялись идти дальше 15 верст, а один нечаянный выстрел обратил всю конницу в бегство. Не рассчитывая на помощь беков, отряд Мищенко двинулся 11 октября из Шемахи к месту слияния Аракса и Куры у Джевата. В Шемахе были оставлены две роты Каспийского морского батальона с 2 орудиями. *«Оставить их*

Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Алексей Петрович Ермолов.

Gen. Alexei Petrovich Yermolov, commander of the Independent Caucasian Corps.

Портрет кисти Дж. Доу. 1825 г. Фрагмент. (ГИМ)

Серебряная медаль «За Персидскую войну».

Silver medal For the Persona War.

(Из частной коллекции)

Такой медалью на соединенной Георгиевской и Владимирской ленте были награждены офицеры и солдаты Каспийского морского батальона, участвовавшие в русско-персидской войне 1826–1828 гг.

здесь счел я необходимым, – доносил Мищенко, – *как для соблюдения коммуникации между Кубою и отрядом моим, равно и для содержания города и провинции в должном повиновении».* Кроме того, ротам поручили заготовить провиант для отряда.

12 октября Перкин с шекинской конницей присоединился к отряду Мищенко, который 14 октября настиг войска Мустафы-хана возле Джевата. Неожиданное появление русских вызвало панику среди персов и мятежников, бросившихся по канатному мосту через реку. Перейдя за Куру, они обрезали канаты и попытались устроить батарею из 4 орудий. Но метким огнем русской артиллерии 2 вражеские пушки были подбиты, после чего конница хана бежала в Муганскую степь, бросая на ходу снаряды, амуницию и оружие. В этом сражении погиб один из ветеранов героического штурма Ленкорани – Лука Кондратьевич Перкин. *«С нашей стороны тяжело ранен и в ночь помер командующий ширванской конницей Каспийского морского батальона храбрый капитан Перкин,* – доносил полковник Мищенко, – *он принял команду над стрелками Апшеронского пехотного полка и занял пункт против моста и отличною храбростью своей заслужил особенное внимание».*

Отрезанный персами канатный мост через Куру быстро восстановили. Правда, переправить по нему артиллерию не представлялось возможным. Тем не менее, Мищенко послал в степь пехоту и донских казаков, активно преследовавших бегущего противника. Дорога на Ленкорань была открыта. Но Ермолов решил пока не занимать Талышинское ханство, *«ибо малого числа войск послать туда я не решаюсь, большого же нет средств продовольствовать».* Отряд Мищенко расположился от Джевата вниз по Куре с целью пресекать попытки мятежников переправиться через реку для зимнего кочевья.

После завершения кампании командир Каспийского морского батальона неожиданно узнал о своем предании военному суду. Правда, теперь сторону опального майора принял даже сам А. П. Ермолов, который 26 января 1827 г. направил начальнику Главного Штаба барону И. И. Дибичу рапорт: *«Ныне по изгнании из пределов наших персиян я требовал от майора Ильинского объяснение насчет действий его с начала возникшего мятежа в Талышинском ханстве и, рассматривая оное со вниманием с присоединением разных полученных о том особо сведений, нахожу действия майора Ильинского не только не заслуживающими какого-либо взыскания, но напротив того даже одобрения, ибо нельзя обвинить майора Ильинского за несоединение постов, потому что он не мог никак предвидеть, чтобы персияне столь нагло нарушили мир. <...> За всем тем распоряжения, делаемые майором Ильинским, были довольно благоразумны».* Ввиду этого Ермолов просил барона Дибича ходатайствовать перед императором об отмене суда. Казалось, что теперь ничего не помешает благополучному исходу дела. Но судьба Ильинского снова сделала неожиданный поворот.

В начале 1827 г. Николай I, недовольный действиями Ермолова на Кавказе, готовился заменить его генералом И. Ф. Паскевичем. Повторный рапорт Ермолова император принял с явным неудовольствием как лишнее подтверждение его неспособности, о чем и поставил на вид Дибичу. Раздосадованный барон 22 марта 1827 г. сообщил Ермолову, что если *«майор Ильинский точно исполнил все, что долг и честь от него требовали, то для него самым лучшим оправданием будет, когда военный суд, который объяснения его рассмотрит, найдет его невинным».* Итак, судебное разбирательство началось.

Весной 1827 г. новый командир Отдельного Кавказского корпуса генерал И. Ф. Паскевич, блокировав Эривань и готовя наступление к Нахичевани, велел устроить коммуникационную линию для снабжения армии провиантом – из Астрахани через Баку и далее через Сальяны на плавучих транспортах по рекам Куре и Араксу. Одновременно требовалось организовать их охрану в Ширвани и Карабахе от набегов персов и мятежников. В связи с этим Каспийский морской батальон, собравшийся и зимовавший в Шемахе, был двинут в Карабах и 23 марта вступил в Шушу. Затем две его роты перешли к Сальянам и 28 июня 1827 г. расположились в рыбном промысловом пункте Божий Промысел. Здесь, в 14 верстах от морского побережья, была организована главная промежуточная база, где провиант нагружали на киржимы. Понимая стратегическую важность этого пункта, персы предприняли набег и 7 июля атаковали Сальяны и Божий Промысел. Но две роты Каспийцев при поддержке вооруженного катера на Куре отразили противника огнем. Из кулей с провиантом морские солдаты построили защитные стенки и три дня вели перестрелку с окружившими их персами. 10 июля подошедший из Сальян сильный отряд деблокировал Божий Промысел. За храбрую оборону трех нижних чинов Каспийского батальона наградили Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Вскоре поражения на главном театре войны склонили Персию к миру. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский договор, по которому шах обязывался *«вывести свои войска в двухмесячный срок, начиная с даты подписания настоящего договора, и передать российским комиссарам, направленным с этой целью на места, всю ту часть Талышинского ханства, которая по праву принадлежит Российской империи».* 23 апреля Паскевич направил российских представителей для приема ханства от персов, и 30 мая 1828 г. Каспийский морской батальон возвратился в Ленкорань. Всех его солдат и офицеров наградили памятными серебряными медалями.

Переформирование Каспийского морского батальона и служба частей-преемников

После возвращения Каспийского морского батальона в Ленкорань мятежный Мир-Хассан-хан не смирился с поражением. Рассчитывая на поддержку Турции, вступившей в апреле 1828 г. в войну с Россией (см. Главу VIII), он снова попытался разжечь в Талышах восстание. 16 февраля 1829 г. команда Каспийского батальона на Астаринском пограничном посту отразила нападение приверженцев Мир-Хассан-хана, за что 4 нижних чинов наградили Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Все это время командир Каспийского морского батальона майор И. В. Ильинский находился под судом. По мере разбирательства стали выясняться его злоупотребления 1825–1826 гг., за что майору грозила отставка. В связи с этим 26 марта 1829 г. Ильинского отстранили от командования батальоном. Но далее вскрылось уже настоящее преступление. Во время восстания Ильинский арестовал по подозрению в сочувствии мятежникам некоторых жителей Ленкорани и отправил их на остров Сари. Здесь, якобы по предписанию Ермолова, он приказал утопить 14 человек. Естественно, что никаких бумаг из Тифлиса изолированный на острове Ильинский не получал. Но зато среди казненных оказался купец Аджи-Мехмет-Хасан, тюк с ценными вещами которого был, видимо, присвоен Ильинским. Дело приобретало криминальный оборот. Но тут в судьбу Ильинского снова вмешалась женщина.

Как уже говорилось, во время событий 1826 года из Ленкорани в Баку Ильинский эвакуировал семью мятежного Мир-Хассан-хана, в том числе его юную сестру Биюк-ханум. Вопреки своему брату она решила принять православие и в апреле 1830 г. отказалась от всех прав на наследственные владения в пользу Российской империи. Приятно удивленный такой преданностью Николай I назначил Биюк ежегодную пенсию 1200 рублей серебром и согласился стать ее восприемником при Святом крещении. Однако вскоре новообращенная девица Александра Николаевна пожелала выйти замуж за... опального майора Ильинского. Трудно сказать, являлся ли 40-летний майор красавцем. Портрет его, к сожалению, не сохранился. Из документов известно только, что был он по тем временам чуть выше среднего роста, 165 см, *«лицом чист, глаза карие, волосы на голове темно-русые»*. Но, видимо, Биюк влюбилась в Ильинского по-настоящему. Не исключено, что и крещение она приняла не столько из верноподданнических чувств, сколько с целью последующего бракосочетания. Все это сильно озадачило графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, которым *«к отклонению ее от замужества с ним сделаны были всевозможные убеждения, но она, несмотря на таковые, осталась непреклонна»*.

В декабре 1830 г. свадьбу пришлось разрешить, о чем доложили императору. Тем не менее, по делу Ильинского Николай I оставался непреклонен. 3 августа 1832 г. он утвердил решение, которым за все злоупотребления и незаконные казни Ильинского лишили чинов, дворянства, разжаловали в рядовые и определили в Кабардинский пехотный полк. С 3 октября 1832 г. 42-летний рядовой Ильинский начал тянуть в Нальчике солдатскую лямку.

К этому времени Александра, оставшаяся в Баку, родила сына Ивана и обратилась к крестному с просьбой о помиловании мужа. 25 января

Рядовой русской пехоты на Кавказе.

Russian private infantryman in the Caucasus.

Рисунок с натуры Т. Горшельта. 1860 г. (РГВИ)

Библиография и источники:

Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.

Хроника 262-го пехотного резервного Сальянского полка 1805–1905. Б. м., б. г.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 29. Д. 1109; Оп. 30. Д. 518; Оп. 36. Д. 93.

Горнист русской пехоты на Кавказе.

Russian infantry bugler in the Caucasus.

Рисунок с натуры Т.Горшельта. 1859 г. (РГБИ)

Участник кавказских походов, в том числе десантов 1838–1839 гг., офицер М.Ф.Федоров вспоминал: «Нижние чины регулярных полков носили сапоги с длинными голенищами, черкесские шапки разных видов; были и форменные фуражные шапки, но с козырьками; на форменные шинели нашиты, по образцу линейных казаков и горцев, суконные разноцветные патронташи, по-казачьему "хазыри", для пяти или шести патронов с каждой стороны груди; остальные патроны, числом до 60-ти, имели в форменных лакированных сумах, на замшевых перевязях, которые у пехотных солдат во время похода выворачивались наизнанку, чтобы не служили в лесистой местности целью для неприятеля, так как лицевая сторона белилась мелом на клею и отполировывалась зубком, также как и на портупеях, но этих последних в экспедиции не брали; их назначение было поддерживать у мушкетеров штыковые ножны, а у гренадер тесаки, а так как войска в экспедициях никогда не отмыкали штыков, то и в портупеях при таких походах не было надобности. В егерских полках перевязи и портупеи были черной лакированной кожи, чистились воском и щеткою; вместо ранцев войска имели холщевые мешки».

Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879. С. 6.

1834 г. Николай I согласился уволить Ильинского в отставку, *«отдав на попечение жены его»*. Но решение это имело неожиданные последствия. Рядового Ильинского уволили на обычных солдатских правах с обязательным предписанием *«вести себя честно и добропорядочно, одеваться благопристойно, бороду брить, по миру не ходить»*, а сыновей после 14 лет отдавать в батальоны военных кантонистов. Последнее требование особенно поразило ханскую дочь. После очередного обращения к крестному ей удалось *«во внимание к заслугам ее родителя»* добиться 27 мая 1835 г. разрешения для сына *«пользоваться правами и преимуществами дворянского достоинства»*. Теперь оставалось лишь вызволить из солдатского состояния непутевого, но богатого мужа. В конце концов, 26 октября 1839 г. император по просьбе крестницы разрешил рядового Ильинского *«считать уволенным от службы первым офицерским военным чином»*. Отставной прапорщик Ильинский снова обрел прежние права. Так завершилась удивительная одиссея этого храброго офицера, сначала потерявшего из-за любви все надежды, прошедшего через многие испытания, стремительно возвысившегося и мучительно павшего, но спасенного в итоге все той же любовью.

Пока разбиралось дело командира Каспийского морского батальона, в судьбе самой части произошли кардинальные перемены. 18 января 1830 г. император принял решение о переформировании гарнизонных и резервных частей на Кавказе в 12 Грузинских линейных батальонов. В соответствии с этим к концу 1830 г. Каспийский морской батальон преобразовали в Грузинский линейный № 8-го батальон. Правда, служба бывших каспийцев, по-прежнему остававшихся в Ленкорани и охранявших Талышинское ханство, от этого почти не изменилась. В марте 1831 г. непримиримый Мир-Хассан-хан по сговору с имамом Кази-муллой снова поднял восстание в Талышах. Но батальон был начеку, и мятежники не посмели нападать на Ленкорань. Присланный из Сальян отряд русской пехоты разгромил 23 апреля толпы повстанцев. Среди бежавших в горы приверженцев хана началась холера, и в течение месяца мятеж прекратился.

5 июня 1831 г. командиром батальона был назначен подполковник Прокофий Павлович Луценко – герой русско-турецкой войны, получивший за храбрость два чина и три боевых ордена. На целых 8 лет его судьба оказалась связанной с Каспийцами. Луценко удалось подавить последние очаги ханского сопротивления. С 29 января по 11 февраля 1833 г. он руководил экспедицией против мятежных племен, которые после перестрелки 30 января были приведены в повиновение. На долгие годы Талышинская провинция стала мирным краем, покой которой изредка нарушали приграничные разбойники.

21 марта 1834 г. в связи с изменением устройства кавказской пехоты батальон переименовали в Грузинский линейный № 7-го батальон. В июне 1835 г. старое знамя Каспийского морского батальона (с синим крестом) было сдано в Тифлисский арсенал, и вместо него Грузинцам вручили новое с крестом зеленым, сходное по рисунку со знаменами морских полков.

Служба батальона таила много опасностей не только из-за воинственных кочевников, разбойников и горцев, но и благодаря нездоровому климату, а также дикой природе. Интересное описание повседневной жизни батальона оставил капитан И.Ф.Бларамберг, посетивший Ленкорань в марте – мае 1836 г.: *«22 марта* [1836 г.] *я отправился на транспортном судне "Эмба" на остров Сари у Ленкорани, где тогда была база русской флотилии на Каспийском море, и представился шефу, адмиралу Басаргину, который совершил много путешествий по этому краю, а также составил карты и описание побережья. Он жил отшельником на этом жалком острове. Позднее база Сари была ликвидирована, и от просто-р-*

ных зданий и складов теперь[6] остались лишь несколько руин и большое кладбище, где похоронено много матросов, умерших от нездорового климата. 24 марта я отплыл с острова Сари на плоскодонном киржиме (баркасе) со своим багажом и верным слугой и через два часа прибыл в Ленкорань. <...> К моему великому удивлению я встретил одного своего бывшего товарища по Кавказской войне – инженер-капитана Н. Горбачевского. Он руководил здесь строительством крепости и был главным лицом в этом местечке после коменданта полковника Луценко. Нам было, что рассказать друг другу! Горбачевский сообщил мне много интересных подробностей об этой стране, ее удивительных равнинах, горах и лесах, которые я твердо решил исходить.

После обеда я отправился осматривать крепость и город. Ленкоранский рейд совсем открытый, и при сильном ветре с севера и юга волны прибоя настолько сильны, что едва ли какое судно может удержаться на якоре и не быть выброшенным на берег. Когда море успокаивалось можно было видеть, как в песке и на склонах морского берега наполовину обнажались кости русских воинов, погибших во время штурма Ленкорани в 1812 году. 25 лет назад это кладбище находилось далеко от морского берега, но постепенно волны размыли его. Прогуливаясь вдоль крепостных валов, я увидел двух солдат, развешивающих свежую тигровую шкуру необыкновенной красоты и величины. Я спросил их, кому принадлежит шкура, когда и где зверь был убит, и узнал от них, что персидские крестьяне, устроившие засаду на высоких деревьях, застрелили вчера тигрицу и что шкуру, которую они теперь выделывают, они преподнесли в подарок коменданту. Кроме того, солдаты рассказали мне, что в этой стране довольно много тигров и особенно пантер, пищей для которых служат дикие кабаны; последние во множестве обитают в окрестных камышах, и комендант каждую осень охотится на них.

На следующий день я нанес визит коменданту, который пригласил меня к столу и предложил ежедневно бывать у него и считать его дом своим. Он подарил мне тигровую шкуру. <...> Полковник Луценко угостил меня вином собственного приготовления. Оно было красивого, розового цвета, немного терпкое поначалу и крепкое. Полковник рассказал мне, что с одной виноградной лозы он получил целую сорокаведерную бочку вина (семь прусских ведер, или около 5 гектолитров). Эта лоза обвивала до самой кроны большое ореховое дерево и свисала над землей. Сначала мне это показалось невозможным или, скорее, невероятным, но позже, когда я собственными глазами увидел буйную растительность в этой чудесной стране, я поверил вышеупомянутому заверению.

Далее он сообщил мне, что ежегодно в октябре отправляет 6–10 егерей своего батальона в сопровождении стольких же командиров, с небольшим прикрытием, охотиться в окрестностях на диких кабанов. Через 8–10 дней они возвращаются со 150–180 убитыми кабанами; мясо в засоленном или свежем виде готовят на зиму для солдат, а 600 окороков, которые коптятся в это время года, полковник отсылает позднее в Астрахань на продажу; выручка используется на различные нужды батальона. Эта прекрасная страна была вообще раем для охотников: косули, дикие кабаны, фазаны, а осенью здесь столько всевозможных перелетных птиц, что жители убивают диких гусей иногда даже палками. В море среди других рыб в большом количестве водится очень приятный на вкус кутум (вид судака). Когда я не бывал приглашен в гости, одной такой рыбы хватало на обед мне и моему слуге, причем из одной половины готовили вкусный жирный рыбный суп (уху), другую жарили; весь обед стоил мне 3–5 копеек серебром.

Через три дня после моего приезда в Ленкорань в госпиталь привезли умирающего солдата. Дело обстояло следующим образом: каждую неделю в ближайший лес посылается команда из 20–30 солдат с несколькими подводами для заготовки леса на нужды батальона. Солдаты всегда вооружены ружьями с примкнутыми штыками, чтобы в случае опасности защищаться от нападения тигра или пантеры. Приехав в лес, солдаты поставили ружья в пирамиды и приступили к рубке. Вдруг из кустарника выскочил тигр (вероятно, супруг недавно убитой тигрицы), кинулся на ближайшего солдата и одним ударом своей страшной лапы вырвал ему левую руку из ключицы и сломал несколько ребер. На крик бросились его товарищи с ружьями, но чудовище уже скрылось в лесу. Через несколько часов несчастный солдат умер от ран. <...> Тигры, которые водятся в густых лесах Талыша, Ги-

Военный инженер капитан Николай Иванович Горбачевский.

Pioneers Capt. Nikolai Ivanovich Gorbachevsky.

Миниатюра работы неизвестного художника. 1832–1834 гг. (ТЭ)

Брат сосланного на каторгу декабриста И.И.Горбачевского военный инженер Н.И.Горбачевский также привлекался к следствию, но в связи с отсутствием доказательств был отправлен в 1826 г. на Кавказ. Участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах. В 1830-х гг. под его руководством Грузинский линейный № 7-го батальон (бывший Каспийский морской батальон) занимался строительством новых укреплений Ленкорани. В 1838 г. убит горцами на Военно-Грузинской дороге.

[6] Мемуары были написаны И. Ф. Бларамбергом на основе дневников в 1870-х гг.

Барабанщики русской пехоты на Кавказе.

Russian infantry drummers in the Caucasus

Рисунки с натуры Т.Горшельта. 1858–1859 г. (РГБИ)

ляна и Мазендерана, – настоящие бенгальские королевские тигры. Они достигают 6–7 футов в длину и 3 1/2 фута в высоту, имеют красивую полосатую шкуру и очень сильны. Подаренная мне тигровая шкура имела от конца морды до начала хвоста 7 английских футов, а вместе с хвостом — 10 1/4 фута. <...>

В первое воскресенье моего пребывания здесь я стоял рано утром на крыльце своего дома, любуясь красивыми окрестностями и прекрасным утром. В это время мимо меня в воскресном наряде прошелестела направлявшаяся в церковь молодая жена хозяина дома, унтер-офицера и прекрасного охотника. Она дружески поздоровалась со мной, и я заметил у нее на шее странную цепочку. Когда я спросил ее, что это такое, она заявила с нескрываемой гордостью, что это когти пантеры, убитой ее мужем. Мое любопытство было возбуждено. Я дождался ее мужа, и он рассказал мне, что во время охоты на кабанов часто случается наталкиваться в густом высоком камыше на спящую или отдыхающую пантеру. "Хотя у меня, – добавил он, – и нет дурных намерений против нее, потому что я охочусь на кабана, все же зверь вправе предполагать, что моя пуля предназначена для него. Чтобы не быть разорванным, я должен быть начеку и упредить зверя, прежде чем он опомнится и бросится на меня. Такая охота, – закончил он свою речь, – требует спокойствия, хладнокровия и меткости". Во время своей службы здесь он убил около 15 пантер, и я купил у него на память красивую пятнистую шкуру. <...>

У нас была очень дождливая пасха, и грязь на немощеных улицах была ужасной. Однако когда сюда 31 марта для инспекции батальона прибыл генерал-лейтенант фон Краббе, стояли уже теплые, погожие дни. Я со спутниками часто совершал прогулки по окрестностям: либо вдоль моря, прибой которого мы часто подолгу наблюдали, либо вдоль горной речушки Ленкоранки вверх по направлению к лесу. На этой речушке водилось много красивых уток, так назы-

Русские солдаты в зимней походной форме на Кавказе.

Russian soldiers clad in their winter uniforms in the Caucasus.

Рисунки с натуры Т.Горшельта. 1859 г. (РГБИ)

ваемых астаранских — от Астары, пограничной деревни между Персией и Талышем, где они обитают. Редко я видел таких красивых птиц, средней величины, имеющих столь совершенную форму. Так как мой дом находился недалеко от берега, ночью до меня часто доносился шум прибоя, но при этом приходилось слушать и неприятную музыку, то есть кваканье множества лягушек, населявших большие лагуны. Каждую ночь я слышал жалобный крик то одного, то другого несчастного водяного жителя, который попадал в пасть змеи; чем глубже бедная лягушка проталкивалась в пасть своего врага, тем более испуганным и глухим становился ее крик. Ночью можно было также часто слышать жалобный крик шакалов, похожий на плач ребенка.

<...> Когда наступило жаркое время года, батальон, как всегда, был переведен из тогда еще нездоровой равнины Ленкорани в лагерь на близлежащих холмах, где солдаты могли насладиться свежим и прохладным горным воздухом. <...> Мы направились в долину Ленкоранки, которую пересекли дважды, продолжили свой путь сквозь великолепный лес до каменоломен Балабура [в 7 или 8 верстах от крепости], *где добывался известняк для крепости Ленкорань. Отсюда мы сделали крюк через густой лес к горячим серным источникам, располагавшимся в красивом ущелье и окруженным густым лесом. Температура в источниках, которых было три, была равна 34–35° по Реомюру. Мы с истинным наслаждением искупались в одном из них. Сторож рассказал нам, что каждое лето сюда присылают много больных солдат Ленкоранского батальона. Раз в неделю им привозят продукты. Однажды в прошлом году (1835-м), продолжал сторож, нагруженная продуктами упряжка волов проезжала по селу, и тут из чащи медленно вышел тигр и стал следовать за подводой на расстоянии нескольких сотен шагов. Когда подвода миновала деревянный мост, в трех верстах от источников, он исчез в кустарнике. Бедный возница был все это время ни жив, ни мертв.*

Унтер-офицер русской пехоты на Кавказе.

Russian infantry non-commissioned officer in the Caucasus.

Рисунок с натуры Т.Горшельта. 1860 г. (РГБИ)

Он сообщил о своем приключении коменданту, который сначала не придал ему никакого значения, посчитав эту встречу за случайность, но, поскольку это стало повторяться все чаще, с возницей были отправлены три хороших стрелка, которые при появлении тигра, следовавшего, как обычно, на расстоянии, убили его, освободив тем самым возницу навсегда от страха».

18 февраля 1839 г. вместо подполковника Луценко командиром батальона был назначен майор фон Фогель. При этом прежнее совмещение всей власти в ханстве он признал *«весьма неудобным, ибо занятие его по гражданскому управлению часто отвлекает от прямой его обязанности, и чрез то батальон, ему вверенный, не имеет должного образования по фронту»*. В связи с этим 19 мая 1839 г. в Ленкорань назначили специального жандармского подполковника. Отныне командир батальона занимался только вопросами вооруженной защиты края. При последовательных реформах кавказских войск батальон менял свои названия. 8 августа 1840 г. его переименовали в Грузинский линейный № 9-го батальон, а 31 августа 1842 г. – снова в Грузинский линейный № 8-го батальон. В связи с активными военными действиями в Дагестане батальон привлекался на смену войск, участвовавших в боевых экспедициях. Так, 21 августа 1843 г. 1-я и 2-я роты батальона были командированы в Кубу для несения гарнизонной службы, откуда 2-я рота вернулась в Ленкорань в декабре 1844 г., а 1-я рота лишь через 2,5 года – в январе 1846 г. Еще более продолжительной оказалась командировка 2-й линейной роты 15 марта 1849 г. в Нуху, где она 8 лет содержала гарнизон и вернулась в Ленкорань лишь 1 мая 1857 г. 8 апреля 1858 г. все Кавказские, Грузинские и Черноморские линейные батальоны получили общее название Кавказских, в связи с чем Грузинский линейный № 8-го батальон стал называться Кавказским линейным № 21-го.

17 марта 1859 г. 3-я линейная рота батальона выступила в Шемаху, а оттуда в начале мая в Баку для усиления местного гарнизона. Так начался постепенный перевод батальона из Ленкорани к новому месту службы. 23 января 1862 г. в гарнизон Баку отправили 4-ю линейную роту, а в октябре 1866 г. за ней последовали штаб батальона, стрелковая и 2-я линейная роты. 23 марта 1868 г. Кавказский линейный № 21-го батальон был переименован в Бакинский губернский батальон, и, тем самым, окончательно решился вопрос о его переводе на новые квартиры. Завершила переход в Баку 1-я линейная рота, прибывшая из Ленкорани в сентябре 1868 г. В связи с определением на новое место службы, 15 августа 1873 г. по повелению Александра II батальону передали Михайло-Архангельский храм. Поскольку первоначально здание храма принадлежало Каспийской флотилии, то церковь традиционно и по сей день именуется в народе «Флотской». Сегодня Флотская церковь – старейший из сохранившихся православных храмов Баку.

18 апреля 1874 г. кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич провел смотр и похвалил батальон. 1 августа того же года Бакинский губернский батальон переименовали в Бакинский местный батальон. В связи с началом русско-турецкой войны и восстанием в Дагестане его 1-ю роту командировали 22 сентября 1877 г. в Дербент, где она участвовала в боевых действиях против горцев и вернулась в Баку 9 декабря 1877 г. С той же целью 7 октября в Кубу отправили 4-ю роту батальона, вернувшуюся в Баку 20 ноября 1877 г. В связи с необходимостью усиления кавказских войск было принято решение об их спешном развертывании. Бакинский местный батальон укомплектовали 1034 ратниками ополчения и 1 июля 1878 г. развернули в 1-й и 2-й Бакинские местные батальоны. Но в связи с завершением активных боевых действий 2-й Бакинский местный батальон уже 17 августа 1878 г. упразднили,

ратников ополчения уволили, а 1-й батальон привели в прежнее состояние. После завершения войны все солдаты и офицеры получили памятные темно-бронзовые медали.

9 августа 1888 г. Бакинский местный батальон участвовал в параде на Баиловом мысе в присутствии Александра III и удостоился царского *«Спасибо»*. В связи с очередной реформой местных войск 20 сентября 1889 г. батальон был преобразован в 12-й Кавказский резервный (кадровый) пехотный батальон, а вскоре 25 марта 1891 г. переименован в Сальянский резервный батальон. Но на этом перемены не закончились. 26 декабря 1892 г. батальон развернули в двухбатальонный Сальянский резервный пехотный полк, названный 26 мая 1899 г. 262-м пехотным резервным Сальянским полком. В 1898 г. и в 1900–1901 гг. полковая охотничья команда несла службу на персидской границе, где боролась с разбойничьими набегами кочевников-шахсевен. В 1904 году в связи с началом русско-японской войны из Сальянского полка в Маньчжурскую армию добровольно отправились 1 штаб- и 9 обер-офицеров, из которых 1 был убит, 4 ранены и 1 контужен.

Хотя служба Сальянского полка в Баку шла сравнительно мирно, малейшее недоразумение могло сразу разрушить хрупкое кавказское равновесие. Невольными виновниками такой вспышки стали два рядовых Сальянского полка – армяне Арутюнянц и Бабаков. 12 января 1905 г. они конвоировали в тюрьму преступника азербайджанца Бала-Агу. При попытке к бегству солдаты закололи его штыками. Это событие вызвало волнения среди местных татар[7]. 6 февраля богатый татарин Ага-Реза-Бабаев погнался за солдатом-армянином, которого принял за одного из конвоиров. Не сумев догнать солдата, он попытался выстрелить ему в спину. Увидевшие это армяне застрелили Бабаева, после чего добили его кинжалом. Собравшиеся возле трупа родственники и друзья Бабаева стали избивать попадавшихся им армян. Началась кровавая армяно-татарская резня, в результате которой по всему Закавказью погибло около 10 тысяч человек.

14 июня 1905 г. отмечался столетний юбилей Сальянского полка, считавшего свое старшинство от Каспийского морского батальона. На средства известного азербайджанского нефтепромышленника и мецената Зейналабдина Тагиева в расположении Сальянских казарм был построен храм Святых Жен-мироносиц. Полку пожаловали новое знамя с юбилейной Александровской лентой. Однако главный знак высочайшего благоволения ожидал Сальянцев через два года. 30 июля 1907 г. Николай II назначил наследника престола цесаревича Алексея шефом полка, который стал называться 262-м пехотным резервным Сальянским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком. 30 декабря 1908 г. в полк поступили 7-я, 8-я, 9-я и 10-я роты 1-го Варшавского и 3-го Ковенского крепостных пехотных полков. В результате полк был приведен в полный комплект мирного времени, и из его названия исключили слово «резервный». С 1908 годом связано еще одно событие в истории Сальянского полка, едва не принесшее ему всесоюзную известность. В предварительной редакции знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)» поначалу имелись такие строки: *«... в 1908 г. по приказу тюремного начальства рота солдат Сальянского полка избивала политических арестованных в Баиловской тюрьме в Баку, где в то время сидел товарищ Сталин. Когда политических заключенных пропускали "сквозь строй", Сталин шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руке. Мужество и стойкость товарища Сталина поддерживали других заключенных»*. Но И. В. Сталин, работая над редакцией и макетом «Краткого курса», вычеркнул наиболее одиозные превозношения, в том числе и этот текст о Сальянцах.

Портрет цесаревича Алексея Николаевича – шефа Сальянского пехотного полка (преемника Каспийского морского батальона).

Portrait of Crown Prince Alexei Nikolayevich, chief of the Saliansky Infantry Regiment (the successor to the Caspian Naval Battalion).

Рисунок художника М.В.Рундальцова. 1911 г. (ГЭ)

Между тем Россия с тревогой наблюдала за революционными беспорядками, происходившими в соседней Персии. После смерти 27 декабря 1906 г. (9 января 1907 г.) шаха Музаффар-ад-дина ситуация в стране вышла из-под контроля властей. В конце концов, 10 (23) июня 1908 г. Мохаммед-Али-шах распустил оппозиционный меджелис, изгнал фидаев из Тегерана и навел в столице порядок. После этого центр восстания переместился в иранский Азербайджан. Совсем рядом с российской границей в Тавризе образовался главный очаг сопротивления, куда через Кавказ хлынули революционеры всех мастей. Кроме того, безвластием тут же воспользовались воинственные племена шахсевен, принявшиеся безнаказанно грабить торговые караваны. Крупные шайки разбойников все чаще переходили

[7] Имеются в виду кавказские татары – азербайджанцы.

Фрагмент карты Персии. 1898 г.

A fragment of a map of Persia. 1898.

(Музей-панорама «Бородинская битва»)

Аракс, нападая на приграничные российские деревни и аулы. 7 (20) апреля 1909 г. для защиты русских консульств и иностранных учреждений Николай II приказал двинуть в Персию отряд войск, которые заняли Тавриз и Казвин.

Тем не менее, шахсевены продолжали бесчинствовать в окрестностях Ардебиля, грабить жителей и даже угрожать российскому консулу. В связи с этим 21 октября (3 ноября) 1909 г. Совещание по персидским делам под председательством П. А. Столыпина *«ввиду полученных тревожных известий об опасности, которой подвергаются наше консульство и русские подданные от осаждающих Ардебиль шахсевенцев, сочло неотложно необходимым немедля двинуть в Ардебиль отряд войск»*. Из Баку морем спешно отправились два батальона 262-го пехотного Сальянского полка при двух легких орудиях Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, а также две сотни 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска с двумя пулеметами. Роты и сотни имели мирный состав, так что весь отряд насчитывал около 700 человек. Высадившись в Астаре, Сальянцы и казаки 28 октября (10 ноября) заняли Ардебиль, после чего шахсевены рассеялись, а в городе установился порядок. После замирения края большая часть русских войск вернулась в декабре 1909 г. в Россию. Но для охраны Ардебиля в Персии остался батальон Сальянцев вместе с батальоном 16-го гренадерского Мингрельского полка, 6-й горной батареей Кавказской гренадерской артиллерийской бригады и двумя сотнями Полтавцев.

20 февраля 1910 г. при очередном преобразовании пехоты Сальянский полк получил новый номер и стал называться 206-й пехотный Сальянский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. Вскоре ему снова пришлось действовать против шахсевен, которые восприняли вывод русских войск из Персии совершенно превратно. В 1910 году генерал А. В. Самсонов докладывал императору: *«Мы всегда стремились поскорее вернуть наши войска обратно. Местное население, не разбираясь в тонкостях политических соображений, всякий раз видит в этом якобы нашу слабость, наше поражение. <...> Азиат покоряется только силе и никаких других высших, а тем более гуманных и рыцарских соображений, не понимает»*. Рядом с последним утверждением Николай II написал: *«Верно»*. Зимой 1910–1911 гг. в Ардебильском отряде шахсевены несколько раз нападали на русские разъезды и патрули. В феврале 1911 г. они жестоко убили 6 солдат Сальянского полка и надругались над их трупами. В связи с новой волной беспорядков Россия усилила свои персидские гарнизоны. 9 (24) ноября 1911 г. из Баку в Энзели морем доставили 1-й, 3-й и 4-й батальоны Сальянского полка с полковыми командами и обозом (51 офицер и 1017 нижних чинов). Совершив марш через Решт, батальоны пришли в Казвин, где поступили в состав Казвинского отряда.

Однако главная боевая работа в Персии выпала 2-му батальону Сальянского полка (14 офицеров и 400 нижних чинов), находившемуся в Ардебильском отряде. Этот отряд вел с шахсевенами упорную борьбу, имевшую свою региональную специфику. Как сообщал в Петербург наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков: *«Имея дело с кочевниками, надо знать, что среди них мирных от немирных отличить трудно, <...> а между тем, иной войны с разбойничьими кочующими племенами шахсевен не может быть, как только жечь их селения, истреблять имущество и угонять стада»*. В соответствии с этим Ардебильский отряд весной и летом 1912 г. совершил несколько карательных экспедиций.

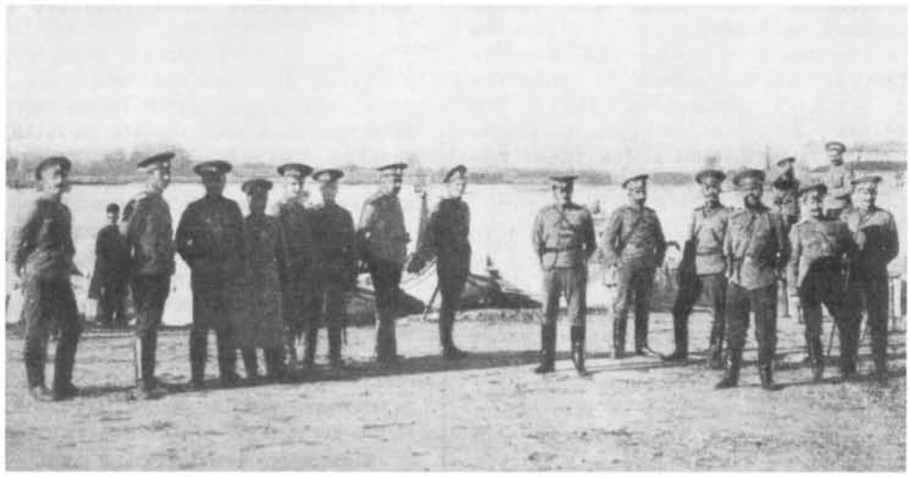
В апреле 1912 г. начальник отряда генерал-майор А. П. Фидаров во главе 2-го батальона Сальянцев и двух сотен 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска при двух горных орудиях 52-й артиллерийской бригады выступил в горы Багров-дага. Роты и сотни имели мирный состав и насчитывали всего по 55–65 человек. После месяца трудного преследования, сопровождавшегося боевыми стычками, отряд разгромил племя гялышей и навсегда отбил у них охоту нападать на русских.

Ночью с 21 на 22 мая (с 3 на 4 июня) 1912 г. генерал-майор А. П. Фидаров снова выступил из Ардебиля во главе отряда, в который входили 2-й батальон Сальянского полка, 5 сотен казаков 1-го Лабинского полка и 2 горных орудия 52-й артиллерийской бригады, – всего около 500 человек, в том числе 200 Сальянцев. В 6 часов утра 22 мая (4 июня) отряд встретил две тысячи кочевников и завязал бой, продолжавшийся более 9 часов. Шахсевены упорно защищали свои позиции, последовательно переходя с гребня на гребень. Несколько раз массы их всадников бросались в атаку на русские цепи. В ответ Сальянцы стреляли залпами, артиллерия била по шахсевенам картечью, а казаки лихо врубались в противника. Бой часто переходил в ближние и рукопаш-

ные схватки. Выбивая шахсевен с высот, отряд к 16 часам рассеял их, положив на месте более 100 человек и загнав остальных в снежную полосу Савелана или в Мешкин. В этом упорном бою Сальянский полк потерял 3 солдат убитыми и 7 ранеными – в основном из 7-й роты, которой пришлось очень трудно на левом фланге отряда.

В конце июня – начале июля 6 рот Сальянцев с 2 пулеметами совершили еще одну экспедицию в окрестностях Ардебиля. 28 июля (10 августа) генерал-майор А.П.Фидаров опять выступил из Соул-Булаха с отрядом из 6 рот и 2 пулеметов Сальянского полка, 5 1/2 сотен казаков 1-го Лабинского и 1-го Екатеринодарского полков и 2 орудий 52-й артиллерийской бригады. Пройдя более 30 верст, отряд в тот же день перевалил через главный хребет Савелана. Застигнутые врасплох шахсевены попытались скрыться, но утром 29 июля (11 августа) Фидаров настиг их и окружил в 8 верстах южнее Ахбулахского перевала. Отобрав оружие и взяв заложников, генерал приказал шахсевенам гнать свои стада и кочевья в Хиов, угрожая в случае неповиновения расстрелять заложников. Кроме того, из-за возможного повторения нападения шахсевен на 29-ю Бакинскую пограничную бригаду две роты Сальянцев отправили для помощи пограничникам. 20 октября (2 ноября) 1912 г. в Ардебиле все ханы шахсевенских племен дали клятву впредь ни при каких обстоятельствах не поднимать оружие против русских. На кавказской границе наступило временное затишье[8]. Но вскоре Сальянскому полку пришлось защищать европейские рубежи России.

Летом 1914 г. 206-й пехотный Сальянский полк вместе с 205-м Шемахинским полком составлял 1-ю бригаду 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса. С началом I мировой войны полк 9 августа отправился из Баку на Юго-Западный фронт, имея назначение в 3-ю армию[9]. *«Мы ехали на фронт, как на праздник, полные порыва и жажды подвигов во славу Царя и Отечества»*, – вспоминал один из офицеров 52-й дивизии[10]. Но после Киева в связи с тяжелым положением 4-й армии в начале Галицийской битвы эшелоны корпуса вместо Ивангорода спешно отправили под Люблин. В это время 10-й австро-венгерский корпус прорвал стык 4-й и 5-й русских армий и, взяв станцию Травники, перерезал железную дорогу Люблин – Холм. Для ликвидации прорыва 19 августа создали группу генерала И.И. Мрозовского, в которую включили сводную бригаду 3-го Кавказского корпуса, составленную из подоспевших батальонов Апшеронского, Шемахинского и Сальянского полков. Прямо с колес им пришлось вступить в бой. *«Приближаясь с замедлением к станции Травники под звуки недалекой канонады,* – вспоминал один из офицеров, – *мы думали увидеть боевой порядок и получить соответствующие распоряжение штаба, но... Эшелон остановился посреди поля, и по сторонам пути лежали трупы в голубых мундирах – это австрийцы. Никакой встречи, никаких приказаний и никаких сведений об обстановке вообще»*. 20 августа группа Мрозовского встречным ударом опрокинула австрийцев, разгромив их 24-ю дивизию, причем сводная бригада Кавказцев штурмом взяла Суходелы. Наступая далее на деревню Лапенники, бригада 21 августа была остановлена контратакой 45-й австрийской дивизии. Но, опасаясь обхода, австрийцы 22 августа оставили Лапенники, и сводная бригада 23 августа заняла Орховец. Установив связь с правофланговым 25-м корпусом 5-й армии, она окончательно ликвидировала Травниковский прорыв.



Группа офицеров прибывшего в Персию 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка на пристани порта Энзели. 9 ноября 1911 г.

A group of officers with the 206th Salyansky His Imperial Highness and Heir to the Throne's Infantry Regiment at the pier of the port of Enzeli. 9 November 1911.

(Фото из журнала «Разведчик». 1912. №1106)

Развивая наступление, Сальянский полк вечером 24 августа сбил части 36-й ландштурменной бригады у деревень Высоке и Драганы и взял окопы за ними. Утром 25 августа Сальянцы вместе с Лейб-Гвардии Гренадерским полком начали штурм ключевых высот восточнее деревни Тарнавка. Но тут на помощь австрийцам подошел германский корпус генерала фон Войрша. Его 4-я ландверная дивизия заняла гребень и отбила все атаки. На высотах у Тарнавки фон Войрш решил остановить русское наступление. *«Эта, издавна известная в военной истории, позиция была в виде длинной горы, с которой открывался великолепный обзор и обстрел; она была вооружена 50-ю германскими орудиями, врытыми в землю, причем промежутки между орудиями были прикрыты стальными щитами, надежно укрывавшими прислугу у орудий»*. Атакующим предстояло *«пройти без передышки около 3500 шагов по гладкой, как бильярд, местности, причем последние 500 шагов отлого поднимались на довольно высокую и плоскую гору. Это обстоятельство неминуемо должно было вызвать кровавые потери от огня, не говоря уже об огне пулеметном и ружейном»*[11].

Вечером 26 августа Лейб-Гвардии Московский и Сальянский полки двинулись на штурм Тарнавской позиции. С огромными потерями они миновали открытое пространство и к 22 ча-

[8] Подробнее о действиях русских войск в Персии см.: *П.Н. Стрелянов (Калабухов)*. Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909–1914 гг. М., 2001; *П.Н. Стрелянов (Калабухов)*. Казаки в Персии в 1909–1918 гг. М., 2007.

[9] Описание участия 206-го пехотного Сальянского полка в I мировой войне дается здесь лишь в самых общих чертах. Интересующиеся подробными и точными сведениями о данном периоде могут обратиться к многочисленным и обстоятельным документам, хранящимся в соответствующих фондах Российского государственного военно-исторического архива: фонд 2820 (206-й пехотный Сальянский полк), фонд 2382 (52-я пехотная дивизия) и др.

[10] *Кузнецов Б.М.* Очерки из первой мировой войны. // Военная быль (Париж). 1964. № 68. С. 7.

[11] *Мандражи К.Н.* Бой под Тарнавкой 26 августа 1914 г. // Военная быль (Париж). 1964. № 68. С. 11.

Юбилейный нагрудный знак 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, учрежденный 2 июня 1912 г. в связи с исполнившейся 100-летней годовщиной сформирования Каспийского морского батальона.

Anniversary badge of the 206th Saliansky Infantry Regiment of His Imperial Highness the Crown Prince, introduced on 2 June 1912 on the occasion of the 100th anniversary of the Caspian Naval Battalion.

(Из частной коллекции)

сам закрепились на восточных скатах передовой высоты 124,8. Здесь поступил приказ прекратить кровопролитную атаку. Но тут разведчики донесли, что немцы, считая бой оконченным, отошли за хребет для варки пищи в котелках. Воспользовавшись этой оплошностью, Московцы и Сальянцы тихо, без стрельбы бросились вперед, штыками перекололи сторожевое охранение и, преодолев гребень, внезапно обрушились на артиллеристов и «кашеваров». *«Я имел возможность невооруженным глазом, а еще лучше через бинокль видеть эту незабываемую картину,* – вспоминал офицер Л.Л. Марков. – *Наши цепи охватили подножие холма и двинулись вперед, в гору, точно на параде, держа даже боевое равнение, как они с шагу перешли на бег и с раскатистым "ура" ворвались в окопы, затем рассыпались во 2-ю и 3-ю линии и, наконец, перекинулись через вершину вслед за убегающим немцами»*[12].

Внезапная атака совершенно деморализовала 4-ю ландверную дивизию. В ночной темноте началась паника. Командование дивизии с трудом организовало несколько контратак, но Московцы и Сальянцы успешно их отбили. К 8 часам утра 27 августа ландвер прекратил борьбу за высоты, а вскоре, смятая по фронту и охваченная с севера, немецкая дивизия беспорядочно откатилась из Тарнавки на юг, потеряв всю артиллерию, множество солдат и офицеров[13]. Продолжая наступление, левый фланг 4-й армии добил корпус фон Войрша, после чего уже вся 1-я австро-венгерская армия неудержимо покатилась к Сану. Преследуя противника, сбивая его арьергарды и забирая массу пленных, 3-й Кавказский корпус 29 августа занял Бранев, вышел из Таневских лесов у Белгорая, миновал 2 сентября Тарногрод и вечером 5 сентября с боем ворвался в Сеняву, перебросив авангарды за Сан. При штурме Сенявы 52-я пехотная дивизия захватила 27 орудий, склады снарядов и большие запасы продовольствия. Австрийцы стремительно отступали. Но 7 сентября вода в Сане поднялась и снесла мосты, в связи с чем 4-й армии пришлось остановить преследование. Противник сумел оторваться и занять к 13 сентября новую позицию по рекам Дунаец и Бяла. Первая Галицийская битва завершилась.

Вольноопределяющиеся 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка.

Volunteer personnel of the 206th Infantry Salyansky His Imperial Highness Heir to the Throne Regiment.

Фотография 2 февраля 1916 г. (Из коллекции А.И. Пересадько)

На кармане рубахи георгиевского кавалера, ниже наград, виден юбилейный нагрудный знак Сальянского полка. На обороте снимка игривая подпись: «Димка-пулеметчик, Васютка-малютка и Женя-котик хорошенькой Симочке на добрую память. 2/II.1916 г.».

В это время на левом берегу Вислы обозначилась подготовка 9-й германской армии к наступлению на Варшаву и Ивангород, что угрожало правому флангу и тылу всего Юго-Западного фронта. В связи с этим главнокомандующий его армиями генерал Н.И. Иванов распорядился 10 сентября перебросить 4-ю армию в Ивангород. 3-й Кавказский корпус отошел от Сана к Люблину и по железной дороге 18 сентября переехал под Ивангород. Между тем 9-я армия фон Гинденбурга двинулась 15 сентября вперед и уже 26 сентября вышла к Ивангороду. Для активной обороны крепости русские войска 27 сентября переправились через Вислу и заняли плацдарм на левом берегу. В том числе Сальянский полк окопался у деревни Сташов. Расширяя плацдарм, Сальянцы 2 октября предприняли атаку через заболоченную местность по грудь в воде и взяли часть укрепленной немцами деревни Бржезница с костелом. В результате противнику пришлось отступить на всем участке 52-й пехотной дивизии. Контуженный в этом бою командир Сальянцев полковник В.В.Зайцев получил за храбрость орден Св. Георгия 4-й степени.

Следующие дни Сальянский полк отбивал у Бржезницы настойчивые атаки германской гвардии. Бой, получивший название Козеницкого сражения, отличался особым драматизмом. Протекавшая за спиной русских войск Висла де-

лала их отступление невозможным. Солдатам приходилось сражаться с превосходящим противником под проливным дождем, в полузатопленных окопах. Поскольку после Галицийской битвы Сальянский полк не получил пополнения, то его численность стремительно сокращалась. К 4 октября за убылью офицеров командир 2-го батальона капитан В. Н. Мончинский принял также командование 3-м батальоном, а солдат 4-го батальона, полностью лишившегося офицеров, влили в другие роты. Тем не менее, до 8 октября Сальянцы стойко держались у Бржезницы.

Понеся большие потери, но так и не добившись успеха, 9-я германская армия ночью с 7 на 8 октября начала отход к Радому. Русские войска перешли в энергичное преследование. Но тут на смену немцев к Ивангороду подошла 1-я австро-венгерская армия графа фон Данкля. С 9 по 13 октября Сальянский полк вел упорные бои у деревни Бжустов. В конце концов, австрийцы были разгромлены и беспорядочно откатились к Радому. Правда, Сальянский полк после этой победы практически перестал существовать. За первые три месяца войны он потерял 13 офицеров убитыми и 56 ранеными. Из 4200 солдат осталось лишь около 500. В результате под Ивангородом Сальянцев свели в две роты, одной из которых командовал поручик А. В. Элькан – единственный уцелевший кадровый офицер, а в другую пришлось назначить штабс-капитана 208-го пехотного Лорийского полка. В дальнейшем вынужденное прикомандирование к Сальянскому полку офицеров из других частей стало обычным явлением[14].

Несмотря на огромные потери, 3-й Кавказский корпус активно преследовал врага и 15 октября взял Радом. 19 и 20 октября Сальянский полк прорвал укрепленные позиции австрийцев возле деревни Домброво. 3-й Кавказский корпус занял Кельцы и, угрожая обходом левого фланга, вынудил армию Данкля оставить заранее подготовленные мощные рубежи и отступить к Кракову. Преследуя затем германские части, отходящие к Ченстохову, Сальянский полк 2 ноября вступил в тяжелые двухнедельные бои у деревни Котовице. Опираясь на свою сильную позицию, армейская группа фон Войрша при поддержке 1-й и 2-й австро-венгерских армий попыталась перейти в контрнаступление. До 17 ноября Сальянский полк под огнем тяжелой артиллерии мужественно отбивал у Котовице дневные и ночные атаки противника. Отразив все штурмы, 3-й Кавказский корпус сам двинулся вперед. 21 и 22 ноября Сальянский полк вел бои у деревни Паржневице, а 23 и 24 ноября – вышел к деревне Борово. Но это были уже последние раскаты Ченстохово-Краковского сражения. С 4 декабря Сальянский полк занял зимние позиции у деревень Микуловице, Вуйцен и Богуслов и защищал их до 4 февраля 1915 г.

26 января 1915 г. в Восточной Пруссии 10-я и 8-я германские армии перешли в наступление, разгромили 10-ю русскую армию, окружив и уничтожив к 8 февраля в Августовских лесах

[12] *Марков Л.Л.* 3-й Кавказский корпус под Люблиным и Ивангородом. // Часовой (Париж). 1955. № 358. С. 13.

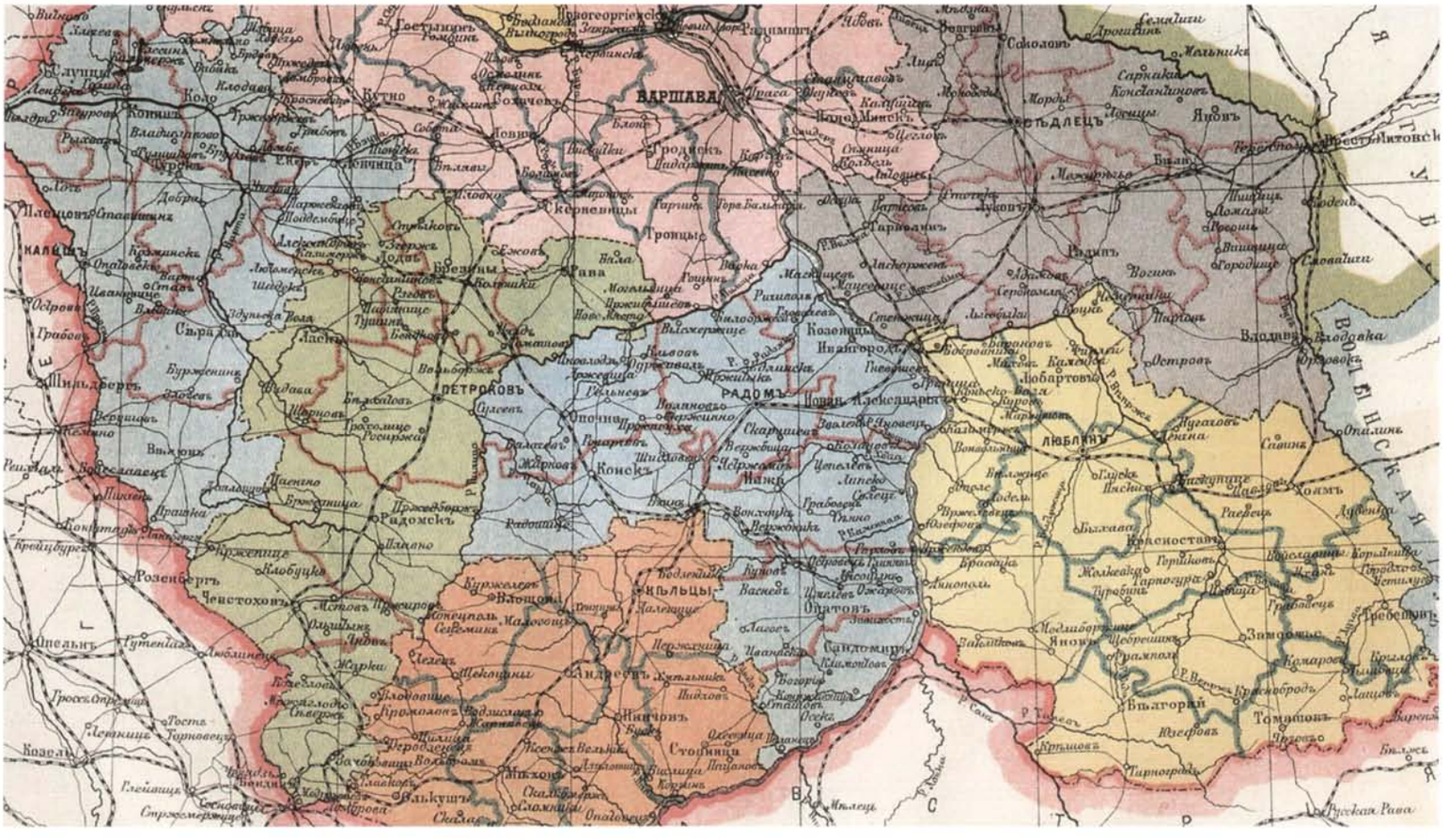
[13] *Виниковский, Вольфман.* Ночная атака сводной бригады 2-й гвардейской дивизии у Тарнавки (8–9 сентября 1914 г.). // Военно-исторический журнал. 1939. № 2.

[14] *Марков Л.Л.* Указ. соч.; *Шварц А.В.* Оборона Ивангорода в 1914–1915гг. Из воспоминаний коменданта крепости. М., 1922.

Карта Привислинского края. 1898 г.

A map of the Trans-Vistula Territory. 1898.

Фрагмент. (Музей-панорама «Бородинская битва»)



Генерал-майор Владимир Александрович Ирман.

Maj.-Gen. Vladimir Alexandrovich Irman.

Фотография 1905 г. (Из частной коллекции)

Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и похода в Китай в 1900 г. В 1904 г. командовал 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригадой и возглавлял оборону Западного фронта Порт-Артура. Дважды ранен. Заслужил репутацию «храбрейшего из храбрых». За отличия произведен в генерал-майоры, награжден орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени. Находясь в плену в Нагасаки, предпринял неудачную попытку побега. Но японцы из уважения к его храбрости оставили инцидент без последствий. В 1914–1917 гг. командир 3-го Кавказского армейского корпуса. Награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. Пользовался большим уважением среди солдат, переделавших его «немецкую» фамилию Ирман в Ирманов. «Маленького роста, коренастый, с седой бородой и в огромной папахе, с Георгием на шее и на груди, он производил впечатление лихого старого вояки, – вспоминал полковник А.И. Спиридович. – Таких солдаты любят». Из патриотических соображений принял в 1915 г. фамилию Ирманов. В 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Командовал 1-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии, а во время решающих боев под Воронежем в октябре 1919 г. временно командовал 3-м Кубанским конным корпусом. С 1920 г. в эмиграции. Современники еще при жизни называли В.А. Ирманова «гордостью российской военной истории».

20-й армейский корпус. Для исправления ситуации 3-й Кавказский корпус срочно перебросили из 4-й армии в состав развертывавшейся на Нареве новой 12-й армии. С 19 по 24 февраля Сальянский полк вел бои у деревни Моцарже, после чего прикрывал направление под крепостью Осовец. 24 марта 3-й Кавказский корпус из состава Северо-Западного фронта назначили на усиление Юго-Западного фронта. Расположившись под Самбором, корпус, имевший некомплект более 5000 штыков, находился во фронтовом резерве. 10 апреля совершавший поездку по фронту Николай II провел смотр корпуса у станции Хыров на берегу Днестра. Император обошел все полки, в том числе Сальянцев, и благодарил их за службу. *«Вид полков великолепный»*, – отметил он в своем дневнике. К сожалению, уже через месяц в Сальянском полку осталось немного участников этого смотра.

16 апреля 1915 г. *«в виду обнаруженного сбора сил противника у Горлице»* 3-й Кавказский корпус двинули в Кросно, куда он пришел вечером 19 апреля. В тот же день в связи с прорывом 11-й германской армии на линии Горлице – Тарнов корпус передали в распоряжение командующего 3-й армией. Вечером 21 апреля 52-я пехотная дивизия подошла к деревне Шержины и приняла на себя отходящие остатки 61-й дивизии. Утром 22 апреля Сальянцы вступили в бой у деревни Липница. Следующие дни полк медленно отходил, сдерживая мощные атаки противника. 27 апреля у местечка Яворник немцы заняли высоту 386, прорвав стык двух полков. Тогда капитан А.П. Бобынин во главе батальона Сальянцев стремительной атакой отбросил врага и отбил несколько яростных контратак. За проявленную храбрость Бобынин получил Георгиевское оружие. 29 апреля под напором «фаланги Макензена» 3-й Кавказский корпус отошел за реку Сан. После недели тяжелых боев его полки сократились до батальонов.

С 5 по 7 мая Сальянский полк сражался у деревень Лежахов и Черце, безуспешно пытаясь ликвидировать вражеский плацдарм на правом берегу Сана. В бою 7 мая погиб командир Сальянцев полковник Василий Васильевич Зайцев – кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия. Несмотря на огромные потери, 3-я армия перешла в наступление у Сенявы. Ранним утром 14 мая подполковник П.Д. Мономахов повел три роты Сальянского полка общей численностью 510 штыков на штурм форта на высоте 221. Под ураганным огнем прапорщик М.С. Бочаров со своим взводом первым подбежал к проволочным заграждениям. Шашкой он прорубил проход и спрыгнул во вражеские окопы, увлекая за собой остальных. Ворвавшись на высоту 221, роты подпоручика В.Н. Шишкина и прапорщика А.Л. Олейникова штыками выбили противника из форта Слава Гура, захватив в плен 8 офицеров, 542 солдата и 3 пулемета, причем одного офицера прапорщик Бочаров взял лично. Преследуя отступающего противника, Сальянцы выбили его из деревень Тварда и Крзизака. Общие трофеи Сальянского полка за этот день составили 3 пулемета, 19 пленных офицеров и 997 нижних чинов. За храбрость подполковник П.Д. Мономахов, прапорщики А.Л.Олейников и М.С. Бочаров получили орден Св. Георгия 4-й степени, а подпоручик В.Н. Шишкин – Георгиевское оружие.

Лихим ударом у Сенявы 3-й Кавказский корпус разгромил 14-й австро-венгерский корпус. Но его дальнейшее наступление разбилось об упорную оборону австрийцев и немцев. Атаки Сальянского полка 16 мая у деревень Бака и Мешковка, 19 и 20 мая у деревни Мельник стоили больших жертв, но имели частный успех. 30 мая противник сам перешел в наступление. После тяжелых двухдневных боев у деревень Лежахов и Черце остатки Сальянского полка отошли на новую позицию, где отбили 1 июня вражеские атаки. Но в связи с огромными потерями и крайним утомлением войск 3-я армия под натиском превосходящего противника отошла ночью с 3 на 4 июня за реку Танев в районе Белгорая. Вскоре потрепанную армию передали в состав Северо-Западного фронта.

После падения Львова 11-я германская армия совместно с 4-й австро-венгерской армией 12 июня снова перешла в наступление. Сальянский полк участвовал в упорных оборонительных боях во время Красноставского и Люблин-Холмского сражений. После падения 17 июля Люблина и 19 июля Холма 3-я армия отступила за реку Вепрж, продолжая сдерживать противника. Особенно тяжелыми для 52-й дивизии выдались бои 24–27 июля возле деревни Луковек. 27 июля соседний с Сальянцами полк неожиданно отошел, в результате чего немцы охватили правофланговый батальон капитана А.С. Лаврова и стали угрожать его тылу. В это время при штабе Сальянского полка находился подпоручик Ф.И. Расторгуев, только что вернувшийся из госпиталя после тяжелого ранения. Видя критичес-

кую ситуацию, он возглавил последний полковой резерв – команду разведчиков. Выдвинувшись вперед, Расторгуев сбил левый фланг противника и бросился с разведчиками в тыл наступающих немцев. Одновременно батальон Лаврова перешел в контратаку и опрокинул врага. В результате прорыв удалось ликвидировать, и Сальянский полк удержал свою позицию. К сожалению, подпоручик Ф.И. Расторгуев во время лихой атаки был убит. Посмертно император наградил его орденом Св. Георгия 4-й степени.

Несмотря на героическое сопротивление, общая ситуация складывалась для 3-й армии неблагоприятно. После упорных оборонительных боев у Влодавы ей пришлось 12 августа сдать крепость Брест-Литовск. К этому времени в полках 52-й пехотной дивизии, заслужившей у противника почетное название *«стальной»*, оставалось меньше трети солдат и офицеров. Под сильным нажимом Бугской и 11-й германских армий 3-я армия совершила «великий отход» из Волынской и Гродненской губерний в Полесье, закрепившись по реке Шаре и Огинскому каналу. 10 сентября на канале у Логишина 3-й Кавказский корпус серьезно потрепал части Бугской армии, взяв много пленных. Немецкое наступление выдохлось, и фронт стабилизировался до зимы.

В марте 1916 г. по просьбе французов, с трудом сдерживавших немцев под Верденом, Западный фронт предпринял неудачное наступление. Во время «Нарочской бойни» 5–18 марта 3-й Кавказский корпус оставался во фронтовом резерве за 2-й армией, и Сальянский полк избежал общей печальной судьбы ее частей. Затем 3-й Кавказский корпус находился в 10-й армии, занимавшей позиции в районе Крево – Сморгонь, а в июне его передали в резерв новой 4-й армии, готовившейся к прорыву австро-германского фронта у Барановичей. Но начавшееся 20 июня наступление буквально захлебнулось в крови. Уже вечером 21 июня для помощи 9-му корпусу пришлось двинуть в бой резервы. Следующие дни Сальянцы под командованием полковника И.П. Романовского в лоб атаковали немецкие укрепления возле деревни Горный Скробов. *«24 июня Сальянский полк блестяще штурмовал сильнейшую неприятельскую позицию,* – отмечалось в одном из донесений. – *Полковник Романовский вместе со своим штабом ринулся с передовыми цепями полка, когда они были под самым жестоким огнем противника. Некоторые из сопровождавших его были ранены, один убит, и сам командир был засыпан землей от разорвавшегося снаряда»*[15]. Из-за огромных потерь Ставка 26 июня прекратила «Скробовское побоище». Тем не менее, Сальянский полк продолжал вести локальные бои на данном направлении. Так, 12 июля рота прапорщика Б.А. Спиридонова под сильным огнем стремительной атакой ворвалась во вражеские окопы у Горного Скробова, переколола немцев штыками и захватила 2 действующих пулемета. Сам Спиридонов доблестно сражался в рукопашной и из револьвера застрелил трех вражеских солдат. Храбрый офицер, контуженный во время этой атаки, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Серебряные призовые часы «За отличную стрельбу», врученные в 1912 году старшему унтер-офицеру 9-й роты 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка Федору Омельченко.

Silver watch For Marksmanship awarded to 1st Sgt. Fyodor Omelchenko, 9th Co., 206th Salyansky His Imperial Highness and Heir to the Throne's Infantry Regiment, in 1912.

(Из коллекции А.Н. Агапова)

В связи с удачным развитием Брусиловского прорыва 3-й Кавказский корпус 14 августа назначили в резерв Верховного главнокомандующего и стали перебрасывать по железной дороге к Тарнополю. 31 августа корпус передали для усиления 11-й армии. Но затем, ввиду успехов соседней 7-й армии, Кавказцев перевели на ее правый фланг. 17 сентября Юго-Западный фронт перешел в новое наступление. Штурмуя Мечишчувский лес и укрепленные высоты 336 и 421, 52-я пехотная дивизия столкнулась с яростным сопротивлением 15-го турецкого корпуса. Турки защищались отчаянно и в плен не сдавались. Тем не менее, 22 сентября Сальянский полк лихой атакой выбил их с ключевой высоты у деревни Мечишчув. Первым в окопы ворвался подпоручик М.А. Егоров, заколовший штыком одного аскера и захвативший пленных, но тут же раненый. Командование всем отрядом на занятой высоте принял подпоручик С.С. Подагов, отбивший две

[15] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. II. Париж, 1922. С. 91.

Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенант А.И.Деникин со своим начальником штаба генерал-лейтенантом И.П.Романовским перед парадом в освобожденном Харькове. Июнь 1919 г.

Lt.-Gen. A.I. Denikin, commander-in-chief of the Russian Armed Forces in the South of Russia, and his chief of staff, Lt.-Gen. I.P. Romanovsky prior to the parade in liberated Kharkov. June 1919.

(ГАРФ)

Иван Павлович Романовский командовал 206-м пехотным Сальянским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком с 6 августа 1915 г. по 20 октября 1916 г.

турецкие контратаки. Не сумев выбить закрепившихся на горе Сальянцев, противник 23 сентября принялся громить их артиллерией. В какой-то момент солдаты не выдержали бомбардировки и решили уйти с высоты. Но Подагов бросился к ним со словами *«Братцы, держись, идет помощь»*, удержал солдат и отбил очередную атаку турок. За храбрость С.С. Подагов получил орден Св. Георгия 4-й степени, а помогавший ему прапорщик Г.А. Каликов – Георгиевское оружие.

Несмотря на отдельные успехи русских войск, Южной германской армии удалось к 26 сентября остановить их наступление на Львов. А вскоре фронт 7-й армии окончательно стабилизировался в связи с начавшейся переброской частей для помощи разгромленной Румынии. 3-й Кавказский корпус зимовал на позициях в долине реки Гнилая Липа. После февраля 1917 г. Сальянский полк утратил шефство цесаревича Алексея. Под влиянием приказа № 1, митингов, советов и комиссаров Юго-Западный фронт стремительно деградировал. Его «лебединой песней» стало летнее наступление *«во имя свободы и революции»*. 18 июня 7-я армия двинулась в атаку. 3-й Кавказский корпус выполнял пассивную задачу на ее левом фланге. С 16 по 22 июня Сальянский полк вел бой на высотах 417 и 419 у деревни Ставентын. К сожалению, наступление «революционных» войск, утративших всякую дисциплину, быстро закончилось катастрофой. Прорыв Южной германской армии 6–8 июля под Тарнополем заставил Юго-Западный фронт оставить не только все завоевания периода Брусиловского прорыва, но и быстро откатиться на линию государственной границы. В течение двух недель 52-я дивизия прикрывала отход из Галиции смятых частей. Сальянский полк сдерживал наступление германцев 9 июля у деревни Скоморохэ старэ, 11 июля у Монастержиско, 16 июля у деревни Турильче. 19 и 20 июля на берегу Збруча возле деревни Кудринце Сальянский полк принял свой самый славный бой, ставший своеобразным эпилогом его участия в мировой войне.

19 июля 1917 г. остатки 52-й пехотной дивизии под губительным вражеским огнем перешли в контратаку. Сальянский полк штыками выбил немцев из окопов и ворвался в укрепленную деревню Кудринце. Поручик К.М. Пуликов-Разливарин с 4-й ротой завязал рукопашный бой на улицах. Вскоре к немцам подошло подкрепление, и рота заколебалась. Тогда Пуликов-Разливарин с криком *«Ребята не робей!»* врезался в ряды противника, нанося удары штыком направо и налево. Увлеченная его примером рота бросилась вперед и обратила немцев в бегство, перебив многих из них. К сожалению, в этой штыковой схватке погиб Кузьма Михайлович Пуликов-Разливарин – ветеран Сальянского полка, храбро сражавшийся в его рядах с августа 1914 г. и получивший в прежних боях две тяжелые раны и контузию. Потеряв командира, солдаты растерялись. Видя это, начальник команды разведчиков подпоручик И.И. Романенко сквозь заградительный огонь прибежал со своими разведчиками в деревню, увлек 4-ю роту в стремительную атаку и штыками очистил Кудринце. В это время 5-я рота Сальянцев взяла редут юго-западнее деревни. Командовавший ей подпоручик И.К. Невшупа первым ворвался внутрь, лично застрелил 4 вражеских солдат, но тут же сам был убит. Закрепившись на занятой позиции, Сальянский полк 20 июля отразил все немецкие атаки. Последними героическими усилиями лучшие русские части остановили на Збурче Южную германскую армию и нанесли ей серьезный урон.

Бой за Кудринце 19 июля 1917 г. по числу георгиевских наград стал самым славным сражением для Сальянского полка, превзойдя даже его великолепную атаку у Сенявы. Поручик К.М. Пуликов-Разливарин и подпоручик И.К. Невшупа посмертно были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени. Штабс-капитан Л.Л. Вербовиков, поручик С.В. Козлюк и подпоручик И.И. Романенко получили Георгиевское оружие. Доблестной атакой на Збруче 206-й пехотный Сальян-

ский полк как бы подвел славный итог своего героического участия в I мировой войне. За долгих 3 года солдаты и офицеры, сражавшиеся в рядах Сальянского полка, проявили массовый героизм. 10 офицеров заслужили орден Св. Георгия 4-й степени (в том числе трое – посмертно), 15 человек получили Георгиевское оружие.

После 1917 года судьбы Сальянцев сложились по-разному. Например, полковой адъютант штабс-капитан П.И. Демяшевич перешел на сторону революции, командовал разными соединениями Красной Армии до стрелковой дивизии включительно, а во время Великой Отечественной войны руководил тылом 59-й армии. Но подавляющее большинство офицеров примкнули к Белому движению. Так, бывший командир Сальянского полка И.П. Романовский – по словам А.И. Деникина, *«человек, олицетворявший собою светлый облик русского офицера»*, – стал начальником штаба Добровольческой армии, а затем и Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР). Летом 1919 г. на основе офицерских кадров 205-го Шемахинского и 206-го Сальянского полков был создан 2-й стрелковый полк 8-й пехотной дивизии ВСЮР, переименованный 7 (20) сентября 1919 г в 1-й Сводный полк 52-й пехотной дивизии. К 5 (18) октября полк насчитывал 1673 штыка и 7 пулеметов. Правда, большинство солдат пришлось набрать из пленных красноармейцев разгромленной в начале 1919 г. на Северном Кавказе 11-й красной армии. Среди них оказались и замаскированные коммунисты, имевшие огромное влияние на солдат.

13 (26) ноября 1919 г. 1-й и 2-й Сводные полки были выделены из состава 8-й пехотной дивизии и объединены в Отдельную бригаду 52-й пехотной дивизии. Поскольку бригада считалась не вполне надежной и слабой, ее отправили на самый южный участок ВСЮР. Сводные полки заняли 12-верстную позицию вдоль правого берега реки Псоу, расположившись в деревнях Веселое – Шиловка – Михельрипш с резервом в Адлере. Здесь батальон Сальянцев охранял нейтральную зону, разделявшую территорию ВСЮР и враждебную добровольцам Грузию, а также боролся с отрядами «зеленых».

Но ненадежный личный состав бригады предопределил ее военную катастрофу. На рассвете 15 (28) января 1920 г. объединенные дружины «зеленых» атаковали разрозненные белые части, сдавшиеся почти без боя. Офицеры Сальянского батальона, спасаясь от своих распропагандированных солдат и партизан, отступили к Сочи. 19 января (1 февраля) повстанцы смяли остатки 52-й бригады и утром 20 января (2 февраля) торжественно вступили в Сочи. *«Вдруг раздались звуки бравурного марша,* – вспоминал командующий Черноморским крестьянским ополчением Н.В. Воронович, – *и нам навстречу показалась небольшая группа стройно марширующих одетых в английские шинели солдат. Это был оркестр Сальянского полка 52-й бригады, оставленный бежавшим из города штабом и решивший с музыкой перейти на сторону "зеленых". Я поставил оркестр перед дружиной и под звуки марша повел своих ополченцев на базарную площадь. Огласившая пустынные улицы музыка успокоила обывателей»*[16]. Перешедший практически в полном составе на сторону повстанцев Сальянский батальон был тут же отправлен на фронт против своих недавних командиров. 31 января (13 февраля) 1920 г. у селения Головинки «зеленые» окончательно разгромили остатки бригады 52-й дивизии. *«Всего с 28 января по 13 февраля,* – сообщалось в победном донесении, – *Черноморским ополчением захвачено 8 орудий, 33 пулемета, 2000 винтовок, более миллиона патронов, 2200 пленных, в том числе 100 офицеров, склады обмундирования, обозы двух полков и Армянского батальона; опознаны среди пленных командиры Ширванского и Сальянского полков. Все пленные офицеры преданы гласному суду как уголовные преступники...»*[17]. 11 (24) февраля ополченцы заняли Туапсе. Вскоре в город приехали представители 9-й красной армии. При их участии из пленных белых солдат 25 февраля (11 марта) сформировали Черноморскую красную армию, в которую вошел и Сальянский батальон. Эта «армия» двинулась на соединение с 9-й красной армией к Майкопу. Но 5–6 (18–19) марта Черноморцы столкнулись с отступающей из Екатеринодара Кубанской армией генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро, которая разгромила и большей частью рассеяла новоявленных красноармейцев.

6 (19) апреля 1920 г. в Крыму приказом Главнокомандующего ВСЮР № 2975 фактически уничтоженную Отдельную бригаду 52-й пехотной дивизии, в том числе и ее Сальянский батальон, официально объявили расформированной. Так была поставлена последняя трагическая точка в истории частей – преемников славного Каспийского морского батальона.

[16] *Воронович Н.В.* Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922. С. 122.

[17] *Киров С.М.* Статьи и речи. Т. I. М., 1936. С. 208.

Фрагмент приказа Главнокомандующего ВСЮР от 6 (19) апреля 1920 г. № 2975, которым было официально объявлено о расформировании 1-го Сводного полка 52-й пехотной дивизии, в состав которого входил батальон Сальянского полка.

A fragment of Order 2975 dated 6 (19) April 1920, issued by the commander-in-chief of the Armed Forces of the South of Russia (an anti-Bolshevik force during the Russian Civil War). The order stood down the 1st Composite Regiment, 52nd Infantry Division, of which a battalion of the Salyansky Regiment was part.

(Печатный экземпляр из коллекции М.С. Селиванова)

ПРИКАЗЪ

Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи.

№ 2975.

г. Севастополь. **6 апрѣля 1920 г.**

Нижеслѣдующія части и управленія считать расформированными:

11. 1-й Сводный полкъ 52 й пѣх. див.,

Подписалъ: За Главнокомандующаго,
Генералъ-Лейтенантъ ШАТИЛОВЪ.

Морские полки в Польской войне 1831 года

Польское национальное восстание вспыхнуло в Варшаве 17 ноября 1830 г. Управлявший Польшей великий князь Константин Павлович действовал нерешительно, считая происходящее заурядным бунтом. Между тем к восстанию примкнули польские войска, и оно быстро распространилось по всей стране. Великий князь отступил с немногими верными частями к расположенному на линии Брест – Белосток русскому Отдельному Литовскому корпусу и стал ждать помощи из России. Ближе всех находился 1-й пехотный корпус графа П.П. Палена. В начале декабря действующие батальоны морских полков собрались около Ковны и двинулись к польской границе. В среднем в двух батальонах каждого полка насчитывалось 4 штаб- и 30 обер-офицеров, 145 унтер-офицеров, 60 музыкантов и 1580 рядовых. На границе 1-я бригада 1-й пехотной дивизии (1-й и 2-й морские полки) под командованием генерал-майора К.Е. Мандерштерна была усилена артиллерией, Клястицким гусарским и казачьим Грекова полками и составила отдельный отряд, прикрывавший наступление основных русских сил с правого фланга. Вступив в Польшу 24 января 1831 г., Мандерштерн занял Августов, где разоружил собиравшиеся толпы повстанцев. Восстановив порядок, он двинулся на Щучин.

Между тем, 2-я бригада 1-й пехотной дивизии (3-й и 4-й морские полки) перешла границу 25 января в составе 1-го пехотного корпуса и 27 января заняла Ломжу. Но хорошо спланированное генерал-фельдмаршалом графом И.И. Дибичем-Забалканским наступление на центр польской линии сорвалось из-за внезапной оттепели. За несколько дней снег сошел с полей, реки вскрылись, дороги превратились в топи. В связи с этим граф Дибич вынужден был изменить свой план и, переправившись через Буг 30 января в Нуре, решил атаковать правое крыло поляков.

С переходом основных сил за Буг отряд К.Е. Мандерштерна оказался изолированным. В этой ситуации он примкнул 6 февраля к наступавшему на самом правом фланге русской линии Гренадерскому корпусу князя И.Л. Шаховского, составив его авангард.

Заняв Венгров и Седльце, граф Дибич дал войскам трехдневный отдых, после чего 5 февраля 1831 г. продолжил наступление к главной польской позиции у Грохова, защищавшей Варшаву с востока. 6 февраля русские войска заняли Минск (Новоминск), где 2-й батальон 4-го морского полка оставили для хлебопечения. На следующий день 1-й пехотный корпус должен был пройти по Брестскому шоссе лесное дефиле и выйти на Гроховскую равнину у корчмы Вавр. Это движение не предполагало боевых действий, поскольку 2-я польская пехотная дивизия генерала Жимирского спешно отступала перед превосходящими силами графа Дибича. Однако утром 7 февраля на помощь Жимирскому подошла 4-я пехотная дивизия генерала Шембека, а вскоре прибыл предводитель польских войск генерал Хлопицкий с 1-й и 3-й пехотными дивизиями. Таким образом, поляки быстро собрали свои главные силы против ничего не подозревавшего передового русского корпуса.

Когда в 9 часов утра авангард 1-го корпуса показался из леса, 5 польских батарей встретили его огнем более 40 орудий. После этого пехота Шембека и Жимирского дружным ударом смяла головную егерскую бригаду 1-й пехотной дивизии и, преследуя ее по шоссе, стала охватывать лесом правый русский фланг. Услышав канонаду, граф П.П. Пален приказал основным силам корпуса двинуться бегом и, прибыв к месту боя, с ходу

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XIX. Лист № 83. (ВИМАИВиВС)

Полковник пехотных полков и обер-офицер адъютант морских полков. 1826–1828 гг.

An infantry field officer and a naval regiment junior officer. 1826–1828.

Библиография:

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 года. СПб., 1886.

Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. I–III. СПб., 1863.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

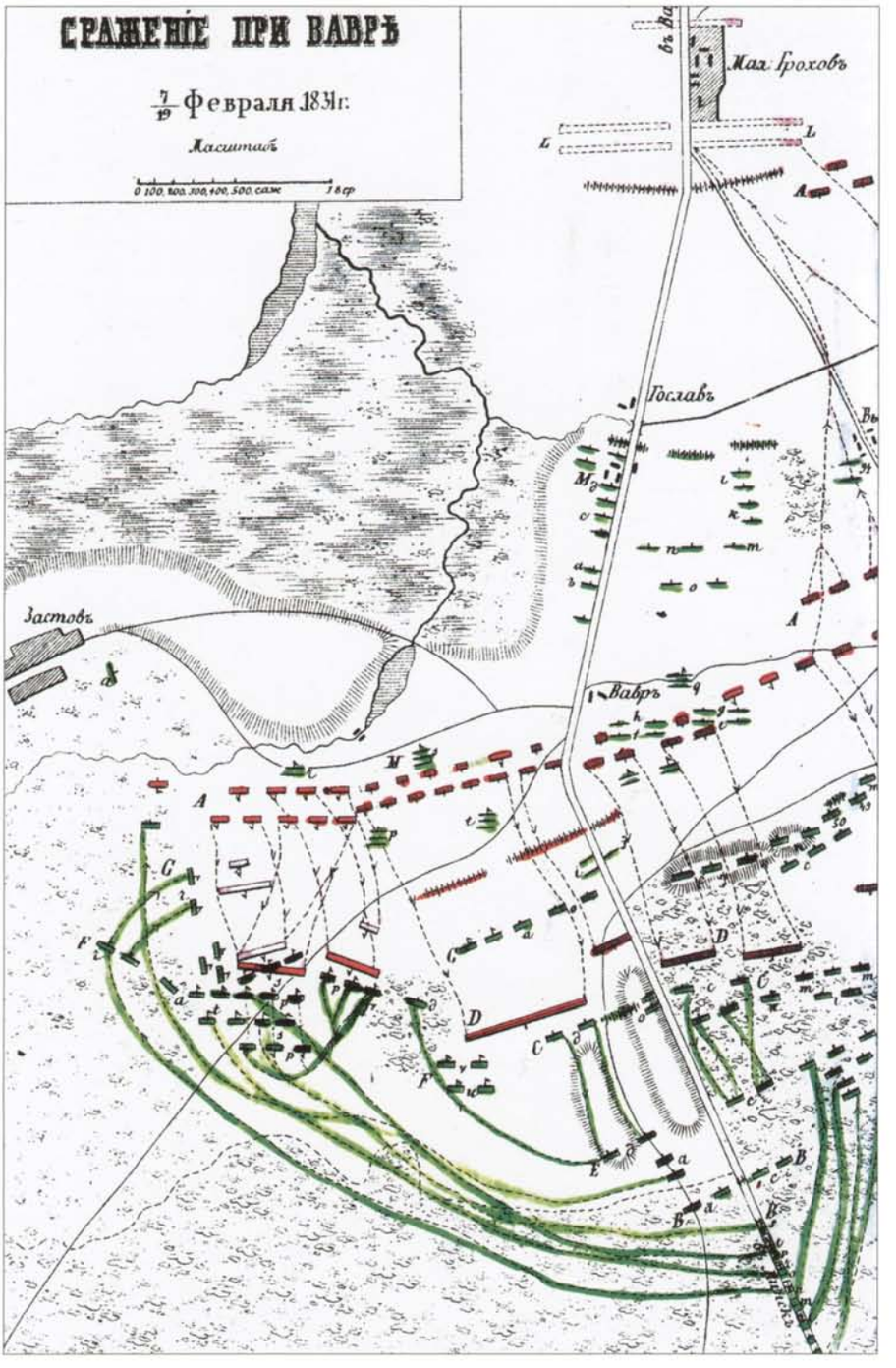
Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

направил 3-ю пехотную дивизию в лес, оставив три батальона морских полков в резерве. Вскоре появился граф И.ИДибич и послал в лес подкрепления, в том числе 1-й батальон 4-го морского полка. Сражаясь в лесу, батальон потерял убитыми более 10 солдат, ранеными 29 человек, без вести пропавшими 4. В то же время 3-й морской полк сменил левее шоссе потрепанный 2-й егерский полк. 1-й батальон подполковника Я.Ф. Шлоттауера рассыпался в стрелки и занял перелесок, а 2-й батальон вместе с полковым командиром полковником Н.Я. Сафоновым встал на позиции, подкрепляя русскую кавалерию на левом фланге.

Около полудня к полю битвы с правого фланга подошел Отдельный Литовский корпус барона Г.В.Розена и стал теснить польскую пехотную дивизию, угрожая зайти Шембеку и Жимирскому в тыл. Видя это, граф Дибич приказал кавалерии дружно атаковать противника. Конно-егерский Его Величества Короля Вюртембергского полк[18] лихим ударом опрокинул 3-й полк польских конных егерей. Тогда генерал Хлопицкий приказал 2-му батальону польского Гренадерского гвардейского полка ударить в штыки и оттеснить поддерживавший русскую кавалерию 2-й батальон 3-го морского полка. Польские гренадеры смело пошли в атаку. Но полковник Н.Я.Сафонов хладнокровно выжидал их приближения. Подойдя на 100 шагов и видя неподвижность русских рядов, гренадеры замялись и остановились. Разгневанный Хлопицкий подскакал к батальону, чтобы лично вести его в атаку. И тут Сафонов дал залп, выбивший первую шеренгу гренадер, а также лошадей под свитой генерала. Началась неразбериха. В этот момент Сафонов ударил на гренадер в штыки, а с флангов и тыла на них налетели Вюртембергские драгуны. Польские гвардейцы были смяты, загнаны в болото, где истреблены или взяты в плен вместе с их командиром подполковником Киверским. Батальон Сафонова многих гренадер положил штыками на месте и захватил 20 пленных. Видя дальнейшую невозможность остановить выход русской пехоты из леса, Хлопицкий отвел свои потрепанные войска к Гроховской позиции в 4 верстах от Варшавы. В сражении при Вавре 3-й морской полк потерял убитыми и ранеными 52 человека. 14 нижних чинов, в том числе 6 фельдфебелей, наградили Георгиевскими крестами.

В это время Гренадерский корпус, имея в авангарде 1-й и 2-й морские полки генерал-майора К.Е.Мандерштерна, почти беспрепятственно наступал на правом фланге русской линии. 8 февраля он перешел Нарев в Остроленке, прошел Пултуск и 11 февраля был уже в Сероцке. В тот же день Мандерштерн атаковал Зегрж, оттеснил защищавший переправу 4-й батальон 8-го линейного полка и занял предмостное укрепление. Затем морские солдаты перешли по льду Буг и починили сломанный в двух местах мост, обеспечив переправу Гренадерского корпуса. Утром 12 февраля польская кавалерийская дивизия генерала Янковского атаковала у Непорента русские войска, но была совершенно разбита и потеряла 2 орудия. Преследуя Янковского, князь И.Л. Шаховской стал сближаться с правым флангом основных русских сил.

Граф Дибич решил использовать этот успех и неожиданно обрушить Гренадерский корпус на левое крыло Гроховской позиции, смять его, выйти в тыл польской армии и, отрезав ее от Варшавы, припереть к Висле. Этот блестящий замысел должен был свершиться 14 февраля, но требовал от Гренадерского корпуса полной скрытности. И тут вмешалась роковая случайность.



Фрагмент плана сражения при Вавре 7 февраля 1831 г.

Battle order for the Battle of Wawra on 7 February 1831.

Раскрашенная гравюра. 1863 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

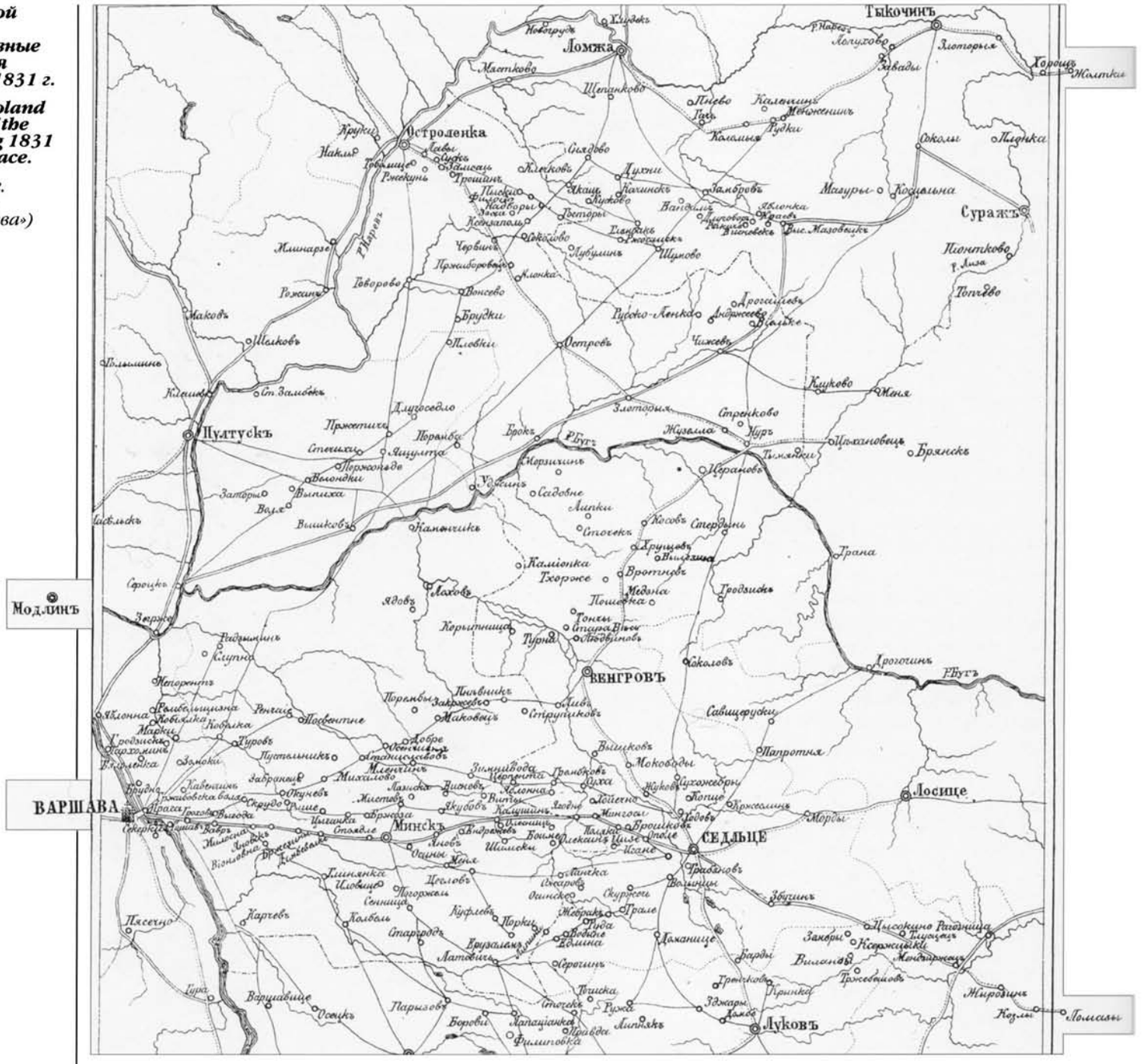
На плане русские войска обозначены зеленым цветом, польские – оранжевым и красным.

[18] До 11 мая 1819 г. Лифляндский конно-егерский полк.

Карта восточной Польши, где проходили основные боевые действия зимой и весной 1831 г.

Map of eastern Poland where the bulk of the winter and spring 1831 bostilities took place.

Гравюра 1880-х гг. (Музей-панорама «Бородинская битва»)



Посланный к князю Шаховскому с приказом остановиться казак слишком поздно прорвался через польские кордоны. В результате Шаховской, увлеченный преследованием дивизии Янковского, 12 февраля атаковал селение Бялоленку в 10 верстах от Варшавы, занятую 2-й бригадой 1-й польской пехотной дивизии (2-й и 6-й линейные полки при 6 орудиях). Шедшие в авангарде Гренадерского корпуса 1-й и 2-й морские полки под командованием Мандерштерна около 14 часов вышли из леса и смело атаковали поляков. Они ворвались в Бялоленку и выбили из нее 2-й батальон 6-го линейного полка. Но за селом русских встретили 1-й и 3-й батальоны 6-го полка, которые контратакой отбросили морские батальоны, но лишь до середины Бялоленки. В домах и дворах завязался упорный бой. Противники стреляли друг в друга с 20 шагов, после чего бросались в штыки. Наконец, на помощь морским полкам подоспел Гренадерский Князя Суворова (Фанагорийский) и 5-й карабинерный полки. Князь Шаховской лично встал во главе морских полков и повел их в атаку. Ударом в штыки, без единого выстрела они выбили противника из селения. Потрепанная польская бригада отступила в соседнее селение Брудно, где к ней присоединился граф Круковецкий с 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии. Общий урон русских войск в этом бою составил 652 человека. 1-й и 2-й морские полки понесли наибольшие потери и были отведены во вторую линию корпуса.

Но лихо взяв Бялоленку, князь Шаховской выдал прибытие Гренадерского корпуса к Гроховской позиции. Это крайне раздосадовало гра-

фа Дибича. Обрисовав князю ситуацию, фельдмаршал потребовал, чтобы Гренадерский корпус остановился в Бялоленке и не ввязывался в бой до 14 февраля, по-прежнему рассчитывая использовать его для флангового удара. Однако князь Шаховской сделал совершенно иные выводы. Думая, что против него находится вся польская армия, он 13 февраля решил отступить из Бялоленки на соединение с главными силами графа Дибича. 1-я польская дивизия графа Круковецкого тут же начала преследование. В это время граф Дибич, услышав канонаду, решил, что Шаховского действительно атакует вся польская армия и, чтобы спасти Гренадерский корпус от мнимой опасности, вынужден был на день раньше начать сражение, приказав фронтально атаковать сильную Гроховскую позицию.

Гроховское сражение 13 февраля 1831 г. стало самым кровопролитным за время Польской войны. Однако для морских полков этот день завершился с небольшими потерями, поскольку 1-й батальон 4-го морского полка находился в резерве у корчмы Вавр, а 3-й морской полк с 4 орудиями наступал на самом левом фланге от Гославской колонии на деревню Гоцлав. Здесь против морских солдат действовал батальон польских егерей Кушеля, рассыпавшийся в болотистом перелеске. Бой разгорелся около 10 часов утра. При помощи картечи жаркая перестрелка на левом фланге закончилась в пользу наших стрелков, преследовавших поляков через болото до самой Вислы. Потери 3-го морского полка оказались незначительными, поскольку полк наступал по болотистому кустарнику, где артиллерия и кавалерия врага не могли действовать успешно. Между тем в центре Гроховской позиции после четырех упорных атак русская пехота взяла ключевую Ольховую рощу, а кирасиры прорвали обе польские линии и прошли по тылам, истребляя все на своем пути. К 16 часам сражение фактически завершилось. Предводитель польских войск генерал Хлопицкий был тяжело ранен и вынесен с поля боя. Польский главнокомандующий князь Радзивилл совершенно растерялся. Принявший руководство Ян Скржинецкий пытался восстановить линию обороны, но его войска, потеряв 12 тысяч человек и 3 орудия, откатились за Вислу.

Русские потери при Грохове тоже оказались велики и достигали 9400 человек, в основном из полков Отдельного Литовского корпуса. В 3-м морском полку были убиты 8 нижних чинов, ранены подпрапорщик Ванцевич и 35 нижних чинов, 30 солдат пропали без вести. 7 нижних чинов получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия. Командир полка полковник Н.Я. Сафонов за храбрость при Вавре и Грохове был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, а командир 1-го батальона подполковник Я.Ф. Шлоттауер – орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Кроме того, еще 10 офицеров 3-го морского полка получили боевые ордена, а двух подпрапорщиков и двух унтер-офицеров произвели в офицеры.

Под конец Гроховского сражения на поле битвы пришел Гренадерский корпус, соединившийся с войсками графа Дибича. В связи с этим 15 февраля 1-й и 2-й морские полки снова поступили в свой 1-й пехотный корпус. Однако, одержав победу, русские войска оказались в трудном положении. Польская армия укрылась за Вислой, лед на которой вскрылся. Мост через реку защищал мощный тет-де-пон и предместье Прага, для штурма которых графу Дибичу требовались осадные орудия. Запасы патронов и провианта уже были истощены. Войска понесли серьезные потери и нуждались в пополнении. Например, численность морских полков сократилась в среднем на треть. В итоге граф Дибич решил взять стратегическую паузу и 24 февраля отступил на

Подпоручик 3-го морского полка в сюртуке. 1830–1833 гг.

A 3rd Naval Regiment lieutenant wearing a frock coat. 1830–1833.

Иллюстрация по акварели из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XIX. Лист № 93. (ВИМАИВиВС)

Во время похода офицеры обычно носили кивера в черных клеенчатых чехлах без помпонов.

Генерал-адъютант Александр Николаевич Лидерс.

Adjutant-General Alexander Nikolayevich Liders.

Литография В.Ф. Тимма. 1851 г. (РГБИ)

Будучи генерал-майором, А.Н. Лидерс 1 мая 1831 г. в бою у Ендржева лично водил в штыки 1-й и 2-й морские полки. После ранения генерала К.Е. Мандерштерна 14 мая у Остроленки он принял командование 1-й пехотной дивизией, состоявшей из морских полков. 25 августа при штурме Варшавы руководил колонной, во главе которой шли батальоны 3-го и 4-го морских полков. Штурмом взял люнет № 57 и первым ворвался в укрепление Волю. Во время Венгерской войны 1849 г. командовал 5-м пехотным корпусом, разгромил 25 июля Трансильванскую армию при Германштадте и был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. Во время Восточной войны командовал левым флангом Южной армии, затем с февраля 1855 г. всей Южной армией, а 27 декабря 1855 г. был назначен одновременно главнокомандующим Крымской армией. Впоследствии граф, член Государственного Совета.

зимние квартиры. До середины марта морские полки находились недалеко от Варшавы на квартирах в районе Колбель – Осецк.

С прекращением весенней распутицы граф Дибич решил изменить свой план и, перейдя Вислу ниже Варшавы, подступить к польской столице со стороны, не прикрытой широкой рекой. 17 марта 1831 г. 1-й пехотный корпус двинулся к переправе в Тырчине. Но тут пришло известие, что Скржинецкий с главными польскими силами атаковал отдельно стоящий 6-й (бывший Отдельный Литовский) пехотный корпус барона Г.В. Розена и, нанеся ему урон 19 марта у Дембе-Велке, занял Минск и Калушин. Граф Дибич вынужден был отказаться от переправы и совершить фланговый марш через Луков навстречу Розену. 31 марта он вступил в Седльце. Отсюда морские полки под командованием К.Е. Мандерштерна выдвинулись в авангард к Скуржецу.

Дав войскам двухнедельный отдых, пополнив запасы провианта и восстановив снабжение, граф Дибич 9 апреля поручил Мандерштерну произвести рекогносцировку. Выяснив расположение противника, русская армия 12 апреля снова перешла в наступление. Войска Скржинецкого начали отступать к Гроховской позиции через Минск на Дембе-Велке. Их отход прикрывали 2-я пехотная дивизия генерала Гелгуда и Резервная кавалерийская дивизия Казимира Скаржинского, которых теснил русский авангард генерала Мандерштерна. 14 апреля двигавшиеся впереди армии морские полки подошли к Минску. Здесь Гелгуд поставил 8 батальонов при 18 орудиях позади города на удобной холмистой позиции за ручьем Серебряным. 1 польский батальон с несколькими орудиями занимал сам город. 2-й и 3-й уланские полки генерала Кицкого с 4 конными орудиями расположились на окрестной равнине. Русские войска начали атаку в следующем порядке. 3-й и 4-й морские полки наступали правее шоссе на левый фланг Гелгуда, имея в резерве 1-й и 2-й морские полки. Прямо по шоссе шла 2-я пехотная дивизия, в то время как 3-я обходила правый польский фланг. Русская артиллерия смело выехала на ближний картечный выстрел и заставила поляков отступать. Видя это, два эскадрона Лубенского гусарского полка бросились через интервалы 3-го и 4-го морских полков в атаку, но попали в болото и увязли. Тогда Кицкий ринулся с уланами в контратаку, опрокинул гусар и атаковал 4-й морской полк. Нападение было внезапным, в связи с чем полк не успел построиться в каре и даже не собрал своих застрельщиков. Морские солдаты приняли удар в самом невыгодном положении. Но дружными залпами они остановили улан и заставили их повернуть к Минску. Особенно пострадал 3-й уланский полк, желтые шапки которого валялись по всему полю. Отразив атаку, Мандерштерн и полковые командиры Сафонов и Тимченко-Рубан лично повели 3-й и 4-й морские полки в наступление. После ожесточенного боя в заречной части города они выбили поляков из Минска. В этом небольшом, но очень упорном сражении 3-й морской полк потерял 44 нижних чина убитыми и 10 без вести пропавшими. Ранения получили 3 обер-офицера, 1 подпрапорщик, 5 унтер-офицеров и 59 рядовых, 1 обер-офицера контузило. За храбрость 16 офицеров 3-го морского полка наградили боевыми орденами, 41 нижнего чина – Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия, а 4 подпрапорщиков и 1 унтер-офицера император произвел в офицеры.

Видя быстрое отступление поляков к Гроховской позиции, граф Дибич понимал, что дальнейшее их преследование приведет лишь к повторению упорных февральских боев и отходу Скржинецкого за Вислу. В связи с этим он решил возобновить свой план переправы через реку, но уже севернее Варшавы. Русские войска отошли 16 апреля на линию Седльце – Венгров и стали готовить новую операционную линию. Поляки в свою очередь продвинулись вперед и снова заняли Минск и Калушин. В таком положении войска простояли две недели. Здесь им пришлось перенести эпидемию холеры, унесшую много жизней.

Наконец, 30 апреля, получив известие, что Скржинецкий собирается напасть на левый русский фланг и атаковать Седльце, граф Дибич решил нанести упреждающий удар в центр польской позиции у Калушина. На рассвете 1 мая войска 1-го пехотного корпуса, подкрепляемые Гренадерским корпусом, сбили вражеские аванпосты и заставили противника очистить Калушин. Двигаясь дальше в первой линии, 1-й и 2-й морские полки встретили 4-ю польскую пехотную дивизию при 4 орудиях на позиции у деревни Ендржев. Возглавивший бригаду генерал-майор А.Н. Лидерс развернул полки и лично повел их

Сражение при Остроленке 14 мая 1831 г.

Battle of Ostrolenka on 14 May 1831.

Фотография 1903 г. с картины художника Б.П.Виллевальде 1870-х гг. (РГБ)

в атаку. 2-й морской полк, наступавший по поляне на правый фланг противника, был встречен сильным батальным огнем 3-го польского егерского полка. Тогда Лидерс приказал солдатам взять ружья на руку и с барабанным боем и громким «Ура!» ударил в штыки. Несмотря на отчаянное сопротивление, егеря были смяты. На помощь им бросился Гренадерский гвардейский полк. Три раза гренадеры пытались устроить боевую линию, и трижды морские полки опрокидывали их штыками. Выгнав противника из леса, 2-й полк выбил поляков из Ендржева и преследовал по шоссе до Янова. В жаркой схватке командующий 2-м морским полком подполковник Македонский и командир батальона Булацель были ранены, смертельную рану получил штабс-капитан Лимберг, погибли 5 унтер-офицеров и 17 рядовых, ранены 12 унтер-офицеров, 4 музыканта и 109 рядовых; 8 рядовых пропали без вести. Всего из строя выбыли 155 нижних чинов – то есть, учитывая состояние 2-го морского полка к этому времени, каждый пятый. Между тем, узнав, что Скржинецкий с основными силами отступил к Варшаве, граф Дибич прекратил преследование и вернул войска на исходные позиции, где морские полки простояли еще две недели. 3 мая К.Е. Мандерштерн был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником всей 1-й пехотной дивизии.

Пока морские полки сражались с 4-й польской дивизией при Ендржеве, Скржинецкий приступил к реализации нового дерзкого плана. Узнав, что российская гвардия расположена отдельно от основных войск графа Дибича за Бугом, поляки решили перейти реку и обрушиться на нее всеми силами. Сдерживая Дибича у Минска, Скржинецкий с шестью дивизиями перешел реку в Сероцке, откуда повел наступление тремя колоннами на Остроленку, Нур и Ломжу. Имея двойное превосходство, польские войска стали теснить гвардейцев и к вечеру 5 мая подошли к Остроленке, заняли Соколово и Нур. Отбиваясь от наседающего противника, великий князь Михаил Павлович отвел 8 мая гвардию за Нарев у Хороща и Тыкочина. Попытки поляков форсировать реку 9 мая были отбиты. Между тем граф Дибич, оставив у Седльце заслон, поспешил с основными силами на выручку гвардии и 8 мая перешел Буг у Граны. 10 мая русский авангард выбил поляков из Нура, после чего Скржинецкий спешно отступил от Тыкочина к Остроленке. Преследуя поляков, войска графа Дибича и гвардия соединились 13 мая. В связи со стремительными маршами и резким увеличением операционной линии 1-й и 2-й морские полки 11 мая оставили в Цехановце для прикрытия следующих за армией обозов. Это назначение имело для полков важные последствия, поскольку предопределило их дальнейшую тыловую службу.

В это время Скржинецкий, считая себя оторвавшимся от преследования, планировал перейти в Остроленке за Нарев и, разрушив мосты, отгородиться от войск графа Дибича рекой. По его замыслу бригада 3-й пехотной дивизии (4-й и 8-й линейные полки и полк ветеранов) должна была при появлении русских разломать свайный мост, отступить по понтонной переправе и, отрубив затем якоря, спустить плавучий мост по течению. Но стремительное движение русских войск, сделавших за 32 часа 70 верст, спутало все расчеты Скржинецкого. В 10 часов утра шедшая в голове 1-го пехотного корпуса 3-я гренадерская дивизия, поддержанная легкой гвардейской кавалерией, стремительно атаковала польский арьергард, не ожидавший появления русских. Ударом в штыки

Атака польских улан на русских артиллеристов во время войны 1831 г.

Polish lancers assaulting Russian artillerymen during the war of 1831.

Картина художника В.Коссака. 1927 г. (Из частной коллекции)

гренадеры опрокинули 9 польских батальонов, взяли две батареи, ворвались в город, выбивая противника штыками из домов, и, взяв в плен около 1200 человек, заняли Остроленку. Отступая за реку, поляки пытались разрушить мосты и даже сняли часть настила. Тогда Астраханский гренадерский полк построился в колонну, во главе которой добровольно встали солдаты – георгиевские кавалеры. Несмотря на яростный огонь, колонна с ходу перешла мост и, взяв 2 орудия, закрепилась на противоположном берегу. В то же время Гренадерский Генералиссимуса Князя Суворова полк захватил плавучий мост, также не позволив его уничтожить. Перейдя Нарев, гренадеры стали расширять плацдарм.

В это время опомнившийся от неожиданности Скржинецкий повел свои войска в контратаку, пытаясь сбросить гренадер в реку. В течение двух часов русские полки отбили три отчаянных натиска польских улан и пехоты. Но силы гренадер таяли. Между тем поляки изготовились для общего решительного штурма. И тут к Остроленке подошла 1-я пехотная дивизия. Генерал Мандерштерн лично повел на вражеский берег 3-й и 4-й морские полки, которые с криком «Ура!» атаковали центр поляков, *«с свойственным им мужеством бросились навстречу мятежникам и в одно мгновение опрокинули пехоту»*. Во время атаки генерал Мандерштерн был ранен пулей в лицо и с раздробленной челюстью вынесен из боя. *«В воздаяние отличного мужества и храбрости»* он получил орден Св. Георгия 3-го класса. Вместо него командование 1-й пехотной дивизией принял генерал-майор А. Н. Лидерс.

Отброшенная 3-м и 4-м морскими полками польская пехота отступила в рассыпном строю и открыла с близкой дистанции сильный ружейный огонь. Морские полки тоже выслали стрелков, на которых тут же бросился 2-й уланский полк Мицельского. Но стрелки не растерялись, сомкнулись в небольшие группы и встретили улан плотным огнем. Тогда командир Резервной кавалерийской дивизии генерал Казимир Скаржинский лично повел улан в атаку. Но их снова отбили. Третья атака также не увенчалась успехом. Уланы разбивались о морские батальоны, оставляя каждый раз по 30–40 тел перед их фронтом. 2-й уланский полк потерял почти половину состава. Но и морским полкам приходилось тяжело. Оба полковых командира погибли, многие солдаты и офицеры были убиты или ранены. В этот момент Скржинецкий предпринял последнюю отчаянную попытку сбросить русских в Нарев. Он лично повел 1-ю, 3-ю и 5-ю польские дивизии в решительную атаку. 6 батальонов пехоты и 2 кавалерийских полка обрушились на потрепанный 4-й морской полк и 1-й батальон 3-го морского полка. Под сильным натиском они подались назад. Но тут 2-й батальон 3-го морского полка и 2-й егерский полк ударили наступающим в левый фланг. Смяв фланговые батальоны, они заставили поляков приостановиться. Одновременно на помощь морским полкам подоспели Сибирский и Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайского (Малороссийский) гренадерские полки. Воспользовавшись заминкой поляков, 1-й батальон 3-го морского полка

Командир 3-го морского полка полковник Никифор Яковлевич Сафонов.

Col. Nikifor Yakovlevich Safonov, officer commanding the 3rd Naval Regiment.

Силуэт. Около 1830 г.

Новгородский дворянин Н.Я.Сафонов (1787–1831) поступил 12.VIII.1802 г. унтер-офицером в 7-й флотский батальон, где 19.XI.1802 г. был произведен в подпрапорщики. При реформе морской пехоты 2.VII.1803 г. переведен в 1-й морской полк и 16.VIII.1805 г. произведен в портупей-прапорщики. На корабле «Св. Елена» участвовал в Архипелагской экспедиции. 6.VI.1806 г. был в десанте на острове Св. Марка. При объединении всех солдатских команд поступил 10.XI.1806 г. во 2-й морской полк. Участвовал 29.XI в десанте и взятии редута на острове Курцола, а также 30.XI при сдаче крепости. 3.XII.1806 г. произведен в прапорщики. В 1807 году сражался с турками 10.V при Дарданеллах, 3.VI на острове Лемнос, 19.VI при Афонской горе. В 1807–1809 гг. с эскадрой Д.Н.Сенявина находился в Лиссабоне и Англии. 25.II.1809 г. подпоручик, 16.IX.1810 г. поручик, 23.VI.1812 г. штабс-капитан. Совершил с полком поход 1812–1813 гг. и участвовал во всех боях при осаде Данцига. За отражение вылазки 17.VIII.1813 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а после капитуляции крепости получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. 23.V.1817 г. капитан, 9.IV.1818 г. майор, 15.IX.1819 г. подполковник. 16.IX.1826 г. назначен командиром 3-го морского полка. 25.I.1829 г. полковник. Во время Польской войны 1831 г. отличился в сражениях 7.II при Вавре и 13.II при Грохове, за что был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. 14.IV командовал полком в бою при Минске. Убит 14.V в сражении при Остроленке.

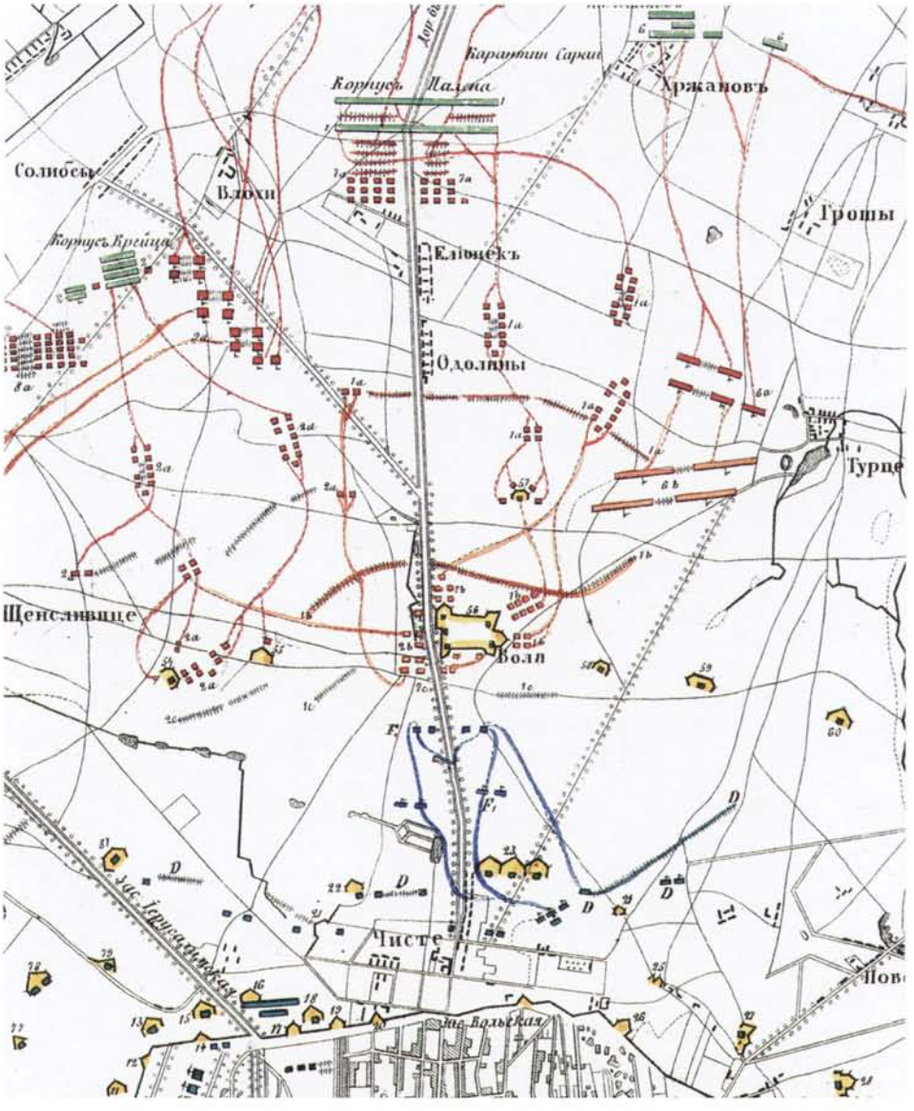
и 4-й полк вместе с гренадерами ударили в штыки, смяли противника и обратили его в беспорядочное бегство. При этом 3-й морской полк взял 150 пленных. Скржинецкий пытался остановить отступление и перейти в контратаку. Но тщетно польские офицеры бросались на штыки впереди своих поредевших колонн и эскадронов. К 19 часам сражение завершилось полной победой русских войск. 25 тысяч польской пехоты при поддержке кавалерии не только не смогли сбросить 14,5 тысяч русских в Нарев, но и потерпели сокрушительное поражение. Потеряв 3 орудия, 255 офицеров и 9000 солдат, в том числе 2100 пленных, поляки отступили ночью к Варшаве.

Но и русские войска понесли тяжелый урон. В 3-м и 4-м морских полках потери составили 60 % нижних чинов и 85 % офицеров. В 3-м морском полку были убиты его командир полковник Н.Я.Сафонов, штабс-капитан Ф.Ф.Гильдебрандт, 10 унтер-офицеров и 61 рядовой. Смертельные раны получили поручик Бостром (пулей в голову) и прапорщик Кейзер 2-й. 14 офицеров были ранены, еще 5 офицеров и старший лекарь Шмидт контужены. Ранены 286 нижних чинов. Многие раны оказались тяжелейшими. Так, подпоручик Федоров был ранен штыком в правый глаз и пулей в левую ногу, причем ногу пришлось ампутировать. Подпоручик Радов, раненый пулей в правый глаз, лишился зрения. За храбрость 21 офицера 3-го морского полка наградили орденами, а 34 нижних чинов – Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия. 6 подпрапорщиков и 6 унтер-офицеров произвели в офицеры.

Не менее тяжелые потери понес 4-й морской полк. Были убиты его командир полковник Тимченко-Рубан, 3 обер-офицера, 6 унтер-офицеров, 2 музыканта и 125 рядовых. Ранены 2 штаб- и 16 обер-офицеров, 45 унтер-офицеров, 3 музыканта, 278 рядовых. Пропали без вести 5 унтер-офицеров, 6 музыкантов и 134 рядовых. Из-за колоссальных потерь оба морских полка 16 мая привели в состав одного батальона вместо двух.

Преследуя отступающих к Варшаве поляков, русские войска 19 мая вступили в Пултуск и расположились лагерем для отдыха. Граф Дибич стал готовиться к переходу Вислы, но 29 мая неожиданно и скоропостижно умер от холеры. Тем не менее, реализация его плана продолжалась, в связи с чем 1-й и 2-й морские полки направили в гарнизон Ломжи, приобретавшей значение основной тыловой базы.

Параллельно с действиями в Польше очаги восстания стали распространяться и в Литве. Для их ликвидации из поселенных войск была создана Резервная армия под командованием уже знакомого нам графа П.А.Толстого (см. стр. 137). В связи с этим 3-и резервные батальоны морских полков отправились 24 марта 1831 г. из Новгородской губернии на телегах в Ригу и далее 20 апреля в Шавли. Но пока армия шла навстречу противнику, произошли события, превратившие Литву из второстепенного театра боевых действий в новый мощный очаг сопротивления. После сражения при Остроленке находившаяся в Ломже 2-я польская пехотная дивизия генерала Гелгуда (около 8000 чел.) оказалась отрезанной от своих



План штурма Варшавы 25 августа 1831 г.

Plan of the assault of Warsaw. 25 August 1831.

Раскрашенная гравюра. 1864 г. Фрагмент (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На плане русские войска обозначены красным и оранжевым цветом, а польские – синим. На данном фрагменте показано наступление двумя колоннами 1-го пехотного корпуса графа П.П.Палена (1a). Вдоль Калишского шоссе изображено движение колонны генерал-майора А.Н.Лидерса с батальонами 3-го и 4-го морских полков в авангарде, взятие этой колонной люнета № 57 и последующее наступление для штурма Воли (1b).

главных сил. Тогда, присоединив к себе 16 мая отряды генерала Дембинского (3000 чел.) и Заливского (1200 чел.), Гелгуд двинулся в Литву, где соединился 27 мая с повстанческим отрядом генерала Хлаповского (5000 чел.), а также различными небольшими, но многочисленными отрядами и партиями. После этого его силы стали насчитывать 24 тысячи человек. 7 июня Гелгуд попытался взять Вильну, но, потерпев поражение, перешел к обороне. На следующий день к Вильне стали подходить войска графа Толстого. Собрав у Вильны 40 тысяч штыков, граф начал теснить поляков и 16 июня занял Ковну. Одновременно отряд подполковника Крюкова, состоявший из резервных батальонов Невского, Копорского, Принца Карла Прусского пехотных, 3-го и 4-го морских полков и 125 таможенных объездчиков двинулся на Шавли и 21 июня выбил оттуда 19-й линейный полк и поветовую конницу Шимановского. В этом бою был убит рядовой 3-го морского полка Якуб Плац.

Потерпев неудачу, Шимановский отошел в Цытовяны. Неожиданно 24 июня к нему пришли войска Гелгуда и Хлаповского, теснимые графом Толстым. В то же время с другой стороны к Шавлям подходил отряд генерала Дембинского. Таким образом, против 2500 человек и 5 орудий подполковника Крюкова оказалось 15 тысяч польских солдат и 29 орудий. На военном совете польские генералы решили атаковать Шавли и легкой победой поднять пошатнувшийся дух войск. Не сомневавшийся в успехе Гелгуд предложил русским сдаться. Но собранный Крюковым военный совет единодушно отверг это предложение. Тогда, окружив город, поляки на рассвете 25 июня атаковали Шавли с трех сторон. Однако Крюков умело расположил свои силы и отбил противника с уроном. Сражение разгорелось по всем направлениям. 7 раз поляки бросались на штурм города и дважды врывались в него, доходя до центральной площади. Но каждый раз защитники выбивали противника. В бой пошли даже денщики и нестроевые. *«Трудно найти пример столь превосходной защиты, какую оказал здесь русский начальник по имени Крюков»*, – признавал позднее генерал Дембинский. В итоге, потеряв за 10 часов сражения 4 тысячи убитыми, ранеными и разбежавшимися, а также 400 человек пленными, поляки отошли. Общий урон отряда Крюкова составил 15 офицеров и 500 нижних чинов. В батальоне 3-го морского полка были ранены 7 человек и 2 пропали без вести. 7 офицеров получили боевые ордена, а 9 унтер-офицеров и 6 рядовых – Георгиевские кресты.

Неудача под Шавлями окончательно деморализовала войска Гелгуда. Через два дня его корпус распался на три отряда, которые стали самостоятельно пробираться в Польшу. Вскоре два из них оказались прижаты к границе и, спасаясь от русского преследования, сдались 1–3 июля в плен пруссакам. При этом поручик 7-го линейного полка Скульский с криком *«Умри, изменник!»* застрелил Гелгуда, которого мятежники считали главным виновником своих поражений. Отряду Дембинского удалось стремительным маршем 2–12 июля прорваться в Польшу. В его преследовании участвовала одна рота 3-го морского полка. После подавления восстания в Литве резервные батальоны морских полков двинулись в Россию. 10 августа они вернулись в Ригу, а в конце года – в свой 3-й округ пахотных солдат Новгородской губернии.

На главном театре боевых действий новый главнокомандующий граф И.Ф.Паскевич-Эриванский совершил в июне фланговый марш и, очистив северную часть Польши, перешел 4–8 июля Вислу у Осека. В это время 1-й и 2-й морские полки по-прежнему несли гарнизонную службу в Ломже в отряде генерал-майора Д.А.Герштенцвейга. 5 июля Паскевич велел Герштенцвейгу *«оставить в Ломже лишь самое необходимое число войск, а с остальным отрядом двинуться чрез Рационж и Липно к главной армии»*. В Рационже отряд должен был принять под охрану свыше 1000 обозных фур и обеспечить их конвой.

Оставив в Ломже 1-й морской полк и один батальон 2-го морского полка, Герштенцвейг выступил в поход. Пройдя Рационж 11 июля, его отряд неожиданно встретил части 2-й польской кавалерийской дивизии генерала Турно. Русские гусары и кракусы завязали бой, но с подходом пехоты, в том числе батальона 2-го морского полка (654 чел.), Турно отступил. Ночью к нему подоспела 4-я польская пехотная дивизия генерала Мюльберга, с помощью которой утром планировалось разгромить русский отряд. Однако Герштенцвейг под покровом темноты скрытно отступил и, избегая столкновений с превосходящим противником, 16 июля пришел в Осек. Перейдя Вислу, батальон 2-го морского полка следовал за армией, конвоируя обозы, сопровождая пленных и прикрывая тыловые коммуникации.

В это время основные русские силы быстро шли вперед и 6 августа начали охватывать Варшаву с западной стороны. Польскую столицу защищали 80 укреплений, составлявших 3 концентрических круга обороны. Сильнейшим пунктом 1-й линии считался прикрывавший Калишское шоссе редут Воля с полубастионами на углах. Обнесенная глубоким рвом, Воля разделялась внутри на две части, большую из которых занимал голландский сад, а в меньшей располагался костел с двухметровой каменной оградой и дополнительным палисадированным рвом. Гарнизон Воли насчитывал около 3 тысяч человек при 17 орудиях и состоял из трех батальонов 8-го линейного полка, одного батальона 10-го линейного полка, а также батальона ветеранов генерала Совинского. Подступы к редуту прикрывал люнет № 57 с рвом и палисадом, который защищали 200 солдат 8-го линейного полка с 4 орудиями. Несмотря на столь сильную оборону, граф Паскевич решил направить главный удар именно против Воли, поскольку взятие этого пункта гарантировало падение всей первой польской линии. Штурм Воли с фронта фельдмаршал поручил 1-му корпусу графа П. П. Палена.

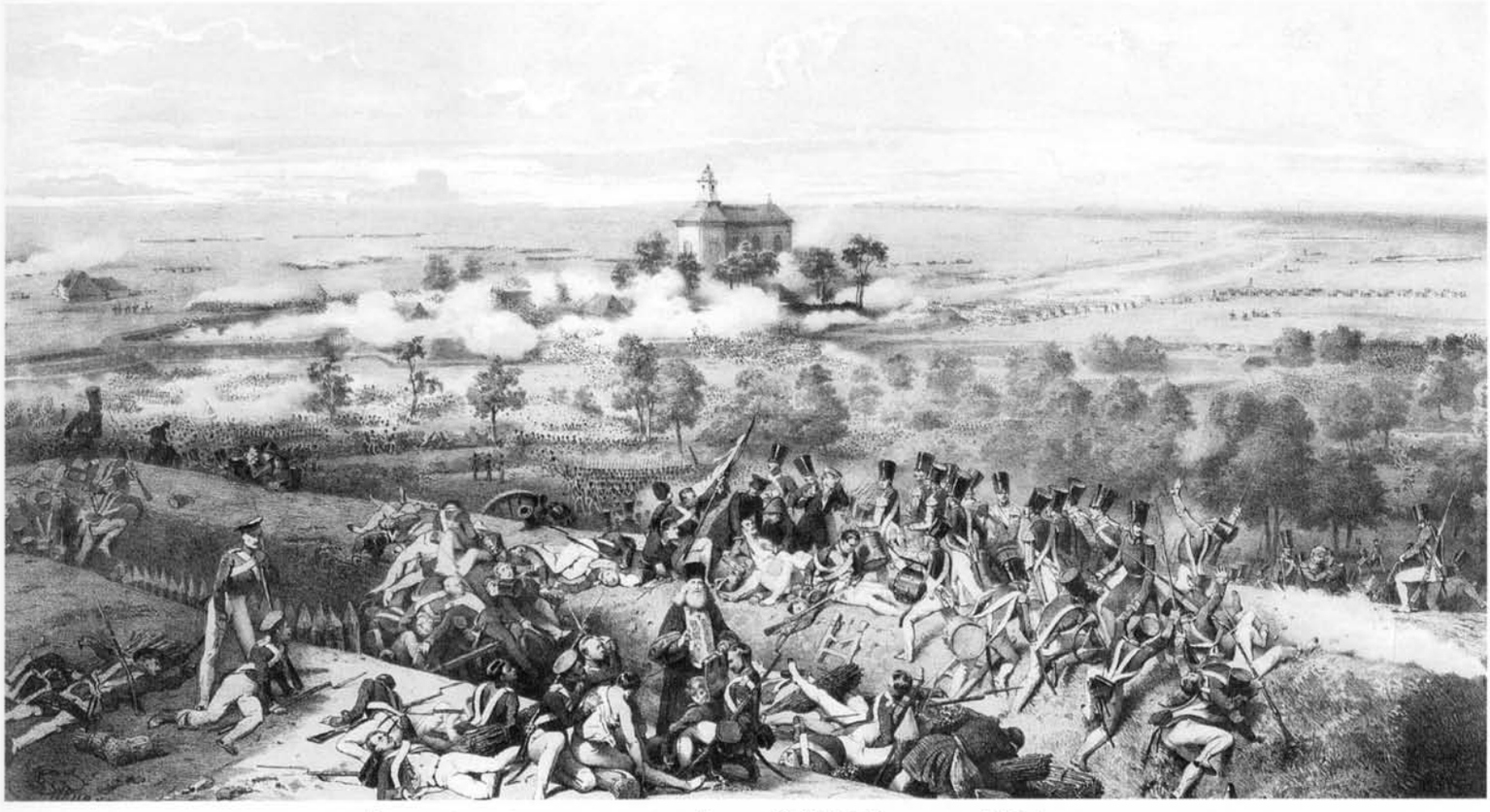
В 4 часа утра 25 августа 1831 г. русские колонны двинулись на штурм. 3-й и 4-й морские полки (каждый в составе одного батальона – 417 чел. и 390 чел. соответственно) шли в голове колонны генерал-майора А. Н. Лидерса, наступавшей левее Калишского шоссе. Сначала батальоны атаковали люнет № 57. С фронта люнет штурмовали пехотные части, морские же батальоны обошли его справа. Поравнявшись с левым фасом, морские солдаты под картечным огнем и ракетами преодолели три ряда волчьих ям, бросились в ров, вырвали палисады и, помогая друг другу, взобрались на вал. Несмотря на сильный ружейный огонь, которым их встретили на гласисе, батальоны ворвались в люнет. Первым на вал вскочил поручик 4-го морского полка Васильев. В несколько минут укрепле-

Взятие укрепления Воли 25 августа 1831 г.

Assault of the Wola fortifications on 25 august 1831.

Литография В.Ф.Тимма 1851 г. с картины художника О.Верне. (РГБИ)

На картине изображены русские войска, уже взявшие люнет № 57 и атакующие Волю, над которой возвышается костел.



Взятіе укрѣпленія Воли, 25-го Августа 1831 года,
съ картины Гораса Верне, находящейся въ Фельдмаршальской Залѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ С.Петербургѣ

Рукопашный бой гренадеров 3-го и 4-го морских полков с поляками при штурме Воли 25 августа 1831 г.

A hand-to-hand fight of the 3rd and 4th Naval Regiments' grenadiers with Polish troops during the assault of Wola on 25 August 1831.

Рисунок художника А.В.Каращука. 2001 г.

ние с орудиями оказалось взято штурмом, а его гарнизон, за исключением 80 пленных, истреблен.

Теперь предстояло взять Волю – самый мощный ключ обороны. Около 10 часов утра граф П.П.Пален и начальник Главного штаба армии граф К.Ф.Толь объехали войска. Толь *«обоим морским полкам напомнил их блестящие подвиги в течение всего похода и просил их остаться неизменными»*. Воодушевленные войска с громким «Ура!» бросились на штурм. Но поляки встретили три русские колонны сильным огнем и не позволили двум из них ворваться в редут. Первым добился успеха генерал Лидерс, который во главе морских полков решительно атаковал северо-западный исходящий угол Воли. Осыпаемые пулями и картечью морские батальоны бросились в ров, взошли на вал и ворвались в укрепление. Первым на вал снова вскочил храбрый поручик 4-го морского полка Васильев. Но тут же он был сражен пулей наповал. Его сменил штабс-капитан 3-го морского полка В.И.Гамельман, который *«при взятии штурмом двух батарей находился впереди охотников, с величайшей отважностью бросился на бруствер, невзирая на сильное сопротивление неприятеля, показал отличный пример неустрашимости»*. Сбитые с вала поляки закрепились в саду и встретили ворвавшихся в Волю морских солдат сильным ружейным огнем. В подстриженных липовых аллеях завязался упорный бой.

В это время колонна гренадер, так и не прорвавшись на своем участке, по приказу графа Палена быстро обошла фронт редута и вошла в Волю по пути, проложенному морскими полками. Вместе с подоспевшими гренадерами морские солдаты отбросили противника, часть которого истребили у противоположного бастиона. Другая часть поляков бежала из редута через ворота, а наиболее отчаянные заперлись в костеле. Перейдя под огнем ров, вырвав палисады и взяв высокую стену, гренадеры и морские солдаты выбили прикладами дверь костела и ворвались внутрь. После ожесточенной рукопашной схватки все поляки были истреблены или взяты в плен. Генерал Совинский погиб, сдержав слово, что Воля не будет в руках русских, пока он жив. К 11 часам утра Воля пала. Кроме множества убитых поляков, в плен попали 30 офицеров и 1200 солдат. Граф Паскевич лично приехал в укрепление и благодарил полки за проявленную храбрость. Следующий день 26 августа 3-й и 4-й морские полки находились в Воле, составляя резерв атакующих войск, вступивших 27 августа в Варшаву.

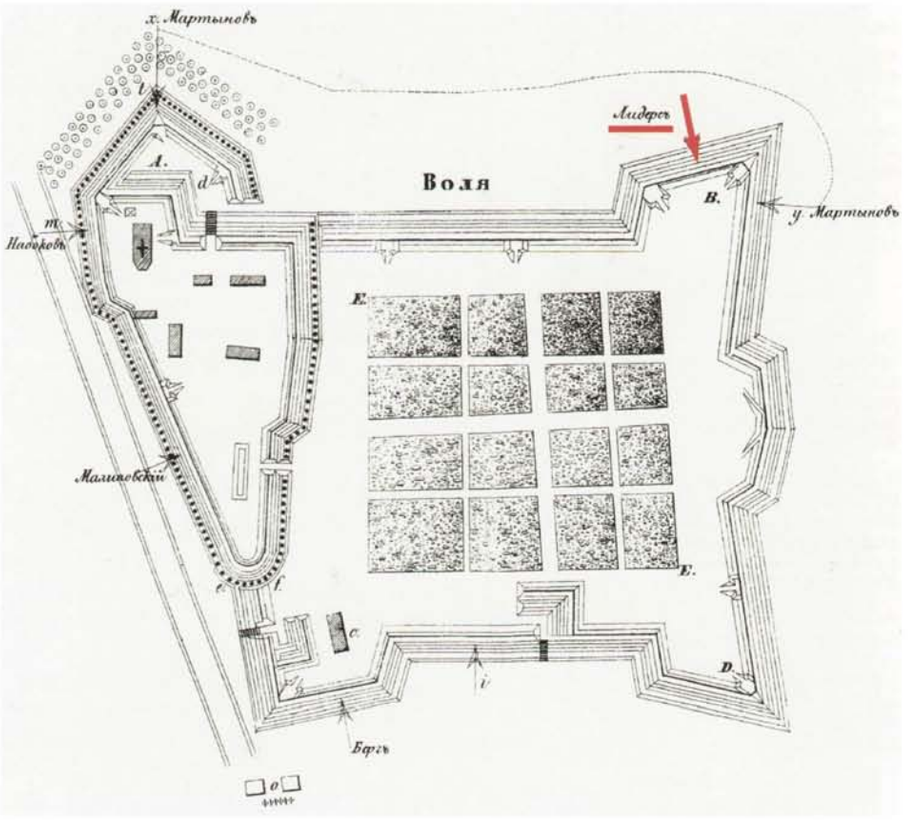
Славная победа далась русским войскам дорогой ценой. Из 12 офицеров 3-го морского полка уцелел лишь один. Командовавший полком подполковник Я. Ф. Шлотгауер был смертельно ранен, майор М.П. Андреев 1-й и штабс-капитан А. В. Лукирский убиты, 4 офицера ранены и еще 4 контужены. Из 420 нижних чинов погибли 27, ранены 85, пропали без вести 11. 4-й морской полк потерял половину личного состава. Были убиты 3 обер-офицера, 6 унтер-офицеров, 1 музыкант и 33 рядовых; ранены командующий полком подполковник В. М. Самарин, 12 обер-офицеров, 12 унтер-офицеров, 4 музыканта и 99 рядовых.

Героев штурма Воли ждали щедрые награды. Штабс-капитана 3-го морского полка В. И. Гамельмана, подполковника 4-го полка В. М. Самарина и прапорщика 4-го полка Д. М. Шорина император наградил орденом Св. Георгия 4-го класса. В 3-м морском полку еще 11 офицеров получили боевые ордена, 31 нижний чин – Георгиевские кресты, а 1 подпрапорщик и 3 унтер-офицера – чин прапорщика. Кроме того, священник 3-го морского полка отец Симеон Кашинский был пожалован золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. Все участники штурма получили особые серебряные медали, а каждому солдату император велел выдать по 5 рублей.

После падения Варшавы судьба восстания была предрешена. Остатки польских войск перешли Вислу и через Модлин и Плоцк потянулись к прусской границе. Их преследовал 1-й пехотный корпус графа П.П. Палена. 3 сентября в Маримонте под Варшавой к корпусу, наконец, присоединился батальон 2-го морского полка. Солдаты трех морских полков преследовали поляков до границы, которую остатки мятежников перешли 23 сентября. Завершив очищение края от повстанцев и приемку трофейного имущества, морские полки 21 октября выступили на зимние квартиры и 14 ноября расположились в окрестностях Пултуска. В феврале 1832 г. полки двинулись в Россию.

Польская война стала последним боевым испытанием для морских полков. И если в сражениях 1812–1813 гг. 1-й и 2-й морские полки стяжали славу при Березине и Данциге, то в 1831 году 3-й и 4-й морские полки увенчали себя лаврами Остроленки и Варшавы. К сожалению, невольная тыловая служба 1-го и 2-го морских полков не позволила им принять участие в главных победах русских войск, что, конечно, сказалось на числе их боевых наград. Так, если за войну 1831 года в 4-м морском полку Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия получили 113 нижних чинов, то во 2-м морском полку эта цифра оказалась почти в три раза меньше – 43 человека. Тем не менее, при всех случаях солдаты и офицеры морских полков проявляли массовый героизм. Признанием их заслуг стал высочайший указ от 6 декабря 1831 г., которым Николай I *«в ознаменование подвигов и отличной храбрости, оказанных в продолжение войны с польскими мятежниками»*, пожаловал 3-му и 4-му морским полкам почетные Георгиевские знамена. Их белые полотнища с зеленым крестом украшала по краям золотая надпись о подвиге. Кроме того, под центральным медальоном на знаменах 3-го морского полка помещались юбилейные даты «1733–1833», а в 4-м полку «1700–1800» в соответствии с существовавшим представлением о времени основания этих частей. Все четыре Георгиевских знамени (для 1-го и 2-го батальонов каждого полка) изготовили к осени 1832 года.

2 октября 1832 г. Николай I подписал наградные грамоты, в которых говорилось: *«Отличное мужество и храбрость, оказанные 3-м* [4-м] *Морским полком в сражении против польских мятежников при Остроленке 14-го Мая и при штурме Варшавских укреплений 25-го и 26-го Августа 1831 г., обратили на оный особенное Наше внимание, в ознаменование коего, Всемилостивейше жалуя ему препровождаемые у сего Георгиевские знамена с надписью "За взятие приступом Варшавы 25-го и 26-го Августа 1831 года", повелеваем по прочтении сей Нашей грамоты пред полком и по освящении знамен, употребить оные на службу Нам и Отечеству с верностью, усердием и храбростью, только Российскому воинству свойственными»*. Вместе с грамотами Георгиевские знамена отправили в полки. Для третьих резервных батальонов 3-го и 4-го морских полков Георгиевские знамена делать не стали в связи с тем, что вопрос об их скором переформировании уже был решен.



План штурма Воли 25 августа 1831 г.

Plan of the assault of Wola. 25 August 1831.

Гравюра. 1864 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На плане стрелкой обозначено место, где 3-й и 4-й морские полки первыми ворвались на вал и открыли русским войскам путь внутрь укрепления.

Серебряная медаль «За взятие приступом Варшавы».

Silver medal For Taking Warsaw by Assault.

(Из частной коллекции)

Реформа морских полков 1833 года и служба полков-преемников в 1833–1917 гг.

Библиография:

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

Обер-офицер гренадерских взводов гренадерских рот и рядовой Софийского морского полка. 1833–1843 гг.

A junior commissioned officer of a grenadier platoon of a grenadier company and a private of the Sophiisky Naval Regiment. 1833–1843.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XIX. Лист № 90. (ВИМАИВиВС)

По результатам войн с Турцией и Польшей Николай I решил провести реформу армейской пехоты, в результате которой каждый полк должен был увеличиться с 3 до 6 батальонов, считая 5-й и 6-й батальоны резервными. Для этого двойного увеличения 28 января 1833 г. император велел расформировать 16 пехотных, 5 карабинерных, 4 морских и все егерские полки, а также Луцкий гренадерский полк, обратив их на усиление остальных частей. Первоначально упраздняемые морские полки планировалось целиком присоединять к новым полкам. Но вместо этого 9 мая полки стали тасовать побатальонно. 1-е и 2-е батальоны четырех увеличивающихся пехотных полков – Невского, Софийского, Принца Вильгельма Прусского и Принца Карла Прусского – сохраняли свои номера, а их третьи резервные батальоны становились 5-ми резервными. В ходе реформы каждый полк получал от 1-го или 2-го морского полка новый 3-й батальон, а от 3-го или 4-го морского – новый 4-й. Вместе с этими батальонами в пехотные полки передавались их Георгиевские знамена. В свою очередь, при поступлении морских батальонов в состав Принца Вильгельма Прусского (Калужского) пехотного полка они получили для уравнения с прочими знаки на кивера с надписью «За отличие», а батальоны, поступившие в Принца Карла Прусского (Либавский) пехотный полк, – знаки на кивера «За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года». По пехотным полкам также расписали третьи резервные батальоны морских полков, ставшие теперь 6-ми резервными. В результате этой реформы получилась довольно запутанная схема (см. таблицу).

23 мая 1833 г. в Риге состоялся последний высочайший смотр упраздняемых морских полков, после которого Николай I решил все-таки сохранить о них хотя бы внешнюю память. 24 мая император повелел Невскому и Софийскому пехотным полкам отныне называться морскими и носить традиционные белые выпушки на обмундировании. Эти полки по-прежнему входили в состав 1-й пехотной дивизии, которой командовал герой Остроленки и Минска генерал-лейтенант К.Е. Мандерштерн – по словам участника похода 1831 года военного историка Ф.И. Смита, *«столько же храбрый и неустрашимый солдат, сколько любезный и скромный человек»*. О храбрости Мандерштерна ходили настоящие легенды. Например, Николай I, осмотрев летом 1837 г. расположение 1-го пехотного корпуса, рассказывал графу А.Х. Бенкендорфу: *«В Ковно мы прибыли 4-го августа в 2 часа утра, и я сделал маневры собранному там 1-му корпусу, которым остался очень доволен. Окрестности Ковна представляют превосходную местность для смотров и учений, довольно притом обширную и разнообразную, на которой можно маневрировать в продолжение целых суток. Тут случилось происшествие, очень меня огорчившее, а все-таки прекрасное. Маневры заключились штурмом города, и голова колонны, под командою дивизионного начальника Мандерштерна, остановилась на самом берегу Немана, от которого паромы, чтобы придать всему больше сходства с настоящею войною, отведены были к противоположному берегу. Проезжая мимо этого отряда, я сказал в шутку: "Ну, что ж, только-то! Чего вы тут ждете?". И вдруг Мандерштерн, приняв сказанное мною за приказание, дал лошади шпоры и исчез в глубине реки, а за ним бросилась и вся первая рота. С большим трудом вытащили его из воды; к счастью, никто не утонул; но бедняк*

Схема переформирования морских полков в 1833 году и их дальнейшей преемственности

Невский морской полк
(с 20.I.1846 г. пехотный)

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й батальон
- 4-й батальон (с 23.VIII.1856 г. резервный)
- Резервные:
- 5-й батальон (упразднен 20.I.1842 г.)
- 6-й батальон (упразднен 28.II.1834 г.)

1-й морской полк

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й резервный батальон

3-й морской полк

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й резервный батальон

Принца Вильгельма Прусского (Калужский) **пехотный полк**

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й батальон
- 4-й батальон (с 23.VIII.1856 г. резервный)
- Резервные:
- 5-й батальон (упразднен 20.I.1842 г.)
- 6-й батальон (упразднен 28.II.1834 г.)

Пехотные полки-преемники морских полков, сформированные в ходе реформы 1863–1864 гг. на основе резервных батальонов

- 89-й пехотный Беломорский полк
- 92-й пехотный Печорский полк
- 90-й пехотный Онежский полк
- 102-й пехотный Вятский полк

Софийский морской полк
(с 17.IV.1856 г. пехотный)

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й батальон
- 4-й батальон (с 23.VIII.1856 г. резервный)
- Резервные:
- 5-й батальон (упразднен 20.I.1842 г.)
- 6-й батальон (упразднен 28.II.1834 г.)

2-й морской полк

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й резервный батальон

4-й морской полк

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й резервный батальон

Принца Карла Прусского (Либавский) **пехотный полк**

- 1-й батальон
- 2-й батальон
- 3-й батальон
- 4-й батальон (с 23.VIII.1856 г. резервный)
- Резервные:
- 5-й батальон (упразднен 20.I.1842 г.)
- 6-й батальон (упразднен 28.II.1834 г.)

Мандерштерн, уже без того страдавший от старых ран, схватил жестокую горячку. На другой день я пошел к нему, чтобы осведомиться о его здоровье и попенять за то, что он принял мои слова за серьезные. Позднейшие известия о нем, благодаря Богу, совершенно успокоительны; но эта черта показывает человека!». Заслуженный герой командовал 1-й пехотной дивизией до 1839 года.

28 февраля 1834 г. 6-е резервные батальоны морских и пехотных полков были упразднены. Их личный состав влили в 5-е резервные батальоны с увольнением ветеранов, прослуживших более 20 лет, в бессрочный отпуск. Таким образом, к сентябрю 1834 г. завершилась история резервных батальонов морских полков. 20 января 1842 г. произошла очередная реформа пехоты, в ходе которой упразднили и 5-е резервные батальоны. Вместо них полки отныне имели небольшие резервные и запасные кадры, которые в военное время предполагалось разворачивать в полноценные батальоны.

Штаб-офицер Пехотного Его Величества Короля Неаполитанского полка. 1846–1855 гг.

A field officer of the His Majesty the King of Naples Infantry Regiment. 1846–1855.

Акварель из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XIX. Лист № 98. (ВИМАИВиВС)

20 января 1846 г. король Обеих Сицилий Фердинанд II стал шефом Невского морского полка, который в связи с этим получил название Пехотный Его Величества Короля Неаполитанского полк. Несмотря на окончательный переход в пехоту, полк сохранил традиционные белые выпушки на обмундировании. Кроме того, на воротнике и клапанах обшлагов офицерских мундиров стали вышивать золотые петлицы, а на эполетах и солдатских погонах помещать вместо 1-го номера дивизии вензель Фердинанда II. Офицерам в отличие от прочих пехотных полков присвоили дополнительно на каски ниспадающие черные султаны из конского волоса.

В 1854 году в связи с началом Восточной войны кадры пехотных полков укомплектовали бессрочно отпускными нижними чинами и развернули их в 5-е и 6-е резервные батальоны. Пока действующие батальоны находились в Царстве Польском, резервные батальоны, сведенные в полки, охраняли Балтийское побережье от возможных десантов англо-французского флота. Но ни тем, ни другим не довелось участвовать в боевых действиях. С окончанием войны резервные батальоны велено было расформировать, а 4-е действующие батальоны преобразовать в резервные. Однако на практике все получилось наоборот. 4-е действующие батальоны 23 августа 1856 г. расформировали, а из упраздняемых 5-х и 6-х батальонов сформировали заново 4-е резервные батальоны. Тем не менее, в этих резервных батальонах номинально все еще сохранялась преемственность с батальонами морских полков.

17 апреля 1856 г. Софийский морской полк был переименован в Софийский пехотный полк. Вскоре Пехотному Его Величества Короля Неаполитанского полку вернули 19 марта 1857 г. его прежнее название, после чего он стал называться Невским пехотным Его Величества Короля Неаполитанского полком. В мае 1859 г. Фердинанд II умер, в связи с чем полк стал называться просто Невским пехотным, но ненадолго. 4 мая 1867 г. его шефом стал греческий король Георг I, и полк стал называться 1-м пехотным Невским Его Величества Короля Эллинов полком.

В 1863 году в связи с волнениями в Польше часть армии привели в военное положение. 6 апреля 1863 г. 4-е резервные батальоны пехотных полков велено было дополнить бессрочными и временными отпускными нижними чинами, а также рекрутами и сформировать дополнительно 5-е резервные батальоны. Из этих двух батальонов создавались новые резервные полки с тем же названием, что и основные – Невский резервный пехотный полк, Софийский резервный пехотный полк и т.д. 13 августа 1863 г. из

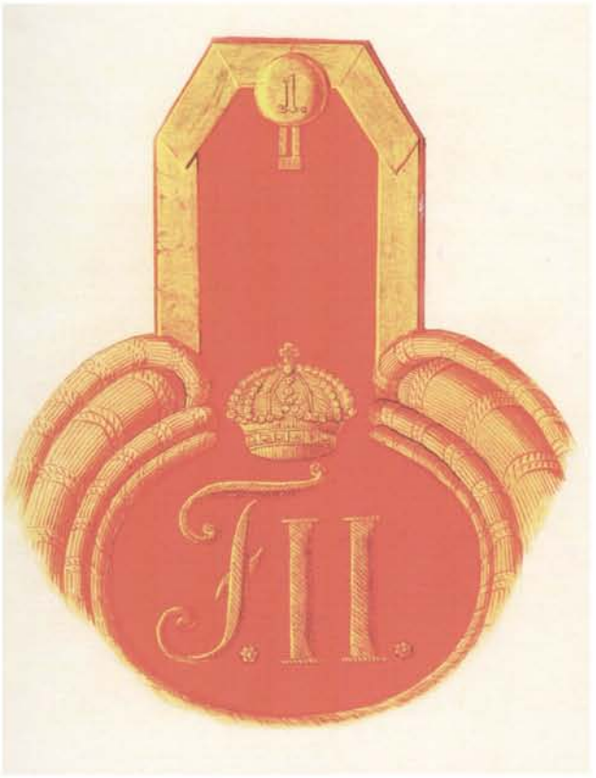


Рисунок вензеля короля Фердинанда II на эполеты офицеров Пехотного Его Величества Короля Неаполитанского полка, высочайше утвержденный 29 января 1846 г.

Drawing of the monogram of King Ferdinand on the epaulets of the officers of the His Majesty the King of Naples Infantry Regiment, introduced on 29 January 1846.

(ТБ ВНК)

Портрет подпоручика Пехотного Его Величества Короля Неаполитанского полка.

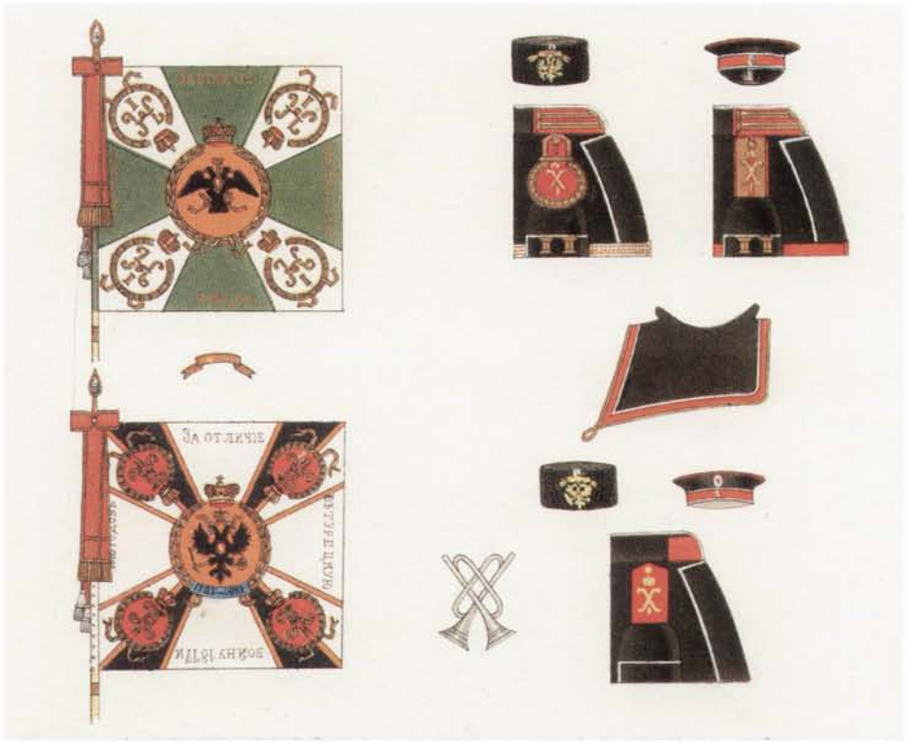
Portrait of a lieutenant of the His Majesty the King of Naples Infantry Regiment.

Портрет кисти М.А.Тихеева. Май 1849 г. (Ярославский художественный музей)

этих полков император решил составить новые пехотные дивизии. Резервные полки привели в нормальный трехбатальонный состав, после чего они получили самостоятельные названия. Бывшие 4-е резервные батальоны стали 1-ми действующими батальонами новых полков, 5-е резервные – 2-ми, а к 1 декабря 1863 г. из рекрут сформировали и 3-и батальоны. 25 марта 1864 г. новым полкам присвоили порядковые номера. В результате этой реформы были сформированы 89-й пехотный Беломорский, 90-й пехотный Онежский, 92-й пехотный Печорский и 102-й пехотный Вятский полки. При этом 1-е батальоны новых полков, сформированные из бывших четвертых резервных батальонов, унаследовали их Георгиевские знамена – Беломорский и Печорский полки от 3-го морского полка, а Онежский и Вятский – от 4-го морского полка (см. таблицу). 21 сентября 1865 г. 1-м батальонам четырех полков Александр II пожаловал новые Георгиевские знамена с сохранением прежних надписей – отличия и юбилейной – на полотнище. Знамена освятили в Гельсингфорсе 10 сентября 1867 г.

При развертывании из резервных батальонов Печорский полк сохранил в память о Калужском полку знаки на шапках «За отличие», а Вятский полк – знаки Либавского полка «За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года». От морских батальонов новые полки унаследовали кроме Георгиевских знамен и гренадерский бой. Тем не менее, белые морские выпушки на обмундировании в новых полках с сентября 1863 г. отменили. Вплоть до 1917 года их сохраняли Невский и Софийский пехотные полки в память о том, что их третьи батальоны вели происхождение от первых батальонов 1-го и 2-го морских полков. В Калужском же и Либавском пехотных полках преемственность со вторыми батальонами 1-го и 2-го морских полков после 1863 года уже не поддерживалась.

89-й пехотный Беломорский, 90-й пехотный Онежский и 92-й пехотный Печорский полки вошли в состав 23-й пехотной дивизии. С 1865 года она стояла в Финляндии, откуда в 1883 году ее перевели в Ревель. Вплоть до начала I мировой войны эти полки в боевых действиях не участвовали. По-иному сложилась судьба 102-го Вятского полка, попавшего в 1-ю бригаду 26-й пехотной дивизии. Полк доблестно участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Летом 1877 г. дивизия



Интендантская карточка со схемами обмундирования и полковых отличий 1-го пехотного Невского Короля Эллинов полка. 1890-е гг.

Supply department card featuring colour scheme of the 1st Nevsky Hellenic King's Infantry Regiment's uniforms and regimental differences. The 1890s.

(Из коллекции М.П.Васильева)

Такую форму одежды с белыми морскими выпушками полки носили почти без изменений с 1882 по 1908 г.

Интендантская карточка со схемами обмундирования и полковых отличий 2-го пехотного Софийского Его Величества полка. 1890-е гг.

Supply department card featuring colour scheme of the 2nd Sophiisky His Majesty's Infantry Regiment's uniforms and regimental differences. The 1890s.

(Из коллекции М.П.Васильева)

пришла в действующую армию и сперва была двинута под Плевну, но вскоре переведена в Рущукский отряд. 19 июля Вятский пехотный полк расположился около Церковны. 9 сентября три турецкие дивизии атаковали передовой отряд генерал-лейтенанта Л.А.Татищева. Несколько часов длился упорный бой. Имея тройное превосходство, турецкая бригада генерала Асима взяла ключевую высоту у деревни Бей-Варбовка, угрожая обойти левый русский фланг и уже обстреливая его тыл. Но тут к высоте подоспели из резерва 1-й и 2-й батальоны Вятского пехотного полка. Командир бригады генерал-майор Н.Н.Малахов лично повел их в атаку. Вятцы опрокинули полки Асима и ворвались в Бей-Варбовку. Потеряв около 1,5 тысяч солдат, турки отступили и 13 сентября отошли за реку Кара-лом. 19 сентября к реке подошел Рущукский отряд и занял здесь позицию до конца ноября. За проявленную доблесть император 17 апреля 1878 г. наградил Вятский полк Георгиевскими трубами с надписью «За Церковну 9 сентября 1877 г.».

13 ноября 1877 г. главная турецкая армия Сулеймана-паши начала действия против Рущукского отряда с целью выйти в тыл 8-му русскому корпусу, оборонявшему Шипкинский перевал. 23 ноября турки прорвали фронт 11-го корпуса и заняли Златарицу, открыв дорогу на Тырнов. Однако ночью к Тырнову подоспела бригада генерал-майора Н.Н.Малахова. 24 ноября Пермский и Вятский полки перешли по пояс реку Дрентска и взобрались под вражеским огнем на крутые скалы. Ударив на правый фланг и в центр турецких позиций у Златарицы, полки опрокинули противника, спешно отступившего и оставившего более 100 трупов. Одновременно продвижение турок было остановлено и на других участках. В итоге их стратегическое наступление захлебнулось. После этого активные боевые действия для Вятского пехотного полка завершились. Всего за время войны полк потерял 25 нижних чинов убитыми, 1 обер-офицера и 148 нижних чинов ранеными, 2 солдат пропавшими без вести.

Остальным трем полкам-преемникам, несмотря на службу в мирной обстановке, довелось на практике вспомнить свою историческую связь с морской пехотой. После завершения русско-турецкой войны Александр II, не оставлявший надежду овладеть Босфором, поручил разработать план захвата пролива со стороны Черного моря (см. том II). Подготовка к стратегическому десанту требовала не только мощного флота, но и обученных пехотных частей. Многих солдат – в недавнем прошлом обычных крестьян – пугали морские перевозки, да и среди командования находилось немало скептиков, опасавшихся десантных операций. Для проверки всех опасений и обучения войск и флота проводились маневры с высадкой. Одно из первых таких учений Балтийский флот провел летом

В 1881–1882 гг. российская армия получила новое обмундирование согласно вкусам императора Александра III. Как вспоминал граф А.А.Игнатьев: *«Под лозунгом "самодержавие и народность" наступил период "упрощения" и "русификации", выразившейся в армии введением новой формы – мундиров в виде полукафтанов, цветных кушаков, барашковых шапок, шаровар и тп. На первом придворном приеме, когда все начальники, числившиеся в свите, должны были быть в новой свитской форме, командир Конной гвардии князь* [А.В.] *Барятинский появился в мундире полка, а на полученные от Министра Двора замечания ответил, что "мужицкой формы он носить не намерен". В результате ему пришлось провести остаток жизни в Париже».* Несмотря на недовольство военных, новая форма очень нравилась Александру III и его преемнику Николаю II. Но даже через четверть века офицеры и солдаты с ностальгией вспоминали яркие мундиры времен Александра II. Военный министр А.Ф. Редигер писал: *«Вопрос об изменении формы <...> до конца 1906 года еще не получил разрешения. Государь отнесся к этому вопросу совершенно отрицательно и говорил, что наша форма хороша, национальна и очень нравится ему, а также и всем приезжим иностранцам. Я возражал, что форма эта, особенно в армии, хороша в массе, но в одиночку она так бедна и неуклюжа, что хуже быть не может; что наш солдат не любит своей формы, она ему не нравится, он ею не дорожит; что уходящие в запас шьют себе форму времен императора Александра II, чтобы щеголять в ней в деревне или хотя бы снимаются у фотографа в этой форме».* Публикуемая здесь фотография свидетельствует, что реальность действительно не всегда совпадала с красивыми ожиданиями монархов.

Рядовые 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка. Ревель, 1890-е гг.

Privates of the 1st Nevsky the King's of Greeks Infantry Regiment. Revel, the 1890s.

(Фотография из коллекции И.А.Кобец)

Лист № 29 из «Иллюстрированного описания перемен в обмундировании и снаряжении Императорской Российской армии».

List 29 of the Illustrated Description of Modifications to the Uniforms and Equipment of the Russian Imperial Army.

(Музей-панорама «Бородинская битва»)

Обер-офицер 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полка в парадной форме вне строя.

A subaltern of the 2nd Sofiisky Alexander III's Infantry Regiment in the dress uniform for off-duty wear.

Фотография 1910–1913 гг. (Из коллекции А.В.Воронова)

На мундире офицера хорошо видны белые морские выпушки, а на левой стороне груди – юбилейный полковой знак.

Схемы обмундирования 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов и 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полков по состоянию на 1 февраля 1910 г.

Colour schemes of the 1st Nevsky Hellenic King's Infantry and 2nd Sophiisky Emperor Alexander III's Infantry regiments as of 1 February 1910.

(В.К.Шенк. «Таблицы форм обмундирования Русской Армии»)

Такую форму полки носили с 1908 по 1913 г., только весной 1910 г. на тульях фуражек нижних чинов император велел носить полковые знаки отличия, а на околышах защитных фуражек отменил цветную тесьму.

1883 г. в присутствии императора Александра III. В состав десантного отряда были назначены 1-й и 2-й батальоны 92-го пехотного Печорского полка, 2-й и 3-й батальоны 91-го пехотного Двинского полка, 5-я батарея 22-й артиллерийской бригады и полуэскадрон Лейб-Гвардии Уральского казачьего эскадрона.

14 июля 1883 г. 1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 6-я и 7-я роты Печорского полка разместились на броненосной батарее «Не тронь меня», а 4-я и 8-я роты – на пароходе «Днепр». В 9 часов утра 16 июля эскадра из 5 броненосцев, 2 лодок, 3 пароходов и 8 миноносцев подошла в боевом порядке к Батарейной бухте у Красной Горки и начала обстреливать берег. Около 12 часов показалась яхта «Держава», на борту которой находились Александр III, императрица Мария Федоровна, наследник цесаревич Николай Александрович[19], великие князья Георгий Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Михаил Николаевич, Николай Николаевич и великая княгиня Мария Павловна. С их прибытием на эскадре подали сигнал, и миноноски повели к берегу на буксирах катера и шлюпки, в которых сидели солдаты 5-й, 6-й и 7-й рот Печорцев. В это время император в сопровождении семьи и свиты подъехал на паровом катере к временной пристани, откуда наблюдал за высадкой десанта. Проезжая мимо десантных войск, государь здоровался с ротами.

Первый эшелон десанта «противник» встретил ружейным и артиллерийским огнем. Выпрыгнув из шлюпок за 80–50 шагов от берега, солдаты по воде, доходившей местами выше пояса, выбрались на сушу, оттеснили слабую стрелковую цепь и начали развивать наступление вглубь территории. Вторым рейсом прибыли еще три роты 1-го батальона, а также понтоны с артиллерией, после чего десант атаковал «вражеские» резервы. Последними на берег высадились 4-я и 8-я роты Печорцев, лошади и обоз. Император, внимательно наблюдавший за десантом, решил лично вблизи ознакомиться с учениями. Отправившись пешком вдоль берега, где происходила высадка, он осматривал ход операции и беседовал с офицерами. Императрица Мария Федоровна также пожелала перейти ближе к десанту. Увидев это, солдаты 7-й роты бросили на песок шинель и предложили государыне сесть на барабан. Императрица выразила солдатам свое удовольствие и отметила *«их верноподданническую заботу»*.

[19] Будущий император Николай II.

Юбилейные нагрудные знаки:
1, 2 *– офицерский и солдатский 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка (высочайше утвержден 27 марта 1908 г.);*
3, 4 *– офицерский и солдатский 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полка (высочайше утвержден 17 ноября 1910 г.);*
5 *– офицерский 89-го пехотного Беломорского полка (высочайше утвержден 5 июля 1908 г.);*
6, 7 *– офицерский и солдатский 90-го пехотного Онежского полка (высочайше утвержден 23 сентября 1908 г.);*
8, 9 *– офицерский и солдатский 92-го пехотного Печорского полка (высочайше утвержден 24 марта 1909 г.);*
10 *– офицерский 102-го пехотного Вятского полка (высочайше утвержден 24 октября 1910 г.).*

Anniversary badges.

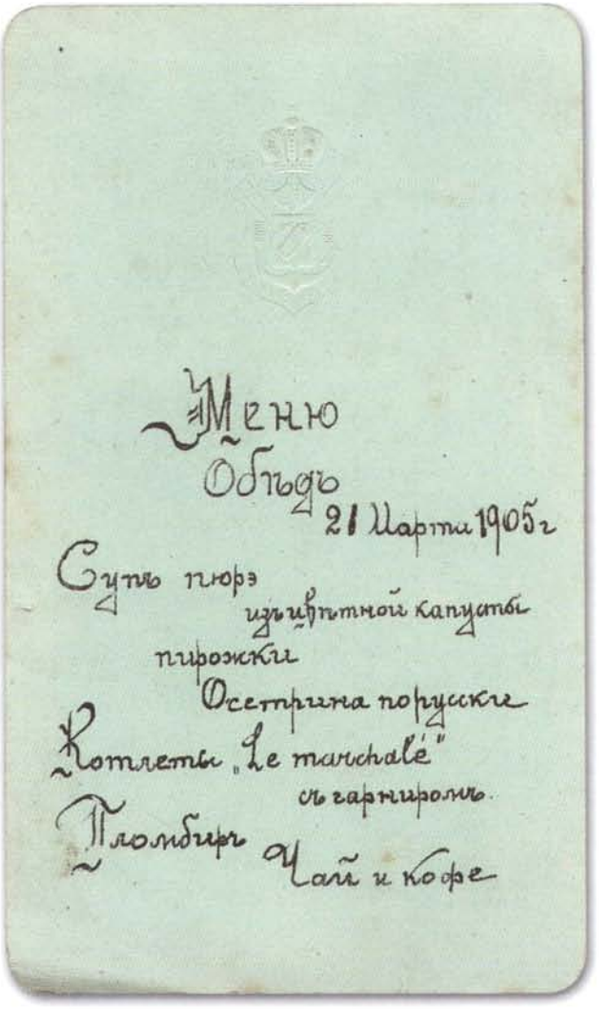
(Все знаки из частных коллекций)

Знаки 1 и 2 учреждены в честь 200-летнего юбилея Невского пехотного полка. Остальные знаки учреждены в честь 100-летних полковых юбилеев. При этом знаками 5–10 была отмечена вековая годовщина сформирования морских полков 29 апреля 1903 г.

Перед парадным обедом 89-го пехотного Беломорского полка. 1900-е гг.

Prior to a dinner of the 89th Belomorsky Infantry Regiment. The 1900s.

(Фотография из коллекции М.П.Васильева)



Меню праздничного обеда 89-го пехотного Беломорского полка 21 марта 1905 г.

The menu of the dinner of the 89th Belomorsky Infantry Regiment on 25 March 1905.

(Из коллекции М.П.Васильева)

Между тем на берегу установили орудия, открывшие огонь по правому флангу «противника». Одновременно десант стал стрелять залпами, и командование решило, что неприятель обойден. Маневр завершился. Александр III с семьей отправился на яхту «Держава», откуда просигналил свою благодарность всем участникам операции. После этого 1-й и 2-й батальон Печорцев пешим порядком двинулись в Ораниенбаум. И тут на марше выяснилось, что офицерам так и не удалось преодолеть всех солдатских предрассудков против десантов. Оказалось, что для облегчения экипировки при высадке нижние чины по чьему-то «мудрому» совету выбросили в море запас сухарей. В итоге батальоны сделали переход полуголодными.

Вскоре после этого маневра полкам-преемникам официально подтвердили их историческую связь с морскими полками. В связи с уточнением даты основания полков и дезавуированием их преемственности с частями XVIII века, приказом по военному ведомству от 18 марта 1884 г. № 96 всем четырем полкам официально присвоили старшинство с 29 апреля 1803 г. по дате указа Александра I о формировании четырех морских полков. При этом устанавливалась преемственность каждого полка с двумя морскими полками, батальоны которых в 1833 году были влиты в соответствующий полк: Беломорскому и Печорскому полку – с 1-м и 3-м морскими полками, а Онежскому и Вятскому – с 2-м и 4-м морскими полками.

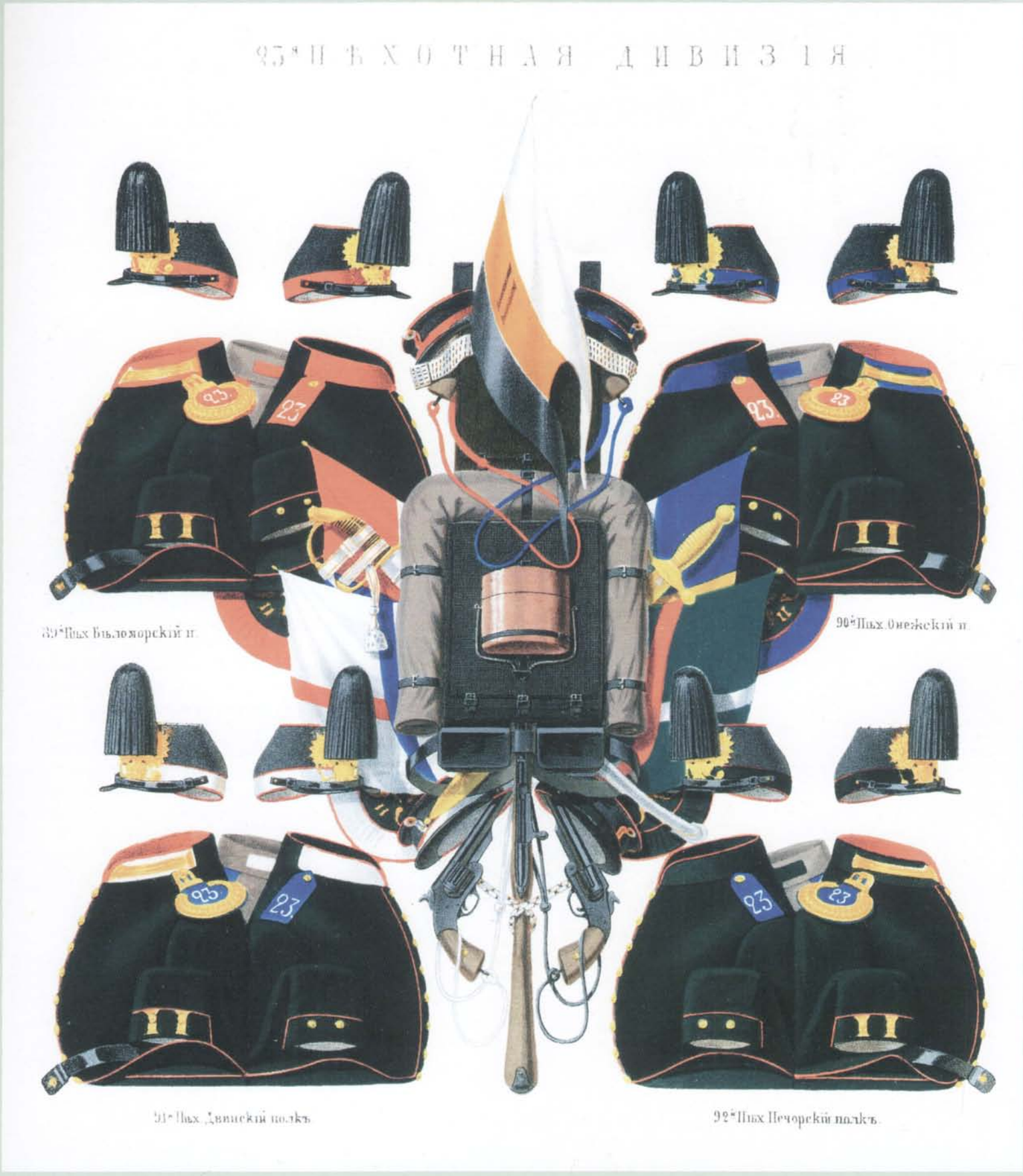
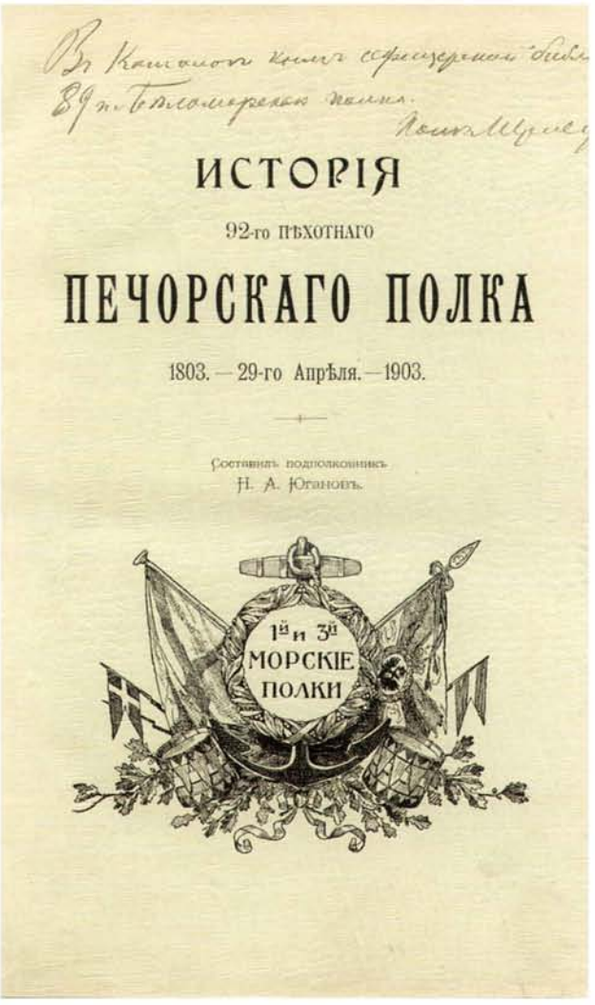


Таблица со схемой обмундирования полков 23-й пехотной дивизии.

Colour scheme of the uniforms worn by the regiments of the 23rd Infantry Division.

Хромолитография. 1874 г. (РГБИ) Такую форму пехотные полки носили с 1873 по 1881 гг.



Supply department card featuring colour scheme of the 92nd Pechora Infantry Regiment's uniforms and regimental differences. The 1890s.

Форму одежды, изображенную на карточке, полк носил почти без изменений с 1881 по 1908 г. На карточке также схематично изображено Георгиевское знамя, пожалованное 1-му батальону Печорского полка 21 сентября 1865 г. Ниже его должно быть показано Георгиевское знамя, пожалованное 6 декабря 1831 г. 2-му батальону 3-го морского полка и перешедшее затем в 1-й батальон Печорского полка. Но на схеме отсутствуют атрибуты такого знамени – георгиевские ленты, навершие и надпись отличия. Между знаменами показан знак на шапки «За отличие», доставшийся Печорскому полку от Принца Вильгельма Прусского (Калужского) пехотного полка.

Летом 1901 г. планировались масштабные маневры войск Петербургского и Финляндского военных округов. В том числе предполагалось провести высадку десантного отряда, сформированного из полков 23-й пехотной дивизии. Для этого в марте 1901 г. в Выборге были заказаны и к началу июня изготовлены гребные десантные суда. Беломорцы, Онежцы и Печорцы стали обучаться посадке на них и высадке на берег. Кроме того, в каждом полку сформировали особую десантную команду (1 офицер и 50 нижних чинов), поступившую в сводную десантную роту 23-й пехотной дивизии. В Ревеле эту роту 26 июня начал обучать специально вызванный с Черного моря командир Одесской сводно-морской роты штабс-капитан Х. Ф. Стаматьев и его небольшая команда. Эти специалисты учили солдат управлять десантными судами.

6 июля 1901 г. Ревель посетил великий князь Михаил Александрович. В его присутствии сводная рота провела высадку с крейсера «Память Азова» двух батальонов 91-го пехотного Двинского полка. Батальоны высаживались в устье реки Бригитовки, где противника изображали 1-й и 2-й батальоны Печорского полка. После удачного маневра великий князь Михаил Александрович обошел части и, пропустив их церемониальным маршем, поблагодарил войска. В конце июля в Ревель пришли нанятые военным ведомством транспортные суда Русско-Датской компании, которые немедленно стали приспосабливать для перевозки солдат, лошадей и обоза. 31 июля Ревель посетил Главнокомандующий войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович. Он осмотрел полки, транспорты, а также сводно-морскую роту 23-й дивизии. В его присутствии дивизия произвела репетицию посадки всех частей на суда. Великий князь остался доволен и приказал нижним чинам Одесской сводноморской роты выдать в награду по рублю, а остальным солдатам – по 50 копеек.

С 1 августа 1901 г. начались большие маневры, по замыслу которых восточный корпус должен был защищать Петербург от западного корпуса, наступавшего со стороны Эстляндской губернии. Для содействия этому наступлению командование западного корпуса планировало высадить на финском берегу под Выборгом десант и двинуть его на столицу в тыл восточному корпусу. 6 августа войска 23-й пехотной дивизии посадили в Ревеле на транспорты и вывели на рейд. 7 августа десантная эскадра под командованием контр-адмирала З. П. Рожественского отплыла двумя кильватерными колоннами и утром 8 августа подошла к острову Сескар. Здесь ее встретил великий князь Владимир Александрович и приказал идти к Бьеркэ. Подходя к острову в 14 часов, эскадра встретила яхту «Штандарт», на борту которой находился Николай II с императрицей Александрой Федоровной. Государь вышел на мостик и здоровался с морскими командами и расположенными на судах частями, которые отвечали мощным «Ура!». Войдя в Бьеркэ-зунд, передовые корабли открыли огонь по не ожидавшему десанта «противнику». В 16.45 началась высадка авангардных частей, которые оттеснили «восточных» от береговой линии. В полном порядке солдаты пересаживались с транспортов на баркасы и боты и при подходе к берегу за 100 шагов смело прыгали в воду, равнялись в цепь, шли по воде, выходили на берег, скрывались в лесу и наступали на расположенное в версте селение Бьеркэ. К вечеру высадка войск завершилась. Ночью и днем 9 августа продолжалась выгрузка тяжестей и обозов. Николай II наблюдал за ходом десанта с катера.

В 6 часов утра 10 августа десант начал наступление вглубь территории. Пройдя за 27 часов 67 верст, войска утром 11 августа вышли к деревне Ваммельсу, где отрезали отступавшие к Петербургу части восточного корпуса. Следовавший в авангарде десанта Двинский полк должен был овладеть переправой через Черную речку, но неожиданно встретил Лейб-Гвардии Резервный полк из «восточных» сил. Этот полк оказался здесь случайно, поскольку его задержал посред-

ник. Завязался «бой». На помощь Двинцам подоспели Беломорский и Онежский полки. В конце концов, Онежцы перешли реку вброд, и посредники признали оборону гвардейцев сломленной, а деревню и переправу захваченными десантом. Подошедший вскоре отряд «восточных», отступавший к Петербургу, был признан отбитым и двинулся кружным путем. Десант получил дневку и продолжил наступление утром 13 августа. Двигаясь в авангарде дивизии вдоль берега к Сестрорецку, охотники Беломорского полка застали врасплох большой разъезд «восточных» и захватили в плен офицера и трех нижних чинов Финляндского драгунского полка. Подойдя к Белоострову на границе Выборгской и Петербургской губерний, десант встретил посредника, сообщившего о завершении маневров.

14 августа Николай II в рескрипте на имя великого князя Владимира Александровича отметил: *«Сухопутные силы шли рука об руку с морскими, и десантная операция, руководство которой Вы взяли лично на себя, была блестяще выполнена. Я видел во время высадки войск, как сформированная по Вашим указаниям десантная рота из нижних чинов 23-й пехотной дивизии перевозила вместе с матросами десантный отряд на берег, соперничая с моряками в искус-*

Интендантская карточка со схемами обмундирования и полковых отличий 92-го пехотного Печорского полка. 1890-е гг.

(Из коллекции М.П.Васильева)

Георгиевское знамя, пожалованное 92-му пехотному Печорскому полку 29 апреля 1903 г.

The St. George banner awarded to the 92nd Pechora Infantry Regiment on 29 April 1903.

(Фотография 1903 г.)

В связи со столетним юбилеем со дня учреждения морских полков четырем полкам-преемникам были пожалованы новые Георгиевские знамена с юбилейными Александровскими лентами. Полотнища имели одинаковый рисунок: на одной стороне надпись «С нами Бог» и изображение образа Спаса Нерукотворного; на другой стороне под вышитым золотом вензелем Николая II на голубой Андреевской ленте юбилейные даты «1803–1903», а по углам черные орлы. Цвет каймы и узоров на полотнище был в Беломорском полку красный, в Онежском и Вятском светло-синий, в Печорском темно-зеленый. 11 июня 1912 г. к навершиям знамен велено по-прежнему привязывать георгиевские ленты с кистями, а под образом Спаса Нерукотворного пришивать широкую георгиевскую ленту с надписью боевого отличия полка.

Георгіевское знамя ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное полку 29 апрѣля 1903 г.

стве управления и гребле на баркасах и ботах. Десантный маневр еще раз доказал, что для войск, руководимых опытной, умелой рукой Вашего Императорского Высочества, нет ничего невыполнимого». В приказе по дивизии отмечалось: *«Заслужить такую похвалу Царя – большое счастье для дивизии».* После завершения маневров 23-я пехотная дивизия 16 августа вступила в Петербург и торжественным маршем прошла через город, причем, проходя мимо домика Петра Великого, полки отдавали честь основателю морской пехоты. 17 и 18 августа двумя эшелонами войска выехали по железной дороге в Ревель и Нарву. Так завершились эти грандиозные маневры – одни из крупнейших десантных учений императорской России.

29 апреля 1903 г. в связи со столетним юбилеем со дня учреждения Александром I морских полков четырем полкам-преемникам *«в ознаменование особого Монаршего благоволения за верность и преданность Престолу и Отечеству»* император пожаловал новые Георгиевские знамена с юбилейными Александровскими лентами и надписью отличия только на латунной знаменной скобе. На одной стороне полотнища помещался образ Спаса Нерукотворного, а на другой, под вышитым золотом вензелем Николая II, на голубой Андреевской ленте располагались юбилейные даты «1803–1903». Цвет каймы и узоров на полотнище в Беломорском полку полагался красный, в Онежском и Вятском – светло-синий, в Печорском – темно-зеленый. Нижним чинам по случаю юбилея император пожаловал по рублю.

С началом I мировой войны все полки – преемники морских полков приняли участие в боевых действиях на европейских фронтах[20]. В первые же дни 23-ю пехотную дивизию 18-го армейского корпуса перевезли к Варшаве, где собиралась 9-я армия для наступления на Познань. Но уже 11 августа в связи с отходом 4-й армии к Люблину 18-й корпус отправили через Ивангород на усиление ее правого фланга. 17 августа свежая австрийская армейская группа генерала фон Куммера двинулась вдоль Вислы, рассчитывая легко смять потрепанные войска 4-й армии. Неожиданно 95-я ландштурменная дивизия, наступавшая от посада Ополе, попала под мощный удар подоспевшей 23-й пехотной дивизии. Полки-преемники с ходу опрокинули и разгромили австрийцев, а также отбили контратаки 106-й ландштурменной дивизии, захватив 4 орудия, 3 передка, 8 пулеметов, 1105 солдат, 3 штаб- и 27 обер-офицеров. Отбросив противника за реку Ходель, 23-я дивизия заняла плацдарм на ее южном берегу глубиной до 2–3 км. Потерпев поражение, группа Куммера уже не помышляла о наступлении, а стала спешно укреплять занятые рубежи. В свою очередь 23-я дивизия готовилась к новой атаке, ведя усиленную разведку перед плацдармом. 21 августа немного продвинулись Онежцы, выгнавшие австрийцев за Ополе.

С 22 августа 18-й корпус вошел в состав новой 9-й армии, образованной на примыкавшем

[20] Описание участия полков-преемников в I мировой войне дается здесь лишь в самых общих чертах. За 3,5 года войны полкам доводилось действовать в составе разных армий и корпусов, а также выполнять самостоятельные задачи. Интересующиеся подробными и точными сведениями по данному периоду могут обратиться к многочисленным и обстоятельным документам, хранящимся в соответствующих фондах Российского государственного военно-исторического архива: фонд 2703 (89-й пехотный Беломорский полк), 2704 (90-й пехотный Онежский полк), 2706 (92-й пехотный Печорский полк), 2716 (102-й пехотный Вятский полк), 2353 (23-я пехотная дивизия), 2356 (26-я пехотная дивизия) и др.

Строй солдат 92-го пехотного Печорского полка в исторических формах морских батальонов, морских и пехотных полков во время юбилейных торжеств на Марсовом поле в Санкт-Петербурге. Апрель 1903 г.

A formation of the 92nd Pechora Infantry Regiment troops wearing 'legacy' uniforms of the naval battalions and naval and infantry regiments on the occasion of the anniversary celebration at Marsovo Pole in St. Petersburg. April 1903.

(Из коллекции М.П.Васильева)

к Висле правом фланге Юго-Западного фронта. Для дальнейшего наступления на Юзефов между Вислой и 23-й дивизией развернулась Гвардейская стрелковая бригада. Утром 26 августа 9-я армия перешла в общее наступление. Онежский полк под прикрытием меткого пулеметного огня подпоручика Л.Л. Радзивинского штурмом взял позицию австрийцев у фольварка Овчарня-Гурна, причем командир 11-й роты капитан Н.А. Сытинский – историк морской пехоты и помощник хранителя полкового музея – захватил 2 пулемета. Правее Онежцев на высоту 87,1 наступал Печорский полк. В это время соседний с ним Лейб-Гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк с огромными потерями в лоб штурмовал укрепленную высоту 82,2 у деревни Войцехов. Видя это, полковник К.Г. Козунов повернул 2-й батальон Печорцев на Войцехов во фланг австрийцам. Смелой атакой 5-я рота капитана Н.В. Соколова и 8-я рота штабс-капитана Д.Н. Макарова под сильным огнем ворвались в редут у Войцехова, взяв в плен 3 австрийских офицеров и 59 нижних чинов. При этом роты потеряли 8 солдат убитыми и 56 ранеными.

Сбитая по фронту и обойденная с фланга 95-я ландшутрменная дивизия откатилась назад, оставив в руках 23-й пехотной дивизии более тысячи пленных, пулеметы и орудия[21]. Следующие дни полки-преемники преследовали отступающих австрийцев, сбивая их арьергарды, забирая пленных и трофеи. Так, 28 августа у деревни Грабувка Печорский полк лихой атакой взял 3 орудия и 5 зарядных ящиков. 31 августа 18-й армейский корпус вышел к Сану. Утром 2 сентября 23-я дивизия форсировала реку, сбив противника у деревни Залешаны и захватив 6 орудий. Преследуя стремительно уходящих австрийцев, полки-преемники 7 сентября вышли к реке Вислоке.

В это время на противоположном левом берегу Вислы обозначилась подготовка 9-й германской армии к наступлению на Варшаву и Ивангород. Для парирования удара главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов приказал 14 сентября 9-й армии вернуться за Сан, занять правый берег Вислы и подготовить переправы для перехода на левый берег. 15–19 сентября 23-я пехотная дивизия отошла за Сан к Аннополю. Но 20 сентября по левому берегу реки к Аннополю вышли части 9-й германской армии, отбросившие 22 сентября русские авангарды за Вислу. В результате переправа оказалась невозможной. Пока под Варшавой и Ивангородом шли кровопролитные бои, полки-преемники почти месяц вели пассивную перестрелку с немцами и австрийцами через реку.

Одновременно с наступлением немцев на левом берегу Вислы 4-я австро-венгерская армия также двинулась вперед по правому берегу. Не имея достаточных сил, 3-я русская армия отошла 26 сентября за Сан, отбив все попытки австрийцев форсировать реку. Вскоре в связи с успехами русских войск под Ивангородом решено было перейти в атаку и на правом берегу Вислы.

[21] *Верцинский Э.А.* Из мировой войны. Таллин, 1931. С. 14–16.

Капитан 90-го пехотного Онежского полка Н.А.Сытинский.

Capt. N.A. Sytinsky of the 90th Onega Infantry Regiment.

Фотография 1915 г.

14–15 октября 23-я пехотная дивизия снова выдвинулась к Сану и вступила в бой за переправу. Ночью с 18 на 19 октября подпоручик Беломорского полка Г.Н. Гибер-фон-Грейфенфельс первый форсировал с охотниками Сан, закрепился на вражеском берегу и весь день удерживал плацдарм возле деревни Кемпа Ржечицка. Следующей ночью на плацдарм переправилась 16-я рота штабс-капитана Ю.П. Цельмина. Вместе храбрые офицеры держались еще сутки, отражая с трех сторон многочисленные атаки, расстреляв все патроны и отбиваясь штыками. Так и не сумев сбросить Беломорцев в реку, австрийцы 21 октября отступили. Доблестный подпоручик Г.Н. Гибер-фон-Грейфенфельс получил орден Св. Георгия 4-й степени, а штабс-капитан Ю.П. Цельмин – Георгиевское оружие.

22–23 октября полки-преемники вторично перешли Сан. Преследуя отступающих австрийцев, 23-я пехотная дивизия уже 31 октября достигла реки Дунаец. Переведенная затем на левый берег Вислы, дивизия двинулась к Кракову и вечером 6 ноября сменила на левом фланге 9-й армии 1-ю гвардейскую пехотную дивизию у деревни Ивановице. Здесь полкам-преемникам пришлось вести упорные бои, сдерживая контрнаступление австрийцев. 17 ноября 23-я дивизия аналогичным образом сменила 2-ю гвардейскую пехотную дивизию у деревни Янгрот. После тяжелых оборонительных боев полки-преемники 29 ноября снова передали позиции у Янгрота 2-й гвардейской пехотной дивизии. В связи с завершением Ченстохово-Краковского сражения главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов приказал 30 ноября 9-й армии отойти на линию реки Ниды. 1–5 декабря 23-я дивизия совершила отход и 6 декабря перешла за реку у деревни Сковронно возле города Пинчов.

Ночью с 7 на 8 декабря австрийцы неожиданно форсировали Ниду, захватили прибрежные окопы и попытались прорваться вглубь боевого участка дивизии. Но поручик Беломорского полка Б.А. Крыштопенко бросился со своей ротой вперед, остановил вражескую атаку и не позволил противнику расширить плацдарм. К сожалению, сам Крыштопенко был при этом смертельно ранен. На рассвете 8 декабря подпоручик-беломорец В.И. Загордан разведал расположение австрийцев, подобравшись на 50 шагов к их окопам, и, несмотря на попавшие в него 3 пули, доставил результаты разведки в штаб. С учетом полученных данных Беломорский и Онежский полки атаковали вражеский плацдарм. Под сильным огнем они штыковым ударом выбили австрийцев из захваченных накануне русских окопов. Во время атаки капитан Беломорского полка Н.П. Лежневский, верно оценив ситуацию, вскарабкался с частью своей роты по круче и незаметно вышел в тыл противника. Штыками он вы-

Николай Андреевич Сытинский родился 4 августа 1871 г. в купеческой семье Нюландской губернии. По окончании 5 классов Александровской гимназии в Гельсингфорсе он 14 ноября 1888 г. поступил вольноопределяющимся в 90-й пехотный Онежский полк. Из полка его направили в Виленское пехотное юнкерское училище, по окончании которого он вернулся 8 августа 1893 г. подпрапорщиком в свой Онежский полк. Во время русско-японской войны, уже в чине штабс-капитана, Н.А.Сытинский был командирован в 3-ю Маньчжурскую армию. Произведенный 26 апреля 1911 г. в капитаны, Сытинский к началу I мировой войны командовал 11-й ротой Онежского полка. Известный военный историк П.И.Белавенец в своем очерке в 1916 году писал:

«Капитан Сытинский, сроднившись со своим полком и отдав лучшие молодые силы строевой службе, вместе с тем нашел время и для литературы и написал ценный труд – историю Онежского полка. С большой старательностью добывал он из-под вековой пыли архивов сказания о славных подвигах героев-однополчан. По справедливой случайности ему самому ныне пришлось стать украшением в истории новейших дней, ибо за свои подвиги он награжден боевым отличием храбрых – орденом Св. Великомученика Георгия

Онежцы под командованием капитана Н.А.Сытинского идут в атаку 26 августа 1914 г.

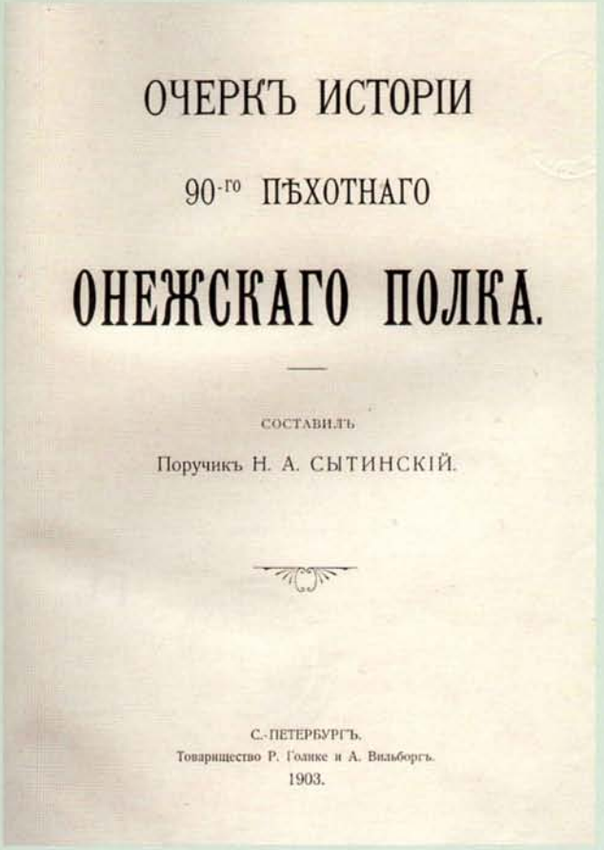
The 90th Onega Infantry Regiment's troops led by Capt. N.A.Sytinsky are mounting an assault on 26 August 1914.

Иллюстрация из 2-го выпуска издания «Герои и Трофеи Великой Народной войны» (Пг., 1916).

4-ой степени. В Высочайшем приказ о его подвиге говорится следующее: "По удостоению орденской Георгиевской думы присужден орден Святого Георгия 4-ой степени капитану Николаю Сытинскому за то, что в бою 26-го августа 1914 года при взятии сильно укрепленной позиции захватил с боя два неприятельских пулемета".

Конечно, эта краткая официальная реляция не рисует той яркой картины, которая была на самом деле. И, несмотря на то, что капитан Сытинский красноречиво описывал в своем историческом труде подвиги однополчан – там, где касалось выяснения его личных подвигов, уходил в себя и становился крайне неразговорчивым, благодаря чему с большим трудом можно было установить некоторые подробности того славного дела, за которое ему была пожалована высокая боевая награда.

Обстоятельства этого дела следующие: утром, на рассвете 26-го августа 1914 года из штаба полка доставлено было приказание командиру 11 роты, капитану Сытинскому, выбить австрийцев, занявших опушку рощи и окопавшихся. Утро было слегка морозное, воздух чист и прозрачен, а потому противника было легко высмотреть. Время было тяжелое, последние несколько дней люди почти не спали, но тотчас получив приказание, все подбодрились сознавая всю серьезность наступавшего момента. Капитан Сытинский обратился с краткой речью к своей роте, причем речь его, как полкового историка, произвела глубокое впечатаете на солдат. Тронулись вперед, поползли. Сначала противник не заметил, но потом открыл усиленный ружейный, и даже артиллерийский огонь.



ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

90-го ПѢХОТНАГО

ОНЕЖСКАГО ПОЛКА.

СОСТАВИЛЪ

Поручикъ Н. А. СЫТИНСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
1903.

Дело разгорелось во всю. Онежцы не останавливались, несмотря на сраженных сотоварищей. Доблестная рота делала свое великое дело спокойно, без замешательства. Пришла решительная минута, и тогда капитан Сытинский поднял роту и бросился в атаку на врага, идя сам в первых рядах.

Цель уже близка. Окопы уже заняты, всюду идет жестокий рукопашный бой, но в это время пуля разит доблестного командира в правый бок. Несмотря на свою рану, он продолжает руководить атакой, и скоро блестящее дело уже было окончено. Австрийцы выбиты из окопов, и опушка леса за нами. Тут Сытинский лишился сил и упал. Еще во время боя капитан Сытинский видел, как рядовой его роты Ермолаев захватил австрийский пулемет, из которого стрелял неприятельский офицер, хладнокровно нанося громадный вред атакующим. Ермолаев подбежал к самому пулемету, опрокинул его плечом, прикладом же своего ружья размозжил голову неприятеля и захватил эту "адскую шерманку", как ее часто называют солдаты.

Потерявшего сознание Сытинского перенесли в более безопасное место, сделали первую перевязку, но до настоящей перевязки пришлось ждать целых 10 томительных часов. Ранение было столь сильное, что пришлось Н. А. эвакуировать спешно в тыл. Но, кое-как поправившись, капитан Сытинский уже вернулся в полк, горя желанием участвовать в дальнейших ратных подвигах своего родного полка. Да сохранит Господь Бог жизнь этого доблестного офицера».

Боевой календарь 1914 года 89-го Беломорского, 90-го Онежского и 92-го Печорского пехотных полков
(составлен по офицерским послужным спискам, хранящимся в РГВИА)

17 августа	Бои за переправу через реку Ходель и взятие австрийской позиции у с. Майданы
18–25 августа	Занятие и оборона укрепленной позиции на фронте Нездув – Ополе – Тржебеш
26 августа	Атака под м. Ополе и взятие австрийской укрепленной позиции на фронте д. Войцехов – фольварк Ожарув – фольварк Овчарня-Гурна – Скокув
27 августа	Бой у д. Вржелевец и Ключковице
28 августа	Бой у леса к юго-востоку от д. Ксенжомыш у д. Грабувка и ночной бой у Вулька-Госцерадов и Госцерадов
1 сентября	Бой у д. Стале
2 сентября	Бой у д. Стале и атака противника у д. Залешаны, Збыднев, станция Збыднев и Котова-Воля
3 и 4 сентября	Бой у д. Стале
6 сентября	Бой у станции Ясланы
7 сентября	Перестрелка со сторожевым охранением противника на левом берегу реки Вислоки
8–14 сентября	Бои за переправу через реку Вислоку
15–19 сентября	Марш от реки Вислоки к реке Висле в район Аннополя
20 сентября – 13 октября	Перестрелка на реке Висле в районе д. Свецехов – Аннополь – Опока Дужа – Опочка – Забельче
14 и 15 октября	Марш к реке Сан
16–21 октября	Бои за переправу через Сан и форсирование реки у д. Кемпа Ржечицка
22 и 23 октября	Переправа через реку Сан
23 октября	Перестрелка с конницей противника и блиндированным поездом
24–31 октября	Марш к реке Дунаец
1–5 ноября	Марш к крепости Краков
5–16 ноября	Бои у Кракова в районе д. Ивановице – Машковский лес – Красенец – Дамица – Стоки – посад Скала – Ржеплин
17 и 18 ноября	Марш к д. Янгрот
18–30 ноября	Бои у д. Янгрот
1–5 декабря	Марш к реке Нида
6 и 7 декабря	Перестрелка на реке Нида с передовыми частями противника
8 и 9 декабря	Бой у д. Сковронно около г. Пинчов и отражение австрийцев, переправившихся через реку Нида
9–31 декабря	Оборона зимних позиций по реке Нида около г. Пинчов на фронте д. Подленже – Сковронно – Закржов, перестрелка с охраняющими и разведывательными частями австрийцев, отражение их попыток форсировать реку

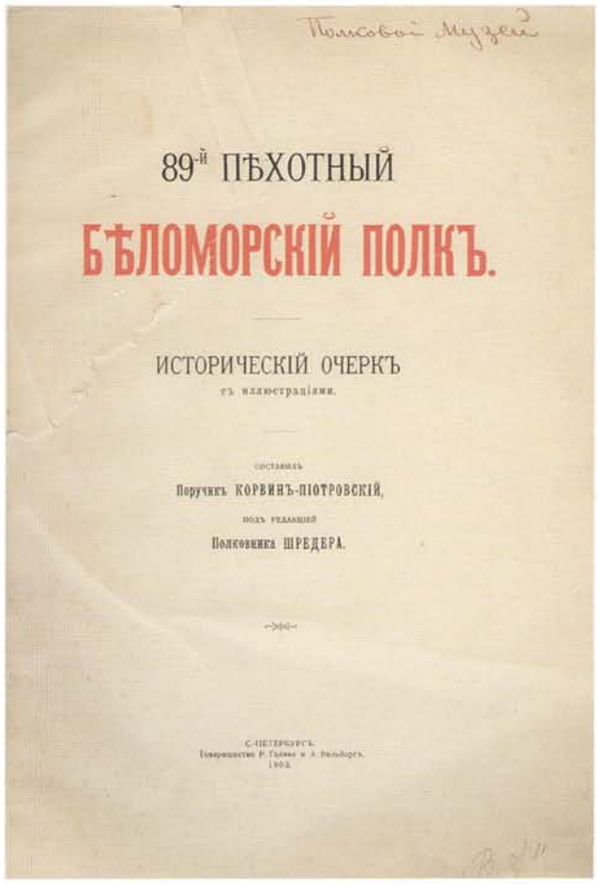
бил австрийцев из первой линии окопов, обратил их в бегство и захватил более 200 пленных. Австрийцы попытались перебросить на плацдарм резерв. Но 3-я батарея 23-й артиллерийской бригады метким огнем накрыла их переправу через Ниду. Кроме того, артиллеристы создали в тылу выбитых из окопов и отступавших австрийцев настоящее огневое кольцо, заставляя их сдаваться в плен.

Ночью с 8 на 9 декабря Онежский полк довершил разгром противника. Штабс-капитан К. М. Радзин во главе своей роты захватил ряд окопов и взял укрепленную деревню Залесе-Сковронно, пленив нескольких офицеров и более 300 солдат. В то же время поручик А. А. Крыштопенко – брат смертельно раненного накануне поручика Беломорского полка Б. А. Крыштопенко – командуя ротой, штыковым ударом захватил четыре ряда неприятельских окопов. Затем он объединил соседние роты, потерявшие большую часть солдат и всех офицеров, и бросился на австрийцев с тыла. Опрокинув врага, Крыштопенко взял в плен нескольких офицеров и более 250 нижних чинов. В результате Онежский полк овладел всей позицией австрийцев, отбросив их на правый берег Ниды.

Сражение у Сковронно стало для полков-преемников самым славным по числу Георгиевских наград. Николай II пожаловал орден Св. Георгия 4-й степени обоим братьям – Борису (посмертно) и Александру Александровичам Крыштопенко. Этот орден также получили в Беломорском полку капитан Н. П. Лежневский и подпоручик В. И. Загордан, а в Онежском полку его командир полковник В. Н. Васильев и штабс-капитан К. М. Радзин. Кроме того, в Беломорском полку подполковник Я. М. Корецкий и штабс-капитан Н. Ф. Соколовский были удостоены Георгиевского оружия.

После боя у Сковронно 23-я пехотная дивизия вплоть до конца февраля 1915 г. обороняла зимние позиции по Ниде, отбивая попытки австрийцев форсировать реку. 26 февраля дивизию сняли с фронта и перебросили под Самбор. В составе 28-го армейского корпуса ей предстояло участвовать в стратегическом прорыве через Карпаты в Венгрию. 16 марта полки-преемники начали тяжелое наступление, последовательно выбивая австрийцев с перевалов и вершин вдоль реки Волосаты. Бои проходили в труднейших условиях. В горах лежал глубокий снег, затруднявший всякое движение. На его белом фоне австрийцы, укрепившие окопами и проволочными заграждениями все господствующие высоты, прекрасно видели русских солдат. Из-за стужи дивизия несла большие потери обмороженными. Раненых не всегда удавалось найти в снегу, и нередко они замерзали. При этом в долинах уже началась оттепель и стояла непролазная грязь, практически парализовавшая снабжение и подвоз боеприпасов в горы. Несмотря на все это, полки-преемники доблестно выполнили поставленную им задачу.

В первый же день наступления 16 марта отличился Беломорский полк. Подполковник Э. Д. Лимберг с 4-м батальоном штыковой атакой захватил важную высоту 822 и взял в плен сотню австрийцев. Одновременно подполковник И. Э. Аморетти с другим батальоном выбил штыками противника с высоты 620 и затем, про-


Полковой Музей

89-й ПѢХОТНЫЙ

БѢЛОМОРСКІЙ ПОЛКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
съ иллюстраціями.

составилъ
Поручикъ КОРВИНЪ-ПІОТРОВСКІЙ,
подъ редакціей
Полковника ШРЕДЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
1904.

должая наступление, также штыками выбил австрийцев из укрепления на высоте 1004, взяв в плен 4 офицеров и 152 солдата. К сожалению, в этом бою был тяжело ранен командир 12-й роты капитан Казимир Александрович Корвин-Пиотровский – историк Беломорского полка и один из первых исследователей прошлого морской пехоты. От полученных ран он скончался 25 апреля 1915 г.

Продвигаясь дальше через Карпаты, полки-преемники 18 и 19 марта по пояс в снегу штурмовали крутые скаты горного кряжа 1253–1223 в районе деревни Береги-Горныя. Невзирая на шквальный пулеметный огонь, 2-й батальон Онежцев под командованием подполковника А. А. Стефановича прорвался сквозь проволочные заграждения и взял с большими потерями две линии австрийских окопов на высоте 1253. Смертельно раненый при штурме первой линии подпоручик Г. В. Завистовский продолжал подбадривать свою поредевшую роту, пока она не ворвалась на второй рубеж. Командир другой роты капитан Н. В. Писарев лично захватил действующий пулемет. Закрепившись на горе, батальон отбил контратаку противника. Успех Онежцев позволил взобраться на высоту 1253 и Печорскому полку. Капитан Т. Е. Кутковский со своей ротой преодолел проволочные заграждения, выбил австрийцев штыками из окопов и захватил в плен 2 офицеров и 144 солдата. К сожалению, при этом погиб подпоручик А. В. Тишинин, первым ворвавшийся в окопы. Одновременно с Онежцами Беломорский полк взял окопы австрийцев на высоте 1228. Капитан И. Д. Сорокин со своей ротой захватил действующий пулемет, но сам пал смертью храбрых.

За первые 10 дней наступления 23-я дивизия продвинулась на 30 верст и вышла к Бещадскому хребту. Австрийцы оборонялись упорно и при каждом удобном случае наносили чувствительные контрудары. Особенно пострадали 29 марта Онежский и Беломорский полки при штурме горы Черемха (высота 1133). Пользуясь знанием местности, австрийцы зашли в тыл атакующему 4-му батальону Беломорцев и окружили его. Лишь вовремя подоспевший 2-й батальон подполковника Я. М. Корецкого штыками отбросил противника и спас 4-й батальон от разгрома. Не лучше складывались дела и у Онежского полка, потерявшего на Черемхе около 800 солдат.

Рядовой 89-го пехотного Беломорского полка.

A private of the 89th Belomorsky Infantry Regiment.

Ревель, около 1910 г. (Фотография из коллекции А. В. Воронова)

На груди солдата юбилейный полковой знак, а также знак «За отличную стрельбу» и цепочка призовых часов за победу в состязаниях по стрельбе.

Боевой календарь 1915 года 89-го Беломорского, 90-го Онежского и 92-го Печорского пехотных полков (составлен по офицерским послужным спискам, хранящимся в РГВИА)	
1 января – 26 февраля	Оборона зимних позиций по реке Нида около г. Пинчов на фронте д. Подленже – Сковронно – Закржов, перестрелка с охраняющими и разведывательными частями австрийцев, отражение их попыток форсировать реку
26–28 февраля	Переезд в г. Самбор
1–11 марта	Сосредоточение полков дивизии в г. Самбор
12 марта	Марш к реке Сан в район д. Затворница – Сенковец
16 марта – 23 апреля	Упорные бои в Карпатах за горные высоты и кряжи при наступлении дивизии в составе 28-го армейского корпуса с фронта д. Затворница-Русске на линию высота 591 у д. Патакуйфале – высота 583 – высота 1104 у д. Волосате
24 апреля	Отход к реке Сан на линию д. Сенковец – Дверник
25–30 апреля	Марш к г. Самбор с арьергардными боями у д. Скродно, Липие, Быстре и Мшанец
1–6 мая	Бои на фронте д. Острожец – Вишенка – Ляшки – Завязане
7–31 мая	Оборона позиции на фронте д. Острожец – Вишенка – Ляшки – Завязане, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
1 и 2 июня	Оборона позиции у д. Волчищовице
3 июня	Арьергардный бой на марше к г. Городок у д. Родатыче – Долиняны
4–6 июня	Марш к д. Лавриков
6 и 7 июня	Бой у д. Лавриков – Гарайце – Добросин
8–10 июня	Арьергардные бои при отходе на линию Лубелла – Деревня
11 июня	Атака д. Кулава-Домброва
12–15 июня	Арьергардные бои при отходе к реке Буг у д. Боянец и Мосты Вельки
15–22 июня	Оборона позиции на реке Буг у м. Добротворов, вылазки разведчиков
23 июня – 1 июля	Марш через д. Холоюв – Ожидов – г. Злочев в д. Плихов в состав своего 18-го армейского корпуса
1–4 июля	В боях в районе г. Злочев – Поморжаны
4–31 июля	Оборона позиции на левом берегу реки Золотая Липа в районе д. Поточаны – Дворце – Буще, артиллерийская перестрелка, вылазки разведчиков и отдельных партий
1–13 августа	Оборона позиции на реке Золотая Липа на участке д. Дунаюв – Буще, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
14 августа	Бой на реке Золотая Липа на фронте д. Голы Конец – Дунаюв – Поточаны

Тем не менее, с боями и потерями 23-я дивизия перевалила через Бещадский хребет и продвинулась на 6 верст вниз по склону в сторону долины реки Унги[22].

Ценой неимоверных усилий русские войска преодолели Карпаты. Но их триумфальный поход в Венгрию так и не состоялся. После германского прорыва 19–22 апреля позиций 3-й армии у Горлицы соседним с ней армиям Юго-Западного фронта пришлось быстро отступать, выравнивая свою линию. 24 апреля 23-я пехотная дивизия начала спешно выходить из Карпат к Самбору, оставив за неделю все свои завоевания, оплаченные кровью многих солдат и офицеров полков-преемников. Благополучно спустившись с гор, 23-я дивизия заняла новую позицию, на которой простояла весь май. 2-я австро-венгерская армия не напирала, ожидая результатов развернувшейся севернее битвы «фаланги Макензена» с 3-й армией на Сане и сражения за Перемышль. После того, как 22 мая Макензен взял Перемышль, левый фланг 8-й армии отступил для защиты Львова на Городокскую позицию. Но на этот раз австрийцы не собирались отсиживаться, желая во что бы то ни стало взять главный город Галиции. 6 и 7 июня развернулось упорное сражение. 23-я дивизия мужественно защищала участок возле деревни Лавриков. Печорский полк грудью заткнул прорыв между отступающими 3-й стрелковой и 15-й пехотной дивизиями. Но, несмотря на героизм русских частей, Городокскую позицию удержать не удалось. 9 июня Львов пришлось оставить. Ведя арьергардные бои, полки-преемники отступили 15 июня за Буг.

В связи со стабилизацией фронта 8-й армии на Буге 23-ю пехотную дивизию решили вернуть в состав ее «родного» 18-го корпуса. Совершив марш через Злочев, полки-преемники 4 июля заняли позицию по реке Золотая Липа на правом фланге 11-й армии. Здесь они простояли почти 1,5 месяца. В это время Беломорцы получили радостное известие – 30 июля 1915 г. цесаревич Алексей в 11-й день своего рождения принял шефство над их полком, который стал называться 89-м пехотным Беломорским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

В середине августа 1915 г. под натиском Южной германской армии 11-я армия отошла за Стрыпу, а затем далее к главным Тарнопольским позициям на реке Серет. Но в связи с тяжелым положением соседней 8-й армии командующий 11-й армией генерал Д.Г. Щербачев перешел в контрнаступление. 28 августа севернее Тарнополя Печорский полк лихой атакой прорвал вражескую оборону у деревни Глубочек-Вельки. Пользуясь местностью, подполковник Ф.Н. Лебедев со 2-м батальоном почти без потерь незаметно по-

[22] *Добровольский М.Н.* Мои воспоминания. // Артиллерийский вестник (Белград). 1938. № 20, 21; *Живковский Г.* Штурм высоты 1228: эпизод из ряда боев Беломорского полка в Карпатах. // Часовой (Париж). 1939. № 227.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
Алексѣй Николаевичъ
(Въ формѣ 89-го пѣх. Бѣломорскаго полка).

Crown Prince Alexei,
patron of the 89th Belomorsky Infantry Regiment.

Фотография 1910 г. (ГАРФ)

С рождения цесаревич Алексей числился в списках 89-го пехотнго Беломорского полка, а 30 июля 1915 г. принял шефство над ним. 17 октября 1915 г. Николай II наградил сына Георгиевской медалью 4-й степени за посещение войск Юго-Западного фронта, в том числе 13 октября под Тарнополем 92-го пехотного Печорского полка, находившегося в ближнем резерве в 6 верстах от передовых позиций.

добрался на 300–400 шагов к позиции противника на высоте 359. Высмотрев место для удара, Лебедев стремительно повел батальон на проволочные заграждения. Прорвав их, Печорцы под кинжальным огнем ворвались в окопы, выбили штыками немцев и захватили 4 пулемета и пленных. Затем Лебедев отбил контратаку противника и окончательно закрепился на высоте 359. 29 августа он снова двинулся с батальоном в атаку и взял следующую высоту 365 у деревни Анастасувка, захватив еще 2 пулемета. 1 сентября, воспользовавшись густым туманом, Лебедев налетел со своим 2-м батальоном на окопы противника у деревни Серединце, взял два ряда укреплений с пулеметами и удержал их до конца боя. Всего за эти дни батальон Лебедева взял 8 пулеметов и пленил 92 офицеров и 1200 солдат. Немецкий фронт оказался прорван на значительном расстоянии. Офицеры героического 2-го батальона подполковник Ф.Н. Лебедев и штабс-капитан Е.А.Васильев получили орден Св. Георгия 4-й степени, а капитан Г.А. Андрианов и подпоручик М.Д. Маккавейский – Георгиевское оружие.

15 августа	Перестрелка с передовыми частями противника на позиции д. Лавриковце – Юзифовка – Августовка
16 августа	Артиллерийский бой и отражение противника на фронте д. Зарудзе – Цецова – левый берег реки Стрыпы – Фоторах
17 августа	Бой на фронте д. Зарудзе – Цецова в районе г. Зборов – Куклинце
18 августа	Отражение атак противника на д. Куклинце и бой за Фоторах. Ночной марш к посаду Езерна
19 августа	Оборона позиций в районе посада Езерна
20–25 августа	Марш к Тарнопольской позиции на западном берегу реки Серет в районе д. Ивачев-Горный – Глубочек-Вельки – Гора-Ольха. Артиллерийская перестрелка, вылазки разведчиков, стычки с охраняющими частями противника
25 августа	Оборона главных Тарнопольских позиций и бой за высоту 366 в районе Гора-Ольха
26 и 27 августа	На главных Тарнопольских позициях
28 и 29 августа	Бой за гору Могила, взятие высоты 359 западнее д. Глубочек-Вельки и высоты 365 у д. Анастасувка
30 и 31 августа	Бои за позиции у д. Куровце-Стадния
1 сентября	Взятие укрепленной вражеской позиции у д. Серединце
2–4 сентября	Бои на фронте д. Гладки – высота 390 – высота 384 – Воробьевка
4–13 сентября	На главных Тарнопольских позициях, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
13–15 сентября	Бои за д. Гладки – Воробьевка – Цебров
15–24 сентября	Оборона позиции в районе д. Гладки – Воробьевка – Цебров, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
24–26 сентября	Бой за д. Гладки – Воробьевка – высоты 390 – 389 и взятие укрепленной вражеской позиции
27–30 сентября	Оборона захваченной позиции в районе д. Гладки – Воробьевка – Цебров
1–20 октября	Оборона позиции в районе д. Гладки
20–26 октября	Бои у д. Семиковце на реке Стрыпе
3–6 ноября	Оборона позиции в районе д. Куровце
6 ноября – 31 декабря	Оборона зимних позиций в районе д. Ходачков – Вельки – Циганка – Марианка – Настасув – Людвикувка – Юзефувка, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков

Примечание: В послужных списках офицеров 89-го пехотного Беломорского полка есть некоторые отступления от этого перечня боев: 21 мая – 16 июня полк сражался в рядах 4-й стрелковой дивизии, а затем 17–22 июня совершил марш из д. Желехув Вельки через Буск в д. Витков на соединение со своей 23-й пехотной дивизией; 26–31 августа полк вел ежедневные бои у д. Яновка – Должанки.

Боевой календарь 1916 года 89-го Беломорского, 90-го Онежского и 92-го Печорского пехотных полков (составлен по офицерским послужным спискам, хранящимся в РГВИА)	
1 января –29 мая	Оборона позиций в районе д. Ходачков Вельки – Циганка – Марианка – Настасув – Людвикувка – Юзефувка, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
29 мая – 3 июня	Оборона позиции в районе д. Куровце – высоты 389 – 390
4 июня – 29 июля	Оборона позиции в районе д. Ходачков Вельки – Марианка – Микишувка – Юзефувка – Настасув, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
29 июля	Усиленная разведка на участке противника между большим Богатковским лесом и д. Купчинце
30 и 31 июля	Преследование противника, переход через реку Стрыпа, движение на д. Денисов, д. Викторувка, м. Козова, д. Кишве, перестрелка с отходящим противником и занятие высоты 400
1 августа	Форсирование вброд реки Ценювки и бой за высоту 412 – Жолнувка – Потуторы – высоту 348 – Шабалин – Баранувка
2 августа	Закрепление позиции на линии высот 400 – 307 – 369 – 411
7 и 8 августа	Сосредоточение полков дивизии в районе м. Козов
11 августа	Марш в м. Подгайце
12–15 августа	Стоянка в резерве 7-й армии в районе Березовка – Подгайце – Монастержиска
15–22 августа	Стоянка в резерве 7-й армии в районе Менджигорже – урочище Засцянское – Тростянец
23–24 августа	Бои в районе Бышув – фольварк Хербутов – Медуха – Транты – Болшовце – высота 352
25–29 августа	Оборона позиции в районе Медуха – Болшовце – фольварк Хербутов – высота 326
30 августа – 2 сентября	Оборона позиции в районе д. Подшумлянце – Свистельники – высота 332
3 сентября	Прорыв укрепленной германской позиции западнее д. Подшумлянце, взятие высоты 313, Свистельникского леса, фольварка Бакув, высот 348 и 347, фольварка Чертоламы
4 сентября	Бой на занятой позиции у д. Свистельники, отражение упорных атак германской бригады и успешные контратаки
5–20 сентября	Оборона позиции в районе высот 313 – 348 – д. Свистельники
20 сентября	Марш на д. Теляче
22 и 23 сентября	Атака Лысонского леса, бой у высоты 327 и д. Желнувки на западном берегу реки Ценювка, оборона высоты 399
25 сентября – 20 ноября	Оборона позиции у д. Шабалин – Потуторы – высота 348 – Желнувка, артиллерийская перестрелка и вылазки разведчиков
20 и 21 ноября	Переход на новую позицию в районе лес Казакова – Сюлка – Тростянец
22 ноября – 31 декабря	Оборона и укрепление позиции в районе лес Казакова – высоты 417 – 310 – 397 – 419, артиллерийские перестрелки и вылазки разведчиков

В сентябре 23-я пехотная дивизия вела бои на западном берегу Серета севернее Тарнополя в треугольнике деревень Гладки – Воробьевка – Цебров. 24 сентября полки-преемники предприняли штурм вражеских позиций у деревни Гладки. Однако под сильным артиллерийским огнем роты Беломорского полка пришли в расстройство и залегли. Тогда командовавший беломорцами полковник А.Ф. Дзерожинский сам отправился в боевую линию и восстановил порядок. Подтянув две последние роты из резерва, он с криком «Ура!» лично повел их в атаку. Несмотря на убийственный огонь и ручные гранаты, беломорцы с ходу преодолели проволочные заграждения. Противник дрогнул, огонь его ослабел, и полк захватил два ряда вражеских окопов. Подкрепленный затем Онежским полком, Дзерожинский продолжил атаку и с боем занял укрепленную деревню Гладки, что позволило соседним полкам также добиться успеха.

При атаке Беломорский полк взял в плен 27 офицеров, 1000 солдат, 3 пулемета и бомбомет. Храбрый и настойчивый полковник А.Ф. Дзерожинский получил за эту победу орден Св. Георгия 4-й степени.

На занятых рубежах у деревни Гладки фронт 23-й пехотной дивизии стабилизировался. 13 октября находившийся в ближнем резерве Печорский полк неожиданно посетил Верховный главнокомандующий Николай II, совершавший поездку по Юго-Западному фронту. *«Ознакомившись по плану с ближайшим расположением наших войск и противника, государь пожелал осмотреть Печорский пехотный полк,* – вспоминал начальник императорской охраны полковник А.И. Спиридович. – *Это было в сторону противника. Генерал Иванов осторожно старался отговорить государя от этой поездки, но тщетно. <...> Место у леса, где расположился Печорский полк, на днях было обстреляно артиллерией противника. До боевой линии было пять верст. Оставив автомобиль в лесу, государь с наследником и небольшим числом сопровождавших его лиц, пошел к полку. Полк спешно выстраивался. Обойдя ряды, поговорив с солдатами и офицерами, государь обратился к полку: "Я счастлив, что мог, вместе с наследником, повидать вас недалеко от ваших боевых позиций и мог лично и горячо от всего сердца поблагодарить за геройскую вашу службу Родине и мне. Дай вам Бог дальнейших успехов и победы над дерзким и упорным врагом. Всем вам за боевую службу сердечное спасибо". Ура, не менее сердечное, чем слова государя, было ему ответом».* В связи с этим посещением Георгиевская Дума Юго-Западного фронта единогласно признала, *«что присутствие Государя Императора на передовых позициях вдохновило войска на новые геройские подвиги и дало им великую силу духа, что изъявив желание посетить воинскую часть, находящуюся на боевой линии и приведя таковое в исполнение, Его Императорское Величество явил пример истинной военной доблести и самоотвержения, что пребывая в местах неоднократно обстреливаемых неприятельской артиллерией, Государь Император явно подвергал опасности свою драгоценную жизнь и пренебрегал опасностью, в великодушном желании выразить лично войскам свою монаршую благодарность, привет и пожелания дальнейшей боевой славы».* 25 октября 1915 г. по просьбе Георги-

Штабс-капитан 89-го пехотного Беломорского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка Глеб Николаевич Гибер-фон-Грейфенфельс.

Staff Captain Gleb Nikolayevich Hieber von Greifenfels, 89th Belomorsky Infantry Regiment

Фотография начала 1917 г. (Из коллекции И.Г.Калистратова)

Потомственный рижский дворянин Г.Н.Гибер-фон-Грейфенфельс (1893–1919) окончил в 1910 г. 2-й кадетский корпус, а в 1912 г. по 1-му разряду Александровское военное училище. 6.VIII.1910 г. зачислен подпоручиком в 89-й пехотный Беломорский полк. 1.VI–23.IX.1913 г. находился в распоряжении начальника Ревельского порта для ознакомления с судовой службой во флоте. 18.VIII.1914 г. отправился на войну младшим офицером 16-й роты Беломорского полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, *«что в бою с 18 на 19 октября 1914 г. у д. Кемпе первый с охотниками переправился на неприятельский берег р. Сан и в продолжение двух суток отбивал все настойчивые атаки противника, превосходящего в силах, и тем дал возможность переправиться нашим войскам»*. 8.XII.1914 г. ранен в бою у деревни Сковронно. 8.II.1915 г. вернулся после излечения в полк. 1.V.1915 г. принял команду разведчиков. 8.VII.1915 г. произведен в поручики. 24.VII.1915 г. в бою у реки Золотая Липа ранен ручной бомбой в мягкие части правого плеча, левую ягодицу и мягкие части спины, но остался в строю. 11.I.1916 г. штабс-капитан. Получил все боевые офицерские награды до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно. 6.III.1916 г. откомандирован из полка в Севастопольскую военную авиационную школу. 2.VII.1916 г. совершил первый самостоятельный полет. 6.VIII выполнил полетные испытания и 14.VIII.1916 г. назначен летчиком в 16-й корпусной авиационный отряд. 19.IX.1916 г. удостоен звания военного летчика. В его аттестации говорилось: *«Отличный пилот и военный летчик. Обладает хозяйственными и административными способностями»*. В 1917 г. младший офицер, а затем командир 16-го корпусного авиаотряда. С 1(14).VII.1918 г. в Добровольческой армии. Служил на различных авиационных должностях. Утром 15(28).VI.1919 г. на самолете «Ньюпор-23» вылетел для разведки Царицына. Огнем с земли мотор аэроплана был пробит, и пилоту пришлось сесть западнее хутора Малые Россошки. Бросив «Ньюпор», капитан Г.Н.Гибер-фон-Грейфенфельс попытался спастись, отстреливаясь из револьвера. Но окруженный красноармейцами 38-й дивизии, он, не желая сдаваться в плен, крикнул *«За Великую Единую Россию!»* и последним патроном застрелился.

евской Думы Николай II возложил на себя орден Св. Георгия 4-й степени. Чуть раньше, 17 октября, император наградил цесаревича Алексея Георгиевской медалью 4-й степени. *«Восторгу наследника не было предела,* – вспоминал А.И. Спиридович. – *Все его поздравляли, все называли георгиевским кавалером»*[23].

С 6 ноября 23-я пехотная дивизия заняла зимние позиции южнее Тарнополя на самом левом фланге 11-й армии в районе Юзефувка – Людвикувка. На этих рубежах между Серетом и Стрыпой полки-преемники простояли 8 месяцев до конца июля 1916 г., ведя локальные бои с частями 48-й германской резервной и 55-й австрийской пехотной дивизий. С началом 22 мая 1916 г. Брусиловского прорыва 18-му корпусу ставилась пассивная задача сковывать противника по фронту. Главный удар 11-я армия наносила севернее Тарнополя. В связи с этим полки-преемники ограничились лишь демонстрациями разведчиков. С 1 июня в ходе перегруппировки войск Юго-Западного фронта 18-й корпус вошел в состав соседней 7-й армии. Но и тут 23-я дивизия лишь удерживала правый фланг армии на линии Стрыпы против 55-й австрийской дивизии, пока южнее разворачивался основной прорыв. В связи с начавшимся 20 июля контрнаступлением австрийцев в Карпатах у Гринявы 18-й корпус спешно перебросили в 9-ю армию. Но 23-я пехотная дивизия осталась в 7-й армии, и с этого времени началось ее «блуждание» по разным корпусам.

25 июля 7-я армия снова перешла в наступление. Наконец, 23-я пехотная дивизия тоже двинулась вперед и 30 июля переправилась через Стрыпу. Преследуя отступающих австрийцев, полки-преемники 1 августа сбросили их штыковым ударом в речку Ценювку, форсировали реку

[23] *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 242, 247, 249–250.

Боевой календарь 1917 года 89-го Беломорского, 90-го Онежского и 92-го Печорского пехотных полков (составлен по офицерским послужным спискам, хранящимся в РГВИА)	
1 января – 14 апреля	Оборона и укрепление позиции в районе лес Казакова – высоты 417 – 310 – 397 – 419, артиллерийские перестрелки и вылазки разведчиков
29 мая –3 июня	Марш через Белокернице – Подгайцы в лес Радиотан южнее г. Бржезан
4–17 июня	Усиление позиции перед Обренчевским лесом на высоте 322 и приготовление к атаке
18 и 19 июня	Бой за Обренчевский лес
27 и 28 июня	Марш из д. Сюлко через Завалув – Кончаки – Нове в д. Медуха
29 июня –2 июля	Оборона позиции в районе г. Галич
2–5 июля	Марш из района г. Галич через Мариамполь – Иезуполь – Станиславов – Лысец – Богородчаны в д. Грабувку
6–9 июля	Оборона позиции у д. Тетранка
10–12 июля	Арьергардные бои при отступлении через д. Грабувку – Лесювку – Богородчаны – Тысменичаны – Ольшаница – Тысменица в д. Нежвиска
13 июля	Оборона переправы через реку Днестр в районе д. Нежвиска
13–15 июля	Арьергардные бои в районе д. Нежвиска и фольварка Корнювка
15 июля	Оборона арьергардной позиции в районе д. Пробабин и переход на новую позицию в районе д. Бороуц
16 июля	Арьергардные бои при обороне позиции в районе д. Бороуц – Киселюв и Веренчанка. Отход на новую позицию у д. Кливодин
17 и 18 июля	Оборона арьергардной позиции в районе д. Кливодин, бой за высоты 313 – 320 и отход на новые позиции у д. Кучурмик – Васлоуц
19 и 20 июля	Оборона арьергардной позиции в районе д. Кучурмик – Васлоуц. Бой за д. Кучурмик – высоты 504 – 377 – 399 – 290 и отход днем под огнем противника на новые позиции у д. Малинце – Санковице
21–25 июля	Оборона укрепленной позиции у д. Малинце – Санковице
25–31 июля	Марш для присоединения к 18-му армейскому корпусу через м. Новоселице – д. Лунка – Херца – Тирнауц в район Михалени – г. Серет
3–7 августа	Усиление позиции у г. Серет
7 и 8 августа	Бой на высоте 438 у г. Серет, отражение атак противника и удачные вылазки разведчиков
8–15 августа	Усиленная оборона и укрепление позиции у г. Серет, удачные вылазки разведчиков
15–20 августа	Марш из района г. Серет через Верполя – Гримежки – Деалу – Одинката – Сучава – Илишести – Полтиноса в район д. Гура-Хумора – Клостер-Хумора
20–30 августа	Оборона позиции западнее д. Клостер-Хумора у высоты 1077
31 августа	Марш из района д. Клостер-Хумора в район Ступка – Капокадрулуй – Драгаешти

под огнем в брод, наступая то по пояс, то по горло в воде, и выйдя на вражеский берег, захватили ближайшие высоты и деревни, надежно обеспечив переправу. Но, едва дивизия закрепилась на новых рубежах, как ее до конца августа вывели в армейский резерв. С удачным развитием «сражения на двух Липах» полки-преемники двинули 23 августа на поддержку 33-го армейского корпуса, теснившего немцев за реку Гнилая Липа.

3 сентября 1916 г. Юго-Западный фронт четвертый раз перешел в общее наступление. На западном берегу реки Нараювки у Свистельникского леса 33-й корпус нанес мощный удар по 24-му резервному германскому корпусу. У деревни Подшумлянце 23-я пехотная дивизия атаковала сильнейшую позицию 3-й гвардейской пехотной дивизии, специально переброшенной под Галич по приказу кайзера Вильгельма. Перед высотами 313 и 348 немцы устроили двухъярусную полосу проволочных заграждений в 4–5 кольев. Сами высоты защищали две линии хорошо оборудованных окопов. Хотя русская артиллерия и пробила в заграждениях 3 прохода, но наносившему основной удар Печорскому полку предстояла трудная задача. Под шквальным артиллерийским и пулеметным огнем командовавший Печорцами полковник А. Е. Вандам смело повел свой полк в атаку. Первой преодолела проволочные заграждения 6-я рота штабс-капитана Г. А. Бобрищева-Пушкина, выбившая немцев из двух рядов окопов. К сожалению, сам храбрый командир роты при этом был убит. Одновременно с 6-й ротой 5-я рота тоже прогрызлась через проволочные заграждения. После ранения командира ее возглавил подпоручик В. Н. Дмитриев, ворвавшийся в окопы, выбивший немцев и захвативший 3 пулемета и 45 пленных. Еще 3 пулемета взяла 12-я рота подпоручика М. К. Зубкова. В рукопашном бою Печорский полк разгромил гвардейские Фузелерный и Учебный полки и, преследуя немцев, взял высоту 313, Свистельникский лес, фольварк Бакув и, наконец, высоту 348. После падения этой ключевой высоты сражение явно стало клониться в пользу русских. В связи с этим германская гвардия предприняла отчаянную контратаку фольварка Бакув и высоты 348. Но Печорцы отбили гвардейцев с уроном. Затем фланговым огнем они заставили немцев оставить высоту 347 и отбросили их за фольварк Чертоламы. Во время лихой атаки, обеспечившей успех всего 33-го корпуса, Печорский полк захватил 10 пулеметов и взял в плен 3 немецких офицеров и 247 солдат. За храбрость полковник А. Е. Вандам, штабс-капитан Г. А. Бобрищев-Пушкин (посмертно), подпоручики В. Н. Дмитриев и М. К. Зубков были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени. Прапорщик Г. Л. Коденец, прорвавший с командой разведчиков целые проволочные заграждения и тяжело раненый в немецких окопах, получил Георгиевское оружие.

Успех Печорского полка очень встревожил германцев. Ночью они подвезли свежую бригаду, которая 4 сентября попыталась отбить фольварк Бакув и высоту 348. На помощь Печорцам, засыпаемым снарядами немецкой артиллерии, двинулся Онежский полк. Вместе они с трудом отбили две яростные атаки противника. Наконец, сосредоточив по фольварку огонь всей тяжелой артиллерии, немцы повели третью решительную

атаку. Положение стало критическим. К этому времени оба полка расстреляли все патроны, а их поднос из-за шквальной бомбардировки фактически оказался невозможен. В этой ситуации большое самообладание проявил прапорщик Д. Милев. Со своей ротой Онежцев он подпустил немцев на близкое расстояние, после чего неожиданно бросился в штыки, смял и обратил противника в бегство. В результате третья германская атака также потерпела неудачу. Отличившиеся командиры рот Онежского полка поручики Н. М. Антощишен, П. А. Петряев и прапорщик Д. Милев получили Георгиевское оружие. На захваченных высотах 313 и 348 у деревни Свистельники 23-я дивизия вела позиционные бои до 20 сентября.

В связи с началом 17 сентября пятого наступления 7-й армии на Львов 23-ю пехотную дивизию отправили для поддержки 16-го корпуса, форсировавшего реку Ценювку и отбросившего австрийский корпус фон Хофмана. 22 и 23 сентября полки-преемники атаковали укрепления противника в Лысонском лесу на западном берегу Ценювки у высоты 327. Но на этот раз австрийцам и немцам удалось остановить русское наступление. Так и не добившись успеха, 23-я дивизия до конца ноября оставалась на рубежах возле деревни Желнувка. С 22 ноября полки-преемники заняли новую позицию в районе леса Казакова по высотам 417–310–397–419. Здесь они простояли всю зиму и весну 1917 г.

После февральской революции 1917 г. Беломорский полк утратил шефство цесаревича Алексея. В армии начались «революционные» изменения, быстро разрушавшие порядок и дисциплину и, в конце концов, превратившие летнее наступление Юго-Западного фронта в крупнейшую военную катастрофу. При планировании операции 7-й армии поручалось нанести главный удар на Бржезаны. В связи с этим 23-я дивизия заняла позицию перед Обренчевским лесом южнее Бржезан. На рассвете 18 июня войска перешли в атаку. Полки-преемники прорвали германскую оборону. Но яростными контратаками 19 июня немцам удалось остановить их продвижение. Тогда, в связи с успехом соседней 8-й армии, взявшей 27 июня Галич, 23-ю дивизию перебросили на новое направление. После трехдневных боев за Галич ее двинули еще южнее к Станиславову. Медленно отступая, она прикрывала июльский отход русских частей за Днестр. Затем полки-преемники совершили марш в Буковину, где присоединились к своему 18-му корпусу и заняли позиции у города Серет.

Днем 7 августа 1917 г. поручик Печорского полка Петр Перегонцев вместе с 32 разведчиками незаметно подобрался к вражеским окопам западнее высоты 438. *«По свистку своего начальника партия, закидав окопы ручными гранатами, с криком "ура" ворвалась в окопы немцев, где произошел штыковой бой, в котором поручик Перегонцев заколол германского офицера. Переколов германцев, захватив 6 человек в плен, в том числе 3 унтер-офицеров с Железными крестами, партия отошла в свои окопы, преследуемая только огнем ошеломленного противника, имея у себя лишь одного легко раненого разведчика, оставшегося в строю».* Узнав о смелом налете, Верховный главнокомандующий Л.Г.Корнилов прислал телеграмму: *«Благодарю поручика Перегонцева и молодцов Печорцев за лихой поиск, назначаю 5 Георгиевских крестов».* Сам храбрый офицер получил орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Ночью 8 августа немцы атаковали позицию Печорцев и заняли высоту 438. Но их дальнейшее наступление остановил прапорщик Беломорского полка Ширшов. *«Находясь с заставой по соседству с атакованным участком и видя наступающие цепи противника, прапорщик Ширшов, по собственному почину, выдвинул людей во фланг и дружным ударом в штыки внес в ряды противника замешательство, прекратив дальнейшую попытку продвижения и нанеся врагу серьезные потери. При этом ударе прапорщик Ширшов был убит, из людей заставы ранено 2 человека, убит 1».* Благодаря этой передышке, подоспели 5-я и 8-я роты Печорцев, которые при поддержке 4-й роты и команды разведчиков смелой контратакой от-

Рядовой 90-го пехотного Онежского полка.

A private of the 90th Onezhsky Infantry regiment.

Фотография периода I мировой войны. (Из коллекции А.С. Лагунцова)

Грудь солдата украшают Георгиевские медали 3-й и 4-й степени, а также юбилейный полковой знак. На планке рубахи видна георгиевская ленточка, обозначающая, скорее всего, награждение Георгиевским крестом 4-й степени.

Старший унтер-офицер 92-го пехотного Печорского полка Михаил Петрович Петров (слева) со своими товарищами.

1st Sgt. Mikhail Petrovich Petrov (left) and his mates, 92nd Pechorsky Infantry regiment

Фотография 1916–1917 гг. (Из семейного архива И.П. Лыкова)

Уроженец деревни Гаврилово Сычевского уезда Смоленской губернии М.П. Петров храбро сражался в рядах Печорского полка и был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, а также Георгиевской медалью 4-й степени.

били высоту 438. В конце концов, австро-германское наступление на Румынском фронте захлебнулось, и в дальнейшем военные действия приобрели затяжной позиционный характер.

Для Вятского полка, входившего в состав 1-й бригады 26-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса 2-й армии, начало I мировой войны выдалось не столь напряженным. Выступив из Гродно, полк 5 августа перешел границу и практически беспрепятственно двигался вглубь Восточной Пруссии. 9 августа он уже находился вблизи Иоганнисбурга. Но в связи с переподчинением 2-го корпуса 1-й армии генерала П.К. Ренненкампфа 1-я бригада 26-й пехотной дивизии двинулась 11 августа на север вдоль Мазурских озер. Обходя с востока крепость Летцен, Вятский полк 13 августа прошел Ангербург и с 14 августа остановился в Растенбурге. В это время юго-западнее разыгралась трагедия окруженной 2-й армии генерала А.В. Самсонова. В связи с ее поражением Вятский полк спешно вернулся 19 августа в Ангербург и занял позицию перед ним на перешейке между озерами Энгельштейнер и Мауэр. Здесь полк прикрывал левый фланг 2-й бригады 26-й пехотной дивизии, выдержавшей 26–28 августа основной удар 20-го германского корпуса. На своей позиции Вятский полк подвергался усиленной бомбардировке, в том числе тяжелой артиллерией. Утром 27 августа на левом фланге Вятцев был убит командир 1-й бригады 26-й дивизии генерал-майор К.И. Дружинин – крупнокалиберный гаубичный снаряд накрыл его наблюдательный пункт у села Тиргартен[24]. Хотя 2-я бригада отбила все атаки противника, в полдень 28 августа Вятский полк по приказу штаба дивизии отступил в Даркемен. Во время арьергардного сражения 29 августа у деревни Кунигелен полк находился в корпусном резерве, а затем 30–31 августа отошел со штабом 2-го корпуса обратно за государственную границу через Сталупенен в Мариамполь. Отступая далее, Вятцы оставили Сувалкскую губернию и 8 сентября перешли Неман у Олиты. Так завершился для Вятского полка поход в Восточную Пруссию.

В связи с быстрым наступлением 9-й германской армии по левому берегу Вислы, Верховный главнокомандующий 19 сентября приказал перебросить 2-й армейский корпус к Варшаве. 25–27 сентября по железной дороге 26-я дивизия переехала из Олиты южнее Варшавы и расположилась на берегу Вислы у местечка Гура-Кальвария. Здесь планировалось перевести 2-й корпус вместе с 23-м корпусом на левый берег реки для удара во фланг германской группе генерала Макензена, рвавшейся к Варшаве. Но затем от этой рискованной операции отказались. 3 октября 1-я бригада 26-й пехотной дивизии перешла под Варшавой через Вислу на правый фланг 2-й армии и двинулась вслед за отступающими на запад частями 9-й германской армии. Сотню верст Вятский полк прошел практически без боя и 20 октября занял позицию у местечка Грабов. Оказавшись фактически в резерве 2-й армии, 2-й корпус прикрывал ее стык с 1-й армией.

Но отход 9-й германской армии от Варшавы оказался лишь маневром. Перегруппировавшись, она ударила по левому флангу 1-й армии и разгромила под Влоцлавском 5-й Сибирский корпус, откатившийся на 35 верст южнее к Гостынину. Для помощи соседу 2-й корпус передвинулся чуть севернее и примкнул к отступившим Сибирякам слева. 31 октября 26-я дивизия заняла неудачную позицию у местечка Кросневице западнее Кутно. Окопы Вятского полка располагались на левом фланге всей линии обороны корпуса у господского двора Ходов. Здесь 1 ноября полк отбил семь атак 35-й германской дивизии и сдержал ее напор. Но ранним утром 2 ноября 9-я германская армия, имевшая тройное превосходство в силах, обрушилась и разгромила 2-й корпус. 35-я германская дивизия прорвала правый фланг и смяла центр 26-й дивизии, в то время как бригада 36-й дивизии обошла ее левый фланг. Прикрывая отход к Кутно разбитых 101-го Пермского и 103-го Петрозаводского полков, Вятский полк мужественно отбивал атаки противника у Кросневице. За местечком его поддержал выдвинувшийся из резерва 104-й Устюжский полк. Вместе они медленно отступали, сдерживая врага. Ранним утром 3 ноября Вятцы перешли болотистую речку Охния южнее занятого немцами Кутно, а к вечеру закрепились за речкой Слудвой у села Злаков-Косцельный[25].

[24] Вторая Отечественная война по рассказам ее героев. Пг., 1915. С. 210–211.

[25] *Ларионов Я.М.* Записки участника Мировой войны: 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны. Харбин, 1936.

С 2 ноября 2-й корпус временно включили в состав 1-й армии. Прикрывая дальнейший отход войск к Ловичу, Вятский полк участвовал в кровопролитных контратаках 6 и 7 ноября у села Злаков-Боровый. К этому времени выяснилось, что, отбросив в Кутненском сражении 2-й армейский корпус на восток, ударная немецкая группа генерала фон Шеффер-Бояделя быстро устремилась на юг, глубоко охватывая правый фланг и заходя в тыл всей 2-й русской армии у Лодзи. В связи с этим решено было предпринять контрманевр. Пока Ловичский отряд, остатки 5-го Сибирского корпуса и подошедший 6-й Сибирский корпус сдерживали на левом берегу Вислы 1-й резервный германский корпус, 26-я пехотная дивизия двинулась на запад и утром 8 ноября под прикрытием батальона Вятского полка перешла в Соботе реку Бзуру. В результате она оказалась фактически в тылу 17-го германского корпуса, штурмовавшего Лодзь.

Утром 9 ноября 26-я дивизия атаковала вражеское прикрытие и стала теснить его к Згержу. Вечером немцы отошли за реку Модзаница и на этом рубеже встретили русские части сильным огнем. Тогда ночью командир 3-го батальона Вятского полка капитан А.-Ф.Г.С. Цвецинский выдвинул вперед 10-ю роту. Подпоручик Л.Н. Ержиковский форсировал реку и занял с боем плацдарм. Под прикрытием 10-й роты 3-й батальон переправился через Модзаницу и зашел во фланг немцам, которые быстро отступили к укрепленной деревне Бяла. На рассвете 10 ноября Цвецинский тихо провел свой батальон мимо вражеских пулеметных гнезд, переколол штыками секреты и неожиданно ворвался в Бялу. На улицах деревни разгорелся упорный бой. Немцы засели в каменных постройках и яростно отстреливались. Но Вятцы штыками выбили баварский батальон из деревни, положив около 300 человек и захватив в плен 2 офицеров и 83 солдата, взяв много винтовок и снаряжения. За храбрость капитан А.-Ф.Г.С. Цвецинский и подпоручик Л.Н. Ержиковский были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени[26].

Успех Вятского полка позволил продвинуться вперед всей 26-й дивизии. Но на следующий день 11 ноября сразу три германских корпуса навалились на 2-й корпус, чтобы расчистить путь выходящей из окружения группе фон Шеффера. Охватив правый фланг 26-й дивизии, немцы попытались окружить ее. Занимавший Бялу 3-й батальон Вятского полка оказался в кольце. Весь день он держал круговую оборону, отбив несколько атак 37-й германской дивизии, после чего незаметно вышел цепочкой из котла и вынес пулеметы. В то же время доблестный штабс-капитан Ф.П. Точилов, увидев германский полк, идущий в тыл дивизии, бросился на него в атаку всего с одной с ротой Вятского полка. Обескураженные немцы остановились и стали разворачиваться для боя. Следующие 5 часов рота Вятцев сражалась у деревни Монколице против целого полка с артиллерией. Героическая рота практически вся полегла, но позволила 26-й дивизии благополучно отступить и ночью с 11 на 12 ноября отойти за реку Мрогу. Храбрый штабс-капитан Ф.П. Точилов получил орден Св. Георгия 4-й степени.

Прапорщик 92-го пехотного Печорского полка.

A warrant officer of the 92nd Pechorsky Infantry Regiment.

Фотография периода I мировой войны. (Из частной коллекции)

Отойдя за Мрогу, Вятский полк до 3 декабря вел упорные бои у Гловно, пытаясь ликвидировать плацдарм 50-й немецкой резервной дивизии на восточном берегу реки. Но в связи с завершением Лодзинской операции и общим глубоким отходом Северо-Западного фронта 26-я дивизия ночью с 3 на 4 декабря двинулась на восток и 5 декабря перешла за реку Равку. Немцы, получившие подкрепления из Франции, решили развить успех и нажать на отступающие русские части. 6 декабря 9-я германская армия нанесла мощный удар по правому флангу 2-го корпуса. 26-я пехотная дивизия оказалась в трудном положении из-за внезапного отхода соседней 67-й дивизии. Два батальона 104-го Устюжского полка попали в окружение. Лишь крайним напряжением сил дивизии удалось сдержать напор немцев. 6–10 декабря Вятский полк вел тяжелые бои за фольварк Иохимов, отбивая многочисленные атаки противника. Ночью с 10 на 11 декабря обескровленную 26-ю дивизию сменила 4-я пехотная дивизия. До конца 1914 года Вятский полк находился в резерве на биваке в деревне Козловице-Нове.

2 января 1915 г. Вятский полк занял зимнюю позицию по реке Бзура западнее города Сохачев. Но 29 января в связи с поражением 10-й армии

[26] *Цвецинский Г.А.* В Лодзинских боях (Из боевой жизни 102-го пехотного Вятского полка). // Военная быль (Париж). 1965. № 73.

Георгиевский кавалер фельдфебель 92-го пехотного Печорского полка Феоктист Герасимович Сапега.

Corporal Pheoktist Gerasimovich Sapega, a St. George Cross holder, 92nd Pechorsky Infantry Regiment.

Портрет кисти М.Г. Кирсанова. 1915 г. (ГИМ)

в Восточной Пруссии 26-ю дивизию сняли с фронта, отвели в Варшаву и перебросили по железной дороге в Белосток. 7 февраля Вятский полк пришел в Гродно – место своего довоенного квартирования. Многие солдаты и офицеры смогли увидеться со своими родными и близкими. Пройдя через Гродно, полки 26-й дивизии заняли позицию впереди форта № 2. К этому времени 10-я германская армия добивала окруженный в Августовских лесах 20-й армейский корпус. Но командующий 10-й русской армией генерал Ф. В. Сиверс не терял надежды. Собрав у Гродно четыре корпуса, он планировал атакой на Сопоцкинские высоты пробить коридор для выхода частей 20-го корпуса из окружения. 8 февраля 26-я дивизия с небольшими потерями оттеснила 78-ю резервную германскую дивизию, причем 104-й Устюжский полк взял важную высоту 100,3. Но из-за неудачной атаки соседнего 15-го корпуса Сиверс прекратил общее наступление. 26-я дивизия оставила высоту 100,3 и вернулась на исходный рубеж.

Решение Сиверса оказалось роковым. Так и не дождавшись помощи, остатки 20-го корпуса 8 февраля сдались в плен. Не зная этого, Сиверс 10 февраля снова бросил свои корпуса в уже бесполезное наступление. 26-я дивизия опять двинулась в атаку на высоту 100,3. Но немцы успели приготовиться и встретили ее шквальным огнем. *«Наш 102-й пехотный Вятский полк быстро двигался вперед и вверх, развернув все свои четыре батальона,* – вспоминал георгиевский кавалер капитан А.-Ф. Г. С. Цвецинский. – *Задание первой цепи, которой я командовал, было при поддержке остальных батальонов штыковой атакой выбить германцев с вершины холма. Перекопанная и намокшая земля не позволяла идти с должной быстротой. Но чем выше мы подымались, тем суше была земля, и тем быстрее мы приближались к окопам противника. Немцы подпустили нас без выстрела на 200 шагов, и только когда мы с криком "ура" кинулись в штыки, нас встретил сильный ружейный и пулеметный огонь, а когда подошла и вторая наша цепь заработала германская артиллерия. Разрывом одного из снарядов было ранено десять человек, в том числе и я тяжело в левую ногу. Мои солдаты, все перераненные, сделали носилки из винтовок и отнесли меня на перевязочный пункт».* С серьезными потерями Вятскому полку удалось-таки взять высоту 100,3, несколько раз переходившую из рук в руки[27]. Но все усилия и большие жертвы оказались напрасными. За «Августовский разгром» генерал Ф. В. Сиверс был уволен в отставку и, находясь в тяжелой депрессии, застрелился.

Весной и летом 1915 г. 2-й корпус воевал в составе 10-й армии, защищавшей линию Немана и Ковенское направление. После падения Ковны 5 августа армии пришлось отступать к Вильне, сдерживая противника в упорных арьергардных боях. 17 августа немцы прорвали фронт 2-го корпуса у деревни Ауштокольня. Три полка оказались совершенно расстроены и беспорядочно отступали. Их многочисленные обозы столпились в трудно проходимых лесных и болотистых дефиле. Немцы сильно нажимали, пытаясь сбросить русские части в глубокую речку и прорваться на Олькеники в тыл не только 2-го, но и соседних корпусов. Катастрофа казалась неизбежной. В это время в корпусном резерве находился только Вятский пехотный полк. Командовавший им генерал-майор А. А. Незнамов верно оценил обстановку и, не дожидаясь приказов, самостоятельно двинул полк навстречу врагу. Под сильным огнем Вятцы остановили продвижение немцев. Собрав и подчинив себе все отступающие части, Незнамов организовал оборону на фронте озеро Лилуки – деревня Бартали. В результате прорыв удалось ликвидировать. Вятцы не только защитили тылы двух корпусов, но и спасли от неминуемого плена множество солдат, обозы и несколько артиллерийских батарей. За самообладание и мужество командир Вятцев генерал-майор А. А. Незнамов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени[28].

Не давая Западному фронту стратегической передышки, немцы 27–29 августа прорвали его стык с Северным фронтом между 5-й и 10-й армиями. 6-й конный корпус генерала Гарнье устремился на Ново-Свенцяны, где 30 августа перерезал железную дорогу из Вильны в Двинск. Глубоко охватив с севера русские корпуса, защищавшие Вильну, Гарнье зашел в тыл 10-й армии и перерезал 2 сентября железную дорогу на Минск.

[27] *Цимбалюк В.* Высота 103 (Рассказ солдата). // Военная быль (Париж). 1963. № 64; 1964. № 67; 1964. № 70.

[28] Полковник (с 17 мая 1915 г. генерал-майор) Александр Александрович Незнамов командовал Вятским полком с 20 декабря 1914 г. по 20 ноября 1915 г.

Одновременно введенный в прорыв 1-й армейский корпус генерала фон Эбена оттеснил русские части на линию реки Вилии и, форсировав ее 2 сентября, быстро двигался за своей кавалерией в глубокий тыл 10-й армии. Положение стало критическим. Уже 30 августа командующий 10-й армией генерал Е.А. Радкевич приказал для выравнивания своего охваченного фронта отойти 2-му корпусу на новый оборонительный рубеж. 26-ю дивизию вывели в резерв в район Сорок Татар и далее быстро перебросили на восток за Вильну. 2 сентября дивизия, в которой после августовских боев оставалась лишь половина штыков, выдвинулась к деревне Слободка для совместного с 3-й гвардейской пехотной дивизией удара в правый фланг немецкой группировке, прорвавшейся за Вилию. 3 сентября Вятский полк атаковал немцев и, потеснив их, занял к вечеру фронт у фольварков Воронка и Чижовщина. 4 и 5 сентября полк вел упорный бой с частями 58-й германской пехотной дивизии, переходившими в контратаки. В конце концов, 6 сентября немцы отбросили 26-ю дивизию за господский двор Дубники. Обескровленную дивизию, сократившуюся до трети, вывели в резерв в местечко Слободка. Но благодаря стойкости войск 10-й армии, в ее тылу удалось оперативно развернуть новую 2-ю армию. Перейдя в наступление, она к 11 сентября ликвидировала Свенцянский прорыв. Тем не менее, всем армиям Западного фронта пришлось значительно отойти, сдав Вильну, Лиду, Слоним. В конце сентября фронт стабилизировался. К этому времени численность всей 26-й дивизии была менее одного полка.

В связи с подготовкой крупной десантной операции против Болгарии (см. том II) 2-й армейский корпус 18 октября сняли с Западного фронта и отправили на Черное море в состав 7-й армии. Здесь Вятский полк укомплектовали людьми и вооружением. Но 7 ноября Николай II отменил десант. Более целесообразным для помощи Сербии был признан удар в Галиции. В конце ноября 7-ю армию перебросили на левый фланг Юго-Западного фронта. 15 декабря 2-й корпус по непролазной грязи начал наступление от Трембовля на Стрыпу. *«Благодаря невыносимым климатическим условиям вся армия живет как бы в Дан-*

Полный георгиевский кавалер подпрапорщик 89-го пехотного Беломорского полка Василий Яковлевич Корявкин.

The 89th Belomorsky Infantry Regiment's Junior Warrant Officer Vassily Koryavkin, a holder of the full set of St. George Crosses.

Портрет кисти В.А.Пояркова. 1915 г. (ВИМАИВиВС)

Старший унтер-офицер 1-й роты Беломорского полка В.Я.Корявкин был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за переправу через Сан. 2-ю и 3-ю степени он получил за мартовские бои 1915 г. в Карпатах. Георгиевский крест 1-й степени отметил его храбрость в бою 2 сентября 1915 г. у деревни Цебров.

Австрийские позиции, захваченные русскими войсками при первом летнем наступлении Юго-Западного фронта в 1916 г.

Austrian positions seized by Russian troops during the Southwest Front's first summer offensive in 1916.

Снимок сделан 30 мая 1916 г. (ТАРФ)

Кандидат на зауряд-военного чиновника – нестроевой старшего разряда 102-го пехотного Вятского полка.

A candidate for rankless military official – a senior-category non-combatant of the 102nd Vyatsky Infantry Regiment.

Гродно, 15 января 1912 г. (Фотография из частной коллекции)

товом аду», – записал в своем дневнике капитан А. И. Верховский[29]. В результате предпринятые с 16 по 26 декабря лобовые штурмы австрийских бетонированных позиций превратились в настоящую бойню. На рассвете 16 декабря подполковник В. Ю. Гуляницкий с 3-м батальоном Вятского полка, командой пеших разведчиков и 4 пулеметами взял деревню Загробельки. Продвигаясь далее под сильным огнем, он захватил передовую укрепленную позицию. Одновременно подполковник В. Н. Горбунов с 4-м батальоном Вятцев и пулеметной командой взял деревню Доброполе. Но дальнейшие атаки на высоту 382 и Саповую рощу не привели к прорыву вражеской обороны. Австрийцы удержали восточный берег Стрыпы. За 10 дней боев свежая 26-я пехотная дивизия потеряла больше половины личного состава. После этой неудачи фронт 7-й армии стабилизировался до весны 1916 г.

При планировании летнего наступления 1916 года 7-й армии ставилась задача лишь вспомогательного удара. Отчасти это диктовалось тяжелым впечатлением после декабрьской неудачи, а также мощнейшими укреплениями австрийцев на восточном берегу реки Ольховец. Первая линия вражеской обороны состояла здесь из 2–3 линий окопов и бетонированных укреплений, прикрытых 2–3 полосами проволочных заграждений в 6–8 рядов каждая, с выведенными вперед минами и фугасами. 2-му корпусу предстояло прорвать вражеский фронт у Язловца и в случае успеха отбросить противника за Ольховец и Стрыпу. После двухдневной мощной артиллерийской подготовки ранним утром 24 мая 26-я дивизия двинулась в атаку на австрийские позиции у горы Гипсарка. 103-й Петрозаводский полк при поддержке броневика «Бойкий» прорвал проволочные заграждения. Но австрийская застава у выселка Гипсарка открыла фланговый огонь, нанося большие потери атакующим. Увидев это, прапорщик Вятского полка Е. Е. Тарандик бросился с полуротой вперед и, выбив штыками заставу, помог Петрозаводцам. К вечеру оборона австрийцев была прорвана. 25 мая они откатились за Ольховец, а 26 мая – на свой второй рубеж за Стрыпой. Но и здесь противник не смог удержаться, и 28 мая был отброшен за реку Барышку. В результате 7-я армия добилась значительного успеха, глубоко прорвав вражеский фронт. На захваченных рубежах поредевшие полки 26-й дивизии остановились почти на месяц, собирая силы для нового удара. Прапорщик Е. Е. Тарандик получил за храбрость Георгиевское оружие.

21 июня 7-я армия снова перешла в наступление. Вятский полк лихо атаковал укрепления австрийцев у фольварка Барыш. Но, встреченный сильным огнем, 4-й батальон капитана П. А. Бессонова понес большие потери и залег перед проволочными заграждениями. Тогда подпоручик Н. В. Крафт с 13-й ротой выдвинулся вперед, быстро проделал проходы и ударил в штыки. Ворвавшись в окопы, 13-я рота после непродолжительной рукопашной свалки захватила в плен 5 офицеров, 142 солдата и взяла 2 пулемета. Одновременно подпоручик Т. И. Дрозд, после того как батальон залег, повел под пулеметным огнем один взвод на высоту 403. Ворвавшись в окопы австрийцев, Дрозд был тяжело ранен. Но развить атаку вдоль по окопам его взвод не мог, так как вражеский пулемет не давал высунуться. Тогда Дрозд разделил своих людей. С частью взвода он бросился на пулемет, послав остальных солдат в тыл австрийцам. В этой отчаянной атаке подпоручик Дрозд был убит. Но взяв пулемет и зайдя в тыл врагу, его взвод помог добиться общего успеха. Подпоручик И. Я. Клещенков прорвался с ротой через проволочные заграждения и выбил австрийцев из двух линий окопов, захватив 3 исправ-

[29] *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. С. 39.

ных пулемета, 4 офицеров и 207 солдат. В результате 4-й батальон Вятцев взломал австрийскую оборону, взял около тысячи пленных и отбил контратаку противника. За храбрость подпоручики Т.И.Дрозд (посмертно) и И.Я.Клещенков (контуженный осколком снаряда в правую грудь) были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени, а капитан П.А.Безсонов и подпоручик Н.В.Крафт – Георгиевского оружия. Отбросив противника за реку Коропец, 2-й корпус начал готовиться к следующему удару.

15 июля 7-я армия снова двинулась в наступление с целью овладеть городом Монастержиска. Но, несмотря на большие потери, с ходу прорвать австрийские позиции на реке Коропец не удалось. Командующий 7-й армией генерал Д.Г.Щербачев 18 июля приостановил атаки, ожидая успехов соседних армий. Наконец, 28 июля 26-я дивизия снова перешла в наступление. Вятский полк атаковал укрепленную позицию возле деревни Дубенка. Но проволочные заграждения оказались не разрушены. Правофланговый батальон Вятцев понес большие потери и, лишившись многих офицеров, залег в урочище Проходце. В это время в полковом резерве находился 1-й батальон штабс-капитана К.Г.Шаберта. По собственной инициативе он двинул свой батальон вперед, поддержал роты передового батальона и за убылью офицеров подчинил его себе. С громким криком *«Вятцы-молодцы! С Богом вперед!»* Шаберт увлек роты в атаку. Под сильным пулеметным и артиллерийским огнем Вятцы стали пробиваться через проволочные заграждения. Шаберт лично выворачивал колья с проволокой, подбадривая солдат. Преодолев заграждения, батальоны бросились к вражеским окопам. Но мадьяры и немцы сами выскочили им навстречу и пошли в контратаку. Завязался жаркий штыковой бой. Опрокинув врага, Вятцы выбили противника из окопов первой линии, взяв в плен 6 офицеров, 180 солдат и захватив 1 действующий пулемет. Вскоре три вражеских батальона повторили контратаку. Но на этот раз уже Шаберт бросился со своим батальоном вперед, сбил противника и на плечах бегущих ворвался в окопы второй линии, захватив в плен еще 5 офицеров и 207 солдат. Закрепившись во второй линии, Шаберт решил развить успех. Отобрав 28 охотников с 2 пулеметами, он зашел во вражеский тыл против участка соседнего 104-го Устюжского полка. Открыв продольный пулеметный огонь, Вятцы заставили австрийцев покинуть окопы. При этом отличился подпоручик И.А.Анискин, принявший после ранения офицеров командование 3-й ротой. Воспользовавшись поддержкой Вятцев, Устюжский полк ворвался во вторую линию окопов и совершенно разгромил 56-й австрийский полк, захватив в плен 26 офицеров, включая штаб полка, 800 солдат, а также 4 пулемета и 2 бомбомета. Тут Шаберт получил приказ

Кандидат на зауряд-военного чиновника – нестроевой старшего разряда 102-го пехотного Вятского полка.

A candidate for rankless military official – a senior-category non-combatant of the 102nd Vyatsky Infantry Regiment.

Гродно, 15 января 1912 г. (Фотография из частной коллекции)

вернуться с 1-м батальоном в полковой резерв. Но верно оценив обстановку, он вместо этого снова двинулся вперед, выбил штыками деморализованного противника из леса и отбросил его к высоте 340, захватив в плен еще 3 офицеров и 103 солдата. В результате смелой атаки 26-я дивизия прорвала оборону противника на Коропце и взяла Монастержиску. За храбрость штабс-капитан К.Г.Шаберт и подпоручик И.А. Анискин были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени.

С началом 18 августа нового наступления 7-й армии на Галич Вятский полк прорвал оборону противника западнее деревни Завалув на реке Золотая Липа. При следующем, четвертом наступлении Юго-Западного фронта 3 сентября полк атаковал позиции австрийцев западнее деревни Тростянец. Но, несмотря на большие потери, эта атака не привела к серьезному успеху. В связи с тяжелым положением Румынии 26-ю дивизию перебросили в октябре в 9-ю армию в Молдавские Карпаты. В ноябре она участвовала в кровопролитных боях при наступлении на Дорна-Ватру. Но сильно укрепившаяся в горах 12-я австро-венгерская армия выдержала удар. В декабре Румынский фронт стабилизировался до весны. В июле 1917 г. Вятский полк участвовал в упорных оборонительных боях, отразив все атаки австрийцев. Особенно полк отличился 21 и 22 июля у деревни Вэкэрия-Реджелуй. Затем, в связи с перегруппировкой фронта в середине августа,

Генерал-майор Николай Андрианович Букретов.

Maj.-Gen. Nikolai Andrianovich Bukretov.

Фотография 1916 г. (Из коллекции В.В. Верзунова)

11 октября 1915 г. полковник Н.А. Букретов был назначен командиром 90-го пехотного Онежского полка. 2 ноября он принял полк и командовал им до июля 1916 г. Видный деятель белого движения на Кубани. В январе – апреле 1920 г. войсковой атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области. Умер в Нью-Йорке в 1930 г.

Заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа Василий Иванович Шорин.

Vassily Ivanovich Shorin, deputy commander, Leningrad Military District.

Фотография 1923 г. (ЦМВС)

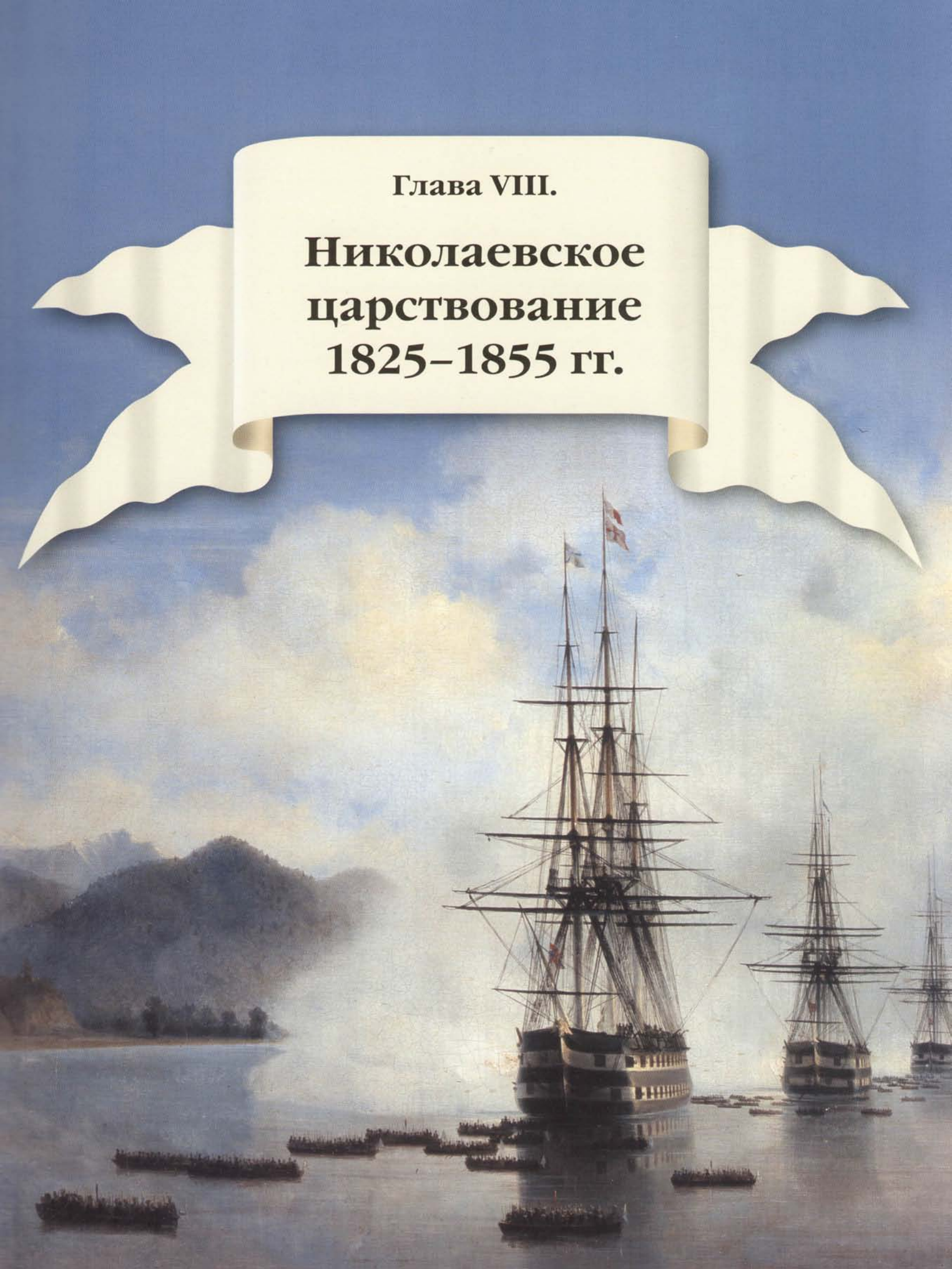
Полковник В.И. Шорин был последним командиром 102-го пехотного Вятского полка. В 1918 г. он принял сторону советской власти и во время Гражданской войны руководил армиями и фронтами. 8 августа 1919 г. вместе с Главнокомандующим Вооруженными силами Республики С.С. Каменевым стал первым кавалером Боевого золотого (Почетного революционного) оружия «за боевые заслуги, проявленные в боях против сил Колчака». В 1938 г. репрессирован. Посмертно реабилитирован.

26-ю дивизию передали в 4-ю армию. Боевые действия в Карпатах носили все более эпизодический характер. Старая армия медленно, но верно умирала. В конце концов, на основании телеграммы командующего 4-й армией от 22 января 1918 г. № 1/8319 Вятский полк к 31 января 1918 г. был в основном расформирован.

В боях и сражениях I мировой войны солдаты и офицеры четырех полков – преемников морских полков проявили массовый героизм. 31 офицер был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, 37 человек получили Георгиевское оружие (см. таблицу). Но после 1917 года их судьбы сложились по-разному. Командовавший в разное время Беломорским и Онежским полками георгиевский кавалер полковник А.Ф. Дзерожинский активно участвовал в создании белых формирований на Северо-Западе России, командовал сначала Островским добровольческим полком, затем Северным (Псковским добровольческим) корпусом, а с июня 1919 г. 1-й пехотной дивизией, во главе которой совершил поход на Петроград. Командир Онежского полка в 1915–1916 гг. георгиевский кавалер генерал-майор Н.А. Букретов стал видным деятелем белой борьбы на Кубани, где в январе 1920 г. его избрали войсковым атаманом. В то же время последний командир 102-го пехотного Вятского полка георгиевский кавалер полковник В.И. Шорин вступил в Красную Армию, где занимал ключевые посты: командовал армиями и фронтами, служил помощником главкома Вооруженными силами Республики. 8 августа 1919 г. он стал первым кавалером Почетного революционного оружия, присоединив его к ранее полученному Георгиевскому оружию. При выходе Шорина в отставку 24 февраля 1925 г. Реввоенсовет СССР, *«вспоминая исключительные заслуги Василия Ивановича перед Республикой и Революцией»*, пожизненно оставил его в списках Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К сожалению, жизнь красного героя оказалась недолгой. В 1938 году В.И. Шорин, как и многие бывшие офицеры императорской армии, был репрессирован и расстрелян (по другим данным, умер в тюрьме).

Сведения об офицерах полков – преемников морских полков, награжденных орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием в 1914–1917 гг.
(составлено по данным В.М. Шабанова (РГВИА))

Название полка	Число офицеров		Всего офицеров		
	кавалеров ордена Св. Георгия 4-й степени	кавалеров Георгиевского оружия	кавалеров Георгиевских наград	в том числе кавалеров двух Георгиевских наград	в том числе награжденных посмертно
89-й пехотный Беломорский	8	10	16	2	3
90-й пехотный Онежский	9	10	18	1	1
92-й пехотный Печорский	7	9	16	–	2
102-й пехотный Вятский	7	8	12	3	1
Всего:	**31**	**37**	**62**	**6**	**7**



Глава VIII.

Николаевское царствование 1825–1855 гг.

Строевая и береговая служба экипажей и команд Балтийского флота

Библиография:

Виноградский В. Исторический очерк русской морской пехоты, строевой береговой службы во флоте и выдающихся судовых десантов (1705–1895 гг.). // Морской сборник. 1898. № 2.

Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. // «Волга». 1996. № 2–3.

Зайончковский А.М. Восточная война. 1853–1856 гг. Т. I. СПб., 1907.

С переводом морских полков в сухопутное ведомство вся тяжесть береговой и абордажной службы легла на флотские экипажи. Образцом строевого совершенства на Балтике являлся Гвардейский экипаж. Но его прекрасный внешний вид, радовавший глаз императора и начальства, давался матросам очень большим трудом и, в буквальном смысле, потом и кровью. Обучение же строю остальных команд флота к началу царствования Николая I, несмотря на все усилия, по-прежнему оставляло желать лучшего. Известный морской историк генерал Ф.Ф. Веселаго (1817–1895) вспоминал: *«Об исполнении моряками караульной службы передавались рассказы маловероятные для нынешнего времени, но видимо взятые из действительной жизни. По неимению у многих офицеров собственных мундиров, они в караул вступали в сюртуках и уже в караульном доме надевали общий для всех казенный мундир. Относительно такого порядка сохранилась следующая легенда: в ожидании посещения Кронштадта каким-то важным лицом комендант, осматривающий гауптвахты, на одной из них нашел офицера такого маленького роста, что длинные рукава мундира мешали ему салютовать саблей. Для устранения такого непорядка от коменданта к экипажному командиру этого офицера немедленно последовало официальное отношение о назначении на эту гауптвахту другого офицера "сообразно мундиру"»*[1].

Одним из первых начинаний Николая I стало учреждение в Кронштадте 12 ноября 1826 г. Учебного морского экипажа. В нем молодых матросов учили чтению, письму, арифметике, Закону Божьему и навыкам корабельной службы. Особое внимание уделялось строевой подготовке. Матросы осваивали фронтовое учение – от одиночного до батальонного – проходили стрелковую подготовку и изучали гарнизонный устав. Летом старшие ученики ходили в практические плавания на кораблях Балтийской эскадры, а младшие – на учебном судне. По достижении 20-летнего возраста способных учеников выпускали унтерофицерами на вакансии во флот.

[1] *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского флота. М.–Л., 1939. С. 297–298.

Николай I и императрица Александра Федоровна с сыном генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем на морской прогулке.

Emperor Nicholas I and Empress Alexandra Fyodorovna with their son, General-Admiral Crown Prince Konstantin during a cruise.

Литография с оригинала Г.Доу. 1830-е гг. (Частное собрание)

Николай I с самого рождения предназначил своего второго сына к морской службе. 22 августа 1831 г. четырехлетний Константин стал генерал-адмиралом и шефом Гвардейского экипажа. С 1850 г. он начинает активно участвовать в руководстве военно-морскими силами, 25 июля 1852 г. назначен товарищем начальника Главного Морского штаба, заменяя светлейшего князя А.С.Меншикова во время его отсутствия в Петербурге. С 23 февраля 1855 г. полностью возглавил флот и Морское министерство.

В ноябре 1827 г. Николай I посетил Кронштадт и выразил недовольство слабой строевой подготовкой экипажей. Император приказал назначить от каждой флотской дивизии по 1 штаб-офицеру, от каждого экипажа по 1 обер-офицеру и 2 барабанщика и из каждой экипажной роты по 2 рядовых, которых прикомандировать к стоявшим в Кронштадте гвардейским батальонам для обучения фронтовой и караульной службе. Во исполнение высочайшей воли к батальону Лейб-Гвардии Егерского полка прикомандировали 8 офицеров, 34 унтер-офицеров, 14 барабанщиков и 68 матросов, а к батальону Лейб-Гвардии Финляндского полка – 8 офицеров, 33 унтер-офицеров, 16 барабанщиков и 66 матросов. По замыслу императора, обучившиеся за зиму при батальонах офицеры и нижние чины должны были затем вернуться в свои экипажи и во время навигации 1828 года проводить обучение команд на кораблях и на берегу. Но эти ожидания не оправдались. У гвардейцев кроме моряков хватало своих повседневных забот. Сами же моряки по-прежнему чурались пехотной службы. Не удивительно, что, посетив Кронштадт в декабре 1828 г., император опять остался недоволен медленным и слабым строевым образованием флотских команд.

На этот раз Николай I решил не привлекать гвардейских инструкторов, а использовать собственные кадры флота. Из каждого экипажа император приказал назначить по 1 штаб-офицеру и по 2 обер-офицера, а из каждой экипажной роты – по 1 унтер-офицеру и 4 рядовых, выбирая лучших людей. Всех их направили в Учебный морской экипаж, при котором объединили в Сводный учебный экипаж. Кроме того, государь строго запретил назначать флотские экипажи на любые валовые работы. По его приказу из Кронштадта вывели сухопутные войска, а всю гарнизонную службу во время зимней стоянки судов возложили на морские команды. С окончанием навигации 1829 года снова был составлен Сводный учебный экипаж под надзором командира Учебного морского экипажа капитана 1 ранга В.П.Кохиуса. Весной 1830 г. Николай I сделал смотр Сводному экипажу и остался очень доволен. Для Кохиуса наступил звездный час. Император наградил его орденом Св. Анны 2-й степени и в дальнейшем чрезвычайно ценил. Со временем Кохиус приобрел генеральский чин и статус инспектора учебных экипажей, фактически отвечая за всю строевую подготовку команд Балтийского флота. Адъютант Кохиуса в 1850–1853 гг. лейтенант А.П. Боголюбов вспоминал: *«В Кронштадте в то время помещался Учебный экипаж, командир его был из армейских, полковник Курлов. Такой палочной дисциплины и точности в военных артикулах и в гвардии не бывало. <...> Был и бригадный командир генерал-лейтенант Кохиус. Этот генерал был три Курлова по изучению шагистики и всякой солдатской выправки».*

Рядовой Гвардейского экипажа, канонир его Артиллерийской команды и унтер-офицер Гвардейской Ластовой роты. 1826–1828 гг.

A private of the Guards Crew, a gunner of the Guards Crew's artillery element and a Harbour-Craft Rowing Company non-commissioned officer. 1826–1828.

Акварель из альбома, поднесенного офицерами Гвардейского экипажа в день экипажного праздника 6 декабря 1892 г. императрице Марии Федоровне, принявшей шефство над Гвардейским экипажем 22 июля 1892 г. (ЦВММ)

Акварель выполнена по иллюстрации из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XXVI. Лист № 835.

Николай I очень верно разглядел в Кохиусе неутомимого фрунтового специалиста. Не желая останавливаться на достигнутом, Кохиус в сентябре 1834 г. подал императору докладную записку. В ней говорилось, что ежегодно формируемый Сводный учебный морской экипаж все-таки не достигает главной цели – постоянно поддерживать в командах навык правильной строевой и гарнизонной службы. Во-первых, каждый год в Сводный экипаж назначались новые матросы и унтер-офицеры. Хотя за зиму они под надзором Кохиуса выучивались довольно хорошо, но, уходя весной в плавание, мало практиковались на судах в строевой подготовке. На берегу же, в экипажах их отвлекали от фрунта разнообразные валовые работы. В результате за лето матросы забывали уставы и строй и, естественно, становились очень плохими инструкторами для остальных команд. Во-вторых, за короткое время обучения в Сводном экипаже не все матросы успевали приобрести основательное знание артикулов.

В связи с указанными недостатками Кохиус предлагал по-новому организовать подготовку строевых инструкторов и поддержание на флоте правильной и единообразной пехотной службы. Вместо Сводного учебного экипажа планирова-

Матросы в сапожной мастерской.

Sailors at the shoe-repair shop.

Картина художника А.Г.Денисова. 1832 г. (ГРМ)

Судя по номеру на кивере, на картине изображены матросы 4-го флотского экипажа.

лось сформировать сводную учебную команду, в которую выбрать лучших людей: от каждого флотского экипажа по 1 офицеру и 1 барабанщику, из каждой экипажной роты по 1 унтерофицеру и 2 ефрейтора. Эта команда после ввода судов в гавань должна была за 1,5–2 месяца интенсивного обучения в совершенстве овладеть строевой подготовкой и вернуться в свои экипажи. В дальнейшем обученные кадры ставились на особый учет. После завершения ежегодной навигации и ввода судов в гавань, их тотчас же снова собирали в сводную команду. Пока экипажи разоружали корабли и устраивались на зимовку в казармах, сводная команда проходила повторный курс обучения с учетом вновь введенных за лето изменений в уставах. Затем инструкторы возвращались в свои экипажи, где зимой обучали матросов ружейным приемам, маршировке, караульным правилам и другим премудростям пехотной службы.

Николай I одобрил проект Кохиуса, и за зиму 1835 г. сводная учебная команда дала отличные результаты. Кроме того, чтобы нижние чины и в плавании не забывали пехотные навыки, государь в 1836 году утвердил *«расположение батальона»* на палубах судов по их рангам и правила проведения фронтовых учений на борту.

Одновременно с вышеназванными мерами издавались различные инструкции для пехотной подготовки матросов. Николай I справедливо полагал, что *«нижний чин, необученный владеть своим оружием, только обременен лишней тяжестью»*. По вновь заведенному порядку ежегодно из каждой экипажной роты 3 человека посылали в фехтовальную школу в Петербург для обучения приемам боя на штыках, тесаках и саблях. Обращалось внимание и на стрельбу из ружей. В 1832–1835 гг. по мере издания для сухопутных войск нового «Воинского устава о пехотной службе» его части – «Школа рекрут», «Ротное учение», «Батальонное учение» – сразу же вводились и на флоте. Все поправки и исправления незамедлительно через Инспекторский департамент Главного Морского штаба доводились до моряков. Правда, желая по возможности облегчить строевую береговую службу во флоте, император учредил особую комиссию, которая под председательством адмирала графа Л.П.Гейдена должна была упростить и адаптировать пехотный устав для матросов. В апреле 1846 г. комиссия издала свой вариант упрощенного устава. Но разница оказалась настолько существенной, что при совместных действиях морских команд с сухопутными войсками на берегу выходили неурядицы. В результате на флоте решили руководствоваться все-таки обычным пехотным уставом. При его переиздании в 1840-х гг. в сухопутной армии повсеместно ввели рассыпной егерский строй. Но на флоте император для об-

Кивер нижних чинов 14-го флотского экипажа. 1826–1837 гг.

Shako worn by the other ranks of the 14th Naval Unit. 1826–1837.

(ВИМАИВиВС)

Внутренний вид 2-й западной казармы в Кронштадте.

Inner view of the 2nd western barracks in Kronstadt.

Акварель художника М.М. Семенова. 1851 г. (ЦВММ)

На акварели изображены матросы 1-го флотского экипажа за повседневными занятиями – чисткой оружия, амуниции, обмундирования и т.п.

Кивер нижних чинов 12-го флотского экипажа. 1837–1856 гг.

Shako worn by the other ranks of the 12th Naval Unit. 1837–1856.

(Коллекция П. Тамма, Гамбург)

легчения велел ввести рассыпной строй не пехотный, а драгунский. При этом фрунтовому специалисту флигель-адъютанту полковнику В.Н. Назимову поручили показать морякам этот строй, а также вместо егерского *«драгунское застрельщичье учение»*. Назимов не только показал драгунские строи, но даже написал краткое руководство к ним.

Поощряемое Николаем I увлечение фрунтом приобрело в конце концов на Балтике самые крайние формы. Так, для канонерских лодок почти целиком переделали устав батальонного учения, и матросов на воде, под веслами заставляли проделывать разные перестроения лодок в полувзводные и взводные колонны и захождения плечом под многочисленные сигналы барабана и горна. Лишь в 1854 году император, лично проведя смотр гребной флотилии, убедился в полной несообразности такой постановки дела и приказал изменить устав. «Строевые метаморфозы» Балтийского флота производили тяжелое впечатление на боевых моряков-черноморцев. Капитан-лейтенант К.И. Истомин, посетивший Петербург по дороге из Севастополя в Англию,

Обер-офицер Гвардейского экипажа, обер-офицер Корпуса флотских штурманов и рядовой Гвардейского экипажа.

A Guards Crew junior commissioned officer, a junior commissioned officer of the Naval Navigator Corps and a Guards Crew private.

На иллюстрации допущены некоторые неточности: у гвардейского офицера не нарисовано шитье на нарукавном клапане, а у матроса помпон на киверe должен быть зеленого цвета.

Контр-адмирал в вицмундире, сопровождаемый адъютантом, штаб- и обер-офицерами 1-го Финского флотского экипажа в парадной форме.

A rear-admiral wearing the civil-service tail-coat and accompanied by his adjutant and 1st Finnish Naval Unit junior and field commissioned officers wearing their dress uniforms.

На иллюстрации допущены некоторые неточности: на воротнике адмиральских вицмундиров не было золотого борта, морские кортики имели позолоченный металлический прибор и рукоять из белой кости, у штаб-офицера не дорисовано шитье на одной стороне воротника.

Раскрашенные литографии по рисункам Д.Монтена 1837–1838 гг. (РГБ)

писал 8 октября 1841 г. главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу М.П. Лазареву: *«Не буду вашему превосходительству описывать дух морской службы на Балтике, вы его, конечно, и без того вполне постигаете. Но без преувеличения должен сказать, что здесь корабли и море совершенно побочная вещь; ружье все отстранило! И занимаются решительно только ружьем и маршировкой!»*[2].

Однако усиленная строевая подготовка, отрывавшая балтийских матросов от морской службы, на практике не превращала их и в хороших солдат. Не имея возможности довести экипажи до высшей степени пехотного совершенства, на флоте, тем не менее, научились угождать императору. Лейтенант А.П. Боголюбов, служивший на Балтике в 1840-х гг., писал: *«Аловкий был человек наш Морской министр*[3] *<...> он надувал царя на морских смотрах. То же выделывал он и на суше, когда государь приезжал раз в зиму в Кронштадт, где ему представляли экипаж, идущий в караул по городу и крепости, а после обвозили по батареям и местам вылощенным и вычищенным, тогда как рядом везде была мерзость и запустение. Ко дню этому, конечно, готовились це-*

Обер-офицер Корпуса корабельных инженеров, штаб-офицер и рядовые Корпуса морской артиллерии.

A Ship Engineer Corps junior commissioned officer, a field commissioned officer and privates of the Naval Artillery Corps.

Раскрашенная литография по рисунку Д. Монтена 1837–1838 гг. (РГБ)

лые месяцы, и из матросов комендант генерал-лейтенант делал важных солдат просто на диво. Но вот раз как-то государь отложил свою поездку с среды на четверг. В рапорте значился 18-й экипаж, на четверг, конечно, нельзя было показать тот же, а следовало идти в караул экипажу 3-й дивизии. Долго не думали, доложили князю о затруднении и получили приказ перешить погоны на мундирах, обменять номера киверов, офицерам эполеты. В ночь все обделали. И все сошло как по маслу, царь благодарил. Дали полугодовое жалованье офицерам за муку 4-х месячную, а матросам по рублю».

В конце концов, оценивая боевую подготовку Балтийского флота накануне Восточной войны, Морское министерство печально признавало, что «*матросы были большею частью люди слабосильные, здоровья весьма ненадежного, без опытности в морском деле, но с большими познаниями по фронтовой части. Нельзя, впрочем, не отдать справедливости усердию этих людей, которые, по соединению в них тройной службы, как матросов, артиллеристов и солдат, несли труды чрезвычайно тягостные и изнурительные*»[4].

[2] *М.П. Лазарев.* Документы. Т. III. М., 1961. С. 362.

[3] Имеется в виду управлявший Морским министерством начальник Главного Морского штаба адмирал светлейший князь А.С. Меншиков.

[4] Краткий отчет по Морскому министерству за 1853–1854 гг. СПб., 1860. С. 4.

Барабанщик, унтер-офицер и рядовой 9-го флотского экипажа.

A drummer, a non-commissioned officer and a private of the 9th Naval Unit.

Интересная деталь – при отсутствии ранцев матросы приторачивали скатанную шинель в клеенчатом чехле прямо к патронной суме.

Раскрашенная литография по рисунку Д. Монтена 1837–1838 гг. (РГБ)

Десантные операции Черноморского флота во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Библиография:

Мелихов В.И. Описание действий Черноморского флота в продолжении войны с Турцией в 1828 и 1829 годах. СПб., 1850.

Весной 1827 г. Россия, Великобритания и присоединившаяся вскоре к ним Франция решили поддержать борьбу Греции за независимость от Османской империи. Для влияния на непримиримую политику Турции союзники отправили к ее берегам военные эскадры. 2 июня 1827 г. в Кронштадте Николай I напутствовал российскую эскадру словами: *«Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски»*. Моряки полностью оправдали доверие императора. 8 (20) октября 1827 г. три союзные эскадры вступили при Наварине в бой с турецко-египетским флотом и совершенно уничтожили его. Уже в ночной темноте 84-пушечный корабль «Гангут» взял на абордаж турецкий брандер. Участник этой схватки лейтенант А.П. Рыкачев в своих воспоминаниях хорошо описал специфику абордажного боя той эпохи: *«...ударили тревогу и тотчас же закричали в люки: "Абордажных наверх". Командуя второй партией, я моментально выскочил на шканцы. Неприятельский двухдечный фрегат шел прямо на нас <...>, бушпритом сильно ударил в нашу грот-мачту и увяз в наших грот-вантах. Рассчитывая на абордаж, нам приказано было с первой и второй абордажными партиями предупредить неприятеля, и наши бравые матросики в одну секунду, по бушприту и такелажу, вбежали на палубу неприятельского фрегата. Как партионный начальник, в числе других офицеров, я хотел быть первым на неприятельском судне, но некоторые из наших матросов опередили нас и, нашед на палубе трех голых турок, которые старались раздуть огонь, разведенный в кострах, в исступлении изрубили их. <...> Огонь был везде потушен. Наши абордажные рубили такелаж, чтобы освободить реи нашего корабля. В это время капитан А.П.Авинов, заметив, что у неприятельского фрегата брошен якорь, приказал мне отрубить канат и буксировать* [брандер] *к берегу, где пустить его ко дну. Поручив старшему после меня офицеру смотреть, дабы не открылось где-нибудь вновь огня, и прорубать борта неприятельского фрегата, я спустился в шлюпку и вскоре успел, с подошедшими ко мне на помощь гребными судами нашей эскадры и с французского корабля "Бреславль", отвести его в сторону. Здесь, прорубив в нескольких местах борт навалившегося на нас фрегата, мы пустили его ко дну и, сняв наших людей, возвратились на корабль»*[5].

После Наваринского разгрома султан Махмуд II объявил все договоры с Россией расторгнутыми, запретил проход русским судам через Босфор и Дарданеллы и разослал фирман о священной войне с неверными. В свою очередь Николай I 14 апреля 1828 г. объявил Османам войну. По стратегическому плану Черноморский флот под командованием вице-адмирала А.С. Грейга должен был сначала занять Анапу, а затем турецкие крепости и порты на румелийском (болгарском) побережье – Варну, Инаду, Бургас, Сизополь и др. Дунайской гребной флотилии капитана 1 ранга И.И. Завадовского ставились задачи по пресечению водных сообщений между турецкими крепостями, содействию сухопутной армии при переходе реки и снабжению войск. Остававшаяся после Наваринской победы в Средиземном море балтийская эскадра вице-адмирала Л.П. Гейдена предназначалась для блокады Дарданелл.

Уже 21 апреля эскадра Черноморского флота, имея на борту десант из 13-го и 14-го егерских полков с 8 орудиями батарейной № 1 роты 7-й артиллерийской бригады, вышла из Севастополя. Одновременно со стороны Тамани к Анапе двинулся отряд пехоты и черноморских казаков полковника В.А. Перовского. 2 мая эскадра подо-

[5] *Рыкачев А.П.* Записки, веденные на эскадре Л.П. Гейдена. // Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 287–288.

Интрепель (абордажный топор). 1-я половина XIX в.

Boarding axe.

(ЦВММ)

Такие топоры входили в обязательный комплект абордажного оружия каждого военного корабля. В случае ближнего боя ими вооружались абордажные партии. Однако отсутствие абордажей постепенно привело к тому, что интрепели на судах хранили плохо, нередко в поломанном виде. Например, летом 1850 г. начальник штаба Черноморского флота В.А. Корнилов, осмотрев фрегат «Месемврия», обнаружил, что интрепели 40-го флотского экипажа оказались «большею частью переломаны с концов и даже сломаны и согнуты в крюках».

Матрос и барабанщик Гвардейского экипажа.

A Guards Crew sailor and drummer.

Раскрашенная акварелью и тушью литография Федорова. 1830 г. (Из собрания антикварной галереи «Кабинет», г. Москва)

На груди матроса видна серебряная медаль в память Отечественной войны 1812 г. Такую форму моряки Гвардейского экипажа носили почти без изменений с 1828 по 1843 г. Только 16 января 1830 г. вместо гладких пуговиц на мундирах были установлены пуговицы с выпуклым изображением двуглавого орла со скрещенными якорями, 2 ноября 1830 г. увеличен размер орлов на киверах и несколько изменен их рисунок, а 26 сентября 1834 г. ранцы велено носить на крестообразно лежащих на груди ремнях. После этих изменений обмундирование гвардейских моряков приобрело внешний вид, показанный на стр. 315.

Генерал-адъютант светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков.

General-Adjutant Duke Alexander Menshikov.

Портрет кисти Дж.Доу. 1827 г. Фрагмент. (ГЭ)

В мае – июне 1828 г. А.С.Меншиков командовал сухопутными и десантными войсками при осаде Анапы, за покорение которой был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса и произведен в вице-адмиралы с утверждением в звании Начальника Морского штаба Его Императорского Величества. В июле – августе 1828 г. руководил сухопутными войсками при осаде Варны. При отражении вылазки 9 августа тяжело ранен ядром в обе ноги. Впоследствии адмирал, начальник Главного Морского штаба, единолично управлявший в 1836–1855 гг. Морским министерством. Во время Восточной войны до февраля 1855 г. главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму.

Главный командир Черноморского флота и портов адмирал Алексей Самуилович Грейг.

Adm. Alexei Samuilovich Greig, commander-in-chief of the Black Sea Fleet and ports.

Акварельный портрет кисти неизвестного художника. 1830-е гг. (ГИМ)

В 1828–1829 гг. А.С.Грейг командовал эскадрой Черноморского флота. За взятие Анапы произведен в адмиралы. За покорение Варны награжден орденом Св. Георгия 2-го класса, став достойным преемником славы своего отца адмирала С. К.Грейга, получившего этот орден за Чесменскую победу (см. стр. 59).

шла к Анапе, и А.С.Грейг потребовал сдачи крепости, но получил отказ. Тогда, переждав шторм, Грейг 6 мая под прикрытием огня корабельной артиллерии высадил десант, который соединился с войсками Перовского. На берег также отправили два 36-фунтовых корабельных орудия и крупную мортиру вместе с флотскими артиллеристами. После этого эскадра приступила к систематическим бомбардировкам крепости и ее морской блокаде. Осажденная по всем правилам Анапа 12 июня 1828 г. капитулировала. Победителям достались около 4000 пленных, 83 орудия, 29 знамен, множество боевых запасов и снаряжения. После этого эскадра А.С.Грейга, приняв 1 июля на борт полки десанта и артиллерию, вернулась в Севастополь.

Между тем к 25 мая 1828 г. Дунайская гребная военная флотилия (25 канонерских лодок и 17 иолов) сосредоточилась у Рени и Исакчи с материалами для наведения понтонных мостов. В помощь 44-му флотскому экипажу из Николаева перебросили часть 42-го экипажа, а 3-й пехотный корпус выделил один батальон. 27 мая 3-е отделение флотилии под командованием капитана 2 ранга Н.Ю.Патаниоти (8 канонерских лодок и 4 иола) выстроилось цепью вдоль Дуная напротив селения Сатуново ниже Рени. Размещенные на лодках 24-фунтовые морские орудия стали сносить огнем турецкие укрепления на левом берегу. В это время укрывшиеся за линией канонерок чайки запорожских казаков приняли на борт егерскую бригаду 9-й пехотной дивизии. Практически незаметные в клубах порохового дыма, 40 лодок стремительно пересекли Дунай и высадили 17-й егерский полк на фланге турецкой позиции. Бросок через реку, проходивший под наблюдением Николая I, оказался настолько дерзким и быстрым, что турки бежали, бросив береговые батареи, два лагеря и 20 орудий.

Весь следующий день 3-е отделение флотилии переправляло войска через Дунай. В то же время 16 канонерских лодок под командованием капитана 1 ранга И.И.Завадовского напали на стоявшую в Мачинском рукаве турецкую гребную флотилию. В результате трехчасового боя 12 из 23 судов, в том числе бот начальника турецкой флотилии, были захвачены, 1 судно потоплено и 1 сожжено. Одновременно другая часть отряда Завадовского (1 канонерская лодка и 7 иолов) блокировала крепость Браилов. К 30 мая через Дунай навели мост, опорой которому служили канонерские лодки, выстроившиеся цепочкой. После этого Дунайская флотилия с 27 июля по 13 ноября 1828 г. и с 3 по 20 июня 1829 г. блокировала крепость Силистрию, а также принимала участие в июле – сентябре 1828 г. в осаде и бомбардировке Варны[6]. За смелые действия по переправе войск через Дунай Николай I 19 марта 1829 г. наградил 42-й флотский экипаж знаками на кивера в виде металлической ленты с надписью «За отличие» – первой подобной наградой для морских частей. Такие же ленты получил и 44-й экипаж за истребление турецкой флотилии под Браиловом и содействие осадам Силистрии и Варны.

Следующую совместную операцию Черноморский флот и сухопутные силы предприняли в отношении стратегически важной крепости Варна. Этот мощный прибрежный пункт защищал 27-тысячный турецкий гарнизон под командованием адмирала Иззет-Мохаммеда. Против Варны сухопутные войска могли выделить лишь сводный 10-тысячный отряд. В связи с этим возрастала роль Черноморского флота, которому предстояло оказать активную поддержку русским войскам на берегу. В начале июля 1828 г. эскадра А.С.Грейга покинула Севастополь и к 22 июля пришла на рейд Варны[7]. В то же время

[6] *Кухарук А.* Бросок через Дунай. // Родина. 1996. № 7–8. С. 28–31.

[7] 6 кораблей, 3 фрегата, 2 бомбардирских корабля.

к крепости подошли сухопутные войска под командованием начальника Морского штаба Его Императорского Величества вице-адмирала князя А.С. Меншикова. Поскольку Иззет-Мохаммед отверг предложение о капитуляции, 25 июля Меншиков и Грейг решили начать правильную осаду, поддерживая действия пехоты систематическими бомбардировками с моря. На берег высадились 350 матросов, которые построили редут для охраны новой базы снабжения. Его комендантом назначили капитан-лейтенанта 28-го флотского экипажа К.А. Центиловича[8]. Под защитой редута разместились перенесенные из Коварны грузовые пристани, а также телеграф для связи берега с эскадрой. Кроме того, 500 матросов с офицерами высадились для ведения осадных работ. Начальником осадной артиллерии назначили капитана 2 ранга Залесского, под руководством которого комендоры стали свозить с кораблей орудия и заряды.

Поскольку Николай I обратил особое внимание на необходимость ликвидации турецкой флотилии, располагавшейся под защитой укреплений Варны, вечером 26 июля с каждого корабля и фрегата эскадры спустили по 2 гребных баркаса с вооруженными командами. Собравшись под руководством капитана 2 ранга В.И. Мелихова, эти 18 шлюпов в ночной темноте тихо подошли к турецкой флотилии, насчитывавшей 14 судов, и с громким «Ура!» бросились в атаку. Полчаса продолжался абордажный бой, в ходе которого русские моряки захватили все вражеские суда и отвели их к эскадре. Упорнее всего защищалось брандвахтенное судно начальника турецкой флотилии и присоединившиеся к нему два баркаса, на каждом из которых находились по 25 вооруженных турок с одним 12-фунтовым орудием. В ходе жестокого рукопашного боя турки были перебиты или выбросились в море, а начальник вражеской флотилии и его свита попали в плен. Всего в плен захватили 46 турок. Число убитых врагов подсчитать не удалось, поскольку трупы в ночном бою выбрасывались за борт. Среди нападавших 4 матроса были убиты, мичман И.И. Кутузов и 1 матрос смертельно ранены, лейтенанты А.Л. Зигури и М.П. Манганари, гардемарин Н.П. Потулов и 32 матроса ранены. Лейтенантов И.А. Ольшевского, М.П. Манганари и Н.Ф. Юрковского, взявших на абордаж брандвахтенное судно и баркасы, император наградил орденом Св. Георгия 4-го класса. Еще 18 офицеров получили боевые ордена, а 7 – повышение в чинах.

С 26 июля корабли и бомбардирские суда эскадры приступили к систематическому обстрелу Варны, а сухопутные войска активно вели осадные работы. Вечером 13 августа турки предприняли сильную вылазку, в связи с чем на берег для охраны лагеря и составления резерва с каждого корабля эскадры свезли по четверти команды под общим руководством капитан-лейтенанта 41-го флотского экипажа М.В. Свирского. Утром 14 августа десант вернулся на суда. С 16 августа вместо тяжело раненого князя А.С. Меншикова командование войсками под Варной принял генерал-адъютант граф М.С. Воронцов.

Пока шли осадные работы, русские фрегаты крейсировали вдоль турецких берегов, захватывая вражеские транспорты. Так, 28 июля два катера лейтенанта Д.Е. Делаграматика с фрегата «Поспешный» взяли на абордаж под стенами города Мидии два судна (одно пришлось затопить). Вечером того же дня у крепости Инада катер и баркас с «Поспешного» лейтенантов Д.Е. Делаграматика и М.И. Бардаки, несмотря на огонь 6 береговых батарей, взяли на абордаж одно военное судно с двумя орудиями. Самой же удачной операцией этого времени стал морской десант против крепости Инада. На рассвете 17 августа отряд капитана 1 ранга Н.Д. Критского (фрегаты «Рафаил» и «Поспешный», бригантина «Елисавета» и катер «Соловей») подошел к Инаде и встал на дистанции картечного выстрела. К 10 часам русские суда подавили огнем турецкие батареи, после чего высадили десант – 370 матросов с офицерами. Построив своих людей на берегу, Н.Д. Критский повел их к главному редуту, окруженному глубоким и широким рвом. На полпути десант встретила многочисленная толпа турок. Моряки дали залп, после чего ударили в штыки и обратили неприятеля в бегство. На плечах врага матросы ворвались в редут, где захватили 9 крупных орудий. В панике турки бросили и две близлежащие бере-

[8] Константин Афанасьевич Центилович уже имел к этому времени опыт совместных операций. В 1824 году он командовал десантными гребными судами при войсках Отдельного Кавказского корпуса и за отличия против горцев был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. (см. стр. 323)

Знак на кивер «За отличие».

For Battle Honour shako badge.

Акварель из альбома иллюстраций к «Описанию обмундирования и вооружения офицеров войск Императорской Российской армии». СПб, 1853. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

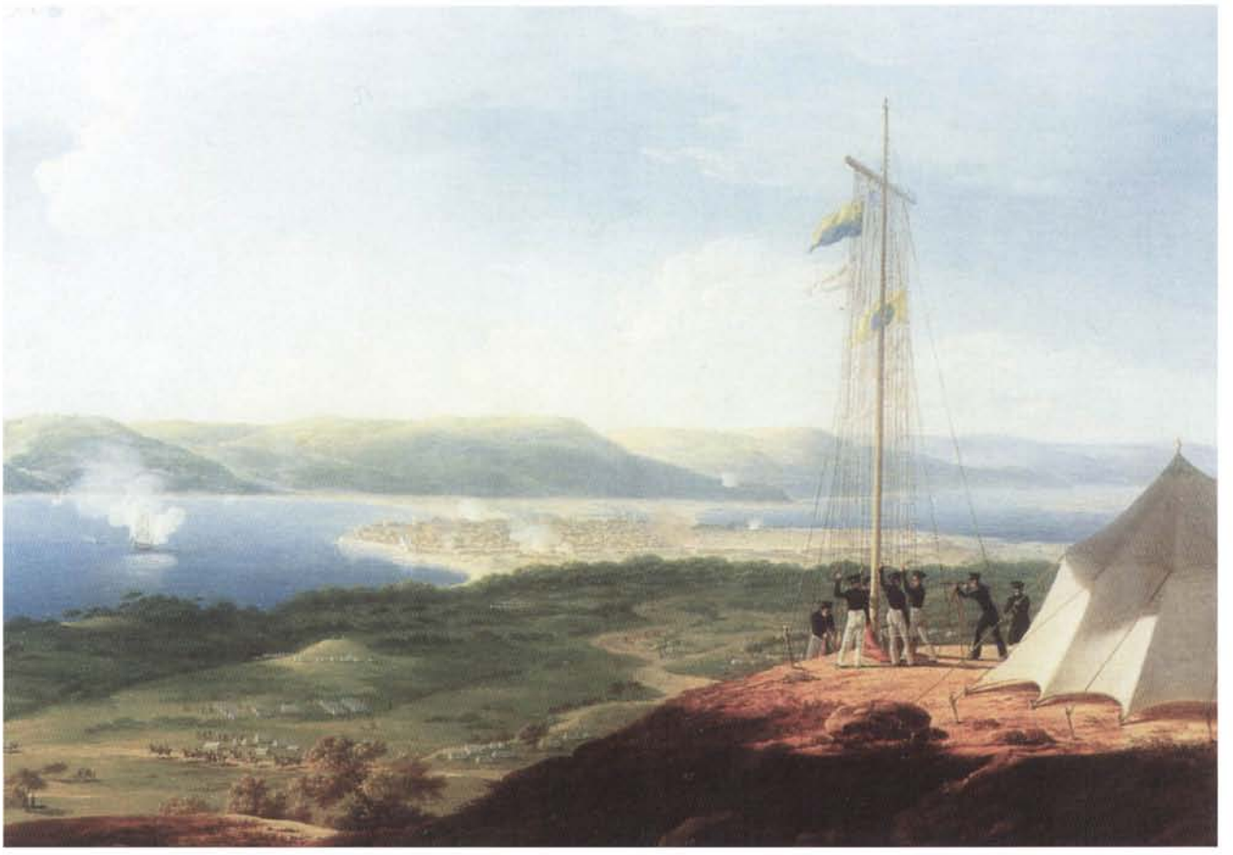
Такими знаками Николай I наградил 19 марта 1829 г. 42-й флотский экипаж за переправу войск через Дунай и 44-й флотский экипаж за истребление турецкой флотилии под Браиловом и содействие осадам Силистрии и Варны. Это был первый случай подобной награды для морских частей.

Вид осады Варны в сентябре 1828 г.

View of the siege of Varna in September 1828.

Картина художника М.Н.Воробьева. 1829 г. (ГРМ)

Художник М.Н.Воробьев в 1828 г. сопровождал Николая I на театре военных действий, выполняя этюды по указанию императора. На их основе он выполнил несколько картин, посвященных русско-турецкой войне. На данном полотне показан общий вид Варны, бомбардируемой одним из кораблей Черноморской эскадры. С помощью морского телеграфа моряки корректируют огонь его орудий.



говые батареи еще с 12 пушками. Но, одержав успех, храброму десанту следовало спешить – для защиты Инады уже шли войска 30-тысячного корпуса паши Омер-Врионе. По распоряжению Критского моряки перевезли на суда 12 медных орудий и заклепали остальные, сломав все станки и лафеты. Вечером десант вернулся на борт, потеряв 1 матроса убитым и 5 ранеными. Ночью последние десантники, покидая турецкий берег, взорвали заминированные укрепления Инады. За смелое взятие Инады император наградил капитана 2 ранга Л.И.Черникова и лейтенанта Д.Е.Делаграматика орденом Св. Георгия 4-го класса. Еще 11 морских офицеров получили другие боевые награды.

Пока под Варной шли осадные работы, на Дунай прибыл Гвардейский корпус. Вместе с ним к армии присоединился Гвардейский экипаж во главе со своим командиром – знаменитым мореплавателем, первооткрывателем Антарктиды контр-адмиралом Ф.Ф.Беллинсгаузеном. Экипаж выступил из Петербурга еще 1 апреля 1828 г. и, пройдя всю Россию, перешел 25 июля Дунай у Сатуново. Оставив в Коварне обоз и все тяжести, гвардейские моряки 17 августа подошли к Варне, где 18 августа их расписали по судам эскадры А.С.Грейга: 1-я и 2-я роты Гвардейского экипажа поступили на корабль «Париж», 3-я рота – на корабль «Пимен», штаб экипажа и 4-я рота – на корабль «Пармен», 5-я рота – на фрегат «Флора», 6-я – на фрегат «Штандарт», 7-я – на фрегат «Поспешный», 8-я – на фрегат «Рафаил».

22 августа капитан-лейтенант А.И.Казарский с сотней черноморских матросов совершил набег на южный берег Варнского рейда и отбил у турок около 100 голов рогатого скота, которые пришлись очень кстати для провианта нижних чинов, особенно больных.

27 августа 1828 г. к крепости прибыл Николай I и разместился на корабле «Париж». Почти ежедневно император съезжал на берег и фактически лично руководил осадой. По его решению 30 августа эскадра высадила десант моряков около мыса Галата для пресечения подходов к Варне с юга по Константинопольской дороге. Около 18 часов на берег под общим командованием капитан-лейтенанта Н.П.Римского-Корсакова (см. стр. 197) свезли 4 роты Гвардейского экипажа и 170 черноморских матросов. Гвардейские роты быстро заняли развалины старинного укрепления на мысу и, передав их черноморцам, двинулись на Константинопольскую дорогу. Появление десанта оказалось столь неожиданным, что турки бежали в крепость, бросив множество припасов и имущества; несколько человек попали в плен. На Галате матросы построили редут, вооруженный корабельной артиллерией, а также устроили возле мыса пристани и телеграф. Этим маневром русские войска замкнули кольцо осады вокруг Варны. Осматривая ее южные окрестности, Николай I заметил 5 сентября выгодный пункт для обстрела города. В этом месте матросы построили батарею на четыре 24-фунтовых пушки и пудовый единорог. Батарею поручили Ар-

Вице-адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен.

Vice-Adm. Faddei Feddeyevich Bellingshausen.

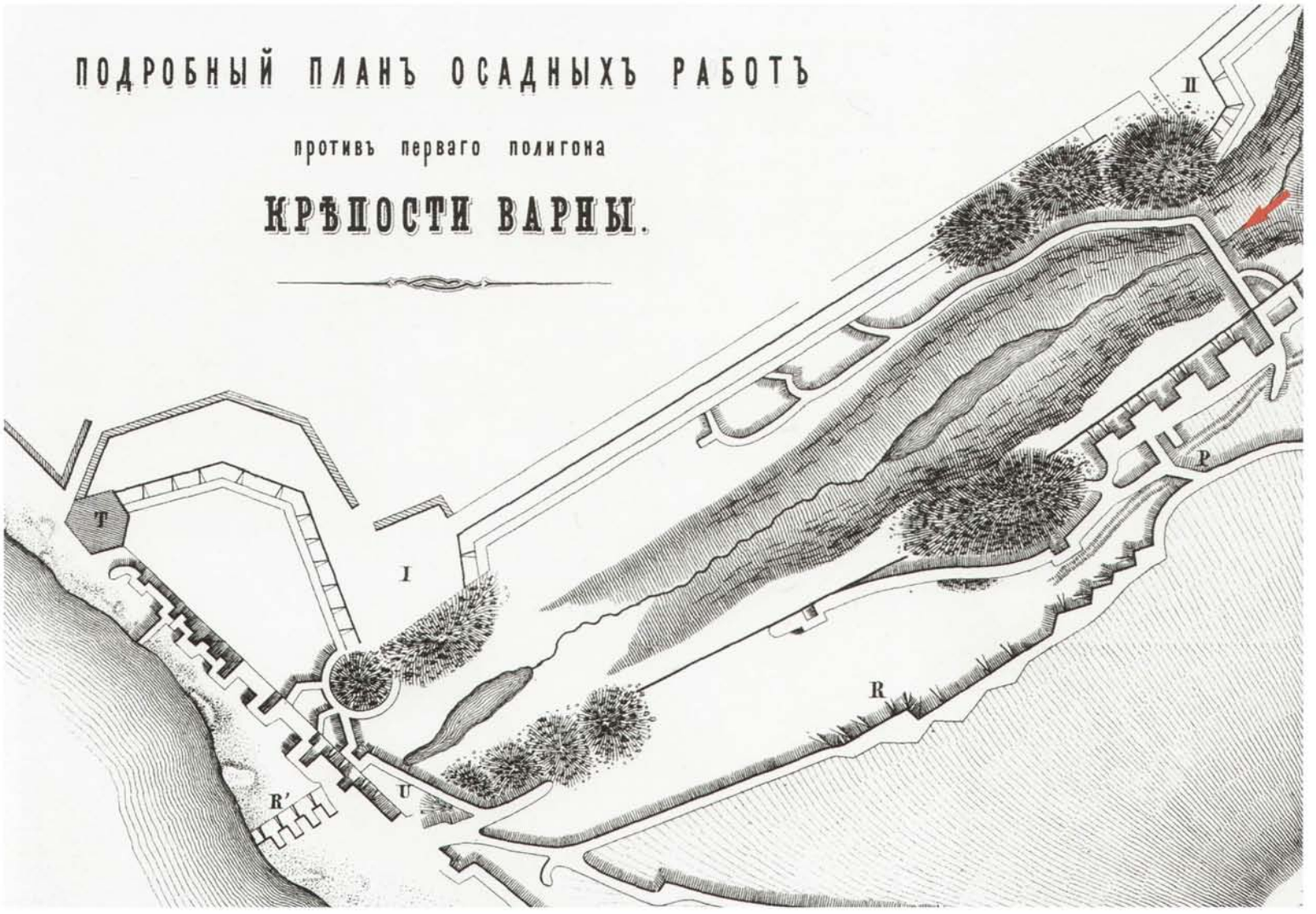
Портрет кисти неизвестного художника. 1830-е гг. (ЦВММ)

Прославленный мореплаватель и первооткрыватель Антарктиды Ф.Ф. Беллинсгаузен в 1827–1830 гг. командовал Гвардейским экипажем. Во главе экипажа он 18 августа 1828 г. прибыл под Варну и поднял флаг на корабле «Пармен», на котором до 22 сентября участвовал в осаде крепости. Кампанию 1829 г. совершил на корабле «Париж». За военные отличия награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Впоследствии адмирал, в 1839–1852 гг. военный губернатор Кронштадта и главный командир Кронштадтского порта. Именем Беллинсгаузена названы несколько островов и географических объектов. Изображен в вицмундире Гвардейского экипажа.

Штаб-офицер Гвардейского экипажа в парадной форме и обер-офицер в вицмундире.

A Guards Crew field officer wearing the dress uniform and a junior commissioned officer wearing the tail coat.

Раскрашенная акварелью и тушью литография Л.А. Белоусова. 1830 г. (РГБИ)



Фрагмент плана осадных работ против укреплений крепости Варны.

Part of the Varna fortress' s fortifications plan.

Гравюра. 1852 г. Фрагмент. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

На плане красной стрелкой обозначена точка и направление, с которого показан штурм укреплений Варны на картине А.И. Зауервейда.

[9] Мичман Карл Адамович Гюленгек умер от полученных ран 28 ноября 1828 г. Лейтенант Ефим Петрович Зайцевский за проявленную храбрость был 16 января 1829 г. награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и получил 2000 рублей на лечение тяжело раненной пулей руки. К этому времени он уже имел орден Св. Владимира 4-й степени с бантом за ночной абордаж 26 июля и золотую саблю с надписью «За храбрость» за смелые траншейные работы под Варной.

тиллерийской команде Гвардейского экипажа капитан-лейтенанта И.П. Кисилева, которая в полдень 8 сентября начала бомбардировку Варны и успешно продолжала обстрел крепости до конца осады. За умелые действия унтер-офицер Артиллерийской команды Николай Ширяев и бомбардиры Евсей Храмов, Макар Горский, Кирилл Хохлов и Илья Галкин получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия.

В ходе осадных работ северо-восточный бастион Варны (№ I), защищавший подступы со стороны побережья, был взорван миной 21 сентября и сильно обвалился. В результате появилась возможность ворваться в него через брешь и тем самым взломать оборону крепости. Но турки тоже видели опасность своего положения и приготовились к упорной защите разрушенного бастиона, наспех оттородив его от города дополнительным валом. Для смертельно опасного штурма колонну составили из охотников (добровольцев) 13-го и 14-го егерских полков, подкрепленных 1-й карабинерной ротой 13-го егерского полка. В авангарде же этой «колонны смелых» шла сотня отчаянных матросов, выбранная из моряков, находившихся при строительстве траншей. Командовали храбрецами лейтенант 41-го флотского экипажа Е.П. Зайцевский и мичман 29-го флотского экипажа К.А. Гюленгек.

Около 5 часов утра 25 сентября по сигнальной ракете колонна быстро устремилась в атаку. Без выстрела охотники вбежали по бреши на верх бастиона и с громким «Ура!» обрушились на турок. Застав неприятеля врасплох, они почти беспрепятственно овладели укреплением. Лейтенант Зайцевский рассыпал матросов в цепь на развалинах зданий и поджег ближайшие дома. Вслед за охотниками через брешь вошла 1-я карабинерная рота и, двинувшись налево, захватила каменную приморскую башню. За карабинерами в бастион проникла сборная рабочая команда из 150 гвардейских саперов, минеров и пионеров с турами и фашинами. Под прикрытием цепи моряков они соединили фланги бастиона глубокой траншеей и начали строить ложемент. Но вместо того, чтобы согласно плану ограничиться этим успехом, охотники увлеклись преследованием. Не слушая командиров, солдаты и матросы перепрыгнули через вал и захватили 11 пушек. После этого они запальчиво бросились внутрь крепости и проникли почти до середины

Атака бастиона № II крепости Варны Лейб-Гвардии Саперным батальоном 23 сентября 1828 г.

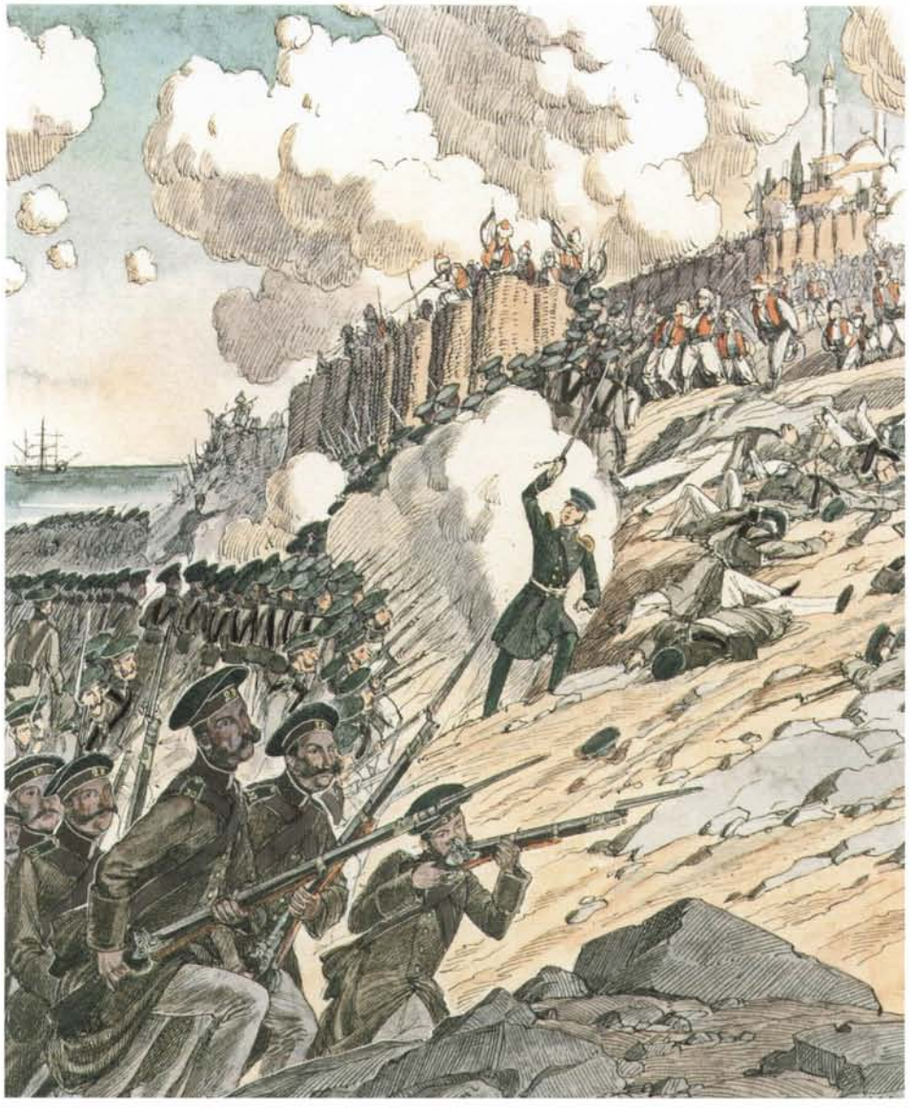
The Life Guards Sapper Battalion assaulting the Varna fortress's Bulwark II on 23 September 1828.

Фрагмент картины А.И.Зауервейда. 1836 г. (ВИМАИВиВС)

На детально точной картине изображено коронование гвардейскими саперами воронки после взрыва бастиона № II. Но на втором плане показан бастион № I, который штурмуют русские войска, хотя 23 сентября такой атаки не было. Вероятно, художник объединил два близких события и на втором плане изобразил штурм 25 сентября, во время которого отличилась сотня моряков лейтенанта Е.П.Зайцевского и мичмана К.А.Пеленгека. На рейде видны русские суда, поддерживающие атаку огнем.

Варны, уничтожив много турок и захватив два знамени. Но оправившись от первого испуга, турки перешли в контрнаступление. Имея подавляющее превосходство, гарнизон ударил на малочисленных охотников и заставил сначала карабинеров оставить каменную башню, а затем оттеснил матросов и егерей в бастион. Но тут охотников подкрепили 2-я гренадерская и 1-я фузелерная роты Лейб-Гвардии Измайловского полка. Еще два часа они упорно обороняли бастион. Постепенно все офицеры и многие нижние чины оказались убиты или ранены. В ожесточенной схватке тяжелые раны получили лейтенант Зайцевский и мичман Гюленгек[9]. Из сотни матросов 5 человек были убиты, 42 ранены, 6 пропали без вести. Ввиду больших потерь русские войска оставили бастион и через брешь отступили в ров. Захватив 4 турецкие мортиры и 12 пушек, они вернулись на исходные позиции. Турки попытались преследовать охотников. Но корабли и береговые батареи открыли сильный огонь по бреши и загнали показавшихся из бастиона турок обратно. Вечером того же дня на глазах всей армии два матроса вышли из сапы и бросились к трупам русских солдат, оставшимся на бреши после штурма. Несмотря на ожесточенную стрельбу турок, они подняли и перенесли два трупа в ложемент, затем вернулись и таким же образом перенесли оставшиеся тела. К сожалению, имена этих героев, спасших тела христианских воинов от надругательств, остались неизвестны.

Напуганные атакой бастиона турки начали переговоры о сдаче. 29 сентября русские войска вступили в Варну, ключи и флаг которой поднесли Николаю I. В плен сдались около 9000 человек. Победителям досталось 291 орудие. За покорение Варны адмирал А.С. Грейг был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса, став достойным преемником славы своего отца адмирала С.К. Грейга, получившего этот орден за Чесменскую победу (см. стр. 59). Столь высокой полководческой наградой император оценил вклад Черноморского флота, который наравне с сухопутными войсками нес под Варной все тяготы и потери. Кроме уже названных офицеров при осадных работах на берегу были убиты лейтенант 33-го флотского экипажа Обернибесов и 11 нижних чинов, смертельно ранены лейтенант М.Т. Алексеев и мичман Исупов, ранены исполнявшие должность траншей-майоров капи-



Штурм бастиона № I крепости Варны 25 сентября 1828 г. сотней моряков лейтенанта Е.П.Зайцевского и мичмана К.А.Гюленгека.

Assault of the Varna fortress's Bulwark I by a hundred of sailors led by Lt. Ye.P. Zaitsev and Petty Officer K.A. Gyulengek.

Рисунок художника О.К.Пархаева. 1996 г.

[10] Корабли «Императрица Мария», «Пантелеймон», «Пимен», фрегаты «Рафаил» и «Евстафий», канонерские лодки «Сердитая», «Барсук», «Тарантул», 2 зафрахтованных судна.

[11] Корабли «Париж», «Пантелеймон», «Норд Адлер», фрегаты «Поспешный», «Штандарт», «Евстафий», бриг «Орфей» и бомбардирское судно «Опыт».

тан-лейтенанты С.Н. Сухонин (в ногу) и В.П. Романов (пулей в голову), а также лейтенанты П.П. Туркул и мичман Ф.И. Шмит, мичман С.Е. Манюк был контужен осколком бомбы в грудь. 79 нижних чинов получили ранения и контузии. Среди морских артиллеристов на батареях погибли констапель Петров и 10 нижних чинов, был смертельно ранен констапель Белов, ранены констапели Саблин, Снетов, Савин, Вышеславцев, Фондерфлис и 93 унтер-офицера и матроса. За отличия на берегу Николай I наградил 50 морских офицеров боевыми орденами, 15 повысил в чинах, еще 16 получили иные высочайшие награды. Многим нижним чинам вручили Знаки отличия Военного ордена Св. Георгия, причем нескольким наиболее храбрым матросам и унтер-офицерам Георгиевские кресты надел лично император.

После капитуляции Варны корабли Черноморской эскадры стали постепенно отправляться в Крым на зимовку. Две роты Гвардейского экипажа поступили на корабль «Императрица Мария», на котором Николай I отправился 2 октября в Одессу. К 6 декабря 1828 г. весь Гвардейский экипаж собрался в Севастополе, где разместился в казармах на берегу. В середине декабря гвардейцам для предстоящей кампании передали 110-пушечный корабль «Париж».

11 ноября для зимней блокады Босфора из Севастополя к Варне отправился отряд судов контр-адмирала М.Н. Кумани – корабли «Пимен», «Иоанн Златоуст», фрегаты «Рафаил» и «Ганимед». 17 января 1829 г. морские силы в Варне пополнились кораблями «Императрица Мария» и «Пантелеймон», фрегатом «Евстафий» и бригом «Пегас». 24 января отряд Кумани получил задачу установить контроль над Фаросским заливом и овладеть его береговыми укреплениями, прежде всего – самой удобной бухтой при крепости Сизополь. Для десанта выделили Камчатский и Селенгинский пехотные полки, 4-й пионерный батальон, 3-ю роту 16-й артиллерийской бригады и команду пеших казаков – всего 3 штаб- и 36 обер-офицеров, 1083 нижних чина и 40 нестроевых. 7 февраля войска начали грузить на суда, и 11 февраля отряд вышел из Варны[10].

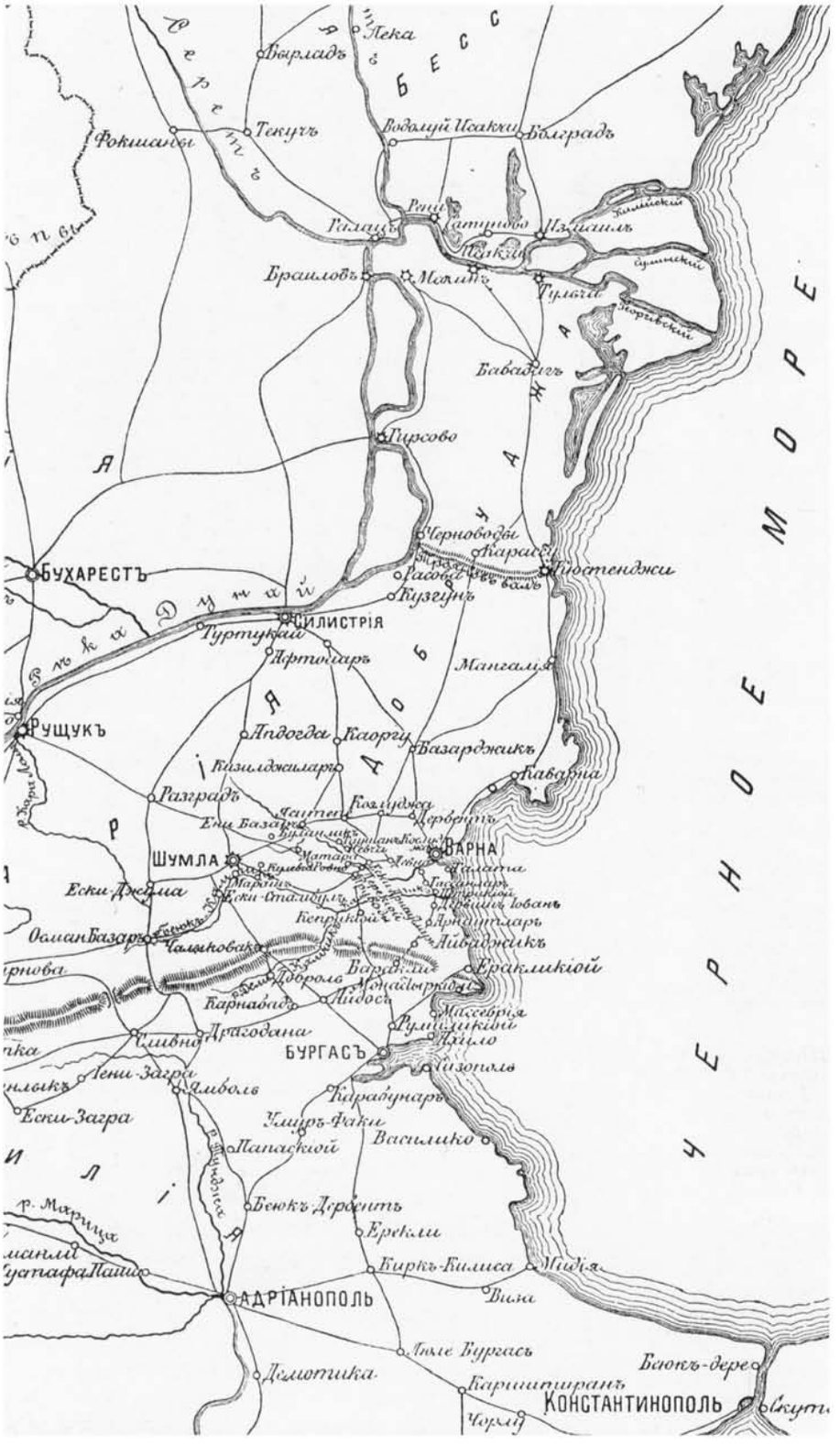
В 8 часов утра 15 февраля 1829 г. отряд под вражеским огнем вошел на рейд Сизополя и выстроился по диспозиции. На предложение о капитуляции двухбунчужный Халиль-паша ответил, что его войска не сдадут город, пока не умрут. Тогда корабли обрушили огонь на каменные городские стены и три береговые батареи, а фрегаты и канонерки стали обстреливать доминирующую гору и расположенный возле нее редут. Около 15 часов, когда все батареи оказались сбиты и укрепления разрушены, явился турецкий парламентер. Халиль-паша предлагал сдать Сизополь при условии, что гарнизону позволят выйти с оружием. Но Кумани потребовал безоговорочной капитуляции. Турки стали затягивать переговоры. Тогда на рассвете 16 февраля Кумани под прикрытием тумана высадил на берег пехоту и в подкрепление ей 500 моряков. В то же время лейтенанта Джотти послали к паше, чтобы уведомить о высадке десанта и пригрозить штурмом. Около 6 часов утра Джотти вернулся и сообщил, что турецкие войска ночью оставили крепость. Храбрый лейтенант занял с 14 матросами главную батарею, над которой поднял российский флаг, а также пленил Халиль-пашу со всей его свитой, насчитывавшей 50 человек. Пока Джотти совершал все эти подвиги в самом Сизополе, часть десанта направилась к укрепленной высоте, где собралось 1600 человек турецкого гарнизона, в основном арнаутов. Но увидев приближающиеся русские войска, арнауты бежали по Константинопольской дороге, бросив находившийся при них единорог. Таким образом, почти одновременно без потерь моряки заняли укрепления и город. Трофеями дня стали также 2 знамени, 9 крепостных и 2 полевые пушки, значительный запас пороха, снарядов и оружия. За лихое взятие Сизополя 13 морских офицеров получили ордена и награды.

Для защиты Сизополя со стороны суши солдаты и около 400 матросов сразу приступили к строительству внешних укреплений. Поскольку Сизополь расположен на полуострове, отделенном от материка перешейком шириной около 200 метров, каменную стену вдоль перешейка починили и усилили двумя батареями. На доминирующей горе за перешейком вместо турецкого редута построили сомкнутый бастион, а укрепление вокруг колодца на перешейке приспособили для стрелковой обороны. На угрожаемых участках также возвели дополнительные укрепления. Для их вооружения помимо трофейных орудий морские артиллеристы свезли на берег 1 единорог, 14 пушек и 2 мортиры. На каждом корабле контр-адмирал М.Н.Кумани приказал иметь по 100 нижних чинов при 3 офицерах в полной готовности к высадке для помощи пехоте в случае нападения турок.

В конце февраля 1829 г. в Сизополь на судах доставили около 1,5 тысяч солдат 6-го пехотного корпуса. Они заняли восстановленные моряками городские укрепления и 28 марта отбили атаку турецкого корпуса Гуссейн-паши, насчитывавшего 4000 пехотинцев и 1800 кавалеристов. 19 апреля в Сизополь с основными силами Черноморской эскадры пришел адмирал А.С.Грейг. 4 мая для защиты полуострова Св. Троицы на западной стороне Сизопольского рейда с корабля «Париж» высадили роту Гвардейского экипажа и часть его Артиллерийской команды. Меняясь на полуострове через три дня, роты гвардейских моряков заготавливали фашины и туры. Базируясь на Сизополь, эскадра А.С.Грейга готовилась к новым десантным экспедициям для содействия продвигавшимся по берегу сухопутным войскам.

9 июля 1829 г. эскадра под командованием А.С.Грейга[11] подошла к осажденной русскими войсками крепости Миссемврия и бомбардировала ее. Ночью во время шлюпочного промера матрос Гвардейского экипажа Степан Юдин вплавь подобрался к самым береговым причалам. Незамеченный турецким караулом, он привязал лот-линь к двум баркасам, после чего вернулся на ожидавшую его невдалеке шлюпку. За лот шлюпка утащила баркасы к эскадре, несмотря на выстрелы встревоженных турок. За смелость Юдина наградили Знаком отличия Военного Ордена Св. Георгия. Утром 11 июля блокированная с суши русской пехотой и с моря Черноморской эскадрой турецкая крепость Миссемврия капитулировала. На главном бастионе подняли императорский флаг, караул при котором заняла рота Гвардейского экипажа.

В тот же день бриг «Орфей» под командованием капитан-лейтенанта Е.И.Колтовского взял расположенную южнее Миссемврии крепость Ахиолло. Накануне ночью на бриг приплыли греки и сообщили, что большая часть турок уже покинула город. Греки просили занять крепость, обещая полную поддержку со стороны местных жителей. В 7 часов утра 11 июля «Орфей» подошел к Ахиолло и встал на якорь. Е.И.Колтовский с 2 офицерами и 75 матросами 38-го флотского экипажа на баркасе и греческих лодках высадился на берег. Здесь десантников встретил митрополит и греческие старшины города. Колтовский взял в плен еще остававшихся в Ахиолло турок, приставил матросов к захваченным 12 медным



Фрагмент карты балканского театра военных действий 1828–1829 гг.

Part of the map of the 1828–29 Balkan theatre of operations.

Гравюра 1905 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

Вице-адмирал Николай Глебович Казин.

Vice-Adm. Nikolai Glebovich Kazin.

Литография В.А.Прохорова по рисунку П.Ф.Бореля 1860-х гг. с портрета 1848–1851 гг.

В 1806–1808 гг. Н.Г.Казин участвовал во второй Архипелагской экспедиции, в том числе во взятии 8–10 марта 1807 г. Тенедоса и 19 июня 1807 г. в Афонском сражении, за которое был награжден орденом Св.Анны 3-й степени. В 1814 г. переведен в Гвардейский экипаж и в его рядах совершил сухопутный поход 1815 г. 1 апреля 1828 г. вместе с Гвардейским экипажем выступил из Петербурга, 18 августа прибыл к Варне и поступил на корабль «Париж». За отличие при осаде крепости произведен в капитаны 2 ранга. В кампанию 1829 г. командовал кораблем «Париж», на котором находился командир Гвардейского экипажа контр-адмирал Ф.Ф.Беллинсгаузен. Участвовал во взятии 11 июля Миссемврии, 7 августа Инады и 17 августа Мидии. Произведен за отличие в капитаны 1 ранга. Впоследствии адмирал, в 1835–1847 гг. командовал Гвардейским экипажем, в 1848–1851 гг. директор Морского кадетского корпуса.

пушкам большого калибра и 1 мортире и поднял на городских воротах российский флаг. Узнав об этом успехе, из Миссемврии через три часа подоспели эскадроны казаков и улан, которым моряки сдали свои трофеи.

Между тем греческие жители города Василико, опасаясь мести турок, подозревавших их в сочувствии русским, тоже стали просить о скорейшем занятии их города. 20 июля 1829 г. на помощь грекам отправились фрегат «Поспешный» и бриг «Орфей» с десантом из двух рот Камчатского пехотного полка и роты Гвардейского экипажа – всего 236 человек. 21 июля суда подошли к Василико. Узнав, что со стороны Агатополя к городу спешат турецкие войска, руководивший операцией подполковник К. И. Бюрно тут же приступил к высадке десанта. Выйдя на берег под прикрытием артиллерийского огня парохода «Метеор», роты стали обходить город, чтобы пресечь гарнизону пути отступления. Увидев это, около 300 турок быстро покинули укрепления. Преследуя их, Бюрно занял ключевые высоты, доминирующие над городом и окрестностями.

Поскольку турки, находившиеся в Агатополе, угрожали безопасности Сизополя, адмирал А.С.Грейг решил овладеть этим пунктом, выделив в распоряжение подполковника К.И.Бюрно батальон Курского пехотного полка, а также фрегаты «Флора» и «Поспешный», бриг «Орфей», пароход «Метеор» и 8 иолов под общим командованием капитан-лейтенанта К.Н.Баскакова. 22–23 июля фрегат «Флора» перевез батальон Курского полка из Сизополя в Василико. В 9 часов утра 24 июля фрегаты «Флора» и «Поспешный» атаковали Агатополь с моря. В то же время Бюрно с пехотой подступил к крепости с суши. Гарнизон, насчитывавший около 1200 человек, вышел ему навстречу. Но как только Курский батальон двинулся в атаку, турки бросились бежать, оставив город, лагерь, 7 пушек, множество снарядов и около 4 тысяч пудов муки. За овладение Василико и Агатополем император наградил начальника десантов подполковника К.И.Бюрно орденом Св. Георгия 4-го класса, а 4 морских офицеров другими боевыми орденами. Квартирмейстер Афанасий Шубин и 6 рядовых Гвардейского экипажа получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Следующую совместную операцию адмирал А. С. Грейг решил провести против сильной крепости Инада. 6 августа фрегат «Флора» обстрелял ее укрепления и по ответному огню выяснил расположение редутов и батарей. На следующий день в полдень Грейг направил к Инаде отряд судов под командованием капитан-лейтенанта К. Н. Баскакова: 74-пушечный корабль «Норд Адлер», фрегаты «Флора» и «Поспешный», бриги «Орфей» и «Ганимед», бомбардирские суда «Опыт», «Подобный» и «Соперник». Подойдя в 14 часов к Инаде и встав на якорь, отряд открыл огонь и вскоре заставил замолчать береговые батареи. С корабля «Норд Адлер» и фрегата «Поспешный» высадился десант из моряков 36-го флотского экипажа и трех рот Камчатского и 23-го егерского полков – всего около 500 человек. К 16 часам десант выбил двухтысячный турецкий гарнизон из двух редутов, а затем из четырех береговых батарей. Расстреливаемые с судов и теснимые десантом турки бежали к Мидии, бросив 2 мортиры, 9 единорогов, 21 пушку, 1 фальконет и большое количество боевых запасов. Через полчаса к крепости пришли основные силы Грейга – корабли «Париж», «Императрица Мария», «Иоанн Златоуст», «Пармен», «Пантелеймон» и бриг «Мингрелия». Заметив, что часть турок закрепилась около берегового редута, расположенного в трех верстах от Инады, Грейг послал туда бриг «Мингрелия», посадив на него роту Гвардейского экипажа с корабля «Париж». Рота высадилась на берег и не только захватила и уничтожила редут, но и срыла шанцы позади него. 2 пушки редута гвардейцы переправили на «Мингрелию».

За взятие Инады командир фрегата «Поспешный» капитан 2 ранга Е. И. Колтовский, отличившийся еще при взятии Ахиолло, получил орден Св. Георгия 4-го класса. 18 морских офицеров стали кавалерами различных наград. 2 боцмана, 2 юнкера, 1 экипажный барабанщик, 1 горнист, 1 квартирмейстер и 22 рядовых Гвардейского экипажа были награждены Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия. 8 августа к Инаде пришли сухопутные войска, занявшие вместо моряков крепостные бастионы и укрепления.

В тот же день 7 августа отряд гребной флотилии из 5 иолов под командованием лейтенанта 40-го флотского экипажа М. П. Панютина, посланный для содействия двигавшимся из Агатополя сухопутным войскам подполковника

[12] Корабли «Иоанн Златоуст» и «Пимен», бриги «Ганимед» и «Мингрелия», бомбардирские суда «Подобный» и «Соперник», люггер «Глубокий».

К. И. Бюрно, подошел к деревне Сан-Стефано в Фаросском заливе. Выгнав турок огнем из укреплений и высадив десант, Панютин овладел редутами и деревней, которые удержал до прихода русской пехоты. За эту смелую операцию бравого лейтенанта наградили орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

13 августа отряд судов контр-адмирала О. И. Стожевского подошел к крепости Мидия[12]. В 10 часов утра корабли заняли позицию и открыли навесной огонь. Однако из-за расположения крепости на высокой утесистой горе бомбардировка не смогла разрушить укрепления. В то же время бриги и люггер встали на якорь севернее города и около 15 часов высадили десант под общим командованием капитан-лейтенанта Гвардейского экипажа Т. К. Лялина – три роты 23-го егерского полка, а также по 75 матросов с каждого корабля. Но, двинувшись к Мидии, десант вскоре уперся в реку шириной более 200 метров. Противоположный берег охраняла турецкая кавалерия с двумя орудиями. Мичман Гвардейского экипажа граф А. Л. Гейден с двумя матросами промерил реку и донес, что, уже не доходя ее середины, уровень воды превышает высоту груди человека. Опасаясь, что во время переправы матросы и егеря намочат патроны и останутся против турок только со штыками, Лялин собрал совет. Егерские офицеры также сомневались в успехе форсирования реки под обстрелом врага и в виду кавалерии. В итоге десант вернулся к месту высадки, где благополучно эвакуировался на суда.

Атаку Мидии решили повторить через день 15 августа. Но сильный прибой и зыбь не позволили высадить десант. Тем не менее, устрашенный действиями 13 августа и явной подготовкой к новому штурму, турецкий гарнизон, насчитывавший 700 человек пехоты и 300 человек конницы, утром 17 августа стал покидать город. Видя это, стоявший вблизи берега с 8 иолами лейтенант М. П. Панютин поспешил к причалам и открыл огонь. Взяв с собой 1 обер-офицера и 50 матросов, он высадился в порту. Здесь его торжественно встретил митрополит со всем православным духовенством, а греческие старшины поднесли ключи от города. Турки, увидев моряков, бросились из города. С кораблей подоспели роты 23-го егерского полка, занявшие вместе с моряками укрепления Мидии. В крепости десант захватил 9 орудий, а также большие запасы снарядов, пороха, пшеницы и угля.

Покорение Мидии стало последней десантной операцией Черноморского флота во время этой войны. Успехи русского оружия на всех направлениях заставили султана Махмуда II начать мирные переговоры. 2 сентября 1829 г. в Адрианополе был заключен мирный договор. В соответствии с его условиями Россия получила устье Дуная с прилегающими островами, практически все кавказское побережье Черного моря – от устья Кубани до поста Св. Николая, а также Ахалцихский пашалык с крепостями Ахалцих и Ахалкалаки. Босфор и Дарданеллы были открыты для прохода русских судов с правом свободной торговли по всей Османской империи. Греции, Молдавии и Валахии предоставлялась широкая внутренняя автономия, а Сербии возвращались 6 ранее отобранных турками округов. Кроме того, Турция обязывалась возместить понесенные русскими подданными с 1806 года убытки в размере 1,5 млн. голландских червонцев, а также уплатить России 10 млн. голландских червонцев в качестве военной контрибуции. С учетом достигнутых результатов Николай I считал, что Адрианопольский мир *«самый славный из когда-либо заключенных»*.

Обер-офицеры и рядовой Гвардейского экипажа.

Guards Crew junior commissioned officers and a private.

Раскрашенная литография по рисунку Д. Монтена 1837 г. (РГБ)

Серебряная медаль «За Турецкую войну. 1828–1829».

Silver medal for the Turkish War of 1828–1829.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)

Такую медаль на георгиевской ленте получили все моряки, участвовавшие в войне 1828–1829 гг.

Гвардейский экипаж в Польской войне 1831 года

Библиография:

Щепотьев С.А. Памятка Гвардейского экипажа. СПб., 1910.

Офицеры и нижние чины Артиллерийской и Ластовой рот Гвардейского экипажа.

Commissioned officers and other ranks of the Guards Crew's Artillery and Harbour-Craft Companies.

Раскрашенная акварелью и тушью литография Л.А.Белоусова. Около 1835 г. (Из собрания антикварной галереи «Кабинет», г. Москва)

На переднем плане (слева направо) изображены чины Артиллерийской роты, имеющие красные выпушки на воротниках и обшлагах мундиров: обер-офицер в вицмундире, обер-офицер и унтер-офицер в парадной форме. На втором плане чины Гвардейской Ластовой роты (с серебряным металлическим прибором): обер-офицеры в парадной форме и в вицмундире, матрос в парадной форме. На груди у изображенных моряков видны награды за русско-турецкую войну 1828–1829 гг. и польскую кампанию 1831 г. Важная деталь – 8 июня 1832 г. Николай I разрешил офицерам Гвардейского экипажа носить усы.

После завершения русско-турецкой войны эскадра Черноморского флота вернулась 17 октября 1829 г. в Севастополь. Гвардейский экипаж сдал корабль «Париж» 28-му флотскому экипажу и разместился в казармах, ожидая приказа о возвращении в столицу. Выдержав чумной карантин, гвардейцы 20 марта 1830 г. перешли из Севастополя в Бахчисарай, откуда двинулись домой. 18 июля Гвардейский экипаж вступил в Гатчину. Здесь его встретил Николай I, который остался очень доволен блестящим видом матросов, несмотря на все трудности двух боевых кампаний. В Петербурге гвардейские моряки приступили к повседневной службе – участвовали в караулах, парадах, сухопутных маневрах, ходили на яхтах «Дружба» и «Торнео». В этом же году Гвардейский экипаж получил построенный на Адмиралтейских заводах первый российский пароход «Ижора». Отныне утомительные для моряков перевозки императора на гребном катере из Кронштадта в Ораниенбаум заменили поездками на пароходе.

В связи с польским восстанием 17 ноября 1830 г. и началом боевых действий, по требованию генерал-фельдмаршала графа И. И. Дибича-Забалканского в армию отправили всех лейтенантов Гвардейского экипажа, кроме ротных командиров. Эти 7 офицеров состояли при штабе армии в ведении генерал-майора Д. А. Герштенцвейга и помогали строить переправы. Капитан 1 ранга Гвардейского экипажа Н. П. Римский-Корсаков возглавил отряд из дивизиона Новоархангельского уланского полка и трех сотен казаков, с которыми он успешно действовал против небольших групп повстанцев. Вслед за офицерами 17 марта 1831 г. из Петербурга выступила 6-я рота Гвардейского экипажа под командованием лейтенанта князя Н. А. Кулунчакова (138 нижних чинов). Но из-за недостатка обывательских лошадей в Гродненской губернии рота опоздала к устройству переправы через Вислу. Из Янова ее направили вслед за Гвардейским корпусом в Ломжу. Во время июньского наступления по северным областям Польши гвардейские моряки шли в авангарде русских войск, исправляя дороги и мосты.

По прибытии в Осек 4 июля 1831 г. рота переправила на лодках гвардейских саперов и казаков и начала строить мост на специально заготовленных офицерами Гвардейского экипажа судах. Общее руководство работами осуществлял капитан 1 ранга Н. П. Римский-Корсаков. 5 июля понтонный мост был открыт, и под надзором моряков вся армия в течение трех дней перешла Вислу. Двинувшись к Варшаве, граф И. Ф. Паскевич-Эриванский оставил роту моряков для защиты и обеспечения этой стратегической переправы, по которой шло снабжение армии. 20 августа на левом берегу Вислы показался большой отряд польского генерала Л. Паца, планировавший выйти в тыл русской армии и разгромить ее провиантские магазины. Моряки тут же развели понтонный мост, но поляки стали строить свою переправу. Чтобы ликвидировать угрозу вражеского прорыва, ночью решили отправить роту гвардейцев через Вислу для уничтожения строительства. На рассвете 21 августа гвардейские моряки незаметно пересекли на лодках реку и ружейным огнем отогнали польских стрелков. Затем они высадились на берег и истребили все приготовленные повстанцами материалы. В то же время находившиеся на лодках матросы обрубили швартовы у судов, собранных поляками для опор моста, и спустили их по течению к прусской границе. В результате попытка отряда Паца прорваться через Вислу в тыл русской армии оказалась сорвана. За этот речной десант юнкер Александр Вейс, унтер-офицеры Прокофий Тимохин и Кирилл Елфимов, рядовые Абрам Прокопенко, Андрей Гладилов, Осип Юстюнцов и Сергей Дьяконов получили Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия.

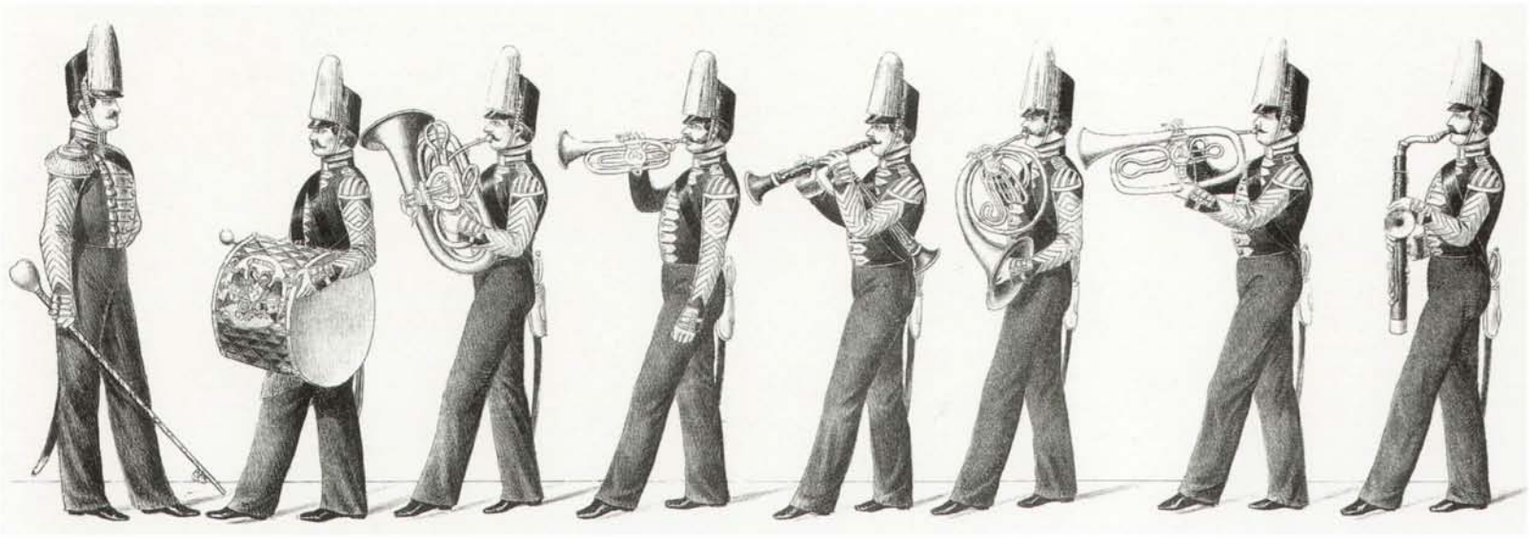
25 и 26 августа 1831 г. несколько офицеров Гвардейского экипажа участвовали в штурме Варшавы и получили боевые награды. С победным завершением кампании светлейший князь Варшавский граф И. Ф. Паскевич-Эриванский особенно отметил помощь, оказанную армии Гвардейским экипажем. Хотя война закончилась, главнокомандующий с разрешения императора оставил 6-ю роту гвардейских моряков в своем распоряжении для обеспечения переправ. Проведя зиму в Влоцлавске, рота 21 апре-

Серебряный знак отличия польского ордена «Virtuti militari» 5-й степени.

Silver-made Polish order Virtuti militari 5th degree.

(Из частной коллекции)

Такими крестами наградили всех нижних чинов 6-й роты Гвардейского экипажа, участвовавших в Польской войне 1831 г. Кресты считались наравне с российскими медалями, и их носили на груди на синей ленте с черными каймами.



Оркестр Гвардейского экипажа. 1844–1855 гг.

Гравюра неизвестного художника. (РГБИ)

9 сентября 1844 г. морякам Гвардейского экипажа присвоили новые кивера по образцу, установленному для флотских экипажей еще 18 марта 1837 г. При парадной форме к киверам полагались черные волосяные султаны (у музыкантов – красные).

An Artillery Team field officer and a gunner of the Harbour-Craft Semi-Company of the Guards Crew. 1846–1855.

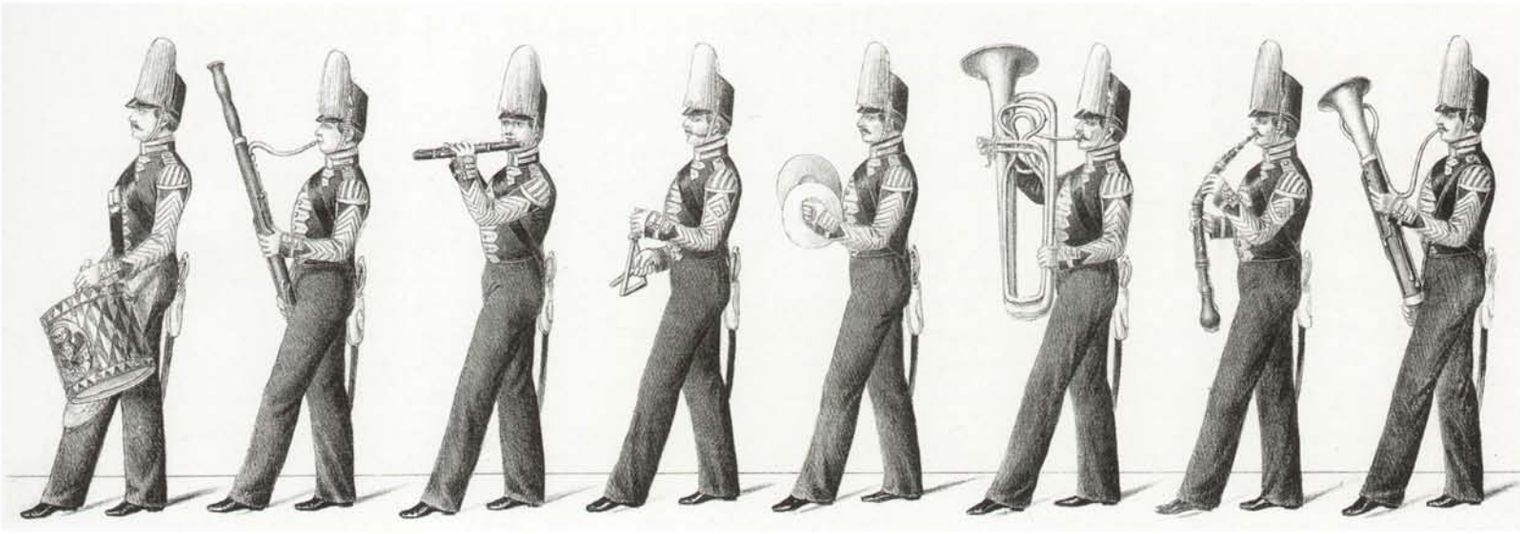
Штаб-офицер Артиллерийской команды и рядовой Ластовой полуроты Гвардейского экипажа. 1846–1855 гг.

Акварель из альбома, поднесенного офицерами Гвардейского экипажа в день экипажного праздника 6 декабря 1892 г. императрице Марии Федоровне. (ЦВММ) Акварель выполнена по иллюстрации из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск...». Часть XXVI. Лист № 849.

ля 1832 г. отправилась домой и 19 июля вступила в Петербург. За время Польского похода 6-я рота Гвардейского экипажа потеряла 36 человек, главным образом из-за болезней и тяжелой работы. После ее возвращения для гвардейских моряков начался 20-летний период мирной службы.

Пока 6-я рота находилась в Польше, в жизни Гвардейского экипажа произошли изменения. 9 августа 1831 г. его Артиллерийскую команду преобразовали в роту. 22 августа 1831 г. шефом Гвардейского экипажа Николай I назначил своего двухлетнего сына великого князя Константина Николаевича, с детства предназначенного для морской службы. Маленького генерал-адмирала зачислили в списки 1-й роты экипажа. В начале 1836 г. появилась 9-я резервная рота, в которой обучались рекруты, а также проходили дополнительную строевую подготовку переводимые в гвардию за отличие нижние флотские чины. 17 марта 1846 г. Гвардейский экипаж переформировали в 4 роты с Артиллерийской командой и Ластовой полуротой.

В связи с решением Николая I оказать помощь Габсбургам в усмирении венгерского восстания русские войска 20 января 1849 г. вступили в Трансильванию. По примеру предыдущих походов планировалось, что Отдельный Гвардейский корпус также отправится в Венгрию. 30 апреля Николай I провел смотр Гвардейского экипажа и напутствовал моряков словами: *«Вы выступаете в поход, прощайте, молодцы. Я убежден, что избранные мои войска докажут и теперь, что они достойны старой своей славы»*. Громким «Ура!» моряки встретили слова императора. 20 мая 1849 г. Гвардейский экипаж выступил из Петербурга и 29 июля дошел до Белостока. Здесь пришло известие о капитуляции венгерской армии у Вилагоша и окончании войны. 4 сентября Гвардейский экипаж двинулся из Белостока домой и 10 ноября вернулся в Петербург. Этот военный поход гвардии, по-



Guards Crew orchestra. 1844–1855.

жалуй, впервые обошедшийся без сражений, вызвал разные кривотолки. Когда в январе 1850 г. для офицеров и солдат действующей армии учредили памятную медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании», управлявший Морским министерством начальник Главного Морского штаба светлейший князь А.С.Меншиков саркастически сказал, что *«и гвардейцы получат медаль – с надписью "Туда и обратно"»*.

В результате после завершения Польской войны 1831 года Гвардейскому экипажу довелось при Николае I демонстрировать свою строевую выправку и навыки пехотной службы лишь на парадах и смотрах.

Офицеры и нижние чины Гвардейского экипажа на набережной Невы у Зимнего дворца.

Guards Crew commissioned officers and other ranks at the River Neva's embankment in the vicinity of the Winter Palace.

Картина художника А.И.Гебенса. 1853 г. (ВИМАИВиВС)

В сюртуке (рядом с барабанщиком) изображен контр-адмирал С.И.Мофет, командовавший Гвардейским экипажем 10 лет – с 1847 по 1857 г.

Босфорская экспедиция 1833 года

Библиография и источники:

М. П. Лазарев. Документы. Т. II. М., 1953.

Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.

Гребенщикова Г. А. «Султан... решился... предаться покровительству России». // Военно-исторический журнал. 2005. № 7. С. 59–65.

Выгодные для России условия Адрианопольского мирного договора вызвали раскол в Османской империи. Египетский паша Мохаммед-Али объявил султана Махмуда II гяуром – врагом правоверных мусульман, продавшимся русским, и в октябре 1831 г. начал против него боевые действия. Как сообщали русские агенты, Мухаммед-Али *«явно разглашает, что главная цель его – восстановить славу мусульман и отомстить за постыдный мир, заключенный султаном с Россией»*. Эти амбиции умело подогревались французской дипломатией, не желавшей усиления русских позиций на Востоке и покровительствовавшей Египту. В 1832 году египетские войска нанесли ряд поражений турецкой армии в Сирии, перешли Таврские горы, заняли Конию и двинулись к Стамбулу.

Генерал-адъютант адмирал Михаил Петрович Лазарев.

Портрет кисти неизвестного художника. 1840-е гг. (ГЭ)

С 22 ноября 1832 г. начальник штаба Черноморского флота. В феврале – июне 1833 г. руководил Черноморской эскадрой во время Босфорской экспедиции, за образцовое выполнение которой произведен в вице-адмиралы и пожалован генерал-адъютантом. С 8 октября 1833 г. и до самой смерти 11 апреля 1851 г. главный командир Черноморского флота и портов. В 1838–1839 гг. руководил десантными операциями на черноморском побережье Кавказа.

General-Adjutant Admiral Mikhail Petrovich Lazarev.

Для России нерушимость условий Адрианопольского договора являлась ключевой задачей. Не допустить пересмотра выгодных итогов недавней войны и избежать новой можно было, лишь сохранив власть Махмуда II. В связи с этим Николай I решил оказать султану не только политическую поддержку, но и предоставить военную помощь. В Севастополе началась срочная подготовка боевой эскадры, которую 22 ноября 1832 г. возглавил начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М. П. Лазарев. Он уже имел опыт крупных десантных операций. В 1813 году на бриге «Феникс» Лазарев участвовал в переброске русских войск из Риги к Данцигу. Однако новое назначение поставило его в трудную ситуацию. Черноморский флот, еще недавно успешно бивший турок, обезлюдел после эпидемии чумы. В письме своему другу А. А. Шестакову 26 ноября 1832 г. Лазарев с горечью сообщал: *«В командах большая часть рекруты, из коих 6000 поступило в нынешнем году, большею частью чуваши, черемисы <...>, а кроме того еще 2000 поляков*[13]*. На многих кораблях более 30 человек нет старых людей. Придется учить тогда, когда надобно действовать – и кого учить? Народ самый дрянной и хилый»*. Тем не менее, Лазарев энергично взялся за дело. Ему активно помогал генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев, назначенный руководить десантными войсками. 5 декабря 1832 г. Муравьев отплыл в Константинополь для подготовки высадки.

Между тем ситуация резко обострилась. В январе 1833 г. египетские войска совершили стремительный бросок к Стамбулу и разгромили главную турецкую армию. Махмуд II официально обратился за помощью к России. Медлить было нельзя. 2 февраля 1833 г. 1-й отряд эскадры Черноморского флота под командованием Лазарева вышел из Севастополя и 8 февраля прибыл к Босфору. Одновременно 2-й и 3-й отряды эскадры стали готовить к отправке из Одессы 26-ю пехотную дивизию, назначенную в десант. 24 марта 2-й отряд эскадры под командованием контр-адмирала М. Н. Кумани пришел на Буюкдерский рейд. Он доставил 3-ю бригаду 26-й пехотной дивизии (51-й и 52-й егерские полки), легкую № 3 роту 26-й артиллерийской бригады, 2-ю роту 6-го саперного батальона, инвалидную № 81 роту, часть 41-го Донского полка – всего около 5500 человек. 27 марта войска высадились в Ункяр-Искелеси, где их встретил начальник десанта генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев. Он имел поручение *«на случай какого-нибудь переворота в Константинополе или неприязненных против нас действий сообразить возможность удержать за собой Босфорские замки, лежащие в уз-*

[13] Имеются в виду пленные польские солдаты и офицеры, захваченные во время усмирения польского восстания 1831 года и направленные рядовыми на Черноморский флот или в удаленные российские воинские части.

Генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов.

General-Adjutant Count Alexei Fyodorovich Orlov.

Акварельный портрет кисти неизвестного художника. 1830 г. (Частное собрание, Франция)

Назначенный 8 апреля 1833 г. чрезвычайным послом в Константинополе, граф А.Ф. Орлов возглавил все российские сухопутные и морские силы, участвовавшие в Босфорской экспедиции. Впоследствии князь, в 1844–1856 гг. главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов. В феврале – апреле 1856 г. возглавлял российскую делегацию на Парижском конгрессе. В 1856–1861 гг. председатель Государственного Совета и Комитета министров.

Генерал-адъютант Николай Николаевич Муравьев-Карский.

General-Adjutant Nikolai Nikolayevich Muravyov-Karsky.

Литография В.Ф. Тимма. 1856 г. (РГБИ)

В 1833 г. в чине генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьев командовал сухопутными десантными войсками, участвовавшими в Босфорской экспедиции. Впоследствии генерал от инфантерии, в 1854–1856 гг. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом. За покорение Карса 16 ноября 1855 г. награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

ком месте сего пролива между Буюкдером и Черным морем». В случае вторжения египтян десанту предписывалось оказать содействие турецким войскам на берегу, а также занять район Босфора и не допустить в пролив французскую эскадру, которая крейсировала в Леванте и готовилась поддержать египетский флот.

8 апреля 1833 г. чрезвычайным российским послом в Константинополе император назначил генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова, возглавившего все сухопутные и морские силы на Босфоре. 11 апреля к проливу пришел 3-й отряд эскадры под командованием контр-адмирала О.И. Стожевского, который доставил 2-ю бригаду 26-й пехотной дивизии (Люблинский и Замосцкий пехотные полки) с легкой № 2 ротой 26-й артиллерийской бригады – всего 4 777 человек. Теперь русский десант имел более 10 тысяч штыков и опирался на Черноморский флот, на борту которого находилось еще 10 407 человек. Причем моряки готовились поддержать пехоту не только огнем артиллерии, но и составленными из абордажных партий морскими батальонами.

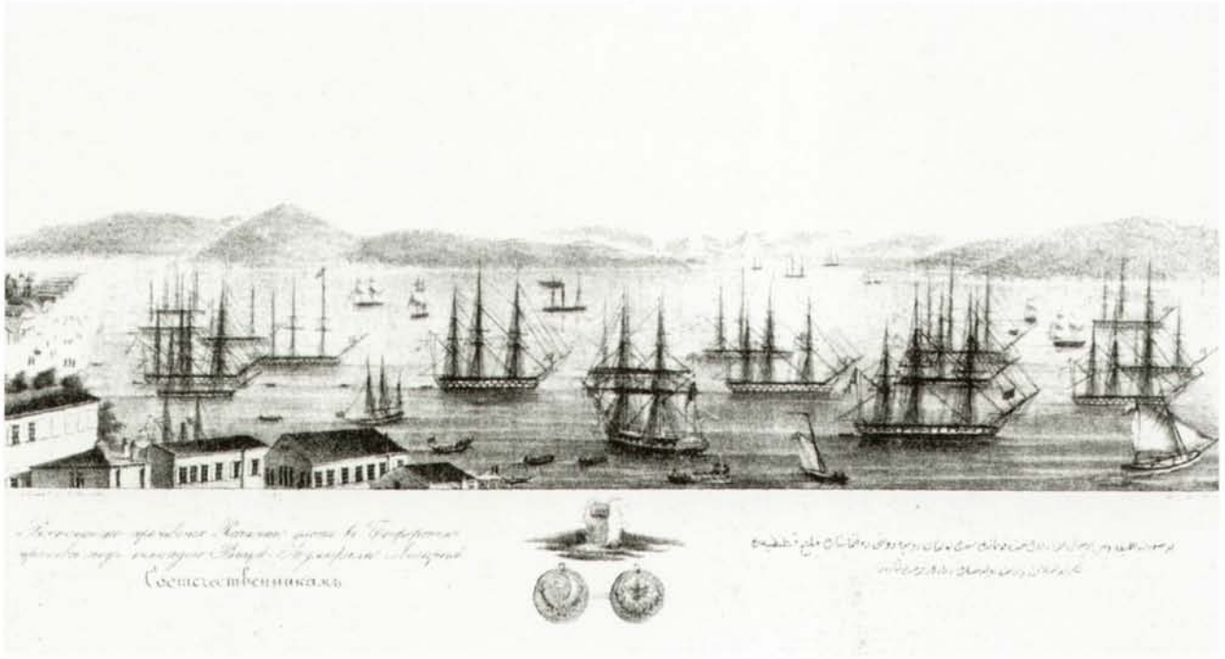
Столь мощный русский десант резко изменил политическую ситуацию. Между Турцией и Египтом начались переговоры. Внутренняя оппозиция, готовившая переворот в Стамбуле, оказалась нейтрализованной. И дипломаты, и военные восхищались действиями Черноморского флота. С трудом верилось, что еще недавно он находился в плачевном состоянии. 11 апреля граф А.Ф. Орлов сообщал в Петербург, что благодаря Лазареву *«эскадра приведена в блестящее состояние. Во внутреннем расположении судов сделаны некоторые улучшения, по части вооружения и наружного устройства также введены значительные перемены к красоте и удобству. Все суда выкрашены вновь с особенным вкусом. Замечателен отзыв французского посла, который в разговоре со мной откровенно сознался, что хотя ему и было известно о существовании нашего флота в Черном море, однако он никак не ожидал увидеть его доведенным до такой степени совершенства».* Император оценил заслуги Лазарева и 2 апреля 1833 г. произвел его в вице-адмиралы. Правда, сам Лазарев об этом узнал лишь после завершения экспедиции.

15 апреля 1833 г. Махмуд II провел смотр турецкой гвардии и русских десантных войск. По инициативе Лазарева на берег высадились два сводных батальона из матросов абордажных партий. В своем донесении он так описывал этот смотр: *«15-го числа сего месяца султан в сопровождении сераскира и двух Ахмет-пашей по предварительному объявлению желания своего делал осмотр войскам нашим, расположенным на азиатском берегу, к коим присоединил я еще 1000 человек матросов с кораблей; можно бы было высадить до 3000 и более, но теснота местоположения того не позволила. По осмотре султаном всех войск, с коими он здоровался по-русски, выговаривая "здорово, ребята!", все проходили мимо его церемониальным маршем два раза, повзводно и колоннами, и, невзирая на то, что уже три месяца, как нога матросов наших не была на берегу, они казались и лучше выправленными и маршировали лучше прочих, в особенности же преимущество сие было заметно против батальона лучшей турецкой гвардии, который шел впереди нас».* 20 мая Махмуд II провел смотр кораблей Черноморского флота и в знак своего полного удовольствия прислал для ниж-

Серебряная турецкая медаль, пожалованная султаном Махмудом II всем нижним чинам российских войск и флота, участвовавшим в Босфорской экспедиции 1833 г.

Silver Turkish medal awarded by Sultan Mahmud II to all other ranks of the Russian Army and Navy, who participated in the 1833 Bosporus Expedition.

(Из собрания фирмы «Монеты и медали», г. Москва)



Гравюра с видом эскадры Черноморского флота в Босфоре «Соотечественникам в воспоминание пребывания Российского флота в Босфорском проливе под командою вице-адмирала Лазарева».

To the countrymen in commemoration of the presence of the Russian Navy in the Bosporus Strait under the command of Vice-Adm. Lazarev.

Гравюра 1830-х гг. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

них чинов 60 тысяч пиастров (15 тысяч рублей), несколько быков и баранов, а для офицеров ром и конфеты. Кроме того, узнав, что здоровье русского матроса *«сберегается чаркой»*, султан немедленно пожаловал экипажам 500 ведер водки.

Наконец, 24 июня 1833 г. в Константинополь пришло долгожданное известие – после заключения мира египетская армия покинула Малую Азию и перешла за Таврские горы. 26 июня граф А.Ф. Орлов подписал с султаном Ункяр-Искелессийский договор, провозгласивший русско-турецкий оборонительный союз. Это стало крупным успехом российской дипломатии[14]. 28 июня на аудиенции у султана граф Орлов официально заявил об окончании экспедиции. В тот же день по флоту и десантным войскам зачитали его приказ: *«Достигнута благотворная цель, для которой угодно было государю императору прислать флот в Царьградский пролив. Настало время вашему и моему возврату в любезное Отечество. Оставляя Россию, вы были готовы пролить кровь за славу Российского оружия. При помощи Божией вы не имели случая испытать это мужество. Российский военный флаг развевался мирно в виду Константинополя. <…> Мусульманин, недавно почитавший вас грозными врагами, видит в вас искренних доброжелателей и защитников. Вы заслужили похвалу от друзей и недругов, вы доказали вновь, что русские воины в брани и мире равно умеют исполнять долг свой»*.

27 июня 1833 г. русский десант погрузился на корабли и на следующий день покинул берега Босфора. 2–3 июля отряды эскадры пришли на рейд Феодосии. Экспедиция завершилась. В память о ней Махмуд II наградил всех участников специальными медалями. 7 июля 1833 г. Лазарев сообщал из Феодосии, что *«по заключении мира султана с египетским своим мятежником ему вздумалось всем нам выдать медали, офицерам золотые, а нижним чинам серебряные. Генералам же золотые, осыпанные бриллиантами, на красных лентах, <…> на одной стороне вензель султана и год по-турецки, а на другой Луна со звездою и год написан обыкновенными цифрами (1833)»*. Николай I одобрил это награждение, и приказом Лазарева по эскадре Черноморского флота от 19 августа 1833 г. № 477 было объявлено, что *«султан турецкий, желая сохранить воспоминание о пребывании на берегу Константинопольского пролива вспомогательного российского отряда, коим отвращена угрожавшая Порте опасность, и в ознаменование сего происшествия учредил для находившихся в сем отряде чинов особые медали, для генералов и адмиралов – золотые с бриллиантовой осыпью, штаб и обер-офицеров и чиновников – золотые, а нижних чинов серебряные»*. Эти медали следовало носить на груди на красной ленте после российских медалей.

Босфорскую экспедицию 1833 года можно назвать образцовой, как по замыслу и результатам, так по организации и исполнению. Экспедиции подобного рода, проводившиеся европейскими державами в XIX веке, обычно сопровождались массовыми болезнями, смертностью солдат, падением дисциплины и беспорядками. В данном случае благодаря умелым действиям командования Черноморского флота и лично М.П. Лазарева удалось полностью избежать этих проблем. Николай I по достоинству оценил заслуги вице-адмирала. Уже 8 октября 1833 г. Лазарев вступил в должность главного командира Черноморского флота и портов, а также севастопольского военного губернатора. Это блестящее назначение предопределило дальнейшее развитие практики морских десантов на Черном море.

[14] Лишь в 1840 г. на Лондонской конференции мировым державам удалось дезавуировать Ункяр-Искелессийский договор, заменив его соглашением 1841 г. о проливах, по которому Босфор и Дарданеллы были закрыты для военных судов, пока Турция находится в состоянии мира.

Морские десанты на черноморском побережье Кавказа против горцев в 1804–1840-х гг.

С началом активного проникновения России в Закавказье черноморское побережье стало рассматриваться как плацдарм для пресечения турецкого влияния в Абхазии, Мингрелии и Гурии. При отсутствии сухопутных коммуникаций единственным средством вооруженного воздействия на местных князей являлись десанты Черноморского флота. Первый опыт такой экспедиции предприняли после того, как владетель Мингрелии князь Григорий Дадиан перешел в 1803 году под покровительство России. 15 октября 1804 г. к берегам Мингрелии из Крыма на судах отплыл Белевский мушкетерский полк. Вместе с пехотой на фрегате «Иоанн Златоуст» отправилась также рота 4-го морского полка под командованием капитана Д.А. Конторино. Десант благополучно высадился в устье реки Хопи. Но 8 декабря 1804 г. ночью поднялась страшная буря, выбросившая на берег и разбившая корабль «Тольская Богородица» и бриг «Александр». Капитан Конторино и морские солдаты участвовали в спасении потерпевших. К сожалению, половина моряков – 171 человек – погибла. На месте высадки солдаты, несмотря на *«сырость грунта вредного здоровью»*, построили редут с четырьмя фасами и казармы. Это укрепление получило название Редут-Кале и на долгие годы стало *«единственным местом, к которому приставать могли приходящие из России суда с провиантом для войск, в провинциях по Черному морю расположенных»*[15].

Пока шло строительство редута, внезапно умер князь Григорий Дадиан. В Мингрелии начались волнения, поскольку его законный наследник – 10-летний сын Леван находился заложником у абхазского князя Келеш-бека. Главнокомандующий в Грузии князь П.Д. Цицианов потребовал вернуть Левана. Но Келеш-бек, считавшийся турецким вассалом, всячески затягивал освобождение аманатов. Для переговоров с ним к крепости Анаклии отправился шеф Белевского полка генерал-майор И.И. Рикгоф. 27 марта 1805 г. он выступил из Редут-Кале в сопровождении своего полка, а также роты 4-го морского полка с одним единорогом. Когда русский отряд подошел к Анаклии, с ее стен внезапно прозвучали выстрелы. Возмущенные этим солдаты, не слушая генерала *«по своим преклонным летам мало способного, как духом, так и телом, к военным действиям»*, бросились на штурм и в течение часа захватили крепость. В результате переговоры оказались сорваны, и кроме того получился международный скандал. Раздосадованный Рикгоф 31 марта возвратился в Редут-Кале. Выполнившая свою миссию рота 4-го морского полка в апреле 1805 г. вернулась в Севастополь. За труды капитана Д.А. Конторино наградили орденом Св. Анны 3-й степени, а нижние чины получили по серебряному рублю[16].

«Нечаянное и ненамеренное» взятие Анаклии имело большие последствия для российской политики на Кавказе. Устрашенный Келеш-бек освободил Левана Дадиани, которого 10 июня 1805 г. провозгласили владетелем Мингрелии. Кроме того, не надеясь больше на помощь османов, Келеш-бек стал искать покровительства России. Сведения об этом заставили Турцию принять жесткие меры. 2 мая 1808 г. подстрекаемый турками сын Келеш-бека Аслан-бей убил своего отца и обосновался в Сухум-Кале. Но теперь уже война с Турцией развязала России руки на Кавказе. После лихого взятия Сухум-Кале 4-м морским полком 10 июля 1810 г. (см. стр. 154–155) в Абхазии официально установилась власть пророссийски настроенного сына Келеш-бека – Сефер-бея, принявшего крещение под именем Георгия Шервашидзе.

Но присоединение Абхазии, а также Гурии вовсе не означало их замирения. Большинство горцев считали себя по-прежнему независимыми. Князья и их многочисленные родственники занимались междоусобной враждой. Смута усиливалась подстрекательством Турции, сохранившей за

Библиография и источники:

М.П. Лазарев. Документы. Т. II. М., 1953.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе. С 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879. С. 1–219.

Фелицин Д.Е. Действия русских крейсеров у Кавказских берегов Черного моря в 1830–1840 гг. // «Кубанские ведомости». 1890. № 1–2.

Филипсон Г.И. Воспоминания. М., 1885.

[15] *Ермолов А.П.* Записки. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 292.

[16] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6759. Л. 11.

Карта черноморского побережья Кавказа.

Map of the Black Sea coast of the Caucasus.

Фрагмент карты конца XIX в. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

Карта черноморского побережья Кавказа от Гагр до поста Св. Николая.

Map of the Black Sea coast of the Caucasus from Gagry to the St. Nicholas outpost.

Фрагмент карты конца XIX в. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

собой по Бухарестскому миру крепость Поти, а также не всегда гибкой политикой российских властей, плохо разбиравшихся в местных традициях и обычаях. Карательные экспедиции приводили лишь к временным локальным успехам, и фактически русские войска находились на положении осажденных в своих укреплениях.

Не лучше обстояли дела и в северном причерноморье. Поскольку по Бухарестскому миру России пришлось вернуть Турции крепость Анапу, закубанские племена черкесов номинально продолжали считаться подданными Османской империи. Анапский паша снабжал их оружием и пушками, *«попуская своевольства, паче же хищничества»*. Черкесы нападали на земли Черноморского казачьего войска и постоянно тревожили правый фланг Кавказской линии вдоль Кубани. На юге же, проникая через Гагры в Абхазию, они способствовали мятежам местных племен.

В апреле 1824 г. всю Абхазию охватило мощное восстание. Русский гарнизон Сухум-Кале, обескровленный коварным нападением горцев, заперся в крепости. Приверженный Турции Аслан-бей собрал 12-тысячное войско и осадил Соуксу (Лехе) – резиденцию ставленника России молодого князя Михаила Шервашидзе. Полтора месяца две роты 44-го егерского полка героически оборонялись в дворовых строениях, огороженных лишь плетнем, без рва и бруствера. Между тем командир Отдельного Кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов приказал правившему в Имеретии генерал-майору князю П.Д. Горчакову вступить в Абхазию с отрядом пехоты (1400 чел., 2 орудия). Для его поддержки из Крыма вышли корабли Черноморского флота. Рассеяв отряды горцев на реке Ингур и у Келасури, князь Горчаков 10 июля деблокировал Сухум-Кале. Но для помощи гарнизону Соуксу требовалось пройти

еще 30 верст по узкой дороге вдоль берега между утесистыми скалами, покрытыми густым лесом. Горцы приготовились к встрече русских, устроив завалы и засеки. Видя, что без больших потерь прорваться через них не удастся, князь Горчаков решил обойти препятствия морем. На бриг «Орфей» и фрегат «Светлана» в Сухум-Кале он посадил 800 егерей, которые под прикрытием огня корабельных орудий высадились в Бамборской бухте, в 5 верстах от Соуксу. Заняв близлежащий лес, князь Горчаков построил небольшое укрепление. Горцы, увидев в своем тылу десант, оставили дорогу и собрались к Соуксу. Пользуясь этим, из Сухум-Кале берегом подошли еще 250 человек пехоты. После этого князь Горчаков предпринял натиск на войска Аслан-бея, а гарнизон Соуксу сделал вылазку в тыл горцам. В результате мятежники были рассеяны. Но поскольку волнения в Абхазии продолжались, освобожденный князь Михаил Шервашидзе временно переехал в Мингрелию. В 1827 году в Бамборах, на месте высадки князя Горчакова, 44-й егерский полк построил укрепление для защиты резиденции вернувшегося из Мингрелии князя Михаила, а также для борьбы с воинственными абхазцами Цебельдинского округа и набегами черкесов[17].

После войны 1828–1829 гг. Турция по условиям Адрианопольского мирного договора лишилась крепостей Анапы и Поти и отказалась от притязаний на черноморское побережье Кавказа. Теперь России предстояло покорить закубанских черкесов и немирных абхазцев. Борьба с горцами требовала перекрыть им доступ к Черному морю, по которому они продолжали торговать с турками, получая оружие, порох и припасы. 13 февраля 1830 г. Николай I утвердил план создания сети постоянных укреплений на важных участках черноморского побережья, прежде всего в устьях горных рек. Сначала требовалось занять узкий горный проход возле Гагр, чтобы пресечь сообщение между черкесами и абхазцами. 6 июля 1830 г. на судах из Сухум-Кале отплыл батальон 44-го егерского полка с саперами и 2 орудиями. 8 июля он высадился в Гаграх и занял «Кавказские Фермопилы». В то же время по берегу двинулся отряд пехоты, который 21 июля занял Пицундский монастырь. Следующие годы русские гарнизоны в Гаграх и Пицунде подвергались постоянным нападениям горцев, неся также огромные потери от болезней и климата.

Одновременно с действиями в Абхазии начались операции против черкесов. 22 июля 1831 г. из Анапы вышел отряд судов капитана 2 ранга Г.И. Немтинова с 2-й бригадой 20-й пехотной дивизии на борту (2 892 чел. при 8 орудиях). Подойдя к Геленджикской бухте 27 июля, корабли отогнали черкесов артиллерийским огнем и двумя рейсами высадили пехоту. По приказанию командира бригады генерал-майора К.А. Берхмана из матросов абордажных партий

Унтер-офицер 3-го Черноморского линейного батальона Александр Александрович Бестужев.

Non-commissioned Officer Alexander Bestuzhev, 3rd Black Sea Manoeuvre Battalion.

Рисунок офицера П.И.Челищева. 1836 г. (Государственный литературный музей)

Знаменитый писатель и блестящий гвардейский офицер А.А.Бестужев (Марлинский) после восстания декабристов был сослан в Сибирь, откуда в 1829 г. отправлен рядовым на Кавказ. Через 6 лет боевой службы произведен в унтер-офицеры и назначен в 3-й Черноморский линейный батальон, располагавшийся в Геленджике. 3 мая 1836 г. произведен в прапорщики в 10-й Черноморский линейный батальон. 7 июня 1837 г. во время десанта у мыса Адлер зарублен горцами в рукопашной схватке.

сформировали сводный батальон – 500 человек при офицерах. Под руководством командира брига «Меркурий» капитан-лейтенанта М.П. Панютина, уже знакомого нам по взятию Мидии, батальон высадился третьим рейсом. После того, как пехота заняла бухту, моряки вернулись на корабли, но каждую ночь в резерв десанта высаживались по 100–150 матросов при офицерах. Кроме того, ежедневно с судов посылали по 50, 40, 30 вооруженных матросов с инструментом для вырубки леса и расчистки места для строительства укрепления. На работах морякам приходилось вступать в перестрелки с черкесами, во время которых 2 матроса были смертельно ранены. Как отмечалось в донесении, *«сводный батальон матросов во все время бытности их в Геленджике находился на берегу, содействуя войскам нашим как в отражениях неприятеля, так и в успешном производстве работ для укрепления лагеря»*.

В следующие годы Геленджик стал базой для совместных прибрежных операций против черкесов, во время которых моряки помогали пехоте. Так, 15 апреля 1833 г. отряд капитан-лейтенанта А.Б.Броневского обнаружил три контрабандных судна в устье реки Чабсын (залив Вулано). Под прикрытием артиллерии корвета «Месемврия» и шхуны «Курьер» на берег высадились 54 солдата майора Середина и 22 матроса лейтенанта Берладина. Солдаты штыками выбили горцев из засеки на берегу реки, а матросы в это время захватили вражеские суда. Но тут горцы перешли в контратаку. Бой развернулся с новой си-

[17] Бамбора, расположенная возле Гудаута, и по сей день сохранила свое военное значение.

Адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин.

Admiral Count Yevfimy Vassilyevich Putyatin.

Литография 1860-х гг. (ЦВММ)

В 1833 г. Е.В.Путятин участвовал в Босфорской экспедиции. В чине капитан-лейтенанта он командовал батальоном моряков во время десантов 7 июня 1837 г. у Адлера, 12 мая 1838 г. в Туапсе, 10 июля 1838 г. у Шапсухо. За храбрость награжден орденом Св. Анны 2-й степени и произведен в капитаны 2 ранга. 3 мая 1839 г. при десанте в устье Субаши ранен легко в руку и в ляжку навылет. Произведен за отличие в капитаны 1 ранга. Впоследствии адмирал, генерал-адъютант, в 1856 г. за установление дипломатических отношений с Японией пожалован графским титулом. В 1861 г. Министр народного просвещения. В честь графа Е.В.Путятина назван остров в заливе Петра Великого.

Адмирал Николай Федорович Метлин.

Adm. Nikolai Fyodorovich Metlin.

Гравюра с портрета 1860-х гг. 1902 г. (РГБ)

Во время русско-турецкой войны Н.Ф.Метлин участвовал 13 и 17 августа 1829 г. в десанте и занятии крепости Мидии. В 1833 г. совершил Босфорскую экспедицию. В 1838 г. в чине капитан-лейтенанта командовал 2-м полубатальоном в морском батальоне Е.В.Путятина во время десантов 12 мая в Туапсе и 10 июля у Шапсухо. 12 сентября 1838 г. командовал морским батальоном при десанте в Цемесской бухте. За храбрость награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени и произведен в капитаны 2 ранга. 3 мая 1839 г. при десанте в устье Субаши командовал полубатальоном, а после ранения Е.В.Путятина принял командование всем морским батальоном. Командовал батальоном моряков при десантах 7 июля 1839 г. в устье Псезуапе и 10 мая 1840 г. в Туапсе. Впоследствии адмирал, в 1857–1860 гг. управляющий Морским министерством.

лой, доходя до рукопашной, во время которой майор Середин и 4 матроса получили тяжелые ранения. В конце концов, противника оттеснили в горы. Десант уничтожил три захваченных судна, склады с контрабандой и засеки, после чего вернулся на корабли.

Между тем в Абхазии командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Г.В.Розен решил двинуться за Гагры против черкесов и уничтожить пристанище контрабандистов на мысе Адлер. 7 июня 1837 г. под личным руководством Розена отряд судов Абхазской экспедиции под командованием контр-адмирала С.А.Эсмонта (11 военных и 6 купеческих судов) высадил у Адлера две партии войск, которые столкнулись с активным сопротивлением горцев. Тогда по приказу Розена Эсмонт составил сводный флотский батальон – 445 матросов и офицеров. Его действиями руководил капитан-лейтенант Е.В.Путятин, заведовавший гребными десантными судами. Вместе с пехотой батальон занял лагерь в устье реки Мезюмте, где с 8 июня приступил к рубке леса и расчистке места для строительства форта, получившего название укрепления Святого Духа. Общие потери десанта составили 60 раненых и убитых, в том числе 5 раненых офицеров. В рукопашной схватке с горцами погиб знаменитый писатель, декабрист прапорщик А.А.Бестужев (Марлинский).

Летом 1837 г. командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант А.А.Вельяминов, осмотрев черноморское побережье, составил план создания новых укреплений. К первостепенным задачам он относил строительство в 1838 году укреплений в устьях рек Шапсухо и Туапсе. Николай I, лично осмотревший в сентябре 1837 г. Геленджик, утвердил этот план. На дилемму – идти к новым местам морем или сушей – император 8 октября 1837 г. написал: *«Решительно морем»*. По случаю болезни А.А.Вельяминова руководство экспедицией поручили генерал-майору Н.Н.Раевскому. Уважая Лазарева, Раевский предложил быть под его общим начальством. Но вице-адмирал, поблагодарив, условился, что он будет отвечать за морское обеспечение, а Раевский – за войска десанта. 13 апреля 1838 г. Сухумская эскадра (4-я флотская дивизия) начала выполнять план, высадив десант в устье реки Сочи. Около 5000 черкесов встретили первый эшелон десанта ружейным огнем, после чего бросились на солдат с шашками. В рукопашную свалку попали и морские команды десантных баркасов. Лейтенант Ключников, юнкера Фролов и Мартин получили пулевые ранения, а у унтерофицера Саблина правая нога была порублена шашкой. Лишь с высадкой второго отделения десанта черкесов удалось оттеснить в горы.

Этот опыт заставил более серьезно отнестись к десантным операциям. Высадку в устье реки Туапсе, имевшую ключевое значение, М.П.Лазарев решил возглавить лично. Своим приказом от 6 мая 1838 г. № 71 он определил тактику операции. После того, как десант садился на гребные суда, корабли огнем разгоняли горцев. Затем флагман, а за ним и остальные корабли прекращали огонь, после чего матросы взбегали на ванты и трижды кричали «Ура!». По этому сигналу гребные суда двигались к берегу. На носу крупных ботов стояли карронады и фальконеты, поддерживавшие высадку огнем. Фланговые корабли продолжали обстрел, пока гребные суда не заслоняли берег. В готовящейся операции предстояло участвовать и флотскому батальону. Приказом от 30 апреля 1838 г. № 54 Лазарев объявил: *«В состав третьего отделения десантных войск*

Фрагмент карты Кавказского края 1842 г.

Part of the Cuacasus Terrirotry map. 1842.

(РГВИА)

На данном фрагменте обозначены основные десанты Черноморского флота вдоль побережья Кавказа в 1830–1840-х гг.

по условию с генерал-майором Раевским назначается мной для занятия позиции по левую сторону реки Туапсе 750 человек матросов с приличным числом унтер-офицеров [75 – А.К.] *под командой командира фрегата "Агатополь" капитан-лейтенанта Путятина».* Десант составлялся из стрелковых и абордажных партий, а также охотников (добровольцев) с 12 кораблей и фрегатов. Матросы должны были высаживаться в рубашках, летних брюках, фуражках, с ружьями, имея подсумки от абордажных пистолетов с 30 патронами, а также мешки с фуфайками и трехдневным запасом сухарей. Эти удобные мешки Путятин подсмотрел у солдат кавказских войск и решил внедрить их на флоте.

12 мая 1838 г. десант в Туапсе прошел в полном соответствии с планом. На берег высадились более 3000 человек. Морской батальон с 2 орудиями занял важную позицию, связывавшую авангард с правым флангом. Удачно расположив стрелков и резервы, Путятин прикрыл свой участок от горцев. Тем не менее, пехотные командиры восприняли новаторство Лазарева несколько иронично. Подполковник Г.И.Филипсон вспоминал: *«Вместе с сухопутными войсками с флота был послан сводный морской батальон. Матросы были совершенно счастливы этой прогулкой. Они стреляли беспрестанно, конечно, не по неприятелю, которого не видели, и успокоились только тогда, когда выпустили все патроны. Раевский, конечно, с жаром благодарил их за храбрость и убедительно просил позволить ему войти с представлением об отличившихся по указанию флотского начальства. Отказа, конечно, не было. Вообще поведение Раевского с моряками было очень благоразумно. Моряки побратались с сол-*

Николай Николаевич Раевский.

Nikolai Nikolayevich Rayevsky.

Портрет кисти В.А.Тропинина. 1842 г. (Всероссийский музей А.С.Пушкина)

В 1838 г. генерал-майор Н.Н.Раевский командовал десантными войсками при Туапсе, Шапсухо, Цемесе и за отличие был произведен в генерал-лейтенанты. 3 мая 1839 г. руководил десантом в Субаши. Назначен начальником Черноморской береговой линии, объединившей все построенные на побережье укрепления. В 1841 г. вышел в отставку. Имя Раевского император разрешил присвоить одному из фортов – сегодня это станица Раевская Приморского района Новороссийска.

датами; офицеры убедились, что успех наших дел им столь же полезен, как и нам, особливо когда увидели, что по представлению Раевского все отличившиеся щедро награждены...»[18].

К 1 июля 1838 г. постройка форта (Вельяминовское укрепление) в устье Туапсе была завершена, и отряд Раевского приступил к следующей высадке у Шапсухо. В этой операции участвовал декабрист Н.И.Лорер, сосланный после Сибири на Кавказ рядовым. Его воспоминания позволяют взглянуть на десанты того времени глазами простого солдата: *«После молебствия отряд приблизился к берегу, где ждала нас перевозочная флотилия с кораблей. На всяком судне был свой особенный флюгер или значок, и каждая рота без замешательства отыскивала свой катер. Жара была страшная, а я в толстой шинели, с ружьем, уместился в одной лодке с своим взводом. Морской офицер на руле скомандовал: "На воду! Навались, ребята!" – и мы быстро отчалили и понеслись к кораблям. <...> Лодочка, нагруженная взводом, в коем я состоял рядовым, причалила к 120-пушечному кораблю. По веревочным лестницам взбирался я с солдатиками наверх, потом лез, согнувшись, в какую-то дыру у руля, где каждый занимал отведенное ему местечко. Я очутился между двух огромных пушек, которые грозно выглядывали в море. Я устал страшно. <...> Духота страшная, запах смолы, крики и шум над головою довершали мои мучения. Я снял ранец, положил его под голову, снял шинель и растянулся на голом полу, благословляя провидение, что наградило меня и этим местечком, потому что все остальное было буквально загромождено солдатиками. Настоящее ужасное положение мое заставило меня даже мысленно завидовать ссылке моей в Курган: ни ветерка, солдатики стонут, рубаху мою хоть выжми, и обильный пот покрывает мое лицо»*[19].

10 июля 1838 г. десантная операция у Шапсухо прошла по ранее опробованной схеме. Первым рейсом высадились 3000 пехотинцев. *«С адмиральского корабля грянул первый выстрел, и ядро с визгом ударилось в берег,* – вспоминал Н.И.Лорер. – *Со всех кораблей мигом спустились перевозочные лодки, и войска стали садиться в них. Я с ружьем в руках прыгнул в лодку с 15 или 20 солдатами своего взвода. Лодки понеслись к берегу, как на какой-нибудь гонке, а оставшиеся за ними корабли стреляли целыми бортами через наши головы. Впереди, на берегу, леса валились от этой ужасной канонады, и скоро дым застлал всю окрестность. Раевский, с трубкою в зубах, в рубахе, с шашкою через плечо, стоял на носу лодки с Л.С.Пушкиным*[20] *и плыл недалеко от нас. Он первый выскочил на берег, и по всей линии загремел огонь наших стрелков. Горцы, в числе 6 тысяч, залегли за камнями, деревьями и выжидали нас, а подпустив на близкое расстояние, стали с упорством отстреливаться».*

По соглашению с Раевским сводный морской батальон (902 чел.) под командованием Е.В.Путятина высадился на берег вторым рейсом и немедленно отправился в стрелки. При высадке 1 матрос был убит и 1 ранен. Для обеспечения десанта водой Раевский приказал взять поросшую лесом высокую гору с источником. Войска атаковали 4 колоннами, из которых две составили 1-й и 2-й морские полубатальоны. Пехота и моряки взяли гору штурмом и сбили отряд черкесов, ранивших при этом 4 матросов. *«По всей линии горцы обратились в бегство. Занятие берега продолжалось недолго, и скоро мы стали властителями нового куска земли. <...> При десанте мы потеряли не много людей, а 160 тел и между ними два князя горских приволочены были и сложены у палатки Раевского».* Войска разбили лагерь и приступили к строительству укрепления, названного Тенгинским[21].

Последний запланированный десант высадился 12 сентября 1838 г. в устье реки Цемес. Руководил операцией лично М.П.Лазарев, придававший большое значение Суджукской (Цемесской) бухте. Как и прежде, он приказал сформировать сводный морской батальон с 8 кораблей – 9 офицеров, 8 музыкантов, 53 унтер-офицера, 528 матросов. Командовал батальоном капитан-лейтенант Н.Ф.Метлин – ближайший помощник Путятина, руководивший при прежних высадках 2-м морским полубатальоном. На этот раз Лазарев велел матросам высаживаться в мундирах, имея кроме оружия и амуниции на каждые 10 человек по одному топору. При подходе ботов к берегу войскам десанта предписывалось кричать «Ура!». Половине моряков гребных судов разрешалось при этом выпрыгнуть на берег, чтобы дать

[18] *Филипсон Г.И.* Воспоминания. // Русский архив. 1883. Кн. 3. № 6. С. 261–267.

[19] *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 208–212.

[20] Брат А.С.Пушкина капитан Лев Сергеевич Пушкин состоял в то время адъютантом при Н.Н.Раевском.

[21] За год до этого, 10 июня 1837 г., в устье Шапсухо высадился 3-й батальон Тенгинского пехотного полка для уничтожения двух контрабандных судов. Его встретили 600 черкесов, укрепившиеся в завалах. Тенгинцы 27 раз ходили в штыки и понесли серьезные потери, причем был убит корнет князь Н.Н.Долгорукий. Под прикрытием артиллерии брига «Меркурий» десант покинул берег. Спустя год, тенгинцы взяли реванш, окончательно прекратив контрабанду горцев у Шапсухо.

пример солдатам, но от ботов не удаляться. Морской батальон высаживался третьим рейсом. Десантная операция прошла успешно, и 13 сентября 1838 г. Лазарев вместе с Раевским осмотрели занятую бухту. Оценив ее достоинства, они решили строить здесь порт, адмиралтейство и крепость. Это укрепление получило впоследствии название Новороссийск.

15 января 1839 г. все построенные на побережье укрепления были объединены в Черноморскую береговую линию, начальником которой назначили генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. По поручению Лазарева капитан 2 ранга Е. В. Путятин составил с учетом английских и французских сочинений, а также русских документов новые расписания людей для действия на военных судах, в том числе при абордажной и десантной службе. Лазарев одобрил этот труд и, отпечатав, ввел его для практического опыта на некоторых кораблях. В феврале 1839 г. император утвердил план проведения следующих десантных операций в устьях рек Псезуапе и Субаши.

К десанту в Субаши готовились особенно тщательно. 25 апреля 1839 г. Лазарев приказал сформировать из охотников морской десантный батальон – 12 офицеров, 69 унтер-офицеров и 700 матросов. Под командованием Е. В. Путятина батальону следовало высаживаться в составе второго отделения десанта. Руководство гребными судами поручили начальнику штаба на эскадре капитану 2 ранга В. А. Корнилову. 28 апреля корабли под командованием Лазарева вышли из Керченской бухты и 2 мая подошли к устью Субаши. Завидев флот, горцы начали стекаться толпами к берегу. Все пространство между устьями Субаши и Шахе они укрепили окопами. Десанту предстоял упорный бой.

Утром 3 мая 1839 г. корабли четверть часа обстреливали берег. Затем первое отделение десанта с громким «ура» высадилось на берег. *«Но едва мы сделали несколько шагов,* – вспоминал Н. И. Лорер, – *как из леса показалась масса конных убыхов, тысяч до трех, и с страшным гиком кинулась на нас с поднятыми шашками. Мне кажется, что я никогда не забуду страшного впечатления, произведенного на нас этой неожиданной атакой. Два предводителя горцев, верхами на белых конях, отважно неслись впереди толпы; минута была критическая».* Рубя шашками и стреляя из пистолетов, горцы оказались в сотне шагов от ботов. Матросы гребных судов вслед за Корниловым и морскими офицерами бросились на помощь пехоте. Завязалась рукопашная свалка. Один из горцев выстрелил в живот мичману Д.П.Фридериксу. К счастью, пуля прошла навылет, и юный барон остался жив. В бою особенно отличился матрос 41-го флотского экипажа Александр Селезнев, который *«обратил на себя общее внимание отличною храбростью; он в глазах целого батальона Навагинского полка и впереди всех заколол штыком двух черкес, бросившихся на него с шашками».* Тут подоспели с эскадры вооруженные артиллерией три ладьи, которые картечью в упор отбили горцев и заставили их оставить прибрежные окопы.

Вскоре на берег высадился морской батальон, который Е. В. Путятин повел двумя колоннами в атаку на господствовавшую высоту. *«Моряки в полном порядке взлетели на гору и штыками*

Десант генерала Н.Н.Раевского в долине реки Субаши 3 мая 1839 г.

Amphibious Assault troops led by Gen. N.N. Rayevsky operating in the River Subashi's valley on 3 May 1839.

Картина художника И.К.Айвазовского. 1839 г. (Самарский областной художественный музей)

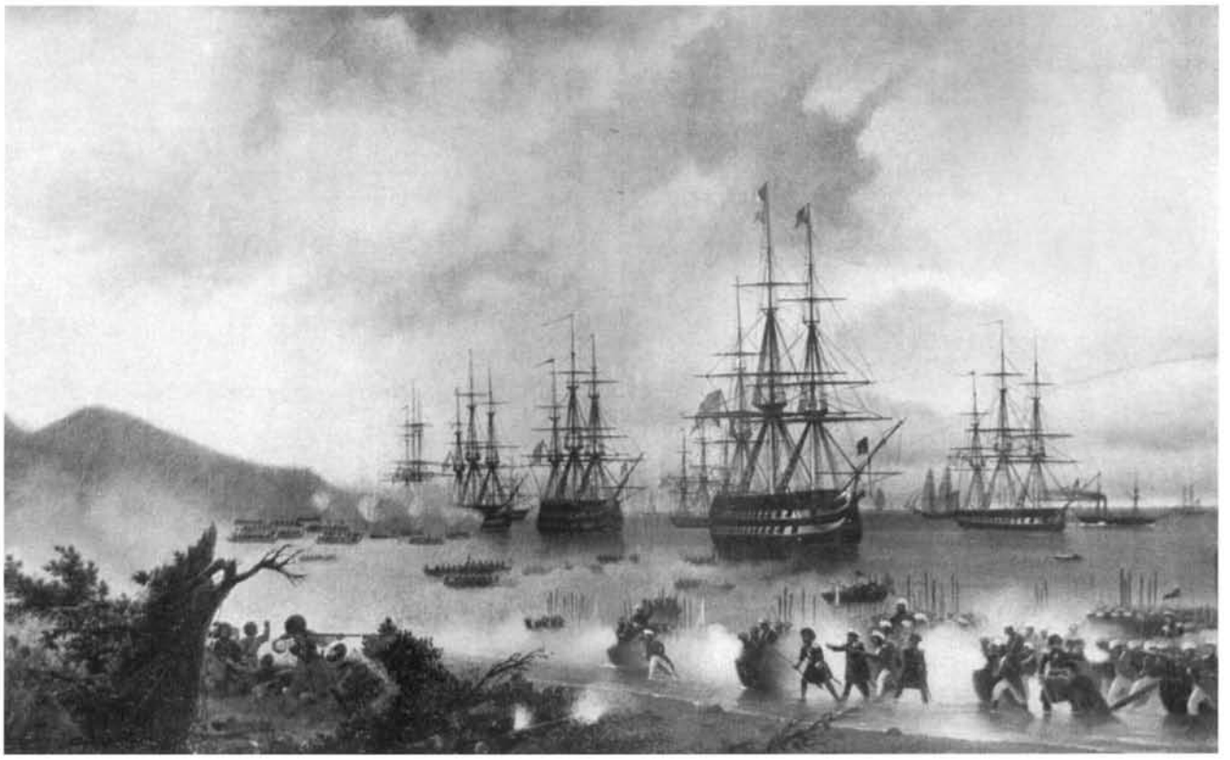
В 1839 г. император по ходатайству генерала Н.Н.Раевского разрешил молодому академисту И.К.Гайвазовскому (изменившему в 1841 г. фамилию на Айвазовский) совершить кампанию на судах Черноморского флота. Художник участвовал в десанте при Субаши. Его картина написана по зарисовкам, сделанным непосредственно во время боевой высадки. До 1917 г. картина находилась в семье Раевских, передаваясь по наследству старшему представителю рода без права ее продать.

Десант в долине Субаши 3 мая 1839 г.

The amphibious assault force in the River Subashi's valley on 3 May 1839.

Фототипия 1911 г. с картины художника И.К.Айвазовского 1839 г., приобретенной Николаем I для Морского кадетского корпуса. (Современное местонахождение не известно – предположительно частная коллекция в Германии)

Высадившись вместе с войсками, И.К.Гайвазовский попал в самую гущу боя. Проводив на корабль тяжело раненного мичмана барона Д.П.Фридерикса, художник вернулся к десанту. «По удалении неприятеля, – вспоминал он позднее, – на берегу осталось до 50 человек. Все мое вооружение состояло из пистолета и портфеля с бумагою и рисовальными принадлежностями. Картина была чудная: берег, озаренный заходящим солнцем, лес, далекие горы, флот, стоящий на якоре, катера, снующие по морю, поддерживающие сообщение с берегом. Миновав лес, я вышел на поляну, здесь – картина отдыха после недавней боевой тревоги: группы солдат, сидящие на барабанах офицеры, кое-где трупы убитых и присланные за их уборкою черкесские подводы. Развернув портфель, я вооружился карандашом и принялся срисовывать одну группу. В это время какой-то черкес, без церемонии взяв у меня портфель из рук, понес показывать мой рисунок своим. Понравился ли он горцам – не знаю; помню только, что черкес возвратил мне рисунок выпачканным в крови... Этот "местный колорит" так на нем и оставался, и я долгое время берег это осязательное воспоминание об экспедиции». По впечатлениям и наброскам Гайвазовский изобразил высадку десанта, показав в первых его рядах храброго генерала Н.Н.Раевского (в сюртуке, с поднятой рукой). Это было первое батальное полотно знаменитого мариниста.



выбили неприятеля с выгодной позиции в лесу, – говорилось в донесении. – *Таким образом, передовое прикрытие соединено было с левым. Неприятель, отступя далее на гору, покрытую густым строевым лесом, вел сильную перестрелку. Число горцев беспрестанно здесь увеличивалось, потому что казалось невозможным употребить там артиллерию. Капитан 2 ранга Путятин занял позицию и держался, не отступая ни шагу. Храбрость его служила примером всему батальону. Хладнокровно распоряжаясь в цепи стрелков, он был осыпаем градом пуль и, раненый в руку легко, а в ляжку навылет, поневоле оставил битву; его место заступил капитан 2 ранга Метлин».* На подкрепление морякам прислали 2-й батальон Навагинского пехотного полка и роту саперов. Они втащили на плечах два горных единорога. Метлин, возглавивший оборону всего участка, начал устраивать засеку. За два часа морской батальон под командованием капитан-лейтенанта Б.А.Глазенапа построил высокие завалы и надежно защищал позицию до отступления горцев.

При высадке в Субаши морской батальон потерял 2 матросов убитыми, 2 офицеров, 6 унтер-офицеров и 22 матросов ранеными. Николай I, прочитав рапорт, *«с особенным удовольствием усмотреть изволил, что блистательному занятию при высадке десанта 3 мая сего года пункта при реке Субаши в особенности споспешествовали <...> те мужественные подвиги, какие совершил на берегу сводный морской батальон».* К 1 июля 1839 г. в устье Субаши завершилось строительство Головинского форта, и 7 июля эскадра высадила следующий десант в устье реки Псезуапе. В операции участвовал сводный батальон из 822 офицеров и матросов под руководством командира фрегата «Браилов» капитана 2 ранга Н.Ф.Метлина. Высадившийся вторым рейсом батальон сразу же отправился к авангарду и вместе с пехотой выбил горцев из зарослей в долине реки. В бою был контужен лейтенант П.Е.Бефани, ранены 1 унтер-офицер, 1 музыкант и 6 матросов. Построенный форт в знак высокой оценки действий Черноморского флота император велел назвать именем Лазарева.

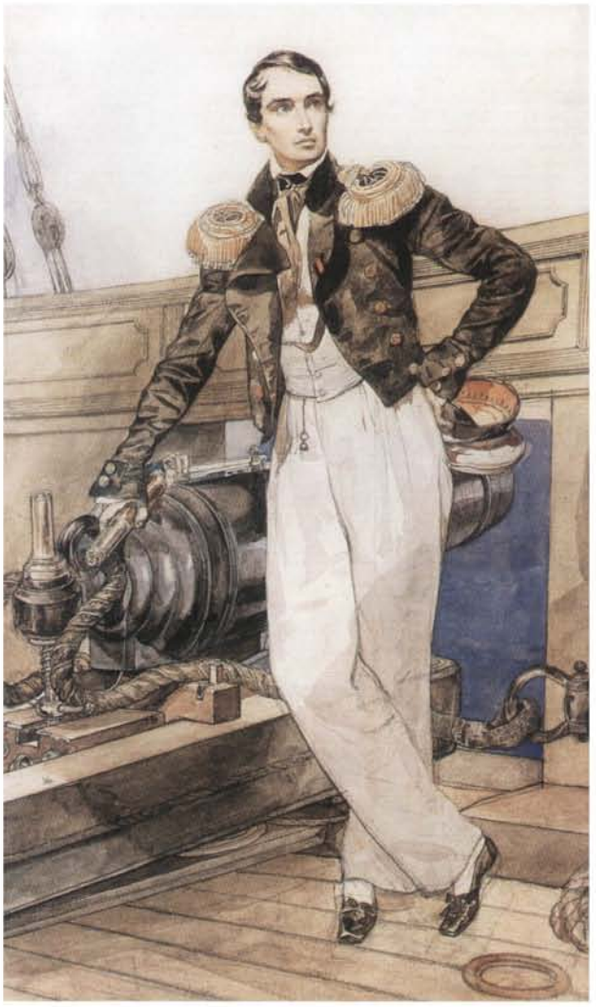
Выполнив весь план строительства береговых укреплений, Черноморский флот готовился к спокойной службе. Но 16 февраля 1840 г. стало известно, что черкесы захватили форт Лазарев, а 10 марта пришла весть о взятии ими форта Вельяминовский. Требовалось принять безотлагательные меры, поскольку этот успех мог обнадежить горцев и вызвать новые нападения. Однако вместо проверенных кавказских полков для ответных десантов имелись лишь неопытные части 15-й пехотной дивизии. 1 мая 1840 г. на Феодосийском рейде им произвели десантное учение, во время которого *«они оказались весьма неловкими, перемочили ружья и сумы и нескоро устраивались на берегу».* В связи с этим командир Отдельного Кавказского корпуса Е.А.Головин 4 мая 1840 г. обратился к М.П.Лазареву: *«При производстве десантов на восточном берегу Черного моря в 1838 и 1839 гг. принимали участие сформированные из экипажей военных судов сводные морские батальоны, которые во всех сих действиях оказывали прочим войскам весьма полезное содействие. Ныне, когда десанты будут произведены войсками, совершенно неопытными в сем деле, участие подобного сводного батальона из матросов было бы еще полезнее, почему согласно*

представлению о сем генерал-лейтенанта Раевского я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не оставить и на сей раз вашим распоряжением о сформировании означенного батальона, который, хотя, и не будет употреблен для каких-либо тяжелых обязанностей на сухопутной службе, но уже одним присутствием своим в виде надежного резерва может ободрить войска и много содействовать успеху». В тот же день Лазарев приказал сформировать батальон под командованием капитана 2 ранга Н. Ф. Метлина – 63 унтер-офицера и 700 матросов. Кроме того, в первый рейс для помощи сухопутным артиллеристам адмирал назначил 160 матросов и 20 комендоров при унтер-офицерах под командой офицера морской артиллерии.

Уже 6 мая 1840 г. Лазарев сообщал в Петербург: *«Назначение это, несмотря на ничтожное число матросов, сделало полезное влияние на солдат, которые ни разу еще неприятеля не видали. Везде начались радостные между ними толки, и солдаты приметно сделались веселее».*

10 мая 1840 г. десант высадился в устье Туапсе и без сопротивления занял форт Вельяминовский. 22 мая 1840 г. в устье Псезуапе корабли артиллерийским огнем рассеяли толпы горцев, после чего десант также без сопротивления занял форт Лазарев. Положение на черноморском побережье Кавказа было восстановлено. В дальнейшем флот уже не вел столь масштабных десантных операций. Но на протяжении 1840-х гг. корабли поддерживали с моря сухопутные войска, высаживая при необходимости сводные команды и батальоны. Так, 19–24 сентября и 25 сентября – 6 октября 1843 г. с отряда судов Абхазской экспедиции высаживался десант (5 офицеров, 200 матросов) для защиты Сухум-Кале. Матросы охраняли крепость, пока сухопутные войска деблокировали гарнизон осажденного горцами Марамбинского укрепления. 16 июля 1844 г. черкесы напали на форт Головинский и ворвались в укрепление. С большим трудом и потерями гарнизону удалось выбить их из форта. 18 июля на помощь защитникам подоспел корабль «Силистрия» под командованием капитана 1 ранга П. С. Нахимова. Он приказал высадить десант (3 офицера, 150 матросов), *«чем совершенно обеспечил укрепление от нападения».* До 26 июля моряки оставались в осажденном форте, готовясь отразить штурм. Но горцы, видя усиление русских, не решились еще раз атаковать и рассеялись.

В дальнейшем у кавказских берегов Черного моря крейсировал отряд военных судов под командованием П. С. Нахимова. Корабли поддерживали постоянную связь между фортами, обстреливали с моря абреков, пресекали поставки оружия и контрабанду. Нередко стычки носили ожесточенный характер. Так, 19 июня 1846 г. 4 гребных бота с корвета «Пилад» и брига «Палмед» преследовали два турецких торговых судна. При попытке взять их на абордаж турки встретили российских



Капитан-лейтенант 40-го флотского экипажа Владимир Алексеевич Корнилов на борту брига «Фемистокл».

The 40th Naval Unit's Navy Lt. Vladimir Alexeyevich Kornilov on board the Themistocles brig.

Акварельный портрет кисти К.П.Брюллова. 1835 г. (ГРМ)

В 1833 г. В.А.Корнилов участвовал в Босфорской экспедиции и за описание турецких укреплений был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (орденская ленточка видна в петлице вицмундира). За отличие в десанте 12 мая 1838 г. при Туапсе произведен в капитаны 2 ранга. 3 мая 1839 г. у Субаши «один из первых выскочил на берег, и, когда на самой опушке леса неприятель встретил авангард, Корнилов с вооруженными гребцами бросился вместе с авангардом для его отражения, чем весьма способствовал первому и решительному успеху. После высадки второго рейса капитан Корнилов, составя сводную команду из гребцов, с примерной решимостью повел их на атаку горы на правом фланге морского батальона. Во все время сражения капитан Корнилов показывал замечательное соображение и неустрашимость». За храбрость и распорядительность награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

моряков сильным ружейным огнем. Были смертельно ранены лейтенант 2-го учебного экипажа Ф. Е. Сутковой и матрос 1-й статьи 37-го флотского экипажа Якуб Бартнюк, а также легко ранены 5 рядовых. После этого контрабандистов расстреляли из корабельных орудий.

Крейсерство позволило русским войскам прочно закрепиться на берегу. Нередко появление корабля с грозной для черкесов артиллерией позволяло предотвратить их нападение на форт. В связи с этим была отработана практика боевых дежурств в угрожаемых пунктах. Например, 18 июля – 4 августа 1846 г. у форта Головинский дежурил корвет «Пилад», отправивший на берег десант (50 человек) и пристреливавший территорию. В результате горцы так и не решились напасть и рассеялись.

Благодаря постоянной боевой работе, подготовка экипажей Черноморского флота к морским десантам и действиям на берегу, а также абордажам стояла на очень высоком уровне. Поощрялась инициатива и самостоятельность. Скоро эти навыки, заложенные М. П. Лазаревым и развитые под его руководством Е. В. Путятиным, В. А. Корниловым, Н. Ф. Метлиным, П. С. Нахимовым, пригодились черноморским морякам на Севастопольских бастионах.

Героическая оборона Севастополя в 1854–1855 гг.

Библиография и источники:

Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1–5. СПб., 1871–1874.

Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова. СПб., 1859.

Зайончковский А.М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1904.

Ляшук П.М. Герои «Севастопольской страды». Кавалеры орденов Св. Георгия за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. Биографический справочник. Симферополь, 2001.

Ляшук П.М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Биографический справочник. Симферополь, 2005.

Описание обороны Севастополя. Т. 1–2. СПб., 1868–1872.

П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т. 2. СПб., 2003.

Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I–III. СПб., 1872–1873.

В середине XIX века очередное обострение отношений России и Турции, поддерживаемой европейскими державами, завершилось 20 октября 1853 г. объявлением войны. Но разгром турецкого флота черноморской эскадрой вице-адмирала П.С. Нахимова 18 ноября 1853 г. при Синопе поубавил воинственный пыл османов. Теперь Парижу и Лондону пришлось открыто выступить на стороне Порты. Союзные эскадры вошли в Черное море для защиты побережья Турции от российского флота. Ввиду столь неприязненных действий, Россия 9 февраля 1854 г. разорвала дипломатические отношения с Великобританией и Францией, которые в марте начали боевые операции. Манифестом 11 апреля 1854 г. Николай I официально объявил о войне. В тот же день англо-французский флот бомбардировал Одессу и попытался высадить десант на Пересыпи. Но 4 полевых орудия, установленных на берегу, отбили неприятеля картечью.

Между тем, еще в январе 1854 г. начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов принял по согласованию с главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму адмиралом светлейшим князем А.С. Меншиковым меры для организации сухопутной обороны Севастополя. В это время в городе располагались 29–39-й, 42-й, 44-й и 45-й флотские экипажи, части 40-го, 41-го и 43-го флотских экипажей, 17-й, 18-й и 19-й рабочие экипажи, части 15-го и 16-го рабочих экипажей, 3-я и 4-я роты 4-го ластового экипажа, арсенальная № 7 рота, портовые роты № 28–32, арестантские роты № 19–26, доковые роты № 27, 28, 30, госпитальная рота, 2-я половина лабораторной № 2 роты, военно-рабочие № 8 и № 10 роты, Инженерная команда, а также строевые судовые чины Корпуса морской артиллерии, – всего 28 210 человек. Поскольку сухопутный гарнизон Севастополя был невелик, его решили усилить морскими командами. 22 января 1854 г. В.А. Корнилов предписал, чтобы в случае тревоги на Театральной площади собирались 36-й и 45-й флотские экипажи с оружием и десантными единорогами 34-го экипажа, а также отряд из вооруженных ружьями музыкантов и писарей морского ведомства. Кроме того, ежедневно с каждого из стоявших на рейде кораблей для строительства укреплений назначался 1-й взвод 2-й абордажной партии, что в общей сложности составляло около тысячи человек.

Начальник штаба Черноморского флота генерал-адъютант вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов.

General-Adjutant Vice-Adm. Vladimir Alexeyevich Kornilov, chief of staff, Black Sea Fleet.

Литография. 1858 г. (РГБИ)

Поскольку с 1 марта 36-й и 45-й флотские экипажи поступили на корабли, В.А. Корнилов решил сформировать для береговой службы особые батальоны из матросов стрелковых и абордажных партий. Согласно наставлениям, составленным в 1830–1840-х гг. Е.В. Путятиным и В.А. Корниловым, при абордаже кораблей предусматривался последовательный вызов четырех партий: стрелковой, 1-й и 2-й абордажных и резервной. Каждая партия разбивалась на два взвода с тем, чтобы на шкафутах 1-й взвод строился по правой, а 2-й – по левой стороне. При командире корабля находился горнист, который играл соответствующие сигналы для управления партиями в бою. Сначала по тревоге вызывалась стрелковая партия, вооруженная ружьями со штыками. За отделением гребцов к баркасу и катерам, стрелковая партия 84-пушечного корабля насчитывала 5 унтер-офицеров и 71 рядового. При каждом ее взводе состоял горнист, принимавший сигналы от командира. Два взвода этой партии либо размещались по сеткам и вели беглый огонь, либо строились на палубе, держа ружья на руку. При сближении бортов за стрелковой партией вызывалась 1-я абордажная партия, вооруженная пиками, палашами, интрепелями, пистолетами и мушкетонами. Эта партия, также имевшая 1 горниста, размещалась за стрелками и по сигналу бросалась между ними на противника, а в случае неудачи отступала за них. Если бой приобретал затяжной характер, вызывалась 2-я абордажная партия. Ее 1-й взвод, вооруженный ружьями, составлял резерв стрелковой пар-

Вид Севастополя, рисованный с натуры И.К.Айвазовским 27 октября 1854 г.

View of Sebastopol painted by I.K. Aivazovsky on 27 October 1854.

Литография В.Ф.Тимма. 1855 г. (РГБИ)

тии, подкрепляя ее при неудаче или занимая сетки в случае проникновения стрелков на вражеский корабль. 2-й взвод с холодным оружием подкреплял 1-ю абордажную партию. Все эти партии составлялись из матросов с таким расчетом, чтобы корабельные орудия могли продолжать огонь. *«В крайнем только случае»* вызывалась последняя резервная партия. При этом комендоры оставляли свои орудия, закрывали порты и строились с ружьями на палубе, чтобы прикрыть отступление стрелков и абордажных и отбросить преследователей.

Однако отсутствие реальных абордажей приводило к снижению уровня боевой подготовки партий. Когда в июне 1850 г. В.А.Корнилов осмотрел вернувшиеся из крейсерства корабли, то обнаружил большие упущения. На бриге «Тезей» все абордажное оружие оказалось *«в самом жалком виде»*. На фрегате «Месемврия» интрепели 40-го флотского экипажа оказались *«большею частью переломаны с концов и даже сломаны и согнуты в крюках; пистолет и сабель нет»*. Итоги осмотра были неутешительными: *«Вообще абордажное оружие и даже ружья содержатся неудовлетворительно. Ружья ставят без пробок и с обржавленными замками. Интрепели переломаны. Все чистят редко и беспорядочно»*. Имевшиеся на некоторых кораблях древние мушкетоны и вовсе смотрелись как экзотика. Обнаружив их при осмотре корвета «Орест» в марте 1851 г., Корнилов отметил: *«Есть мушкетоны, но в таком состоянии, что лучше не иметь»*. В отчете 1853 года по Черноморскому флоту говорилось: *«Военные суда снабжены абордажным оружием: пиками, тесаками или палашами и интрепелями; некоторые суда снабжены мушкетонами и пистолетами разноманерными, по мере наличия, заготовленными в 1806 году, которые, впрочем, от долговременного употребления и по значительным повреждениям к дальнейшему служению неблагонадежны»*[22]. Тем не менее, энергичными действиями Корнилов заставил командиров судов обратить особое внимание на абордажное оружие и подготовку матросов. И вот теперь стрелковым партиям предстояло показать свою выучку, но уже не на кораблях, а на бастионах Севастополя.

7 марта 1854 г. на корабле «Великий Князь Константин» Корнилов поднял сигнал *«Прислать стрелковые партии кораблей»*. Быстро собралось около тысячи матросов с ружьями и надлежащим числом офицеров и унтер-офицеров. При этом вызов не нарушил корабельных расписаний и не лишил эскадру возможности вести артиллерийский огонь. Князь А.С.Меншиков, осмотрев вместе с Корниловым стрелковые партии, решил сформировать из них два десантных батальона. Стрелковая партия каждого корабля составляла один 24-рядный взвод (по 3 человека в ряду), 2 взвода – роту, а 6 взводов – один трехротный батальон. Таким образом, удалось сформировать:

1-й десантный батальон (командир капитан-лейтенант Н.П.Макухин) – из стрелковых партий кораблей «Селафаил», «Ягудиил», «Храбрый», «Три Святителя», «Чесьма» и «Париж»;

2-й десантный батальон (командир капитан-лейтенант граф Э.В.Наленч-Рачинский) – из стрелковых партий кораблей «Ростислав», «Двенадцать Апостолов», «Святослав», «Императрица Мария», «Великий Князь Константин» и «Варна».

Поскольку батальоны составлялись из стрелковых партий, то их часто для отличия от других называли еще *«стрелковыми»*. 22 июня 1854 г. по приказу Корнилова батальоны увеличили до 8 взводов. В 1-й батальон поступили стрелковая партия корабля «Уриил» и переведенная из 2-го ба-

[22] Несмотря на это, лишь 17 марта 1856 г. император разрешил заменить древние абордажные мушкетоны нарезными драгунскими ружьями. // *Зайончковский А.М.* Восточная война. 1853–1856. Т. I. СПб., 2002. С. 864.

Капитан 1 ранга Павел Александрович Перелешин.

Capt. 1st Rank Pavel Alexandrovich Perelesbin.

Фотография 1856 г. (Из семейного архива А.Ю. Королева-Перелешина)

Костромской дворянин П.А. Перелешин (1820–1901) вместе со старшим братом Михаилом (см. ниже) учился в Морском кадетском корпусе. 23.XII.1837 г. выпущен мичманом в Черноморский флот. Крейсировал на разных судах вдоль побережья Кавказа. 3.V.1839 г. участвовал в десанте при Субаши и был награжден Анненским оружием «За храбрость». За Синопское сражение 18.XI.1853 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. 7.I.1854 г. произведен в капитаны 2 ранга, назначен командиром корабля «Париж» и 35-го флотского экипажа. С 11.IX.1854 г. командовал 3-м морским батальоном, а затем возглавлял левый фланг 4-й дистанции (1-й и 2-й бастионы). За отличие при первой бомбардировке Севастополя награжден орденом Св. Анны 2-й степени. За ночную вылазку 10/11.III.1855 г. произведен 11.V.1855 г. в капитаны 1 ранга. 28.III.1855 г. контужен осколком бомбы в левый висок. 26.V.1855 г. ранен в голову и руку. 30.V.1855 г. назначен начальником новой 5-й дистанции (1-й и 2-й бастионы). *«За примерную храбрость и отменную распорядительность, оказанные при отражении штурма 6 июня 1855 г.»*, во время которого отбил три атаки французов, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». В середине августа покинул Севастополь. 26.XI.1855 г. за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах (месяц в осажденном Севастополе считался за год) награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. 29.II.1856 г. награжден орденом Св. Георгия 3-й степени *«в воздаяние подвигов, оказанных во время обороны Севастополя, где, начальствуя 5-м отделением оборонительной линии, постоянно отличался мужеством и храбростью и при отражении неприятельского штурма 6 июня 1855 года находился беспрерывно в брешах, сделанных неприятелем, также на всех важных пунктах вверенного отделения, и, наконец, отбил неприятеля, который в больших силах атаковал неоднократно эти важные пункты»*. После войны служил на Балтике. 15.V.1861 г. переведен на Каспий и назначен капитаном над Бакинским портом. 30.VIII.1863 г. контр-адмирал. С 21.XII.1864 г. градоначальник Таганрога. 16.IV.1866–8.IV.1873 гг. командир Гвардейского экипажа. 1.I.1872 г. генерал-адъютант. 8.IV.1873 г. вице-адмирал. 13.VIII.1873–1.III.1876 гг. первый Севастопольский градоначальник с правами губернатора. Восстановил разрушенное хозяйство Севастополя и превратил его в современный город. Один из главных создателей Музея Черноморского флота, председателем Комитета которого оставался до самой смерти. Первый почетный гражданин Севастополя. С 23.III.1881 г. директор Инспекторского департамента Морского министерства. 24.V.1883 г. член Адмиралтейств-совета. 21.IV.1891 г. адмирал. 18.XI.1898 г. в день 45-летия Синопского сражения награжден высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного.

тальона партия (взвод) корабля «Ростислав». Во 2-м батальоне взвод «Ростислава» заменили стрелковой партией корабля «Гавриил», и сформировали 7-й взвод из стрелковых партий фрегатов «Кулевча» и «Коварна», а 8-й – фрегатов «Месемврия» и «Флора». Новые взводы составили в батальонах четвертые роты. Организационно 1-й батальон был теперь приписан к 4-й, а 2-й – к 5-й флотским дивизиям. По вторникам, средам, пятницам и субботам батальоны свозили рано утром на берег, где учили пехотным боевым порядкам, егерскому строю и стрельбе в цель.

1 июля в дополнение к двум десантным батальонам Корнилов приказал сформировать еще два батальона из первых взводов вторых абордажных партий. Указанные взводы составлялись из трех номеров от каждого орудия нижней батареи, двух от орудий средней (120-пушечного корабля) или верхней (84-пушечного корабля) батареи и по одному от орудий верхней батареи 120-пушечного корабля. Эти номера не имели серьезных обязанностей по боевым расписаниям и фактически являлись запасными, а также предназначались для береговых работ и службы на призовых судах. Новые батальоны должны были приучаться к сухопутным действиям и считались резервными для 1-го и 2-го батальонов. **3-й десантный батальон** (8 взводов) капитан-лейтенанта Н.Ф. Гусакова формировался из партий кораблей 4-й флотской дивизии, а **4-й десантный батальон** (6 взводов) капитан-лейтенанта Е.И. Лесли – из партий 5-й флотской дивизии. Для отличия от первых двух эти батальоны называли еще *«абордажными»*. Общее руководство всеми 4 десантными батальонами осуществлял капитан 1 ранга А.Д. Варницкий.

Получив 1 сентября 1854 г. известие о приближении вражеского флота с крупным десантом, Корнилов 2 сентября распорядился сформировать еще 4 батальона из матросов кораблей и фрегатов, позиции которых в случае морской атаки рейда являлись незначительными. Новые батальоны получили номера по номерам флотских экипажей, на основе личного состава которых они создавались. Из команд корабля «Уриил» и фрегата «Флора» составили **34-й батальон**, корабля «Ростислав» и фрегата «Сизополь» – **36-й батальон**, корабля «Гавриил» и фрегата «Кагул» – **37-й батальон**, из команды корвета «Калипсо» и прибывшей из Николаева партии рекрут–**1-й рек-**

рутский батальон. Общее командование этими батальонами поручили капитану 2 ранга А. Н. Скоробогатову. Со 2 сентября один батальон, чередуясь, нес городские караулы, а три батальона оставались в городе в виде мобильного резерва.

Между тем с 1 сентября 1854 г. английские, французские и турецкие войска начали высаживаться около Евпатории. Главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму светлейший князь А. С. Меншиков двинулся навстречу врагу и занял позицию вдоль реки Альма. Сюда князь стал стягивать все расположенные в Крыму русские части. Ночью с 3 на 4 сентября 2-й десантный (стрелковый) батальон, усиленный командами бригов «Эней» и «Язон» и 4 десантными орудиями, двинулся под общим командованием капитан-лейтенанта Д. В. Ильинского на позицию при реке Кача, откуда утром отправился к действующей армии. Причем, если сам батальон был вооружен ружьями, то команды бригов имели лишь свое абордажное оружие, и взвод моряков под командованием юнкера флота Л. И. Гавришева шел в бой с пиками и интрепелями![23] Прийдя на Альму, батальон расположился в центре русской позиции, рассыпав стрелковую цепь за рекой в виноградниках и садах около деревни Бурлюк. Всего князю Меншикову удалось собрать на Альме около 33 тысяч штыков и 84 орудия. Союзники, завершив высадку, подошли к русской позиции вечером 7 сентября, имея около 58 тысяч человек при 96 орудиях.

В полдень 8 сентября 1854 г. началось кровопролитное сражение. Около 14 часов 2-я дивизия англичан атаковала деревню Бурлюк. Британские стрелки завязали бой в садах. Сдерживая их наступление, рассыпанные группы штуцерных, моряков и саперов отошли за Альму и подожгли Бурлюк. Постройки быстро вспыхнули, загорелся мост через реку, черный дым затянул долину реки. Не имея места, чтобы развернуться, англичане залегли под русскими выстрелами, ведя перестрелку через реку и неся большие потери от артиллерийского огня. В конце концов, сбросив ранцы, британская пехота двинулась в атаку, обходя горящую деревню с двух сторон. Но пока 2-я дивизия вышла к Альме, она потеряла четверть личного состава. Форсировав реку, ее батальоны не смогли продвинуться вперед и опять завязли в перестрелке. Упорный бой в дыму и горящих развалинах шел с переменным успехом. В конце концов, охват французами левого фланга русской позиции вынудил князя Меншикова в 16 часов начать отступление. Русские войска потеряли убитыми и ранеными 15 % личного состава. Имелись потери и у моряков. Так, получил ранение в правую руку мичман 37-го флотского экипажа В. Н. Алтуфьев, а мичман 41-го флотского экипажа И. Г. Сахновский был контужен штуцерной пулей в голову. За проявленную храбрость нескольких моряков, в частности, гардемарина А. В. Новосильцева, наградили Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия.

Союзники также понесли чувствительный урон и два дня оставались на поле битвы. В это время войска князя Меншикова 9 сентября подошли к Севастополю. Естественно было предполо-

[23] *Рерберг П.Ф.* Севастопольцы. Вып. 2. СПб., 1904. Л. 23.

Капитан 1 ранга Михаил Александрович Перелешин.

Capt. 1st Rank Mikhail Alexandrovich Perelesbin.

Фотография 1856 г. (Из семейного архива А. Ю. Королева-Перелешина)

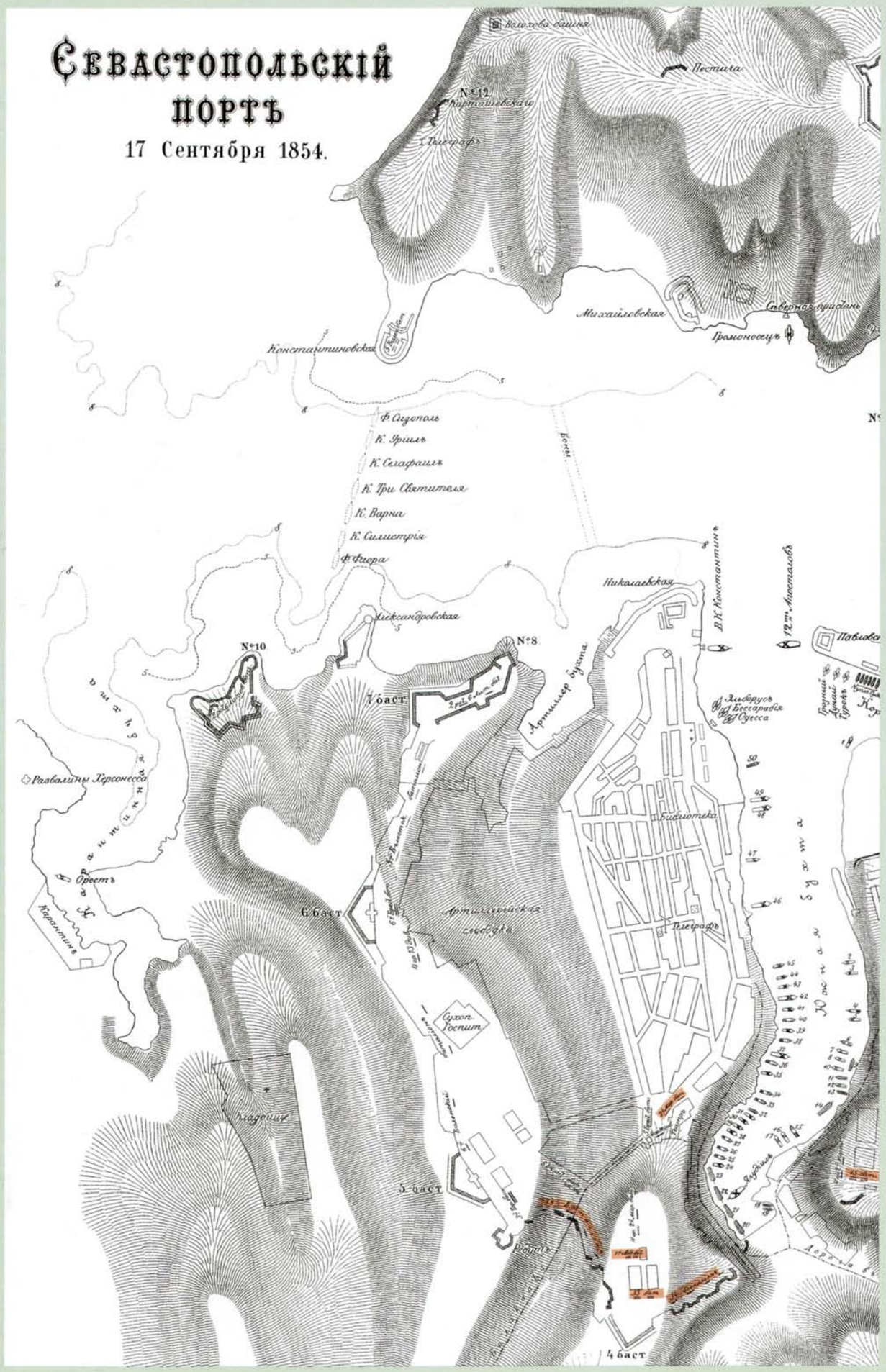
Костромской дворянин М. А. Перелешин (1818–1857) 23.XII.1836 г. был выпущен из Морского кадетского корпуса мичманом в Черноморский флот. Крейсировал на разных судах вдоль побережья Кавказа. За Синопское сражение 18.XI.1853 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. 7.I.1854 г. произведен в капитаны 2 ранга, назначен командиром фрегата «Мидия» и 45-го флотского экипажа. В начале обороны Севастополя командовал 45-м флотским батальоном. 22.IX.1854 г. назначен начальником артиллерии 4-й дистанции. За отличие при первой бомбардировке Севастополя награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. За ночную вылазку 10/11.III.1855 г. произведен 11.V.1855 г. в капитаны 1 ранга. *«За примерную храбрость и распорядительность»* при отражении штурма 6.VI.1855 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. 29.VI.1855 г. назначен начальником 3-й дистанции. 27.VIII.1855 г. лично, с пистолетом в руке возглавил отражение штурма и, *«когда неприятель ворвался на 3-й бастион, одушевив людей примером собственного мужества, бросился в штыки и, хотя при этом был тяжело ранен* [в руку], *не оставил своего места, доколе неприятель не был прогнан с огромным уроном»*. Участник боя майор Н. А. Горбунов вспоминал: *«Нападение было произведено так неожиданно, с такой дерзостью, что наши войска растерялись, не знали что делать, и солдаты отступали за траверзы. <...> Перелешин, увидев отступающих солдат, закричал, чтобы они шли вперед, но солдаты были поражены до того, что, не обращая внимания на приказание, продолжали отступление. Тогда Перелешин, обратившись к другой кучке солдат, уговорил вместе с ним броситься на англичан – и мгновенно все изменилось: наши потеснили неприятеля, к нам подоспела помощь, и 3-й бастион был отбит»*. За этот подвиг М. А. Перелешин был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, став единственным участником обороны Севастополя, получившим сразу две степени высшего военного ордена России. После войны служил на Балтике.

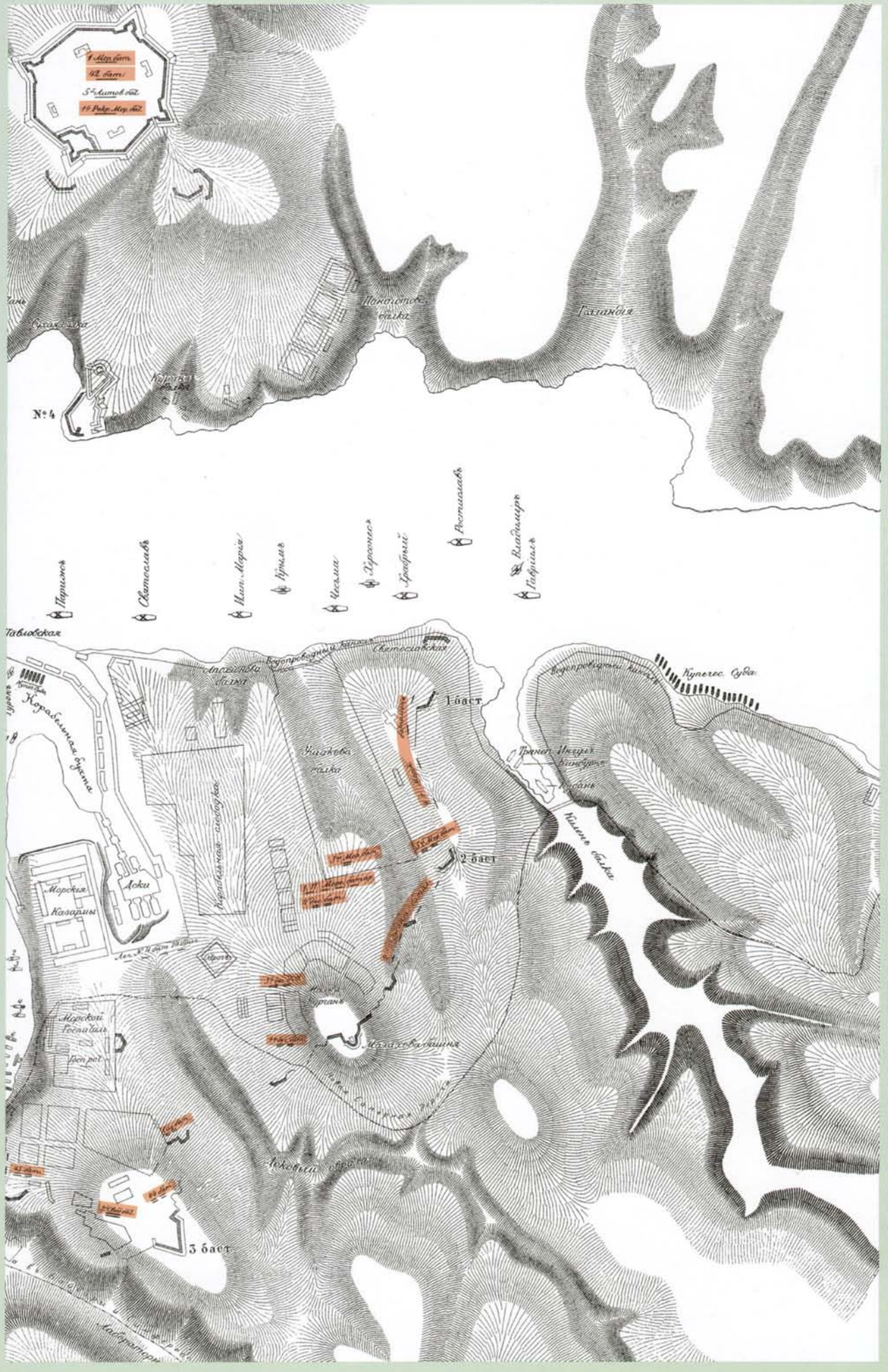
План укреплений Севастополя 17 сентября 1854 г.

Plan of Sebastopol's fortifications. 17 September 1854.

Гравюра 1859 г. (РГБ)

На плане цветом выделены батальоны моряков, расположенные на севастопольских бастионах.




№ 4
Голландия
Парижъ
Святославъ
Имп. Марія
Крымъ
Чесма
Херсонесъ
Храбрый
Ростиславъ
Владиміръ
Гавріилъ
Павловская
Корабельная бухта
Морскія Казармы
Доки
Морской Госпиталь
1 баст
2 баст
3 баст
Купечес. Суда

[24] Прежние 34-й, 36-й и 37-й батальоны, сформированные 2 сентября 1854 г., были при этом упразднены.

[25] 10 апреля 1837 г. Николай I велел флотским экипажам *«в строю, на место знамен, установленных для сухопутных войск, иметь особые на древках флаги»*. В черноморских экипажах они представляли собой полотнище Андреевского флага на белом древке с позолоченным навершием, в копье которого помещались два скрещенных якоря под короной.

Русские матросы.

Russian sailors.

Рисунок французского офицера Вансона. 1856 г. (Музей армии, Париж)

Этот рисунок интересен тем, что показывает повседневный внешний вид моряков. В расстегнутом мундире изображен квартирмейстер.

жить, что враг с ходу атакует Северную сторону и, овладев ей, фактически покорит город. Наспех построенные моряками укрепления не смогли бы удержать превосходящего противника. В связи с этим князь Меншиков решил вывести сухопутные войска из Севастополя на Бахчисарайскую дорогу, чтобы не оказаться заблокированным на Южной стороне и сохранить операционную линию, связывавшую его с империей. Оборону города князь поручил морякам и резервным батальонам 13-й пехотной дивизии. По его замыслу, союзники не отважились бы атаковать Северное укрепление, имея русскую армию на фланге и в тылу. Для пресечения возможности атаки Севастополя союзным флотом, ночью с 10 на 11 сентября при входе на рейд пришлось затопить старые корабли «Три Святителя», «Уриил», «Варна», «Силистрия», «Селафаил», а также фрегаты «Флора» и «Сизополь». Остальные корабли тоже приготовили к затоплению и разместили в бухтах так, чтобы своим огнем они могли поддерживать сухопутную оборону.

Покидая город, князь Меншиков поручил 11 сентября вице-адмиралу В.А. Корнилову оборону Северной стороны, а вице-адмиралу П.С. Нахимову – Южной стороны. Северное укрепление заняли 4 десантных морских батальона капитана 1 ранга А.Д. Варницкого. В тот же день из команд затопленных судов, а также фрегатов «Кулевча» и «Коварна» по указанию князя Меншикова началось спешное формирование 6 морских батальонов, сохранивших номера своих флотских экипажей – **29-й, 32-й, 34-й, 42-й, 44-й** и **45-й флотские батальоны**[24]. Экипажные командиры становились при этом командирами батальонов. Но знаменные флаги экипажей батальонам решили не передавать, и свезли их для хранения на пароход «Владимир»[25]. Из команд затопленных фрегатов «Флора» и «Сизополь» составили еще один **Сизопольско-Флорский батальон**, которому придали подвижную морскую батарею. Общее командование новыми батальонами поручили вице-адмиралу Ф.М. Новосильскому. 44-й батальон отправили для усиления гарнизона береговой батареи № 10. Остальным батальонам следовало по тревоге собираться на Театральной площади в резерве оборонительной линии Южной стороны.

Дополнительно из команд кораблей, оставшихся в строю, сформировали еще 5 морских батальонов под общим командованием капитана 1 ранга Ф.Д. Бартенева. Каждый батальон составлялся от двух кораблей под командованием одного из командиров и должен был насчитывать не менее 500 человек: **1-й морской батальон** с кораблей «Ягудиил» и «Храбрый» (капитан 1 ранга Ф.Д. Бартенев); **2-й морской батальон** с кораблей «Чесьма» и «Ростислав» (капитан 1 ранга В.М. Микрюков); **3-й морской батальон** с кораблей «Париж» и «Гавриил» (капитан 2 ранга П.А. Перелешин); **4-й морской батальон** с кораблей «Двенадцать Апостолов» и «Святослав» (капитан 1 ранга Н.Ф. Юрковский); **5-й морской батальон** с кораблей «Императрица Мария» и «Великий Князь Константин» (капитан 2 ранга Л.И. Будищев). Эти 5 батальонов на рассвете 12 сентября свезли с кораблей на Северную сторону. Вместе с уже находившимися там 4 десантными и 1-м рекрутским батальонами им предстояло защищать Северное укрепление и его внешние ретраншементы. В тот же день 12 сентября в дополнение к ним с Южной стороны перевезли Сизопольско-Флорский и все номерные батальоны, кроме 44-го, оставленного в батарее № 10. Таким образом, для защиты Северной стороны Черноморский флот выставил 16 батальонов. *«У меня 10.000 наших моряков, взятых с кораблей,* – писал В.А. Корнилов. – *Укрепления в надежном виде, и я, если армия сделает свое, надеюсь отдуться. Берег этот, кроме войска, защищается кораблями и пароходами; с моря же мы недосягаемы»*. Одновременно для усиления Южной стороны по приказу вице-адмирала П.С. Нахимова из арсенальных, портовых, рабочих, ластовых и лабораторных рот сформировали отряды артиллерийской прислуги.

Утром 13 сентября морские батальоны приготовились к жестокой битве за Севастополь.

Капитан 1 ранга Виктор Матвеевич Микрюков.

Capt. 1st Rank Victor Matveyevich Mikryukov.

Литография 1859 г.

Дворянин Таврической губернии В.М.Микрюков (1808–1875) с 1822 г. служил на Черноморском флоте. За участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. награжден Анненским оружием «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. 27.VII.1831 г. участвовал в занятии Геленджика. 18.XI.1853 г. в Синопском сражении, командуя кораблем «Чесьма», подавил две турецкие береговые батареи и был произведен в капитаны 1 ранга. С 11.IX.1854 г. возглавил 2-й морской батальон, затем командовал 33-м флотским экипажем. За отличие при первой бомбардировке Севастополя награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В феврале 1855 г. назначен командиром левого фланга 1-й дистанции. С 21.IV.1855 г. начальник артиллерии 2-й дистанции. 23.III.1855 г. на 4-м бастионе тяжело контужен осколком бомбы в голову и руку и отправлен на лечение в Николаев. С 6.VIII.1855 г. вернулся в строй и попеременно командовал 4-й дистанцией, а в последние дни обороны возглавлял 5-ю дистанцию. 16.XI.1855 г. награжден орденом Св. Георгия 3-й степени *«в воздаяние подвигов отличной храбрости, необыкновенного хладнокровия и деятельной распорядительности, оказанных 27 августа во время последнего штурма Севастопольских укреплений, где при отступлении, оставляя последним вверенное отделение обороны, взорвал под личным надзором пороховые погреба»*. После войны служил на Каспии. 23.IV.1861 г. контр-адмирал. В 1867 г. вернулся на Черное море и 1.I.1868 г. был произведен в вице-адмиралы.

Капитан-лейтенант Николай Яковлевич Астапов.

Lieutenant Nikolai Yakovlevich Astapov.

Литография 1862 г.

Херсонский дворянин Н.Я.Астапов (1826–1862) с 1842 г. служил на Черноморском флоте и крейсировал на разных судах вдоль побережья Кавказа. 7.IV.1846 г. произведен в лейтенанты. С 5.X.1854 г. состоял на 3-й оборонительной дистанции Севастополя *«начальником штуцерных команд от всех полков, потом траншей-майором»*. 6.XII.1854 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени по представлению начальника дистанции контр-адмирала А.И.Панфилова, в котором говорилось: *«Ежедневно ходит со штуцерными охотниками отгонять английских стрелков, приблизившихся к бастиону № 3, днем и ночью мешает им проводить траншеи, делая внезапные нападения самыми малыми партиями и отгоняя их; до сего времени заведует дневными и ночными аванпостами и под собственным своим наблюдением ведет контр-траншеи, которыми довольно приблизился к неприятелю и тем оттеснил его стрелков. Этому офицеру, можно сказать, обязана 3-я дистанция тем, что неприятельские стрелки не беспокоят прислугу орудий»*. За ночную вылазку 8/9.XII.1854 г. награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», за вылазку 31.XII.1854 г. произведен в капитан-лейтенанты, а за вылазку 10/11.III.1855 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Во время ночных боев ранен штыком в бок, контужен прикладом в грудь и потерял указательный палец на левой руке. После войны служил на Балтике, а в 1857 г. вернулся на Черное море.

Лейтенант Федор Федорович Титов.

Lieutenant Junior Grade Fyodor Fyodorovich Titov.

Литография 1862 г.

Новгородский дворянин Ф.Ф.Титов (1830–1880) 1.VI.1849 г. был выпущен из Морского кадетского корпуса мичманом в Черноморский флот. Крейсировал на разных судах вдоль западного побережья Кавказа. 17.XI.1853 г. на фрегате «Флора» участвовал в сражении с тремя турецкими пароходами у Пицунды. С 11 по 13.IX.1854 г. со стрелковой партией фрегата «Коварна» (2-й полувзвод 7-го взвода 4-й роты 2-го десантного батальона) находился на укреплениях Северной стороны. С 13 по 30.IX.1854 г. командовал 4-й ротой 2-го десантного (стрелкового) батальона на Малаховом кургане, руководил аванпостами. С 30.IX.1854 г. командир 10-пушечной батареи № 25 между 4-м и 5-м бастионами (батарея Титова). 22.XI.1854 г. назначен траншей-майором по 1-й дистанции. Со своими орудиями участвовал в ночных вылазках с редута Шварца и 5-го бастиона. Как отмечалось в наградном представлении, *«в ноябре 1854 г. лейтенант Титов каждую ночь в течение более недели выходил за линию наших укреплений с 4-мя горными орудиями и, приблизившись к месту работ неприятеля, соединявшего траншеи против 5-го и 4-го бастионов, много бил и разгонял рабочих»*. За отличие произведен 6.XII.1854 г. в лейтенанты. Руководил ночной вылазкой 7/8.I.1855 г. и при взятии второй траншеи был тяжело ранен штуцерной пулей в грудь навылет. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Из-за ранения покинул Севастополь. За многочисленные подвиги 21.XII.1856 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После войны прикомандирован 8.X.1856 г. к Морскому кадетскому корпусу, затем 14.II.1857 г. к Гвардейскому экипажу. 2.II.1859 г. зачислен в Гвардейский экипаж с назначением командиром императорских катеров. С 15.III.1860 г. начальник Петергофского порта. 1.I.1877 г. произведен в капитаны 1 ранга.

Сведения о батальонах моряков Черноморского флота, расположенных на оборонительных дистанциях Севастополя 16 сентября 1854 г.

	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Унтер-офицеры	Музыканты	Матросы	Нестроевые
1-й десантный (стрелковый) батальон	1	18	52	19	588	-
2-й десантный (стрелковый) батальон	1	18	48	24	592	1
3-й десантный (абордажный) батальон	1	14	49	16	576	6
4-й десантный (абордажный) батальон	1	14	40	16	484	-
1-й морской батальон*	1	11	39	15	520	1
2-й морской батальон	1	12	46	16	519	2
3-й морской батальон	1	12	50	12	523	-
4-й морской батальон	1	10	42	12	500	-
5-й морской батальон	1	10	24	9	520	-
1-й рекрутский батальон*	1	11	15	2	86	-
Сизопольско-Флорский батальон	1	12	34	8	360	-
1-й сводный морской батальон	1	11	43	4	690	-
2-й сводный морской батальон	2	10	66	6	756	4
29-й флотский батальон	1	10	39	12	473	14
32-й флотский батальон	1	8	44	7	510	3
34-й флотский батальон	1	8	29	7	414	1
42-й флотский батальон*	2	4	32	9	370	-
44-й флотский батальон	2	15	52	12	523	3
45-й флотский батальон	1	9	22	10	388	39
Рекрутский маршевый батальон**	1	5	8	-	805	7
Всего:	**23**	**222**	**774**	**216**	**10197**	**81**

* Батальоны располагались на Северной стороне Севастополя. Остальные батальоны занимали позиции на оборонительных дистанциях Южной стороны.

** 24 сентября 1854 г. батальон был расформирован, а рекруты расписаны по флотским экипажам.

Но неожиданно союзники вместо быстрой фронтальной атаки двинулись на восток. Военачальники союзных армий, увидев земляные укрепления Северной стороны, наспех построенные моряками, переоценили их мощь и решили обойти Севастополь, чтобы штурмовать его с юга. Увидев это, Корнилов утром 14 сентября приказал перевезти на пароходах через рейд и расположить по линии обороны Южной стороны 11 морских батальонов: 4 десантных, 4-й и 5-й морские, 29-й, 32-й, 34-й, 45-й и Сизопольско-Флорский. Дополнительно П.С.Нахимов приказал свезти на берег по 300 матросов с трех 120-пушечных кораблей и по 100 с шести 84-пушечных. Из них сформировали еще два батальона–**1-й сводный морской батальон** капитана 2 ранга А.П. Спицына (матросы из команд кораблей «Париж», «Гавриил», «Чесьма», «Храбрый», «Ростислав») и **2-й сводный морской батальон** капитана 2 ранга А.Х. Винка («Двенадцать Апостолов», «Великий Князь Константин», «Императрица Мария», «Святослав»). Общее командование этими батальонами поручили капитану 1 ранга Л.А. Ергомышеву.

14 сентября союзники заняли Балаклаву (см. стр. 106). Днем 15 сентября неприятельские разъезды показались в окрестностях Севастополя. В тот же день на Южную сторону дополнительно перевезли 2-й и 3-й морские батальоны. Вокруг оборонительной линии был совершен крестный ход, по окончании которого В.А. Корнилов объехал войска, воодушевляя их словами: *«Царь надеется, что мы отстоим Севастополь; да нам и некуда отступать: позади море, впереди неприятель. <...> Помни же – не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду – тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступить – коли меня!»*. Моряки единодушно отвечали: *«Умрем за родное место!»*. Но осмотрев свои батальоны, Корнилов с горечью признавал: *«4 приобучены порядочно*[26]*, а остальные и плохо вооружены, и плохо приобучены; но что будет, то будет – других нет. Чтобы усилиться, формируем еще команду из обоза»*.

После флангового марша союзников возобновилось сообщение гарнизона с армией князя Меншикова и Симферополем, благодаря чему из Севастополя удалось эвакуировать многих мирных жителей. 19 сентября начались перестрелки и стычки с неприятелем. Первым отличился боцман 32-го флотского экипажа Халюта. Ночью он заметил двух англичан, пытавшихся пробраться сквозь цепь русских дозоров. Одного он заколол штыком, а второй бежал. В тот же день союзные войска расположились в 3-х верстах от русских укреплений: французы заняли большую часть

[26] Имеются в виду 4 десантных батальона, сформированные и обученные раньше остальных.

Вид на Севастополь во время бомбардировки 5 (17) октября 1854 г.

View of Sebastopol during the bombardment on 5 (17) October 1854.

Картина К.Юбера и А.Виктора. 1860-е гг.

(Музей героической обороны и освобождения Севастополя)

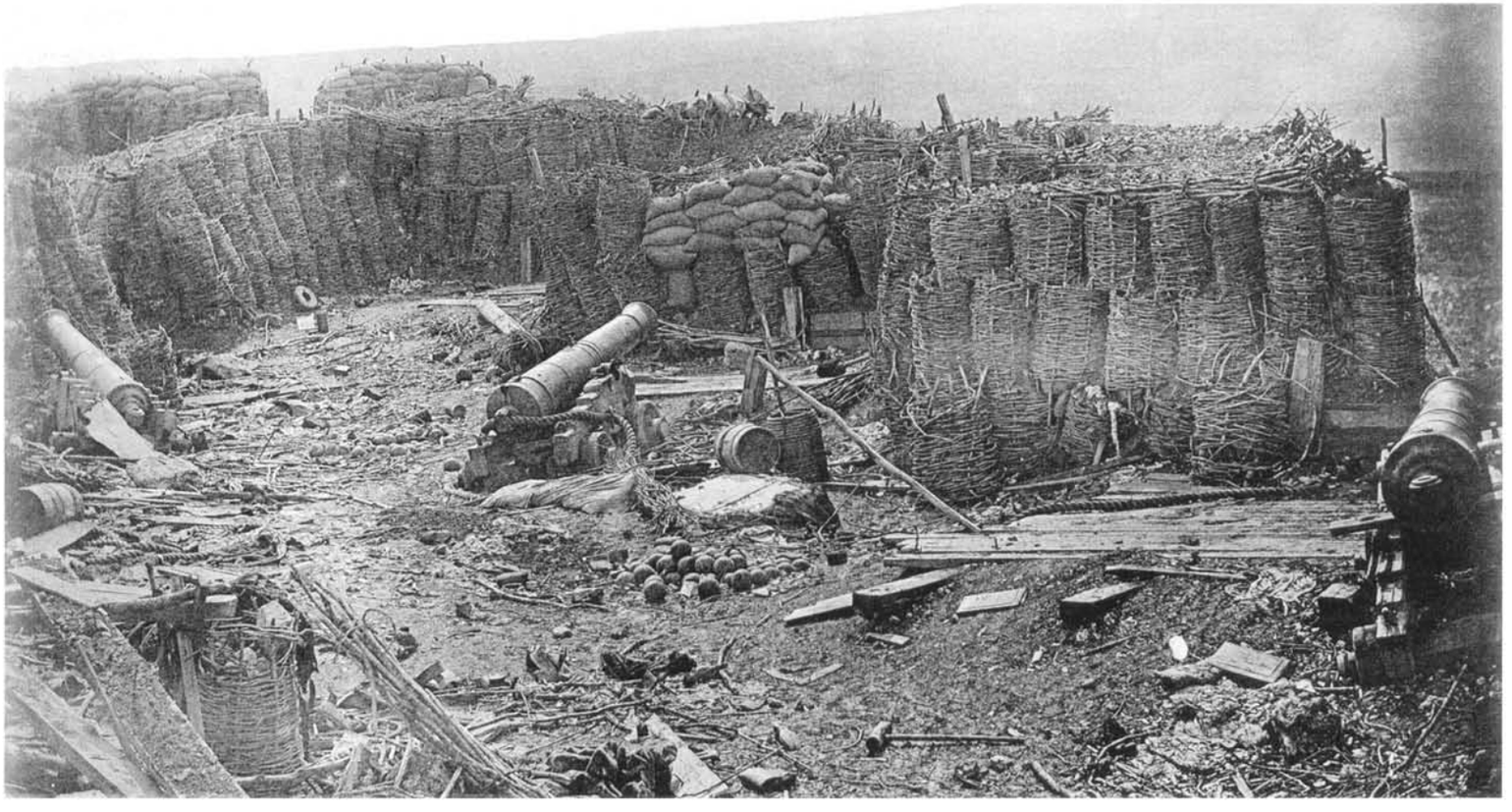
осадной линии справа и слева, а по центру, против 3-го бастиона встали англичане. Ночью унтер-офицер 45-го флотского экипажа Прокофий Петренко находился с 12 матросами дозором в лощине впереди 3-го бастиона. Услышав тихий говор и топот копыт, матросы дали залп и бросились на врага. Неприятель ускакал, но Петренко доставил на бастион 6 ружей, 12 французских пальто и много других вещей. Вице-адмирал П.С.Нахимов, объезжая утром войска, вызвал Петренко, поцеловал его в лоб и надел ему на грудь Георгиевский крест.

После полудня 23 сентября на правом фланге русской линии моряки совершили первую вылазку. 29-й флотский экипаж с двумя орудиями и несколькими казаками отправился по Балаклавской дороге к Рудольфовой горе, чтобы разорить хутор между 4-м и 5-м бастионами. Этот хутор имел длинную стену, тянувшуюся параллельно линии русских укреплений. Из дома и из-за стены французские стрелки вели огонь по бастионам. Моряки отогнали вражеских стрелков и эскадрон кавалерии, срыли стену и сожгли дом. Эта вылазка подбодрила гарнизон. Уже через день, ночью с 25 на 26 сентября, моряки сделали еще одну вылазку, но на этот раз неудачно. Около 23 часов из 5-го бастиона отправились 80 матросов 3-го десантного (абордажного) батальона, 20 штуцерных Московского пехотного полка и 35 саперов под общим руководством лейтенанта 44-го флотского экипажа П.Ф. Гусакова. Отряд планировал выбить французских стрелков, засевших за разрушенной оградой хутора, прилегавшего к сожженному накануне 29-м флотским экипажем. Но на высоте охотники неожиданно встретили батальон 39-го линейного полка и две роты 19-го стрелкового батальона. В завязавшейся сильной перестрелке был убит мичман 30-го флотского экипажа Ф.И. Иванов и ранен 1 рядовой. В это время казаки обнаружили за холмом еще 9 французских батальонов, встревоженных выстрелами и собиравшихся вступить в дело. Охотники стали спешно отступать к 5-му бастиону, но тут попали под картечные выстрелы, которыми бастион пытался прикрыть их в ночной темноте. В результате еще 1 матрос оказался убит, 5 ранены, а лейтенанту Гусакову картечью оторвало пятку левой ноги. Сигналом горна удалось обозначить ошибку и обеспечить возвращение охотников.

Ограничиваясь рекогносцировками и перестрелками на аванпостах, союзники не предпринимали активных действий, ожидая доставку осадных орудий. Ночью с 28 на 29 сентября французы заложили первую параллель. Вскоре к ним присоединились англичане. Но земляные работы выполнялись их солдатами неохотно и крайне медленно. Отсрочка штурма позволила В.А. Корнилову произвести реорганизацию морских батальонов. Их существенным недостатком являлся наспех сколоченный и смешанный состав. Корнилов решил упразднить батальоны, вернуть матросов по флотским экипажам, которые и использовать в качестве боевых единиц. В соответствии с этим 30 сентября 1854 г. он приказал расформировать все десантные, морские и флотские батальоны, а укомплектованные

[27] 29 марта 1855 г. построенные на Килен-балочных высотах Волынский и Селенгинский редуты были объединены в новую 5-ю дистанцию обороны под командованием генерал-майора Н.Д.Тимофеева. После падения редутов 26 мая 1855 г. и смерти генерала Тимофеева в 5-ю дистанцию объединили линии укреплений 1-го и 2-го бастионов под общим командованием капитана 1 ранга П.А.Перелешина.

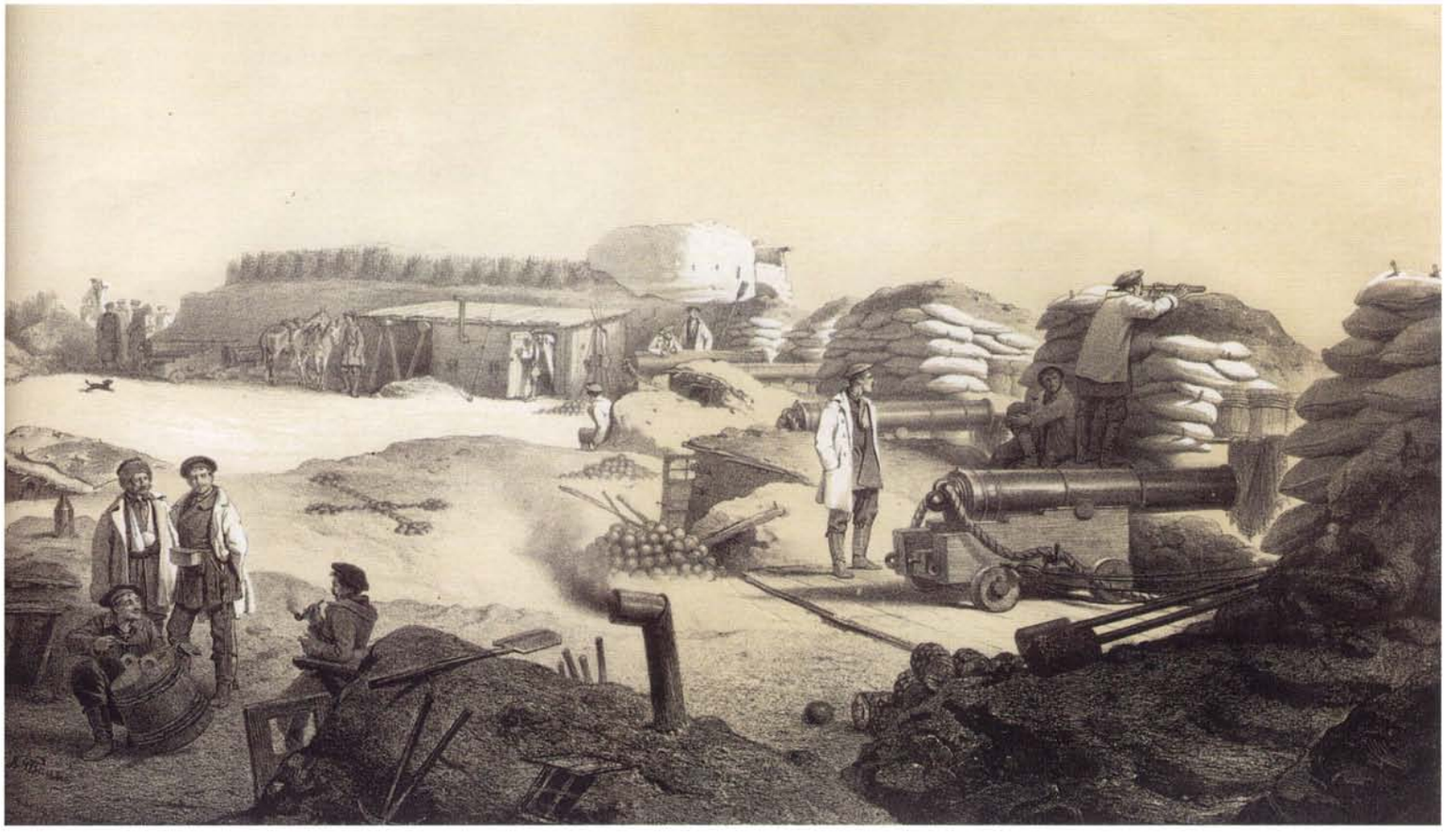
[28] 1-й дистанцией, занятой в основном сухопутными войсками, командовал генерал-майор А.О.Асланович.



Русская батарея на Малаховом кургане. Сентябрь 1855 г.

Russian battery at the Malakhov Mound. September 1855.

Фотография английского художника Джеймса Робертсона. (Фототипия 1893 г. из коллекции П.В.Хорошилова)



16 флотских экипажей распределил по укреплениям следующим образом:

Северное укрепление: 31-й и 42-й экипажи;

1-я дистанция (5-й, 6-й и 7-й бастионы): 33-й флотский экипаж и команда фрегата «Флора» (43-го экипажа) – в резерве дистанции;

2-я дистанция (4-й бастион): 29-й, 32-й, 34-й и 37-й флотские экипажи;

3-я дистанция (3-й бастион): 38-й, 40-й, 41-й и 45-й флотские экипажи;

4-я дистанция (Малахов курган, 1-й и 2-й бастионы[27]): 35-й, 36-й, 39-й и 44-й экипажи;

Охрана гавани: 30-й флотский экипаж на 84-пушечном корабле «Ягудиил».

Моряки размещались на оборонительной линии так, чтобы каждый адмирал, командующий дистанцией (2-й – вице-адмирал Ф. М. Новосильский, 3-й – контр-адмирал А. И. Панфилов, 4-й – контр-адмирал В. И. Истомин)[28], имел в своем подчинении те же экипажи, которыми он командовал раньше во флотской бригаде или дивизии. Командиры кораблей и экипажей назначались начальниками тех бастионов, где служили их офицеры и матросы. Интересно отметить, что в обиходе экипажи продолжали называться батальонами. От каждого экипажа (батальона) назначалась артиллерийская прислуга на то или иное укрепление дистанции. Сам же экипаж (батальон) оставался в городе и служил как бы резервной базой для своих людей на бастионах. Батальоны пополняли потери защитников, готовили пищу и разносили ее по редутам, а также выполняли различные земляные и строительные работы. Для большего соответствия береговой службе экипажам с корабля «Владимир» выдали их знаменные флаги.

Наконец, утром 5 октября 1854 г. союзники начали первую массированную бомбардировку Севастополя. 120 орудий обрушили тысячи снарядов на укрепления, построенные в основном из земли и щебня. Но, несмотря на убийственный огонь, защитники спешно исправляли разрушения, откапывали засыпанные орудия и активно отвечали на вражескую канонаду. Около 10 часов русским комендорам на правом фланге удалось взорвать два пороховых погреба французов, что нанесло им огромный урон и заставило прекратить бомбардировку. В свою очередь англичане около 15 часов взорвали пороховой погреб 3-го бастиона и совершенно разрушили его укрепления. Во время бомбардировки начальники обороны и дистанций лично объезжали войска, воодушевляя их своим примером. Около полудня посещавший Малахов курган вице-адмирал В. А. Корнилов был смертельно ранен ядром, раздробившим ему левое бедро. *«Отстаивайте же Севастополь!»*, – произнес он и потерял сознание. Через несколько часов храбрый организатор и вдохновитель севастопольской обороны умер. Последними его словами были: *«Благослови, Господи, Россию и государя, спаси Севастополь и флот»*. На следующий день адмирала по-

Внутренний вид батареи № 28 (батареи Станиславского) на правом фланге Малахова кургана.

The inner view of Battery 28 (Stanislavsky Battery) on the right flank of the Malakhov Mound.

Литография по рисунку, выполненному В.Ф.Тиммом с натуры в Севастополе в 1855 г. (РГБИ)

По приказу вице-адмирала П.С.Нахимова на месте смертельного ранения В.А.Корнилова 14-летний юнга Д.А.Бобырь со своими товарищами выложил крест из ядер.

Поединок – схватка русского матроса с шотландским солдатом под Севастополем.

Fight of a Russian sailor and a Scottish soldier vic. Sebastopol.

Картина художника А.Н.Попова. 1899 г. (Государственный мемориальный музей А.В.Суворова)

хоронили в склепе Владимирского собора рядом с могилой М.П.Лазарева. По распоряжению императора укрепления Малахова кургана получили в память о герое название Корниловского бастиона.

Несмотря на полное разрушение 3-го бастиона, союзники так и не решились его атаковать. В отличие от англичан, французам не удалось сломить русскую оборону. Деморализованные взрывами пороховых погребов, они не смогли навести порядок в своей артиллерии. За ночь русские моряки и солдаты восстановили 3-й бастион, и утром 6 октября англичане опять принялись бомбардировать его укрепления. Но французы весь день не открывали стрельбы, что позволило защитникам упрочить свое положение. На рассвете 7 октября союзные орудия снова открыли бомбардировку, перенеся основной удар на 4-й бастион. *«Были дни, в которые повреждения, делаемые неприятелем, были так велики, что казалось бастиону не предстояло возможности поправиться*, – вспоминал один из участников героической обороны, – *однако необыкновенное мужество его гарнизона и меры, взятые начальником инженерных работ полковником Тотлебеном, снова возрождали бастион этот из кучи песку и камней в твердыню, сокрушать которую неприятель принимался с новой, ожесточенной силой».*

Защитники города не только храбро переносили бомбардировку, но и активно действовали против вражеских позиций. Ночью с 8 на 9 октября две команды охотников под руководством лейтенанта П.П.Троицкого и мичмана князя Д.А.Путятина совершили удачную вылазку. 212 человек, в том числе 27 матросов 33-го флотского экипажа, ворвались во французские траншеи и, переколов находившихся в них солдат, заклепали 8 мортир и 11 пушек. Вылазка произвела крупную тревогу по всей французской линии и в лагере. Потери охотников-моряков оказались невелики – 1 матрос убит и 12 ранены. Но, к сожалению, в бою погибли оба храбрых офицера – начальники команд.

В конце концов, так и не сломив русскую оборону, союзники не решились на штурм и после 13 октября снизили интенсивность обстрела. Стало ясно, что враг переходит к долговременной осаде. Получив донесения о храбрости офицеров и матросов во время бомбардировки, Николай I направил 19 октября князю Меншикову рескрипт: *«Меня счастливит геройская стойкость наших несравненных моряков, неустрашимых защитников Севастополя. Господь воздаст им за все их доблестные подвиги, которым и примеру еще не бывало. Я счастлив, что зная моих моряков-черноморцев с 1828 года, быв тогда очевидцем, что им никогда ничего нет невозможного, был уверен, что эти несравненные молодцы вновь себя покажут какими всегда были и на море и на суше. Вели им сказать всем, что их старый знакомый, всегда их уважавший, ими гордится и всех отцовски благодарит, как своих дорогих и любезных детей».* По приказу Николая I флигель-адъютант князь М.П.Голицын объехал все экипажи с императорским *«поклоном и благодарностью»*. Слова государя воодушевили защитников. Лейтенант П.И.Лесли писал 1 ноября из Севастополя родным: *«Согласитесь, что подобного еще не было и не будет. Это видно, что Государь писал Сам и от чистого сердца. Зато и мы черноморцы понимаем его, и все готовы лечь за Царя. По крайней мере приятно то, что все армейцы отдают справедливость флоту и говорят, что лучше флотских нет войска во всей России; а действительно, что дух у нас такой, лучше которого и желать нечего. Если только нам придется идти в штыки, то можно наверное сказать, что отсталых не будет, и что ни один не отступит»*[29].

[29] Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. II. СПб., 1872. С. 287–288.

Нижние чины, отличившиеся в вылазках с 3-го отделения оборонительной линии г. Севастополя под начальством лейтенанта Н.А.Бирилева.

The other ranks who distinguished themselves in the raids led by Lt. N.A. Birilev from the 3rd section of Sebastopol's line of defence.

Литография по рисунку, выполненному В.Ф.Тиммом с натуры в Севастополе в 1855 г. (РГБИ)

Готовность моряков идти в штыки не являлась простой аллегорией. Как только союзники приступили к осадным работам, защитники города тут же начали совершать смелые вылазки. Практически каждую ночь отдельные храбрецы дерзко нападали на часовых, а время от времени проводились крупные вылазки для разрушения земляных работ союзников. Эти набеги держали французов и англичан в постоянном напряжении. Один из британских офицеров раздраженно писал, что *«по крайней мере один раз в день или ночь прибегает галопом некто, кто панически заявляет об очередном наступлении несметных полчищ русских. Какому-нибудь болвану на посту может показаться, что он видел или слышал что-то, и тотчас ему начинают потакать офицеры, а потом и генералы»*[30].

Имена руководивших удачными вылазками морских офицеров Н.А. Бирилева, Н.Я. Астапова, Ф.Ф. Титова, П.А. Завалишина, Н.И. Макшеева стали известны всей России. Дерзкие ночные набеги и пример черноморских пластунов выработали у матросов особые навыки малой войны. *«Охотники сначала подползают как можно тише к неприятельской траншее,* – вспоминал один из офицеров, – *шагов за тридцать они останавливаются, дают залп, закричат "ура" и сейчас падают. Как только неприятель ответит на их залп, они с новым криком "ура" быстро кидаются в траншеи и начинают штыковую работу».*

Особую известность среди охотников заслужил матрос 30-го флотского экипажа Петр Маркович Кошка, участвовавший в 18 вылазках, а также храбро действовавший в одиночку. О его подвигах сохранилось немало рассказов. Один из них известен со слов начальника Кошки, героя-севастопольца боцмана 30-го экипажа Арсения Рыбакова: *«После одной из вылазок, бывших в январе 1855 года, в неприятельских траншеях остался убитым один из флотских унтер-офицеров. Неприятель замерзший труп выставил наружу, прислонив к насыпи. Обидно показалось нашим матросам такое глумление над трупом, и унтер-офицера этого знали за хорошего человека; жалко им стало, что за храбрость его вместо награды досталось ему позорище. Вот Кошка и вызывается сходить и принести этого унтер-офицера. Перед рассветом Кошка, надевши грязный серый мешок, чтобы его не так легко было отличить от земли, стал ползти, часто залегая и останавливаясь, чтобы неприятель не так скоро его заметил; это продлило его переход, так что стало уже светло, когда Кошка достиг развалившейся стенки хутора, откуда до трупа оставалось еще шагов 100, но самых опасных. Кошка не решился идти далее на явную опасность, а засел за стенкой в ожидании вечера. Полагая утром же возвратиться, Кошка не взял хлеба с собой и должен был целый день голодный лежать под стенкой, не смея шевельнуться, чтобы*

[30] *Хибберт К.* Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004. С. 148.

[31] Сборник рукописей... С. 107–108.

не обнаружить себя. Наконец, после слишком длинного для Кошки дня, наступил вечер. Кошка улучил минуту, когда англичане стали сменяться в траншеях, пополз дальше; добравшись до трупа, он быстро вскинул его спиной себе на спину и бросился с ним бежать на свою батарею. Англичане сразу не разобрали, что такое это двигается, и Кошка благополучно пробежал уже полдороги, но потом стали стрелять, и пять пуль попало в труп. Кошка же благополучно добежал до своей батареи»[31]. За этот подвиг Кошку произвели в квартирмейстеры.

Рассказать о всех подвигах моряков и их вылазках в рамках данного очерка невозможно. Приведем лишь несколько наиболее заметных эпизодов славной Севастопольской обороны.

29 ноября 1854 г. около 500 пластунов совершили ночную вылазку с редута Шварца (№ 1) для уничтожения земляных работ французов, соединявших траншеи между 4-м и 5-м бастионами. В помощь пластунам лейтенант Ф.Ф.Титов с двумя горными орудиями и прикрытием из 20 вооруженных мушкетонами моряков внезапно напал с 5-го бастиона на неприятельские траншеи. Открыв огонь по рабочим, он отвлек внимание противника на себя, после чего отступил без потерь. Между тем, пользуясь замешательством французов, обратившихся в сторону Титова, пластуны незаметно подошли к французским траншеям и, ворвавшись в них, уничтожили около 150 человек, разрушили укрепления, заклепали 4 мортиры, захватили 3 небольшие мортирки и много оружия.

Следующей ночью 30 ноября 80 матросов-охотников под командой лейтенанта Л.И.Батьянова и мичмана В.Д.Батурина совершили вылазку из 4-го бастиона в расположение французских траншей. Удачно выполнив задание, отряд захватил 3 мортиры, много оружия и пленных. К сожалению, не обошлось без потерь и с русской стороны. Мичман Батурин был контужен осколком бомбы в левое плечо, а командир отряда лейтенант Батьянов ранен штуцерной пулей в живот. Пуля остановилась в позвоночнике, и через несколько дней храбрый лейтенант умер в сильных мучениях.

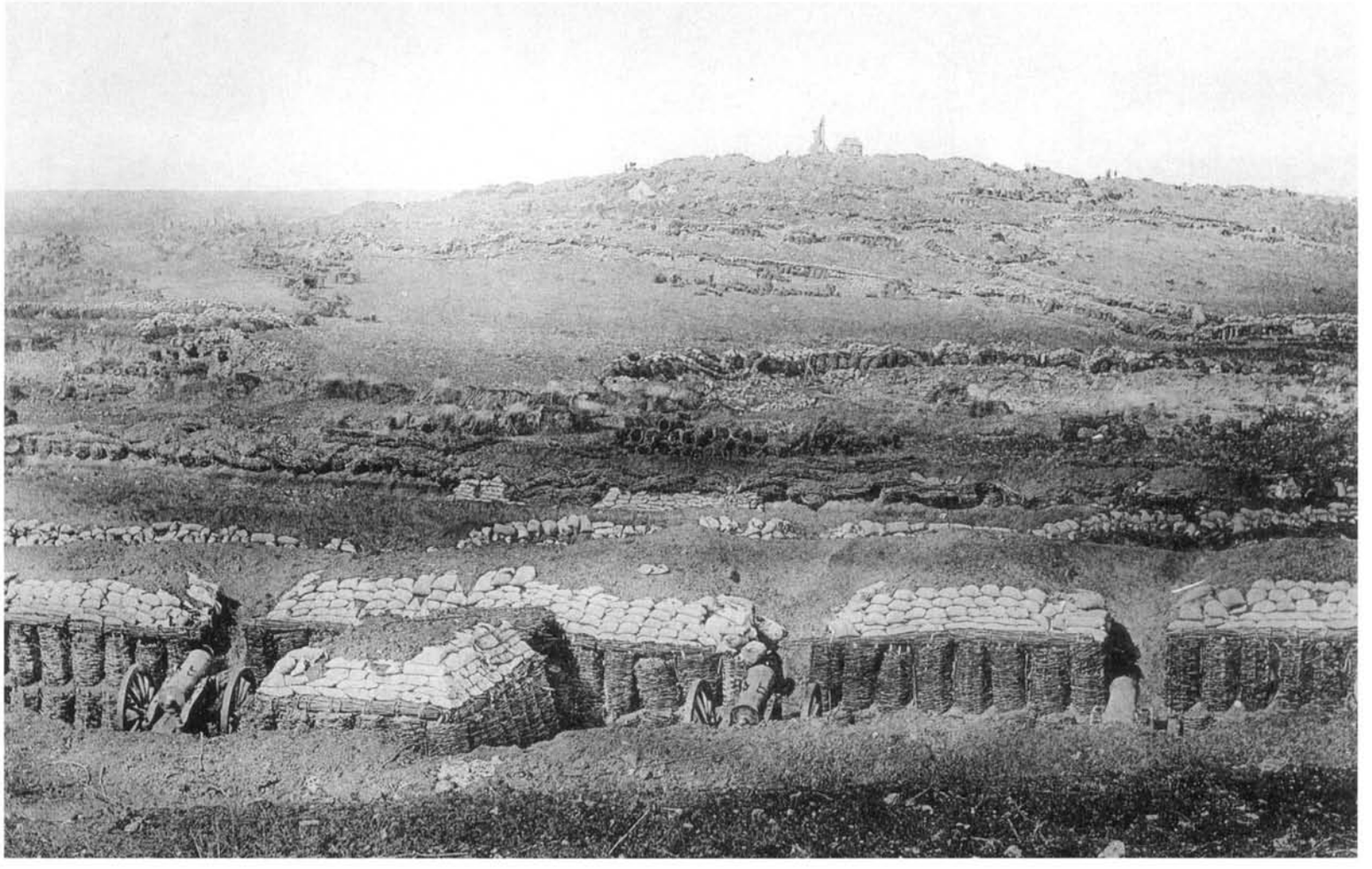
Каждая удачная вылазка становилась ярким событием, поднимавшим дух гарнизона и отвлекавшим его от тяжелой повседневной работы, постоянно уносившей жизни моряков. С начала первой бомбардировки 5 октября и по 28 ноября 1854 г. 25 офицеров, 797 унтер-офицеров и матросов погибли, 68 офицеров и 2526 нижних чинов были ранены, 32 офицера и 456 нижних чинов контужены. При этом 475 раненых и контуженых нижних чинов умерли в госпиталях,

Вид на Малахов курган из французских траншей возле Камчатского люнета. Сентябрь 1855 г.

View of the Malakhov Mound from the French trenches near the Kamchatka lunette. September 1855.

Фотография английского художника Джеймса Робертсона. (Фототипия 1893 г. из коллекции П.В.Хорошилова)

Вдали виден французский оптический телеграф, установленный на развалинах Малаховой башни.



Лейтенант Николай Алексеевич Бирилев.

Lieutenant Junior Grade Nikolai Alexeyevich Birilyov.

Литография по рисунку с натуры В.Ф.Тимма. 1855 г. (РГБИ)

Тверской дворянин Н.А. Бирилев (Бирюлев) (1829–1882) 5.VIII.1845 г. был произведен в гардемарины Черноморского флота. 14.VIII.1847 г. мичман. Крейсировал на разных судах вдоль побережья Кавказа. В 1852 г. находился в береговом отряде, посланном для усмирения горцев, и неоднократно участвовал в перестрелках. 19.IV.1853 г. произведен в лейтенанты. За Синопское сражение 18.XI.1853 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. 9.IX.1854 г., являясь адъютантом 1-й бригады 4-й флотской дивизии, назначен командовать аванпостами перед 3-м бастионом. За отличие при первой бомбардировке Севастополя награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Руководил многочисленными ночными вылазками. За вылазку 8/9.XII.1854 г. награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». 2.III.1855 г. *«за отличное мужество и храбрость»* при вылазках 19/20.XII.1854 г. и 19/20.I.1855 г. удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. За вылазку 10/11.III.1855 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени, произведен в капитан-лейтенанты с зачислением в Гвардейский экипаж и пожалован флигель-адъютантом. Своими удачными набегами прославился не только среди защитников города, но и среди врагов. Один из французских офицеров писал: *«Ночные стычки происходят под руководством Бирилева, он действительно выказывает храбрость и неустрашимость выше всякой похвалы; вот почему, несмотря на весь вред, который он нам наносит, он пользуется большим уважением между всеми французскими офицерами и даже солдатами. Если бы мне случилось встретиться с Бирилевым в траншее, я бы желал вступить с ним в смертельный бой, но если я его встречу вне поля брани, то буду счастлив пожать ему руку»*. 6.V.1855 г. во время разведки перед 5-м бастионом Бирилев был контужен картечной пулей в голову и покинул Севастополь. После войны служил на Балтике. В 1859–1863 гг. совершил кругосветное плавание, а в 1863–1865 гг. поход в Средиземное море. 1.I.1872 г. произведен в контр-адмиралы с зачислением в Императорскую Свиту и оставлением по Гвардейскому экипажу.

а 1838 вернулись в строй. То есть уже в первые два месяца обороны каждый седьмой матрос, если не погиб, то побывал на перевязке. Не удивительно, что 6 декабря 1854 г. Николай I *«в ознаменование признательности своей за беспримерное мужество, усердие и труды»* приказал морякам севастопольского гарнизона *«каждый месяц пребывания их в составе означенного гарнизона зачесть за год службы по всем правам и преимуществам»*.

Несмотря на тяжелые условия и ежедневные потери, черноморцы не теряли присутствия духа. *«Моряки, эта душа обороны, с переходом на бастионы перенесли и* [свои] *обычаи,* – вспоминал егерский офицер Зарубаев. – *Например, после отката орудия командовали: "орудие к борту"; матросов из землянок вызывали командою: "на палубу"; были вахтенные, и как на корабле били склянки»*[32]. *«Вглядитесь в лица, в осанки, в движения этих людей,* – писал о матросах в апреле 1855 г. из Севастополя подпоручик граф Л.Н. Толстой, – *в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, – простоты и упрямства; но здесь на каждом лице, кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны кроме этих главных признаков проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства»*. Моряки с одинаковым мужеством обороняли севастопольские бастионы и атаковали врага в дерзких ночных вылазках.

Ночью с 8 на 9 декабря две партии охотников, преимущественно матросов, под командованием лейтенантов Н.А. Бирилева и Н.Я. Астапова совершили удачную вылазку в расположение английских траншей на Зеленой горе. Ее очевидец лейтенант П.И. Лесли писал родным: *«Вчера, ночью, против № 3 бастиона делали вылазку; ходили на охоту за зайцами – как выражаются матросы; и охота была как нельзя более счастливая. Благодаря темной ночи, наши охотники с № 3-го в 2 часа подползли к неприятельской траншее, и подползли так тихо, что часовой их увидел только тогда, когда они были у самого вала; он, по правилам, сперва их окликнул, но они конечно не отвечали; тогда он сделал выстрел и закричал; рядом с ним стоявшие другие два часовых тоже сделали по выстрелу, но наши не зевали и после этих трех выстрелов уже вскочили в неприятельскую траншею и пошли там косить направо и налево. Англичане струсили сильно и пустились бежать, оставя и ружья, и одеяла; одним словом, налегке хотели дать тягу, но наши тоже мастера бегать, и очень мало кто из Джон-Буллей успел удрать. Всем им попало на орехи! Кто чуть сопротивлялся, сейчас же усмиряли штыком, а кто не сопротивлялся, брали в плен. С правого фланга этого же самого бас-*

[32] Сборник рукописей… С. 441.

[33] Сборник рукописей… С. 291–292. По другим данным, в плен были захвачены 3 офицера и 33 солдата.

тиона предполагалось сделать только фальшивую атаку, чтоб отвлечь внимание; но и там наши почти в одно время вскочили в траншеи и тоже начали там хозяйничать; похлопотавши там порядком, одна половина поворотила вдоль траншей и пошла шнырять по всем углам, ища, не запряталась ли где-нибудь каналья; очень многие из англичан, забившись в угол, притворялись мертвыми, но не надули наших: почти всякого лежавшего щупали или штыком, или прикладом. Когда начало приходить из лагеря к ним подкрепление, тогда дали знать на батарею, и она открыла такой сильный огонь бомбами, что заставила эти колонны остановиться. Вся эта катавасия продолжалась не более получаса, и наши воротились назад, приведя с собою в плен 4 офицеров и 26 рядовых; у нас вся потеря небольшая, всего 4 убитых и 20 раненых. Все участвовавшие в вылазке вооружились одеялами, ружьями, шапками; одним словом забрали все, что только было в траншее»[33].

19 декабря лейтенант Н.А. Бирилев с отрядом матросов-охотников снова совершил ночную вылазку в район горы Резня, выбил штыковой атакой противника из новой траншеи против 4-го бастиона и взял 6 пленных. Через неделю, 26 декабря отряд моряков лейтенанта 36-го флотского экипажа П.А. Завалишина сделал ночную вылазку из 5-го бастиона. Ворвавшись во французскую траншею и переколов штыками несколько солдат, отряд вынужден был при подходе сильного вражеского подкрепления отойти. Потери охотников составили 15 матросов убитых и 10 раненых.

Новогодней ночью 31 декабря сразу два отряда матросов и солдат под командой лейтенантов Н.А. Бирилева и Н.Я. Астапова совершили вылазку из 3-го бастиона в расположение английских и французских траншей. Отряд лейтенанта Астапова захватил в плен британский сторожевой пикет из 13 человек, после чего стремительным броском занял и разрушил английские траншеи. Отряд лейтенанта Бирилева встретил более упорное сопротивление французов, но после штыковой схватки занял траншеи и мортирную батарею № 21, где заклепал мортиры и взял 3 пленных. Потери охотников составили 2 убитых и 16 раненых. Лейтенант П.И. Лесли в своем письме из Севастополя 5 января 1855 г. живо передает подробности этой вылазки: «*На днях, в од-*

Орудия русской батареи, расположенной позади 3-го бастиона возле Морского госпиталя. Сентябрь 1855 г.

Cannon of the Russian battery situated behind the 3rd bulwark near the Naval Hospital. September 1955.

Фотография английского художника Джеймса Робертсона. (Фототипия 1893 г. из коллекции П.В.Хорошилова)

Внутренний вид 3-го бастиона 29 августа (10 сентября) 1855 г.

Inner view of the 3rd bulwark. 10 September 1855.

Фотография английского художника Джеймса Робертсона. (Фототипия 1893 г. из коллекции П.В.Хорошилова)

ной из наших вылазок взято в плен 17 человек французов[34]*. Говорят, что на них от холода и нашего "ура" напал какой-то панический страх, и когда наши ворвались к ним в траншею, то они не пробовали даже защищаться, а взявши в руки ружье, ожидали своей участи и сидели столбняком, а когда им предлагали идти в плен, то кивали отрицательно головой. Конечно, здесь, кто не хотел идти, того прямо штыком! А остальных забрали как баранов. Интересно было узнать из рассказов пленных, что их было всего 150 человек в траншее и при них 5 офицеров. Когда они услышали приближение наших охотников, то их офицеры, обратясь к ним, сказали: защищайтесь, ребята храбрее! А сами дали тягу. Хороши офицеры, и как достойны они звания офицера! Таких бы сейчас на виселицу или расстрелять!»*[35].

Ночью с 7 на 8 января 1855 г. отряд из сотни охотников-моряков и 5 рот Тобольского пехотного полка под общим руководством лейтенантов Ф.Ф. Титова и П.А. Завалишина сделал вылазку с 5-го бастиона для разрушения французских траншей. Выбив штыками противника из двух траншей, отряд успел до прихода французского подкрепления разрушить их, после чего с боем отошел. К сожалению, при взятии второй траншеи лейтенант Титов получил тяжелую рану пулей в грудь навылет и после двух месяцев лечения вынужден был в марте покинуть Севастополь.

Ночью с 19 на 20 января отряд лейтенанта Н.А. Бирилева предпринял очередную вылазку. По свежим впечатлениям великий князь Михаил Николаевич, находившийся на Северной стороне Севастополя, подробно описал ее в письме августейшим родителям: *«Сегодня ночью молодец лейтенант Бирилев сделал прекрасную вылазку. Цель ее была следующая. В прошлую ночь французы выбили наших 12 человек штуцерных, занимавших завалы на мысу, образуемом двумя балками*[36] *против левого фаса 4-го бастиона. Подкрепления близко держать было невозможно, ибо этот резерв был бы подвержен сильному неприятельскому огню. Поэтому штуцерные наши принуждены были отступить, а французы успели до утра ложироваться в этих завалах и в течение вчерашнего дня довольно вредили батареям левее 4-го бастиона и грибка*[37]*; поэтому необходимо было их выбить оттуда, что Бирилев прекрасно и исполнил, хотя с чувствительною потерею, ибо бой был весьма упорный и длился час с четвертью. Его отряд состоял из охотников следующих частей: 75 человек Охотского полка, 75 человек Волынского, 75 Волынского резервного батальона, 45 матросов и 80 человек рабочих; от каждой части было по одному офицеру. Молодцы наши спустились с правой части 3-го бастиона, вмиг выбили французов из завалов, и рабочие тотчас же приступили к переделке завалов для себя, пользуясь неприятельскими турами, но французы открыли сильный ружейный огонь из своих траншей. Тогда Бирилев, чтобы дать возможность продолжать работу, бросился со своим отрядом в траншею, где пошла страшная рукопашная схватка, и наши дошли до второго зигзага, но, опасаясь быть обойденным, Бирилев приказал отступить из траншей*

[34] Тут П.И.Лесли не совсем точен. Вероятно, его рассказ в большей степени относится к захваченному английскому пикету.

[35] Сборник рукописей… С. 304.

[36] Сарандинакиной и Лабораторной – А.К.

[37] Имеется в виду батарея «Грибок» левее 4-го бастиона.

Контр-адмирал Владимир Иванович Истомин.

Rear-Adm. Vladimir Ivanovich Istomin.

Литография В.Ф.Тимма. 1856 г. (РГБИ)

С начала осады Севастополя командовал 4-й дистанцией оборонительной линии (Малахов курган, 1-й и 2-й бастионы). Во время первой бомбардировки 6 октября 1854 г. контужен в грудь и ранен в руку, 7 октября ранен камнями в голову, но не покинул позицию. «В воздаяние примерной храбрости и самоотвержения» награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. 7 месяцев бесстрашно руководил обороной Корабельной стороны. 7 марта 1855 г. убит около Камчатского люнета прямым попаданием французского ядра в голову. Похоронен в склепе Владимирского собора в Севастополе. Именем Истомина названа бухта в Японском море на полуострове Корея.

до наших рабочих. Тут было несколько минут спокойствия, покуда французы не возвратились в свою передовую траншею и опять открыли батальный огонь. Тогда Бирилев снова бросился в траншею, и снова гнал неприятеля до третьего зигзага, после чего возвратился к рабочим. Этот необходимый маневр продолжался до тех пор, покуда завалы не были окончены; всего наши 6 раз бросались в траншею и потом вернулись на бастион, оставив в завалах 12 человек штуцерных, которые просидели в них до рассвета. В это время, пользуясь мелким снежком, человек 50 французов стали к ним подкрадываться; разумеется, нашим нельзя было далее оставаться, – они дали залп и потом быстро отступили. Вслед за тем с наших батарей открыли сильный картечный огонь, которым тотчас же заставили французов отступить: таким образом, эти спорные завалы оставались в течение всего сегодняшнего дня незанятыми, а с сумерками штуцерные наши должны были в них вернуться, – резерв будет готов для подкрепления в случае надобности. Весь этот подробный рассказ – со слов самого лихого Бирилева. Он не может довольно нахвалиться примерною храбростью своего отряда, как моряков, так и сухопутных; они все лезли вперед, и он принужден был беспрестанно их останавливать. Он крайне сожалеет об убитом прапорщике Волынского полка; кроме него у нас убито 5 и ранено 34, большая часть легко, в том числе известный удалец – матрос, про которого мы тебе рассказывали, – Кошка, – штыком в желудок. Мы его видели уже сидячим на кровати, и вечером хочет назад идти на бастион[38]*. Товарищ его – храбрец, подобный ему, пал сегодня превосходною смертью. Бирилев мне говорил, как это было. Он видел, как один француз в него уже прицелился, и сам хотел выстрелить из пистолета; в этот самый момент кто-то его толкнул по руке, и он увидал между собою и французом этого матроса; в ту же минуту раздался выстрел, и несчастный матрос упал к его ногам, успел только перекреститься и испустил дух. Героическая смерть! Вечная ему память! Пуля пронизала ему грудь насквозь и ударилась о шинель Бирилева. В плен взяли двух тяжело раненных офицеров и 4 солдат и 2 солдат целыми»*[39].

Героем, спасшим Бирилева ценою собственной жизни, был матрос 30-го флотского экипажа Игнатий Владимирович Шевченко. Его подвиг стал широко известен. 20 августа 1874 г. в Николаеве по проекту художника М.О. Микешина установили памятник И.В. Шевченко – первый российский памятник нижнему чину. В 1902 году памятник перевезли в Севастополь и поставили напротив экипажных казарм на Корабельной стороне.

Ночью 28 февраля 1855 г. 80 матросов-охотников под командой лейтенанта Н.Я. Астапова и мичмана Н.И. Макшеева совершили вылазку из 3-го бастиона. Разогнав англичан и разрушив траншеи, они принесли на бастион 100 туров. Утром Макшеев с охотниками снова ходил под прикрытием лейтенанта Н.А. Бирилева в ту же траншею и принес еще 30 туров, которые вместе с прежними пошли на укрепление бастиона. Вылазка обошлась без потерь.

7 марта 1855 г. возле Камчатского люнета ядром оторвало голову начальнику 4-й дистанции контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину. «*Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергией и геройской решительностью,* – писал вице-адмирал П.С. Нахимов. – *Твердость характера в самых тяжелых обстоятельствах, святое исполнение долга и неусыпная заботливость о подчиненных снискали ему общее уважение и непритворную скорбь о его смерти*». Истомина похоронили в склепе Владимирского собора рядом с В.А. Корниловым и М.П. Лазаревым.

Как бы в отместку за смерть Истомина, возглавлявший оборону Корабельной стороны генерал-лейтенант С.А.Хрулев решил провести ночью с 10 на 11 марта крупную вылазку. Вместе с сухопутными войсками в ней планировалось участие трех партий охотников под общим командованием капитана 2 ранга Л.И.Будищева. Они должны были наступать с правого фланга пехоты через Доков овраг, вклиниваясь в интервал между французами и англичанами. Основной удар против середины 3-й параллели наносила партия мичмана Н.И.Макшеева – 30 матросов 40-го флотского экипажа и 4 роты волонтеров Греческого легиона. Слева от этой партии, обеспечивая связь с пехотой Хрулева, шли 64 матроса-штуцерника мичмана П.А.Завалишина, а справа двигалась партия лейтенанта Н.Я.Астапова – 60 матросов и 200 охотников 6-го резервного батальона Минского пехотного полка.

[38] Матроса Кошку оперировал знаменитый хирург Н.И.Пирогов, отметивший, что смельчака «*хватили штыком в брюхо, но, к счастью, штык прошел только под кожею и не задел кишки*». // Пирогов Н.И. Севастопольские письма. СПб., 1899. С. 70.

[39] *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. II. М.–Л.,1944. С. 246–247.

Оборона Малахова кургана.

Defence of the Malakhov Mound.

Картина художника Г.Ф.Шукаева. 1856 г. (ВИМАИВиВС)

В темноте 9 пехотных батальонов Хрулева двумя колоннами неожиданно атаковали французов со стороны Камчатского люнета, расположенного впереди Малахова кургана. Опрокинув вражеские колонны, приготовившиеся к ночному штурму люнета, и заняв две траншеи, батальоны ворвались на французские батареи. Сопровождавшие пехоту 35-й и 44-й флотские батальоны тут же стали разрывать первую траншею. Но, *«когда войска наши двинулись вперед, матросики моментально срыли все работы и, не довольствуясь этим, любя искусство, пошли тоже в штыки. Будищев, ходивший одновременно в вылазку с 3-го бастиона, подался влево и ударил в левый фланг французов – это нападение озадачило их и решило успех в нашу пользу»*[40]. Партия мичмана Завалишина, зайдя по Докову оврагу в левый фланг и тыл французских траншей, открыла огонь и вынудила французов их очистить, чем помогла общему успеху вылазки. В то же время отряд мичмана Макшеева ворвался на английскую батарею № 8, а правофланговая партия лейтенанта Астапова выбила из траншей прикрытие противника.

Одновременно с Будищевым, наступавшим от Камчатского люнета, с 3-го бастиона по Лабораторной балке двинулся лейтенант Н.А.Бирилев во главе 475 добровольцев из флотских экипажей, Охотского егерского полка и 6-го резервного батальона Волынского пехотного полка. В полной тишине они подошли к англичанам, обратившим все свое внимание на бой, завязанный Хрулевым и Будищевым. Появление Бирилева оказалось настолько неожиданным, что часовые приняли охотников за французов. Ударив в штыки, моряки и солдаты опрокинули прикрытие и рабочих, которые бросились к своим батареям, распространяя панику. Сметая роты разных британских полков, храбрецы Бирилева ворвались на батарею № 7, перебили прислугу, заклепали все орудия и мортиры, разрыли укрепления, захватили в плен инженерного капитана Монтага и 6 рядовых и взяли 70 кирок и 50 лопат. Затем, повернув влево, Бирилев ворвался на батарею № 8, соединившись с греками и моряками Макшеева и Астапова. В бою охотники уничтожили 8 вражеских офицеров и 78 солдат. Уже знакомый нам боцман Рыбаков взял в плен английского полковника Келли, за что получил бант к имевшемуся у него Знаку отличия Военного Ордена Св. Георгия. Потери охотников составили 2 офицера и 10 рядовых убитыми[41], 4 офицера и 60 матросов и солдат ранеными.

Во время этой вылазки отличился священник 45-го флотского экипажа иеромонах Иоанникий Савинов. Генерал-лейтенант С.А.Хрулев, представляя его к награде, свидетельствовал: *«Ко-*

[40] Сборник рукописей... С. 333, 355.

[41] В том числе пулей в бок навылет убит лейтенант 35-го флотского экипажа М.Д.Головин.

гда отряд войск наших, состоящих из батальонов Камчатского егерского, Днепровского и Волынского пехотных полков, выбив неприятеля из ложементов впереди Камчатского люнета, бросился на ближайшие неприятельские подступы, но готов был уже уступить сильному натиску неприятеля, получавшего беспрестанно подкрепления, в то же время в самом пылу сражения иеромонах Иоанникий Савинов, в епитрахили, с вознесенным крестом появился в рядах сражавшихся и торжественным и звонким пением тропаря: "Спаси, Господи, люди Твое.. победы Благословенному Императору нашему на сопротивные даруя..", одушевил войска, которые бросились на врага и овладели первою, второю и третьею линиями его траншей; затем иеромонах Иоанникий Савинов, движимый чувством христианского милосердия, обратил все свое внимание на французских раненых и подавал им помощь; наконец, по приглашению командовавшего отрядом, несмотря на сильный неприятельский огонь, обошел траншеи, занятые левым нашим флангом и передал войскам приказание покинуть неприятельские траншеи и возвращаться; во время же этих действий на иеромонахе Иоанникии Савинове ударом штыка разорваны рукав рясы и епитрахиль, а ударом пули отбита нижняя часть креста, бывшего в руке иеромонаха, который при этом был контужен»[42]. По представлению Хрулева император 15 мая 1855 г. наградил иеромонаха Савинова орденом Св. Георгия 4-й степени. Он стал единственным военным священником, удостоенным этой награды за оборону Севастополя. Но, к сожалению, православный герой так и не успел получить свой боевой орден. Во время ночного боя 26/27 мая за Камчатский люнет Иоанникий Савинов с крестом в руке возглавил батальон, пытавшийся выбить французов из укрепления. Храбрый иеромонах 45-го флотского экипажа был тяжело ранен пулей в правую голень. Через 3 дня ему ампутировали ногу, а 9 июня он умер, до конца выполнив свой военный и пастырский долг.

26 марта 1855 г. П.С.Нахимов, назначенный с 2 марта военным губернатором Севастополя и командиром порта, был произведен в адмиралы. В связи с этим он 12 апреля обратился к защитникам города с благодарностью за героическую службу. В своем приказе Нахимов писал: *«Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота; я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие чер-*

[42] *Ляшук П.М.* Герои «Севастопольской страды». Кавалеры орденов Св. Георгия за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. Биографический справочник. Симферополь, 2001. С. 79.

[43] Следует заметить, что еще в середине февраля этот батальон насчитывал 500 матросов и унтерофицеров.

[44] Сборник рукописей... С. 344.

[45] Там же. С. 355.

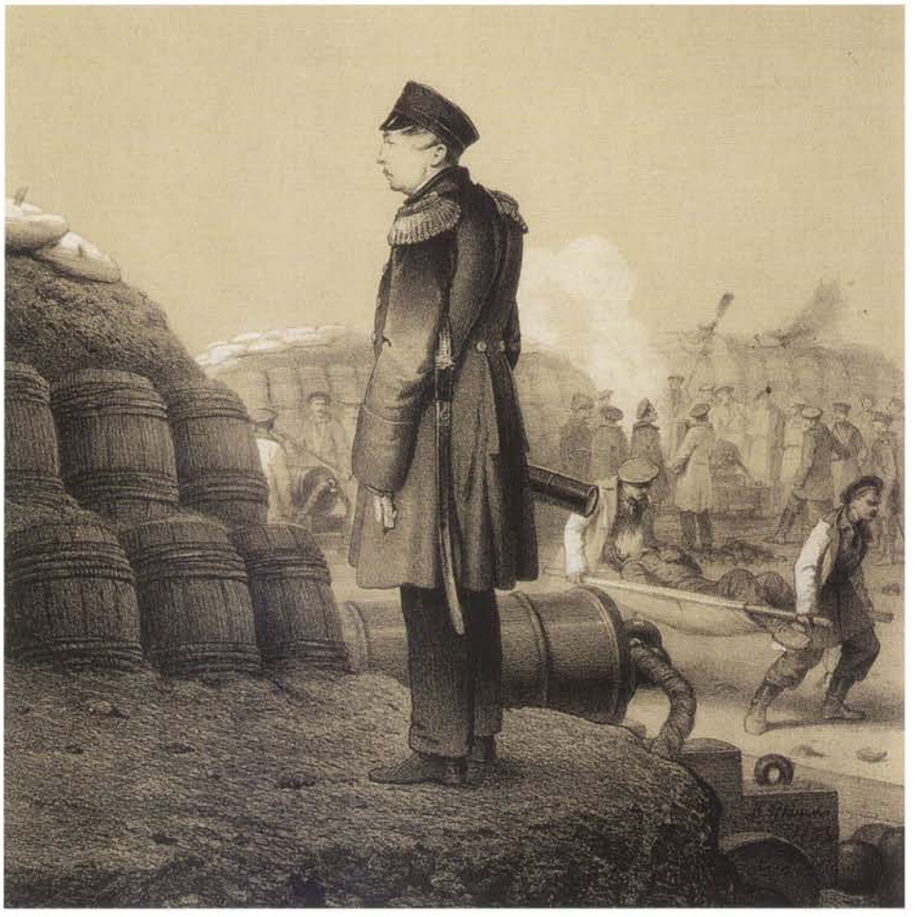
Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия 4-й степени, врученный боцманмату 39-го флотского экипажа Антону Харину «в награду отличий, оказанных при отражении 6 июня 1855 года неприятельского штурма во время бывшей обороны Севастополя».

(Из частной коллекции)

Георгиевские кавалеры Черноморского флота – герои обороны Севастополя.

The Black Sea Fleet's St. George Cross awardees – heroes of the defence of Sebastopol.

Литографии 1856 г. (РГБИ)



Адмирал Павел Степанович Нахимов на севастопольском бастионе.

Adm. Pavel Steponovich Nakhimov at a bulwark of Sebastopol.

Литография по рисунку с натуры В.Ф.Тимма. 1855 г. (РГБИ)

номорских моряков». Вскоре морякам на деле пришлось оправдывать доверие своего командира. С 28 марта по 6 апреля 1855 г. союзники предприняли вторую бомбардировку Севастополя, обрушивая ежедневно на защитников города тысячи снарядов. В первые же два дня убитыми и ранеными моряки потеряли 19 офицеров и 362 матроса. Но каждый раз они мужественно выдерживали огонь, восстанавливали укрепления, обстреливали врага. *«Жаль только, что немного осталось этих молодцов – матросов; скоро всех разберут на батареи,* – писал 6 апреля родным лейтенант П.И.Лесли, служивший в 35-м флотском батальоне. – *В нашем батальоне осталось по сегодняшний день 128 человек*[43]*; и эти-то мученики не имеют ни минуты покоя: днем они разносят обеды и ужины по всем батареям, где только находятся наши люди, т.е. нашего экипажа, а вечером идут на работу на батарею, потому что наши матросы необходимы в подобных работах»*[44]. В конце концов, выпустив за 10 дней по городу 166 тысяч снарядов, но так и не добившись успеха, союзники и на этот раз не решились на штурм. Вплоть до мая они ограничивались земляными осадными работами.

В свою очередь защитники города, мужественно выдержав вторую бомбардировку, снова перешли к вылазкам. Уже 7 апреля они предприняли вылазку из 3-го бастиона, в которой участвовали моряки-охотники капитан-лейтенанта Н.Я.Астапова. Внезапным штыковым ударом отряд выбил англичан из ложемента № 12. Во время вылазки 2 флотских офицера получили ранения. 24 апреля с 3-го бастиона ночную вылазку совершила сотня моряков и солдат под командой мичмана Н.И.Макшеева. *«Наши ворвались в неприятельские траншеи и начали там хозяйничать,* – сообщал в письме домой лейтенант П.И.Лесли, – *взяли в плен 1 английского капитана и 5 человек рядовых; с нашей стороны потеря самая незначительная, кажется 2 человека убитых и раненых около 10. Англичанам досталось порядком на орехи, потому что с отступлением наших батареи открыли страшный батальный огонь бомбами, а вероятно вследствие шуму к ним шло из лагеря подкрепление, а туда-то и был направлен артиллерийский огонь»*[45].

Наконец, собравшись с силами, союзники 25 мая в третий раз начали бомбардировку Севастополя. 541 орудие обрушило тысячи снарядов на русские укрепления. В первый же день бомбардировки погибли 3 морских офицера и 32 матроса, 12 офицеров получили раны и контузии, 161 нижний чин был ранен и 304 контужены.

Вечером 26 мая, разгромив бастионы, французы двинулись на штурм Корабельной стороны. Несколько раз укрепления переходили из рук в руки. В конце концов, после упорного боя французам удалось занять выдвинутый впереди Малахова кургана Камчатский люнет, а также расположенные над Килен-балкой передовые Селенгинский и Волынский редуты. Находившийся во время штурма на Камчатском люнете П.С.Нахимов собрал вокруг себя солдат и матросов и штыками пробился сквозь уже окружавших его французов к Малахову кургану. Покидая укрепления, морские комендоры заклепали все орудия. При отражении штурма 12 морских офицеров и 85 матросов погибли, 38 офицеров получили раны и контузии, 286 нижних чинов были ранены и 237 контужены.

Эполеты вице-адмирала, принадлежавшие П.С.Нахимову.

Vice-admiral epaulets of P.S. Nakhimov.

(Центральныймузей Черноморского флота)

Эти эполеты П.С.Нахимов носил с октября 1852 г. по апрель 1855 г. В них он одержал победу при Синопе и провел большую часть обороны Севастополя. 26 марта 1855 г. П.С.Нахимов был произведен в адмиралы.

Оборонительная башня на Малаховом кургане. Сентябрь 1855 г.

Defensive tower at the Malakhov Mound. September 1855.

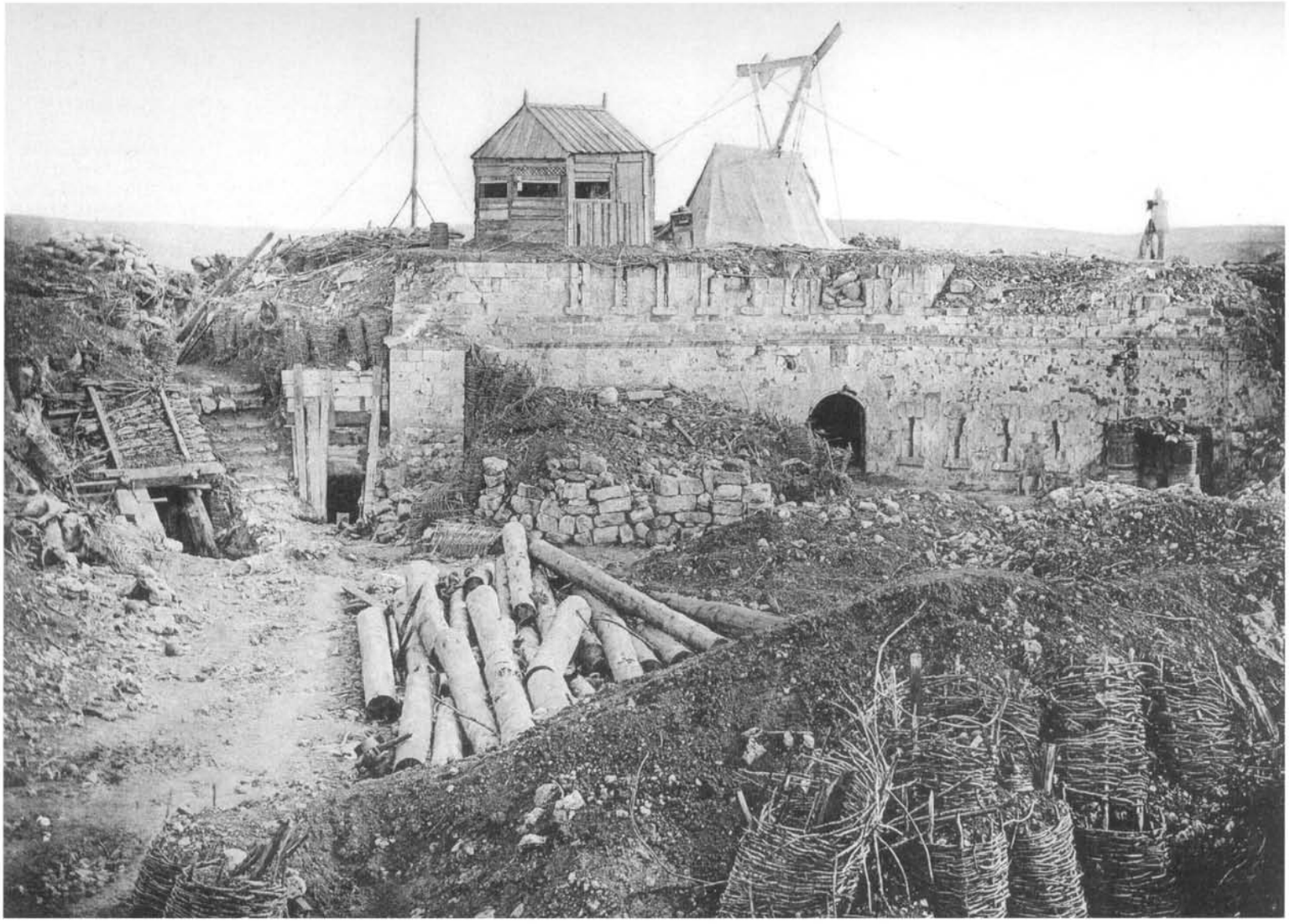
Фотография английского художника Джеймса Робертсона. (Фототипия 1893 г. из коллекции П.В.Хорошилова)

Верхний ярус башни был снесен артиллерией союзников еще при первой бомбардировке Севастополя. Нижний же служил укрытием для защитников бастиона. Здесь располагался пороховой погреб, перевязочный пункт, походная церковь, а также штаб командующего 4-й дистанцией контр-адмирала В.И.Истомина. После взятия Малахова кургана французы установили на башне оптический телеграф с домиком для телеграфистов.

Союзники сразу же стали закрепляться в отвоеванных укреплениях, продолжая до 30 мая усиленно бомбардировать Севастополь. За 6 дней по городу они выпустили 90 тысяч снарядов. Всего за время третьей бомбардировки с 25 по 30 мая 1855 г. погибли 18 морских офицеров и 184 матроса, 78 офицеров получили раны и контузии, 793 нижних чина были ранены и 918 контужены. Из последних почти половина осталась в строю.

После приступа 26 мая и третьей бомбардировки французы смогли занять рубежи, необходимые для штурма бастионов Корабельной стороны. Но триумф их нового главнокомандующего генерала Пелисье омрачался потерей около 6 тысяч человек. *«Я восхищен мужеством своих войск,* – писал император Наполеон III генералу, – *но считаю, что даже решающее сражение за Крым не должно стоить нам стольких жизней».* Однако энергичный Пелисье, мечтавший о маршальском жезле, был совершенно уверен в предстоящем успехе, ради которого не собирался считаться с жертвами. Он запланировал взять Севастополь 6 (18) июня – в 40-ю годовщину сражения при Ватерлоо.

На рассвете 5 июня 1855 г. началась четвертая бомбардировка Севастополя. В этот длинный день 4 офицера, 72 унтер-офицера и матроса погибли, 12 офицеров получили раны и контузии, 257 нижних чинов были ранены и 214 контужены. После того, как осадная артиллерия обрушила на город более 50 тысяч снарядов, в 3 часа утра 6 июня три французские дивизии бросились на штурм 1-го и 2-го бастионов и Малахова кургана. Но защитники, успевшие за ночь восстановить разрушенные укрепления, встретили противника ураганным огнем. Трижды французы бросались на приступ, но каждый раз, неся колоссальные потери, откатывались в балки и овраги. Вслед за французами, уже видя их первую неудачу, двинулись на штурм 3-го бастиона две британские дивизии. В этой атаке участвовали и английские моряки. Впереди пехоты шли 60 матросов с 10 штурмовыми лестницами. Практически все они погибли. Командовавший моряками 17-летний гардемарин Эвелин Вуд чудом уцелел, получив при штурме три раны[46]. Так и не пробившись сквозь *«бурю картечи»*, англичане, совершив, по их выражению, *«долгий, кровавый путь»*,



Переход русских войск с Южной на Северную сторону Севастополя ночью 27/28 августа 1855 г.

The Russian troops are leaving the South Side of Sebastopol on the night of 28 August 1855.

Французская литография по картине Е.Жерара. 1855 г. (Музей героической обороны и освобождения Севастополя)

с огромным уроном отступили на исходные рубежи. К 7 часам утра штурм везде потерпел неудачу [47]. Все пространство перед бастионами было завалено трупами врагов. С русской стороны в этот день погибли 2 морских офицера и 37 матросов, 8 офицеров получили раны и контузии, 187 нижних чинов были ранены и 149 контужены. Почти половина раненых и контуженых моряков после перевязки вернулась в строй, ожидая нового приступа.

Неудачный и кровопролитный штурм произвел тяжелое впечатление на союзников. Вместо долгожданного триумфа они потеряли более 5 тысяч человек, утратив надежду на скорое завершение кампании. Снова начались активные земляные работы для постепенного сближения с русскими редутами, в том числе подведение минных галерей. Используя свое превосходство в снарядах, союзники постоянно осыпали бастионы не только артиллерийским, но и штуцерным огнем. 28 июня 1855 г. на Малаховом кургане во время осмотра Корниловского бастиона был ранен штуцерной пулей в висок адмирал П.С.Нахимов. Храбрый руководитель обороны Севастополя скончался через два дня. Тело адмирала похоронили в склепе Владимирского собора рядом с М.П.Лазаревым, В.А.Корниловым и В.И.Истоминым. Эта смерть произвела сильное впечатление на гарнизон. Погиб любимый моряками флотоводец, являвшийся все эти месяцы душой обороны. *«Со смертью его, – писал Э.И.Тотлебен, – все от генерала до солдата почувствовали, что не стало человека, при котором падение Севастополя было невозможно».*

На рассвете 5 августа 1855 г. союзники начали пятую бомбардировку Севастополя. Главный удар обрушился на Корабельную сторону и 4-й бастион. За 4 дня осадные батареи выпустили свыше 56 тысяч снарядов. В дальнейшем интенсивность обстрела снизилась. Тем не менее, с 9 по 24 августа союзники выпустили еще свыше 130 тысяч снарядов. Под прикрытием массированного огня противник быстро соединял свои траншеи и параллели и вплотную приблизился к бастионам Корабельной стороны. Для руководителей обороны стало ясным, что при очередном штурме город может не устоять. Поэтому к 15 августа через рейд построили плавучий мост, по которому на Северную сторону стали вывозить запасы имущества, штабы, канцелярии, архивы. При необходимости по мосту предполагалось эвакуировать войска с Южной стороны.

К 22 августа французы находились уже в 60 шагах от Малахова кургана, 2-го, 4-го и 5-го бастионов. Тем не менее, Пелисье, наученный горьким опытом предыдущего штурма, предпочел собрать военный совет. На нем генералы единогласно высказались за новый приступ. В 5 часов утра 24 августа 698 орудий союзников начали шестую бомбардировку Севастополя, выпустив за три дня по городу и бастионам более 140 тысяч снарядов. Под прикрытием этого убийственного огня французы сапами подошли на 40 шагов к русским укреплениям, превращенным в груды обгорелых развалин.

В 8 часов утра 27 августа французы взорвали на расстоянии 20 метров от контр-эскарпа Малахова кургана подземные мины, в результате чего

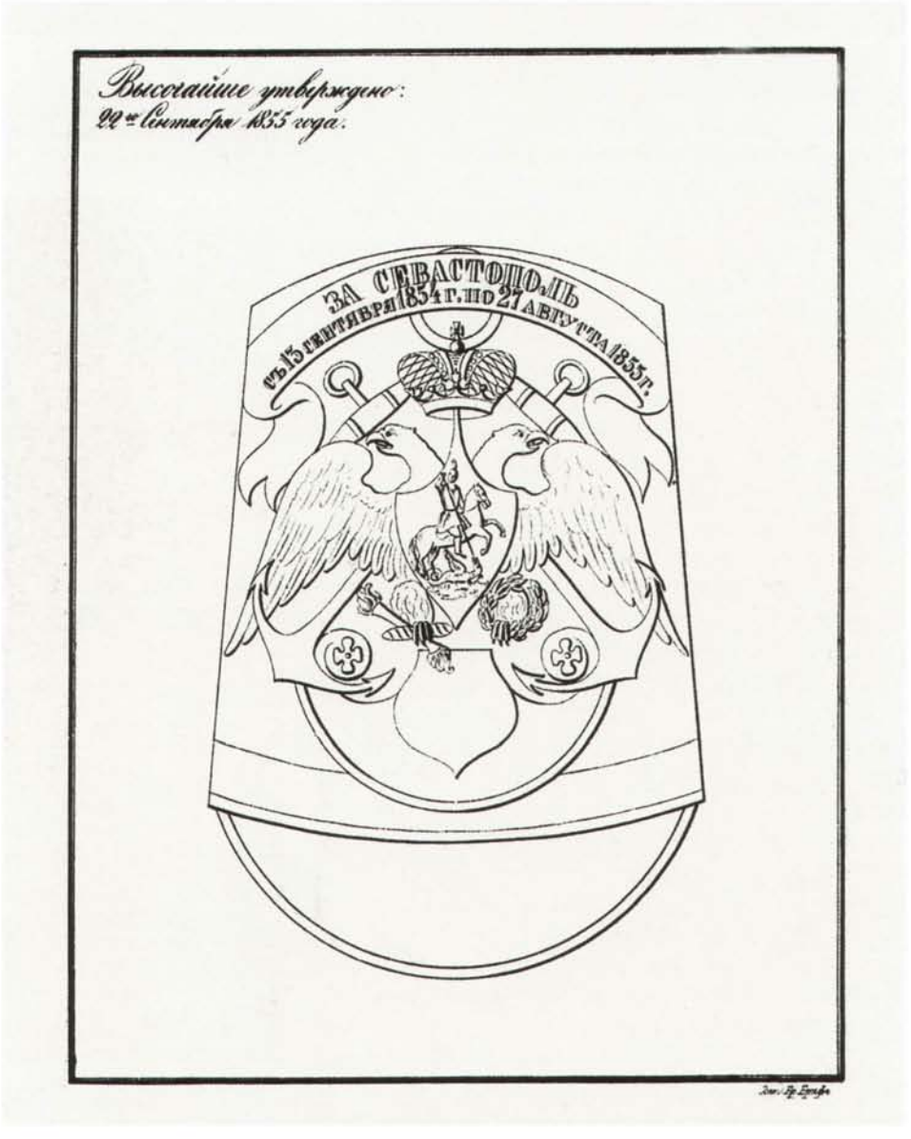
[46] Впоследствии Вуд (Evelyn Wood) стал видным военачальником, командовал британскими частями в Индии и Африке, получил крест Виктории и после англо-бурской войны был произведен в фельдмаршалы.

[47] Отражение именно этого приступа изобразил художник Ф.А.Рубо на своей знаменитой панораме, выполненной в 1902–1904 гг. До 1954 г. она так и называлась «Штурм 6 июня 1855 года».

Фуражка офицера 29-го флотского экипажа с высочайше пожалованным 22 сентября 1855 г. знаком отличия «За Севастополь с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.». 1856–1857 гг.

Garrison cap of a 29th Naval Unit officer, featuring a badge «For Defending Sebastopol from 13 September 1854 to 27 August 1855» awarded by a royal decree on 22 September 1855. 1856–1857.

(ЦВММ)



часть бруствера обвалилась в ров. В полдень солдаты 1-го полка зуавов и 7-го линейного полка неожиданно выскочили из передовых траншей, с громким криком «Vive l'empereur!» пересекли открытое пространство и почти без выстрелов вбежали на разрушенный бруствер. После жестокого рукопашного боя французам удалось закрепиться внутри Корниловского бастиона, а также обойти его с левого фаса. Отрезанные 40 солдат Модлинского пехотного полка и горсть моряков-комендоров, возглавляемых флотскими кондукторами Венецким и Дубининым, заперлись в каменной оборонительной башне, продолжая отстреливаться через амбразуры.

Одновременно со штурмом Малахова кургана французы атаковали 2-й бастион. В течение трех часов защитники мужественно отбили пять приступов, чему способствовали пароходо-фрегаты «Владимир», «Херсонес» и «Одесса», занявшие позицию в Килен-бухте и осыпавшие французов с фланга бомбами и картечью. К 14 часам также удалось отбить три приступа англичан на 3-й бастион. После этого французы начали штурм укреплений Городской стороны. Но предпринятые в течение часа две атаки на 5-й бастион и редут Шварца также потерпели неудачу.

Таким образом, к 15 часам штурм был отражен по всей линии обороны с большими потерями для союзников. Лишь на Малаховом кургане продолжался упорный бой за Корниловский бастион. Противников разделяла узкая горжа, заваленная грудой трупов. Ни русским, ни французам не удавалось прорваться через нее. Так и не добившись успеха, руководивший обороной Севастополя князь М.Д. Горчаков к 17 часам прекратил контратаки. Лишь в каменной башне все еще продолжали отстреливаться солдаты и моряки. Французы попытались выкурить их, запалив кучу фашин. Но потом, испугавшись взрыва порохового погреба, они погасили пламя и стали бросать в башню гранаты. В конце концов, израсходовав все патроны, защитники башни вынуждены были сдаться.

Итак, потеряв около 10 тысяч человек, союзники овладели Малаховым курганом, доминировавшим над всеми укреплениями Севастополя. В связи с этим князь М.Д. Горчаков решил оставить Южную сторону. В 19 часов под надзором саперов и моряков началась эвакуация гарнизона через рейд по мосту, а также на судах. После перехода основной части войск на Северную сторону остававшиеся еще на бастионах партии моряков, саперов и артиллеристов приступили к подрыву батарей и пороховых погребов. На рейде в это время затопили 6 кораблей, 1 фрегат, 1 корвет и 7 бригов. Союзники не преследовали отступающий гарнизон. *«Враги видели, что что-то необычное творилось в грозном Севастополе,* – писал граф Л.Н. Толстой. – *Взрывы эти и мертвое молчание на бастионах заставляли*

их содрогаться; но они не смели верить еще под влиянием сильного, спокойного отпора дня, чтоб исчез их непоколебимый враг, и молча, не шевелясь, с трепетом ожидали конца мрачной ночи». На рассвете 28 августа был разведен мост через Южную бухту, а в 8 часов утра вслед за последними защитниками развели мост через рейд. Героическая оборона Севастополя завершилась.

В течение 349 дней защитники Севастополя отражали штурмы, строили и чинили укрепления, совершали контратаки, вели минную войну. Моряки везде действовали умело и отважно. Но из 28 тысяч человек, встретивших врага на бастионах в октябре 1854 г., к концу осады уцелело меньше трети. По официальным данным погибли и умерли от ран 3 адмирала, 19 штаб- и 87 обер-офицеров, 3 776 нижних чинов. Раны и контузии получили 3 адмирала, 94 штаб- и 636 обер-офицеров, 13 094 нижних чина. Но и эти трагические цифры не являются окончательными. Так, к настоящему времени севастопольским исследователем П. М. Ляшуком установлены имена 155 погибших морских офицеров.

«К концу обороны Севастополя не много моряков уцелело на батареях, – вспоминал полковник П. К. Меньков, – *но зато весело было смотреть на эти дивные обломки Черноморского флота. Уцелевшие на батареях моряки по преимуществу были комендоры при орудиях... Белая рубашка... Георгиевский крест на груди... Отвага, доблесть и удаль, соединенные с гордым сознанием собственного дела и совершенным презрением смерти, бесспорно давали им первое место в ряду славных защитников Севастополя»*[48].

После оставления Севастополя моряки собрались в 5 верстах от города в Бельбекской долине, где расположились на биваках. Вскоре половину флотских экипажей отправили пешим порядком в Николаев. 3 сентября они тронулись в путь и 19 сентября пришли в город без дневок. По дороге экипажи догнал Александр II. *«Мы остановились*, – вспоминал лейтенант П. И. Лесли, – *государь, поздоровавшись с матросами, благодарил их за службу, сказал очень много любезного и приказал вести нас на квартиры. После него приехал к нам генерал-адмирал* [великий князь Константин Николаевич], *который тоже, обходя фронт, разговаривал с матросами, расспрашивал кто-где получил Георгия. Какой странный вид имели матросы, это просто хохот! Кто с французским ружьем, кто с английским, у кого бутылка вместо манерки; одним словом, это была толпа кочующих цыган. Сзади на телегах следовали матросские жены с детьми: решительно какое-нибудь селение кочующей орды. Но оно иначе и быть не могло, потому что матросы с бастиона ушли, в чем они там были».*

Непритязательный внешний вид моряков не смутил Александра II. Их массовый героизм император отметил не только многими орденами

Серебряная медаль «За защиту Севастополя».

Silver medal For Defending Sebastopol.

(Из частной коллекции)

и знаками, но и коллективными боевыми наградами. 26 ноября 1856 г. всем 17 черноморским флотским экипажам (№ 29–45-го) государь пожаловал Георгиевские знаменные флаги с надписью *«За оборону Севастополя с 13-го сентября 1854 года по 27-е августа 1855 года»*. Одновременно изображение Св. Георгия он велел поместить на стеньговых флагах, брейд-вымпелах и вымпелах тех судов, команды которых будут укомплектованы чинами этих экипажей. Кроме того, 22 сентября 1855 г. на головных уборах моряков тех же экипажей установили знаки отличия в виде латунной ленточки с надписью *«За Севастополь с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.»*. Сначала такие ленточки предполагалось носить на киверах. Но в связи с их отменой 2 декабря 1855 г. ленты поместили на тульи заменивших кивера фуражек с козырьком. Однако 19 ию-

Такими медалями на георгиевской ленте наградили всех моряков, участвовавших в обороне Севастополя.

[48] *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 263.

Юнги черноморских флотских экипажей – участники обороны Севастополя.

Ship's boys of Black Sea Fleet naval units, who participated in the defence of Sebastopol.

Литография В. Ф. Тимма. 1856 г. (РГБИ)

На груди юных героев видны серебряные медали «За защиту Севастополя».

Георгиевский знаменный флаг, пожалованный одному из черноморских флотских экипажей 26 ноября 1855 г. за оборону Севастополя.

The St. George unit flag awarded to a Black Sea Fleet naval unit on 26 November 1855 for its part in defending Sebastopol.

(Центральныймузей Черноморского флота)

ня 1857 г. вместо фуражек для матросов ввели круглые шляпы. В результате на два десятилетия о боевых знаках отличия фактически забыли. Лишь 20 мая 1887 г., *«чтобы восстановить память о заслуженных прежними черноморскими экипажами отличиях надписями на киверах»*, матросам экипажей Черноморского флота Александр III пожаловал на бескозырки георгиевские ленточки[49]. Кроме того, поскольку осенью 1855 г. в Астрахань с Черного моря были переведены 33-й (переименованный 20 апреля 1856 г. в 44-й) и 45-й флотские экипажи, то в тех же целях георгиевские ленточки 16 ноября 1887 г. пожаловали и их преемнику – Каспийскому экипажу[50].

Не остались без высочайшего внимания и сами ветераны Севастопольской обороны. 16 октября 1879 г. в честь 25-й годовщины первой бомбардировки Александр II велел всем адмиралам и морским офицерам, *«бывшим в Севастополе во время первого бомбардирования 5-го октября 1854 года и находящимся ныне в военной службе, производить, пока они будут продолжать таковую, добавочное содержание в размере годового оклада жалованья по тем чинам, в коих они состояли в день бомбардирования»*[51]. Через 5 лет, 26 февраля 1885 г. Александр III сделал эти выплаты пожизненными[52].

[49] Приказ по Морскому ведомству от 20 мая 1887 г. № 72.

[50] Приказы по Морскому ведомству от 26 декабря 1887 г. № 178 и от 13 февраля 1888 г. № 22.

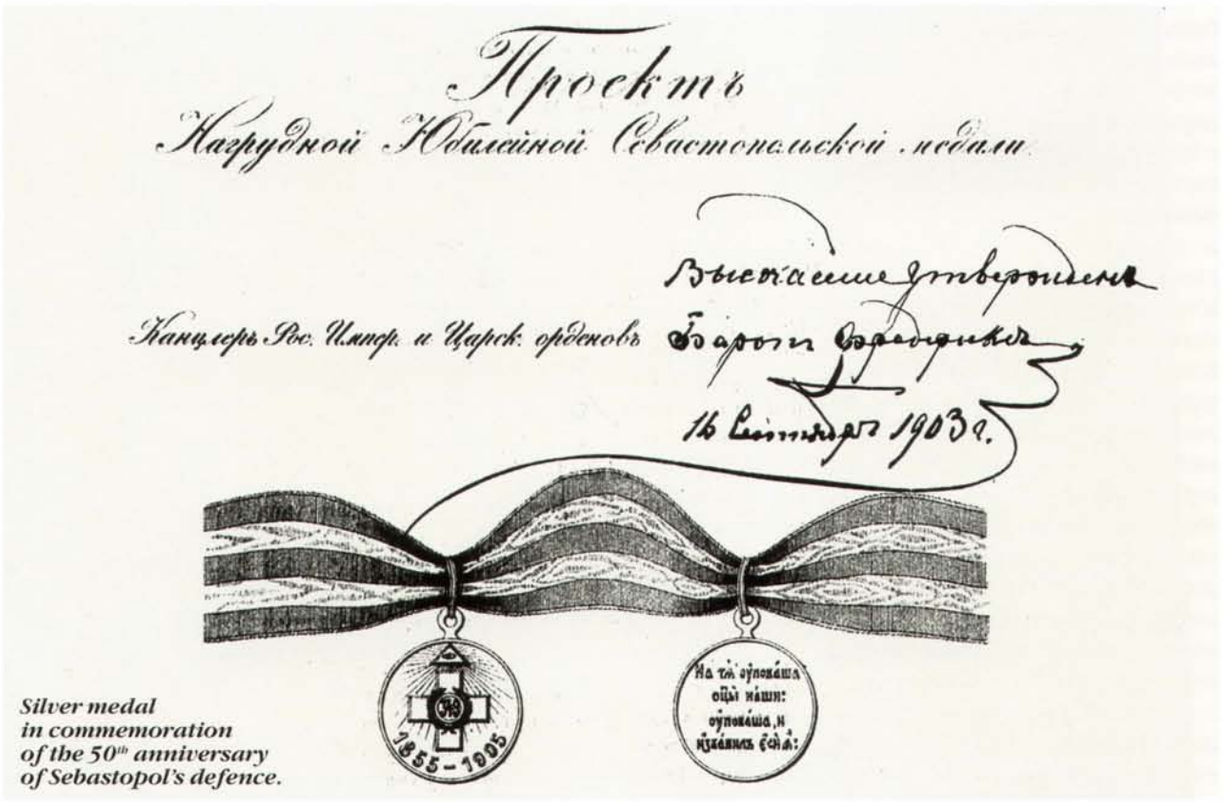
[51] Приказ Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала от 16 октября 1879 г. № 94.

[52] Приказ Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала от 26 февраля 1885 г. № 21.

Серебряная медаль в память 50-летия защиты Севастополя.

(Музейная копия из частной коллекции)

Такими медалями на георгиевской ленте наградили всех ветеранов 349-дневной обороны Севастополя. В 1903–1904 гг. на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканили 9 тысяч медалей – примерно столько ветеранов еще оставалось в живых. Для сравнения в 1855–1856 гг. отчеканили более 253 тысяч медалей «За защиту Севастополя».

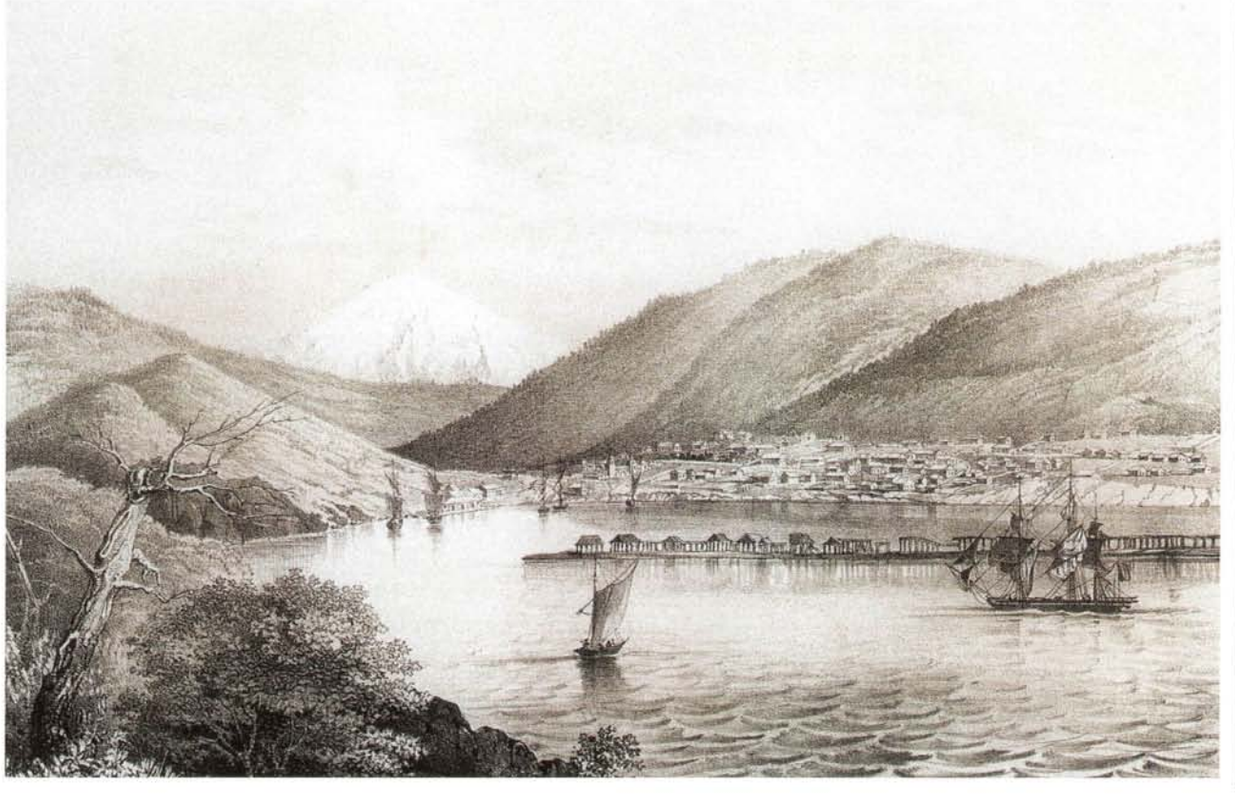


Silver medal in commemoration of the 50th anniversary of Sebastopol's defence.

Героическая оборона Петропавловска 18–24 августа 1854 г.

В ходе Восточной войны русским морякам довелось встретиться на поле боя не только с сухопутными частями союзников, но и с французской и британской морской пехотой. Враг надолго запомнил *«печальный день 4-го сентября 1854 года»*[53], который общественное мнение Франции *«назвало поражением, постыдным для чести флага»*, а в Англии и вовсе *«пятном, неизгладимым в истории»*[54]. Этот первый бой русских моряков с союзниками, удививший Европу и Америку, произошел не в Крыму под Севастополем, а на противоположной окраине Российской империи – на далекой Камчатке, считавшейся в то время настоящей terra incognita.

Боевые действия на Тихом океане в 1854–1855 гг. имели свою региональную специфику. Амурский край и Приморье были едва обжиты, да и то в основном благодаря Российско-Американской компании, поддерживавшей через Сибирь торговые контакты со своими колониями на Аляске, Алеутских и Курильских островах. Географическая удаленность и богатые природные ресурсы позволяли компании успешно вести дела, не вступая в конфликт с американскими и английскими коммерсантами. Но назначенный в 1847 году генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьев считал, что в дальнейшем для надежной защиты торговых интересов необходимо обеспечить военное присутствие России на Тихом океане. В этом деле он нашел верного союзника в лице правителя фактории Российско-Американской компании и Аянского порта капитана 2 ранга В.С. Завойко. Для военного обеспечения плавания русских судов по Охотскому и Беринговому морям, а также для борьбы с иностранными браконьерами особое значение приобретал Петропавловск с его удобной гаванью в Авачинской губе. Еще в 1827 году английский командор Ф. Бичи писал: *«Если северная часть Тихого океана станет ареной активных боевых действий, Петропавловск несомненно приобретет огромную значимость. В настоящее время он практически не защищен, но малое количество пушек, расставленных с умом, могут эффективно оборонять гавань»*[55]. Схожих взглядов придерживались Муравьев и Завойко. Посетив Камчатку, Муравьев писал: *«Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал»*. Генерал-губернатор сразу оценил стратегическое значение Петропавловска. *«Если бы стала в устье Амура русская крепость, равно как и в Петропавловском порте на Камчатке,* – докладывал Муравьев императору 15 февраля 1849 г., – *и между ними ходила флотилия, а для вящей предосторожности, чтоб в крепостях этих и на флотилии гарнизоны, экипаж и начальство доставляемы были из внутри России, то этими небольшими средствами на вечные времена было бы обеспечено для Рос-*



Вид Петропавловского порта на Камчатке с Сигнального мыса.

View of Petropavlovsk from the Signalny Cape.

Тонолитография. 1856 г. (РГБ)

Библиография и источники:

Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989.

Морской сборник. 1855. № 1. С. 87–107.

Степанов А.А. Петропавловская оборона. Хабаровск, 1954.

РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3003; Оп. 3. Д. 4592, 5510.

[53] В отечественной и зарубежной историографии, посвященной обороне Петропавловска, существует расхождение в датах на 1 день. Во всех российских рапортах, журналах и документах указано, что основные бои произошли 20 и 24 августа по старому стилю – то есть 1 и 5 сентября по новому. Однако за рубежом на основе французских и английских источников приняты даты 31 августа и 4 сентября. Это разночтение, видимо, объясняется тем, что на плывшей от Гавайских островов эскадре союзников при пересечении линии перемены даты не прибавили 1 день. Русская же датировка является верной.

[54] *E. Du Hailly*. Une campagne dans l'Ocean Pacifique. L'expedition de Petropavlovsk. // Revue des deux Mondes. 1858. Vol. XVI. P. 686–718. Полный русский перевод воспоминаний французского офицера Эдмонда дю Айи впервые был опубликован в 1860 году в журнале «Морской сборник» (№ 2. С. 470–505). Кроме того, отдельные фрагменты в своем переводе опубликовал академик Е.В.Тарле в монографии «Крымская война» (Т. II. М.–Л., 1944. С. 199–215).

[55] Война на Тихом океане 1854–1856. // ФлотоМастер. 2004. № 5. С. 7.

Адмирал Василий Степанович Завойко.

Adm. Vassily Stepanovich Zavoiko.

Портрет кисти Н.Н.Блинова. (ЦВММ)

В 1850–1856 гг. военный губернатор Камчатской области. За героическую оборону Петропавловска в августе 1854 г. В.С.Завойко был переименован в контр-адмиралы, а также награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и орденом Св. Станислава 1-й степени.

Генерал-адъютант граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

General-Adjutant Count Nikolai Nikolayevich Muravyov-Amursky.

Портрет кисти К.Е.Маковского. 1863 г. Фрагмент. (Иркутский областной художественный музей имени В.П.Сукачева)

Будучи в 1847–1861 гг. генерал-губернатором Восточной Сибири, Н.Н.Муравьев много сделал для ее освоения и окончательного присоединения к Российской империи. 16 мая 1858 г., подписав Айгунский договор, установил границу России с Китаем по Амуру, за что получил от Александра II титул графа Амурского.

сии владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами».

2 декабря 1849 г. по предложению Муравьева император учредил особую Камчатскую область под управлением военного губернатора. На эту должность 15 февраля 1850 г. назначили капитана 1 ранга В.С.Завойко, который принял активные меры для развития края. Накануне войны Петропавловск, по свидетельству состоявшего при Завойко геолога фон Дитмара, представлял следующую картину: *«Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно; число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до 40. <...> К этой, лучше выстроенной казенной части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. <...> Домов здесь всего 116. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причем все частные дома крыты тростником и длинной травой, казенные же – железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских. <...> По переписи 1852 года весь описываемый городок имел всего 1593 жителя (1177 мужского и 416 женского пола)»*[55].

Значительную часть жителей Камчатки составляли военные моряки. Еще 9 ноября 1803 г. в Камчатском гарнизонном батальоне кроме пяти сухопутных рот учредили одну морскую роту. Вскоре, 9 апреля 1812 г., Камчатский батальон расформировали, а всю военную службу возложили на морскую роту, причисленную к Охотскому флотскому экипажу[56]. Такое сокращение гарнизона основывалось на мнении Петербурга, *«что ни одна европейская держава не вздумает, конечно, обойти полсвета для завоевания страны, в которой с трудом содержится небольшое число собственных своих жителей и которая кроме собольих мехов ничего не производит»*. Флотскую роту перевели из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань, где ее матросы занимались сооружением порта, строительством флотилии, а также боролись с иностранными браконьерами, охотившимися в российских владениях на котиков и китов[57].

В связи с реформами Н.Н. Муравьева и упразднением Охотского порта, 22 февраля 1850 г. Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту объединили в 46-й флотский экипаж. Но возглавлявший его в 1850– 1853 гг. капитан 2 ранга К.В. Фрейганг совершенно запустил дела. При нем в Петропавловске господствовала *«старинная, крайне суровая система управления, благодаря которой совершенно испортились славные дальновояжные матросы, составляющие 46-й флотский экипаж, и обратились в людей, промышляющих беспорядками и воровством»*. 6 декабря 1853 г. в связи с формированием в Гельсингфорсе нового 28-го флотского экипажа прежний 28-й черноморский экипаж был переименован в 45-й. Соответственно 45-й экипаж в Астрахани стал 46-м, а 46-й на Камчатке – 47-м.

16 декабря 1853 г. новым командиром 47-го экипажа и помощником губернатора Камчатки император назначил капитана 1 ранга А.П. Арбузова. В апреле 1854 г., проехав всю Россию, он добрался до слияния рек Кары и Шилки, где в деревне Лончаково принял назначенных Н.Н. Муравьевым для пополнения 47-го экипажа 400 солдат, выбранных из Сибирских линейных батальонов. Эти *«здоровые, сильные и веселые»* рекруты-сибиряки не были новичками, как принято счи-

[55] *Дитмар К.* Поездка и пребывание на Камчатке в 1851–1856 гг. Ч. I. СПб., 1901. С. 131–133.

[56] Штат роты: ротный командир (он же начальник Камчатки), лейтенант, 2 мичмана, боцман, боцманмат, 3 квартирмейстера, 60 матросов, 30 артиллеристов, 2 барабанщика, 2 писаря, клерк, лекарь, баталер, 2 фельдшера, 14 мастеровых – всего 122 человека.

[57] Самоуправство иностранных китобоев являлось настоящим бедствием. В середине XIX в. одно промысловое судно зарабатывало на китовом жире до 200 тысяч долларов за лето.

тать, а служили уже около 4 лет, хорошо знали пехотный строй и прекрасно стреляли, поскольку более половины из них в прошлом являлись охотниками. Пережидая весенний разлив рек, Арбузов стал обучать своих рекрутов действию рассыпным строем, а также фехтованию на штыках. Сам он научился штыковому бою еще в 1837–1839 гг. на Черноморском флоте от служивших матросами пленных солдат польской армии. По их примеру Арбузов для отработки ударов использовал шары, свитые из сена и соломы. Наконец, 14 мая отряд Арбузова двинулся в путь на плотах, буксируемых пароходом «Аргунь». Пройдя за месяц Шилку и почти весь Амур, отряд пересек озеро Кизи, вышел на берег Татарского залива и 17 июня достиг русского поста в заливе Де-Кастри. Здесь 333 рекрута сели на 10-пушечный транспорт «Двина» и через 35 дней тяжелого плавания по Охотскому морю и Тихому океану достигли 24 июля Петропавловска.

Отряд Арбузова прибыл очень кстати. Накануне, 14 июля 1854 г. в Петропавловск с Гавайских островов пришел американский купеческий бриг «Нобл» («Nobl»), который доставил Завойко известие, *«что между Россией, Англией и Францией объявлена война, что находящиеся в Тихом океане российские порты объявлены в блокаде»*. В Петропавловске же к этому времени после отплытия всех судов Камчатской флотилии оставался лишь 231 матрос 47-го флотского экипажа, включая команду транспорта «Двина», а также портовых мастеровых и престарелых инвалидов. По счастью в гавани стоял 44-пушечный фрегат «Аврора» 19-го флотского экипажа. Этот фрегат под командованием капитан-лейтенанта И.Н. Изыльметьева еще 14 августа 1853 г. отправился из Кронштадта вокруг света для усиления борьбы с браконьерами на Дальнем Востоке. Совершив изнурительный переход, «Аврора» 19 июня пришла в Петропавловск, где Изыльметьев дал команде отдых. На борту фрегата в это время находились 14 офицеров, 4 гардемарина, 2 юнкера, 13 унтер-офицеров, 4 кондуктора морской артиллерии, 5 музыкантов, 241 рядовой, 7 нестроевых, 7 мастеровых[58], 1 младший врач, 1 фельдшер, 1 иеромонах. Вынужденная стоянка оказалась не по сердцу кронштадтцам. *«Говоря откровенно,* – вспоминал мичман Н.А.Фесун, – *никто и никогда из служивших на "Авроре" не ждал, чтобы дрянной камчатский городок мог быть атакован значительными силами; все желали поскорее вырваться из Камчатки. <...> "Команда теперь уже поправилась, – говорила молодежь на "Авроре", – и что нам делать здесь, в этом захолустье? Какой сумасшедший адмирал решится искать фрегат за тридевять земель, в дальних и бурных морях и уже почти в осеннее время?"»*.

Самоуверенная флотская молодежь не догадывалась, что над Петропавловском уже нависла грозная опасность. Еще 25 апреля 1854 г. в порту Кальяо в Перу английский контр-адмирал Дэвид Прайс получил известие о начале боевых действий против России и назначении его начальником союзной эскадры. Однако компания Гудзонова залива («Hudson's Bay Company»), фактически управлявшая канадскими владениями Британии, была заинтересована в продолжении торговых контактов с Российско-Американской компанией. Поэтому русские колонии на Аляске, Алеутских и Курильских островах объявили нейтральными. Корабли Прайса не имели права нападать на них, и им оставалось лишь охотиться за русскими судами в море.

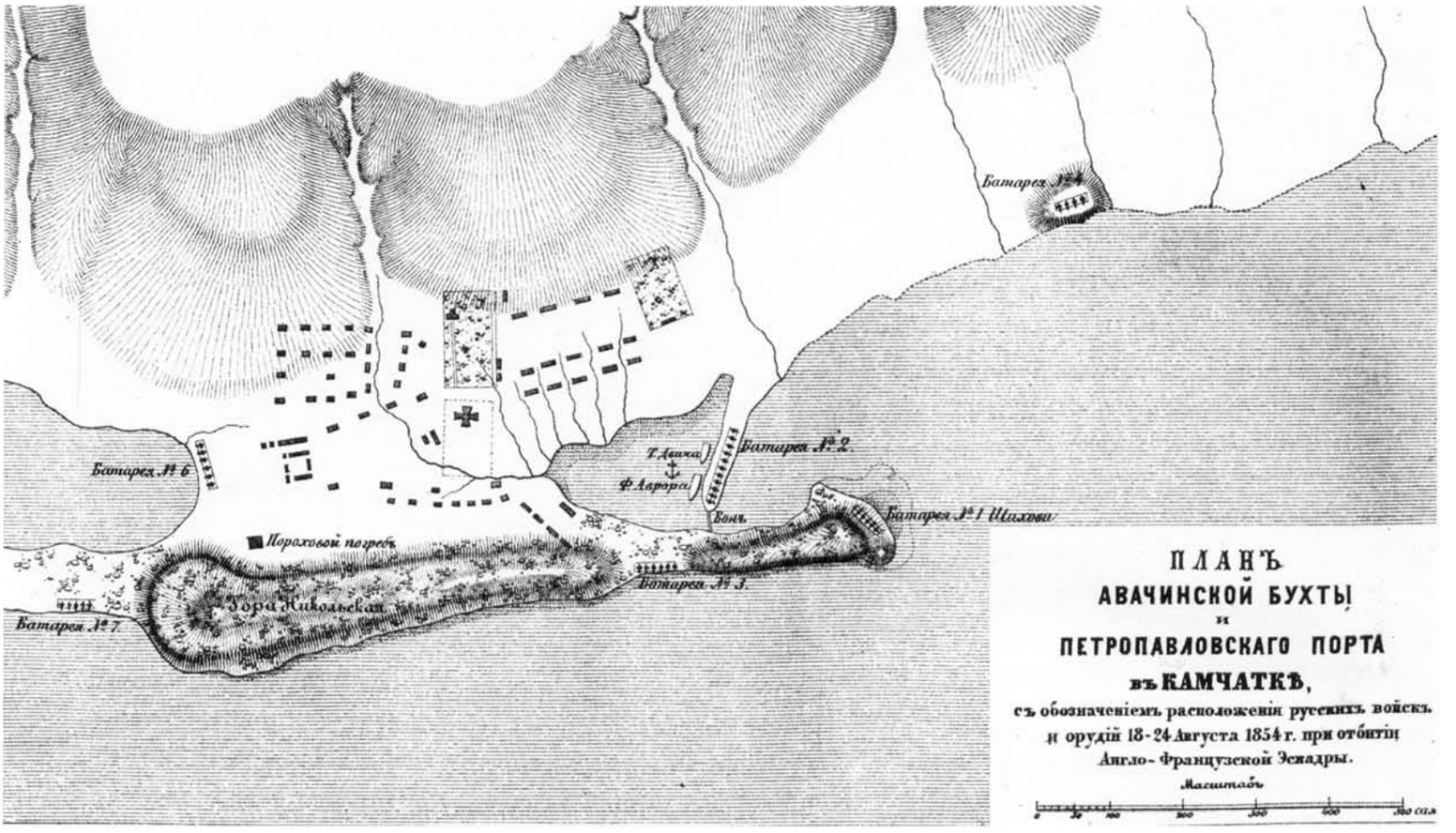
После трехмесячных безрезультатных поисков союзники решились, наконец, предпринять экспедицию против Петропавловска, надеясь застать там всю русскую флотилию. 13 июля к берегам Камчатки из Гонолулу вышли 6 боевых кораб-

Квартирмейстер 3-й роты 47-го флотского экипажа. 1854–1856 гг.

Quartermaster of the 3rd Co., 47th Naval Unit. 1854–1856.

Иллюстрация по рисунку художника В.Н.Куликова 2002 г. (РГБИ)

[58] 3-го рабочего экипажа.



План Авачинской губы и Петропавловского порта на Камчатке.

Plan of the Avacha Bay and Petropavlovsk port at the Kamchatka Peninsula.

Гравюра 1870 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

лей: английские 50-пушечный фрегат «Президент» («President»), 36-пушечный фрегат «Пик» («Pique») и 6-пушечный пароход «Вираго» («Virago»); французские 60-пушечный фрегат «Форт» («La Forte»), 22-пушечный корвет «Эвридика» («L'Eurydice») и 12-пушечный бриг «Облигадо» («Obligado»).

Между тем в Петропавловске Завойко, реально оценив опасность, силами 47-го экипажа, моряков «Авроры» и жителей города приступил к строительству береговых укреплений. Не имея возможности перекрыть вход в Авачинскую губу, губернатор все внимание сосредоточил на обороне Петропавловской гавани. Для ее защиты на наиболее важных участках он построил 7 батарей, к орудиям которых назначил матросов и рекрутов 47-го экипажа.

От акватории Авачинской губы Петропавловскую гавань отделяет узкий мыс длиной около 1200 метров и шириной 150 метров. Этот мыс образуют две горы – более высокая Никольская (70 м) и расположенная южнее Сигнальная (56 м) – обе с крутыми, почти отвесными обрывами со стороны губы и более пологими склонами к городу, имеющими несколько троп. Склоны гор густо покрывали заросли мелкого кедровника. На Сигнальном мысу[59], которым с юга заканчивается Сигнальная гора, построили **батарею № 1**. Фактически ее пришлось выдолбить в камне, в связи с чем не удалось добиться нужной глубины укрытия. На батарее установили три 36-фунтовые пушки и два двухпудовых бомбических орудия. Возглавил батарею лейтенант П.Ф. Гаврилов. У него под командой находились 63 нижних чина. На перешейке между Сигнальной и Никольской горами установили **батарею № 3**. Для ее вооружения 3 августа с правого борта фрегата «Аврора» свезли пять длинных 24-фунтовых пушек. Командиром батареи Завойко назначил лейтенанта князя А.П.Максутова. При своих орудиях он имел 51 нижнего чина 47-го флотского экипажа.

С противоположной, северной стороны Никольская гора спускалась к болотистому Култушному озеру. Между озером и горой со стороны берега шла широкая дорога, которая, огибая подошву горы, вела прямо в город. Для защиты этих подступов на берегу построили земляную **батарею № 7**. Для ее вооружения с «Авроры» свезли пять коротких 24-фунтовых пушек. Батарею и 49 нижних чинов возглавил капитан-лейтенант «Двины» В.К.Коралов. Чтобы предотвратить прорыв неприятеля с тыла по дороге в город, возле озера также установили **батарею № 6** с четырьмя 18-фунтовыми и шестью 6-фунтовыми пушками. Батарея эта строилась на случай падения батареи № 7 и считалась тыловой. Поэтому ее командир поручик Корпуса корабельных инженеров К.Я.Гезехус имел всего 31 человека, да и то набранных к пушкам по недостатку людей из писарей морского ведомства, которых *«обучили действовать оными, равно как и ружьем»*.

[59] Союзники называли его мысом Шахова.

По фронту гавань отделялась от губы узкой песчаной трехсотметровой косой шириной 30–35 метров, едва подымавшейся из воды. К этой косе, прозванной Кошкой, левым бортом встали «Аврора» и «Двина». Коса защищала их ватерлинию, не препятствуя при этом вести огонь. Таким образом, вход на рейд защищали 22 орудия «Авроры», заряженные ядрами, и еще пять 18-фунтовых коротких пушек «Двины». Узкий, шириной около 80 метров вход в гавань между Кошкой и Сигнальной горой перегородили деревянным боном на цепях. Кроме того, у основания Кошки построили мощную **батарею № 2** из 10 орудий 36-фунтового «калибра» и одной длинной 24-фунтовой пушки с «Авроры». Командир батареи лейтенант князь Д.П.Максутов и его помощник гардемарин В.Д.Давыдов возглавляли 127 нижних чинов.

Для дополнительной обороны подступов к Кошке южнее Петропавловска на возвышенности, называемой Красный Яр, была построена **батарея № 4**. Эта батарея, расположенная недалеко от городского кладбища, могла бить по вражеским кораблям при их маневрировании напротив Сигнального мыса, а также расстреливать союзников с фланга в случае попытки прорваться в гавань. Для вооружения батареи с «Авроры» отправили три длинные 24-фунтовые пушки с мичманом В.И.Поповым и гардемарином Г.Н.Токаревым. На Красном Яру Попов принял под командование 28 нижних чинов[60].

Для отражения вражеского десанта Завойко составил из рекрутов и матросов 47-го экипажа три отряда: **1-й портовый стрелковый отряд** мичмана Д.В.Михайлова (49 чел.), **2-й портовый стрелковый отряд** полицмейстера подпоручика ластовых экипажей М.Д.Губарева (50 чел.) и **3-й портовый отряд** поручика Корпуса флотских штурманов Кошелева для тушения пожаров (69 чел.). Кроме того, был сформирован **отряд волонтеров** из чиновников и купцов, вооруженных ружьями со штыками (18 чел.). На «Авроре» приготовились к бою одна стрелковая и три абордажных партии. Для защиты города также собрались 20 местных охотников-камчадалов, среди которых выделялся старик Дурынин, убивший за свою жизнь более 40 медведей. Всего в распоряжении Завойко находились 4 штаб-офицера, 37 обер-офицеров, 879 нижних чинов и волонтеров.

Губернатор вовремя завершил приготовления. 17 августа 1854 г. к Авачинской губе подошла эскадра союзников[61]. Контр-адмирал Прайс решил лично провести разведку, прибегнув к не слишком честной хитрости. На пароходе «Вираго» подняли американский флаг, и в 16.30 он вошел в Авачинскую губу. Но защитники Петропавловска еще утром заметили союзную эскадру и подготовились к визиту непрошенных гостей. В городе ударили тревогу, а навстречу пароходу выслали дозорный вельбот. В 17 часов «Вираго», не доходя три мили до Сигнального мыса, остановился и, увернувшись от шлюпки, ушел в море.

Следующий день 18 августа стоял полный штиль. Лишь около 16 часов союзная эскадра с развевающимися флагами смогла войти в Авачинскую губу и потянулась кильватерной колонной мимо Сигнальной горы. Шедший впереди пароход «Вираго», приблизившись к Сигнальному мысу, выстрелил из носового орудия. Тогда открыли огонь батареи № 3 и № 1. Затем вступили в бой батареи № 2 и № 4, но их ядра не долетали до врага. Несколько минут продолжалась перестрелка. Союзники сделали около 15 выстрелов ядрами и бомбами, причем три бомбы перелетели через Сигнальный мыс и лопнули в воздухе. Осколки двух бомб упали недалеко от «Авроры». В свою очередь защитники города метким выстрелом с батареи № 1 попали бомбой в корму парохода «Вираго». После этого противник отвернул на запад, вышел из зоны огня и стал на якорь.

Матрос 19-го флотского экипажа. 1854–1856 гг.

Sailor of the 19th Naval Unit. 1854–1856.

Иллюстрация по рисунку художника В.Н.Куликова 2002 г. (РГВИ)

[60] На случай прорыва вражеских кораблей через Кошку была еще устроена непосредственно на берегу Петропавловской гавани **батарея № 5** из 5 старых медных пушек. Во время сражений она оставалась в бездействии и не имела команды.

[61] Существует множество описаний обороны Петропавловска. Но ни одно из них, по нашему мнению, не может считаться достаточно верным. Предлагаемое ниже изложение событий составлено на основе изучения и сравнения различных источников и заметно отличается от официальной версии.

Английский пароход «Вираго».

British steamer Virago.

(Фотография из архива журнала «ФлотоМастер»)

Вечером контр-адмирал Прайс собрал на военный совет французского контр-адмирала Февре де Пуанта и командиров кораблей. Чтобы открыть вход в гавань со стороны Кошки, совет решил на следующий день разгромить огнем фрегатов «Президент» и «Форт» батарею № 1, в то время как фрегат «Пик» должен был подавить своими орудиями батарею № 4, а пароход – высадить десант для ее ликвидации.

Утром 19 августа эскадра союзников приготовилась к штурму Петропавловска. Пароход «Вираго» взял на буксир «Пик» и собирался пришвартовать «Форт». Но тут произошло совершенно неожиданное событие. На «Президенте» контр-адмирал Прайс, *«пройдясь по палубе с капитаном Бьюрриджем, своим флаг-капитаном, и поговорив с ним о принятых диспозициях, спустился в свою каюту, которая по случаю предстоящего сражения не отделялась переборкой от батареи, открыл шкаф, вынул оттуда пистолет, зарядил и, прицелив к сердцу, выстрелил. Несмотря на поданную помощь, через несколько часов он умер»*. До сих пор остается загадкой, почему всеми уважаемый адмирал внезапно покончил с собой на глазах изумленного экипажа. Большинство свидетелей объясняет этот странный поступок нервным срывом, вызванным общими неудачами кампании и грузом колоссальной ответственности. Впрочем, самоубийство Прайса и по сей день остается одной из самых темных страниц в летописи английского флота[62]. Своим поступком адмирал, по верному замечанию офицера фрегата «Пик» Клерка, *«поставил эскадру в ситуацию, не имевшую аналогов в британской морской истории»*. При общем замешательстве начальство союзниками принял *«храбрый, честный, но не пользовавшийся популярностью»* французский контр-адмирал де Пуант. Британские корабли возглавил по старшинству капитан «Пика» Ф.Николсон. Но атаку, естественно, пришлось отложить до следующего дня.

На рассвете 20 августа защитники Петропавловска заметили приготовления союзников к бою. Около 6 часов утра «Вираго» развел пары. С фрегата «Президент» на пароход перевезли морских солдат под командованием капитана Ч.А.Паркера, к которым присоединился отряд французских матросов. Всего для десанта собралось 150 человек. Около 8 часов утра «Вираго» пришвартовал к левому борту фрегат «Пик», к правому «Форт», а «Президент» взял на буксир.

Между тем Завойко скрытно разместил в кустах на высоте между батареями № 2 и № 4 отряд волонтеров и 1-й портовый стрелковый отряд. 2-й портовый стрелковый отряд занял позицию у Сигнальной горы. 3-й портовый отряд с пожарными инструментами расположился в городе около гауптвахты. В случае десанта *«по отрядам приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови»*. На батарею № 1 Завойко пригласил священника Георгия Логинова, который отслужил молебен о даровании победы. Погода стояла тихая, и церковное пение доносилось даже до дальних батарей. Защитники, сняв фуражки, молились возле орудий. Утреннюю тишину нарушал лишь шум «Вираго», с трудом тянувшего три фрегата к Сигнальному мысу. После молебна Завойко обратился к команде батареи № 1 с речью, которую завершил словами: *«Многие из нас умрут славною смертью, последняя молитва наша должна быть за царя»*. Воодушевленные моряки хором спели «Боже, царя храни». Гимн, разнесшийся над бухтой, был встречен дружными криками «Ура!» по всем батареям, отрядам и на судах.

Союзники тоже слышали пение и крики русских и приняли их за сигнал к сражению. Около 9 часов утра, поборов отлив, «Вираго» расставил фрегаты на позиции в кильватерном строю. Первым на шпринг встал «Пик», через 1,5 кабельтовых «Президент», а за ним «Форт». Их позиция оказалась очень удачной. Фрегаты могли бить по батарее № 1 и дальним огнем по № 2 и № 4. При этом Сигнальный мыс скрывал их от орудий «Авроры» и «Двины», а гора препятствовала стрелять батарее № 3. Сначала фрегаты сосредоточили огонь на батарее № 1. Положение защитников осложнялось тем, что вражеские ядра, ударяясь в скалу, ранили моряков осколками камня и щебнем. В 9.45 Завойко сообщили, что командир батареи лейтенант П.Ф.Гаврилов ранен камнем в голову и ногу, но не оставил позицию. В помощь ему губернатор послал подпоручика М.Д.Губарева. Вскоре офицеры донесли, *«что из команды, кроме убитых, много раненых каменьями, у орудий повреждены брюки и станки и что на платформу навалило ядрами каменья и землю так, что действовать орудиями невозможно»*.

С командного пункта на Сигнальной горе Завойко отправился на батарею № 1, где застал полный разгром. Но в этот момент его внимание привлек новый маневр союзников. С Сигнального мыса губернатор увидел, как 3 гребных бота с десантом направляются от «Вираго» к батарее № 4. Эта батарея также подвергалась усиленному обстрелу. Находившийся на ней гардемарин Г.Н.Токарев записал в своем дневнике: *«Тут уж*

[62] Автору этого очерка более правдоподобной все-таки кажется версия о том, что контр-адмирал Прайс стал жертвой несчастного случая. Решив перед боем вооружиться пистолетами, он при их осмотре невольно выстрелил в себя.

На палубе британского военного корабля перед сражением.

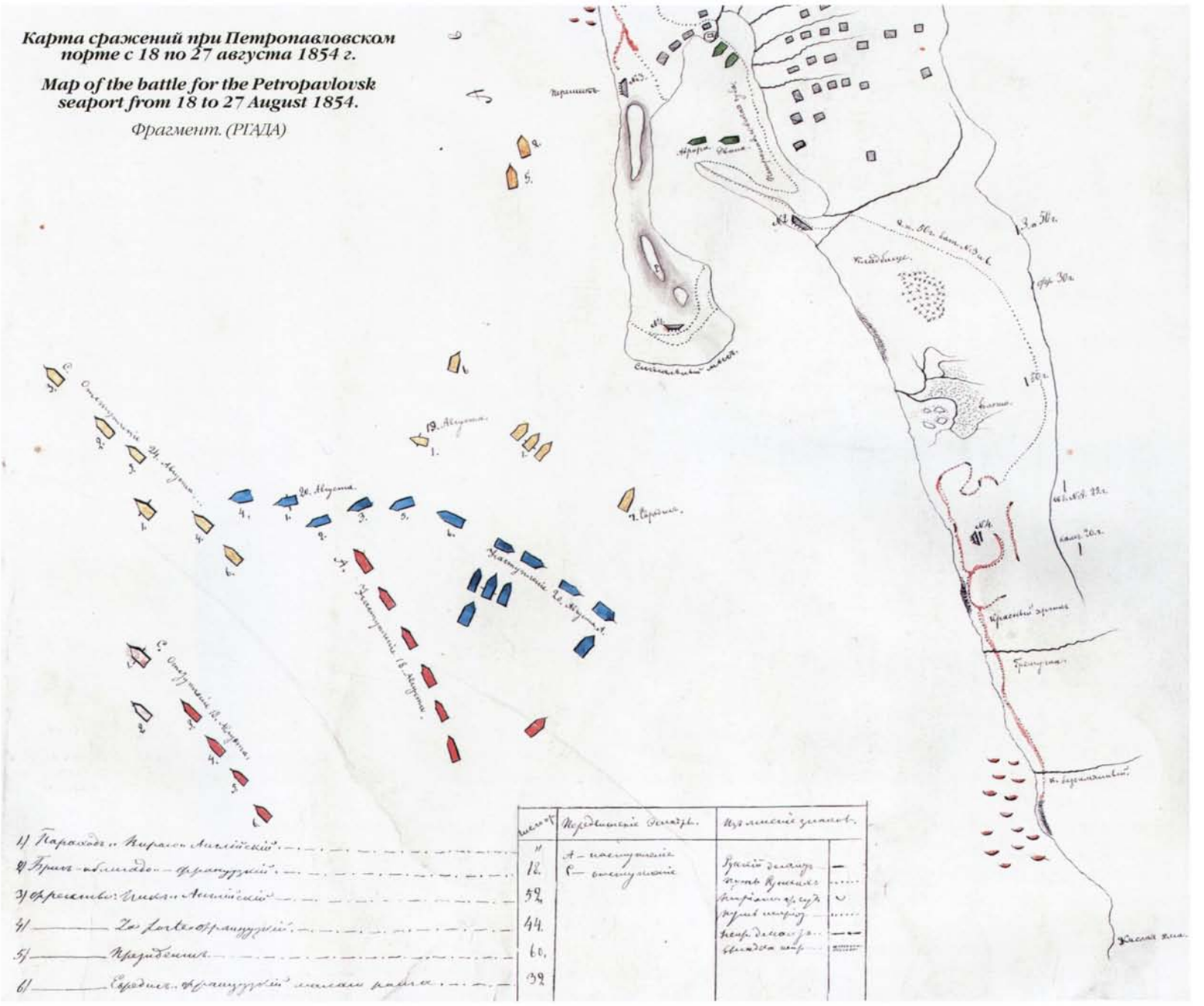
On deck of a British warship before a battle.

Картина художника Ф.О.Биара. 1855 г. (ЦВММ)

ничего не было видно. Все застлано было дымом; помню только, что свист ядер не переставал над нашими головами, бомбы трескались в воздухе, в кустах, в валу батареи. Кланялись сперва ядрам, потом сделалось все равно. Всеми овладела неимоверная злоба». 1,5 часа мичман В.И.Попов мужественно выдерживал вражеский огонь и лишь *«по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни одного человека из своей команды».*

Увидев с Сигнального мыса вражеский десант, Завойко приказал оставить батарею № 1, заклепав разбитые орудия. Ее личный состав под руководством М.Д.Губарева перенес оставшиеся заряды на батарею № 2, после чего присоединился к 2-му портовому стрелковому отряду. Вместе они поспешили вслед за 1-м портовым стрелковым отрядом и волонтерами мичмана Д.В.Михайлова к батарее № 4. Одновременно всем офицерам и морякам не участвовавших в сражении батарей № 3, № 6 и № 7 Завойко приказал, оставив у пушек по два человека, собраться к батарее № 2 для отражения десанта. Сюда же по приказу губернатора с «Авроры» высадилась стрелковая партия мичмана Н.А.Фесуна (1 унтер-офицер и 30 матросов). К 11 часам отряды собрались вместе, но, не имея общего начальника, нерешительно толпились на берегу. Завойко же в это время отправился в город, чтобы привести еще 3-й портовый отряд.

Между тем английские морские солдаты и французские матросы капитана Паркера благополучно высадились, построились и двинулись через густой кустарник к батарее № 4. Прикрывая десант, «Вираго» осыпал берег бомбами и картечью. Ввиду неприятеля защитники батареи спрятали порох, заклепали орудия и в 10.45 отступили через кусты к кладбищу, навстречу 1-му портовому стрелковому отряду и отряду волонтеров. С кораблей союзников тоже заметили русские отряды и для подкрепления Паркера послали команду матросов с «Пика» и десантную роту с «Форта». Всего, таким образом, на берегу собралось несколько сотен союзников. В 11 часов десантники Паркера захватили батарею. Но их ликование оказалось недолгим. *«Французы, вскочив первыми на Красный Яр, битком наполнили батарею и при восторженных кликах подняли французский флаг;* – вспоминал мичман Фесун, – *только что он развился, как бомба с английского парохода, ударясь в самую середину массы, произвела в ней страшное замешательство. Прежде, чем бедные французы успели опомниться от счастливой для нас ошибки своих милых союзников, транспорт* [«Дви-



Карта сражений при Петропавловском порте с 18 по 27 августа 1854 г.

Map of the battle for the Petropavlovsk seaport from 18 to 27 August 1854.

Фрагмент. (РГАДА)

Подлинник первого плана Петропавловской обороны, составленного сразу же после событий и приложенного к рапорту В.С.Завойко, пока не обнаружен. Однако сохранилась точная копия с него, снятая по распоряжению Н.Н.Муравьева в Иркутске картографом И.Федоровым. Этот чертеж находится сегодня в РГАДА. С оригинала же, доставленного князем А.П.Максутовым в Петербург, в хромолитографии Р.Гундризера был сделан цветной печатный план. Этот «облагороженный» вариант стал впоследствии классическим. Первый же вариант, имеющий ряд существенных деталей, так никогда и не публиковался. *(см. стр. 369)*

на»] *и фрегат* [«Аврора»] *открыли по ним меткий батальный огонь*». Два удачных ядра с «Авроры» и одно с «Двины» довершили общую неразбериху.

В это время десантники увидели идущие через кладбище отряды Михайлова и Губарева. Кроме того, от Кошки, наконец, двинулась плотная масса стрелков, собранных Завойко. Изрубив у орудийных станков оси, брюки и тали, сломав у пушек прицелы и ударные молотки, союзники стали отступать к своим ботам. Моряки 1-го и 2-го портовых отрядов, волонтеры и канониры В.И.Попова преследовали их с громким «Ура!». Но *«неприятель начал отступление бегом и с такою быстротою, что, прежде чем мы подоспели к занятой им батарее, он уже был в шлюпках и вне выстрела, так что, несмотря на самое пламенное желание, в этот раз не удалось его попотчевать даже ружейными выстрелами. Крики "ура" всего гарнизона были наградой за наше стремительное наступление»*. В 11.45 «Вираго» отконвоировал 13 десантных шлюпок к фрегатам, которые снова открыли огонь по Красному Яру. В связи с этим Завойко приказал стрелкам вернуться в город и занять свои места на батареях.

В это время не участвовавшие в битве корвет «Эвридика» и бриг «Облигадо» двинулись к батарее № 3, команда которой, отправившаяся с князем А.П.Максутовым к батарее № 4, еще не вернулась. В связи с этим в 12.45 с «Авроры» на батарею послали лейтенанта Е.Г.Анкудинова, прапорщика морской артиллерии Николая Можайского, 1 кондуктора и 57 матросов. Выстрелами из орудий они заставили французов, уже приготовивших десантные боты, отойти. Причем одну вражескую шлюпку разбило метким попаданием. В 13.30 на батарею вернулся князь Максутов со

своими людьми, а команда Анкудинова вернулась на «Аврору».

Между тем фрегаты «Форт» и «Президент», пользуясь молчанием батарей № 1 и № 4, подошли ближе к Сигнальному мысу и, по-прежнему укрываясь за ним от пушек «Авроры» и «Двины», стали дальними выстрелами бомбардировать батарею № 2[63]. Ее орудия не могли достать противника, в связи с чем князь Д.П.Максутов не отвечал на вражеский огонь и приказал команде лечь. *«Сберегая людей за бруствером в то время, когда батарею осыпало ядрами, бомбами и гранатами,* – доносил Завойко, – *князь Максутов сам подавал пример неустрашимости, ходил по батарее и ободрял команду, выжидая времени, когда фрегат "Форт", бывший к батарее ближе других фрегатов, травил кормовой кабельтов и приближался к батарее. Князь Максутов посылал меткие выстрелы, распоряжаясь как на ученье; батарея стреляла с расстановками, но метко, не тратя даром пороха, которого было очень мало; все усилия трех фрегатов и парохода заставить замолчать батарею остались тщетными». «Прекрасную картину представляла батарея № 2,* – вспоминал мичман Фесун, – *3 огромных фрегата, построившись в линию с левым бортом, обращенные к Кошке, <...> производят неумолкаемый огонь. Ядра бороздят бруствер во всех направлениях, бомбы разрываются над батареей, но защитники ее холодны и молчаливы; куря спокойно трубки, весело балагуря, они не обращают внимания на сотни смертей, носящихся над их головами, они выжидают своего времени. Но вот раздается звонкий голос командира: "Вторая! Третья!". Взвился дымок, и можно быть уверенным, что ядра не пролетели мимо. Не обходилось и без потерь; от времени до времени появлялись окровавленные носилки, все творили знамение креста, несли храброго воина, верно исполнившего свой долг».* За мужество, проявленное 20 августа 1854 г., князь Д.П.Максутов был впоследствии награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

От огня русских батарей все участвовавшие в сражении корабли союзников имели повреждения в корпусе и рангоуте. Больше всех пострадал фрегат «Форт». Одно из ядер влетело на его квартер-дек, убив 1 матроса и ранив 7 человек. Дважды из-за Сигнального мыса выходил пароход «Вираго» и пытался бомбардировать город. Но каждый раз «Аврора» быстро прогоняла его меткими выстрелами[64]. В 18 часов союзники прекратили обстрел и вышли за линию огня. В 18.15 сражение завершилось, и на батареях ударили отбой. Потери защитников составили 6 нижних чинов убитыми (2 – на батарее № 1, 4 – на батарее № 2), ранеными – лейтенант П. Ф. Гаврилов и 12 нижних чинов (6 – на батарее № 2). В 19 часов Завойко приехал на «Аврору», поблагодарил команду и, собрав офицеров, объявил намерение защищаться до последней крайности. Экипаж единодушно ответил: *«Умрем, но не сдадимся!»*.

Бомбардировка Петропавловска союзной эскадрой 20 августа (1 сентября) 1854 г.

Bombardment of Petropavlovsk by the allied squadron on 20 August (1 September) 1854.

Хромолитография 1856 г. из флорентийского альбома «Восточная война». (РГБИ)

Не столь дружным оказалось вечернее совещание союзников. В целом им удалось решить задачи дня: батареи № 1 и № 4 были разгромлены, а батарея № 2 сильно повреждена. Но французские офицеры стали обвинять англичан в нерешительности. Де Пуант припомнил Николсону странное поведение «Пика» во время боя «Форта» и «Президента» с батареей № 2. Тот в свою очередь обвинил французского адмирала в отсутствии должных инструкций и руководства. В общем, выдвигались те же взаимные претензии, что позднее зазвучат под Севастополем. В конце концов, раздосадованный де Пуант склонился к мысли о прекращении операции и возвращении в Сан-Франциско. Весь следующий день 21 августа корабли исправляли полученные в бою повреждения. Вечером пароход «Вираго» отправился в Тарьинскую губу, где с салютом похоронили тело контр-адмирала Прайса. Во время этого траурного вояжа произошло событие, в корне изменившее планы союзников. В прибрежном лесу англичане схватили двух американских матросов, посланных за дровами со стоявшего в Петропавловске торгового судна. Пленников доставили на «Пик», где они подробно рассказали капитану Николсону о городе, а также об удобной дороге, ведущей к нему с тыла от господствующей над гаванью Никольской горы.

Уязвленный обвинениями французов Николсон решил взять реванш. Он предложил де Пуанту захватить Петропавловск десантом, высадив его в тылу русских батарей. Французский контр-адмирал поначалу возражал, справедливо считая такую операцию слишком рискованной. Но, в конце концов, не желая прослыть трусом, тем более в глазах англичан, он согласился. По-

[63] Фрегат «Пик» остался на прежнем месте, которое занял с утра, в связи с чем практически не мог участвовать в сражении, стреляя только большим калибром.

[64] Всего «Аврора» 20 августа 1854 г. сделала 124 выстрела. «Двина» по пароходу не стреляла, поскольку ее пушки до него не добивали. Для сравнения, со стороны союзников только «Форт» в этот день сделал 869 выстрелов.

сле полудня 23 августа командиры кораблей собрались на военный совет и выработали план атаки. В соответствии с ним предполагалось разгромить огнем артиллерии батарею №7, после чего высадить 700 человек из равного числа англичан и французов. 350 англичан возглавил капитан «Президента» Р.Бьюрридж, а 350 французов капитан «Эвридики» М. де ля Грандьер. Авангард десанта из 120 морских солдат и взвода французских стрелков под командованием капитана Ч.А.Паркера должен был занять Никольскую гору. На ее вершине Паркер надеялся соединиться с колонной из 120 матросов «Облигадо» и «Вирago», которым поручалось обойти гору вдоль по берегу и подняться на нее с южной стороны. Одновременно Бьюрридж во главе сильной колонны английских моряков с «Пика» и «Президента» планировал двинуться по дороге и взять городские батареи. Общий резерв десанта составляли 200 матросов с «Форта» и «Эвридики» под командованием ля Грандьера.

Матросы 19-го флотского экипажа. 1854–1856 гг.

Sailors of the 19th Naval Unit. 1854–1856.

Иллюстрация по рисунку художника В.Н. Куликова 2002 г. (РГБИ)

Для десанта требовалось много людей. В связи с этим «Пик» решили оставить у Тарьинской губы, поскольку его тяжелые орудия нуждались в большом числе прислуги. Капитан Николсон с командой переправился на «Президент». Приказ о десанте экипажи встретили с большим энтузиазмом. Всю ночь они готовились к высадке, не сомневаясь в предстоящем успехе. Впоследствии защитники города убедились, что союзниками *«все до мелочей взято было на шлюпки: гвозди для заклепки орудий, различные инструменты для разрушения батарей, завтрак на весь десантный отряд и, сверх того, отдельный запас провизии, предназначенный, вероятно, для временно остающихся гарнизонов в городе; потом, кроме патронов в суме у каждого матроса и солдата, ящики с патронами запасными, несколько тюфяков, одеял; были взяты превосходно снабженные походные аптеки»*. Командир морских солдат капитан Паркер позаботился обо всем и даже сделал запись на память: *«Не забыть взять десять пар ручных кандалов»*.

Защитники города тоже не теряли времени. С 21 августа батареи № 1, № 3 и № 4 поступили в ведение командира «Авроры» капитан-лейтенанта И.Н.Изыльметьева. За три дня их пушки были расклепаны и снова установлены, а укрепления по возможности починены. Командование 4 орудиями батареи № 1 принял бывший командир батареи № 4 храбрый мичман В.И.Попов, а батарею № 4 с 2 пушками поручили опытному кондуктору морской артиллерии Дементьеву. Общее руководство портовыми отрядами принял 23 августа капитан 1 ранга А.П.Арбузов. *«Вступив в командование своей частью,* – вспоминал он, – *я начал с того, что собрал людей и в краткой, одушевленной речи напомнил им их обязанности, причем поставил им на вид их нерешительность во время сбора для отражения неприятеля 20 августа. "Теперь, друзья, я с вами, – прибавил я, – клянусь крестом Св. Георгия, который честно ношу 14 лет, не осрамлю имени командира! Если же вы увидите во мне труса, то заколите штыками и на убитого плюйте! Но знайте, что и я потребую точного исполнения присяги – драться до последней капли крови!". "Умрем – не попятимся!", – был единогласный ответ их. "Песенники, вперед!", – крикнул я, невольно одушевляясь, и солдатики бодро, весело гаркнули песню "За царя, за Русь святую грянем песню в добрый час!". Распустив людей, я отдал приказ подточить штыки и осмотреть кремни и замки»*. На «Авроре» абордажные партии тоже чистили оружие и учились драться на штыках.

Около 4 часов утра 24 августа десантные отряды союзников стали на шлюпках и ботах собираться к «Вираго». В 6.30 к пароходу с правой стороны пришвартовался «Форт», закрыв его своим бортом от огня русских батарей, а с другой стороны разместились баркасы и шлюпки десанта.

Подготовка британского военного корабля к высадке десанта.

Preparation of a British warship for a boarding.

Картина художника Ф.О.Биара. 1861 г. (ЦВММ)

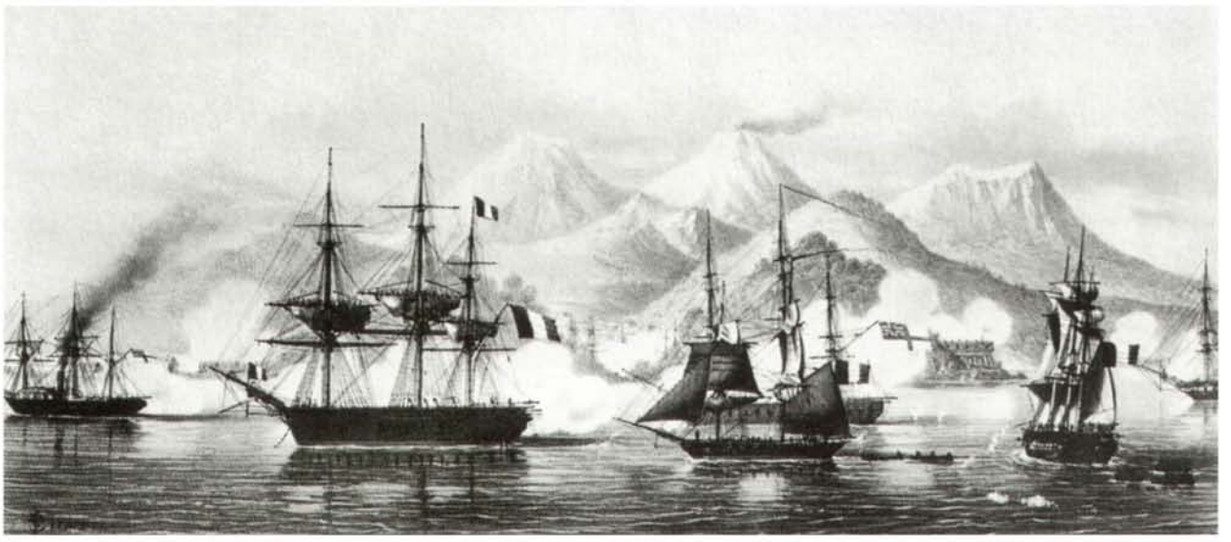
На кормовой буксир «Вираго» взял «Президент». Для отвлечения русских сил фрегат «Эвридика» пошел в сторону гавани и затеял перестрелку с батареями № 1 и № 4. В это время пароход двинулся вдоль Сигнальной горы и в 7.30 вошел в зону действия батареи № 3. Тут же князь А.П.Максутов открыл меткий огонь, причинив продольными выстрелами серьезные повреждения мачтам и реям фрегата. Одно ядро достало и «Вираго», но, ударив в палубу, отскочило вверх, сильно напугав заполнявший палубу парохода десант. Поравнявшись с батареей № 3, «Форт» дал три залпа правым бортом. Затем, продолжая путь к батарее № 7, «Вираго» оставил против батареи № 3 фрегат «Президент». Бросив в 8 часов якорь, «Президент», имевший пятикратное превосходство в орудиях, обрушил десятки ядер и бомб на батарею. Ее необстрелянная команда из моряков и рекрутов 47-го экипажа начала колебаться. Но князь Максутов стал сам хладнокровно заряжать орудие, и его пример успокоил матросов. Князь лично наводил пушки, которые метко били по врагу. Вторым же выстрелом на «Президенте» снесло гафель, и английский флаг упал в воду, следующее ядро перебило фок-рею, затем русские ядра стали крушить стеньги, ванты, корпус фрегата. Осколком дерева ранило командовавшего артиллерией гон-дека лейтенанта Моргана.

Полчаса продолжался неравный бой. В конце концов, фрегат одержал верх. Батарея была разбита, половина прислуги переранена, а князю Максутову ядром оторвало левую руку. Храброго лейтенанта матросы отнесли в госпиталь. Вместо него И.Н.Изыльметьев послал с «Авроры» на батарею мичмана Н.А.Фесуна в сопровождении боцмана Суровцева. Пока он съезжал на берег, «Президент» продолжал громить замолчавшую после потери командира батарею. Прибыв на нее в 8.30, Фесун застал печальную картину: *«Весь перешеек совершенно изрыт, изрыт до того, что не было аршина земли, куда не попало бы ядро. <...> Станки перебиты, платформы засыпаны землей, обломками, одно орудие с оторванным дулом, три других не могут действовать; более половины прислуги ранены и убиты. <...> Подхожу к оставшемуся орудию, прислуга его идет за мной, но и неприятель не зевал, он делает залп за залпом, в несколько секунд оно подбито, некоторые*

Бомбардировка Петропавловска союзной эскадрой 24 августа (5 сентября) 1854 г.

Bombardment of Petropavlovsk by the allied squadron on 24 August (5 September) 1854.

Английская литография 1856 г. (Архив журнала «ФлотоМастер»)



ранены обломками, и все мы в полном смысле слова осыпаны землей». Видя полную невозможность продолжать бой, Фесун приказал убрать порох, а людям укрыться.

Пока батарея № 3 боролась с фрегатами, Завойко и Арбузов организовывали сухопутную оборону города. Сначала, предполагая повторение атаки 20 августа, губернатор послал 1-й портовый стрелковый отряд мичмана Д.В.Михайлова на прежнюю позицию между батареями № 2 и № 4. Но когда определилось движение вражеских кораблей к батарее № 3, он приказал отряду вернуться и встать левее порохового погреба, находившегося недалеко от подошвы Никольской горы. В то же время 2-й портовый стрелковый отряд подпоручика М.Д.Губарева и 15 волонтеров заняли вершину северного спуска Никольской горы. 3-й портовый отряд расположился в резерве у порохового погреба, возле которого Завойко основал свой командный пункт. В 8.15 к погребу с «Авроры» прибыла 1-я абордажная партия лейтенанта Е.Г.Анкудинова – гардемарин Д.И.Кайсаров, боцманмат Абрам Серешкин, 1 горнист и 33 матроса. Партия построилась ротной колонной правее погреба, равняясь по стоявшему левее 1-му портовому отряду мичмана Д.В.Михайлова.

Между тем «Вираго» и «Форт» поравнялись с земляной батареей № 7. Встав на шпринг, фрегат открыл огонь и к 8.30 заставил батарею замолчать. У четырех орудий были повреждены станины, у одного оторвана часть дула, все пушки завалены землей и фашинником. Капитан-лейтенант В.К.Коралов получил контузию осколком дерева в голову, но остался на батарее. Вскоре по приказу Завойко он с командой отступил к пороховому погребу. Добившись успеха, союзники в 8.30 начали десантную операцию. 22 лодки отвалили от «Вираго» и на веслах устремились к берегу. Плывшие на передовых ботах морские солдаты высадились у подножия Никольской горы южнее батареи № 7. Капитан Паркер быстро собрал своих людей на берегу, после чего, дождавшись лодок с матросами, повел авангард бегом на крутой склон. Высадившийся следом ля Грандьер построил в колонну матросов с «Форта» и «Эвридики» и двинулся в гору за Паркером. Матросы «Облигадо» и «Вираго» пошли по берегу вправо в сторону батареи № 3, а Бьюрридж с моряками «Пика» и «Президента» отправился влево к батарее № 7. Вскоре он захватил оставленную батарею, после чего его главные силы занялись поджогом находившегося рядом рыбного сарая. Одновременно передовые дозоры Бьюрриджа стали по дороге обходить северный склон Никольской горы. Всего, таким образом, на берег высадились 676 человек, и пока диспозицию они выполняли успешно.

Увидев движение авангарда Паркера, 2-й портовый стрелковый отряд подпоручика М.Д.Губарева и 15 волонтеров спустились с вершины до средины северного склона и встретили морских солдат ружейным огнем из кустов. Но остановить быстрое продвижение англичан и французов им было явно не под силу. В то же время Губарев заметил, как моряки Бьюрриджа по дороге обходят гору и грозят отрезать его с тыла от основных сил Завойко. В этой ситуации полицмейстер утратил самообладание и вместо обратного отступления вверх по хребту для защиты вершины предпочел оставить гору. Его отряд по восточному склону отступил к пороховому погребу, а волонтеры рассыпались цепью у подножия горы. В 8.45 солдаты Паркера оседлали центр северного склона и увидели Петропавловск. Затем авангард Паркера двинулся вверх по хребту к вершине, а его место на полугоре заняли моряки ля Грандьера. Они обеспечивали связь Паркера с колонной Бьюрриджа. При этом часть матросов начала спускаться с горы и, открыв ружейный огонь, засыпала пороховой погреб пулями. Одной из них ранило в ногу находившегося возле погреба инженер-поручика К.О.Мровинского. Увидев англичан и французов на горе, Завойко отозвал волонтеров в резерв и приказал своим отрядам выбить штыками противника с северно-

➥ ***Карта сражений при Петропавловском порте с 18 по 27 августа 1854 г.***

Map of the battle for the Petropavlovsk seaport from 18 to 27 August 1854.

Фрагмент. (РГАДА)

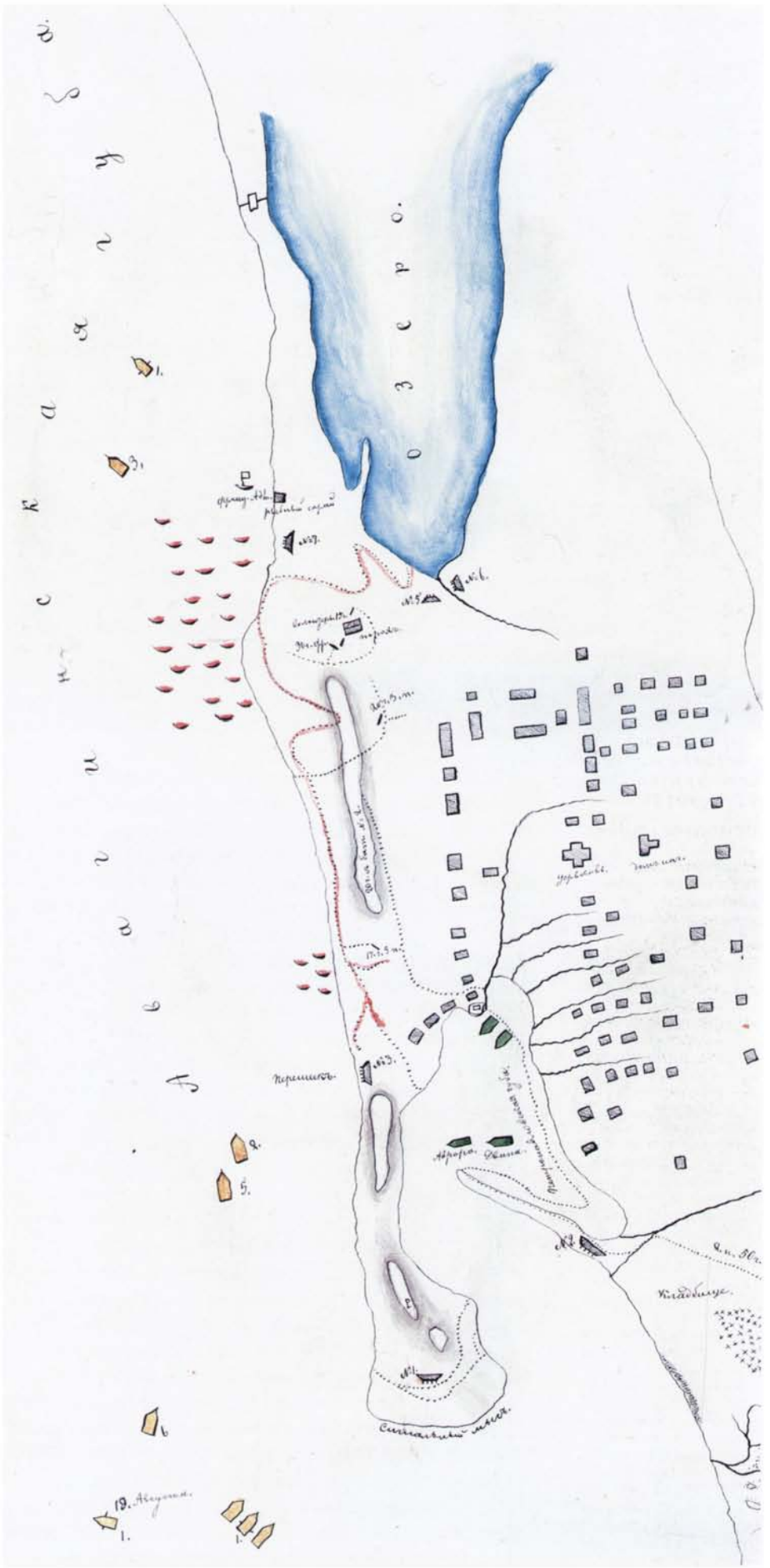
На карте цифрами обозначены суда союзников:
1 – английский пароход «Вираго»,
2 – французский бриг «Облигадо»,
3 – английский фрегат «Пик»,
4 – французский фрегат «Форт»,
5 – английский фрегат «Президент»,
6 – французский фрегат «Эвридика».
Передвижения судов по дням обозначены цветом (А – наступление, С – отступление):
18 августа – оранжевым,
19 августа – желтым,
20 августа – синим,
24 августа – желтым.
Оранжевыми галочками обозначены десантные боты союзников.
Пунктиром показано движение на берегу отрядов союзников (оранжевые линии) и защитников (черно-белые линии).
На карте допущены некоторые неточности: есть неясность с расположением батареи № 5; 24 августа напротив батареи № 7 вместо фрегата «Форт» (№ 4) показан фрегат «Пик» (№ 3) и др.

го склона. Три колонны двинулись в атаку: справа 1-я абордажная партия лейтенанта Е.Г.Анкудинова, по центру 1-й портовый отряд мичмана Д.В.Михайлова и левее его 30 человек 3-го портового отряда поручика Кошелева. Продвигаясь вперед, они в начале 10-го часа вступили в перестрелку с врагом.

Одновременно с приказом об атаке горы Завойко получил сведения об обходном маневре англичан и послал капитана 1 ранга А.П.Арбузова на батарею № 6. Прибыв туда около 9 часов, он приказал поручику К.Я.Гезехусу зарядить пушки через одно ядрами и картечью и спрятать писарей за вал. Находившиеся тут же с трехфунтовой полевой пушкой казаки пятидесятника Карандашева нарезали шашками травы и замаскировали батарею. Вскоре на дороге показались 6 вражеских солдат. Арбузов встретил их выстрелом из пушки. Подхватив 1 раненого, англичане отступили к главным силам. Обнаружив батарею, Бьюрридж попытался ее атаковать. Но Гезехус осыпал англичан ядрами, картечью, а также гвоздями, которыми по недостатку картечи пришлось заряжать орудия. Казаки Карандашева тоже стреляли из своей пушки, и хотя пятидесятник был тяжело ранен в руку, он лично сделал меткий выстрел ядром в группу десантников. Храбрые действия писарей и казаков обескуражили Бьюрриджа, который не отважился идти напролом. Вместо этого он с частью отряда поднялся на склон горы и открыл по батарее штуцерный огонь. Впоследствии он доносил, что *«проход был так сильно защищен не только стрелками, но пушками и полевыми орудиями, что с этой стороны невозможно было прорваться»*. Нерешительность Бьюрриджа фактически лишила десант всякого смысла. Без его атаки и взятия города дальнейшее пребывание союзников на берегу становилось не только бесполезным, но и опасным. При этом люди на вершине горы оказывались заложниками ситуации у ее подошвы.

Пока главные силы союзников действовали на северном склоне Никольской горы, отряд моряков с «Облигадо» и «Вираго» шел вдоль берега на юг, *«чтобы взобраться по возможности на гору, которая с этой стороны представляет почти вертикальную скалу, прорезанную широкими оврагами. Надобно было буквально карабкаться на нее,* – вспоминал французский офицер дю Айи, – *на что трудно было хладнокровно решиться»*. Наконец, не доходя до перешейка, союзники нашли крутой подъем из осыпавшегося щебня. *«Не за что было придерживаться, а земля так и сыпалась из-под ног идущих людей на следующих за ними. В подобных обстоятельствах воодушевление удваивает энергию, и мы скоро взобрались на высоту, и в то же время с другой стороны русские проходили через перешеек»*.

Эти русские оказались новым подкреплением, вовремя вызванным Завойко. Еще в 8.30, только



Оборона Петропавловского порта на Камчатке 24 августа 1854 г.

Defending the Petropavlovsk seaport on the Kamchatka Peninsula on 25 August 1854.

Копия с картины художника А.П.Боголюбова 1865 г. (ЦВММ)

Картина была написана А.П.Боголюбовым по заказу Александра II. Для максимальной достоверности ученик художника Ф.Ф.Боганц посетил Камчатку и сделал этюды местности.

получив известие о десанте, губернатор потребовал с «Авроры» 1-ю стрелковую партию. Партия – унтер-офицер Василий Васильев, горнист Малофей Суриков и 30 матросов – высадилась возле перешейка, где ее встретил мичман Н.А.Фесун. Заметив на вершине горы английских солдат Паркера, он оставил боцмана Суровцева старшим на батарее № 3, а сам повел партию вверх по южному склону. Вскоре русские моряки увидели карабкающихся по западному склону матросов «Вирago» и «Облигадо». Фесун рассыпал своих людей, которые несколько минут расстреливали врагов с удобной позиции. Пулей в сердце был убит мичман «Облигадо» М.Гикель де Туш. В нескольких шагах от него пал пораженный в голову его брат. С трудом добравшись в 10 часов до хребта, моряки «Вирago» и «Облигадо» сумели выровнять ситуацию и, отстреливаясь, стали отступать к вершине на соединение с Паркером.

Видя замешательство врага, Фесун быстро повел цепь вперед по горе, пользуясь складками местности и кустами. В это время на оставшуюся в тылу батарею № 3 с фрегата прибыл состоящий по Адмиралтейству прапорщик Д.О.Жилкин. Собрав 27 матросов прислуги, он повел их на гору левее гребня. Дополнительно с «Авроры» в помощь Фесуну капитан-лейтенант И.Н.Изыльметьев послал 2-ю абордажную партию – писарь Андрей Кувшинников, 1 унтер-офицер и 30 рядовых. Возглавил ее командир верхнего дека лейтенант К.П.Пилкин, которого Изыльметьев напутствовал словами: *«Помните, что русские молодецки ходят в штыки»*. Переправившись на шлюпках через гавань, партия Пилкина начала подниматься в гору и сошлась с отрядом прапорщика Жилкина. Вместе они двинулись за партией Фесуна.

В то время как Анкудинов, Михайлов и Кошелев атаковали северный склон Никольской горы, а Фесун, Пилкин и Жилкин – южный, в интервал между Кошелевым и Фесуном губернатор двинул 22 человека, подоспевших с гардемарином В.Д.Давыдовым от батареи № 2, а левее их еще 30 человек из резерва во главе с А.П. Арбузовым. Последний отряд при подъеме в гору разделился. Боцман Степан Спылихин, хорошо знавший местность, с 17 матросами 3-го портового отряда пошел вверх по распадку к вершине горы, а Арбузов с остальными людьми уклонился левее. Разойдясь с партией Фесуна, он присоединился к отрядам Пилкина и Жилкина. В результате весь восточный склон Никольской горы был охвачен русскими партиями и отрядами, которые по дуге с севера на юг атаковали врага в следующем порядке: Е.Г.Анкудинов (36 чел.), Д.В.Михайлов (49 чел.), Кошелев (30 чел.), В.Д. Давыдов (22 чел.), С.В.Спылихин (17 чел.), Н.А.Фесун (32 чел.), А.П. Арбузов (13 чел.), К.П. Пилкин (32 чел.), Д.О. Жилкин (27 чел.) – всего 267 человек[65].

Хорошо видя с высоты наступающие русские отряды, капитан ля Грандьер решил собрать свои силы на вершине. С моряками «Форта» и «Эвридики» он примкнул к авангарду Паркера.

[65] В начале 12 часа на подкрепление Фесуна и Пилкина с «Авроры» послали еще 3-ю абордажную партию лейтенанта И.А.Скандракова – 2 унтер-офицера и 33 рядовых. Но они подоспели на гору уже после отступления союзников.

Сюда же, наконец, подошли моряки «Вираго» и «Облигадо». На северном склоне расположилась часть отряда Бьюрриджа. Всего, таким образом, к 10.30 на горе собралось около 500 союзников. Приближалась драматическая развязка.

Пока русские отряды на южном склоне теснили к вершине моряков «Вираго» и «Облигадо», на северном лейтенант Анкудинов, подойдя к горе, рассыпал первый взвод своей партии налево, а второй направо. В 10.30 второй взвод вместе с примкнувшими к нему из отряда мичмана Михайлова боцманматом Регинovым, квартирмейстером Яковом Тимофеевым и 5 матросами выбил неприятеля из ущелья на самом обрыве горы. *«Найдя помянутое ущелье весьма полезным и выгодным по месту положения»*, Анкудинов оставил в нем часть людей, а остальных повел в гору с криком «Ура!». Левее «Ура!» подхватил отряд Михайлова, а за ним и остальные. В то же время боцман Спылихин дошел по распадку незамеченным почти до самой вершины и внезапно оказался в центре противника, чем вызвал большой переполох. Рекрут 47-го экипажа Сунцов, заметив английского офицера, метким выстрелом уложил его наповал. Пуля прошла под бородой в затылок, и капитан Чарльз Алан Паркер, *«мужественный солдат королевы и Христа»*[66], мгновенно умер со счастливой улыбкой на лице.

Потеряв начальника, английские солдаты пришли в замешательство, а матросы, обескураженные выстрелами и криками со всех сторон, растерялись совершенно. *«Перенесенный с одной стихии на другую, матрос подвергается странному изменению,* – вспоминал с горечью офицер дю Айи, – *он, который на корабле раб дисциплины, с удивительным хладнокровием переносит все опасности, совершенно изменяется, лишь только оставит свою плавучую отчизну. Храбрость и добрая воля хотя остаются те же, но, в противность рассказу легенды, касаясь земли, он теряет качества, составлявшие его силу. Увлекаясь впечатлением минуты, не зная требований нового для него рода дисциплины, он не способен к службе, в сущности простой, но изучать которую препятствуют долгие и отдаленные походы. Так и здесь, в виду храброго неприятеля, знакомого с местом действия, с превосходной дисциплиной, это была колоссальная ошибка. Мы изведали это горьким опытом».*

Не видя друг друга в густом кустарнике, русские, французские и британские моряки завязали упорный рукопашный бой. *«Представьте себе прекрасный летний день, яркое небо и спокойное море,* – писал мичман Фесун. – *Огромная Никольская гора покрыта народом, сквозь зелень кустов мелькают красные мундиры англичан, синие и красные рубахи матросов французских и наших; частая дробь ружейного огня слышится со всех сторон, и повсюду изредка раздаются пушечные выстрелы; шум, беготня и смятенье удивительные, барабаны бьют наступление, рожки на разные голоса им вторят, крики "ура" сменяются проклятием, и английское "God damn" (распространенное английское ругательство) французскими "En avant" ("вперед") с примесью различных ругательств! Нет тут порядку, наступлений и отступлений; нет ни колонн, ни взводов; для этого не было ни места, ни времени, ни возможности. Вот, например, показалось пять-шесть человек наших, на них бросается такое же число англичан; на мгновенье у этой кучи пальба прекращается, и наступает минутная путаница. Несколько диких криков, заглушенные стоны раненых, какое-то исступленное хрипение, и опять разлетелись все в разные стороны, и опять трещит ружейный огонь, и где-нибудь на другом конце горы новая и еще более кровавая свалка вручную!».*

[66] Эта надпись украшает сегодня надгробие Паркера в церкви Св. Марии в Госфорте (Великобритания).

Оборона Петропавловского порта на Камчатке 24 августа 1854 г.

Defending the Petropavlovsk seaport on the Kamchatka Peninsula on 25 August 1854.

Копия с картины художника А.П.Боголюбова 1865 г. Фрагмент. (ЦВММ)

На картине изображен завершающий момент боя около 11 часов 30 минут утра: лодки с остатками десанта союзников отвалили от берега возле батареи № 7 и торопятся выйти из-под русского огня под прикрытием бортовых орудий французского фрегата «Форт» и английского парохода «Вираго». Чуть дальше видны лодки десантников, спасающихся с перешейка под прикрытием английского фрегата «Президент» и французского брига «Облигадо». Внутри Петропавловской гавани видны транспорт «Двина» и фрегат «Аврора», перестреливающийся с французским корветом «Эвридика». У подножия Никольской горы поднимается дым от подожженного союзниками рыбного сарая.

Лейтенант 19-го флотского экипажа князь Александр Петрович Максутов.

Ensign Duke Alexander Pavlovich Maxutov, 19th Naval Unit.

Литография. 1855 г. (ЦВММ)

Во время обороны Петропавловска князь А.П.Максутов командовал батареей № 3. 24 августа 1854 г. ядром с фрегата «Президент» ему оторвало левую руку. От этой тяжелой раны началась горячка, и 10 сентября 1854 г. князь А.П.Максутов умер.

Минут 40 продолжался сумбурный и беспощадный бой в кустарнике. Сухие строки донесений сохранили имена некоторых отличившихся моряков. *«Боцманмат Абрам Серешкин, действуя на левом фланге моей партии, своею храбростью и хладнокровием поддерживал связь с партией мичмана Михайлова,* – рапортовал лейтенант Анкудинов, – *по окончании боя доставил неприятельский тесак лично им в бою взятый. Марсовой Семен Подсамыльев действовал на правом фланге со вторым взводом при занятии ущелья, своим благоразумием и храбростью выгнал неприятеля из ущелья. Матросы Герасим Рябинин, Алексей Степанов, Андрей Яковлев, Леонтий Коптяев обратили на себя внимание необыкновенною храбростью. Из них первый при атаке сломал штык, последний заколол штыком английского офицера, а Алексей Степанов отбил от прикрытия помянутого офицера»*[67]. При этом Степанов получил рану, но остался в строю. *«Унтер-офицер Василий Васильев был постоянно впереди и с необыкновенным хладнокровием действовал штыком,* – докладывал мичман Фесун, – *матрос 1 степени Халит Саитов, отбиваясь от наскочившей на него толпы английских солдат, троих положил на месте. Матрос Бикней Диндубаев, будучи ранен пулею, продолжал сражаться. Матросы Ивойло Лавров, Гаврило Пузанов и Иван Кислов представили ружья, вырванные из рук пораженных ими французских матросов, и многие другие приносили патроны, амуницию и оружие, взятое с боя». «Унтер-офицер Абубакиров имел четыре раны, хотя и легких, но также из которых кровь лилась ручьями;* – свидетельствовал Завойко, – *я его сам перевязывал, а он отправился снова в дело!».*

Во время ожесточенной схватки происходили случаи, которые в другой ситуации можно было бы назвать комичными. *«Матрос обронил ружье, которое и скатилось под гору, что заставило его отстать от своих товарищей и за ружьем спускаться под гору, где он и наткнулся на двух неприятелей, которые, еще не видя его, поднимались из кустов. Без ружья – верная смерть или плен и задаром! Что делать! Думает: "Пропал! Ну, да хоть перед смертью покатаюсь на неприятелях!". И из-за куста прыг на двух англичан. Молодцу посчастливилось так ловко схватить их обоих за шеи, что у них от неожиданного и смелого сжатия шейных жил в глазах потемнело. Они с ружьями оба ничего не могли сделать отчаянному смельчаку без ружья и повезли его под гору, далее от своих, к нашим разночинцам. Матрос наш кричит: "Спасите, спасите, помогите!". А неприятели его, рослые толстяки, мчатся и кричат: "Годдэм!". На этот крик прибежал камчадал, немой мальчишка лет 15, и заколол поодиночке обоих неприятелей в виду еще многих и освободил смельчака. До десяти человек подтвердили это происшествие. Смельчак матрос за потерю ружья получил от меня выговор,* – вспоминал Завойко, – *а за отважность подарены ему оба неприятельских ружья».*

Видя, что дело приобретает дурной оборот, теряя каждую минуту солдат и матросов, ля Грандьер приказал отступать к берегу. Но боевой порядок был уже утрачен, и отступление с горы превратилось в катастрофу. Не зная троп, разрозненные группы союзников не могли найти спусков. Преследовавшие их по пятам русские матросы прижимали десантников к отвесным высоким обрывам. Спасаясь от пуль и штыков, англичане и французы срывались вниз, разбивались и калечились. Те же, кто нашел спуск к воде по юго-западному склону, оказались вдалеке от места высадки.

С кораблей видели происходившую на берегу трагедию. Еще в 11 часов бриг «Облигадо» подошел к перешейку и занял позицию рядом с фрегатом «Президент», а южнее его вне выстрелов встала «Эвридика». Заметив десантников, прижатых к берегу недалеко от перешейка, с кораблей для их эвакуации отправили 5 ботов. В то же время Бьюрридж у батареи № 7 тоже стал эвакуировать десант. Часть его отряда построилась за батареей, прикрывая огнем выбегающих из кустов и оврагов людей ля Грандьера.

При эвакуации потери союзников резко возросли. Оказавшись на гребне горы, русские моряки увидели внизу врагов, толпящихся возле лодок. *«При выгодах своего положения,* – вспоминал мичман Фесун, – *мы могли бить неприятеля на выбор, пока он садился, и даже когда он уже сидел в шлюпках. Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы*

[67] Не совсем ясно, о каком офицере идет речь. Единственный погибший английский офицер – капитан Паркер – был застрелен рекрутом Сунцовым. Возможно, речь идет о ком-то из трех тяжело раненых лейтенантов.

[68] *Овсяников П.А.* Из памятных записок морского офицера. // Морской сборник. 1888. № 3. С. 89.

и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели английский баркас, сначала битком набитый народом, а отваливший с 8 гребцами; все остальное переранено, перебито и лежало грудами, издавая страшные, раздирающие душу стоны. Французский 14-весельный катер был еще несчастнее и погреб назад всего при 5 гребцах. Но при всем том и при всей беспорядочности отступления удивительно упрямство, с каким эти люди старались уносить убитых. Убьют одного – двое являются взять его; их убьют – являются еще четверо; просто непостижимо».

16 охотников-камчадалов, *«обыкновенно убивающих бобра в головку, чтобы не испортить шкурки»*, подкрались за камнями почти к самому берегу и стали выбивать офицеров и сержантов. Наповал был застрелен командовавший десантными судами лейтенант Бурассе. Корабли пытались прикрыть эвакуацию десанта, стреляя из пушек по русским на гребне и утесах. Но их ядра перелетали гору или ударялись в ее основание, не причиняя вреда. К 11.30 все кончилось. Большинство баркасов вышли из зоны огня и были взяты пароходом на буксир. В 11.45 «Вираго» взял на буксир «Форт» и повел его к противоположной стороне бухты. Последние баркасы догоняли его на веслах. Упорное пятичасовое сражение завершилось полным поражением союзников.

В 13 часов в Петропавловске ударили отбой. Партии и отряды собрались у порохового погреба, где построились в каре и коленопреклоненно совершили благодарственный молебен. Затем моряки спели гимн «Боже, царя храни», после чего прошла панихида по павшим воинам. Победа досталась защитникам дорогой ценой. 31 нижний чин был убит, лейтенант князь А.П.Максутов, инженер-поручик К.О.Мровинский и 63 нижних чина ранены, капитан-лейтенант В.К.Коралов контужен. У подножия Никольской горы вырыли две больших могилы, в одной из которых похоронили павших защитников города, а в другой 38 убитых англичан и французов, найденных на горе и на берегу, в том числе 4 офицеров.

Конечно, общий урон союзников оказался гораздо больше, чем 38 человек. У англичан были убиты капитан Паркер, 14 матросов и 12 морских солдат; тяжело ранены лейтенанты Клеменс, Говарт, Пальмер, 28 матросов и 24 морских солдата; легко ранены лейтенанты Блонд, Куллем, Морган, мичман Чичестер, мэт Робинсон, 15 матросов и 6 морских солдат. Всего, таким образом, потери британцев составили 108 человек: 27 убитых и 81 раненый. Из последних некоторые умерли позднее, в результате чего безвозвратные потери выросли до 33 человек. Французы потеряли 26 убитых, в том числе лейтенантов Лефевра, Бурассе и мичмана Гикель де Туша, а также 76 раненых. Всего Петропавловская экспедиция обошлась союзникам в 210 человек – 59 убитых и умерших от ран и 151 раненого.

Но, надо полагать, что в число убитых союзники записали всех моряков, не вернувшихся из десанта. Между тем 4 матроса не погибли, а попали в плен. Одного французского матроса, простреленного пулями навылет у обоих плеч, матросы из партии лейтенанта Анкудинова нашли среди трупов в ущелье на северном склоне Никольской горы. Другой французский матрос – Пьер Ландорс с «Форта» – был захвачен на вершине горы у края обрыва совершенно обезумевшим от страха и забившимся в расщелину. Двух англичан взяли в плен тяжелоранеными, и один из них вскоре умер. Трое остальных после окончания войны вернулись домой при обмене пленными. Кроме пленных, победителям достались 7 офицерских сабель, 56 ружей и множество амуниции. Когда через неделю после боя в Петропавловск пришел корвет «Оливуца», его команду удивила экипировка встречавших их боцмана 47-го экипажа Шестакова и 5 гребцов. *«Когда они вышли на палубу корвета,* – вспоминал один из офицеров, – *то костюмировка их поразила нас своим разнообразием: у одних были английские шапки, у других французские пояса с патронами и т.п.»*[68]. Самый же дорогой трофей защитники обнаружили на побережье. При отступлении английские морские пехотинцы не смогли спасти свое знамя, которое досталось в руки победителей.

На другой день 25 августа союзники не предпринимали активных действий и хоронили своих убитых. После столь тяжелого поражения

Знамя британской морской пехоты, захваченное защитниками Петропавловска при отражении десанта союзников 24 августа 1854 г.

The flag of the Royal Marines seized by Petropavlovsk's defenders in repulsing the allied amphibious assault on 24 August 1854.

Компьютерная прорисовка полотнища (135 х 105 см), хранящегося в Государственном Эрмитаже.

Знамя доставил в столицу 26 ноября 1854 г. брат погибшего лейтенанта князя А.П.Максутова лейтенант 47-го флотского экипажа князь Дмитрий Петрович Максутов, лично повергнувший трофей к ногам Николая I. До 1925 г. знамя хранилось вместе с другими реликвиями в Троицком соборе Лейб-Гвардии Измайловского полка, затем его передали в знаменный отдел Артиллерийского музея, откуда в 1948 г. оно поступило в Государственный Эрмитаж.

контр-адмирал де Пуант окончательно решил покинуть Камчатку. Два дня его корабли чинили полученные в бою повреждения. Утром 27 августа вражеская эскадра снялась с якоря и в 9 часов вышла из Авачинской губы, отправившись к берегам Америки.

В 11 часов в Петропавловске отслужили благодарственный молебен. Вечером губернатор дал офицерам большой праздник, во время которого они единодушно решили послать с донесением о победе командира батареи № 2 князя Д.П. Максутова. Но его отъезд пришлось отложить. У раненого князя Александра Петровича Максутова началась горячка, и 10 сентября он умер. Похоронив брата, Дмитрий Максутов отправился в путь. Через два месяца он, наконец, добрался до Иркутска, и вся Россия узнала о подвиге маленького гарнизона. К этому времени империю уже потрясли неудачи при Силистрии, Альме и Инкермане, затопление Черноморской эскадры, осада и первая бомбардировка Севастополя. На этом мрачном фоне камчатские известия поражали своим безусловным триумфом. 26 ноября князь Максутов прибыл в Петербург к генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Глава морского ведомства сразу же повез офицера в Гатчину, где Максутов поверг английское знамя к ногам императора.

Николай I щедро наградил героев Петропавловской обороны. Генерал-майор В.С. Завойко был переименован в контр-адмиралы и награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и орденом Св. Станислава 1-й степени. Князь Д.П. Максутов получил орден Св. Георгия 4-й степени. Всех офицеров произвели в следующий чин и, кроме того, большинство наградили орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом или Св. Анны 3-й степени с бантом. Все 4 гардемарина и 2 юнкера «Авроры» были награждены Знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия и произведены в мичманы. Награды нижних чинов оказались скромнее. Им послали 18 Знаков отличия Военного Ордена Св. Георгия, из которых 6 вручили морякам «Авроры». Из остальных 12 кресты получили боцманы 47-го экипажа Спылихин и Шестаков, боцманмат Тимофеев, унтер-офицер Абубакиров, рекрут Сунцов и др. Коме того, 26 августа 1856 г. защитникам Петропавловска в виде особой награды разрешили носить бронзовые медали в память Восточной войны не на общей для всех голубой андреевской ленте, а на боевой георгиевской.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев просил еще генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича наградить 47-й флотский экипаж Георгиевским знаменем, а фрегат «Аврора» Георгиевским флагом. К сожалению, эта просьба не была удовлетворена. Но память о славной победе навсегда осталась в российском флоте. Гордое название «Петропавловск» последовательно носили 6 боевых кораблей, сражавшихся в русско-японской, I мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. В декабре 1994 г. экипаж большого противолодочного корабля «Петропавловск» выделил матросов для укомплектования 165-го полка 55-й дивизии морской пехоты Тихоокеанского флота. В январе 1995 г. полк перебросили в Чечню, где он участвовал в февральских боях за Грозный, а в марте – апреле успешно действовал в районе Ханкалы, Аргуна, Шали и Гудермеса. Таким образом, на протяжении полутора столетий сменяющиеся поколения российских и советских моряков своими подвигами поддерживали преемственность славы защитников Петропавловска.

Победа при Петропавловске является одним из героических событий в российской военной истории. Это достаточно редкий пример, когда и за рубежом всегда высоко оценивали действия русских сил, не придумывая лукавых оправданий и полностью признавая поражение союзников. В России же значение Петропавловской победы выходит далеко за рамки просто удачного боя. Вспоминая 1854 год, военный министр граф Д.А. Милютин писал: *«Известие об успешном отражении неприятеля на самой отдаленной окраине империи, на пункте, считавшемся почти беззащитным, было как бы мгновенным слабым проблеском на тогдашнем мрачном горизонте»*[69]. Именно такие проблески позволили русским морякам, несмотря на неудачи Крымской войны, сохранить высокий боевой дух и веру в собственные силы. Благодаря этому настрою, ветеранам Синопа, Севастополя, Петропавловска удалось при Александре II возродить, реформировать и модернизировать российский военный флот, сделав его снова одним из самых мощных в мире.

[69] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 298.

Бронзовая медаль в память Восточной войны 1853–1856 гг.

Bronze medal in commemoration of the Eastern War of 1853–1856.

(Из коллекции М.С. Селиванова)

Такими медалями на георгиевской ленте наградили всех моряков, участвовавших в героической обороне Петропавловска.

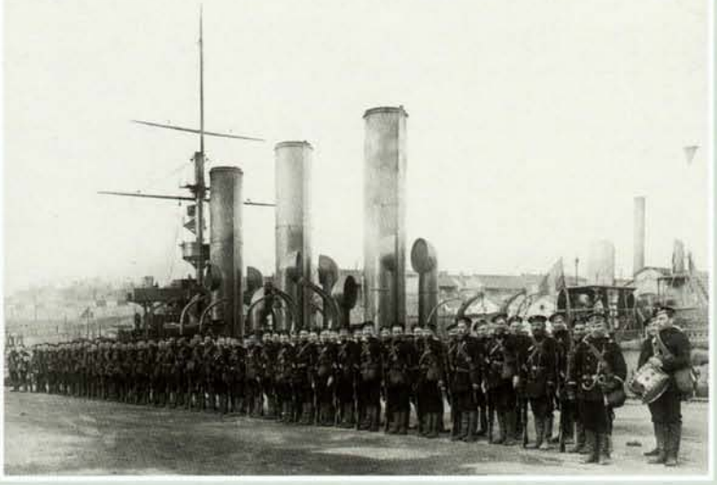
Читайте в томе II

Глава IX.

Под скипетром двух Александров 1855–1894 гг.

Глава X.

Последнее царствование 1894–1917 гг.



Последняя война Российской империи 1914–1917 гг.

Глава XI.

Роковые годы 1917–1922 гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Архивные источники:

РГАДА (Российский государственный архив древних актов): **Ф. 10.** Оп. 3. Д. 14; **Ф. 20.** Оп. 1. Д. 289, 290, 334; **Ф. 21.** Оп. 1. Д. 80; **Ф. 248.** Оп. 1. Кн. 16. Д. 100, Оп. 10. Кн. 534. Д. 15, Кн. 577. Д. 3, Кн. 584. Д. 1, Кн. 592. Д. 2; **Ф. 192.** Картографический отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации): **Ф. 728.** Оп. 1. Кн. 1. Д. 280, 304, 315, 332, 337, 384, 387.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив): **Ф. ВУА.** Д. 281, 283, 4290, 4291, 4294, 4304, 4325; **Ф. 1.** Оп. 1. Д. 365, 2948, 21532; **Ф. 5.** Оп. 1/72. Кн. 29; **Ф. 12.** Оп. 2 Д. 579, Оп. 4. Д. 62, Оп. 11. Д. 28, 400; **Ф. 13.** Оп. 3/111. Св. 181. Д. 27; **Ф. 15.** Оп. 1/228; **Ф. 26.** Оп. 1/152. Д. 230, 297, 490, 492; **Ф. 29.** Оп. 1/153в. Д. 129, Д. 162а. Ч. 10, Оп. 14. Д. 25; **Ф. 35.** Оп. 3. Св. 124. Д. 784; **Ф. 41.** Оп. 1/199. Д. 63, 78, 229, 259; **Ф. 52.** Оп. 1. Д. 129. Ч. 4, 5, Д. 165. Ч. 1, Д. 199, Д. 202. Ч. 31, Д. 309. Ч. 58, Оп. 1/194. Д. 529. Ч. 15, Д. 551. Ч. 1, 2, Д. 586. Ч. 1; **Ф. 103.** Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 33, 34, 107. Ч. 1, Оп. 1/208в. Св. 49. Д. 1; **Ф. 386.** Оп. 1. Д. 1–3; **Ф. 395.** Оп. 21. Д. 309, 706, Оп. 29. Д. 1109, Оп. 30. Д. 518, Оп. 36. Д. 93, Оп. 133. Д. 51, Оп. 137. Д. 1; **Ф. 396.** Оп. 2. Д. 462, Оп. 4. Д. 333; **Ф. 489.** Оп. 1. Д. 6741–6750, 6759, 6761–6765; **Ф. 969.** Оп. 1. Д. 493; **Ф. 2703.** Оп. 4/171. Св. 21. Д. 1, Св. 24. Д. 1. Ч. 2; **Ф. 9194.** Оп. 7/189а. Св. 6. Д. 1; **Ф. 14898.** Оп. 1. Д. 9, 38, 52, 61 (канцелярия 3-го морского полка; перефондированы из **Ф. 2703.** Оп. 171. Св. 1–28).

РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского Флота): **Ф. 227.** Оп. 1. Д. 62, 77, 81; **Ф. 233.** Оп. 1. Д. 246; **Ф. 283.** Оп. 2. Д. 3003, Оп. 3. Д. 4592, 5510; **Ф. 935.** Оп. 2. Д. 166.

ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы): **Ф. 46.** Оп. 7. Д 5316.

II. Печатные источники, сборники документов и материалов:

Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1–5. СПб., 1871–1874.

Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997.

Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А.Корнилова. СПб., 1859.

Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989.

Инструкции и Артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. М., 1710.

Книга Высочайших приказов за 1798 год. СПб., 1798.

Краткий отчет по Морскому министерству за 1853–1854 гг. СПб., 1860.

М.П.Лазарев. Документы. Т. II, III. М., 1953, 1961.

Материалы для истории русского флота. Ч. III, V–XVI. СПб., 1866–1902.

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. М., 1962.

П.С.Нахимов. Документы и материалы. Т. 2. СПб., 2003.

Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. СПб., 1912.

Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. III. СПб., 1893.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1; Т. 12. Вып. 1. М., 1950, 1975.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I . Т. V; Т. XLIV. Ч. II. Отд. II. СПб., 1830.

П.А.Румянцев. Сборник документов. Т. I. М., 1953.

Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 1 апреля; 1739. 23 марта.

Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I–III. СПб., 1872–1873.

Стат Черноморского гренадерского корпуса, состоящего в четырех шестиротных батальонах, полагаемого для гребного флота Черноморского. Июля 27 дня 1794 года.

А.В.Суворов. Сборник документов. Т. II. М., 1949.

Устав Военного флота. СПб., 1797.

Ф.Ф.Ушаков. Сборник документов. Т. I, II. М., 1951, 1952.

Штаты Российских флотов, содержащихся на Балтийском, Черноморском и Каспийском морях. СПб., 1 января 1798 г.

III. Дневники и воспоминания современников:

Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882.

Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.

Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. // «Волга». 1996. № 2–3.

Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. I–III. СПб., 1836–1837.

Броневский Д.Б. Записки. // Русская старина. 1908. № 6.

Булгарин Ф.Ф. Воспоминания. М., 2001.

Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918.

Верцинский Э.А. Из мировой войны. Таллин, 1931.

Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003.

Воронович Н.В. Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922.

Вторая Отечественная война по рассказам ее героев. Пг., 1915.

Грейг С.К. Собственноручный журнал капитан-командора С.К.Грейга в Чесменский поход. // Морской сборник. 1849. № 10–12.

Ден Д. История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897.

Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851–1856 гг. Ч. I. СПб., 1901.

Добровольский М.Н. Мои воспоминания. // Артиллерийский вестник (Белград). 1938. № 20, 21.

Долгоруков Ю.В. Записки. // Отечественные записки. 1840. № 12.

Дубянский А.Я. Записки военнопленного российского штаб-офицера. // «Сын Отечества». 1824. № 9.

Ермолов А.П. Записки. 1798–1826 гг. М., 1991.

Жиховский Г. Штурм высоты 1228: Эпизод из ряда боев Беломорского полка в Карпатах. // Часовой (Париж). 1939. № 227.

Киров С.М. Статьи и речи. Т. I. М., 1936.

Колзаков П.А. Рассказы адмирала П.А.Колзакова. // Русская старина. 1870. № 2.

Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф.Комаровского. М., 1990.

Кузнецов Б.М. Очерки из первой мировой войны. // Военная быль (Париж). 1964. № 68.

Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. // Русская старина. 1895. № 4.

Ларионов Я.М. Записки участника Мировой войны: 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны. Харбин, 1936.

Лермантов М.Н. Мемуары. // РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 2. Д. 166.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Мандражи К.Н. Бой под Тарнавкой 26 августа 1914 г. // Военная быль (Париж). 1964. № 68.

Марков Л.Л. 3-й Кавказский корпус под Люблиным и Ивангородом. // Часовой (Париж). 1955. № 358.

Мелихов В.И. Описание действий Черноморского флота в продолжении войны с Турцией в 1828 и 1829 годах. СПб., 1850.

Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземное море. Ч. I–III. СПб., 1872.

Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.

Метакса Е.П. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000.

Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.

Овсяников П.А. Из памятных записок морского офицера. // Морской сборник. 1888. № 3.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916.

России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.

Рыкачев А.П. Записки, веденные на эскадре Л.П.Гейдена. // Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма. М., 1994.

Свиньин П.П. Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. I–III. СПб., 1818–1819.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.

Стогов Э.И. Записки Э.И.Стогова. // Русская старина. 1903. № 1.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Тучков С.А. Записки. СПб., 1908.

1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

Храповицкий А.В. Дневник А.В.Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874.

Цвецинский Г.А. В Лодзинских боях (Из боевой жизни 102-го пехотного Вятского полка). // Военная быль (Париж). 1965. № 73.

Цимбалюк В. Высота 103 (Рассказ солдата). // Военная быль (Париж). 1963. № 64; 1964. № 67; 1964. № 70.

Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе. С 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис, 1879.

Филипсон Г.И. Воспоминания. М., 1885.

Чичагов П.В. Записки. М., 2002.

Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. Из воспоминаний коменданта крепости. М., 1922.

Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 1. Berlin, 1870.

Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997.

E. Du Hailly. Une campagne dans l'Ocean Pacifique. L'expedition de Petropavlovsk. // Revue des deux Mondes. 1858. Vol. XVI.

Rochechouart L. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration par le general comte de Rochechouart. Paris, 1933.

IV. Библиография:

Аренс Е.И. Список нижних чинов – георгиевских кавалеров Гвардейского экипажа со времени сформирования его в 1810 году. СПб., 1891.

Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970.

Бобровский П.О. История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900.

Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. Т. I. СПб., 1892.

Брикнер А.Г. Война России с Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского флота. М.–Л., 1939.

Виниковский, Вольфман. Ночная атака сводной бригады 2-й гвардейской дивизии у Тарнавки (8–9 сентября 1914 г.). // Военно-исторический журнал. 1939. № 2.

Виноградский В. Исторический очерк русской морской пехоты, строевой береговой службы во флоте и выдающихся судовых десантов (1705–1895 гг.). // Морской сборник. 1898. № 2.

Виноградский И.А. Действия морского Гвардейского экипажа в войну 1813 года. СПб., 1903.

Виноградский И.А. Исторический очерк Гвардейского резервного экипажа. // Морской сборник. 1902. № 3.

Виноградский И.А. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. СПб., 1899.

Висковатов А.В. Военные действия российского гребного флота под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830.

Висковатов А.В. Действия русского отряда при атаке Генуэзских укреплений. СПб., 1827.

Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1864.

Война на Тихом океане 1854–1856. // ФлотоМастер. 2004. № 5.

Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. / в кн.: *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 г. М.–Л., 1926. С. 153–206.

Головачев В. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 гг. СПб., 1871.

Головачев В. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.

Гребенщикова Г.А. «Султан… решился… предаться покровительству России». // Военно-исторический журнал. 2005. № 7.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. II. Париж, 1922.

Егоров И.В. Моряки-декабристы. Л., 1925.

Зайончковский А.М. Восточная война. 1853–1856 гг. Т. I. СПб., 1907.

Зайончковский А.М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1904.

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872.

Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. 1802–1902. Сост. С.Ф.Огородников. СПб., 1902.

Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича Лефорта. М., 1800.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. VI, X. СПб., 1900.

История русской армии и флота. Т. VIII. М., 1912.

Качиони С.А. Пират-витязь. // Исторический вестник. 1911. № 10.

Кибовский А.В. Амазонская рота 1787 года. // «Цейхгауз». 1997. № 6.

Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. Исторический очерк. СПб., 1903.

Кротков А.С. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.

Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.

Кумани Н.М. Действия Черноморского флота в царствование Александра I с 1801 по 1826 г. // Морской сборник. 1900. № 10–12.

Кухарук А. Бросок через Дунай. // Родина. 1996. № 7–8.

Ляшук П.М. Герои «Севастопольской страды». Кавалеры орденов Св. Георгия за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. Биографический справочник. Симферополь, 2001.

Ляшук П.М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Биографический справочник. Симферополь, 2005.

Махлаюк Н.П. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Тифлис, 1900.

Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Т. 5. СПб., 1853.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.

Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного Архива). СПб., 1893.

Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. II. СПб., 1886.

Общий морской список. Ч. IV. СПб., 1890.

Описание обороны Севастополя. Т. 1, 2. СПб., 1868, 1872.

Опись Московской Оружейной палаты. Ч. III. М., 1884.

Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н.Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III. М., 2004. С. 7–26.

Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890.

Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. СПб., 1773.

Петров А.Н. Война России с Турцией. 1806–1812. Т. I–III. СПб., 1885–1887.

Пирогов Н.И. Севастопольские письма. СПб., 1899.

Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский Экипаж. СПб., 1996.

Потто В.А. Кавказская война. Т. 3: Персидская война 1826–1828 гг. Ставрополь, 1993.

Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004.

Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 года. СПб., 1886.

Рерберг П.Ф. Севастопольцы. Вып. 2. СПб., 1904.

Савваитов П. Адмирал С.А.Пустошкин. СПб., 1853.

Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844.

Скрутковский С.Э. Лейб-Гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896.

Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. I–III. СПб., 1863.

Соколов А. Архипелагские кампании (1769–1774 гг.). // Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства. Ч. VII. СПб., 1849.

Степанов А.А. Петропавловская оборона. Хабаровск, 1954.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии в 1909–1918 гг. М., 2007.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909–1914 гг. М., 2001.

Сытинский Н.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.

Тарле Е.В. Крымская война. Т. II. М.–Л., 1944.

Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807). // Избранные произведения академика Е.В.Тарле. Т. IV. Ростов-на-Дону, 1994.

Фелицин Д.Е. Действия русских крейсеров у Кавказских берегов Черного моря в 1830–1840 гг. // «Кубанские ведомости». 1890. № 1–2.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004.

Хроника 262-го пехотного резервного Сальянского полка 1805–1905. Б. м., б. г.

Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901.

Шишков А.С. Военные действия Российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах. СПб., 1826.

Щепотьев С.А. Памятка Гвардейского экипажа. СПб., 1910.

Юганов Н.А. История 92-го пехотного Печорского полка. 1803–1903. СПб., 1903.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абатуров И. – 51.

Аббас-мирза, персидский принц – 214, 216, 229, 230, 235.

Абернибесов Е.М. – 143.

Абрамов Е.П. – 9.

Абубакиров – 372, 374.

Август II, король Польши – 34.

Август III, король Польши – 35.

Авельцов Ю.И. – 9.

Аверьянов А.Ю. – 9, 135, 136.

Авинов А.П. – 302.

Агапов А.Н. – 9, 249.

Агибалов – 157.

Адам В.

Адамс Е.Р. – 209.

Аджи-Мехмет-Хасан – 237.

Айвазовский (Гайвазовский) И.К. – 327, 328, 331.

Айи (дю) Эдмон – 357, 369, 371.

Акерман И.Я. – 178.

Акулов В.П. – 9.

Александер, поручик – 117.

Александр – 321.

Александр I, император – 11, 86, 97, 101, 103, 104, 133–224, 227, 228, 234, 272, 276.

Александр II, император – 107, 108, 195, 242, 267–269, 355, 356, 358, 370, 374.

Александр III, император – 243, 269–272, 356.

Александр Вюртембергский, герцог – 209–212.

Александр Невский, князь – 348, 349, 418.

Александра Николаевна – 237.

Александра Федоровна, имератрица – 296.

Александров А.О. – 9.

Алексеев И.И. – 204, 205.

Алексеев М.Т. – 309.

Алексеев П. – 17.

Алексей – 156.

Алексей Александрович, великий князь – 270.

Алексей Михайлович, царь – 12.

Алексей Николаевич, цесаревич – 243.

Алексей, цесаревич – 243, 250, 282, 283, 285, 287.

Али-Нага-мирза – 232, 233.

Алтуфьев В.Н. – 333.

Алхазов – 229.

Аморетти И.Э. – 280.

Ананий, протоирей – 93.

Андреев И. – 210.

Андреев М.П. – 263.

Андреев Н. – 210.

Андрей Первозванный, святой апостол – 20, 54, 332.

Андреянов К.Е. – 148.

Андрианов Г.А. – 283.

Аненков А. – 55.

Анискин И.А. – 293.

Аничков М. – 24, 25.

Анкудинов Е.Г. – 364, 365, 368–373.

Анна Иоанновна, императрица – 10, 33–35, 37, 42–44, 66.

Анна, святая великомученица – 104, 112, 118, 119, 121, 143, 150, 154, 186, 181, 182, 184, 197, 204, 206, 208, 210, 218, 255, 259, 297, 307, 312, 321, 324, 329, 332, 337, 345, 374.

Анненков Н.Н. – 106.

Анреп Р.К. – 139.

Антонов М. – 223.

Антощишен Н.М. – 287.

Антунович А.В. – 157.

Апраксин Ф.М. – 24–26, 30.

Аракчеев А.А., граф – 86.

Арбузов А.П. – 358, 359, 366, 368–370.

Арбузов Н.Л. – 218.

Арутюнянц – 243.

Арф И.Н. – 54.

Арцыбашев – 151.

Асим – 268.

Аслан-бей, абхазский князь – 154, 321–323.

Асланович А.О. – 340.

Астапов Н.Я. – 337, 343, 345, 346, 348, 349, 351.

Афонасьев П.И. – 210.

Ахматов Ф.В. – 72.

Ащерин И.П. – 218.

Бабаев Ага-Реза – 243.

Бабаков – 243.

Бабенков С. – 51.

Багратион П.И. – 181.

Бажанов П.Н. – 149.

Бакуа М. – 25.

Бала-Ага – 243.

Балабин П.И. – 118.

Балдин, штабс-капитан – 153.

Балле И.П. – 61, 62.

Баллей К. – 51.

Бамбука Г.И. – 106, 107.

Бараков – 33.

Баратынский (Боратынский) А.А. – 83, 84.

Баратынский Е.А. – 83.

Баратынский И.А. – 141–144.

Бардаки (Бардако) И.Г. – 95, 96.

Бардаки М.И. – 305.

Барклай де Толли М.Б. – 177, 178, 181, 197.

Барков Г.М. – 49, 50.

Бартенев Ф.Д. – 336.

Бартнюк Я. – 329.

Барш И.Я. – 49.

Барш Н. – 51.

Барш Я.С. – 33.

Барятинский А.В. – 269.

Басаргин Г.Г. – 238.

Баскаков К.Н. – 312.

Батисто Г. – 94

Батулкин А. – 192.

Батурин В.Д. – 344.

Батьянов Л.И. – 344.

Батюшков Г. – 51.

Бацоли – 157.

Бачманов И. – 55.

Башуцкий А.И. – 140.

Башуцкий П.Я. – 175, 210.

Бегичев И.М. – 204.

Бегюм – 229.

Безбородко А.А., граф – 61, 63, 65.

Безбородко А.Г., граф – 97.

Безин С. – 202.

Безкровная Г.И. – 9.

Безсонов М.И. – 218.

Безсонов П.А. – 292, 293.

Беклешов С.А. – 101, 111.

Белавенец П.И. – 278.

Белли Г.Г. – 117, 118, 140.

Беллинсгаузен Ф.Ф. – 306, 307, 312.

Белов А.М. – 9.

Белов, артиллерист – 310.

Белоусов Л.А. – 307, 314.

Белоусова Т.И. – 9.

Беляев А.П. – 221.

Бенкендорф А.Х., граф – 264.

Берг Г.М. – 206.

Беринг В.И. – 36.

Берладин – 323.

Бертгольд – 84.

Бертран – 202.

Берхман К.А. – 323.

Бестужев А.А. – 323, 324.

Бестужев Н.А. – 150.

Бефани П.Е. – 328.

Бешенцев И. – 51.

Бианки – 193.

Биар Ф.О. – 363, 367.

Бирилев Н.А. – 343, 345–349.

Бирюлев – 345.

Бистром – 64.

Бичи Ф. – 357.

Биюк-Ханум – 237.

Бларамберг И.Ф. – 237–239.

Блинов Л.Д. – 21.

Блинов М.Ю. – 9.

Блинов Н.Н. – 358.

Блинов Н.Я. – 358.

Блонд – 373.

Блюхер Г. – 193, 200, 202.

Бобоедов Н.Ф. – 142.

Бобрищев-Пушкин Г.А. – 286.

Бобровский П.О. – 18.

Бобынин А.П. – 248.

Бобырь Д.А. – 341.

Боганц Ф.Ф. – 370.

Богданович М.И. – 179, 220.

Боголюбов А.П. – 21, 27, 48, 62, 145, 297, 300, 370, 371.

Богуславский Л.А. – 228.

Божков И. – 9.

Болотников А.У. – 111.

Боргужинский А.М. – 216.

Боргужинский М.М. – 214.

Борель П.Ф. – 312.

Борисов А. – 205.

Борисов, капитан – 213.

Боровиковский В.Л. – 137, 141.

Бостром – 259.

Ботман Г.И. – 197.

Боцис И.Ф. – 23, 24.

Бочаров М.С. – 248.

Бочманов И. – 58.

Браун Дж. – 106.

Бредаль П.П. – 32, 35–37.

Брикнер А.Г. – 65.

Бриммер (фон) Г.Г. – 112–114, 116–118, 134, 152.

Броневский А.Б. – 323.

Броневский В.Б. – 139, 141, 144, 148.

Броневский Д.Б. – 149, 151, 195, 202.

Бронников – 223.

Брыгин Г.Ф. – 207, 211.

Брюллов К.П. – 329.

Брюн – 122, 124.

Буасель Ф.А. – 112, 114, 134, 139, 142, 145, 148.

Будищев Л.И. – 336, 348, 349.

Букретов Н.А. – 294.

Буксгевден Ф.Ф. – 64.

Букузин Т. – 184.

Булацель – 257.

Булгарин Ф.В. – 170.

Булычев А. – 151.

Бурассе – 373.

Бурдыгин И. – 192.

Бурмистрова Т.Ю. – 9.

Бутлер, Д. – 13.

Бухвостов С.Л. – 21.

Блинов Л.Д. – 21.

Буяков А.М. – 9.

Быков В. – 184, 191.

Быченский Ф.Т. – 176.

Бычков С. – 235.

Бьюрридж – 362, 366, 368, 369, 371, 372.

Бюлов (фон) Ф. – 201.

Бюрно К.И. – 312.

Бякин Г.И. – 177, 220.

Ваксель С. – 55, 56.

Валуев А.Д. – 178, 188.

Валькович А.М. – 9.

Ван Сведен И. – 13.

Вандам А.Е. – 286.

Вандам Д. – 187, 188, 190–192.

Ванлоо К. – 38.

Вансон – 336.

Ванцевич – 255.

Варахаил, святой архангел – 40, 153–155.

Варницкий А.Д. – 332, 336.

Васильев В., унтер-офицер – 372.

Васильев В.Н. – 280.

Васильев Е.А. – 283.

Васильев М.П. – 9, 268, 272, 275, 277.

Васильев, майор – 106.

Васильев, поручик – 262.

Васильева С.Л. – 9.

Васильчиков И.В. – 200.

Вейс А. – 314.

Вельяминов А.А. – 324.

Вельяминов-Зернов – 26.

Венера, богиня – 194.

Венецкий – 354.

Вербовиков Л.Л. – 250.

Верден (фон) К. – 20.

Вердье – 116.

Верзунов В.В. – 9, 294.

Верне О. – 226, 261.

Верховский А.И. – 292.

Верцинский Э.А. – 277.

Веселаго Е.В. – 216, 219.

Веселаго Ф.Ф. – 134, 220, 296.

Веселитский Г.П. – 202.

Веселовский С.П. – 213.

Вигель Ф.Ф. – 214.

Виктор А. – 338.

Виллевальде Б.П. – 257.

Вильгельм II, кайзер Германии – 286.

Вильгельм Прусский, принц – 264, 265, 274.

Вилье – 200.

Винд А. – 35.

Виниковский – 247.

Винк А.Х. – 338.

Виноградский В. – 296.

Виноградский И.А. – 170, 177, 220.

Висковатов А.В. – 13, 32, 37, 112.
Витгенштейн П.Х., граф – 193, 203, 204, 208.
Владимир – 336, 341, 354.
Владимир Александрович, великий князь – 270, 274, 275.
Владимир, святой князь – 64, 69, 74, 76, 96, 121, 176, 181, 184, 197, 206, 208, 211, 216, 218, 219, 255, 259, 285, 305, 308, 313, 329, 332, 333, 337, 345, 374.
Владислав – 59.
Власов, матрос – 190.
Власов, мушкетер – 154.
Властов Е.И. – 206.
Воинов Б.Е. – 210.
Войнович М.И., граф – 68, 93–95, 97.
Войнович Н.Д. – 118, 119.
Войрш (фон) Р. – 245–247.
Волконский П.М. – 208, 228.
Волоцкой Г.В. – 218.
Вольфман – 247.
Воробьев М.Н. – 306.
Воронов А.В. – 9, 270, 281.
Воронович Н.В. – 251.
Воронцов А.Р., граф – 134, 139.
Воронцов М.С., граф – 305.
Воронцов С.Р., граф – 61.
Воронцов-Дашков И.И., граф – 244.
Ворыпаев А. – 58.
Врангель – 28.
Всеволод – 149–151.
Всеволожский С.Д. – 194.
Вуд Э. – 352, 353.
Вышеславцев – 310.
Вяземский, подполковник – 25.
Вяземский, полковник – 111.
Габаев Г.С. – 220.
Габсбурги, королевская династия – 316.
Гавриил, святой архангел – 65, 149, 150, 332, 336, 338.
Гаврилов П.Ф. – 360, 362, 365.
Гавришев Л.И. – 333.
Гаджи-бек – 230.
Гаельман В.И. – 262.
Галактионов С.Ф. – 143.
Галкин И. – 308.
Гамельман В.И. – 262, 263.
Гамен А.Ю. – 116–118, 135, 138, 151, 175, 176.
Ганале Г. – 94.
Гангеблов (Гангеблишвили) С.Г. – 155–157.
Гандурин – 230.
Ганимед – 310, 312.
Ганнибал И.А. – 50.
Гаркуша И.О. – 9.
Гарнье – 290.
Гассан, турецкий паша – 94.
Гебенс А.И. – 191, 317.
Гезехус К.Я. – 360, 369.
Гейден А.Л. – 313.
Гейден Л.П., граф – 298, 302.
Гейслер Х.-Г. – 58, 63, 65, 68, 70, 76, 77, 82, 83, 88, 95.
Гелгуд – 256, 259, 260.
Георг I, король Греции – 99, 266.
Георгий Александрович, великий князь – 270.
Георгий Константин – 88.
Георгий Логинов, священник – 362.
Георгий, святой великомученик – 48, 50, 52, 54–56, 59, 62, 69, 72, 74–76, 78, 81, 94, 97, 98, 103, 106, 107, 117, 143, 145–147, 154, 155, 171, 181, 182, 187, 192, 193, 197, 210, 212, 218, 219, 221, 223, 229, 230, 232, 235–237, 246, 248–251, 255, 256, 258, 259, 263, 278–280, 283 – 286, 289, 290, 293, 294, 304–306, 308–312, 314, 319, 330, 332, 333, 337, 345, 348–350, 355, 358, 365, 366, 374.
Герман И.И – 120, 122, 123.
Герсдорф К.М., барон – 75, 76.
Герценберг Д.И. – 51, 112, 134, 137.
Герштенцвейг Д.А. – 260, 261, 314.
Гессен-Гомбургская А.И., принцесса – 202.
Гибер фон Грейфенфельс А.Г. – 278, 286.
Гильдебрандт – 259.
Гинкуль Н.С. – 137.
Гладилов А. – 314.
Гладченко В. – 235.
Глазенап Б.А. – 328.
Говарт – 373.
Говоров И.П. – 136, 137, 152–154, 157.
Голицын Д.В., князь – 184.
Голицын М.П., князь – 107, 342.
Голицын Н. – 13.
Головачев В. – 55, 59.
Головин Е.А. – 328.
Головин М.Д. – 350.
Головин Ф.А. – 21–23
Головин, капитан – 75.
Головнин Д.Я. – 216.
Головцын Г. – 51.
Гололобов Я. – 51.
Горбаненко Ф.И. – 196.
Горбачевский И.И. – 239.
Горбачевский Н.И. – 239.
Горбунов В.Н. – 292.
Горбунов Н.А. – 333.
Горгалов М. – 51.
Гордеев С.Ю. – 9.
Гордон Т. – 35.
Горемыкин Г.К. – 178, 186.
Горожанский – 111.
Горохов Ж. – 9.
Горохов, майор – 112, 134.
Горский М. – 308.
Горчаков М.Д., князь – 354.
Горчаков П.Д., князь – 322, 323.
Горшельт Т. – 237, 238, 240–242.
Горшков Д.И. – 9, 35, 102, 191.
Готовцев И. – 51.
Грандьер (де ля) М. – 366, 368, 370, 372.
Гребенщикова Г.А. – 318.
Гревенец – 63.
Грейг А.С. – 139, 142, 145, 302, 304–306, 309.
Грейг С.К. – 49, 59, 60, 142, 304, 309, 311, 312.
Грибоедов А.С. – 223.
Губарев М.Д. – 361–364, 368.
Гуляницкий В.Ю. – 292.
Гундризер Р. – 364.
Гусаков П.Ф. – 340.
Гуссейн-паша – 311.
Густав III, король Швеции – 64, 65, 84.
Густав, шведский принц – 59.
Густав-Адольф IV, король Швеции – 138, 187.
Гюленгек К.А. – 308–310.
Даву Л.Н. – 184.
Давыдов В.Д. – 361, 370.
Дадиан Г., мингрельский князь – 321.
Дадиани Леван – 321.
Дам Ф.Э. – 206.
Данкль (фон), австрийский граф – 247.
Данченко В.Г. – 9.
Дебуа – 116.
Дедевкин – 212.
Деев – 89.
Дезин (фон) Д.П. – 59, 60.
Делаграматик Д.Е. – 305, 306.
Делапьер (Де ля Пьер) Н.Б. – 82.
Дельгог – 142.
Дельдин (фон) – 25.
Дельзон – 179.
Дембинский – 260.
Дементьев – 366.
Демидов И. – 39.
Демидов, подполковник – 111.
Демяшевич П.И. – 251.
Ден Д. – 23, 27.
Деникин А.И. – 249, 250.
Денисов А.Г. – 298.
Денисов А.Н. – 9.
Дерябин А.И. – 9.
Джотти – 310.
Дзевонский И.А. – 204.
Дзерожинский А.Ф. – 284, 294.
Дибич И.И., барон – 236, 252, 253, 255–257, 259, 314.
Диндубаев Д. – 372.
Дитмар (фон) К. – 358.
Дмитриев В.Н. – 286.
Дмитриев, капитан – 116.
Дмитриев-Мамонов А.И. – 193.
Дмитров А. – 90.
Добровольский М.Н. – 282.
Додт (де) П.А. – 143, 154, 155, 195, 198 – 200.
Долгой – 157.
Долгорукий Н.Н. – 326.
Долгоруков Н.С. – 50.
Долгоруков П.П. – 49, 52.
Долгоруков Ю.В. – 49, 50, 52, 54.
Домажиров И. – 14.
Домбровский – 196.
Дорохов П. – 51.
Достанич С. – 74–76.
Доу Г. – 296.
Доу Дж. – 64, 73, 86, 117, 120, 121, 138, 156, 208, 235, 304.
Дохтуров Д.С. – 184.
Дрозд Т.И. – 292, 293.
Дромметер М.И. – 140.
Дружинин К.И. – 288.
Дубинин – 354.
Дубровин А.И. – 184, 188.
Дубровин Н.Ф. – 330.
Дубянский А.Я. – 120.
Дукворт – 144.
Дурново С.Д. – 40.
Дуров В.А. – 9.
Дурынин – 361.
Дьяконов С. – 314.
Дэндельс – 121.
Евсеев А. – 205.
Евстафий – 310.
Евстафий Плакида, святой великомученик – 51–54.
Егоров В.И. – 9.
Егоров И.А. – 9.
Егоров М.А. – 249.
Екатерина II, императрица – 10, 27, 31–70, 72–86, 88, 90, 91, 93, 95, 99–101, 127, 132, 134.
Екатерина, святая великомученица – 27.
Елена – 65.
Елена святая – 259.
Елескина Л.В. – 9.
Елизавета Петровна, императрица – 10, 38, 40, 43, 44.
Елисавета – 121, 305.
Елманов А.В. – 54.
Емелин А.Ю. – 9.
Епифанов – 148.
Еранцев Ф.Н. – 179.
Ергомышев Л.А. – 338.
Ергомышев Л.А. – 338.
Еремеев В. – 150.
Еремеев, майор – 112, 134.
Ержиковский Л.Н. – 289.
Ермолаев А.И. – 209.
Ермолаев, рядовой – 279.
Ермолов А.П. – 179, 184, 186–188, 197, 228, 232, 234–237, 321, 322.
Есипович – 75.
Ефимов, капитан – 74.
Ефимьев – 146.
Жандр А.П. – 330.
Жегалов – 112, 134.
Желтоногин Ю.М. – 9.
Жерар Е. – 353.
Жерве – 63.
Жеребцов П.Н. – 122.
Жиберов Ф. – 51.
Жиженков – 118.
Жилкин Д.О. – 370.
Жимирский – 252, 253.
Жирар Ж.Б. – 206.
Жиховский Г. – 282.
Жоан, португальский принц – 148.
Жуков З.П. – 135, 145, 212.
Журомский К.В. – 9.
Жюно – 148.
Завадовский И.И. – 302, 304.
Завалишин П.А. – 343, 346–349.
Завистовский Г.В. – 281.
Завойко В.С. – 357–365, 367–369, 372, 374.
Загордан В.И. – 278, 280.
Зайончковский А.М. – 296.
Зайцев В.В. – 248.
Зайцев В.Н. – 9.
Зайцев Е. – 221.
Зайцевский Е.П. – 308–310.
Залесский – 305.
Заливский – 260.
Зарубаев – 345.
Зауервейд А.И. – 308–310.
Збиевский Т.И. – 73.
Здриня А. – 72.
Зигури А.Л. – 305.
Змаевич М.Х. – 27.
Зотов Р.М. – 206.
Зубков М.К. – 286.
Зубков Н.В. – 9, 23, 188.
Зубков, фельдфебель – 117.
Зубов А.Ф. – 26.
Зубов П.А., граф – 81, 99–101.
Зюдерманландский К., шведский герцог – 59.
Иануарий, святой великомученик – 51.
Иванов А.А. – 143.
Иванов И.А. – 200.
Иванов И.И. – 246.

Иванов М.М. – 73, 113.
Иванов Миней – 205.
Иванов Н.И. – 246, 277, 278, 284.
Иванов П.Д. – 211.
Иванов Ф.И. – 340.
Иванов Федор – 210.
Иванов, ротный – 199, 200, 202.
Ивелич М.К., граф – 57, 58
Ивелич С.К., граф – 63.
Игельстром О.А. – 40.
Игнатьев А.А. – 269.
Игнатьев И.А. – 143.
Игнатьев, полковник – 26.
Иззет-Мохаммед – 304, 305.
Изъюров В.И. – 9, 37.
Изыльметьев И.Н. – 359, 366, 367, 370.
Иисус Назарянин – 91.
Ильина Е.В. – 9.
Ильинский Д.В. – 333.
Ильинский Иван – 237.
Ильинский Н.В. – 229, 230, 232–238.
Иоаникий Савинов, иеромонах – 349, 350.
Иоанн Златоуст, святитель – 310, 312, 321.
Иоанн святой – 118.
Иосиф II, австрийский монарх – 92.
Ирман (Ирманов) В.А. – 248.
Истомин В.И. – 341, 348, 352, 353.
Истомин К.И. – 299.
Исупов, мичман – 309.
Йорк (Йоркский), герцог – 122–124.
Йорк И., прусский фельдмаршал – 200, 202, 207.
Кадман (де) Б. – 74.
Казарский А.И. – 306.
Казарский, поручик – 153.
Кази-мулла – 238.
Казин В.М. – 176.
Казин Н.Г. – 312.
Кайсаров Д.И. – 368.
Кайсаров И.И. – 37.
Калганова А.А. – 9.
Каликов Г.А. – 250.
Калистратов И.Г. – 9, 285.
Камалов ВН. – 9.
Каменев С.С. – 294.
Канкрин Е.Ф. – 185.
Каравакк Л. – 28, 33.
Карандашев – 369.
Карандино М.Е. – 154.
Каращук А.В. – 9, 70, 75, 80, 119, 125, 205, 213, 214, 216, 233, 262.
Карвуни К. – 105.
Каретников А. – 51.
Каржавин А. – 223.
Карл XII, король Швеции – 35.
Карл Прусский, принц – 260, 264, 265.
Карл, шведский герцог – 65.
Карл, шведский принц – 48, 62, 63.
Карл-Юхан, шведский принц – 203.
Карпенко (Карпенков) М.И. – 179.
Карпов Е. – 151.
Карпов, прапорщик – 119.
Карцев П.К. – 118.
Карцов А.Х. – 218, 230, 232, 234, 235.
Карцов И.П. – 171, 177, 178, 184, 185, 188.
Карцов Н.Х. – 217, 218.
Каховский М.В., граф – 101.
Кацаран О.Т. – 9.
Кацонис Л. – 93, 94.
Качалов П.Ф. – 224.
Качалов, майор – 112.
Качиони (Кацонис) Л.Д. – 93, 94, 97–100, 104.
Качиони А.Л. – 99.
Качиони Ангелина – 98.
Качиони Л.Л. – 104.
Качиони С.А. – 97.
Качони Е. – 102.
Кашинский С. – 294.
Кейзер, поручик – 119.
Кейзер, прапорщик – 259.
Келеш-бек, абхазский князь – 321.
Келли, полковник – 349.
Кемков – 25.
Кибовский А.В. – 8, 93.
Киверский – 253.
Кикин, капитан – 113, 116.
Кинсберген Я.-Г. – 56.
Киров С.М. – 251.
Кирсанов М.Г. – 290.
Киселев И.П. – 177, 182, 308.
Кислов И. – 372.
Кицкий – 256.
Клаузевиц К. – 178.
Клейн И.А. – 190.
Клейст Ф. – 190, 200.
Клемент – 373.
Кленау – 118.
Клерк – 362.
Клещенков И.Я. – 292, 293.
Клокачев Ф.А. – 49.
Клуген (фон) И.И. – 137.
Клюев В.В. – 9.
Ключников – 324.
Книпер Ф.Е. – 64, 143.
Кнутсен А. – 59.
Кобец И.А. – 9, 269.
Кобле Ф.А. (Томас) – 74, 76, 111.
Коденец Г.Л. – 286.
Козловский, фельдфебель – 117.
Козлюк С.В. – 250.
Козлянинов Т.Г. – 64, 65, 84.
Козмин А.П. – 146.
Коковин В.А. – 9.
Колесников Ю.Н. – 9.
Колзаков А.А. – 184, 186.
Колзаков П.А. – 181, 190–192.
Колокольцев – 213.
Коломиец М.В. – 9.
Колтовский Е.И. – 311, 312.
Колчак А.В. – 294.
Колычов С.А. – 25.
Комаровский Е.Ф., граф – 82, 85, 224.
Конокотин – 117.
Константин – 154.
Константин Николаевич, великий князь – 296, 316, 331, 336, 338, 355, 374.
Константин Павлович, великий князь – 86, 97, 171, 177, 181, 190–192, 252.
Константинов К.К. – 188, 192.
Контарино – 114.
Конторино Д.А. – 321.
Коняев М.Т. – 54.
Коптяев Л. – 372.
Коралов В.К. – 360, 368, 373.
Корб Г.И. – 17.
Корвин-Пиотровский К.А. – 57, 170, 226, 252, 264, 281.
Корецкий Я.М. – 280, 281.
Корзун С.Я. – 151.
Корзунов К.Г. – 277.
Корион – 17, 18.
Корнеев Е.М. – 95, 100, 147.
Корнилов В.А. – 302, 327, 329–332, 336, 338, 340, 341, 348, 353.
Корнилов Л.Г. – 287.
Коробицын Н.Г. – 211.
Коробовский – 25.
Королев М. – 192.
Королев-Перелешин А.Ю. – 9, 332, 333.
Королли – 55.
Коротыч А.В. – 9.
Корсаков И.А. – 49.
Корф Ф.К. – 200.
Корявкин В.Я. – 291.
Коссак В. – 258.
Котляревский П.С. – 199, 214, 216–219.
Коттон – 148, 149.
Кохиус В.П. – 297, 298.
Кочкарев В. – 350.
Кошелев – 361, 369, 370.
Кошка П.М. – 343, 344, 348.
Краббе (фон) К.К. – 240.
Крафт Н.В. – 292, 293.
Краюшкин Е.Ю. – 9.
Крей – 140.
Кригер (фон) А.Е. – 216, 219
Критский Н.Д. – 305, 306.
Крицкий Н.Н. – 9.
Кричевский О.Я. – 200.
Кротков А.С. – 12.
Кротов П.А. – 28.
Кроун Р.В. – 176.
Круз А.И. – 52, 54, 63.
Круковецкий – 254, 255.
Крылов В.М. – 9.
Крыштопенко А.А. – 280.
Крыштопенко Б.А. – 278, 280.
Крюйс К.И. – 20–23, 30, 32.
Крюков, подполковник – 260.
Ксирихи – 107.
Кувшинников А. – 370.
Кузминская Г.Н. – 9.
Кузнецов Б.М. – 245.
Кузнецов Н.А. – 9.
Кузнецов, боцманмат – 182.
Кузьмин А.И. – 9.
Кузьмин И. – 51.
Куликов В.Н. – 9, 359, 361, 366.
Куликова (Степанова) В.М. – 9.
Куллем – 373.
Куломзин И. – 51.
Кулунчаков Н.А., князь – 314.
Кульнев И.П. – 204.
Кумани М.Н. – 310, 311, 318.
Кумани Н.М. – 152.
Куммер (фон) Г. – 276.
Кундури Д. – 94.
Куприн А.И. – 105.
Купрюшкин С.Н. – 9.
Курик – 96.
Курлов – 297.
Курносов С.Ю. – 9.
Кусков, каптенармус – 154.
Кутковский Т.Е. – 281.
Кутузов И.И. – 305.
Кутузов М.И. – 74, 181, 184, 197.
Кухарук А. – 304.
Куцо Д. – 94
Кушелев Г.Г. – 125.
Кушель – 255.
Кюнель Ф.Ф. – 50.
Лавров А.С. – 248, 249.
Лавров А.С. – 248.
Лавров В.В. – 9.
Лавров И. – 372.
Лавров Н.И. – 181.
Лавров, поручик – 56.
Лаврук И.А. – 9.
Лагунцов А.С. – 9, 287.
Лазарев М.П. – 150, 151, 300, 301, 318–321, 324–329, 342, 348, 353.
Лазари Н. – 105.
Ламо – 171.
Ламотт – 205.
Лампи И.-Б. – 69, 98.
Ландорс П. – 373.
Ландурин И. – 235.
Ланжерон А.Ф., граф – 80, 81, 104, 197, 200–202.
Ларионов Я.М. – 289.
Ласси Б.П. – 76.
Ласси М.П. – 139, 140.
Ласси П.П. – 35, 36.
Лаури Ф. – 72.
Лебедев ф.Н. – 282, 283.
Лебедяников М.Б. – 40.
Левашов В.И. – 62.
Левендаль Р.Н., барон – 230, 232, 233.
Левиз Ф.Ф. – 208, 209.
Левицкий Д.Г. – 48, 59.
Левшин Н. – 157.
Лежневский Н.П. – 278, 280.
Лейдлов Я.И. – 151.
Лейонанкер – 64.
Леман И.И. – 98.
Леонов О.Г. – 8, 37.
Леонова Н.А. – 9.
Лермантов М.Н. – 177–179, 181, 188, 190, 199.
Лесли Е.И. – 332.
Лесли П.И. – 342, 345–348, 351, 355.
Летин С.А. – 9, 16, 19, 29, 43, 45, 67, 79, 167.
Лефевр – 373.
Лефорт Ф.Я. – 16–18.
Лешерн – 18, 20.
Лидерс А.Н. – 256–258, 260–262.
Лилиенфельд – 64.
Лимберг Э.Д. – 280.
Лимберг, штабс-капитан – 257.
Линев Р.В. – 117.
Лист А.И. – 177, 182.
Литвин А.А. – 9.
Литта Ю.П., граф – 61.
Лихачев П.В. – 9.
Лобанов-Ростовский Д.И., князь – 210, 226.
Лорер Н.И. – 321, 326, 327.
Лористон – 140, 141, 144.
Лошаков – 65.
Лукин Д.А. – 145.
Лукирский А.В. – 263.
Лукирский А.Н. – 9.
Лупандин В.Ф. – 49.
Луценко П.П. – 238, 242.
Лыков И.П. – 9, 288.

Львов С.В. – 9.
Люберх – 111.
Люде (фон) Я. – 58, 63, 65, 70, 76, 77, 82, 83.
Лялин Т.К. – 313.
Ляшук П.М. – 330, 350, 355.
Мавроенис – 97.
Мавромихали С. – 88, 94.
Магдалина святая – 117.
Магденка – 197.
Майер И.-Г. – 111.
Макаров Д.Н. – 277.
Макаров М.К. – 120, 121.
Макаров П. – 192.
Макдональд – 200, 207.
Македонский – 257.
Макензен – 248, 282, 288.
Маккавейский М.Д. – 283.
Маковский К.Е. – 358.
Максимов Д.Н. – 9.
Максутов А.П., князь – 360, 364, 367, 372–374.
Максутов Д.П., князь – 361, 365, 373–374.
Макухин Н.П. – 331.
Макшеев Н.И. – 343, 348, 349, 351.
Макшеев П.М. – 156.
Маландраки – 107.
Малахов Н.Н. – 268.
Малачкин Я.О. – 211.
Малгрейв, английский лорд – 149.
Малеванов – 64.
Малиновская О.И. – 9.
Малов А.В. – 9.
Малье И.П. – 78.
Малютин – 84.
Манганари М.П. – 305.
Мандерштерн К.Е. – 252–254, 256–258, 264, 266.
Мандражи К.Н. – 245.
Манюк С.Е. – 310.
Марин – 149.
Маринин Б. – 51.
Мария Павловна, великая княгиня – 270.
Мария святая – 371.
Мария Федоровна, императрица – 202, 270, 297, 310, 312, 316, 331, 336.
Марк святой – 142, 259.
Маркин И.В. – 9.
Марков И.К. – 106.
Марков Л.Л. – 246, 247.
Марков, капитан – 212, 213.
Марков, майор – 149.
Марков, подпоручик – 211–213.
Марлинский (Бестужев) – 323, 324.
Мармон – 142–144.
Мартен П.-Д. – 25.
Мартенс – 85.
Мартин – 324.
Марченков В.В. – 213.
Маслов Ф.М. – 152, 153.
Массена – 140.
Матвеев Л.М. – 218.
Матвеев Ф.М. – 118.
Матушкин – 56.
Махлаюк Н.П. – 214.
Махмуд II, турецкий султан – 302, 318–320.
Мегмет – 69, 76.
Медведев П.Я. – 218.
Мезенев В.Ф. – 9.
Мезон Н.Ж. – 204.
Мелиси И. – 94.
Мелихов В.И. – 302, 305.
Мельников Г.М. – 139, 140, 144.
Мельников М.Л. – 46.
Мельников, подпоручик – 64.
Меншиков А.Д., князь – 20, 32, 46.
Меншиков А.С., князь – 106, 107, 296, 301, 304, 305, 317, 330, 331, 333, 336, 338, 342.
Меньков П.К. – 355.
Мерлин – 56.
Мессер Ф.Ф. – 119.
Метакса Е.П. – 112, 116, 125, 132.
Метлин Н.Ф. – 324, 326, 328, 329.
Мехмед-Дерий – 96.
Мещеряков О. – 27.
Микешин – 24.
Микешин М.О. – 348.
Микрюков В.Н. – 336, 337.
Милев Д. – 287.
Миллер – 40.
Милютин Д.А. – 120, 121, 232, 374.
Минерва – 97, 98.
Миних Б.Х. – 35, 36.
Миницкий С.И. – 121.
Мир-Азиз – 233.
Мир-Мустафа-хан – 214, 229.
Мирович М. – 51, 58.
Мироненко С.В. – 9.
Мир-Хасан-хан – 229, 230, 237, 238.
Мисбах – 171.
Митчел – 121.
Митчук И. – 235.
Михаил Александрович, великий князь – 274.
Михаил Николаевич, великий князь – 242, 270, 347.
Михаил Павлович, великий князь – 257.
Михаил, святой архангел – 40.
Михайлов Д.В. – 361, 363, 364, 368–372.
Михайлов П. – 26.
Михайловский-Данилевский А.И. – 138.
Мицельский – 258.
Мичурин, прапорщик – 153.
Мишуков З.Д. – 38, 39.
Мищенко П.Г. – 235, 236.
Можайский Н. – 364.
Можжевитинский – 137.
Молитор – 142.
Моллер (фон) А.В. – 150, 176.
Моннье – 118, 119.
Мономахов П.Д. – 248.
Монтаг – 349.
Монтегю – 148.
Монтень Д. – 300, 301, 313.
Монто М.А. – 106.
Мончинский В.И. – 247.
Морган – 366, 373.
Мордвинов Н.С. – 93, 94, 100.
Мордвинов С.И. – 32, 39.
Морков И.И. – 75.
Мофетт С.И. – 317.
Мохаммед-Али, египетский паша – 318.
Мохаммед-Али-шах – 243.
Мровинский К.О. – 368, 373.
Мрозовский И.И. – 245.
Мстислав – 61, 84.
Музайка А.Е. – 230.
Музаффар-аддин, персидский шах – 243.
Муравьев Н.Н. – 318, 319, 357, 358, 364, 374.
Мурдалеев М. – 190.
Мусикийский Г.С. – 32.
Мусин-Пушкин В.П., граф – 84.
Мустафа IV, турецкий паша – 146.
Мустафа-хан – 236.
Мышлаевский А.З. – 25.
Мюльберг – 261.
Навдаева Л.А. – 9.
Назаревский Г. – 74.
Назимов В.Н. – 299.
Наленч-Рачинский Э.В., граф – 331.
Наполеон III, император Франции – 352.
Наполеон Бонапарт – 103, 138, 154, 170, 171, 175 187, 193, 200, 202, 220, 221, 226.
Нассау-Зиген К.Г. – 60–63, 65, 84, 94.
Наумов С.А. – 181.
Нахимов П.С. – 329, 330, 336, 338, 340, 341, 348, 350, 351, 353.
Нахлесткин М.И. – 218.
Неведомский А.И. – 40.
Неверовский Д.П. – 138, 161, 165, 167.
Неверовский И.П. – 153, 154.
Невский Я. – 51.
Невшупа И.К. – 250.
Недобров В.А. – 86.
Незнамов А.А. – 290.
Нейман – 64.
Нелидов Г. – 59.
Нелидов, капитан-лейтенант – 150.
Неллер Г. – 12.
Нельсон Г. – 99.
Немтинов Г.И. – 323.
Неру Ф. – 155.
Нечитайлов М.В. – 9.
Нешкин М.С. – 9.
Нижегородов – 51.
Никитин А.П. – 181.
Никитин О.Е. – 204.
Никитин Ф. – 205.
Никитин, шкипер – 185.
Никифоров А. – 223.
Никифоров В. – 221.
Никифорова И.С. – 9.
Николаев Д.К. – 9.
Николаев И.А. – 9.
Николаев М.Н. – 218.
Николаев Ф. – 205.
Николай I, император – 105, 106, 224, 234, 236–238, 263, 264, 296–299, 302, 304–306, 308–310, 313, 314, 316, 318, 320, 323, 324, 328, 330, 336, 342, 345, 373, 374.
Николай II, император – 191, 194, 243, 244, 248, 269, 270, 274–276, 280, 283–285, 291.
Николай Николаевич, великий князь – 270.
Николай, святитель – 51, 195, 313, 322.
Николсон Ф. – 362, 365, 366.
Николь Я. – 102.
Никольский И.В. – 212.
Никон, патриарх – 12.
Никонов А.К. – 9.
Никонов, капитан – 112.
Новак И.И. – 207, 208.
Новосильский Ф.М. – 336, 341.
Новосильцев А.В. – 333.
Носиков Д.В. – 9.
Нумерс – 18.
Нумсен Ф.М. – 62, 84.
Нурадин, татарский султан – 89.
Обернибесов – 309.
Образцов А.М. – 212.
Обухов – 54.
Овсов А.Г. – 32.
Овсянников П.А. – 372.
Огарев – 25.
Огородников С.Ф. – 32.
Ожаровский А.П. – 186.
Ожерельев М.В. – 9.
Озеров В.С. – 206.
Олейников А.Л. – 248.
Ольшевский И.А. – 305.
Омельченко Ф. – 249.
Ордин-Нащокин А.Л. – 12, 13.
Орест – 331.
Орлов А.А. – 148.
Орлов А.Ф., граф – 319, 320.
Орлов Н.А. – 68.
Орлов Ф.Г., граф – 50.
Орлов-Чесменский А.Г., граф – 10, 48–51, 53, 54, 59, 88, 97.
Орфанго – 143.
Орфей – 310–312.
Остерман А.И., граф – 33.
Остерман-Толстой А.И., граф – 187, 188.
Островов – 49.
Островский – 18.
Павел I, император – 10, 66–68, 79, 82–86, 100, 101, 109–132, 143, 208.
Павлов В. – 192.
Падейский Ф.Ф. – 143, 146, 147.
Паласиос-Фернандес Р. – 9, 14, 46, 66.
Палдо (де) А. – 152.
Пален П.П., граф – 252, 260–263.
Паллас П.С., академик – 96, 100, 171.
Пальмер – 373.
Панафидин Д.И. – 144–148.
Панин, граф – 51.
Панкрашкин А.Б. – 9.
Пантелеймон, святой великомученик – 310, 312.
Панфилов А.И. – 337, 341.
Панчулидзев И.Д. – 156, 157.
Панютин Н.П. – 312, 313, 323.
Папахристо – 107.
Паренсов Д.Т. – 204.
Паркер Ч.А. – 362, 363, 366, 368, 370.
Пармен, святой апостол – 306, 307, 312.
Пархаев О.К. – 9, 187, 310.
Паскевич-Эриванский И.Ф., граф (князь Варшавский) – 197, 234–237, 260–262, 314.
Патаниоти Н.Ю. – 304.
Патерсен Б – 42.
Патрикеев С.Б. – 9.
Паули Г.-Ф.Х. – 107.
Паулуччи Ф.О., маркиз – 233.
Пац Л. – 314.
Пейкер А.Э. – 175, 204, 208–211.
Пелисье – 352, 353.
Пелявский М. – 153.
Перегонцев П. – 287.
Передерий В.А. – 9, 23, 37.
Перелешин М.А. – 332, 333.
Перелешин П.А. – 332, 336, 340.
Пересадько А.И. – 9, 246.
Перкин Л.К. – 230, 235, 236.
Пермяков Н.А. – 180.
Перовский В.А. – 302, 304.
Петлин Ф. – 59.

Петр I (Великий), император – 10, 14, 15, 17–46, 55, 134, 191, 195, 214, 220, 276, 324.
Петр II, император – 32, 33.
Петр III, император – 40.
Петр, святой апостол – 17, 114.
Петраков В.В. – 9.
Петренко П. – 340.
Петров А.А. – 9.
Петров А.Н. – 152.
Петров Г.Ф. – 9.
Петров М.М. – 179.
Петров М.П. – 288.
Петров, артиллерист – 310.
Петряев П.А. – 287.
Пивницкий – 196.
Пиврон – 116.
Пилкин К.П. – 370.
Пимен – 310, 312.
Пирогов Н.И. – 348.
Писарев Н.В. – 281.
Платов М.И., граф – 208.
Плац Я. – 260.
Плозонн Л. – 179.
Плоткин Г.Л. – 9.
Плотникова Ю.В. – 9.
Плужников А. – 212.
Повалишин Ф.В. – 146, 214, 216–218.
Повало-Швейковский Ф.В. – 204.
Подагов С.С. – 249, 250.
Подгаецкий С.В. – 153.
Поддубский – 56.
Подсамыльев С. – 372.
Поздняков А.В. – 9.
Полетика А.М. – 218.
Поливанов В.Т. – 177, 220.
Поликарпов, подпоручик – 155.
Поликарпов, поручик – 212.
Поллукс – 151.
Полянский А.И. – 39.
Полянский, подпрапорщик – 52.
Попов А.А. – 205, 206, 210.
Попов А.Н. – 342.
Попов В.И. – 361, 363, 364, 366.
Попов П.А. – 206.
Попов С.А. – 9, 122–124, 158–160, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 226.
Порцель Л.М. – 9.
Поскочин И.С. – 112.
Поспелов – 191, 192.
Потемкин П.И. – 12.
Потемкин П.С. – 89.
Потемкин, адъютант – 205.
Потемкин-Таврический Г.А., князь – 60, 67–70, 72, 80, 81, 83, 89–95, 97–99.
Потулов Н.П. – 305.
Поярков В.А. – 291.
Прайс Д. – 359, 361, 365.
Пресняков А.Е. – 220.
Приказнов – 117.
Прищепа С.В. – 9.
Прозоровский А.А. – 89, 90.
Протопопов Д.И. – 155.
Прохоров В.А. – 312.
Прохоров С.Л. – 180.
Пряхин Ю.Д. – 97.
Пуант (де) Ф. – 362, 365, 374.
Пузанов Г. – 372.
Пуликов-Разливарин К.М. – 250.
Пусанов И. – 72.
Пустошкин П.В. – 114, 118.
Пустошкин С.А. – 152–153, 155.
Путятин Д.А., князь – 342.
Путятин Е.В., граф – 324–330.
Пушкин А.С. – 326.
Пушкин Л.С. – 326.
Пущин Н.А. – 210.
Пущин П.И. – 40, 62.
Пыпин – 63.
Пыхачев Н.Л. – 176.
Пэтон Р. – 53.
Пюто – 200.
Раглан Ф., английский лорд – 106, 343.
Радзивилл, польский князь – 255.
Радзивилович А. – 60.
Радзивинский Л.Л. – 277.
Радзин К.М. – 280.
Радинг – 75.
Радкевич Е.А. – 291.
Радов – 259.
Раевский Н.Н. – 197, 324–329.
Раздеригин.И.Я. – 210.
Разин И.А. – 206.
Разин С. – 14.
Раль К.Г. – 190.
Рапович А. – 72.
Рапп Ж. – 208.
Расторгуев Ф.И. – 248.
Ратманов М.И. – 119.
Рафаил, святой архангел – 145, 146, 148, 305, 306, 310.
Ревелиоти Ф.Д. – 103, 156, 157.
Регинов – 371.
Редигер А.Ф. – 269.
Реймерс Ф. – 234.
Рейхель К. – 74.
Ремлинг – 64.
Ренненкампф П.К. – 287.
Репнин Н.В. – 98.
Рерберг П.Ф. – 333.
Ресницкий К.Н. – 155.
Рибас (де) И.М. – 69, 70, 72–76, 78–79, 81.
Рибас (де) Э. – 70, 76.
Рикгоф И.И. – 321.
Римский-Корсаков А.М., граф – 86.
Римский-Корсаков Н.А. – 223.
Римский-Корсаков Н.П. – 181, 184, 188, 197, 199, 306, 314.
Рихтер – 200.
Рицардопуло С. – 93, 94.
Ришелье (де) Э.О., герцог (дюк) – 102, 103, 152, 153.
Робертсон Д. – 340, 344, 346, 347, 352.
Робинсон – 373.
Рогатнев А.С. – 9.
Рогульский – 56.
Роджерсон – 99.
Рождественский З.П. – 274.
Розен А.Ф. – 235.
Розен Г.В. – 253, 256, 324.
Розен И.С. – 134, 198, 199.
Розен Ф.Ф. – 209, 235.
Розенберг А.Г. – 102.
Рокотов Ф.С. – 56.
Романов В.П. – 310.
Романов Е., шкипер – 190, 191.
Романовский И.П. – 249–251.
Ростислав – 50, 51.
Рошет Э.Я. – 204–206, 210–212.
Рошешуар Л.П. – 102.
Ртищев Н.Ф. – 214.
Рубо Ф.А. – 217, 353.
Ругендас И.Р. – 211.
Рудзевич А.Я. – 200.
Руднев Д.В. – 150, 151.
Румянцев П.А., граф – 32, 39, 40, 111, 258.
Рундальцев М.В. – 284.
Руффо, кардинал – 117.
Рыбаков А. – 343, 349.
Рыбаков М. – 51.
Рыженков М.Р. – 9.
Рыкачев А.П. – 302.
Рябинин Г. – 372.
Саблер – 89.
Саблин, артиллерист – 310.
Саблин, унтер-офицер – 324.
Савваитов П. – 152.
Савенков, полковник – 25.
Савенков, прапорщик – 55.
Савин, артиллерист – 310.
Савоини Е.Я. – 73.
Садык-Каджар-хан – 216, 219.
Саид-бей – 96.
Саитов Х. – 372.
Сакен (фон) Р. – 69.
Сакен Ф.В. – 199, 200.
Сакович А.В. – 9.
Салти Ф.Г. – 108.
Салтыков И.П., граф – 63.
Салтыков Н.И., граф – 81.
Салтыков, майор – 112, 134.
Сальников, штабс-капитан – 143.
Самарин В.М. – 263.
Самсонов А.В. – 244, 287.
Сапега Ф.Г. – 290.
Сапожников А.И. – 9.
Сарандова Е.И. – 92, 93.
Сарычев А.А. – 156, 157.
Сафонов Н.Я. – 212, 253, 255, 256, 259.
Сафонов С. – 88.
Сахновский И.Г. – 333.
Свербеев – 56.
Светлана – 323.
Свиньин П.П. – 139, 144.
Свирский М.В. – 305.
Свистун В.Ф. – 230, 232.
Свистунов, мичман – 233.
Святослав – 51, 331, 336, 338.
Сеид-али – 143, 145.
Секерин А. – 38.
Секретев К.М. – 9.
Селезнев А. – 327.
Селиванов М.С. – 9, 30, 61, 74, 75, 94, 185, 251.
Селим III, турецкий султан – 146.
Семенов М.М. – 299.
Семенов П.П. – 146.
Семенов, мушкетер – 154.
Семиоти Ф.Г. – 108.
Сен-При Э.Ф. – 201, 202.
Сенявин А.Н. – 55, 56, 125.
Сенявин Д.Н. – 11, 112, 114, 138–149, 152, 259.
Сенявин Н.А. – 27.
Сердюков Г. – 39.
Середин – 323, 324.
Серешкин А. – 368, 372.
Серков Д.И. – 155.
Сеславин А.Н. – 179.
Сефер-бей – 321.
Сибилев И.К. – 154.
Сибирцев – 179.
Сиверс К.К., граф – 208.
Сиверс П.И. – 32.
Сиверс Ф.В. – 290.
Сидоров, прапорщик – 212.
Синицын В.Я. – 218.
Скандраков И.А. – 370.
Скарабели И.П. – 74, 76.
Скаржинский К. – 256, 258.
Скаридиа П. – 98.
Скарятин В.И. – 200.
Скипора – 112, 114, 117–119, 134.
Скляренко – 154, 155.
Скоробогатов А.Н. – 333.
Скоробогатов Н.А. – 140, 141.
Скржинецкий Я. – 255–258.
Скрутковский С.Э. – 224.
Скульский – 260.
Скуртулли В.К. – 154.
Слепокурова Н.А. – 9.
Слизов П.Б. – 60, 61, 83, 84.
Смирнов А.В. – 9.
Смит – 24.
Смит Ф.И. – 252, 264.
Снетов, артиллерист – 310.
Совинский – 261, 262.
Соколов А. – 49.
Соколов Н.В. – 277.
Соколов, майор – 116.
Соколовская О.В. – 9.
Соколовский Н.Ф – 280.
Соломонов Б.В. – 9.
Сорокин А.А. – 114, 117, 119, 139.
Сорокин И.Д. – 281.
Спиридов Г.А. – 40, 49, 50, 53, 54, 88.
Спиридович А.И. – 248, 284, 285.
Спицын А.П. – 338.
Спылихин С. – 370, 371, 374.
Сталин И.В. – 243.
Сталь, ротмистр – 192.
Стамати С.М. – 106, 107.
Стаматьев Х.Ф. – 274.
Станбулов Ю. – 72.
Станислав I (Лещинский), король Польши – 35.
Станислав святой – 324, 358, 374.
Станиславский – 341.
Степанов А., матрос – 372.
Степанов А.А. – 357.
Степанов А.Б. – 9.
Степанова Е.В. – 9.
Стерио – 104.
Стефанович А.А. – 281.
Стогов Э.И. – 150, 151.
Стожевский О.И. – 313, 319.
Столыпин П.А. – 244.
Сторей – 121.
Стрейс Я. – 14.
Стрельников, майор – 112, 134.
Стрелянов (Калабухов) П.Н. – 9, 245.
Стрешнев Т.Н. – 17, 18, 23.
Строганов А.Г. – 107.
Субейран П. – 28.

Суворов А.В., князь – 9, 68, 72, 76, 85, 117, 118, 126, 253, 254, 258, 342.
Сукачев В.П. – 358.
Сулейман-паша – 268.
Сулима И.И. – 199, 200, 202.
Сумароков П.И – 102.
Сунцов, рекрут – 371, 372, 374.
Суровцев – 367, 370.
Сутковой Ф.Е. – 329.
Сухонин С.Н. – 310.
Сыроед – 182, 183.
Сытин А.С. – 118, 119, 140.
Сытинский Н.А. – 57, 110, 112, 134, 148, 152, 170, 203, 220, 226, 252, 264, 277–279.
Тагиев З. – 243.
Тамм П. – 9, 299.
Тарандик Е.Е. – 292.
Тареев Р.Р. – 149.
Тарле Е.В. – 139, 144, 148, 348, 355, 357.
Татищев Л.А. – 268.
Тебенков И.Ф. – 154.
Тезей – 331.
Текелли Ф.Л. – 157.
Телесницкий С.М. – 115.
Тенюков Л. – 51.
Теребенев М.И. – 150.
Тет Е.Е. – 120, 121, 138, 176.
Тимм В.Ф. – 226, 256, 261, 319, 331, 341, 343, 345, 348, 351, 355.
Тиммерман Ф. – 17, 18.
Тимофеев Н.Д. – 340.
Тимофеев Я. – 371, 374.
Тимохин П. – 314.
Тимченко-Рубан – 256, 259.
Титов А.Е. – 188.
Титов В. – 60.
Титов Л.А. – 9.
Титов Ф.Ф. – 337, 343, 344, 347.
Тихменев В.И. – 204.
Тишинин А.В. – 281.
Токарев Г.Н. – 361, 362.
Толбухин – 18.
Толстой Л.Н., граф – 345, 354.
Толстой П.А., граф – 137–139, 259, 260.
Толь К.Ф. – 184, 262.
Тормасов А.П. – 156, 196.
Торнброу – 148.
Тотлебен Э.И. – 342, 353.
Точилов Ф.П. – 289.
Траверсе (де) И.И., маркиз – 152, 155, 156, 177, 220, 228.
Трейстер Т. – 145.
Трескин М.Л. – 211.
Троицкий П.П. – 342.
Тронь А.А. – 9, 52, 183, 224.
Тропинин В.А. – 9, 134, 219, 326.
Трофимов Г. – 51.
Трофимов П. – 205.
Трофимов, поручик – 65.
Туркул П.П. – 310.
Турно – 261.
Турночи – 18.
Тучков С.А. – 59, 64, 82, 84.
Туш (де) М.Г. – 370, 373.
Тыртов – 18.
Унковский Ю.М. – 9.
Уоттс У. – 53.
Уриил, святой архангел – 140, 141, 331, 332, 336.
Успенская С.В. – 9.
Утинский – 213.
Уткин Н.И. – 234.
Ушаков Н.И. – 190, 199.
Ушаков Ф.И. – 218.
Ушаков Ф.Ф. – 10, 68, 69, 88, 93, 94, 96, 99, 112–119.
Фадеев, мушкетер – 154.
Фалеев В.К. – 218.
Фахранис-ханум – 229.
Федоров В.В. – 9.
Федоров И. – 364.
Федоров М.Ф. – 238, 321
Федоров С.Т. – 142, 146, 211, 212.
Федоров, подпоручик – 259.
Федоров, художник – 303.
Федосов Д.Г. – 9.
Федотов А.А. – 206.
Федров – 84.
Фелицын Д.Е. – 321.
Фемистокол – 329.
Фенет – 64.
Феодосий Тотемский, преподобный – 150.
Фердинанд II, король Сицилий – 266, 267.
Фердинанд IV, король Неаполя – 138, 139, 148.
Фесун Н.А. – 359, 363, 365, 367, 368, 370–372.
Фидаров А.П. – 244, 245.
Филипсон Г.И. – 321, 325, 326.
Философов А.Б. – 178.
Флери – 35.
Фогель (фон) – 242.
Фок А.Б. – 206.
Фомин И. – 205.
Фомин, унтер-офицер – 117.
Фондерфлис – 310.
Франц I, император Австрии – 192.
Фрейганг К.В. – 358.
Фрелих – 119.
Фридерикс Д.П., барон – 327, 325.
Фридрих II, король Пруссии – 40, 66, 68, 82, 125, 201.
Фридрих-Август II, король Саксонии – 34, 35.
Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии – 138, 190, 192.
Фролов, поручик – 56.
Фролов, юнкер – 324.
Хайд И.И. – 35.
Халиль-паша – 310.
Халюта – 338.
Ханин Я. – 51.
Ханыков И.Я. – 151, 218.
Ханыков П.И. – 149–151.
Хапланова Е.Г. – 9.
Харин А. – 350.
Харитонов Ф.Х – 143, 209.
Хахалева Н.И. – 9.
Хвостов – 25.
Хибберт К. – 343.
Хлаповский – 260.
Хлопицкий – 252, 253, 255.
Хмелев Н.П. – 186, 188.
Хомутов М.Г. – 105.
Хорошилов П.В. – 9, 340, 344, 346, 347, 352.
Хофман (фон) – 287.
Хохлов К. – 308.
Храмов Е. – 308.
Храповицкий А.В. – 93.
Хрулев С.А. – 348–350.
Хрущев Б.П. – 186, 200.
Хуссейн-Кули-хан – 235.
Цвецинский А.-Ф.Г.С. – 289, 290.
Цвецинский Г.А. – 289.
Цвилинев А.В. – 150, 151.
Цельмин Ю.П. – 278.
Центилович К.А. – 305.
Цимбалюк В. – 290.
Цицианов П.Д., князь – 321.
Цурик, боцман – 350.
Цыпленков К.В. – 9.
Чаплин (1-й, 2-й) – 112, 134.
Чаплыгин Н.Е. – 157.
Чапони (Чапано) К.Ю. – 95, 96.
Чебышев И. – 51, 52, 54.
Челищев П.И. – 323.
Чепега З.А. – 74.
Черников Л.И. – 306.
Чернов, капитан – 143.
Чернышов Г.П. – 24, 26, 28.
Чернявин И.Я. – 150, 151.
Ческий К.В. – 147.
Чириков – 111.
Чирков Н.А. – 69.
Чистоногова Т.В. – 9.
Чистяков О.В. – 9.
Чихачев М.Н. – 178, 188.
Чичагов В.Я. – 59, 60, 62 – 65, 84.
Чичагов П.В. – 48, 59, 60, 62, 120, 122, 134, 135, 137, 195, 197, 220.
Чичестэр – 373.
Чоглоков П.Н. – 186.
Шабанов В.М. – 9, 294.
Шаберт К.Г. – 293.
Шабо Л.Ф.Ж. – 113, 114, 116.
Шагин-Гирей, татарский хан – 89.
Шадрин – 84.
Шамбюр А. – 212.
Шатилов П.Н. – 251.
Шахов – 360.
Шаховской И.Л., князь – 252–255.
Шварц А.В. – 247.
Шварц М.П. – 337, 344, 354.
Шведов Н.Ю. – 9.
Шевандин – 135, 143, 154.
Шевченко И.В. – 348.
Шеин А.С. – 18.
Шельтинг А.Е. – 39.
Шембек – 252, 253.
Шенк В.К. – 270.
Шервашидзе Г., князь – 321.
Шервашидзе М., князь – 322, 323.
Шереметьев А.Е. – 9.
Шестаков А.А. – 318.
Шестаков, боцман – 373, 374.
Шестаков, шкипер – 151.
Шеффер-Боядель (фон) – 288, 289.
Шильников – 75.
Шиманов В. – 52.
Шимановский – 260.
Ширков П.С. – 137.
Ширшов – 287.
Ширяев Н. – 308.
Шифляр С.П. – 193.
Шифляр С.-П. – 73, 193.
Ших-Али-мирза – 235.
Шишкин – 199.
Шишкин В.Н. – 248.
Шишков А.С. – 59.
Шишкова Н.В. – 9.
Шкурко А.И. – 9.
Шкуро А.Г. – 251.
Шлотгауер Я.Ф. – 253, 255, 263.
Шмидт, лекарь – 259.
Шмит Ф.И. – 310.
Шневенц – 24.
Шневенцов – 25.
Шорин В.И. – 294.
Шорин Д.М. – 263.
Шостак И.А. – 112.
Штейнвер – 82, 83.
Штейнгель В.И. – 68.
Шубин А. – 312.
Шубин С.Б. – 39.
Шукаев Г.Ф. – 349.
Шульц Ю.Т. – 61.
Шхонебек А. – 20.
Щелкунов А. – 192.
Щепотьев С.А. – 177, 314.
Щербатов А.Г., князь – 201.
Щербатов Ф.Ф., князь – 55.
Щербачев Д.Г. – 282, 293.
Щукин С.С. – 110.
Эбен (фон) – 290.
Эвридика – 360, 364, 366, 367, 368, 370–372.
Элькан А.В. – 247.
Эльфинстон Д. – 53–55.
Энгельгардт Л.Н. – 80.
Эней – 333.
Эртель Ф.Ф. – 85, 196.
Эсен (фон) К. – 59.
Эсмонт С.А. – 324.
Эссен И.Н. – 120, 122.
Эссен П.К. – 86.
Юбер К. – 338.
Юганов Н.А. – 134, 148, 170, 220, 226, 252, 264.
Юдин С. – 311.
Юрковский А.А. – 75, 78.
Юрковский Н.Ф. – 305, 336.
Юрьев Ф.А. – 153, 154.
Юстюнцов О. – 314.
Юшко В.Л. – 9.
Язон – 333.
Языков Н.Л. – 155, 156, 195.
Яковлев А. – 372.
Яковлев П.П. – 74, 76.
Янковский – 253, 254.
Ярослав – 143, 148.
Яхмос – 12.
Ячменов И. – 223.

Александр Владимирович Кибовский
Олег Геннадьевич Леонов

300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ МОРСКОЙ ПЕХОТЕ
Том I (1705–1855)

Руководитель проекта: Ю. М. Желтоногин

Редактор: К. В. Цыпленков

Корректор: В. М. Нистратова

Перевод: Е. Н. Ожогин

Верстка: Л. А. Навдаева

Техническая поддержка: В. И. Изъюров

Фонд «Русские Витязи»

Тел.: 8 (985) 108-81-46, 8 (495) 644-17-32

E-mail: fsaRK@yandex.ru

www.knights.ru

Формат 70 x 100 1/8

Печать офсетная

Тираж 1200 экз. Объём издания 48 печ. л.

Отпечатано в России